

Джеймс Поттер

И ПРОКЛЯТИЕ
ПРИВРАТНИКА

ДЖ. НОРМАН ЛИППЕРТ

Основано на персонажах и мире Джоан Роулинг

Annotation

С началом второго года обучения в Хогвартсе Джеймс задается вопросом: а можно ли доверять новому директору? Выяснить ответ придется как можно скорее, ведь в мир проникло очередное зло, древнее, как сами основатели школы чародейства и волшебства, и будущее человечества зависит от человека, в чьей преданности Джеймс сомневается. В этой книге старший сын Гарри Поттера столкнется с испытаниями, которые разбудят его глубинные страхи... и тайные мечты.

-
-
-
- [ПРОЛОГ](#)
- [Глава 1. Что–то кончается, что–то начинается](#)
- [Глава 2. Борли](#)
- [Глава 3. Распределение](#)
- [Глава 4. Испытание золотым шнуром](#)
- [Глава 5. Альбус и метла](#)
- [Глава 6. Король кошек](#)
- [Глава 7. Амсера Церф](#)
- [Глава 8. Прослушивания](#)
- [Глава 9. Владычица озера](#)
- [Глава 10. Сигнальный камень](#)
- [Глава 11. Круг Девяти](#)
- [Глава 12. Вопросы доверия](#)
- [Глава 13. Рождество в Хогвартсе](#)
- [Глава 14. Артис Децерто](#)
- [Глава 15. Прочь из Хогсмида](#)
- [Глава 16. Неожиданные столкновения](#)
- [Глава 17. Наследник](#)
- [Глава 18. Триумвират](#)
- [Глава 19. Жертвоприношение](#)

- [Глава 20. Долгая дорога домой](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Основано на персонажах и мире Джоан Роулинг

Дорогой читатель,

Несколько слов перед тем, как мы начнем. Надеюсь, ты не против. Я просто хочу объяснить, для кого написана эта история.

Если ты всегда пишешь термины вроде «Чертохолопного Головосека» с прописной буквы, тогда эта книга, возможно, не привлечет твое внимание.

Если ты помнишь, сколько пуговиц было на парадной мантии профессора МакГонагалл и какого они были цвета (шесть, черепахового), если ты так же сильно волнуешься во время матча по квиддичу, как сами игроки, то эта книга явно не для тебя.

Если ты относишься к наиболее очаровательным и внимательным поклонникам поттерианы, которые убеждены в исключительной важности канонов вселенной Гарри Поттера (вплоть до мельчайших деталей!) и не приемлют любого отступления от них, то эта книга абсолютно точно не стоит твоего внимания.

Но если же ты просто любишь историю о Мальчике-Который-

Выжил вместе с ее персонажами и был немало расстроен, когда она подошла к концу – милости просим! Если тебя привлекают приключения в компании – присоединяйся к нам. Если ты предпочитаешь борьбу со злом склокам друг с другом, тогда мы легко найдем общий язык. В общем, если ты считаешь, что история хороша в первую очередь сама по себе, тогда эта книга определенно должна заинтересовать тебя. Переворачивай страницу и присоединяйся к нам в нескончаемом путешествии! Надеюсь, ты отлично проведешь время.

А также для тех, кто спорит о том, какой же из Дамблдоров лучше. Думаю, книга понравится и вам.

Примечание: книга является продолжением первой части "Джеймс Поттер и Зал Пересечения Старейших". Но вообще, мой дорогой читатель, эта история может быть и самостоятельной книгой о приключениях молодого волшебника, достаточно лишь капельки твоего воображения.

~ Джордж Норман Липперт

ВНИМАНИЕ:

Перевод осуществляется специально для [официальной группы](#) серии книг "Джеймс Поттер и Пересечение Старейших" на русском языке на сайте notabenoid.com.

Огромное спасибо создателю проекта **Leo_is** и нашим переводчикам:

GothyNothy, Vukisa, nastyavs, DarlingPomfrey, Katerina_Rina, aveiro791, mariocca, joltius, yljka, gtyfkgyfk, dumbledoore, LerriGrow, Ginger_Nag, Anatol_ и **spnfun**.

Отдельная благодарность пользователю **Alex_ander** за перевод песни Распределяющей шляпы.

Запрещено копировать и/или выдавать перевод за свой.

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

ПРОЛОГ

Крупные капли дождя стучали по мостовой настолько сильно, что прибиваемая к дороге пыль поднималась грязными облачками, образуя непроглядный туман. Человек небольшого роста стоял на углу под единственным работающим фонарем и изучал улицу.

Заброшенные многоквартирные дома выстроились вдоль одной стороны улицы, мрачные и нескладные, словом, настоящие развалюхи. По другую сторону решетчатого забора возвышалась жуткого вида фабрика. Таблички и вывески на заборе устрашающе скрипели, покачиваясь от порывов ветра. Единственный автомобиль, припаркованный к обочине, судя по виду, стоял здесь так долго, что уже стал частью местного пейзажа.

Человек оглянулся назад, на ту оживленную улицу, откуда пришел, и шумно прочистил горло. Он вытащил руку из кармана с зажатым в ней кусочком пергамента и поднес к свету фонаря. Он прочитал написанное уже в десятый раз, но ничего кроме названия улицы на пергаменте не было. Мужчина явно был недоволен.

Он уже собирался убрать пергамент обратно, когда слова начали исчезать под каплями дождя. Человечек непонимающе моргнул, вглядываясь в пергамент. Постепенно стали появляться новые буквы, складываясь в слова, будто их писала невидимая рука... Это был адрес.

Человечек, нахмурившись, взглянул на пергамент, а затем сунул его обратно в карман. Посмотрев в сторону ближайшего заброшенного дома, он направился вдоль улицы. Перед тем, как выйти из-под теплого света фонаря в безмолвную темноту, где был слышен лишь шум ливня, человечек тяжело вздохнул.

Большинство людей, видевшие его, не знали, кто он такой. Думали, просто карлик, на самом деле, это был гоблин. Его звали Форж^[1], и он ненавидел пребывание в человеческом мире. Практически никто не замечал его маленького роста и необычного лица. Он носил сапоги на десятисантиметровых каблуках и накладывал на себя чары изменения внешности, поэтому прохожие видели в нем лишь сутулого старика с нахмуренными бровями. Он не любил людей. Они были грязные,

ворчливые и постоянно ругались. Форж любил свой мир, аккуратный, организованный, без лишнего шума. Дело было не столько в том, что Форжу не нравился мир людей (он был рад, что человечество имеет собственный мир, где может жить), сколько в том, что гоблин иногда был вынужден наведываться сюда.

Он уже почти решил никуда не идти сегодня вечером. Что-то было не так с его нынешним заданием. Учитывая уникальные навыки, которыми обладал Форж, не было ничего необычного в том, что клиент не назвал ему своего имени, но все же он привык к соблюдению некоторых правил этикета, а не просто присланной записке с цифрой. Впрочем, Форжу было прекрасно известно, что означает этот номер. Это была сумма, предлагаемая за его услуги, и, надо признать, она впечатляла. Впечатляла достаточно, чтобы заставить Форжа покинуть свою мастерскую и, несмотря на тревожное чувство, направиться по таинственному адресу, указывавшему на этот полузаброшенный участок человеческих земель. В конце концов, Форж был гоблином.

Он остановился и уставился на номер дома, расположенного рядом с ним, посмотрел через улицу и нахмурился. Заводской забор закончился полукварталом ранее. С той стороны был только пустырь, поросший сорняками и замусоренный. Кем-то брошенный грузовик пьяно скособочился на краю, занесенный грязью и поросший высокой травой. Деревянный знак в центре участка каким-то чудом не падал, выцветшие буквы на нем гласили: «Здесь построят кондоминиумы и оздоровительные комплексы будущего». Форж извлек из кармана кулак с зажатой в нем запиской и раскрыл ее. Адрес пропал с пергамента. На его месте появилось слово:

Повернись.

Форж уперся кулаком в бок. Он смотрел на пустырь, поджав губы. Может они хотят, чтобы он ушел? Часть его надеялась на это, но он сомневался. Он медленно повернулся на месте, стоя в центре безлюдной улицы, глядя на темную массу зданий. Разбитые окна пялились на него как глазницы черепов. Порывистый ветер трепал шторы в одном из них, заставляя их развеваться. Форж вздохнул и снова посмотрел на пергамент:

Иди. Спиной вперед.

– Что ж, – пробормотал Форж себе под нос. – Назвался груздем,

полезай в кузов.

Он начал пятиться, осторожно переставляя ботинки так, чтобы не споткнуться о бордюры или кучу гниющего мусора, осторожно сошел с тротуара и пошел дальше, путаясь в зарослях сорняков на пустыре. Тропинка оказалась шире, чем он ожидал. В очередной раз шагнув назад, он натолкнулся на твердый, гладкий камень. Форж посмотрел вниз. Под его ботинками были стертые, аккуратно уложенные каменные плиты, а не грубые цементные плитки тротуара. Он снова огляделся и со свистом втянул в себя воздух.

Две чудовищные фигуры уставились на него. То были горгульи, восседавшие на вершинах каменных колонн. Капли дождя стекали с ужасных лиц. Между колоннами находились кованые ворота. Едва Форж взглянул на них, ворота с оглушительным грохотом захлопнулись, заперев его внутри. Развернувшись на месте, – его сердце бешено колотилось – он увидел, что кованая ограда высотой два метра с острыми шипами наверху окружает весь участок. Под ногами больше не было никакого мусора. Там был газон, тщательно подстриженный, все травинки были угрожающе острыми и при этом одинаковой длины. Дождь кристаллами рассыпался по траве. Там, где прежде был брошенный грузовик, стояла длинная черная карета, безукоризненно блестящая, покрытая завитками в готическом стиле. Упряжь для лошади отсутствовала. Вздрогнув, Форж посмотрел в центр пустыря.

На месте покосившегося знака стоял дом. Небольшой, но почти неестественно высокий. Казалось, что закрытые ставнями окна достигали шести метров в высоту, а выступающая вперед крыша мансарды напоминала нависшего стервятника. Колонны обрамляли дверь, выкрашенную в черный цвет, в центре которой висел огромный латунный дверной молоток. Форж сглотнул, выпрямился и подошел к двери.

Поднявшись по ступенькам, он увидел, что дверной молоток выполнен в виде свернувшейся змеи со сверкающими изумрудными глазками, но его это совсем не удивило.

– Принес пергамент? – прошипела змея.

– Лучше тебе поверить в это. Открой дверь, пока я не умер под дождем.

– Покаж–ж–жи.

– Я проделал этот путь не ради того, чтобы спорить с куском заколдованного металла. Открой эту чертову дверь и доложи хозяину о моем прибытии.

Змея слегка приподняла голову и свысока смотрела на Форжа. Глаза сверкали зеленым, язык дрожал.

– Покаж–ж–жи пергамент.

Форж взглянул на змеиную голову. Та слегка покачивалась, рассекая воздух языком. Отец Форжа был кузнецом, и он знал, как устроены волшебные орнаменты. Тем не менее, что–то в этой покачивающейся латунной головке и дрожащем золотом языке тревожило его. Он сунул руку в карман пальто и достал пергамент.

– Вот. Видишь? – он старался унять дрожь в голосе. – Теперь открой дверь.

Змея вытянулась в направлении пергамента, который держал Форж. Затем приподнялась и плюнула зеленым огнем. Форж отдернул руку и вскрикнул, глядя, как пламя пожирает пергамент в воздухе. Глаза змеи засверкали ярче: она еще больше вытянулась, приблизившись к лицу Форжа. Тот и не подозревал, что такое возможно, но скульптура, казалось, усмехнулась.

– Прош–ш–шу, – прошелестела она. Щелкнул замок, и дверь тяжело распахнулась.

Форж медленно вошел, оглядываясь по сторонам. Он оказался в длинном коридоре, который был устлан богатым, но весьма потертым красным ковром. По обе стороны находились толстые, отполированные до зеркального блеска черные двери. Все, кроме той, что находилась в дальнем конце, были заперты. Доносившиеся голоса отдавались эхом, так что Форж не мог их разобрать. Он открыл рот, чтобы объявить о прибытии, как вдруг дверь за ним захлопнулась. Испуганный, он уставился на нее широко распахнутыми глазами, а затем вновь прислушался. Голоса продолжали говорить. Хозяева дома, должно быть, слышали, как хлопнула дверь, следовательно, знали о его приходе. Вода по–прежнему капала с пальто Форжа, когда он бесшумно двинулся по коридору по направлению к открытой двери и голосам.

За дверью была видна еще одна темная комната. С одной стороны стояла скамейка, с другой – длинное зеркало в богато украшенной раме. За второй открытой дверью виднелось третье помещение. Форжу

показалось, что оно похоже на библиотеку. Свет, падающий от камина, мерцал на стенах, заставляя тени двигаться. Голоса стали отчетливей.

– Пока не ясно, – послышался скрипучий женский голос. – Мы еще довольно далеко, милорд. Невозможно быть уверенными.

– Прошу, не говорите так, – ответил мужской голос. – «Невозможно» – такое... окончательное слово. Может, вам стоит быть внимательнее, мадам.

– Да, – торопливо ответила женщина. – Я ошиблась, милорд. Позвольте взглянуть еще раз.

Послышался шорох, когда кто-то зашевелился в большом кресле. еще один мужской голос нетерпеливо произнес:

– Просто скажи, что ты видишь, женщина. Мы сами решим, что это.

Женщина застонала то ли от страха, то ли от напряжения.

– Три фигуры... маленькие. Хотя... нет, не маленькие. Юные. Один повыше, другой светловолосый. Они... там какой-то шум. Драка.

Форж слушал, не зная, что ему делать. Он оглядел темную прихожую и около двери заметил вешалку. Затем снял пальто и повесил его. Стекавшая вода застучала по деревянному полу. Видимо, ему придется ждать, пока не закончится разговор. Он подошел к скамейке, но не сел. В зеркале напротив Форж мог видеть отражение библиотеки. Три больших кресла были повернуты к камину. Он видел лишь спинки.

– Есть еще одна фигура, – прохрипел женский голос. – Худая и высокая. Дух, если я правильно прочитала знаки. Мальчики борются с ним. Вижу... вижу оседающее облако золы. Боюсь, я упустила видение.

– Дай посмотреть, – потребовал нетерпеливый голос.

– Тише, Грегор. Прорицание не самая сильная твоя сторона, – вкрадчиво произнес первый голос. – Позволь женщине показать свой дар.

Форж видел в отражении, как рука поползла по ручке одного из кресел. Очень белая, с большим черным кольцом. Тень женщины зашевелилась на стене библиотеки. Форж узнал ведьмовской колпак и характерную сутулость. Она склонилась над хрустальным шаром.

– Нет... – выдохнула ведьма, снова сосредоточившись на своей работе. – Это не туман расстояния или Запутывающее Заклятие. Здесь что-то еще. Что-то надвигается. Что-то... появляется.

Повисла напряженная тишина. Форж чувствовал это и знал, что мужчины слушают очень внимательно.

– Сражение окончено... – нараспев сказала ведьма, полностью погрузившись в предвидение. – Появился призрак... он помогает духу... а, может быть, наоборот. Слишком много помех. Снова опустился туман. Он формирует... создает...

Неожиданно ведьма ахнула. Форж видел, как ее тень откинулась назад, хлопнув в ладоши. Послышался грохот, как будто что-то упало.

– Продолжай! – закричал нетерпеливый голос Грегора. – Смотри и рассказывай.

– Хватит, – игриво произнес второй голос. В нем слышалась улыбка. – Грегор, оставь бедную женщину в покое. Очевидно, она увидела то, что сильно расстроило ее.

Ведьма тяжело дышала. Как вдруг раздался еще один странный, ужасающий голос. Высокий, тонкий, холодный, как будто бесплотный. Форж не мог разобрать слов, но голос казался ликующим. Остатки волос на затылке Форжа встали дыбом.

– Что ты видела? – требовал Грегор, игнорируя тонкий бормочущий голос. – Что это было?

– Не будем утомлять бедную женщину, – раздался первый голос. – Она отлично выполнила свою работу. И теперь получит оплату, как и договаривались. Благодарю, мадам.

– Там был человек, – ведьма задыхалась, ее голос дрожал. – Но потом...

– Да, спасибо, – успокаивающе проговорил голос. – Полагаю, мы услышали достаточно. Грегор, будь так добр, покажи нашей гостье...

– Ужасный, – завопила она, громко рыдая. Форж видел, как тень ведьмы стала падать, как другая фигура, толстяка, вскочила, чтобы подхватить ее.

– Да, – первый голос не обращал на нее внимания. – Он был ужасен, тот человек. Спасибо.

– Нет! – закричала ведьма. Форж видел, как ее тень рванула вперед, отстраняясь от тени Грегора. – Не человек! Он был ужасный, но потом...

Повисла пауза, когда ведьма снова согнулась. Белая рука, лежащая на ручке кресла, слегка порозовела. Черное кольцо блеснуло при свете камина.

– А потом?

Колдунья вздрогнула.

– Что-то еще... проникло... это был...

Казалось, она не в состоянии продолжить. Белая рука на подлокотнике оставалась спокойной, замерев, как будто в жесте благословения. Свет от камина дрожал. Жуткий потусторонний голос тихонько бормотал что-то.

– Дым, – наконец произнесла ведьма высоким голосом, почти фальцетом. Она говорила, как ребенок. – Черный огонь. Пепел и... и... глаза... и ничего. Ничего не осталось.

Наступила пауза, белая рука сжалась в кулак.

– Хорошо, – небрежно сказал первый голос. – Это немного меняет дело. Возможно, вы хотите, чтобы вам заплатили здесь и сейчас, мадам. Сегодня вечером. Лемуэль, пожалуйста, проводи нашу гостью... хм ... понятно, куда, ладно? Уверен, ты найдешь подходящее место, чтобы заплатить ей.

Тени задвигались. До сих пор невидимая фигура поднялась и отвела ведьму от очага. Форжа накрыл внезапный приступ паники, когда он подумал, что они пойдут в прихожую и обнаружат его присутствие, но затем вспомнил, что он здесь по приглашению. Они ждали его. У гоблина промелькнула мысль, не прокрасться ли обратно. Хорошую там предлагали цену или нет, но эти ребята явно затеяли что-то скверное, и с ними лучше связываться. К облегчению Форжа, Лемюэль вывел каргу через дверь в противоположной стороне библиотеки. Движения Лемюэля напоминали движения хорошо обученного слуги, и он был явно старше, нежели Форж представлял себе. Старуху шатало, ее глаза были серыми и пустыми. Никто из них не обратил на Форжа ни малейшего внимания.

– Тогда это действительно случилось, – сказал Грегор, когда дверь за ними закрылась. – Мерлин вернулся. Наш план сработал.

– План еще далеко не готов, но да, к этому событию, все пойдет, как ожидается. Женщина Делакура будет устранена. Мальчишка Поттер будет подавлен, узнав, что являлся лишь инструментом для достижения наших целей. А Мерлин Амвросий снова обрушится на этот мир. Но, Грегор, глупо называть это моим планом. Ты ведь знаешь, кто замыслил все это. Я не хочу присваивать себе работу Темного Лорда.

Грегор проигнорировал упрек.

– Как мы можем быть уверены, что Мерлин станет одним из нас?

– Мы не можем. Преданность Мерлина не принадлежит никому, кроме него самого. Вот почему Темный Лорд никогда не интересовался подобным союзом, пока был жив. Мерлин далеко не подарочек, как ты знаешь.

Форж услышал, как Грегор поерзал в своем кресле.

– Не все верят в эти сказки, – тихо сказал он.

– Только дураки сомневаются в существовании иных миров. Даже маглы верят в рай и ад. Нас касается лишь одно: Темный Лорд верил в них. Если бы он не пал, мы бы никогда не прибегли к этому. Но даже он видел достоинства хранилища.

– Да – повторил Грегор. – Хранилище. Наследник.

– Нет, – тихо сказал первый голос. – Наследник не готов. Неизвестно, кто это. Его сила нераскрыта, разделена и неотчетлива. Кровное родство не было значимо в руках смерти, хоть Темный Лорд и был его творцом. Оно должно быть... усовершенствовано.

– И все это сделает Пришелец из Иного Мира?

– Помимо прочего.

Грегор театрально вздохнул.

– Несмотря на это, верные люди разобщены. Часть сидит в Азкабанах. Часть – мертвы. Пес Флетчер под наблюдением у Министерства. С помощью заклинания Обезьяз его удалось заткнуть, так что его личность до сих пор не раскрыта, но если заговор раскроется, ниточка приведет к нему. Поттер сразу вспомнит, что он состоял в Орденах. Они сумеют связать все воедино. Сакарину и Рекреанта посадят первыми, но ты будешь следующим. К тому же ты был там с ними, в той пещере с тронном. Ты наложил на них заклятие. Флетчер предаст тебя.

– У Флетчера нет ничего, что могло бы навести Министерство на нас, – прошелестел шелковый голос. – Как все прочие слабые правительства, они слишком очарованы своими идеалами справедливости, чтобы суметь справиться с действительно коварным врагом. Поттер будет следить за нами везде, где возможно, но это максимум. Оставим его. Он уверен, что битва завершена. Он видел, как Темный Лорд пал от его собственной вороватой руки. И, позвольте мне

шокировать вас, мой друг? Возможно, это и к лучшему. Ведь семя должно умереть для того, чтобы из него пророс цветок. Возможно, даже к лучшему, что нашего Повелителя поверг трус Гарри Поттер. Он и его союзники много лет наслаждались чувством ложной безопасности. Они уверены, что мы – такие же трусы, как и они, что мы не осмелимся восстать снова, с удвоенной силой наших сердец, сильнее, чем когда-либо. И давайте не будем забывать легенду, Грегор.

Может быть, мы и в самом деле инструменты в руках великого предка. Может быть, наша задача – замкнуть круг древней мести; круг, начало которому было положено тысячи лет назад. Мой друг, смею предположить, что план, приведенный в действие благодаря смерти Темного Лорда, может оказаться грандиозней первоначального замысла. Учитывая обнаруженное нами, уверен, он согласится со мной.

Тень Грегора подалась вперед:

– Уверен, мой друг?

– Называй это обоснованным предположением. В конце концов, я был одним из его самых близких и верных слуг. Тебе, как и мне, знакомы... трудности, с которыми мы столкнулись. В данный момент.

Послышался звон: Грегор потянулся за бокалом вина.

– Возможно, нам не стоит больше ничего говорить при госте.

– Ах, да, – ответил бархатный голос. – Как несказанно грубо с моей стороны говорить так, будто его здесь нет. Мистер Форж, присоединитесь к нам?

Форж подпрыгнул. Увлечшись беседой, он совсем забыл, что они ждали его. Он заглянул в библиотеку: свет от камина мерцал по краям кресел.

– Благодарю, мистер Форж, – беззаботно заговорил бархатный голос. Белая рука поманила его. Два из трех кресел стали разворачиваться: они двигались бесшумно, как на колесиках. Форж заметил, как они парят над полом. – Скажи мне, друг гоблин, ты когда-нибудь слышал о «Транзитус Нигило»?

– Нет, сэр, – быстро ответил Форж, радуясь, что не выдал голосом свое волнение. – Я простой ремесленник. И ничего не знаю об этом. Вообще-то, держу пари, я забуду все сказанное вами, когда отойду на 50 шагов от этого дома.

Кресла перестали вращаться, и Форж увидел сидящих в них

мужчин. Слева был мужчина в возрасте с длинными платиновыми волосами и красивым лицом. Он обезоруживающе улыбался, как бы приглашая Форжа посмеяться над шуткой. Сидевший справа, Грегор, был толстым и краснощеким. Снисходительное выражение его лица говорило о том, этот чистокровка привык к праздной жизни.

– Не бойся, мой друг, – произнес бледный человек. – Мы жаждем твоей помощи гораздо больше, чем крови. Позволь просветить тебя. Транзитус Нигило – место пересечения. Это Пустота между этим и следующим миром. Скажи, ты ведь веришь в следующий мир?

– Я поверю во все, что вы скажете, если в итоге выйду за ваши двери таким же, как и зашел, а не по частям, господин.

Человек рассмеялся.

– Вот за что я люблю гоблинов, Грегор. Они на редкость откровенны, – он вновь повернулся к Форжу. – Я скажу тебе кое-что еще, а ты сам решай, верить ли этому, мой друг. Наши предки считали: в мире есть нечто большее, чем то, что мы видим и ощущаем. Они верили в существование невидимых созданий, более могущественных, чем мы, бессмертных и бесчеловечных. Они населяют не только в потусторонние миры, но небытие между ними.

Они говорили с ними. Не буду утомлять вас именами: их сотни. Но только одно существо заинтересовало честолюбивых людей. Порой его зовут Привратником или Существом Дыма и Пепла. Он не пытается проникнуть в наш мир, потому что не знает о нас. Сотканный из Пустоты, он наша полная противоположность, а значит, не подозревает ни о нашем существовании, ни о существовании других. Это связано с абсолютным неведением. А это ведь хорошо, как думаете, мистер Форж?

Гоблин неподвижно стоял, уставившись в блестящие глаза мужчины. Он кивнул.

– Конечно, ты согласен. Ведь существо, обладающее такой чистой бесчеловечностью, такой безумной властью, стоит ему только снизойти до нас, станет настоящим Разрушителем, верно? Хотя, это даже хорошо, что он где-то там... а мы здесь. Маленькие дети, отправляясь вечером спать, знают истину: в нашем мире скрывается много плохих существ, но не самых ужасных. Они не знают о нас.

– И все же, – мужчина на мгновение отвернулся, его глаза сузились,

– что если он узнает о нашем существовании? В конце концов, мы постоянно попадаем в место пересечения, разве нет? Когда мы умираем, о да, мы проходим через него. Но когда мы колдуем, когда трансгрессируем, разве мы не попадаем на мгновение в Пустоту? К счастью, Привратник живет вне времени и не замечает нашего кратковременного присутствия. Но что если кто-то нарушит правила, совсем чуть-чуть? Что если кто-то, весьма могущественный, выйдет за пределы времени в Пустоту? Что если кто-то задержится там достаточно надолго, и Привратник обнаружит его?

Гоблин практически не обращал внимания на говорившего. Его больше заботила необходимость делать все, для того чтобы покинуть этот дом живым. Как вдруг он вспомнил слова ведьмы:

«Черный огонь. Пепел... глаза... и ничего. Ничего не осталось».

– Что вы сделали? – тихо спросил Форж.

– Я? – в ответ бледный человек поднял брови. – Ничего. Просто коротаю время. Это Грегор верит в подобные фантастические истории. Они его забавляют.

Закатив глаза, Грегор хмыкнул. Вновь раздался жуткий утробный голос. Казалось, он исходит из кресла, все еще повернутого к камину. Форж чувствовал, как натянулась кожа у него на черепе. Голос был безумен. Он леденил кровь.

– Но приступим к делу, так сказать, – продолжил бледный человек.
– Мистер Форж, мы нуждаемся в ваших услугах. Мы полагаем, вы эксперт в... гм... реставрации. Верно сказано?

Форж пошевелился.

– Я простой ремесленник, сэр...

– Вы искусный лжец, – резко произнес бледный человек. Его голос стал холоден, как лед. – Скажите, что это так. Не хотелось бы думать, что я напрасно вас вызвал.

– Д-да, сэр, – быстро ответил Форж, стараясь не дрожать.

– Превосходно, – беззаботно ответил бледный человек, устраиваясь в кресле поудобней. – Как я понимаю, ваши знания распространяются и на реставрацию портретов. Также верно? Не лгите мне, мистер Форж. Я пойму.

Форж сглотнул и взглянул на Грегора. Казалось, тот не обращает никакого внимания. Он лениво разглядывал вино в бокале, который

слегка раскачивал.

– Я... да, – ответил Форж. – Конечно, это займет больше времени. Ведь речь не просто о замене краски. Для каждого цвета необходимо подходящее зелье. Мелкие детали следует зачистить и нанести заново для создания композиции... деликатная работа, в которой я достиг определенного успеха.

– Очень увлекательно, – голубые глаза бледного мужчины впились в гоблина. «Он сумасшедший, – подумал Форж. – Абсолютно ненормальный. Интересно, второй знает об этом. Полагаю, они оба ненормальные, но по-разному».

Бледный человек встал.

– У нас есть для вас работа, мистер Форж. Боюсь, довольно сложная, однако, полагаю, гоблин со столь очевидными навыками воспримет ее как достойный вызов. Как видите, это бесценная семейная реликвия. Долгое время мы считали ее утерянной. Забавно, как все оборачивается, когда ты в чем-то очень нуждаешься. Ее ужасно повредили... хм... вандалы. Но если вы чем-то сможете нам помочь, мы будем безмерно... благодарны.

Когда бледный мужчина стал разворачивать кресло, стоявшее посередине, голос вновь что-то забормотал. Неожиданно, Форж понял, что совсем не хочет знать, что там. Ему хотелось сбежать или хотя бы отвести глаза. Но он знал: если он так сделает, его убьют. Он смотрел и слушал, и когда кресло было повернуто, голос стал разборчивым.

– Покаж-ж-жите мне его, – прохрипел ужасный, тонкий, прерывистый голос. – Покаж-ж-жите.

Раздался смех, высокий, абсолютно безумный, отрывистый. Портрет был небольшой. Почти полностью уничтоженный. Уцелели лишь отдельные части: уголок рта, два пальца худой, бледной руки, сверкающий красный глаз. Портрет был изрезан. На задней панели рамы виднелись десятки глубоких выбоин и проколов.

– Зас-с-ставь его починить меня... – закричал портрет. Голос у него был высокий, как у насекомого. – С-с-сделай это, Люциус-с-с! Зас-с-ставь его починить меня...

– Это честь для него, – бледный человек улыбнулся, глядя на Форжа влажными, блестящими глазами.

– М-милорд? – Грегор явно был шокирован тем, что портрет

заговорил так четко. – Вы спаслись! Но мы думали...

– Не важ-ж-жно, – вопил портрет Волдеморта. – Привратник с-с-скоро явитс-с-ся. Дело наших предков в наш-ш-ших руках. Мес-с-сть!

Казалось, Грегор пришел в недоумение от внезапного развития событий.

– Но... как мы найдем его, милорд?

– Не мы-ы-ы... – прошипел портрет. От звука его прерывистого голоса заколыхались остатки холста. Форж смертельно боялся этого ужасного предмета, боялся работы, которую ему придется выполнить. Но еще больше он боялся того, что сейчас услышит.

Портрет глубоко вздохнул и на выдохе закончил:

– Он найдет нас-с-с...

Глава 1. Что–то кончается, что–то начинается

– Ну же, Джеймс, – Альбус запрыгал от нетерпения. – Дай мне попробовать. Никто не узнает!

– Ты знаешь, я не могу, соплохвост этакий, – спокойно ответил Джеймс, перекидывая ногу через свою «Молниеносную». – Ты несовершеннолетний. И будешь учиться этому в школе, как и все остальные.

Он наклонился вперед, и метла резко взлетела над садом.

– Просто ты хочешь, чтобы я выглядел на метле так же глупо, как и ты на первом курсе, – Альбус бежал за братом. – Не сработает! У меня все будет прекрасно! Буду кругами летать вокруг тебя, вот увидишь!

Джеймс улыбался, чувствуя, как ветер треплет волосы. Он приблизился и накренился, кружась над Альбусом. Тот, нахмурившись, остановился и увернулся, когда Джеймс, пролетая мимо, пытался взьерошить волосы младшего брата.

Джеймс крепче ухватился за метлу и зашел в штопор, устремляясь к голубому куполу неба. Внизу под ним лениво раскинулась Нора, отбрасывая тень на сад и близлежащие лужайки. Джеймс глубоко втянул в себя воздух, а затем резко направил метлу к земле, практикуясь в резком торможении. Он понимал, что нехорошо хвастаться перед братом, но очень уж гордился своими возросшими навыками. Отец тренировал его все лето, так что теперь Джеймс питал робкую надежду попасть в команду в этом году.

– Наконец–то, Поттер, – заговорил Тед, размахивая перед Джеймсом своим стареньким, но еще хорошим «Нимбусом – 2000». Играть «три на три» сложно даже с опытными игроками. Тебе придется быть и загонщиком, и ловцом. Следи за Анджелиной. Она может казаться нежной, как цветок, пока не заставит тебя влететь в дерево. Джордж – одновременно загонщик и вратарь, так что он будет весьма занят, но его бладжер настигнет тебя, если не будешь внимателен. Но, самое главное, не своди с глаз с...

Что–то зеленое с красным просвистело между Тедом и Джеймсом, отчего те разлетелись в разные стороны. Джеймс ухватился за метлу и, выровняв ее, попытался понять, что это было. Его мама резко

развернулась, чтобы остановиться, и, широко улыбаясь, спокойно парила над ним: щеки у нее покраснелись, волосы убраны в аккуратный конский хвост. На ней была мантия «Холихедских Гарпий».

– Что думаешь, Джеймс? Все еще впору.

Джеймс услышал одобрителный свист. Он обернулся и увидел отца: тот улыбался Джинни, направляя метлу на высоту десяти метров.

– Пап! Мам! – упрекнул Джеймс, подавляя смешку. – Прекратите! Не позорьтесь!

Джинни сдула с лица растрепавшиеся волосы.

– Тебе следует быть внимательней, дорогой. Может, я и твоя мама, но это не помешает мне столкнуть тебя при попытке поймать снитч. –

Улыбнувшись ему, она развернула метлу и улетела на другой конец поля.

– Она это не всерьез? – Джеймс повернулся к Теду.

– Надейся, что нет, – ответил Тед, глядя, как улетает Джинни. – Я уже играл против нее, и склонен думать так: твоя единственная надежда в том, что она не отправит бладжер в затылок сына.

– Ты мне очень помог, – сказал Джеймс, но Тед уже улетел на свою позицию.

– Скинь Джеймса с метлы, мам! – закричал снизу Альбус. Взглянув вниз, Джеймс увидел, что тот стоит на краю сада. А рядом на огромном клетчатом одеяле, улыбаясь и щурясь на солнце, сидят Лили, Роуз и Хьюго. Сыновья–близнецы Чарли, Гарольд и Джулс, забрались на старый узловатый дуб рядом с сараем.

Роуз ткнула Лили локтем:

– Давай, тетя Джинни! Сбей его в полете! Ты всегда сможешь завести еще одного ребенка! С хорошими манерами и не такими вонючими ногами!

– Я все слышал, – отозвался Джеймс.

– Надеюсь на это, – чопорно ответила Роуз, уперев кулаки в бока и кокетливо улыбаясь. Лили захихикала.

– Достаточно, Роуз, – сделала замечание тетя Гермиона, лежавшая в шезлонге на краю сада.

– Я бы играл в твоей команде, Гарри, если бы мог, – прокричал Рон, сидевший рядом с ней. – Но игра «три на три» – традиция. Может, кто-нибудь получит травму, не сможет играть, и я смогу его заменить, а?

Гермиона сердито посмотрела на него.

– Что? Человек может надеяться, разве нет? – запротестовал Рон и снова посмотрел на Гарри. – Похоже, придется провести полноценный турнир в следующем году!

Гарри кивнул:

– Никто не шутил, когда заявлял, что хочет столько детей, чтобы хватило на команду по квиддичу, так? – ответил он.

Чарли стоял в центре поля, под игроками. Одной ногой он опирался на старый, грязный чемодан для мячей. В правой руке он держал квоффл, пожелтевший от времени, весь в пятнах от травы.

– Ежегодный матч по квиддичу семейства Уизли начался! – улыбаясь, закричал он. – Я хочу видеть нечестную игру: множество захвостов^[2], огромное количество выбиваний^[3] и хороших забалтов^[4]. Любого, кто к концу матча не будет в крови, признают непригодным для Уизли, и он будет вынужден примкнуть к Поттерам. Поняли?

– Эй, веснушка, бросай квоффл или сам садись на метлу! – заорал Гарри, вызвав взрыв смеха и свиста. Чарли криво усмехнулся.

– Мяч в игре! – прокричал он, подбрасывая квоффл и убирая ногу с чемодана. Чемодан распахнулся, и остальные мячи взлетели в воздух.

Джеймс сглотнул, схватил метлу и ринулся вверх.

Формально, этот матч не был для Джеймса первым. Этим летом ему довелось несколько раз сыграть со всеми, кто попадался под руку. Конечно, чаще играли «двое на двое», иногда с использованием «игроков–призраков», которых Тед выпускал из небольшой коробочки, купленной у Джорджа. Судя по всему, это была тестовая версия, оставшаяся еще от «Всевозможных Волшебных Вредилок». Как только деревянная крышка распахивалась, из-под нее появлялось четверо боггартов, каждый из которых выглядел как один из знаменитых давно скончавшихся игроков в квиддич. Они выглядели очень убедительно, несмотря на некоторую прозрачность. Проблема состояла в том, что боггарты не имели никакого представления о квиддиче, поэтому, хотя они и выглядели весьма внушительно, все их действия на поле сводились к хаотическим броскам туда–сюда, размахиваниям руками в воздухе и издаваниям свойственных призракам звуков. К тому же бладжеры с легкостью пролетали сквозь них.

Все же, пришел к выводу Джордж, они кое-что привносят в игру, когда не хватает игроков, верно?

Однако ни один из летних матчей не мог сравниться с этим. Мало того, что Уизли были ужасно азартными, так еще и игроки слишком хорошо знали друг друга. Иногда это давало преимущество, например, когда Джордж, уклонившись от бладжера, подбросил квоффл над головой, зная, что Анджелина летит сразу за ним, чтобы забросить мяч в кольцо. Но иногда в это заключался и ужасный недостаток, например, когда Джинни, предвидя излюбленный маневр Теда, выбила квоффл из его рук в тот самый момент, когда он собирался забивать гол.

Но, несмотря на спортивный азарт, все много смеялись и искренне подбадривали обе стороны. Джеймс понимал, что крайне слабо влияет на матч. Его главной задачей было удержаться на метле и не дать собственной матери выставить его полным дураком перед Роуз и остальными. К своему огромному удовольствию, он нанес несколько отличных ударов, направляя старые бладжеры в гущу сражения, которые порой попадали в цель. Один из них задел хвост метлы Джорджа, отчего тот резко и быстро закружился. Восстановив равновесие, он взглянул на Джеймса, одарив того широким зубастым оскалом.

– Посмотрите на Джеймса, – воззвал он к остальным игрокам. – Нанес предупреждающий удар по старой гвардии. Следующий прилетит мне в голову, а, Джеймс?

И он снова присоединился к игре.

Рон не мог удержаться: он скакал по краю поля, выкрикивая советы и предупреждения через сложенные рупором руки.

– Защита дракона! – яростно ревел он. – Защита дракона, Джордж на крыло. У Гарри слабая левая сторона после того столкновения с Анджелиной! Они не смогут обороняться! Джинни, ты смещаешься вправо! Почини хвост! Хвост! Спускайся и отдай мне метлу!

Альбус, стоявший рядом, кричал одновременно с ним, иногда отталкивая дядю обеими руками.

– Они задумали «побег из Ватерлоо», пап! Держитесь в линию и прочесывайте середину! Тед! Мама остановилась, чтобы починить хвост! Она открыта! Забудь, что она девчонка, и отправь в каменный век своим бладжером!

Гермиона перебралась на одеяло и теперь сидела рядом с Флер. Они демонстративно игнорировали матч, оживленно беседуя.

И вдруг Джеймс уловил золотую вспышку в солнечных лучах, мелькнувшую у пятого этажа «Норы». Он огляделся, открыв было рот, чтобы предупредить ловца, как вспомнил, что ловец – он. Его сердце бешено заколотилось, он рванул вперед, касаясь подбородком древка метлы. Он полетел, уклонившись от Анджелины и бешено вращающегося блаждера. Покосившиеся стены «Норы» приближались, окна подмигивали сверкающими кинжалами солнечного света, наполовину ослепляя его. И вот снова золотая вспышка, промелькнувшая сквозь стену берез на углу. Джеймс наклонился – «Молниеносная» отреагировала идеально, взяв вниз и вправо, нацеливаясь на снитч. Он подался вперед и, почти добравшись до конца метлы, потянулся к потускневшему золотому мячику.

Неожиданно снитч подскочил вверх, чуть выше вытянутой руки Джеймса. Он схватил воздух под ним, громко выругавшись, а затем нагнул голову, защищаясь от ветвей. Они задевали его, но он едва замечал это. Он так сильно наклонился, что едва не упал, затем развернул метлу, чтобы остановиться, и вытянул шею в поисках снитча. Заходящее солнце слепило глаза. Прищурившись, Джеймс увидел едва заметные очертания золотого мячика. Он висел в воздухе рядом с крышей «Норы», подпрыгивая в воздухе, как шмель. Вдруг темная фигура закрыла солнце. Джинни. Она тоже заметила снитч, а затем и Джеймса. Усмехнувшись, она обхватила метлу и устремилась вперед.

– Ну уж нет! – проворчал Джеймс. Он ринулся вперед, заставляя себя не сводить глаз со снитча и не следить за мамой. Снитч, казалось, почувствовал, что его преследуют. Он улизнул на поле, пролетая между игроками. Джеймс обхватил метлу: он хотел двигаться быстрее. Вдруг «Молниеносная» напомнила ему, что оборудована элементарными навыками чтения мыслей владельца. Она рванула вперед с большей скоростью, чем когда-либо ранее. Он проскочил под Тедом и отцом, который тоже заметил блеск пролетевшего снитча.

Джеймс слышал, как он хрипло подбадривает его. На метлу упала чья-то тень, и Джеймс не мог не посмотреть вверх. Его мама летела прямо над ним, направляясь к снитчу, ее мантия развевалась. Джеймс сделал первое, что пришло в голову. Внезапно он принял влево, в

сторону от снитча, все еще наклоняясь вперед, как будто хочет схватить его. Он мгновенно вернулся на правильный курс, ринувшись вперед на метле. Сработало! Он почувствовал движение: Джинни отклонилась влево, полагая, что Джеймс заметил, как снитч изменил направление. Она следила за ним, а не за мячом. В этот раз снитчу не ускользнуть от него. Он вытянулся вперед, занес над ним руку, подлетев ближе, и сжал ее. Крылья еще мгновение бились в его ладони, а потом замерли. Игра завершилась.

Джеймс торжественно повернулся на метле, держа снитч над головой. Вдалеке, позади него, Гарри и Тед замахали руками. Они кричали ему что-то. Через секунду Джеймс понял, что они вовсе не радовались. Они предупреждали его. Джеймс забыл остановить метлу. Пытаясь понять, куда направляется, он резко обернулся. Как раз в тот момент, когда узловатая яблоня, растущая на другом конце поля, угрожающе нависла над ним. У него перехватило дыхание, когда ветка скинула его с метлы: болезненное ощущение невесомости, а после удар о землю.

– Ооой, – застонал он. Послышался звук приближающихся шагов, и мгновение спустя мама опустилась на колени рядом с ним.

– Джеймс! Скажи, что ты цел! – скомандовала она. Рядом с ней показалась Лили, глаза у нее округлились.

– Он в порядке! – Тед, смеясь, приземлился неподалеку. – Он пролетел всего 2 метра. К тому же гнилые яблоки смягчили падение.

Джеймс сел и почувствовал липкую кашу от дюжины гнилых яблок, прилипших к спине. Он застонал и затряс головой, отряхивая кусочки яблок с волос.

– Ха, – фыркнула Лили. – Предупреди, когда в следующий раз будешь так делать, идиот!

Вдруг Джеймс вспомнил о снитче. Посмотрев на мяч, зажатый в руке, он показал его маме. На его лице появилась широкая улыбка.

Джинни криво улыбнулась ему:

– Красивая работа, сынок. Но не надейся дважды обыграть меня.

– Значит, мы победили? – спросил Джеймс, когда Джинни подала ему руку, помогая подняться.

– Я слышу, как Альбус и твой дядя ссорятся по этому поводу в данный момент, но, полагаю, что да.

Джеймс слышал, как где-то поблизости Рон и Альбус горячо обсуждают финальный счет.

– Отличный захват, Джеймс, – сказал Гарри, смахивая гнилое яблоко со спины сына. Они возвращались в «Нору».

– Ага, – радостно подтвердил Тед. – Отличное применение старой уловки и финта. Я был уверен, что твоя мама обойдет тебя, но ты превзошел ее, так?

– еще бы, – обернувшись, кисло ответил Джордж. Теперь он пятился, многозначительно глядя на Джинни. Метлу он закинул на плечо. – Вообще-то, если я правильно помню, кто-то из этой семьи и придумал этот маневр.

Джинни невинно смотрела на брата:

– Понятия не имею, о чем ты, Джордж.

– Нет? Хм. Если я правильно помню – а я помню правильно – комментаторы называли его «гамбит Джиневры». Забавно, ты проиграла из-за маневра, названного в твою честь. Очень подозрительно.

Джинни пожала плечами и улыбнулась. Джордж продолжал пятиться, прожигая ее глазами. Наконец, Анджелина подставила ему подножку.

– Джеймс, почему бы тебе не позвать твоего брата и кузенов на обед? – Гарри потрепал волосы сына. – Скоро вернется твой дедушка, и мы хотим, чтобы все собрались и сделали ему сюрприз.

– Посмотри, что ты натворил, пап, – Джеймс попытался пригладить волосы. – Теперь я выгляжу, как ты на старых фотографиях.

– Даже гнилое яблоко лучше, чем Гермионин гель для волос, – прокомментировал Тед. – Вам стоит сказать ей об этом. Рон говорил, она тратит на магловские зелья для волос денег больше, чем на продукты.

– Что? – пронзительно крикнула Гермиона, толкая Рона бедром. – Как ты мог!

Джеймс не стал ждать продолжения. Он бросил «Молниеносную» отцу и повернулся на голоса кузенов.

– Эй, вы все, пора ужинать, – позвал он, оказавшись в тени маленького каменного гаража семьи Уизли. Двери, как всегда, были широко распахнуты. Его окружил прохладный и хорошо знакомый запах грязного пола и пыльных полок. Он радостно вздохнул.

– Отличный бросок, Джеймс, – ответили близнецы Гарольд и Джулс почти в унисон.

– Спасибо.

– Жаль, что ты испортил его, вступив в близкие отношения с яблоней, – лениво болтая ногами, отозвалась со своего места Роуз. – Вот облом.

– Эй, – Джеймс проигнорировал замечание Роуз. – Это же машина Мерлина. Что она здесь делает?

Роуз опустила взгляд на капот машины, на которой сидела. Старенькая «Англия» была тщательно вымыта и наполовину покрашена, но одна фара по-прежнему криво свешивалась из гнезда.

– Она не мерлинова, тупица, – упрекнула Роуз. – Она дедушкина. Ты что, не помнишь историю о летающем фордике? Который взяли наши отцы, чтобы прокатиться, еще учась в школе? В итоге, они потеряли его в Запретном лесу. Мерлин только нашел его. А узнав, кому он принадлежал, вернул сюда. Дедушка все лето пытается привести его в нормальный вид.

– Он также внес несколько прикольных изменений, – объявил Хьюго, высунув голову через боковое окно со стороны водителя. – Только посмотри!

И снова исчез. Машина слегка раскачивалась, пока он и Альбус возились на переднем сиденье.

– Наверно, это плохая идея, – начал было Джеймс, но тут же отпрыгнул, когда из боков автомобиля вырвалась пара деревянных, обтянутых брезентом крыльев. Раскрываясь, они скрипели и раскачивались. Затем они начали яростно биться, отчего машина тряслась и подпрыгивала, а через мгновение с визгом замерли.

– Хорошо, что ты знаешь, как их отключить, – воскликнул Джеймс; глаза у него округлились.

– Это не я, – Альбус нажимал кнопки и рычаги на приборной панели. – Они сами остановились. Похоже, они не закончили работу. Надеюсь, мы не сломали их. Эй, Хьюго, можешь, залезть туда и немного попрыгать на них?

– Нет, лучше мы! – закричали близнецы, карабкаясь по крыльям.

– Нет, – Джеймс только развел руками. – Никто нигде не прыгает. Дедушка найдет на вас порчу, если вы сломаете что-нибудь.

Хьюго не обратил внимания на Джеймса. Нахмурившись, он сказал:

– Жаль, что здесь нет дяди Перси и тети Одри. Люси у нас механик. Клянусь, она бы смогла поднять эту штуку в воздух.

– Интересно, зачем нужны крылья? – задумалась Роуз. – Я думала, она летает сама.

– Дядя Гарри врезался на ней в Гремучую Иву в Хогвартсе, помнишь? – отозвался Хьюго. – И разбил ее. Поэтому она сбежала в Лес и одичала.

– Ты все перепутал, – ответил Альбус. – Машину вел твой папа. Если бы за рулем был мой отец, они бы приземлились на четыре точки.

– Ну да, – согласилась Роуз. – Прямоком через окно Большого зала. Близнецы захохотали и начали бегать вокруг автомобиля, показывая полет и аварию. Гарольд, изображавший Гремучую Иву, колотил брата, который притворился мертвым и упал.

– Так или иначе, – продолжал Хьюго, – все знают об Альма Алерон и их летающих машинах. Полагаю, дедушка решил посмотреть, сможет ли он улучшить ее.

Джеймс усмехнулся.

– Пойдем уже. Он скоро придет. Если мы не вернемся в дом, то пропустим сюрприз.

– И торт, – добавила Роуз.

Это привлекло их внимание. Джулс и Гарольд стремительно повернулись и пронеслись мимо Джеймса, крича и толкаясь. Альбус, пожав плечами, выбрался через водительскую дверь следом за Хьюго. Роуз соскользнула с капота и отряхнулась.

– Дедушка весьма неординарный, правда? – она оглянулась на «Англию» и его коллекцию магловских вещей, которыми были забиты полки. Джеймс видел ее сотни раз, но всегда находил там несколько новых вещиц. Он последовал за Роуз, которая подошла к коллекции и легонько провела рукой по некоторым предметам, оставляя пальцами дорожки в слое пыли. Среди множества батарей, электрических консервных ножей, удлинителей и машинок для стрижки волос в носу, Джеймс заметил кое-что новое: старый ноутбук, джойстик и цифровой будильник в виде героя из мультфильма.

– Как думаешь, почему он так любит эти вещи? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Джеймс. – Думаю, отчасти потому, что вырос среди волшебников, в отличие от нас. Мой папа рос с маглами. И твоя мама. Они передали нам частичку мира маглов, мы не видим в нем загадки. Но для дедушки маглы такие же незнакомцы, как для нас инопланетяне. Ему нравится выяснять, как все это работает, для чего используется.

– Сегодня он мог бы просто записаться на курс магловедения, – сказала Роуз. Они уже направились к выходу. – Когда он был ребенком, такого предмета не было.

Джеймс пожал плечами.

– Возможно. Хотя я не думаю, что он захотел бы изучать все так. Для него в этом не было бы никакого смысла. Честно говоря, я вообще не знаю, какой именно смысл он ищет.

Роуз слегка наклонила голову.

– А ты не думал, что его привлекает именно загадка, тайна, скрытая во всем этом?

– И каков смысл в загадке, которая никогда не будет разгадана? – недоуменно нахмурился Джеймс.

– Ты прямо как ребенок, Джеймс. Ведь стоит найти ответ к загадке, как она сразу потеряет всю свою загадочность.

– Тогда дедуля тоже как ребенок, знаешь ли.

– Нет, дедушка – как мужчина.

Джеймс закатил глаза.

– Ну и в чем разница?

Роуз фыркнула.

– Ну, мужчина способен поймать снитч без того, чтобы в итоге вонять, словно протухшая сидродельня.

Тут Джеймс погнался за ней, поэтому остаток пути до задней двери они преодолели бегом.

Внутри бабушка Уизли неистово заканчивала наведение порядка, так что остальным членам семьи оставалось только слоняться вокруг, стараясь не попадаться на ее пути.

– Хьюго! Доминик! Держитесь подальше от пирога! – предостерегла она, проходя мимо стола с ворохом тарелок и столовых приборов. – Флер, дорогая, будь так любезна, помоги мне с пудингом. Это любимое блюдо Артура, так что я хочу поставить его посередине

стола. Ох, когда только это семейство успело разрастись настолько, что мы не можем нормально поесть, не сидя на головах друг у друга?

– Это только твоя вина, мама, – рассудительно сказал Джордж. – Нельзя завести семерых детей и ожидать, что большая часть из них не последует твоему примеру.

– Ой, не начинай опять, – сказала Анджелина, морщась и обвивая руками его шею.

– Ты знала, на что идешь, когда ответила мне «да», – легкомысленным тоном ответил Джордж. – Моя самая любимая часть твоего тела – твои аппетитные бедра.

Анджелина, вздохнув и усилив хватку на его шее, потащила его в гостиную, где уже собирались остальные.

– Как прошел матч, Джеймс? – поинтересовался Билл, он сидел рядом со своим сыном Луи.

Джеймс пожал плечами и улыбнулся:

– Неплохо. Никто не умер. Я поймал снитч.

Луи одарил его кривой улыбкой.

– Роуз уже всем рассказала об этом.

Джеймс закатил глаза, когда Билл хохотнул и потрепал его по плечу.

– Ох! Артур появится с минуты на минуту! – забеспокоилась Молли, вытирая руки о передник и оглядывая собравших вокруг членов семьи. – Абсолютно уверена: я что-то забыла. Его ужасно трудно удивить. Джеймс! Ты до сих пор не сменил рубашку! Она покрыта пятнами от гнилых яблок! Нет! Не садись на диван! Похоже, слишком поздно пытаться что-то с этим сделать...

– Мам, – искренне сказал Чарли, – утомись. Это же всего лишь вечеринка в честь дня рождения, а не военная кампания.

Она шумно вздохнула и позволила Чарли некоторое время массировать ей плечи.

– Признаюсь: я рада, что он получил то место консультанта в Министерстве. По крайней мере, теперь он бывает вне дома несколько раз в неделю. Иначе его ни за что не удалось бы удержать снаружи достаточное время, чтобы успеть все это проверить. Особенно после того, как этот Мерлин вернул ту ужасную машину... Вот! Именно это вылетело у меня из головы! Рональд! У тебя есть...

– Набор торцевых ключей, – устало кивнул Рон. – Прямоком из магловского хозяйственного магазина. Уже упакован и лежит на столе с остальными подарками. Ему понравится, мам. Успокойся или нам с Джорджем придется открыть бутылку огненного виски.

– Тссс, – зашипела мама Джеймса, пристально глядя на камин.

– Идет.

Она пригнулась, сжимая руку Гарри и увлекая его за собой. В комнате повисла тишина: все сделали глубокий вдох, готовясь закричать.

Закружившийся внутри камина пепел внезапно превратился в огонь. Из разгоревшегося пламени материализовалась фигура, приземлившись на пол перед решеткой привычным прыжком.

– Сюрприз... – закричали все, однако на втором слове крик утих. Вновь прибывший оказался не Артуром Уизли. Повисло внезапное, неловкое молчание. Все уставились на неожиданного гостя: Кингсли Бруствера.

Лицо Кингсли было мрачным. Он оглядел комнату, изучая лица, пока не увидел Молли.

– О нет, – только и смогла произнести она.

Лицо Кингсли не изменилось. Вместе с Молли он посмотрел в сторону, туда, где висели семейные часы Уизли.

– О, нет, – повторила Молли. Она медленно подняла правую руку ко рту, ее горящие глаза округлились.

Все, кто был в комнате, повернулись к магическим часам. Часам, которые показывали местоположение каждого члена семьи Уизли и его самочувствие. Почти все стрелки указывали: Нора. Гостиная. Стрелка Артура Уизли указывала вниз, на два коротких красных слова:

Больше нет.

– Артур Уизли был одним из самых необыкновенных и

благородных людей, – Кингсли говорил спокойным, размеренным голосом. – Бесконечно нежным, честным и мудрым с теми, кого любил. Справедливым, напористым, а при необходимости, и жестким с теми, кто заслужил его гнев. Тот, кто вырос с ним, едва ли мог предположить, что это мягкий, порой даже чудной, человек однажды столкнется с величайшими злодеями нашего времени. И все же он это сделал, твердо, с каким-то спокойным мужеством, которое встречается у тех, кто любит и любим.

Джеймс сидел во втором ряду, между Альбусом и Лили. Он яростно смотрел в лицо Кингсли, когда тот говорил, пытаясь сосредоточиться на словах и изо всех сил стараясь не смотреть на блестящий деревянный ящик за спиной у мужчины. Откиннутая крышка обнажила белоснежно-белую обивку. Сидевшая рядом с Джеймсом Лили тихонько всхлипывала, уткнувшись в плечо матери. Альбус сидел очень прямо: его бледное лицо ничего не выражало. В крохотной церкви в Оттери Сент-Кэчпоул было полно народа и очень жарко.

– При жизни, – продолжал Кингсли, – Артур видел и великие, и ужасные вещи. В семье же он видел только чистейшее удовольствие, и, что важно, он умел этим наслаждаться. Также он столкнулся со страшными испытаниями и понес большие потери. И все же его сердце было таким чистым, что он не озлобился. В его душе не было места ненависти. Он не познал злобы. Коррупция не смогла согнуть его.

Джеймс смутно сторонился большинства родственников и друзей, приехавших издалека, чтобы присутствовать здесь. Он видел Хагрида, и сейчас слышал, как сидевший позади него полувеликан сморкается. Была здесь и Полумна со своим новым тощим кавалером, Рольфом Самандером. В коричневом костюме и огромных очках он был похож, как показалось Джеймсу, на человеческую версию насекомого, которое умеет ловко притворяться сушеной веточкой. Пришел Невилл Долгопупс, а также Диггори, жившие в деревне неподалеку. Поражало количество коллег дедушки из Министерства, большинство из них приехали из Лондона.

Прямо перед Джеймсом сидела бабушка. Плечи Молли вздрагивали, но она не издавала ни звука. Сидевший рядом Билл обнял ее. Его глаза блестели. Он слегка хмурился, пока Кингсли продолжал.

– Есть люди, которые посвящают жизнь борьбе за справедливость:

изучают, агитируют, обвиняют. Есть люди, которые стремятся к власти и влиянию: достигают авторитетной должности и принимают судьбоносные решения. И есть люди, которые тратят жизнь на подготовку к борьбе: их навыки обращения с волшебной палочкой и мечом становятся легендой. Они первыми идут в бой, последними отступают. Артур Уизли не был одним из них. Он был лучше. Его доброжелательность не уходила корнями в вину. Его должность не была порождением гордыни. Он не вел бой во имя славы. Он не прилагал особых усилий, чтобы стать таким, каким мечтает стать почти каждый из нас при помощи железной силы воли. Это был человек, не знавший лукавства. Человек долга и верности. Человек правды и любви. Но главным образом, Артур Уизли... был отцом... и мужем... и другом.

Кингсли впервые опустил глаза. Он сжал губы и снял очки. Все еще глядя на небольшое возвышение перед собой, он закончил:

– Артур Уизли был лучшим в своем роде. И нам будет не хватать его.

В наступившей тишине Джеймс боролся со слезами. Заплакать сейчас казалось ему неприличным. Когда он впервые осознал, что происходит, тогда, в тот полдень в гостиной, глядя на стрелку дедушки на часах Уизли, он словно онемел. Он знал, что ему полагается чувствовать печаль, или гнев, или страх, но вместо этого его заполнило ощущение странной гулкой пустоты. Когда семья разделилась на небольшие группки – с требованиями объяснений, выражениями горя – Гарри забрал Лили, Альбуса и Джеймса в спальню на втором этаже, в которой они так часто ночевали.

– Вы понимаете, что это значит? – спросил он у них, посмотрев каждому в глаза, его лицо было серьезным и печальным. Лили и Альбус молча кивнули. Джеймс не шелохнулся. Ведь если бы он понимал, что случилось с дедулей, то он бы чувствовал хоть что-нибудь, верно? Гарри крепко обнял всех троих, и Джеймс почувствовал прикосновение щеки отца к своему плечу. Она была горячей.

Теперь же, когда Джеймс смотрел, как его бабушка и дядя Билл приближаются к гробу, он ощутил безграничное, монументальное горе. Его горло сдавило. Глаза защипало, и он отчаянно заморгал, стараясь скрыть слезы. Ему было бы очень стыдно, если бы кто-нибудь заметил, но в то же время казалось, что сдерживать слезы – тоже неправильно.

Он разрывался между этими двумя состояниями.

Как дедушка мог умереть от такой глупой вещи как сердечный приступ? Ведь великие волшебники не умирают в подобного рода случаях, верно? Это же тот человек, который лицом к лицу столкнулся со змеей Волдеморта и выжил, чтобы рассказать всем об этом. Как мог человек, сражавшийся против ужаснейших злодеев, убивавших направо и налево, закончить свои дни так глупо? Несправедливость всего этого камнем давила на сердце Джеймса. Разве дедушка не заслужил защиту от подобного рода вещей?

Разве он не заслужил еще несколько лет жизни, чтобы увидеть, как повзрослеют его внуки? Его уже не будет, чтобы порадоваться за Джеймса, когда он в первый раз попадет в гриффиндорскую команду по квиддичу. Он не придет на свадьбу Джорджа и Анджелины, никогда не узнает, как они назовут своих детей. Никогда не развернет упаковку с магловскими торцевыми ключами, не воспользуется ими для завершения самодельных крыльев на своем призовом форде «Англия». Автомобиль так и останется стоять в гараже, наполовину покрашенный, с одной выпавшей фарой, до тех пор, пока не проржавеет насквозь и не потеряет все то, что вложил в него дедушка. Никто другой не станет о нем заботиться. В конце концов, его просто увезут куда-то и утилизируют. Похоронят.

Гарри встал в конце прохода, помогая Джинни подняться на ноги. Лили и Альбус тоже поднялись со своих мест, но Джеймс продолжал сидеть. Он смотрел прямо перед собой, его щеки пылали. Ноги просто отказывались служить. Секунду спустя Джинни повела Альбуса и Лили вверх по проходу к гробу. Джеймс почувствовал, как его папа сел рядом с ним. Никто не произнес ни слова, но Джеймс ощутил прикосновение ладони к своей спине. Это немного утешило его. Совсем чуть-чуть.

Несколько минут спустя помещение почти полностью опустело. Джеймс моргнул и огляделся вокруг. Он заметил, что большинство направилось наружу, туда, где светило ослепительное солнце. Гарри по-прежнему сидел рядом с сыном. Джеймс поднял глаза на него, некоторое время изучая лицо отца, затем опустил взгляд. Они поднялись вместе и прошли по проходу.

Раньше Джеймсу не приходилось бывать на похоронах, но об одних он неоднократно слышал. Тезка Альбуса, директор Дамблдор,

сделал очень много для его отца. Он слышал, что на похоронах Дамблдора Фоукс, феникс, пролетел у всех над головами, и неожиданно могила запылала, коротко и восхитительно. Джеймс не был знаком с Дамблдором, но разве мог тот старик быть благороднее, чем его дедушка? Разве что-нибудь столь же чудесное и прекрасное не могло бы произойти для Артура Уизли? Но, к своему сожалению и печали, Джеймс понимал, что не могло.

По ступеням он поднялся к гробу и заглянул в него. Он не смог бы этого сделать, если бы отец не стоял рядом, положив свою большую руку Джеймсу на плечо. Дедушка выглядел так же, но по-другому. Что-то случилось с его лицом. Джеймс не понимал, что именно, но потом догадался: просто дедушка умер. Вот и все. Неожиданно, в памяти возникло воспоминание: дедушка сидит на стуле в старом семейном гараже и показывает игрушечный самолетик пристроившемуся у него на коленях Джеймсу. Он держит его на уровне глаз удивленного малыша, заставляя летать туда-сюда над верстаком, и имитирует реактивный шум. Джеймс тогда не знал о том, что вспомнил сейчас: самолетик в руках дедушки летал хвостом вперед. Улыбаясь, дедушка подмигнул тогда Джеймсу:

– Метла с сотней маглов на борту, – смеялся он. – Знаешь, я никогда не видел, как они летают. Надеюсь, однажды это случится, мой мальчик. Искренне в это верю.

Джеймс зажмурил глаза так сильно, как только мог, но это было бесполезно. Он зарыдал, громко и сухо всхлипывая, и наклонился к краю гроба. Гарри Поттер положил руку на плечо сына и держал его крепко, медленно укачивая, пока тот плакал, безнадежно и беспомощно, как ребенок, которым он все-таки был.

– Конечно, в тот день не было никакого дня рождения, – говорила Молли Одри, жене Перси, когда они стояли в солнечном дворе Норы, держа в руках чашки с пуншем. – На самом деле он родился в феврале.

Мы хотели отметить его семьдесят восьмой с половиной день рождения. Только так мы могли удивить его. Конечно, я должна была знать, что он найдет способ посмеяться последним, господь с ним. Ох, Одри...

Джеймс зачерпнул себе стаканчик пунша и отошел от стола, не желая больше ничего слышать. Хагрид сидел на одном из крошечных шезлонгов, вдавив его в землю. Ему было явно неудобно.

– Я знал Артура еще, когда он учился в школе, да, – говорил Хагрид Андромеде Тонкс, сидевшей за столом рядом с ним. – Не могу припомнить человека со столь же мягкой душой, это точно. Всегда готов улыбнуться и рассказать что-нибудь. Но обладал острым умом. Острым, как коготь.

Джеймс проскользнул мимо, постаравшись остаться незамеченным. Он любил Хагрида, но был слишком утомлен после произошедшего в церкви. Он не думал, что сможет слушать истории о молодости дедушки прямо сейчас. Это было слишком печально.

Увидев Роуз, Альбуса и Луи, сидящих за переносным столиком на краю лужайки, он присоединился к ним.

– Я слышал, бабушка собирается продать Нору, – сообщил Луи, как только Джеймс примостился на краешке стула.

– Она не может так поступить! – сказала пораженная Роуз, – Нора была домом семьи Уизли с тех пор, как... как... ладно, я не знаю точно, но явно еще до рождения наших родителей! Она для всех словно член семьи!

Луи пожал плечами.

– Папа говорит, что ей будет сложно содержать это место в одиночку. В смысле: здесь семь этажей, не считая чердака и подвала. Требуется масса магии только для того, чтобы поддерживать все в вертикальном состоянии. Сейчас, когда все дети разъехались и дедушки больше нет, ей потребуется слишком много сил, чтобы поддерживать порядок самостоятельно.

– Это кажется ужасно неправильным, – заявила Роуз, постукивая по ножке стола. Она подняла взгляд, ее глаза округлились. – Почему бы кому-нибудь просто не переехать к ней обратно? Например, Джордж мог бы поселиться здесь вместе с Анджелиной после свадьбы, разве нет?

Джеймс посмотрел туда, где под палящим солнцем угрюмо

слонялись члены семьи и друзья.

– Джордж не может оставаться в Норе, – сказал он. – У него запланировано расширение сети магазинов. К тому же Анджелина упоминала, что нашла работу в Хогсмиде. Они собираются снимать квартиру на той же улице, где расположен магазин.

– Слышал, Тед собирается пожить на верхнем этаже, – сияя, ответил Луи. – Он хочет попробовать свои силы в национальной сборной по квиддичу, и Джордж сказал, что он может жить с ними и работать в магазине, пока тренируется.

– Да, ладно, – скривилась Роуз. – Тед хороший игрок, но неужели он всерьез думает, что сможет попасть в национальную сборную?

Луи снова пожал плечами:

– Мама считает, что Джордж был неправ, приглашая его в свой дом. Она говорит, что Тед не знает, чем себя занять. Ему следует встряхнуться и найти постоянную работу.

– Тетушка Флер говорит так почти обо всех, – заметила Роуз.

– Вы двое с нетерпением ждете начала учебного года? – Джеймс заговорил раньше, чем Луи смог ответить.

– Основным ингредиентом зелья из корня халфлингера является корень халфлингера? – насмешливо поинтересовалась Роуз, усаживаясь поудобнее.

Джеймс моргнул.

– Полагаю, ответ – «да».

– Вы знаете, что новый директор внес некоторые изменения в этом году? – заметил Луи. – Теперь комнаты могут делить между собой только учащиеся одного года обучения. Расписания отрегулированы. Все предметы с прошлого года должны быть сданы. Фактически, он полностью отменил все изменения, проведенные тем парнем, что был директором еще до МакГонагалл, Тирамом Восснеймом.

– А мне нравилось, что ребята с разных курсов жили в одной комнате, – пробормотал Джеймс.

– Ну да, но мама сказала, что именно эти «дальновидные» реформы, проведенные Тирамом, и привели к возникновению Прогрессивного Элемента и всей этой ерунде с восстановлением доброго имени Волдеморта, – мудро заметил Луи, приподнимая брови.

На это Джеймсу было нечего ответить. Хотя он не был удивлен, что

Мерлин осознанно решил вернуть Хогвартс к некоторым «до-битвенным» стандартам и методикам.

– Джеймс, как думаешь, на какой факультет мы попадем? – спросила Роуз. – Папа считает, что мне светит Гриффиндор, но что еще можно от него ожидать? Честно говоря, я бы предпочла Когтевран.

– Я не имел ни малейшего понятия, на какой факультет попаду, – поделился Джеймс. – Распределяющая Шляпа сама этого не знает до тех пор, пока не окажется на твоей голове. Не удивлюсь, если она, лишь взглянув на тебя, предскажет тебе одиннадцать С.О.В.

Роуз складывала салфетку, лежащую перед ней на столе.

– Знаешь ли, я, конечно, вся в маму, но это вовсе не означает, что я невероятный гений.

– Не означает, – согласился Луи. – Но тот факт, что ты прочтала от корки до корки «Энциклопедию магических ядов и противоядий» и сможешь с точностью вспомнить, на какой странице располагается рецепт бальзама Баргларфа... Говорит сам за себя.

– Не было такого, – настаивала Роуз, но щеки у нее покраснели. – Мама месяцами рассказывала эту историю, но это полная чушь. Во имя Мерлина, она купила мне эти энциклопедии на десятый день рождения. Я читала их только ради того, чтобы научиться варить Напиток... гм...

Луи вежливо улыбнулся и поднял брови:

– Напиток...?

– Вряд ли это имеет значение, – сухо откликнулась Роуз, все еще возившаяся с салфеткой. – Что я могу поделать, если у меня хорошая память на детали. Кроме того, это всего лишь средство от ядовитого плюща. И я не помню точную страницу. Только главу.

– Ну, тогда другое дело, – скорчил рожицу Луи.

– Не делай так при мне, – Роуз бросила в него салфетку, попав в лицо. – Никто не сравнится с тетушкой Флер. Она родилась с таким выражением лица.

– Ну, я надеюсь попасть в Пуффендуй, – Луи кинул салфетку обратно Роуз, и теперь старался выглядеть сдержанным. – Этот факультет славится усердием и упорным трудом. Я планирую всерьез заняться учебой.

Роуз закатила глаза, беззвучно передразнивая Луи. Джеймс улыбнулся.

– А ты, Альбус? – Луи легонько толкнул брата Джеймса.

Альбус сел поудобнее и огляделся.

– Какое это имеет значение, серьезно?

– Какое значение? – недоверчиво переспросил Луи. – Это, всего лишь, самый важный момент твоего школьного обучения. То есть, что если тебя отправят не на тот факультет?

– Какой, например? – многозначительно спросил Альбус.

– Ну, не знаю, – Луи развел руками. – Для каждого свой.

– Альбус Северус Поттер, – многозначительно сказала Роуз. – Луи пока не в курсе. Вот вам и усердие и упорный труд.

Луи неодобрительно смотрел на Роуз.

– Я уже давно в курсе, как зовут Альбуса, благодарю.

– Дело в его инициалах, уродец, – чопорно заявила Роуз. – А.С.П. Почти как аспид, то есть змея.

– Что, по–твоему, это означает?

– Альбус боится, что его отправят в Слизерин, – Джеймс закатил глаза. – Одно время была такая семейная шутка. Первый Поттер, попавший к змеям.

– Почему бы тебе не заткнуться? – мрачно заявил Альбус.

– Что? – ответил Джеймс. – Сам знаешь, все возможно, меня самого едва не отправили туда.

– Да, ты постоянно твердишь об этом, – тихо сказал Альбус. – Но потом, слава богу, тебя распределили на Гриффиндор. Первенец Гарри Поттера оказался на любимом факультете отца. Кто бы мог подумать?

– Это правда, Ал. Да ладно, Слизерин теперь не та уж и плох, – рассуждал Джеймс. – Ральф попал туда, и ничего. Может, вы объедините усилия и вывернете наизнанку старые слизеринские легенды, а?

Альбус нахмурился, наклонился вперед и уткнулся подбородком в сложенные руки.

– Зеленый – твой цвет, Альбус, – задумчиво произнесла Роуз. – Подойдет к твоим глазам и темным волосам.

– Ага, – вмешался Луи. – Слышал, у них в комнатах из–под крана бежит холодная и горячая кровь дракона.

Под взглядами остальных Альбус встал и пошел прочь от стола. Роуз уставилась на Луи, приподняв брови.

– Что? – защищаясь, начал он. – Это лучшее, что я мог придумать. Горячая и холодная... говорят, семьи слизеринцев охотятся на драконов, – он закатил глаза. – Забудьте, это вне вашего понимания.

– Глупо верить всему, что слышишь, – прямо за его спиной раздался голос. Джеймс обернулся и взглянул на мужчину с бледной кожей и резкими чертами лица. Рядом с ним стояла темноволосая женщина.

Мужчина натянуто улыбался.

– Простите, что прерываю вас. Хотел уточнить, тот ли это дом, однако подтверждение стоит прямо передо мной. Смею предположить, что разговариваю с мистером Джеймсом Поттером, так?

Джеймс кивнул и стал разглядывать мужчину и темноволосую женщину: их красота была какой-то холодной, одеты они были в черное, но со вкусом. Внезапно Джеймс подумал, что будь здесь Зейн, его американский друг, он обязательно бы сказал, как смело с их стороны выходить на улицу днем или как здорово они уложили волосы, не имея возможности увидеть в зеркале свое отражение. Стоит ли говорить, что он был рад отсутствию Зейна.

– Может быть, – продолжал мужчина, – ты будешь так любезен и проводишь меня к твоему папе, Джеймс. Меня зовут...

– Драко?

Джеймс оглянулся: его мама медленно приближалась, глядя на прибывшего со смесью недоверия и осторожности.

– Джинни, – произнес мужчина. Последовала длинная, неловкая пауза наконец заговорила темноволосая женщина.

– Мы очень сожалеем о вашей потере, миссис Поттер, – она попыталась улыбнуться, но вышло довольно натянуто.

– Гарри знает, что вы... – Джинни по-прежнему смотрела на мужчину.

– Думаю, да, – Драко чуть приподнял голову, глядя мимо Джинни.

Гарри встал рядом с женой и смерил взглядом бледного мужчину.

– Рад тебя видеть, Драко.

Драко медленно кивнул, стараясь не смотреть Гарри в глаза.

– Да, прошло много времени. Услышав о кончине мистера Уизли, я решил, что будет... уместно... выразить наши соболезнования.

Джеймс наконец узнал бледного человека, хотя прежде никогда не

встречал его лично. Он сравнил взрослого мужчину с фотографиями молодого Драко Малфоя. Глаза остались прежними, также как и зачесанные назад светлые волосы. Осталась и презрительная усмешка, совсем как на старых фото, но Джеймс заметил, что в ней больше не было язвительности или хотя бы осознанности. Драко так долго демонстрировал ее, что она стала частью его внешности.

Гарри длительное время изучал Драко, а после улыбнулся. Джеймс узнал вежливую улыбку отца.

– Спасибо, Драко. Мы с Джинни ценим это. Правда. А это, должно быть, твоя жена?

Драко обнял женщину за талию.

– Конечно, прошу меня простить. Это Астория.

Гарри поклонился, а Джинни пожала ей руку.

Оживившись, Джинни предложила:

– Может, пройдете в дом, чтобы чего-нибудь выпить?

Астория слегка повернулась к Драко, приподнимая брови.

– Я бы не отказался, что бы они ни предложили, – Драко посмотрел на Джеймса, криво улыбаясь. – Спасибо, дорогая.

Джинни шла впереди между столиками, Астория последовала за ней, оглянувшись на Гарри и Драко.

– Как идут дела в Гринготтсе, Драко? – Гарри и не собирался приглашать мужчину к остальным гостям, собравшимся у дома. – Понимаю, люди практически не имеют власти в банке, но все же ты – вице-председатель или что-то в этом роде, как я слышал. В школе мы бы здорово повеселились, скажи кто-нибудь нам, что ты станешь важной шишкой в волшебном банке Англии.

– Тогда, в школе, – спокойно ответил Драко, все еще не глядя на Гарри, – мы бы отлично повеселились, скажи кто-нибудь нам, что, оказавшись вместе в одном дворе, мы не направим друг на друга палочки.

Улыбка исчезла с лица Гарри.

– Да, – сказал он негромко. – Что есть, то есть.

Повисла долгая пауза. Джеймс слышал приглушенную болтовню около дома и щебетание птиц в саду. Он взглянул на Роуз, которая с интересом наблюдала за этой сценой. Она ежеминутно поднимала брови и качала головой.

– Знаешь, – невесело рассмеялся Драко, изменив тон, – по правде говоря, это не единственное в моей жизни, что не отвечает моим школьным ожиданиям.

Улыбка полностью исчезла с лица Гарри. Он стоял и смотрел на бледного мужчину, в его глазах нельзя было ничего прочесть.

– Взрослея, мы все чему-то учимся, – продолжал Драко. – И лишь изредка нам хватает смелости усомниться в этом. Мы вырастаем, чтобы принять тот облик, который наметила для нас семья. Тяжесть верований многих поколений давит на нас, формируя нашу личность по своему подобию. И, в большинстве случаев, это хорошо, – Драко наконец смотрел Гарри в глаза, и впервые за время посещения, ухмылка исчезла с его лица. – В большинстве случаев, это хорошо, Гарри. Но иногда мы взрослеем, время идет, и многие, многие годы спустя появляется шанс отказаться от устойчивых убеждений, и тогда ты оглядываешься назад. И начинаешь сомневаться.

Джеймс перевел взгляд с Драко на отца. Лицо отца оставалось бесстрастным. После долгой паузы Гарри оглянулся на дом и вздохнул.

– Слушай, Драко, что бы ты ни собирался сказать и что, по-твоему, ни должно произойти...

Драко покачал головой.

– Ничего не должно произойти. Я пришел сюда не для того, чтобы просить у тебя прощения, Гарри. Я пришел выразить соболезнования тебе и твоей семье. Несмотря на твои ожидания, мне известно, что Артур Уизли был сильным человеком. И благородным. Мой отец не согласился бы со мной, но, как я уже заметил, мы взрослеем. Кто-то, оглядываясь назад, сомневается.

Гарри слегка кивнул.

– Спасибо, Драко.

Драко подошел на шаг ближе к Гарри.

– Есть еще одна причина, почему я приехал. Думаю, я должен тебе в этом признаться. Я пришел, чтобы кое-что себе доказать.

Гарри не моргал.

– Что именно?

Не отводя глаз, Драко чуть улыбнулся:

– Хотел доказать себе, что смогу прийти и поговорить с тобой. И, что важнее, ты меня выслушаешь.

Драко протянул правую руку. Гарри, не глядя, медленно пожал ее. Зная историю этих двух людей, Джеймс с трудом мог поверить в увиденное. Это нельзя было назвать слезами примирения, и у Джеймса сложилось впечатление, что Драко никогда бы так не поступил, если бы кто-то из его близких мог видеть эту сцену. И все же, это было удивительно. Рукопожатие закончилось через мгновение, а через 5 минут Драко и Астория уехали на своей очень большой и очень, очень черной машине. Однако само рукопожатие, одновременно смелое и уязвимое, непрочное, как мыльный пузырь, надолго застряло в памяти у Джеймса.

Большинство ближайших родственников на ночь остались в «Норе». Джеймсу было грустно при мысли, что, возможно, вся семья в последний раз собралась в старом доме. Несмотря на вечернюю суматоху, комнаты наполнило ощущение утраты и холода. Как будто все мысленно надели чехлы на мебель, сняли картины и упаковали посуду. Это вызвало в Джеймсе смутный, безотчетный гнев. Мало того, что дедушка умер – теперь, казалось, умирает и «Нора». В этом не было ничего нормального.

Даже спальня, которую он долгие годы делил с Альбусом и Лили, казалась холодной и пустой. Ему и в голову не могло прийти, что однажды эта комната будет принадлежать кому-то еще, незнакомому. Или, может, что еще хуже, новые владельцы снесут дом и построят новый? Что, если это будут маглы, которые понятия не имеют, как содержать это место? Он не смог вынести этой мысли. От злости он хлопнул дверью и начал натягивать пижаму.

– Хммм, – пробормотала Лили, перевернувшись и накрыв голову подушкой.

– Не обращай на нас внимания, – проворчал Альбус, занимавший большую кровать в углу. – Мы всего лишь пытаемся спать. Дай нам знать, если мешаем тебе.

– Простите, – пробормотал Джеймс, шлепнувшись на кровать и снимая обувь.

Альбус сел и уставился на дверь. Джеймс тоже посмотрел туда. Они видели их уже тысячу раз: внутренняя сторона двери была покрыта старыми рисунками и нацарапанными словами. На протяжении многих лет в комнате жило столько человек, и почти каждый оставил свою метку на двери, что раздражало бабашку Уизли. Впрочем, она не предпринимала никаких усилий для ее ремонта, что для волшебницы было бы совсем несложно. Джеймсу казалось, он знает причину. В самом центре была серия надсечек, которые были гораздо старше остальных. Кажется, их использовали для отсчета дней. Рядом с надсечками виднелись слова «Дни до свободы!». Чуть ниже последнего ряда отметок, который был очень длинным, той же рукой было нацарапано: «Фред и Джордж В ХОГВАРТСЕ и ПОСЛЕ! Да здравствуют Фред и Джордж!»

– Думаешь, бабуля действительно продаст дом? – Джеймс все еще разглядывал рисунки на двери.

Альбус не ответил. Через мгновение он отвернулся, уставившись в стену и натянув на себя большую часть одеяла.

Джеймс снял рубашку и схватил пижаму. Спрыгнув на пол, он направился в ванную, чтобы почистить зубы.

На три спальни и коридор третьего этажа приходилась одна ванная комната. Люси, дочь Перси, сидела на краю старинной ванны и усердно расчесывала свои блестящие черные локоны.

– Привет, Джеймс, – она на мгновение подняла взгляд.

– Привет, Люси.

– Рада видеть тебя. Этим летом я скучала по всем вам, – сказала Люси, проводя расческой по волосам. – Папа уверяет, что в следующем году мы будем больше времени проводить дома. Я радовалась этому до сегодняшнего дня. В смысле, в следующем году...

Джеймс кивнул:

– Ага.

– Тебе понравился первый курс? – Люси смотрела на него. – Хочешь вернуться в школу?

Джеймс кивнул и взял в руки стакан, стоявший на краю раковины. В нем находились зубные щетки всех членов семьи. Поморщившись, он

повернул стакан, пытаясь отыскать свою.

– С нетерпением жду начала учебы, – Люси вновь принялась расчесываться. – Папа твердит, что нужно наслаждаться свободой, пока есть возможность, но я не чувствую себя свободной, пока неделями живу с родителями в гостиничных номерах. Мама считает, что для нас же лучше: сопровождать его в заграничных поездках, так мы остаемся семьей. Впрочем, ей нравится путешествовать. Она постоянно таскает нас с Молли к историческим памятникам, заставляет улыбаться, чтобы сфотографировать на фоне статуи или того самого камня, на котором стоял знаменитый человек во время великой битвы. Я пишу много писем, но не многие отвечают, по крайней мере, не так часто, как мне бы хотелось.

Она многозначительно посмотрела на Джеймса: он видел ее отражение в зеркале, пока чистил зубы.

– Что случилось с Альбусом? – Люси встала и убрала расческу.

Джеймс прополоскал зубную щетку:

– Что ты имеешь в виду?

– Он подозрительно молчаливый сегодня. На него это не похоже.

– Ну, полагаю, сегодня все молчат больше обычного, – ответил Джеймс. Он посмотрел на Люси и криво ухмыльнулся. – Почти все.

Проходя мимо, она в шутку толкнула его. Уже около двери она остановилась и посмотрела через плечо:

– К тому времени, как ты завтра проснешься, мы, скорее всего, уже уедем, – сообщила она. – Папа говорит, нам нужно поскорее вернуться в Данию.

– Тогда, – ответил Джеймс, – счастливого пути, Люси. Прости за все. Так будет не всегда, правда? Если верить папе, дядя Перси – свой человек в Министерстве.

Люси улыбнулась:

– В следующем году это не будет иметь значения, верно? Я буду в Хогвартсе с тобой, Альбусом, Луи, Роуз и Хьюго. Будет весело.

Джеймс кивнул. Что-то в разговорах с Люси тревожило его. Не то чтобы он не любил ее. Во многом она нравилась ему гораздо больше остальных кузенов, особенно Луи. Она была совершенно другой. Понятное дело, она и есть другая: дядя Перси и тетя Одри удочерили ее, когда поняли, что у них не будет собственных детей. Люси, почти как

Полумна Лавгуд, все воспринимала буквально. Она была невероятно, почти пугающе умна, но, в отличие от других, почти не шутила и не дразнила остальных. И всегда говорила то, что думает.

– Напишешь мне парочку писем, Джеймс? – ее глаза оставались серьезными. – Расскажешь, как дела в школе. Повеселишь меня. У тебя хорошо получается.

Джеймс опять кивнул:

– Хорошо, Люси. Напишу. Обещаю.

Люси осторожно закрыла дверь в спальню, которую делила с сестрой. Джеймс уже повернулся к двери, ведущей в его комнату, как краем глаза уловил какое-то движение. Остановившись, он посмотрел в ту сторону. Дверь в коридор была чуть приоткрыта, но в помещении было темно. Вероятно, кто-то ждал, пока он закончит. Он толкнул дверь и высунулся наружу.

– Я все, – объявил он. – Ванная свободна.

В коридоре никого не было. Джеймс посмотрел в обоих направлениях. Лестницы в концах коридора были невероятно скрипучими, так что он наверняка услышал, если бы по ним кто-то прошел. Он нахмурился и только-только собрался повернуться, чтобы двинуться дальше, как краем глаза заметил движение. Что-то промелькнуло в лунных лучах, падающих сквозь большое окно. Какое-то мгновение в них танцевала чья-то тень, а через секунду все снова было тихо.

Джеймс вышел из ванной, не сводя глаз с очертаний окна, вырисованных бледным лунным светом на полу и стенах. Что бы ни двигалось там ранее, больше он этого не видел. Он сделал несколько шагов по направлению к лестничной площадке, и тут под его ногой скрипнула половица. Этот звук как будто вспугнул тень, показавшуюся в лунном свете. Она промчалась по силуэту окна, словно ящерица, но явно была длиннее и обладала руками и ногами, словно разделенными на несколько сегментов. Намек на несообразно большую голову и уши – и тень исчезла.

Джеймс замер посреди коридора, крохотные волоски на его руках встали дыбом. Тень двигалась не бесшумно, производимые ею звуки напоминали шелест сухих листьев, падающих на камень. Джеймс изо всех сил напряг слух и снова услышал движение. Торопливые шажки

раздавались с лестницы, расположенной пролетом ниже. Без лишних раздумий он направился туда.

Как обычно, ступени протяжно заскрипели, так что Джеймс не мог ничего расслышать, пока не достиг первого этажа. Семейные часы Уизли тихонько тикали в темноте, когда он крался через гостиную по направлению к кухне. На подоконнике стояла одинокая свеча, утонувшая в настоящем вулкане из воска. Лунный свет пересекал комнаты, отражаясь от бесчисленных горшков и сковородок, висящих над кухонным столом. Джеймс остановился и наклонил голову, прислушиваясь.

Шебуршание раздалось снова, и тут он увидел ее. Крошечная тень мелькнула, подскакивая, около шкафчиков, исчезая и появляясь в полосах лунного света. Похоже, она удирала в сторону кладовки. Джеймс быстро огляделся вокруг, стараясь определить местонахождение источника тени, но никак не мог сообразить, где же он.

Тень остановилась в углу на потолке и, казалось, взглянула вниз, на Джеймса. Крошечная фигура несколько напоминала домашнего эльфа, за исключением размера и непривычного количества суставов на конечностях. Вдруг она выпрыгнула из тени. Джеймс бросился вслед за существом, понимая, что оно направилось к задней двери. Удивительно, но дверь была открыта настежь.

Джеймс выскочил на улицу: ночной воздух был свеж. Он дико огляделся и напряг слух, силясь уловить тихий, удаляющийся звук. Никаких признаков крошечной фигуры не было.

– Добрый вечер, Джеймс, – раздался голос позади него, мальчик чуть не закричал от удивления. Обернувшись, Джеймс увидел отца: он сидел на поленнице, держа в руках бокал. Гарри рассмеялся.

– Прости, сынок. Я не хотел тебя пугать. Из-за чего ты такой нервный?

Нахмурившись, Джеймс снова огляделся:

– Мне показалось... показалось, я видел что-то.

Гарри тоже огляделся.

– Ты же знаешь, в этом доме многое можно увидеть: упырь на чердаке, садовые гномы. Обычно они обитают за пределами дома, но всегда находится парочка храбрецов, которые могут пробраться ночью

и украсть одну–две репы. Они полагают, что, собирая урожай, мы воруем у них, поэтому порой бывают корыстными.

Джеймс пробрался к поленнице и сел рядом с отцом.

– Что пьешь? – он покосился на отцовский бокал.

Гарри тихо засмеялся:

– Вопрос скорее в том, что я не пью. Это огненный виски. Никогда не понимал его вкуса, но традиция есть традиция.

– Что за традиция?

Гарри вздохнул.

– Такой способ помянуть. Глоток в честь твоего дедушки и того, что он для нас значил. В ночь, когда мы похоронили твоего дядю Фреда, я пил с твоим дедом и Джорджем.

Джеймс немного помолчал, взглядываясь в темный сад и двор. В лунном свете чуть ниже вершины холма виднелась крыша гаража. Сверчки стрекотали свою неизменную летнюю песню.

– Я рад, что ты сейчас здесь, со мной, – заговорил Гарри.

Джеймс посмотрел на него:

– Тогда почему ты не пришел и не позвал меня?

Гарри пожал плечами:

– Пока ты не пришел, я не знал, что хочу тебя видеть.

Джеймс прислонился к гладкому каменному фундаменту дома. Он приятно охлаждал после дневной жары. Небо было непривычно чистым. Туманная полоса Млечного Пути, подобно руке, протянулась через небо, спускаясь вниз, к огням деревни, что скрывалась за садом.

– Твой дед был мне как отец, ты знаешь, – сказал Гарри. – Я тут сидел и размышлял. Конечно, я привык его так называть, но никогда всерьез не задумывался об этом. Никогда не осознавал, сколько в этом правды. Полагаю, мне и не нужно было, до этого момента.

Джеймс посмотрел на луну.

– Ну, это вполне логично. В смысле, твой отец погиб, когда ты был ребенком. Ты никогда не знал его.

Гарри кивнул:

– А мой дядя Вернон... хотел бы я сказать, что он сделал все, чтобы заменить мне отца. Но ты знаешь, что это неправда, ведь ты слышал достаточно о том, как все было. Честно говоря, я и не знал, что теряю. Просто знал, что все не так, как должно быть.

– Пока не женился на маме и не стал почетным Уизли?

Гарри, улыбнувшись Джеймсу, кивнул:

– Полагаю, да.

– Ты полагаешь?

Улыбка медленно исчезла с отцовского лица. Он снова отвернулся, вглядываясь в темный двор.

– Это был Сириус, – сказал Гарри. – Он был первым отцом, которого я знал. Строго говоря, он был моим крестным отцом, но меня это не заботило. Он предложил жить с ним, стать семьей. Но не сложилось. Он закончил свои дни, скрываясь от Министерства, переезжая с места на место, всегда в бегах. И все же, он старался изо всех сил. Купил мне «Молнию». И по сей день это моя самая любимая метла.

Гарри замолчал, встал и снял очки. Джеймс сидел молча.

– Я сидел здесь и думал о том, что твой дедушка – уже третий отец, которого я потерял; что я снова вернулся к началу. Если хочешь знать правду, сынок, то я сидел здесь и жалел себя. Сириуса убили прежде, чем у нас появилась возможность сделать хоть одно семейное фото на память. Иногда я едва могу вспомнить, как он выглядел, не считая плаката «Разыскивается». Но пустоту, которую он оставил в моем сердце, ничем не заполнить. Я попытался заполнить ее при помощи старого директора Дамблдора, но вскоре его тоже убили. Дедушка помог мне забыть об этом на долгое, долгое время, но теперь и он ушел. В смысле, серьезно, я должен бы легче пережить его смерть. У меня... у меня есть опыт.

Однако, по правде говоря, мне кажется, что твоя мама справляется с горем лучше меня. Я зол, Джеймс. Я хотел бы вернуть людей, которых потерял. Я просто не могу двигаться дальше, как остальные. Только что я сидел здесь и думал, что дедушка – это уже слишком. Я больше не хочу мириться с этим. Но что я могу сделать? Их не вернуть, но желание сделать это делает нас несчастными. Я думал обо всем этом, и знаешь, что произошло потом?

Нахмутив брови, Джеймс снова взглянул на отца:

– Что?

Гарри медленно улыбнулся:

– Ты выпрыгнул из двери, как черт из табакерки, и напугал меня

так, что я чуть не выронил бокал.

Джеймс улыбнулся в ответ, а потом рассмеялся:

– То есть, когда ты напугал меня, то просто решил отомстить, да?

– Возможно, – Гарри все еще улыбался. – Но я кое-что понял в тот момент и поэтому обрадовался, что ты пришел сюда и сел рядом. Я вспомнил, что у меня есть еще один шанс наладить отношения отцов и детей, но с другой стороны. У меня есть ты, и Альбус, и Лили. Я могу приложить все усилия, чтобы дать вам троим все то, что упустил сам. И знаешь в чем настоящая магия? Когда это случится, немного вернется мне самому от каждого из вас, как отражение.

Джеймс пристально смотрел на отца, слегка нахмурившись. Ему казалось, он понял, только очень смутно. Наконец, он посмотрел на бокал в руке отца.

– Так ты собираешься пить это?

Гарри опустил глаза на бокал с огненным виски, а затем поднял их.

– Знаешь, сынок, – ответил он, глядя на луну сквозь янтарную жидкость. – Пора заводить новые традиции. Как думаешь?

Он поднял бокал чуть выше, на расстояние вытянутой руки.

– За тебя, Артур, – твердо сказал он. – За отца, которым ты был для всех нас, но не единственным для меня. И за вас, Дамблдор, за то, что делали все возможное до самого конца... и за моего настоящего отца, Джеймса Первого, которого я никогда не знал, но всегда любил...

Джеймс уставился на бокал в руке отца, когда Гарри сделал паузу. Наконец, он добавил вполголоса:

– И за тебя, Сириус Блэк, где бы ты ни был. Я скучаю по тебе. Скучаю по всем вам.

Как бы случайно Гарри выплеснул огненный виски из бокала. В лунном свете струя, искрясь, описала дугу и пропала в полумраке двора. Гарри глубоко вдохнул и, выдохнув, слегка вздрогнул. Он откинулся назад и обнял сына. Так они просидели какое-то время, глядя на луну и слушая сверчков в саду. В конце концов, Джеймс уснул. Отец отнес его в постель.

Глава 2. Борли

– Все в порядке, Джеймс, – настаивала Джинни, аккуратно паркуя автомобиль неподалеку от пешеходного перехода. – В этом нет ничего постыдного, ты же знаешь. Твой папа носил их с шести лет, так что тебе еще повезло, что ты так долго обходился без них.

Джеймс на переднем сиденье продолжал кипеть от злости. Позади него Лили проныла в очередной раз:

– Я тоже хочу очки!

Джинни убрала с лица прядь волос и перевела рычаг в режим парковки.

– Лили, если повезет, тебе не придется носить никакие очки, кроме солнечных, а эти уж можешь надевать сколько угодно, дорогая.

– Я не хочу солнечные, – надулась Лили. – Хочу настоящие, как у Джеймса. Зачем ему настоящие очки?

– У меня не настолько плохое зрение, – настаивал Джеймс, по-прежнему сидя в машине. – Я нормально могу читать учебники. Не понимаю, зачем...

– Пока не плохое, – твердо сказала Джинни. – Они с корректирующими линзами. Будем надеяться, что благодаря им твое зрение не упадет. Почему ты делаешь из этого такую проблему?

Джеймс нахмурился.

– Не хочу я их носить. Я выгляжу, как чертов идиот.

– Не произноси это слово, – машинально ответила Джинни. – К тому же, твой отец не похож в них на идиота. А теперь пошли. Лили, останешься здесь с Кикимером, можешь что-нибудь пожевать, договорились? Я буду видеть тебя через окно, вернусь через минуту. Приглядишь за ней, Кикимер?

Сидящий сзади Кикимер извивался в голубом детском кресле.

– Было бы проще, если бы Кикимера не заточили в это магловское орудие пытки, госпожа, но как прикажете.

– Это мы уже проходили, Кикимер. Независимо от того, что думают маглы, глядя на тебя, детям полагается ездить в кресле безопасности. Плохо, что ты не соглашаешься ничего носить, кроме чайного полотенца. Люди не привыкли видеть пятилетнего ребенка в

подгузнике.

– Это единственный наряд, с которым Кикимер привык иметь дело, госпожа, – угрюмо прохрипел он. – Кикимер не был приучен к обществу маглов, но Кикимер сделает все, что в пределах его незначительных магических способностей.

Джинни закатила глаза и выбралась из машины:

– Просто нажми на сигнал, если что–нибудь понадобится, понятно? Абсолютно уверена, что твои «незначительные магические способности» с этим справятся.

Джинни увела Джеймса в здание.

– Почему мы должны идти к магловскому окулисту? – жаловался Джеймс. – Разве не существует волшебных окулистов с невидимыми очками? Или заклинания, которое исправит зрение?

Джинни улыбнулась.

– Не все решается с помощью магии, Джеймс. Магловский окулист ничем не отличается от волшебного, но добираться сюда гораздо удобнее, чем до Косого переулка. Ты уже был здесь на осмотре. Не понимаю, чего ты боишься?

– Я не боюсь, – с отвращением возразил Джеймс, войдя в вестибюль. Он оглядел небольшую комнату ожидания. Она осталась точно такой же, как и в его прошлый визит, вплоть до количества рыбок в грязном аквариуме и журналов на столике.

– Джеймс Поттер, – Джинни разговаривала с полной женщиной, сидящей за стеклянной перегородкой. – Нам назначено на 2 часа у доктора Прендергаста.

Джеймс плюхнулся в то же кресло, что и в прошлый раз. Ворча что–то себе под нос, он пинал его колесико, стоявшее на тонком ковре.

Через несколько минут появился доктор Прендергаст, улыбающийся, тощий и краснощекий. Он засунул собственные очки в карман белого халата.

– Ты вернулся, Джеймс, – весело сказал он. – Твоя мама может пойти с нами, если хочет.

Джинни посмотрела на Джеймса.

– Ты этого хочешь? Я могу сходить за Лили и привести ее сюда.

Джеймс вздохнул и поднялся.

– Нет. Иди и проверь, как она там. Кикимер, наверно, снова

пытается накормить ее икрой.

Улыбнувшись доктору Прендергасту, Джинни бросила быстрый предостерегающий взгляд на Джеймса.

– Я уже заплатила за очки, Джеймс. Когда закончите, просто возвращайся в машину, хорошо?

– Кикимер – ваш питомец? – спросил доктор Прендергаст у Джеймса на пути в кабинет.

– Сводный брат, – ответил тот. – Живет в подвале. Дважды в неделю мы кормим его рыбьими головами.

Доктор Прендергаст подмигнул мальчику, его улыбка стала какой-то неуверенной:

– Как, гм, забавно, Джеймс. Оригинальное воображение.

Джеймс уселся на край стула, в то время как доктор, надев очки, рылся в шкафу. Наконец, он извлек оттуда коробку и раскрыл ее на столе.

– А вот и они, – радостно возвестил он, доставая пару черных очков. Джеймсу казалось, что они были в три раза шире его головы. Он тяжело откинулся на спинку.

– Позволь, я помогу тебе их надеть, и мы протестируем их. Это займет меньше минуты.

Он протянул очки Джеймсу, а затем надел их на него. Джеймс зажмурился, когда дужки коснулись его ушей. Когда он снова открыл глаза, мир немного уменьшился, а по краям стал искаженным. Джеймс огляделся, пытаясь привыкнуть к ощущениям.

– Вот так! – радостно сказал врач. – Что чувствуешь?

Джеймс снова вздохнул.

– Порядок, наверно. Немного странно.

– Это совершенно нормально. Ты быстро привыкнешь.

Джеймс уже решил, что этому не бывать. Он собирался носить эти жуткие очки еще пару дней из-за мамы, а потом засунуть поглубже в чемодан, как только сядет на Хогвартс-экспресс. Они ему не нужны. Он в этом уверен.

Доктор Прендергаст усадил Джеймса на табурет в углу кабинета и развернул его к таблице, висевшей на противоположной стене. На время прикрыв один глаз, Джеймс монотонным голосом прочитал написанное. Доктор удовлетворенно кивнул, в очередной раз снял очки и открыл

жалюзи, впуская в маленькую комнату солнечный свет.

– Очень хорошо, Джеймс, – он открыл дверь в кабинет. – Мы почти закончили. Сейчас составим график последующих визитов, и можешь идти.

Оставшись один в комнате, Джеймс встал и подошел к зеркалу, висевшему около окна. Очки оказались не такими ужасными, как он ожидал, но все–таки достаточно ужасными. Они тяжело и неуклюже сидели на носу. Нахмурившись, он снял их.

Что–то шевельнулось в зеркале за его отражением. Джеймс обернулся. Солнечные лучи, наполнившие комнату, хорошо ее освещали. Джеймс увидел свою тень на стене, падавшую на большой плакат с изображением глазного яблока. Другая тень стремглав пронеслась мимо его собственной. Джеймс мгновенно узнал ее: это была та же фигура, которую он видел несколько ночей назад в коридоре «Норы». Не раздумывая, он потянулся в задний карман за палочкой, но, естественно, ее там не было. Ему было запрещено колдовать вне школы, и мама не разрешала брать ее с собой в мире маглов.

Расплывчатая форма вскарабкалась вверх по стене и прыгнула. Удивленный и сбитый с толку, Джеймс широко открыл глаза: казалось, тень возникла из стены, выскочив из пучка солнечных лучей, из–за которых она становилась еще более неясной, почти невидимой. Эту тень не отбрасывало никакое существо; казалось, что существо было ее тенью. Она приземлилась на небольшой столик рядом со смотровым креслом, и, приведя Джеймса в замешательство, стала брать инструменты доктора Прендергаста и разбрасывать их по комнате. Они со стуком отскакивали от стены. Джеймс сунул очки в карман джинсов и начал подпрыгивать, пытаясь схватить инструменты на лету.

– Прекрати, – шепотом приказал Джеймс крохотному теневому бесенку. – Что ты делаешь? Из–за тебя у меня будут неприятности!

Джеймс нырнул под стул, собирая разбросанные инструменты. Тем временем, очистив стол, бесенок перепрыгнул на стул и стал карабкаться вверх по стене. Добравшись до шкафчика, он ринулся к ряду толстых книг, которые, одну за другой, стал скидывать с полки. Одной рукой Джеймс бросил инструменты на стол, а другой пытался перехватить первые несколько книг. Не сумев поймать все, он наклонился и начал подбирать их с пола. Особенно тяжелый том

стукнул его по затылку, заставив выронить уже собранные книги. Рассердившись, он резко развернулся, выискивая существо, чтобы поймать его, если получится. С книжной полки оно прыгнуло на стену и уже отдирало уголок плаката. Освобожденный плакат, подобно парусу, накрыл Джеймса. Выбравшись из-под него, мальчик бросился на существо. Но оно вскочило на потолочный вентилятор и уселось на одной из лопастей, дразня Джеймса.

– Это магловское место! – зашипел Джеймс существу, – но я волшебник! Можешь благодарить небо за то, что при мне нет палочки!

Существо отпрянуло, как будто поняло сказанное. Развернувшись, оно прыгнуло в сторону окна. Джеймс, не до конца освободившийся от упавшего плаката, бросился к смотровому стулу, пытаясь дотянуться до существа. Он тяжело приземлился на него, и тот пришел в движение. Стул стремительно катился по полу, врезался в стену под окном, и в этот момент дверь открылась.

Джеймс смотрел на доктора Прендергаста, чьи глаза были широко открыты.

– Слушайте, – быстро сказал Джеймс, слезая со стула. – Не знаю, что здесь произошло, но я не виноват. Я не колдовал, не скидывал ваши книги, и не отрывал плакат со стены, и не причастен к погрому. Все это натворил маленький теневой монстр. Вероятно, вы не верите в теневых монстров, это нормально, потому что я сам не знал об их существовании до этого момента, так что все в порядке, в любом случае нам придется применить заклинание Забвения, но кого это волнует, верно?

Взгляд доктора Прендергаста остановился на Джеймсе. Его глаза за стеклами очков сильно расширились. Воспользовавшись моментом, Джеймс оглядел беспорядок в кабинете. К его величайшему удивлению, никакого беспорядка не было. Книги аккуратно стояли на полках. Плакат, совершенно нетронутый, висел на стене. Инструменты для осмотра глаз были аккуратно сложены на тряпочке в углу стола.

– Ах – ха – ха – ха, – рассмеялся Прендергаст, нервно улыбаясь. – Совсем как та история о брате, который питается рыбьими головами из ведра. Как я уже говорил, мистер Поттер, очень, гм, очень оригинальное воображение. Вот вам напоминание о дате следующего визита. Полагаю, ваша мама, гм, ждет вас снаружи.

Утром первого сентября Джеймс был непривычно угрюм. Погода, казалось, соответствовала его настроению: на улице похолодало, туман опустился на город, подобно одеялу. Джеймс смотрел в окно автомобиля, пока они пробирались по городским улицам к станции Кингс–Кросс. Он попытался рассказать маме о странной тени, которую видел уже дважды, но она, взволнованная и обеспокоенная, посоветовала приберечь непонятных выдуманных существ для Полумны Лавгуд, которая по ним специализировалась. Джеймс твердо решил расспросить о нем Полумну в их следующую встречу, но сейчас, готовясь к возвращению в Хогвартс и пытаясь справиться с непривычно грубым братцем Альбусом, он был сильно занят. Довольно скоро он забыл о теневом бесенке.

В то утро все пошло не так. Джеймс, с нетерпением ожидавший возвращения в школу, сложил свои вещи в чемодан и оставил его у входной двери дома Поттеров. Когда он поднялся наверх, чтобы забрать своего филина Нобби, то обнаружил, что Альбус по-прежнему сидит на кровати, завязывая шнурки. Рядом со столом валялся открытый чемодан, упакованный лишь наполовину.

– Ну же, Ал, – сказал Джеймс, ставя клетку Нобби на стол. – Папа уже вывел машину на улицу. Если мы не соберемся и не поедем, то опоздаем.

Альбус и не собирался поторапливаться. Он спрыгнул с кровати и вышел. Джеймс посмотрел ему вслед, закатив глаза, и начал укладывать учебники Альбуса в чемодан. Новая белоснежная сова Альбуса, еще безымянная, сидела в клетке рядом с Нобби и нервно щелкала клювом.

– По крайней мере, у вас нет вещей, которые нужно собирать, – обратился он к совам. – Или проблемного маленького братца.

– Альбус, – позвал снизу голос Джинни. – Джеймс, пора ехать.

Джеймс схватил новые мантии Альбуса и охапку одежды из шкафа, сунул все в чемодан и захлопнул крышку. Если Альбус отправится в Хогвартс без чистых трусов, то сам виноват. Джеймс схватил чемодан

за ручку и потащил к двери, столкнувшись с возвращавшимся Альбусом.

– Это мои вещи? – требовательно спросил Альбус.

Джеймс протащил чемодан мимо него, в коридор.

– Просто возьми сов, ладно? Мы опаздываем.

– Я не закончил сборы!

– Ну, полагаю, что закончил, – Джеймс неожиданно разозлился. – Папа с мамой ждут. Ты что, в конце концов, решил, что не хочешь ехать в школу?

Не ответив, Альбус схватил клетки с совами – при этом птицы громко зауехали – и спустился вслед за Джеймсом к машине.

Когда семья наконец прибыла на Кингс–Кросс, Джеймс попытался поднять себе настроение.

– Только подумай, Ал, как вечером, устроившись на новом месте, ты будешь сидеть напротив камина в виде головы гигантской змеи и пить из фляжки сливочное пиво со своими новыми скользкими друзьями.

Альбус нахмурился и открыл дверцу машины, оказавшись на парковке. Джеймс тоже вышел.

– Можно мне хотя бы толкать тележку? – спросила Лили, демонстрируя свою лучшую обиженную гримаску.

– Прости, Лили, – ответил Гарри, укладывая чемоданы и клетки с совами на две тележки. – Они слишком тяжелые, а мы торопимся. Через несколько минут ты встретишься с Хьюго. Если все будет в порядке, тетя Гермиона и дядя Рон пообедают с нами после того, как отправится поезд. Разве не здорово?

– Не хочу обедать, – раздраженно сказала Лили.

Вся семья прошла на станцию через огромные ворота и стала прокладывать путь между пассажирами, привлекая к себе всеобщее внимание из-за сов, которые ухали и били крыльями. Лили, следовавшая за родителями, тщетно ныла о своем желании поехать в Хогвартс с братьями сейчас, а не через два года.

– Я бывал в гостиниой Слизерина, – сообщил Джеймс Альбусу, когда они подошли к платформе. – Ральф показал мне. А Зейн видел даже спальню девочек. Она похожа на пятизвездочный отель в средневековой Трансильвании, если ты понимаешь, о чем я. Тебе

понравится.

Альбус повернулся и посмотрел на Джеймса.

– Не буду! Не буду я на Слизерине!

– Угомонись, Джеймс! – предупредила Джинни.

– Я только сказал, что он может туда попасть, – защищался Джеймс, улыбаясь Альбусу. – В этом нет ничего плохого. Он может попасть в Слиз...

Увидев предостерегающее выражение на лице матери, он умолк. Чувствуя раздражение, он забрал у нее тележку и, бросив через плечо взгляд на Альбуса, толкнул ее вперед, направляясь к барьеру. Как и в прошлом году, стена словно растворилась. Он проскочил сквозь нее и вытолкнул тележку на платформу девять и три четверти. Здесь было так же многолюдно, как и в прошлый раз, хотя из-за тумана и дыма было трудно хоть кого-либо разглядеть. Джеймс слышал доносившееся из тумана пыхтение и свист Хогвартс-экспресса, и, впервые за все утро, почувствовал себя немного лучше. Не дожидаясь остальных членов семьи, он, толкая вперед тележку, сквозь толпу направился к поезду.

– Джеймс! – позвал чей-то голос. Джеймс огляделся и увидел кузину Люси, стоящую рядом с дядей Перси, который увлеченно беседовал с женщиной в полосатой мантии. Жена Перси, Одри, стояла рядом, держа за руку сестру Люси, и изучала график отправок.

– Привет, Люси, – отозвался Джеймс, толкая тележку к ней. – Не ожидал тебя здесь увидеть. Что случилось?

– Мы уже возвращались, – она пожала плечами, – когда папе позвонили. Какие-то магические неполадки в Уондсворте, в Министерстве захотели, чтобы он остался. В конце концов, какое-то время мы поживем дома. Где Альбус?

Джеймс жестом указал туда, откуда пришел.

– Альбус по-прежнему не в духе. Ворчит еще с тех пор, как мы были в «Норе».

Люси понимающе кивнула, но промолчала.

– Ну, я, пожалуй, занесу свой багаж, – сказал Джеймс. – Мы уже опаздываем. Увидимся, Люси.

– Пока, Джеймс, – ответила Люси, добавив лишь: – Приглядывай за Альбусом, ладно?

Джеймс ощутил легкий укол совести. Он кивнул:

– Конечно, Люси. Я же его старший брат.

Люси улыбнулась и помахала. Отвернувшись, Джеймс побежал к поезду, толкая вперед тележку. Едва он увидел носильщика, как Тедди Люпин и Виктуар, увлеченные приглушенным разговором, проскользнули в туман. Удостоверившись, что вещи будут в целости погружены в поезд, Джеймс попытался догнать парочку.

– Эй, Тед, Виктуар, – позвал он.

Они остановились недалеко от станции, но Виктуар продолжала говорить. Головой она почти касалась головы Теда.

– Уже пора, – ее лицо было серьезным. – Я не хочу, чтобы наш с тобой секрет тянулся до конца этого учебного года.

– Но он ведь не только наш с тобой, Вик, – резонно заметил Тед. – Ты же знаешь, что твои родители не готовы к тому, чтобы узнать о происходящем между нами. Твоя мама считает меня разгильдяем, только и ищущим, где что урвать. Дай мне немного времени, чтобы попробовать организовать дела в Хогсмиде. Так я смогу доказать свою серьезность...

– Кому ты хочешь это доказать? – спросила Виктуар, отступая и упираясь кулаками в бока. – Моим родителям или себе самому?

Тед закатил глаза. Он покосился на Джеймса:

– Вот что значит встречаться с девушкой из семьи, с которой знаком всю свою жизнь, – сказал он. – Они знают меня слишком хорошо, чтобы я смог повлиять на них с помощью своего обаяния.

– У тебя все в порядке с обаянием, – фыркнула Виктуар. – По сути, если бы его не было, такой проблемы вообще бы не возникло.

– Извините за вторжение, – сказал Джеймс, поднимая руки ладонями вперед. – Я только хотел поздороваться. Я сию секунду исчезну обратно в туман.

– Погоди-ка, – произнес Тед с задумчивым выражением лица. – У меня возникла идея.

Внезапно он сгреб Виктуар в охапку и сжал в объятиях. Сначала она сопротивлялась, но затем, когда он поцеловал ее, обмякла в его руках. Она медленно опустила сумочку на землю и обвила руками шею Теда. Джеймс, слегка нервничая, отступил на несколько шагов назад и принялся оглядываться по сторонам.

– Эм, как я уже говорил... – начал было он, но прервался, увидев,

как Тед поднял палец, не отрываясь от губ Виктуар. Наконец, он закончил и, хитро улыбнувшись, посмотрел на Джеймса.

– Ты все видел, не так ли? – спросил он.

– Не думаю, что я видел еще что-нибудь кроме всего этого, – ответил Джеймс, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Прекрасно. А теперь не окажешь ли мне услугу?

Виктуар уставилась на Теда, по-прежнему держа руки на его шее.

– Тедди, не...

Улыбка Теда не дрогнула.

– Иди и расскажи всем, что ты видел.

– Что? – Джеймс моргнул от неожиданности.

– Просто расскажи им. Скажешь, что пришел провожать Виктуар и застучал нас целующимися прямо здесь, на платформе. Что ты помешал нам, и я грубым тоном велел тебе убираться. Таким образом, правда выйдет наружу, и нам не придется самим во всем признаваться, – он снова повернулся к Виктуар. – Ты ведь этого хотела?

Она пораженно покачала головой, но не смогла сдержать улыбки.

– Ты просто разбойник, – сказала она.

Тед пожал плечами.

– Я всего лишь умею найти повод тебя поцеловать. Что думаешь, Джеймс? Справишься с задачей?

Джеймс усмехнулся.

– Я учился врать у Зейна. Преподнесу в лучшем виде.

– Отлично, – ответил Тед. – Добавим реалистичности, – он сделал суровое лицо и посмотрел на Джеймса, – проваливай, ясно тебе? Я занят.

Сказав это, он снова принялся целовать Виктуар. Она улыбалась и хихикала, игриво отталкивая его. Джеймс круто развернулся и поспешил обратно в толпу. Через мгновение он заметил свою семью, стоящую вместе с тетей Гермией и дядей Роном у поезда. Они оглядывались в сторону станции. Проследив направление их взгляда, Джеймс увидел Драко Малфоя с женой и сыном. Коротко кивнув им, Джеймс присмотрелся к их сыну: у того были такие же резкие черты лица и светлые волосы. Он какое-то время разглядывал Джеймса и, казалось, узнал его. Через секунду мальчик уже смотрел в сторону, как бы скучая.

Джеймс вспомнил новость, которой должен был поделиться. Он побежал к своей семье, уворачиваясь от клубов дыма и толпящихся людей. Когда он приблизился, то услышал, как дядя Рон демонстративным голосом поучал Роуз:

– Но ты все-таки не слишком-то дружи с ним, Роуз. Дедушка Уизли не простил бы тебе, если ты вышла замуж за чистокровку.

Джеймс был рад прервать неловкую паузу, которая за этим последовала.

– Эй! – выкрикнул он, когда подошел. Роуз увидела его первым и улыбнулась. Остальная часть семьи с любопытством повернулась к нему.

– Там Тедди, я его только что видел! Знаете, что он делает? Целуется с Мари-Виктуар!

Взрослые сдержанно смотрели на Джеймса. Тот поднял брови, рассерженный отсутствием реакции.

– Наш Тедди! Тедди Люпин! Целуется с нашей Мари-Виктуар! Нашей двоюродной сестрой! Я спросил Тедди, что он тут делает...

– Ты им помешал? – недоверчиво спросила Джинни. – Ох, Джеймс, до чего же ты похож на Рона!

Но Джеймс не сдавался, стараясь передать все так, как просил Тед.

– ... он сказал, что пришел проводить ее! А потом сказал, чтобы я катился оттуда! Он с ней целовался!

Лили не выдержала:

– Вот будет здорово, если они поженятся.

Джеймс закатил глаза, не обращая внимания на дальнейший разговор. В конце концов, ему удалось распустить слухи. Тед будет доволен. Спустя мгновение он услышал слова отца:

– Почему бы нам просто не пригласить его жить у нас, и дело с концом?

– Да! – с энтузиазмом откликнулся Джеймс. – Я не против жить с Алом в одной комнате, а мою можно отдать Тедди.

– Нет, – твердо сказал Гарри. – Вы с Алом не будете жить в одной комнате, пока я не решу, что дом пора сносить. – Он взглянул на часы и улыбнулся. – Почти одиннадцать. Вам пора заходить в вагон.

Джеймс обнял родителей и уже через минуту поднялся в поезд, оставляя шум и пар позади. Он устроился в ближайшем купе вместе с

Роуз, которая открыла окно и высунулась, чтобы помахать. Джеймс высунулся следом. Альбус все еще стоял на платформе, папа присел рядом. Джеймс помнил, что Гарри поступил точно также в прошлом году, провожая его, и не сомневался, что обсуждают они то же самое. Джинни смотрела на Джеймса и махала ему. Лили притаилась рядом, держась за мамину руку.

Альбус отошел от отца, обнял маму и забрался в поезд. Уже через мгновение он входил в купе к Джеймсу и Роуз. В поезде царил непривычная суматоха: некоторые школьники, столпившись в купе, высовывались в окна и взволновано что-то обсуждали.

– На что они уставились? – спросил Альбус, оглянувшийся вслед за Роуз.

Стоявший на платформе Рон пожал плечами и ответил:

– Не беспокойся. Все из-за меня. Я страшно знаменит.

Альбус улыбнулся и даже немного посмеялся. Роуз усмехнулась, глядя на отца. Раздался громкий скрежет, потом толчок, и поезд пришел в движение. Джеймс не мог не заметить, что его брат почувствовал себя лучше. Альбус улыбался и махал рукой, позволив легкому волнению отразиться на лице. Рядом с поездом шел их отец, подняв одну руку и задумчиво улыбаясь. Поезд набрал скорость, и Джеймс смотрел, как уменьшаются фигуры родителей, стоявших на платформе. Роуз высунулась в окно и усердно махала Рону и Гермионе, затем со вздохом залезла обратно и закрыла его.

– Ну вот, – сказала она, шлепнувшись на сидение напротив Джеймса, – мы едем!

Джеймс кивнул. Альбус смотрел в окно до тех пор, пока платформа не скрылась из виду, а затем сел рядом с Роуз. Откинувшись назад, он наблюдал, как мимо проносится Лондон.

– Что думаешь, Ал? – Джеймс вспомнил, что советовала Люси на платформе. – Предвкушаешь первый год в школе?

Альбус долго смотрел на Джеймса, а затем глубоко вздохнул.

– Я бы предвкушал его с большим удовольствием, если бы знал, что ты взял мне пару носков.

Джеймс прищурился, слегка улыбаясь, и пнул брата:

– Ты все равно их никогда не меняешь. В любом случае, сомневаюсь, что тебе нужна еще пара, кроме той, что сейчас на тебе.

– Это отвратительно, – объявила Роуз.
Кто-то громко постучал в дверь купе, и все трое оглянулись.
Это был Ральф, покрасневший и улыбающийся.
– Всем привет. Найдется одно место?

– Значит, в этом году Зейн будет учиться в Альма Алерон? – Роуз пыталась изобразить безразличие.

– Ты же знала об этом еще с того момента, как он приехал в гости в июле, – сказал Альбус.

– Ну, тогда он не был абсолютно уверен. Он утверждал: есть шанс, что контракт его отца продлят.

– Нет, – настаивал Альбус. – Он говорил, что в любом случае уедет в Штаты с сестрой и мамой. Ты так его обожаешь, что уверена: стоит тебе только глазом моргнуть, как он взберется на гору и преодолеет бурные реки только ради того, чтобы учиться с тобой в Хогвартсе.

Роуз театрально закатила глаза.

– Очень смешно. Я едва его знаю, а все, что знаю, нахожу абсолютно невыносимым.

– Настолько невыносимым, что пыталась приготовить Любовное зелье? – ухмыльнулся Альбус.

Роуз резко повернула голову и уставилась на Альбуса.

– Я никогда..!

Альбус пожал плечами, продолжая ухмыляться.

– Пора бы научиться запирать дневник на более мощное заклятие, нежели тот слабенький Узел Забывчивости, который прилагался при покупке. Уж тебе-то должно быть известно, что он вскрывается одним щелчком пальцев.

– Ах ты крысеныш! – взревела Роуз. Ее голос стал таким высоким, что был почти неслышен. – Если бы я знала, как накладывать проклятия, то превратила бы твою голову в зефир!

– В твоей семье всегда так? – спросил Ральф у Джеймса, жуя

лакричную палочку.

– Почти, – кивнул Джеймс. – Хорошо, что Луи нет с нами. Он показал бы нам худшую сторону Роуз.

– А это не худшая?

Порывшись в сумке, Джеймс достал палочку. Теперь, когда он ехал в поезде, он наконец мог ее использовать. Джеймс горел желанием поиграть с Ральфом в «Складки и сверла», но знал, что тот легко побьет его своей нестандартной палочкой с зеленым наконечником. Джеймсу хотелось бы верить, что своими способностями Ральф обязан палочке, которая некогда была частью магического посоха Мерлина, но он понимал, что это не так. Ральф был талантливым, и он, вероятно, сам не ведал насколько. Победы Ральфа в «Складки и сверла» были еще более возмутительны от того, что он постоянно извинялся.

– Жаль, что Зейна не будет в школе в этом году, – сказал Джеймс. – Без него будет как-то странно.

– Ну, с ним тоже было странно, – заметил Ральф. – То на то и выходит. Кроме того, мы сможем увидеть его. Он упоминал, что в Альма Алерон разрабатываются какие-то новые экспериментальные методы общения. Он собирался вступить в команду испытателей.

Джеймс кивнул.

– Похоже, после своего отъезда старик Франклин усердно трудился.

– Еще бы, – согласился Ральф. – Мой папа был там летом, и ему показывали школу и прилегающую территорию. Весь кампус, окруженный каменной стеной, помещается в одном дворе в старом районе Филадельфии. Будешь проходить мимо – в жизни не заметишь. Поговаривают, он ненаносимый! У них даже Временной Замок есть!

Джеймс нахмурился.

– Что еще за Временной Замок?

– О, просто супер! – с энтузиазмом сказал Ральф. – Это единственный вход в школу. Почти как шлюз. Знаешь, когда ракета стыкуется с космическим кораблем, между ними есть небольшой отсек.

Джеймс язвительно поднял брови.

– Ах, да, – сказал Ральф. – Постоянно забываю, что ты вырос среди волшебников. Ладно, шлюз – что-то вроде закрытой комнаты между двумя объектами с разным давлением. По обе стороны есть двери.

Когда тыходишь в шлюз, ты берешь свое давление. Затем двери закрывают, и твое давление меняется. Для космонавтов это единственный способ попасть в воздушное пространство космической станции.

Выражение лица Джеймса не изменилось.

– Ну ладно, – сказал Ральф, защищаясь, – я ведь вырос на научно-фантастических фильмах. Не всем из нас повезло родиться с серебряной палочкой во рту, знаешь ли.

Джеймс рассмеялся.

– Окей, проехали, Ральфинатор. Так что за Временной Замок?

– Ну так вот! Это и есть шлюз во времени! Мало того, что кампус Альма Алерон спрятан за магической каменной стеной, которая делает его в разы меньше, так он еще и скрыт во времени! Нужно пройти через Временной Замок, чтобы из своего времени попасть в любой момент в кампусе.

– Это невозможно, – Роуз опустила книгу, которую читала. – Путешествия во времени не только крайне нестабильны, но и очень опасны. Министерство даже запретило маховики времени из-за большого количества людей, которые, перемещаясь во временных потоках, делали прошлое шатким.

– Во «временных потоках»? – переспросил Ральф.

– Шатким? – усмехнулся Альбус.

– К Роуз нужно привыкнуть, – ответил Джеймс. – Но к ней всегда можно обратиться, если понадобится лекарство от ядовитого плюща.

– Или любовное зелье, – добавил Альбус.

– Оно бы сработало, если бы мне повезло, и он выпил его, – чопорно уточнила Роуз. – Я просто испытывала на нем зелье, потому что посчитала его чуть менее раздражающим по сравнению со всеми вами.

– Какая у тебя палочка, Роза? – сменил тему разговора Джеймс.

– Только папа может меня так называть, Джеймсон, – потянувшись за сумкой, ответила Роуз.

Джеймс улыбнулся:

– Джеймсон – тоже не мое настоящее имя.

– Ива, – сказала Роуз, изящно взмахнув палочкой. – Восемь дюймов, сердцевина из пера пегаса.

– А твоя, Альбус? – спросил Ральф, засовывая в рот последний кусочек лакричной палочки.

Альбус слегка изменился в лице и пожал плечами.

– Обычная палочка. Восемь с половиной дюймов. Сделана из тиса.

Ральф кивнул.

– Из чего сердцевина?

Альбус отвернулся к окну, его лицо потемнело.

– Из чего сделана сердцевина твоей палочки, Ральф? – многозначительно спросил он.

Моргнув, Ральф полез в сумку и достал свою палочку. Джеймс посмотрел на нее, отлично зная, как она выглядит. Почти фут в длину и толщиной с метлу. Конец был грубо выструган и окрашен в ярко-зеленый цвет. Она смотрелась так же глупо, как и всегда. Но Джеймс знал больше, чем кто-либо, на что способна эта палочка в руках Ральфа. Однажды она спасла Джеймсу жизнь.

– Вот, – признался Ральф. – Я привык думать, что внутри у нее волос йети.

– Волос йети? – повторил Альбус, подавшись вперед и улыбаясь.

– Мы это уже проходили, – вздохнула Роуз. – Никто не знает, что внутри этой палочки, кроме, может быть, Мерлина. Но, уверена, он не собирается говорить. Он меня пугает.

Джеймс посмотрел на Роуз:

– Серьезно? Почему?

Роуз одарила Джеймса презрительным взглядом.

– Он всего лишь самый известный корыстный волшебник за всю историю мира магии, знаешь ли.

– Полагаю, что это так, но не злой.

– Тебе не приходило в голову, что такой могущественный волшебник, как Мерлин, становится еще ужаснее от того, что он не злой, а эгоистичный?

Джеймс недоверчиво нахмурился.

– С чего ты это взяла? Твои собственные родители входили в комитет, который назначил его директором.

Роуз положила палочку обратно в сумку и засунула ее под сиденье.

– Скажем так: даже самые убежденные сторонники полагают, что существует много вещей, которые они не хотят о нем знать.

– Например? – настаивал Джеймс.

– Которых мы не знаем, – повторила Роуз. – В том-то и дело: мы их не знаем.

Джеймс усмехнулся и отвернулся от нее, держа в руках волшебную палочку.

Небо за окном поезда в преддверии дождя стало серым, как сланец. Мимо однообразно мелькали поля. Джеймс решил поискать остальных своих друзей. Он встал и открыл дверь.

– Эй, – позвал Ральф, не отрываясь от своей газеты. – Встретишь волшебницу с тележкой, отправь ее сюда, ладно? Я проголодался.

Джеймс кивнул и вышел. Он уже собирался закрыть дверь, как в нее протиснулся Альбус, присоединяясь к Джеймсу в коридоре.

– Почему ты не рассказал Ральфу, из чего сделана сердцевина твоей палочки? – спросил Джеймс, когда они отошли.

– А ему какое дело? – откликнулся Альбус, как будто хотел услышать ответ брата.

Джеймс лишь пожал плечами. Через секунду Альбус вздохнул:

– Слушай, все из без того шутят по поводу моего имени. Аспид, такая змея, ха, ха. А если они узнают, что сердцевина моей палочки сделана из сердечной жилы дракона...

– По-моему, это круто, – сказал Джеймс. – Никто не связывается с драконами.

– Кроме дяди Чарли и Гарольда с Джулсом, – Альбус позволил себе немного улыбнуться.

– Да, но они совершенно ненормальные. Почти, как Хагрид, когда дело касается драконов, – Джеймс остановился и посмотрел на Альбуса.

– Знаешь, здесь нет ничего такого. Я дразнил тебя, но, серьезно, только потому что на распределении я подумывал...

Что-то промелькнуло мимо них в коридоре. Джеймс заметил это и, задохнувшись, обернулся.

– Что? – спросил Альбус, тоже оглядываясь.

Джеймс покачал головой, по-прежнему изучая тени.

– Не знаю. Что-то. Кажется, я видел его раньше, но пока не знаю, что это.

– Я смотрю, после первого курса ты просто переполнен знаниями, – сказал Альбус.

Джеймс поднял руку, заставив Альбуса замолчать. Освещение в коридоре было бледным и неясным, тени прыгали, когда поезд проходил через лес, но Джеймс был уверен, что узнал очертания и движение крохотного теневого бесенка. Он был полон решимости отыскать его.

Неожиданный звук и толчок воздуха заставили Джеймса подскочить. Он увидел, как огромный человек с короткими темными волосами прошел в коридор из соседнего вагона. Он легко толкнул соединяющую дверь, и та вернулась на место.

– Ужасный день, мальчики, – пророкотал он, протискиваясь мимо них по проходу. – Вам лучше вернуться в купе. Опасно бродить по движущемуся поезду.

– Мы только... эм... искали своих друзей, – ответил Джеймс.

– Как и я, – улыбнулся мужчина, пробираясь боком. – Пусть вам повезет в поисках больше, чем мне, ладно?

Высокий человек прошел до конца коридора и открыл дверь, впуская новый поток воздуха и шум из соединительного перехода между вагонами. Через мгновение он захлопнул ее.

– Это был учитель? – спросил Альбус, глядя вслед мужчине.

– Никогда прежде не видел его, – рассеянно ответил Джеймс. Он заметил, что дверь, через которую тот прошел, не была плотно закрыта. Она чуть отъехала назад после того, как он толкнул ее. Холодный воздух со свистом проходил сквозь щель.

Вдруг теневой бесенок очутился перед дверью, уставившись на небольшое отверстие. Джеймс увидел его, и глаза у него округлились. Существо, казалось, обернулось, как бы приглашая следовать за ним. Щель была слишком узкой даже для крошечной теневой фигуры, но, повернувшись, она проскользнула туда, пройдя сквозь пространство, как дым.

Джеймс кинулся вперед.

– Что это? – Альбус последовал за ним.

– Ты это видел? – спросил Джеймс, стараясь удержаться на качающемся полу.

– Еще бы! Похоже на тень, но существует само по себе!

Джеймс подошел к двери и дернул ее. Туманный воздух и оглушительный стук колес просочились внутрь. Тесный переход сильно

трясло, но существо было там, прыгая в углублении перед дверью, ведущей в следующий вагон. Джеймс потянулся к нему, но оно проскользнуло под дверью, став таким плоским, что практически исчезло.

– Пошли! – сказал Джеймс, дергая следующую дверь. – Я хочу узнать, что это за существо! Я задолжал ему взбучку!

Следующий вагон поезда оказался точно таким же, как предыдущий. Купе, расположенные справа, были заполнены болтающими и смеющимися учениками Хогвартса. Джеймс не обратил на них внимания, преследуя в коридоре существо, которое то появлялось, то исчезало в переменчивом освещении, карабкалось по стенам и скакало по полу. Джеймс осознал, что по-прежнему держит в руке палочку. Он попытался быстро вспомнить заклинания, которым их учил профессор Франклин на занятиях по защите от темных искусств в прошлом году.

– Вот он! – Альбус остановился, указывая куда-то. – Он направляется к мотору! Но мы не сможем туда попасть, правильно?

Джеймс был полон решимости следовать за тенью. Он побежал вперед, пока она мерцала в полоске света между дверью и стеной. Сквозь небольшое окно Джеймс увидел, что следующий вагон не был пассажирским. Это был вагон с углем, который питал двигатель. Шум малинового локомотива здесь был значительно сильнее. Джеймс схватился за ручку двери и потянул, но та была заперта.

– Уверен, что это хорошая идея? – спросил Альбус, когда Джеймс направил палочку на дверь.

– Алохомора! – громко произнес Джеймс. Желтая вспышка, и дверь скользнула в сторону, открывшись наполовину. Джеймс взялся за ручку и дернул дверь.

Холодный туманный воздух и сажа наполнили отсек. Угольный вагон по ту сторону сцепки был отгорожен черной железной стеной. Под гигантской сцепкой проносились рельсы. Теневой бесенок плясал на сцепке, невообразимым образом сохраняя равновесие в потоках воздуха и шума.

Джеймс направил на него палочку.

– Кто ты? – обратился он. – Что ты здесь делаешь?

Внезапно существо наклонилось и обхватило своими конечностями

стержень, фиксирующий крепление. Оно стало яростно тянуть его, пытаюсь вытащить и отсоединить поезд.

– Прекрати! – приказал Джеймс, стараясь держать палочку ровно под давлением воздуха и тумана. – Прекрати, или я оглушу тебя! Я знаю, как это сделать!

Существо еще больше расшвыряло: оно бешено выдергивало стержень. Джеймс перевел дыхание.

– Остолбеней! – заорал Джеймс в тот момент, когда огромная рука, схватив его запястье, дернула его вверх. Заклинание отскочило от железной стенки угольного вагона и исчезло в тумане. Джеймс обернулся так быстро, насколько мог. Его руку все еще удерживала железная хватка.

– Не слишком удачная идея, – спокойным грохочущим голосом произнес Мерлин. Он стоял за спиной у Джеймса, ослепительный в своей мантии, со смазанной маслом бородой. Его взгляд был прикован к теневому существу. Он отпустил руку Джеймса, но не отступил.

Джеймс отошел в сторону, пропуская вперед волшебника. Альбус с округлившимися глазами стоял рядом.

Мерлин заговорил с существом. Джеймс не понимал сказанного, но узнал язык, который использовал Мерлин, разговаривая в Лесной Башне с директором МакГонагалл в ночь прибытия. Язык был очень сложным, насыщенным труднопроизносимыми сочетаниями согласных.

Бесенок перестал вытаскивать стержень из сцепки и застыл. Он вернулся в вагон, пройдя практически между ног Мерлина, и остановился, слегка покачиваясь в трясущемся поезде. Мерлин захлопнул дверь, отрезав стук колес и ветер. Он отступил назад, по-прежнему не сводя глаз с теневой фигуры.

– Мистер Поттер, – спокойно произнес он, – не будете ли вы так любезны некоторое время постоять на страже? Мне нужно забрать кое-что из моего купе. Боюсь, я был слегка неподготовлен, когда заметил вас в погоне за борли.

– Борли? – переспросил Джеймс, посмотрев на слегка покачивающееся создание. – Эм, да, конечно. Что мне для этого понадобится?

– Абсолютно ничего, – ответил Мерлин. – Я вверг его в транс, но чары не будут действовать долго. Просто проследите за ним, когда он

снова очнется.

– И что нам делать тогда? – вмешался Альбус, протискиваясь между Мерлином и Джеймсом.

Мерлин покосился на него.

– Скажете мне, куда он направился, – пророкотал он. Затем, с трудом развернувшись, направился обратно по коридору. – Ох, и, мальчики? – добавил он, бросая на них взгляд через плечо. – Что бы ни происходило, не используйте магию в присутствии борли.

Мгновение спустя дверь открылась и закрылась, пропустив Мерлина.

– Что, черт возьми, за борли такой? – спросил Альбус, уставившись на зачарованную тень.

– Без понятия.

– Так это и есть Мерлин, а?

Джеймс кивнул.

– Его трудно не заметить.

На полпути дальше по коридору тихонько отворилась дверь купе. Оба Поттера посмотрели на мальчика, вышедшего оттуда. Мальчик бросил взгляд в ту сторону, куда ушел Мерлин, затем повернулся к Джеймсу и Альбусу. Выражение его лица оставалось холодным и полностью лишенным какого-либо интереса, он был очень бледен. Тут Джеймс понял, что это сын Драко Малфоя.

– Уже взялись за свои шалости? – прокомментировал мальчик. – И сразу же умудрились попасться новому директору в придачу.

– Это тебя абсолютно не касается, – заявил Джеймс, постаравшись загородить собой крохотную тень.

– Я знаю, кто вы, – сказал мальчик, он улыбнулся, прищурив глаза. – Два Поттера. Не могу точно вспомнить ваши имена. Впрочем, это не имеет значения, не так ли?

– Чего тебе надо? – спросил Джеймс, постаравшись придать голосу грозности. В конце концов, он уже второкурсник. Не то чтобы большой срок, но все же больше, чем ничего.

– Сначала я хотел просто удостовериться, что вы настолько тупоголовые, насколько я раньше слышал. Среди слизеринцев постарше болтают, что тот из вас, кто постарше, пребывает в заблуждении, будто он такой же великий герой, как и его отец. Вот только сейчас я вижу

только пару испуганных детишек, поэтому я просто хочу знать, что там в углу за вашими спинами, – сказал мальчик, указывая на пол возле ног Джеймса.

Альбус выступил вперед.

– Как уже было сказано, это не твое дело. Почему бы тебе просто не свалить отсюда, а, Скорпиус?

– Вообще–то, это не входило в мои планы, – сказал бледный мальчик, снисходительно улыбаясь. – Я, знаете ли, весьма любопытен. Так что дайте посмотреть!

– Я видел твоего отца на прошлой неделе, – сказал Джеймс. Он осознал, что все еще держит в руке палочку.

– Да, – Скорпиус закатил глаза. – На похоронах старика. Полагаю, он решил, что это благородно. Мама не согласилась, но она поддерживает все идеи отца, как и положено хорошей жене. Лично я не вижу в этом смысла. Трудно переживать из–за одного мертвого Уизли, когда их так много вокруг.

Джеймс заметил какое–то движение и опустил взгляд, уверенный, что существо пробудилось. И только услышав глухой удар, понял, что произошло. Альбус кинулся на Скорпиуса, толкнув его к стене так сильно, что мальчик потерял равновесие. Они оба рухнули на пол, беспорядочно барахтаясь.

– Как ты посмел? Убери от меня свои руки! – орал Скорпиус. Он пытался перебороть Альбуса, который крепко держал его.

– Возьми свои слова назад! – бешено вопил Альбус. – Сейчас же!

Захлопали двери, ведущие в коридор. Собрались любопытные, кто–то улыбался и показывал пальцем.

– Джеймс, – выходя в коридор, позвала Сабрина Хильдегард, знакомая с Гриффиндора. – Что происходит? Сначала кто–то оставил открытой дверь между вагонами, а теперь...

Раздался треск и вспышка красного света. Скорпиус, белый как мел, поднялся на ноги. Он направил палочку на Альбуса, но тот бросился на него.

– Нет, – крикнул Джеймс. – Альбус, прекрати!

Послышались гневные крики возмущенной толпы, когда Скорпиус попятился назад, пытаясь уклониться от рук Альбуса. еще одно заклинание отскочило от потолка купе. Вдруг Джеймс вспомнил о

борли. Он круто развернулся, выискивая его, но существо пропало. В отчаянии он осмотрел весь коридор.

– Никаких заклинаний! – закричал он, поднимая руки, но на него не обратили внимания. Джеймса без конца толкали: ученики столпились в узком пространстве, чтобы посмотреть на драку. Джеймс вертелся на месте в поисках существа и неожиданно увидел его. Борли прыгал по теням собравшихся. Он стал гораздо больше, чем прежде, и казался более плотным. Он спрыгнул на пол, и Джеймс услышал удар от его приземления. Не раздумывая, он направил на него палочку. Борли видел это и кинулся вперед, как при атаке. Джеймс отдернул палочку и пригнулся. Существо прошло у него над головой и исчезло в толпе, заполонившей коридор.

– ТИШИНА! – пророкотал чей-то громкий голос, Джеймс догадывался, кому он принадлежит. Поморщившись, мальчик прислонился к стене.

Толпа зевак моментально умолкла. А через мгновение коридор опустел: собравшиеся пугливо проскользнули обратно в свои купе, покинув Джеймса, Альбуса и Скорпиуса. Альбус сжимал край мантии Скорпиуса. Тот, в свою очередь, по-прежнему держал палочку. Он попытался незаметно сунуть ее в карман.

Мерлин медленно закатил глаза.

– Итак, – низким, рокочущим голосом спросил он, – кто-нибудь может сказать мне, в каком направлении он вообще исчез?

Глава 3. Распределение

– Вы не можете снять десять очков с Гриффиндора, мы даже до школы не добрались, – настаивал Джеймс. Ему приходилось бежать рысью, чтобы поспеть за тяжелой поступью Мерлина.

– Снятие баллов с факультета нарушителя – предпочтительная мера дисциплинарного наказания в Хогвартсе, мистер Поттер, – рассеянно сказал Мерлин. – Я приказал вам охранять борли и не позволять никому колдовать при нем. В противном случае, вы должны были указать мне, куда он сбежал. Я не могу в полной мере выполнять обязанности директора школы, если не буду применять некоторые формы наказания за ваше полное пренебрежение моими указаниями.

– Но колдовал Скорпиус! – Джеймс был в отчаянии. Он прыгал перед директором, пытаясь его остановить. – Не моя вина, что он вспыльчивый негодяй! Я сделал все, чтобы остановить его!

Мерлин осматривал коридор.

– Вы действительно сделали все, что могли, мистер Поттер?

Джеймс поднял руки:

– Ну, полагаю, я бы мог удержать Альбуса и не дать ему кинуться на чертова болтуна!

Мерлин кивнул и взглянул на Джеймса, впервые уделив ему все внимание.

– Правду говорят, мистер Поттер: я пришел из совершенно другого времени. Когда я отдаю приказ, я не делаю это просто так. Вам надлежит помнить, что недостаток усилий, приложенных для выполнения приказа, с моей точки зрения, гораздо хуже избытка. Понимаете?

Джеймс мысленно разбирал смысл фразы, слегка кивая. Он поднял глаза на директора и покачал головой.

– Это значит, – медленно повторил Мерлин, – я ожидаю, что вы приложите все усилия, чтобы выполнить мою просьбу. Если для ее выполнения нужно удержать вашего брата, в следующий раз я буду ждать от вас именно этого. Борли сбежал, и, что важно, из-за вашей халатности он набрал силу. В следующий раз парализовать его будет не так просто. Вы должны знать, что еще несколько минут назад он был

относительно безвреден.

Опущенные брови и сверкающие глаза Мерлина ясно подчеркивали важность сказанного. Джеймс, по-прежнему считавший, что обвиняют его несправедливо, понимающе кивнул.

– А что это? – спросил Альбус. – Что за борли?

Мерлин отвернулся, казалось, забыв о мальчиках.

– Разновидность Тьмы – теневые существа. Абсолютно магические создания, поскольку питаются магией. Они дразнят молодых или глупых волшебников, заставляя использовать против них чары, питаются ими и растут. Безвредны, если маленькие. Но вырастая...

Джеймс, следуя за Мерлином, оглядывал вагон:

– В кого они превращаются, когда вырастают?

– Кажется, – мрачно сказал Мерлин, – вы зовете их «дементоры».

И Джеймс, и Альбус знали о дементорах. Джеймс вздрогнул.

– Думаю, я видел этого борли неделю назад в доме бабушки, – проговорил он. – А потом в кабинете окулиста. Он устроил жуткий беспорядок, но пару минут спустя, когда вернулся доктор, беспорядок исчез. Все было на месте. Я решил, что мне показалось.

– Вам не показалось, – остановившись в конце коридора, Мерлин обернулся. – Борли родом из реальности, которая существует вне времени. Они управляют крошечными временными кармашками, объединяя минуты, как складки на коврике, а затем проскальзывают через них. Вы видели их действия, поэтому помните о них, даже после того, как они перескакивают назад во времени, отменяя сделанное.

От напряжения Альбус нахмурился и потряс головой.

– Но зачем они так делают?

– Защитный рефлекс, – коротко ответил Мерлин. – Они используют его, чтобы замести следы. Чем-то напоминает кальмара, выпускающего чернила, чтобы запутать своих врагов.

– Запутать меня, понятно, – кивнул Джеймс.

– Но, если их нельзя поймать с помощью магии, – спросил Альбус, – как их ловить? Что вы делаете с ними, после того, как... гм... парализуете? Вы сказали, вам нужно кое-то взять. Оно в этой сумке?

– Пожалуйста, мальчики, вернитесь в купе, – приказал Мерлин, поворачиваясь и открывая дверь в свое купе. На его плече висела большая черная сумка. – Мы скоро прибудем на станцию. Вам пора

переодеться в мантии.

– Да, но... – начал было Альбус, но закрывшаяся дверь заставила его замолчать. Окна, подернутые дымкой, не давали разглядеть, что было внутри.

– Да, это было познавательно, – прокомментировал Альбус, когда они направились обратно.

Джеймс ничего не ответил. Его раздражало, что ответственность за побег борли возложили на него. Как мог Мерлин обвинить его, но позволить Скорпиусу уйти безнаказанным? Отчасти Джеймс с нетерпением ждал начала нового учебного года из-за своего рода связи с Мерлином, новым директором. В конце концов, именно Джеймс случайно вернул знаменитого волшебника из далекого прошлого. К тому же в конце прошлого семестра им пришлось работать вместе, чтобы сорвать коварный план, целью которого было развязать войну между маглами и магическим миром. А теперь, еще до прибытия в Хогвартс, Джеймс оказался у Мерлина на плохом счету.

Возвращаясь с Альбусом в купе, Джеймс вспомнил слова Роуз, сказанные в начале пути: такой могущественный волшебник, как Мерлин, становится еще ужаснее от того, что не злой, а эгоистичный.

Конечно же, это смешно, разве нет? Мерлин не был эгоистичным, просто другим. Джеймс знал Мерлина так же хорошо, как и все. С ним даже советовались, когда решали назначать или нет знаменитого волшебника директором. Он не был опасен. Просто он прибыл из совершенно другого времени. Мерлин сам так сказал. Он пришел из куда более опасного, мрачного века. Не то чтобы для Джеймса было так важно помнить этот факт; ему было важно, чтобы остальные ученики также понимали это.

К тому времени, как Альбус открыл дверь купе, пошел сильный дождь. На окна поезда падали огромные капли. Ральф, положив раскрытую газету на грудь, спал на сиденье. Роуз углубилась в чтение книги и едва ли заметила возвращение братьев. В Джеймсе росла уверенность, что этот год, возможно, не будет таким уж веселым, как он предполагал.

Когда солнце уже клонилось к закату и дождь наконец утих, Джеймс, Альбус и Ральф достали из сумок мантии. Одежда Джеймса и Альбуса была сильно помята. Роуз, взглянув поверх своей книги, защелкала языком.

– Вас не учили складывать одежду?

– Мальчиков такому не учат, – Альбус попытался разгладить мантию руками. – Нас учат крутым вещам. Секретным мужским вещам, о которых мы не имеем права рассказывать тебе. Девчонкам приходится учиться складывать одежду, чтобы их мужья, отправляясь на работу, отлично выглядели.

– Даже не собираюсь тебе ничего отвечать, – печально покачала головой Роуз. – Я только надеюсь, что твоя сестра извлекает уроки лучше тебя. Сын знаменитой женщины, игрока в квиддич, должен быть осмотрительней.

Ральф поднял брови:

– Кажется, я знаю заклинание Разглаживания. Хочешь, чтобы я его произнес?

– Нет, спасибо, Ральф, – поспешно ответил Джеймс, – не обижайся, но я еще помню, как в прошлом году ты сжег волосы Мари-Виктуар.

– То было обезоруживающее заклинание, – оправдывался Ральф. – Моя палочка немного чувствительна к ним. Проблема не в том, чтобы заставить их работать, а в том, чтобы предотвратить чересчур хорошее исполнение.

– Хм, – многозначительно произнесла Роуз. – Удивляюсь, с чего бы это?

– Так ты и правда сцепился с ним, а? – Ральф обратился к Альбусу, возвращаясь к прежней теме разговора.

– Просто сбил его с ног, – ответил Джеймс, подталкивая брата. – Было круто, хотя доставило мне неприятностей.

– Тебе пора научиться себя хоть немного контролировать себя, Альбус, – Роузнаконец отложила книгу. – Ты можешь его не любить, но

теперь ты в Хогвартсе. И не можешь кидаться на каждого, кто говорит то, что тебе не нравится.

– То, что мне не нравится? – Альбус свирепо посмотрел на Роуз. – Ты пропустила ту часть, где он оскорбил нашего покойного дедушку? Знаешь, есть такое понятие как честь! И если он косо на меня посмотрит, я снова это сделаю.

– Я же не говорю, что ты не должен отвечать, Альбус, – многозначительно сказала Роуз. – Я только сказала, что теперь мы в Хогвартсе. Нанеси ответный удар с помощью магии.

– Ого, – смех Джеймса был чуточку нервным. – В твоём случае, Розы, яблочко от яблони очень далеко упало.

Роуз обиженно посмотрела на него.

– Может быть, я мамина дочка, но вынуждена тебе напомнить, что еще я Уизли.

Альбус нахмурился.

– Я пока не умею колдовать по-настоящему. Кроме того, было круто сбить его с ног.

Роуз бросила серьезный взгляд на Джеймса.

– В таком случае, надеюсь, тебе придется поднять свой зад. Похоже, большую часть года ты будешь приглядывать за младшим братцем.

– Теперь это его проблемы, – ответил Джеймс. – К тому же, Скорпиус получил по заслугам. Этот кретин пытался оглушить Альбуса. Родители уже научили его колдовать. Хорошо, что у Альбуса длинные руки.

– Могу лишь сказать, что я собираюсь выяснить побольше об этом борли, – заявила Роуз. Тем временем поезд сбавил скорость, подходя к станции Хогсмид.

Альбус с притворным удивлением поднял брови:

– Хочешь сказать, есть магические создания, о которых ты пока ничего не знаешь?

– Похоже, у нас проблемы, – заключил Ральф. – Если даже Мерлин считает, что эта штуковина опасна, то, я думаю, нужно будет ее разыскать.

Джеймс застегнул сумку и повесил ее через плечо.

– Я просто хочу узнать, почему он следил за мной. Почему из всех

он выбрал именно меня?

– Очевидно, он надеялся раскрутить тебя на использование магии, – резонно заметила Роуз. – И его план сработал.

– Потому–то он и сбежал, когда ты столкнулся с ним в кабинете у врача, – добавил Ральф, приподнимая брови. – Ты говорил, что сказал ему тогда о том, что ты волшебник, но в то же время у тебя нет при себе волшебной палочки. И он понял, что нет смысла возиться с тобой, если ты не сможешь даже попытаться поймать его, в итоге он скрыл свои следы, прыгнув на несколько минут назад во времени, отменив все случившееся.

– Сплошные гении вокруг, – проворчал Джеймс. – Хотел бы я посмотреть, как бы вы себя повели на моем месте. К тому же это по вине Скорпиуса и Альбуса тварь получила волшебную закуску, и все стало еще хуже.

– Не пытайся повесить всю вину на меня, – сказал Альбус, тщетно пытаясь руками разгладить складки на своей мантии. – Если бы ты тоже напал на Скорпиуса вместе со мной, то мы бы успели обезоружить его до того, как он успел натворить дел. Бьюсь об заклад, старик Мерлин одобрил бы.

Несколько минут спустя поезд вздрогнул, останавливаясь. Вагон заполнялся звуками открывающихся дверей, шагами и болтовней: пассажиры начинали толпиться в коридорах, направляясь к выходу. Джеймс, Альбус, Роуз и Ральф подобрали свои вещи и присоединились к остальным.

Когда они выбрались на мокрую платформу станции Хогсмид, Джеймс заметил Хагрида, стоящего неподалеку под фонарным столбом, едва не касаясь его макушкой.

– Первокурсники! – кричал он своим грубым мощным голосом. – Первокурсники, сюда! Остальные найдут свои экипажи немного дальше, впереди. Если вы не знаете, куда идти, следуйте за тем, кто знает. Давайте, поживее.

Джеймс схватил Альбуса за мантию, останавливая.

– Эй, – сказал он тихо. – Вот что я хочу сказать. Не волнуйся насчет Распределения, братишка.

– На самом деле, я в порядке, – отозвался Альбус, пожимая плечами. – Я запомнил, что папа сказал мне тогда на платформе девять

и три четверти.

Джеймс моргнул.

– Вот и хорошо. А что он сказал?

– Он сказал, что Распределяющая Шляпа учтет мои пожелания. Что, если я действительно не захочу этого, Шляпа не пошлет меня в Слизерин.

– Тебя?! И в Слизерин?! – раздался презрительный голос Скорпиуса за их спинами. Джеймс подпрыгнул, округлив глаза. Он вспомнил, что эта маленькая устрица имеет склонность шпионить за другими.

– Отвали от нас, Скорпиус, – процедил Альбус сквозь стиснутые зубы.

– Или что? – ухмыльнулся мальчишка. – Ты пойдешь на риск опять навлечь на своего брата неприятности, напав на меня? Этот прием не сработает дважды, Поттер.

Альбус кивнул.

– Я сделаю и это, и еще чего похуже, если ты не начнешь следить за своим языком.

– Вот поэтому у тебя нет шанса попасть в Слизерин, – беззаботно сказал Скорпиус, поворачиваясь, чтобы уйти. – Как ты уже заметил в поезде, слизеринцы сражаются с помощью мозгов и палочки. А люди твоего сорта – с помощью грубой силы. Впрочем, чего еще можно ожидать от сынка Гарри Поттера?

Альбус напрягся, собираясь броситься за ним, но Джеймс успел ухватить его за плечо.

– Даже не думай снова напасть на него, болван. Он же только этого и ждет от тебя.

– Он оскорбил папу! – прошипел Альбус.

– Он просто пытается тебя спровоцировать. Побереги силы. У тебя впереди еще целый учебный год, чтобы ненавидеть его.

– Это точно, Поттер, – сказал Скорпиус, обернувшись все с той же ухмылкой на лице. – Слушайся братца. Уж он-то знает, что бывает, когда пытаешься идти против Слизерина. Он не рассказал тебе, что случилось, когда он пытался украсть метлу капитана команды Слизерина по квиддичу? Неприятная история, это точно. Я слышал, ты ударил лицом в грязь.

Джеймс выпустил плечо Альбуса, его лицо покраснело от гнева.

– Тебе бы лучше поостеречься, Малфой. Мы не из тех, кто боится слизеринцев.

– Тогда вы еще глупее, чем кажетесь, – заявил Скорпиус, его ухмылка исчезла. – Малфои возвращаются на факультет Слизерина. Мы не устраиваем политических игр. Так что лучше вам поостеречься, – он окинул братьев взглядом, затем повернулся, полы его плаща взметнулись, и он исчез в толпе.

– Мелкий надменный псих, верно? – заметил Альбус. Джеймс посмотрел на него и улыбнулся.

– Увидимся в Большом зале, Ал.

– Угу, – отозвался Альбус, кивая по направлению экипажей. – Повеселись там с фестралами. Не позволяй им слишком тебя напугать.

– Это у тебя бывают кошмары с их участием, не у меня, – сказал Джеймс, закатывая глаза. – И я тебе говорил: они невидимы.

Альбус посмотрел на Джеймса с непонятным выражением лица.

– В чем дело? – спросил Джеймс.

– Ничего, – быстро ответил Альбус. – Я тут вспомнил: папа сказал мне кое-что тогда на платформе, перед тем, как я зашел в вагон.

Джеймс остановился и нахмурился.

– Что же он сказал?

Альбус пожал плечами.

– Он сказал, что Джеймса может ожидать некий сюрприз относительно фестралов.

С этими словами Альбус повернулся, закинул сумку за плечо и направился к Хагриду, ожидающему на дальнем конце платформы.

Невидимыми они точно не были; по крайней мере, полностью невидимыми. Джеймс задержался, опасаясь приблизиться к жутковатым полупрозрачным созданиям, запряженным в экипажи. Ближайший из них медленно похлопывал огромными кожистыми крыльями. Он

повернул голову, посмотрев на мальчика, пустые белесые глаза слегка выпучились.

– Ты можешь их видеть, верно? – раздался чей-то голос. Джеймс поднял взгляд, слегка испуганный, и увидел полное, краснощекое лицо своего друга Дэмьена Дамаскуса. Нахмурившись, Дэмьен тоже смотрел на фестралов. – Я впервые увидел их на четвертом курсе. Поначалу был шокирован, должен признаться. Я ведь всегда думал, что экипажи движутся с помощью магии и сами собой доставляют нас к замку. Потом Ной отвел меня в сторонку и рассказал о фестралах. Он впервые увидел их на втором курсе. Давай, не дрейфь, они безобидные. На самом деле, они даже по-своему классные, когда к ним попривыкнешь.

Джеймс забросил свою сумку в повозку и вскарабкался на заднее сиденье.

– Привет, Джеймс, – сказала Сабрина, заняв место впереди. Она по-прежнему носила перо в своих волнистых рыжих волосах. Оно мотнулось туда-сюда, когда она обернулась. – Так что там за драма разыгралась в поезде? Мерлин выглядел так, словно вот-вот начнет метать молнии смерти из глаз.

Джеймс устало провел рукой по волосам.

– Не напоминай мне. Из-за меня с Гриффиндора и так уже сняли десять очков.

– Не лучший способ начинать год, – сказала Петра Моргенштерн, присоединившаяся к Сабрине на переднем сиденье. – Такого рода шутки могут несколько раздражать ваших сокурсников-гриффиндорцев. К счастью, мы, семикурсники, уже переросли беспокойство о подобного рода мелочах.

– Сабрина и я на шестом курсе, – заметил Дэмьен. – Не знаю как насчет нее, но для меня это не мелочи. Я все еще не простил вам потерю Кубка школы в прошлом году. Доставшегося пуффендуйцам, что хуже всего.

– Надеюсь, ты простишь нас за попытку спасти мир, – беззаботно сказала Петра, расправляя складки на своей мантии. – К тому же, ты тоже в этом участвовал.

– Возможно, но, в отличие от остальных, мое участие не было доказано. Вот почему наш дорогой отсутствующий здесь Тед счел уместным официально назначить меня козлом отпущения Гремлинов.

Обвинения обошли меня.

Сабрина серьезно кивнула.

– Я рада, что ты нашел хорошее применение своей жирной туше.

Неожиданный толчок, и карета поехала. Джеймс видел, как призрачные фестралы, бегущие впереди, тянут карету. Он прищурился, стараясь разглядеть их более отчетливо.

Дэмьен подался вперед и тихо спросил:

– Кто–то умер?

– Что? – ляпнул Джеймс, поворачиваясь к парню. Он понизил голос и переспросил. – Как ты узнал?

– Моя тетя умерла, когда я учился на третьем курсе, – ответил Дэмьен. – Это было глупо. Несчастный случай на метле. Она возвращалась домой от моих бабушки и дедушки. Мама предупреждала, что начинается буря, и просила ее не лететь, но тетя Эгги считала себя неуязвимой. Она была жива, пока мы ехали повидать ее в больнице Св. Мунго, и умерла, когда я был там, в палате. Вернувшись на следующий год сюда, я впервые увидел фестралов. Считал, что сошел с ума, пока Ной не отвел меня в сторону и не рассказал о них. Он объяснил, что их видят только те, кто видел и осознал смерть. Так кто умер?

Джеймс откинулся на спинку сидения и глубоко вздохнул:

– Дедушка Уизли, – тихо сказал он. – Сердечный приступ.

Дэмьен поднял брови.

– Старый Артур Уизли?

– Ты знал его?

– Не лично, – ответил он, – но он был тестем твоему отцу, а твой отец, надо признать, – знаменитость. Кроме того, Артур Уизли столкнулся со змеей Волди, верно? Совсем неплохо для министерского крючкотворца! О нем многие знают. Говорят, это доказывает, что, попав в безвыходное положение, лучше проявить мужество, чем магию.

Джеймс с удивлением посмотрел на Дэмьена:

– Правда?

– Уверен, – сказал Дэмьен. – В смысле, те, кто так говорит, покупают зелья для роста волос и читают «Придиру», тем не менее, да, они считают, что так и должно быть.

Джеймс опять посмотрел на туманные очертания фестрала. Тот бежал вперед и с легкостью тащил карету, хоть и выглядел таким

тощим, казалось, вот–вот сломается пополам.

– Почему я вижу его не полностью? – наконец спросил Джеймс.

– Да? – Дэмьен подался вперед. – Как по мне, так он выглядит вполне плотным.

– Я вижу улицу сквозь него, – содрогнулся Джеймс.

– Как я уже сказал, – ответил Дэмьен, откинувшись на сиденье, когда из–за ближайших деревьев показался огромный замок, – фестралов видит тот, кто видел смерть и осознал ее. Не похоже, чтобы ты собственными глазами видел смерть дедушки, как было со мной, но он слишком много для тебя значил, что приравнивает эти два события.

– Мы ждали его возвращения, – глухо сказал Джеймс. – Ждали, когда он придет через камин. Кто–то пришел, но не дедушка. Вестник, сообщивший о его смерти.

– В считанные секунды ты прошел путь от мысли, что он рядом, до осознания его смерти, – кивнул Дэмьен. – Этого было достаточно, чтобы ты смог видеть фестралов наполовину. Но мне кажется, что это еще не все. Похоже, ты не до конца принял случившееся, я прав?

Вместо ответа Джеймс вздохнул и посмотрел на увеличивающиеся громадные очертания замка, маячившего впереди. Свет от бесчисленных окон разгонял туманный облачный вечер. Джеймс был уверен, что может разглядеть башню Гриффиндора, где его ждет постель. Он был рад возвращению, хотя, казалось, что все изменилось. Это чувство не покидало его с похорон: понимание того, что дедушка больше не занимается своими делами где–то там, как было раньше. Нет, понял Джеймс, он не осознал его смерть. Пока нет. И, более того, не хотел этого делать. Это было не честно по отношению к дедуле. Принять его смерть – все равно, что отказаться от него.

На минуту Джеймс задумался: испытывал ли Альбус то же самое, а потом вспомнил, как тот набросился на Скорпиуса в поезде, хватая его и вопя: «Возьми свои слова назад! Сейчас же!». Альбус тоже не принял смерть дедушки. Просто реагировал по–другому, в первую очередь потому, что нашел, на ком сорвать весь свой гнев и печаль. Вероятно, не лучший способ, но Джеймс не мог придумать ничего другого. Надо заметить, Скорпиус с легкостью заставил Альбуса ненавидеть себя. Джеймс вырос с Альбусом и знал, каким вспыльчивым мог быть этот мальчик. Размышляя, он не мог решить: презирать Скорпиуса или

жалеть.

Джеймс поразился тому, как время изменяет восприятие. Год назад он с тревогой и беспокойством впервые входил в Большой зал. Сегодня он с радостью пробрался сквозь толпу галдящих учеников, приветствовавших друзей, которых не видели все лето, и прошел к шумному гриффиндорскому столу. Парящие свечи наполняли зал теплом и светом, любопытно контрастируя с тяжелыми серыми облаками на потолке. Пивз хватал случайную свечу и издавал неприличный звук, задувая крошечное пламя, однако, как только он отплывал, огонь с негромким хлопком восстанавливался. Джеймс уселся за стол Гриффиндора и набрал горсть «Берти Боттс» с ближайшей тарелки. Он смело засунул одну в рот, не проверив ее цвет. Через секунду он сморщился, не решаясь выплюнуть конфету.

– Тебе следует быть осторожней с ними, Джеймс, – отозвался Грэхем Уортон, знакомый второкурсник. – Их бесплатно предоставили нам братья Уизли. Он сотрудничают с «Берти Боттс», разрабатывая новую линейку вкусов, а мы – пробный рынок.

– Что это? – выдавил Джеймс, проглотив жуткий леденец и хватая кувшин с тыквенным соком.

– Судя по цвету твоего языка, я бы сказал: лимонно–лимская фасоль, – прищурившись, ответил Грэхем. – Еще есть мятно–шоколадный бурундук и ореховый леденец с солеными огурцами.

– Дэмьен только что проглотил конфету со вкусом стейка и почечного камня! – с другого края стола отозвался Ной Мецкер. – Пригнитесь все! Кажется, его сейчас стошнит!

Джеймс хохотал, глядя, как Дэмьен пытается проглотить конфету. Петра стучала ему по спине, пока он не оттолкнул ее, потянувшись за тыквенным соком.

В зале воцарилась звенящая тишина, Джеймс поднял голову и увидел Мерлина, поднявшегося на возвышение. На нем была огненно–красная мантия с большим золотым воротничком. Джеймс узнал в ней весьма древнюю парадную мантию чародея. Рукава и воротник украшали завитки, сделанные из золота и драгоценностей. Длинная борода волшебника блестела от масла. При нем был посох: дойдя до места, он демонстративно постучал им. Он был так высок, что пьедестал казался маленьким. Он слегка наклонился над ним и стал оглядывать

притихшую публику. Его глаза ничего не выражали.

– Добрый вечер, ученики и преподаватели школы чародейства и волшебства Хогвартс, – медленно произнес он. Его сильный голос отдавался эхом. – Меня зовут Мерлин Амброзиус, и если вы еще не слышали об этом по волшебному радио или из газет, я – ваш новый директор. Поэтому, надеюсь, что мне больше не придется столкнуться с удручающей модой нового века использовать мое имя в качестве клятвы или выражения крайнего удивления. Знайте, ни мне, ни моим кальсонам это не кажется забавным.

Джеймс понимал, что замечание могло быть смешным, если бы Мерлин не произнес его так серьезно. Он оглядел собравшихся учеников, как бы выискивая чью-нибудь ухмылку. Довольный, он выпрямился и обезоруживающе улыбнулся.

– Отлично. Как директор, я стал преемником мадам Минервы МакГонагалл, которая, как вы заметили, решила остаться в школе в качестве моего советника и преподавателя трансфигурации.

Взрыв аплодисментов, казалось, застал Мерлина врасплох. Он моргнул и слегка улыбнулся. Когда аплодисменты переросли в овации, Мерлин отошел от подиума, выражая признательность бывшей директорисе. В проходе перед возвышением выстроились первокурсники, которых сопровождал профессор Долгопупс. Джеймс увидел Альбуса и Роуз, которые с трепетом оглядывали помещение. Роуз посмотрела в сторону помоста как раз в тот момент, когда профессор МакГонагалл отодвинула стул, встала и подняла руку, строго улыбаясь. Роуз ткнула Альбуса локтем и указала в ту сторону.

– Спасибо, – сквозь шум аплодисментов обратилась МакГонагалл, пытаясь их заглушить. – Спасибо, вы так любезны, но я знаю вас слишком хорошо и понимаю, что кое-кто имеет свои причины аплодировать моей долгожданной отставке. Тем не менее, я ценю ваше отношение.

К аплодисментам присоединился чей-то смех. Когда профессор МакГонагалл вернулась на свое место, возвышение вновь занял Мерлин.

– Кроме нового директора старшекурсники заметят ряд других изменений. Не последним из них является назначение нового преподавателя волшебной литературы – Джульет Ноулз Ривальвье,

известной писательницы. Также позвольте мне представить преподавателя по защите от темных искусств – профессора Кендрика Дебеллоуза.

Волна благоговейного шепота прошла по залу, когда огромный человек чуть привстал со своего места. Он широко и обаятельно улыбнулся и поднял руку. Джеймс уже встречался с ним в поезде. Это был тот самый мужчина, который прошел мимо них с Альбусом, когда они преследовали борли. Тогда Джеймс не узнал его, но теперь вспомнил. Его волосы стали седыми и были очень коротко стрижены, он набрал лишний вес со времен своих знаменитых подвигов во главе «Харриерс», элитного отряда специального назначения. Ральф, сидевший за слизеринским столом, выглядел озадаченным. Его приятель Трентон склонился к нему, видимо, объясняя, кто такой Кендрик Дебеллоуз.

– У меня дома стоит коллекция фигурок Дебеллоуза, – многозначительно прошептал Ной. – Собирал в детстве. Я натравливал их на кота Стивена, пока один из них чуть не завязал ему хвост узлом.

– Вижу, многим из вас знаком профессор Дебеллоуз, – сказал Мерлин, стоявший на возвышении. – Надеюсь, его занятия покажутся вам интересными и сложными. А теперь, полагаю, нас ожидает самая долгая и важная школьная традиция: распределение новых учеников по факультетам. Профессор МакГонагалл, окажите нам честь.

Совсем как в прошлом году, на помосте оказался деревянный табурет. На нем – поношенная и древняя Распределяющая Шляпа, больше походившая на пыльное старье из забытого гардероба. Джеймс знал, что в годы, когда здесь учились его родители, как и в прежние века, Шляпа сочиняла для каждой церемонии новую песню. Однако в прошлом году она ничего не придумала. Джеймс особо не задумывался над этим, полагая, что после стольких веков Шляпа заслужила отдых. Но сейчас она зашевелилась, по-видимому, готовясь петь. Отверстие, напоминавшее рот, открылось, втянуло воздух, а после тишину нарушил высокий ритмичный голос Шляпы:

Я восседала тыщу лет на вверенном посту,

И видела, как лет прилив извел хозяйку ту.

Ведь славный Хогвартс не снимал с пришедших бремя лет,

Там знают: к времени кругам в обход дороги нет.

*Число злодеев таково, чтоб в мире был баланс,
С героями – с огнем в глазах, что выступят за нас.
Не так давно уж Волдеморт возник, ужасен был злодей.
Все от того, что послан в мир сиротка Гарри Поттер.
В сей драме – схема всех времен, как вечная игра.
Актеров смена, сцены сдвиг, а тема все стара.
Хоть корень зла всегда найдет ходы под новым садом,
В отважном сердце хватит сил судьбу унять как надо.
Как видите, ваш путь – ко мне, к той Шляпе для Раздачи,
Баланс добра со злом держать – вот в чем моя задача.
Ведь я была еще, когда та битва начиналась.
Мой долг – чтоб старая борьба надеждою держалась.
Я вижу зерна, что дадут пытливым всем свободу,
Их размещаю в факультете так, чтоб краше были всходы.
Ведь в Пуффендуе верен путь от зерен прилежанья,
На Когтевране здравый смысл лозу питает знанья.
Смел Гриффиндор, лелеет он в сердцах запал и храбрость.
А Слизерин наставит тех, кому в карьере сладость.
Они идут в свой новый Дом по голосу призыванья,
Во многих смыслах даст он им причины для старанья.
Не ошибись, не осуди в конце Распределенья,
А место каждому найди – по мере их уменья.
Ибо рождается добро при всяких факультетах,
Где хочешь – можно встретить зло, в мошенниках и скрягах.
Ты под поля мои присядь и выслушай решенье,
Но хорошенько поднастрой свое сердцебиенье.
На этот стул как ни садись – решение готово,
Ведь твой судья – он под твоим волосяным покровом.*^[5]

Когда Распределяющая Шляпа закончила песню, зал разразился аплодисментами. Джеймс, улыбаясь, вытянул шею и посмотрел на Ральфа, смущенно улыбнувшегося в ответ. Если кому и необходимо было услышать новую песню, так это Ральфу, чье пребывание в Слизерине стало в прошлом году источником непреодолимого ужаса. Когда аплодисменты стихли, профессор МакГонагалл подошла к Шляпе и достала из мантии длинный пергамент, развернула его и стала

просматривать через небольшие очки. Кивнув, она опустила пергамент и подняла Распределяющую Шляпу.

– Кэмерон Криви, – громко объявила она. – Пожалуйста, поднимитесь на помост.

По ступеням поднялся очень маленький и нервный мальчик и сел на табурет. «Да уж, я не был таким юным и напуганным, когда сидел на этом стуле», – улыбаясь, подумал про себя Джеймс. Он хорошо помнил голос волшебной Шляпы в голове, обсуждающий его, решающий, на какой факультет его определить. Положение было трудным. За секунду до того, как он взобрался на возвышение, профессор МакГонагалл назвала его имя, стол Слизерина разразился аплодисментами. Хлопать начала красивая, но строгая на вид, темноволосая девушка Табита Виолет Корсика. Оглядываясь назад, Джеймс впервые подумал, что аплодисменты были уловкой, целью которой было заставить его поступить в Слизерин.

Настолько он был напуган, настолько взволнован ответственностью, которая легла бы на него в том случае, если бы он пошел по стопам отца, что Джеймс практически поддался. В какое-то мгновение он принял решение стать слизеринцем, и Шляпа согласилась. И только в последнюю секунду решимость Джеймс окрепла, доказав, что он должен стать гриффиндорцем, как и его родители.

– Гриффиндор! – объявила Распределяющая Шляпа. Профессор МакГонагалл сняла Шляпу с головы Криви, и стол Гриффиндора взорвался аплодисментами. Кэмерон Криви улыбнулся с явным облегчением и сбежал по ступеням вниз. Он втиснулся между Дэмьеном и семикурсником Хьюго Полсоном.

– Томас Данфорт, – прочитала в пергаменте профессор МакГонагалл. Через минуту хлопали за столом Когтеврана, когда мальчик в очках, смущенно улыбаясь, присоединился к новым сокурсникам. Распределение продолжалось, и Джеймс оглядывал зал в поисках знакомых лиц. Здесь была Виктуар, сидящая рядом с друзьями–семикурсниками с Пуффендуя. Дженнифер Теллус и Хорас Бирч перешептывались за столом Когтерана. Джеймс вспомнил слова Зейна о том, что они начали встречаться летом. На противоположной стороне зала, вежливо улыбаясь, сидела Табита Корсика, аккуратно положив руки перед собой.

Слева от нее сидела Филия Гойл, чье кирпичное лицо оставалось бесстрастным. Справа от Табиты сидел Том Сквабус, светлые волосы которого были аккуратно зачесаны назад, а неестественно яркие глаза были настоже. Можно было подумать, что троица что-то замышляет, но Джеймс напомнил себе, что они всегда так выглядят. Скорее всего, ждут нового однокурсника...

– Скорпиус Малфой, – профессор МакГонагалл опустила пергамент и посмотрела на оставшихся новичков. Повернувшись, Скорпиус чуть скривил уголок рта. Поднявшись по ступням, он самовольно уселся на табурет, выставив ногу вперед. Когда профессор МакГонагалл опустила Шляпу ему на голову, тень от нее закрыла его лицо.

Прошло несколько секунд. Комната, наполнившаяся было шумом (старшекурсники уже заскучали во время церемонии), притихла, когда пауза затянулась. Шляпа сидела на голове Скорпиуса абсолютно неподвижно. Скорпиус тоже не шевелился. Джеймс, удивленный задержкой, огляделся. Все знали, что Малфои – слизеринцы. Их семья была среди самых преданных сторонников Волдеморта. Люциус Малфой, дедушка Скорпиуса, бывший Пожиратель смерти, говорят, все еще в бегах из-за совершенных им преступлений. Хотя папа Джеймса это отрицал. «Ему хочется верить, что он самый разыскиваемый человек волшебного мира, – как-то за завтраком Гарри со смехом рассказывал об этом Джинни. – Для него худшее наказание – жизнь в мире, в котором его кумир мертв». И все же, вопросов о факультете для Малфоя возникнуть не должно, верно? Они – олицетворение истинных слизеринцев. Может, что-то случилось со Шляпой? Джеймс толкнул Грэхема: тот взглянул на него и с удивлением пожал плечами.

– Гриффиндор, – неожиданно пропела Шляпа.

Оглушительная тишина наполнила зал, когда Шляпу сняли с головы Скорпиуса, который опустил подбородок и закрыл глаза. После долгой паузы он слез с табурета и стал медленно спускаться по ступеням. Когда он подошел к столу Гриффиндора, тот был абсолютно безмолвен. Малфой миновал конец стола, где сидело большинство первокурсников-гриффиндорцев, уставившихся на него широко открытыми глазами. Джеймс наблюдал, как Скорпиус, не поднимая взгляда, прошел вдоль всего стола. Дойдя до конца, он за секунду остановился, видимо, не желая садиться. Наконец, он плюхнулся на

край скамьи и поднял глаза, Джеймс видел, что они покраснели. Скорпиус уставился на него. После долгой паузы, он сжал губы и перевел взгляд на возвышение в передней части зала.

– Альбус Поттер, – нарушила тишину МакГонагалл. Джеймс не удержался и посмотрел в сторону слизеринского стола. На этот раз Табита не стала хлопать. Странно, но она по-прежнему вежливо улыбалась: видимо, распределение Малфоя ее ничуть не смутило.

Оглядываясь через плечо, Альбус поднялся по ступеням. Джеймс, решив, что он смотрит на него, ободряюще улыбнулся и кивнул. Альбус не подал вида, что заметил его. Подойдя к табурету, он секунду смотрел на него. Профессор МакГонагалл коротко кивнула ему, после чего Альбус расправил плечи, повернулся и сел.

Когда Шляпа коснулась головы Альбуса, болтовня смолкла. Все смотрели на него. Каждый знал, что Альбус отправится на Гриффиндор. Единственным, кто иронизировал по этому поводу, был Джеймс. Но только потому, что был уверен – это все шутка. Поттер никогда не попадет на Слизерин. Но, подумав так, он вдруг вспомнил ненависть на лице Альбуса, когда Малфой оскорбил его на платформе в Хогсмиде. Альбус всегда был вспыльчивым. Возможно, это хорошо, прекрасно. Но, как недавно размышлял Джеймс, это бывает страшно. С опозданием Джеймс понял, что поднимаясь по ступенькам, Альбус повернулся не к нему. Он повернулся к Скорпиусу, чтобы убедиться: тот смотрит. Он хотел удостовериться, что Скорпиус не пропустит того, что случится.

– Слизерин, – громко объявила Шляпа. В зале раздался общий вздох. Профессор МакГонагалл убрала Шляпу с головы Альбуса. Казалось, это решение удивило даже ее.

Альбус радостно улыбался, но не смотрел в сторону стола своего нового факультета, разразившегося дикими аплодисментами. Он смотрел на стол Гриффиндора. Джеймсу не нужно было следить за взглядом брата, чтобы понять, куда именно. И все-таки он это сделал.

Скорпиус в упор смотрел на Альбуса. Его глаза зловеще блестели, губы превратились в белую полосу чистой ненависти.

Глава 4. Испытание золотым шнуром

Еда уже появилась на столах и присутствующие приступили к ужину, а Джеймс все не мог оторваться от происходящего за слизеринским столом. Альбус, севший рядом с Ральфом, оживленно беседовал с Трентоном Блочем, лучшим другом Ральфа. Джеймс видел, как мальчики рассмеялись. Даже Ральф улыбнулся, обгладывая куриную ножку.

– Джеймс, у тебя что-то с шеей? – спросил Грэхем с полным ртом.

– Только пытаюсь понять, что происходит, – ответил Джеймс. – Это неправильно! Альбус не должен быть в Слизерине!

К нему наклонилась Роуз, довольная тем, что попала в Гриффиндор.

– Ты продолжаешь это повторять, но, как мне помнится, именно ты все лето твердил ему обратное.

– Ну, да, но не всерьез!

Грэхем проследил за взглядом Джеймса, направленным через весь зал к столу под зеленым знаменем.

– Похоже, он отлично проводит время. Даже Корсика с ним разговаривает.

– Да, – пронзительно воскликнул Джеймс, – почему бы и нет? В прошлом году она и со мной была приветливой. До тех пор, пока на глазах у всей школы не назвала моего отца лжецом. Вероятно, радуется, что Поттер оказался в Слизерине. Кто знает, какими идеями она забьет его голову? Это станет ее главным достижением.

– Альбус может сам о себе позаботиться, Джеймс, – снисходительно отметил Ной. – К тому же, ты сам говорил, что почти попал в Слизерин в прошлом году.

– Я должен проверить, как он там, – Джеймс попытался встать, но Дэмьен схватил его и усадил обратно.

– Оставь его в покое, – сказал он. – Кажется, он и сам отлично справляется.

– Он в Слизерине! – сердито закричал Джеймс. – Он не может быть там! Он Поттер!

– Хочешь поговорить о сюрпризах, – понизив голос, произнесла

Роуз, – пока мы тут разговариваем, за столом Гриффиндора сидит Малфой.

Джеймс почти забыл о Скорпиусе. Он повернулся вслед за Роуз и увидел, что Скорпиус не ел. Сидящие рядом с ним гриффиндорцы старательно его игнорировали, громко смеясь и шутя. Поймав взгляд Джеймса, Скорпиус прищурился и деланно улыбнулся, пародируя окружающих, а затем, закатив глаза, отвернулся.

– Вот, что действительно меня поражает, – пробормотал Грэхем. – Как такой мерзкий негодяй, как он, оказался в Гриффиндоре?

Роуз потянулась за очередной булочкой.

– Мы не знаем, что у него в душе, – ответила она. – Распределяющая Шляпа видит насквозь тебя, а не твою семью. Может, Скорпиус Малфой не тот, кем кажется на первый взгляд.

Джеймс покачал головой.

– Исключено. Я слышал, как он отзывался о дедушке. Он мерзкий. К тому же, он как павлин гордится своим слизеринским наследием.

– Ничто из этого не делает его слизеринцем, – осторожно заметила Роуз.

– Именно, – согласился Дэмьен. – Злость – это не билет в Слизерин. Как сказала Шляпа, слизеринца отличает амбициозность. Может, через столько десятилетий парни вроде Малфоев поняли, что одних амбиций недостаточно.

– И это делает его гриффиндорцем? – с отвращением спросил Джеймс. – Мне смотреть на него противно. Что в нем гриффиндорского?

Никто не нашелся, что ответить. Джеймс не смог удержаться и снова посмотрел туда, где сидел Скорпиус. Мальчик держался отчужденно и незаинтересованно, но Джеймс знал, что это лишь маска. Он видел выражение лица Скорпиуса, когда тот сел за стол Гриффиндора. Джеймс вспомнил собственные страхи: как он боялся, что не попадет в Гриффиндор, разочарует родных и не оправдает надежд, возлагаемых на сына Гарри Поттера. Но разве Скорпиус не столкнулся с такой же ситуацией? Как полагал Джеймс, так и было, но гордость не позволяла ему показать это. И был Альбус, который, к изумлению Джеймса, позволил Шляпе отправить себя в Слизерин назло Скорпиусу.

Неожиданно для себя Джеймс вылез из-за стола. Дойдя до конца, он остановился около Скорпиуса. Мальчик делал вид, что не замечает его.

– Ну, – Джеймс не знал, что сказать, – похоже, теперь, мы однокурсники.

Скорпиус по-прежнему не смотрел на Джеймса. Он делал вид, что разглядывает остальные столы, чуть прикрыв глаза, как бы скучая.

– Полагаю, в поезде мы не слишком поладили, – продолжал Джеймс. Он чувствовал на себе взгляды остальных и надеялся, что затея удачная. – Но раз уж нам весь год придется жить по соседству, я подумал, что нам следует начать сначала. Добро пожаловать в Гриффиндор, Скорпиус.

Джеймс протянул руку, совсем как папа Скорпиуса во время разговора с Гарри на похоронах. Скорпиус все так же лениво оглядывал зал. Затем он медленно повернул голову и презрительно посмотрел на протянутую руку.

– Как мило, Поттер, но не трать на меня свои хорошие манеры, – на губах Скорпиуса появилась кривая ухмылка. – Возможно, мы оказались на одном факультете, но это не делает нас друзьями. Решил, что мое сердце разбито, раз я не попал в Слизерин? Ты ошибаешься. Я абсолютно счастлив оказаться в Гриффиндоре. Более того, я рассматриваю это как блестящую возможность. Я намерен доказать тебе, что значит быть гриффиндорцем. После стольких лет глупого героизма и счастливых случайностей я покажу тебе, как выглядит настоящее мужество.

Джеймс вдруг понял, что по-прежнему протягивает руку.

– Ага, – он опустил руку. – Удачи тебе. Пусть будет по-твоему.

Он уже отвернулся, но Скорпиус вновь заговорил, останавливая его.

– А вот на счет малыша Альбуса я не уверен, – непринужденно сказал он. – Поначалу я был уверен, что они живьем его съедят. Но, видимо, я ошибался. В юном Поттере гораздо больше от слизеринца, чем я думал. А.С.П., как же!

Джеймс оглянулся: Скорпиус продолжал криво ухмыляться.

– Я думал, что ты не знаешь его полного имени.

Скорпиус нехотя пожал плечами.

– Полагаю, я солгал, – ответил он. – Тогда я еще верил, что попаду в Слизерин. Теперь, когда я стал частью красно–золотых, я должен всегда говорить правду.

Удивительно, но некоторые гриффиндорцы усмехнулись. Скорпиус поднял свой кубок, как бы отдавая честь.

– За новичков, – объявил он, язвительно поднимая брови. – К этому тосту ты можешь присоединиться, я прав, Поттер?

Джеймс наконец нагнал Альбуса, когда тот в компании новых однокурсников выходил из Большого зала. Оказалось, тот приобрел популярность среди слизеринцев: окружив его, они хрипло смеялись.

– Серьезно, все совсем не так, как кажется, – говорил Альбус. – То есть, конечно, я – сын одного из самых знаменитых волшебников, и в этом есть свои преимущества, но это не дает мне никаких привилегий здесь, в Хогвартсе. Особенно с вами, так?

Очередной взрыв хохота. Очевидно, Альбус извлекал максимум из неожиданного распределения. Джеймс протиснулся в толпу и схватил брата за локоть.

– Эй, полегче, старший братец, – отозвался Альбус, когда Джеймс оттащил его. – Знакомьтесь: мой брат Джеймс. Он любит командовать, унаследовал это от мамы. Не начинайте вечеринку без меня.

Альбус повернулся к Джеймсу и высвободил локоть. На его лице отразилось раздражение.

– В чем дело, Джеймс? Я хочу поскорее увидеть свою новую комнату.

– Слизерин! – зашипел Джеймс, оглядываясь через плечо на кучку ожидавших учеников. Табита Корсика криво улыбнулась и кивнула ему.

– Ага, Слизерин, – пожал плечами Альбус. – Как ты и говорил все лето.

Джеймс повернулся.

– Не притворяйся, будто я втянул тебя в это, Ал. Ты знаешь, что я

подшучивал над тобой. Признайся: ты сделал это только, чтобы позлить Скорпиуса?

Альбус закатил глаза.

– Отцепись от меня, Джеймс. Откуда мне было знать, что Малфой окажется в Гриффиндоре?

– Я видел, как ты посмотрел на него, поднимаясь на помост. Ты хотел поиздеваться над ним! Дурацкий повод поступать в Слизерин. Seriously, Ал! Это скажется на твоей школьной жизни! Теперь ты слизеринец!

– Выбирал не я, сам знаешь, – Альбус понизил голос и посмотрел в глаза брату. – Решает Шляпа. Так-то, Джеймс.

– Но папа говорил...

– Ну, наверное, все изменилось. Или Шляпа посчитала, что я не слишком сильно хочу стать гриффиндорцем. Как бы то ни было, когда я надел ее, единственное, что пришло мне в голову, – это я, оказавшийся на факультете зеленых с серебром. И правда в том, что впервые за все время мне понравилось.

Джеймс нахмурился.

– Но все лето ты с ума сходил от этой мысли. Слушай, Ал, я бы не дразнил тебя так сильно, но если бы это не выводило так тебя из себя.

Альбус пожал плечами и оглядел лестницу и холл.

– Может, я сделал это назло. Что бы ты понял, что не стоит доставать меня. В конце концов, я мог так поступить, верно?

Джеймс раздраженно поморщился.

– Да ладно тебе, Джеймс, – Альбус хлопнул брата по плечу. – Времена меняются. На платформе папа сказал мне еще кое-что: если я стану слизеринцем, они приобретут отличного ученика. Ты можешь стать королем Гриффиндора, а я покорю Слизерин. Весь Хогвартс будет наш.

Джеймс покачал головой и чуть улыбнулся:

– Ты – безрассудный маленький дуралей, Ал. Я почти поверил тебе. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь?

– Не совсем, – Альбус мрачно кивнул. – Но раньше это меня не останавливало. Слушай, не рассказывай пока маме с папой об этом. Хочу сам им сообщить, договорились?

Джеймс поморщился.

– Кто я, по–твоему, стукач?

– Но ты же проболтался утром о Теде и Виктуар.

– Говорил тебе...

Подняв руки, Альбус попятился:

– Это на твоей совести, старший брат. Мне лучше вернуться к моим однокурсникам. Ральф говорил, они припасли сладкие пироги в виде метлы и настоящий рахат–лукум. Жду не дождусь, когда смогу выпить сливочного пива, сидя у камина в виде головы гигантской змеи.

Джеймс вздохнул, глядя, как Альбус, присоединившись с однокурсникам, скрылся в подземельях. Он повернулся к лестнице, где его ждала Роуз.

– Ральф обещал присмотреть за Альбусом, – утешила она. – Честно говоря, Слизерин больше подходит ему. Сам знаешь, он всегда был дикой лошадкой.

– Да, знаю, – согласился Джеймс. – Просто я не ожидал, что такое действительно случится. Как странно: Поттер в Слизерине.

– Завидуешь?

– Что? – Джеймс покосился на Роуз. – С чего ради я должен завидовать?

Роуз уклончиво пожала плечами.

– Слышала, Гремлины что–то запланировали на вечер.

– Как ты об этом узнала?

– Скажем, – скромно ответила Роуз. – отчасти это была моя идея. Она им так понравилась, что они попросили меня прийти. Хотя, справедливости ради, стоит заметить, что она невозможна без тебя.

Джеймс вспомнил прошлогоднюю первую ночь в школе, когда Гремлины заколдовали его, сделав похожим на зеленого инопланетянина, и уговорили забраться в импровизированную летающую тарелку, к огромному удивлению фермера–магла.

– Они ведь больше не запускают Старелку, разве нет?

– Нет, вообще–то они отказались от Старелки, когда Тед закончил школу. Травля маглов – полная безвкусица. К тому же новый директор видел ее и знает, где она спрятана.

– Вижу, ты много об этом знаешь, Роуз.

– Вообще–то, принадлежность к Уизли добавляет авторитет в некоторых кругах, – радостно ответила она.

Войдя в гостиную, Джеймс улыбнулся. Смех и болтовня наполняли комнату. Над головами присутствующих пролетел бюст Годрика Гриффиндора: пяти- и шестикурсники играли в «Складки и сверла». Кэмерон Криви уже пришел и теперь сидел на диване у потрескивающего камина в окружении новичков. Он заметил Джеймса, и его глаза слегка округлились. Он толкнул девочку, сидевшую рядом.

– Эй, Джеймс, – через всю комнату позвал Нед Томас, загонщик Гриффиндора. – Снова попытаешься попасть в команду по квиддичу? Мы тут принимаем ставки, какого размера будет дыра на поле.

– Советую быть осторожнее, – ухмыляясь, ответил Джеймс. – Я тренировался все лето.

– Верно, – вставил Грэхем, – только если твой отец не сталкивал тебя с метлы.

Эти слова были встречены взрывом одобрительного смеха. Джеймс только улыбнулся. Правда была в том, что ему даже нравилось это поддразнивание. Он с нетерпением ждал начала испытаний. Чем больше остальные ожидают повторения прошлогоднего фиаско, тем лучше он будет выглядеть в итоге.

Ной, Петра, Дэмьен и Сабрина собрались вокруг столика в углу гостиной, подальше от шума. Дэмьен и Сабрина согнулись над большим листом пергамента с перьями в руках. Они, похоже, спорили вполголоса, указывая на разные части пергамента. Ной и Петра подняли головы и призывно помахали Джеймсу и Роуз.

– У нас не так уж много времени, – заметил Ной. – Но, к счастью, это проблема Дэмьена и Сабрины. К тому же, что может пойти не так? У нас в Хогвартсе снова появились Уизли. Все будет прекрасно.

– Как пишется «несомненно»? – не поднимая глаз спросила Сабрина.

– Не важно, – отрывисто сказал Дэмьен, – если мы не знаем, то никто не знает.

– Каков план? – плюхнувшись в кресло, спросил Джеймс.

Ной посмотрел сначала на Роуз, потом на Джеймса.

– Мы считаем, что тебе лучше не знать. Пока.

– Позже ты скажешь нам спасибо, – согласилась Роуз.

– Что? – насупился Джеймс. – С чего это вдруг я не должен знать?

– Доверься нам, – сказала Петра. – Тебе же будет лучше, если ты

сможешь сослаться на неведение.

– То же самое в прошлом году говорил Тед на дебатах, – проворчал Джеймс. Он открыл было рот, чтобы продолжить спор, но его отвлекла неожиданная перемена в обстановке. Кто-то еще вошел в общую гостиную. Джеймс оглянулся, чтобы посмотреть на прибывшего.

Скорпиус Малфой неуклюже пролез через отверстие за портретом, зацепившись при этом полкой своей мантии за один из торчащих кирпичей. Он выпрямился и дернул за мантию, явно раздраженный. Освободившись, он повернулся и зашел в комнату, на его бледном лице не было и тени улыбки.

– Интересно, – протянул Малфой. – И весьма странно. Я ожидал, что мы будем жарить зефир у камина и распевать веселые песенки до полуночи. Может, кто-нибудь покажет мне, где спальни.

– Ой, – Грэхем ткнул пальцем через плечо. – Вверх по лестнице, Малфой. Мы оставим тебе зефира.

Джеймс наблюдал, как Скорпиус поднял свою сумку и медленно двинулся через комнату, фланируя между многочисленными замолчавшими учениками. Хьюго Полсон, огромный семикурсник, удобно устроился в кресле с высокой спинкой, вытянув перед собой ноги и тем самым преграждая Скорпиусу путь. Мальчик остановился, ожидая, пока Хьюго подвинется. Тот сделал вид, будто только что заметил Малфоя. Он ухмыльнулся и убрал ноги. Скорпиус закатил глаза и продолжил движение.

Джеймс знал, что он должен предупредить Скорпиуса, но почему-то не мог заставить себя это сделать. Остальные гриффиндорцы следили горящими глазами, как бледный мальчик, оглянувшись через плечо, направляется вверх по лестнице.

Он успел сделать всего четыре шага, когда сработала тревога. Лестница моментально превратилась в гладкую каменную горку. Скорпиус попытался удержать равновесие на скользкой поверхности, но это было бесполезно. Он соскользнул вниз, обратно в общую гостиную, и рухнул на пол. Последовал взрыв хохота. Хьюго вскочил с кресла, подвывая от смеха, затем схватил Скорпиуса за руку, помогая подняться на ноги.

– Спальные комнаты для девочек постарше. Нам, наверно, стоило намекнуть об этом, верно? Это все просто шутка, Малфой, – объявил

Хьюго, хлопнув мальчика по спине. – Нам ведь нужно было как-то посвятить тебя?

Скорпиус подобрал свой ранец, бросив на Грэхема взгляд, полный холодной ярости. Не говоря ни слова, он зашагал обратно через всю комнату к противоположной лестнице.

– Это было нечестно с вашей стороны, – мягко заметила Роуз, когда Скорпиус исчез из виду.

– Честно говоря, он принял это лучше, чем я ожидал, – прокомментировал Ной. – Зная его род, я думал, что он начнет разбрасываться Авадой Кедаврой во все стороны.

– Кто знает, может, он сейчас в спальне накладывает Круциатус на пауков, – ответил Грэхем.

– Все, хватит, – произнесла Петра. – Он не хуже нас. Если Шляпа отправила его на Гриффиндор, тому должна быть веская причина. Дайте ему шанс доказать, что решение было правильным.

– Это была просто шутка, Петра, – пробормотал Грэхем. – В прошлом году Хьюго устраивал мне розыгрыши и похуже как минимум раз в неделю.

Гул голосов постепенно наполнил комнату. Дэмьен и Сабрина вернулись к своему непонятному занятию и приглушенному разговору. Роуз наклонилась к Джеймсу.

– Как ты думаешь, Петра права? – тихо спросила она. – Думаешь, он действительно принадлежит к Гриффиндору?

Джеймс вспомнил прошлый год, когда Ральф поступил в Слизерин. Джеймс был уверен, что это ошибка. Теперь, зная больше о Ральфе, он решил, что Шляпе, в конце концов, виднее.

– Хагрид говорит, Распределяющая Шляпа знает, что делает. Я имею в виду, ее нельзя обмануть, ведь так? – ответил он Роуз.

Роуз, казалось, не была убеждена.

– Кто-то обманул Кубок Огня еще во времена наших родителей. Все возможно.

– Но с чего бы ему хотеть попасть в Гриффиндор?

Роуз пожала плечами.

– Я надеюсь, что он окажется нормальным. Потому что если нет, все может пойти наперекосяк. Особенно после этой ночи.

– О чем ты? – подозрительно спросил Джеймс.

Роуз проигнорировала его слова.

– Почему ты не пойдешь наверх и не проследишь за ним?

– Да ну тебя, Роуз! Сначала кухня Люси заставила меня пообещать, что я буду следить за Альбусом, теперь еще и ты хочешь, чтобы я был нянькой для Скорпиуса–черт–его–побери–Малфоя?

– Просто сделай это, Джеймс. Уверена, к твоему возвращению Дэмьен и Сабрина закончат, и мы будем готовы выступить.

– Мда, – сказал Джеймс, поднимаясь на ноги. – Никогда бы не подумал, что ты западаешь на плохих парней.

– Я на него не запала, – нахмурилась она. – Просто убедись, что у него найдется занятие, тебе сложно что ли?

Джеймс выругался про себя и пересек комнату, направляясь к лестнице, ведущей в спальню мальчиков.

– Это Джеймс. Не надо меня оглушать или еще чего, – громко сказал он, поднимаясь по лестнице. К своему удивлению, он нашел Скорпиуса в комнате второкурсников. – Эй! Это моя кровать!

Джеймс остановился на верхней ступени. Скорпиус сдвинул чемодан Джеймса и положил свой на кровать. Он пренебрежительно поднял глаза, распаковывая вещи.

– Правда? – Скорпиус не торопился ответить. – На ней есть твое имя?

– Вообще–то, да, черт возьми, – воскликнул Джеймс. – Я вырезал его прямо здесь, на спинке кровати, под твоим мерзким бледным носом.

– Где? – щурясь, Скорпиус разглядывал спинку. Он достал из кармана палочку и лениво взмахнул ею. Фиолетовая вспышка озарила изголовье, а когда она исчезла, пропало и имя Джеймса, погребенное под уродливой черной меткой. – Не вижу ничего. Наверное, ты перепутал.

Скорпиус огляделся и еще раз взмахнул палочкой, вызвав новую вспышку фиолетового света.

– Вот, – он повернулся к своему чемодану. – Теперь твое имя написано на той кровати. Доволен?

Джеймс шагнул к кровати, стоявшей у противоположной стены. Вдоль изголовья тянулись светящиеся фиолетовые буквы. Выведенные готическим шрифтом, они гласили: «ПЛАКСИВЫЙ УБЛЮДОК ПОТТЕР».

– Слушай, нельзя просто... – начал было Джеймс, но умолк и склонился к буквам. – Как ты это сделал? Это же невербальное заклинание!

– Так лучше? – Скорпиус в очередной раз взмахнул палочкой. – Мобилиарка.

Чемодан Джеймса загрохотал по полу, чуть не оставшись без колесиков. Он ударился о кровать и раскрылся, выплюнув половину вещей. Скорпиус, достававший книги из собственного чемодана с помощью левитации, криво ухмыльнулся и аккуратно опустил их на подоконник.

Джеймс зашипел:

– Слушай, Малфой, это даже не твоя спальня. Ты первокурсник! Ты не можешь поселиться, где захочешь!

– Похоже, спальня первокурсников в этом году переполнена, – Скорпиус даже не посмотрел на Джеймса. – Знакомый первокурсник с Гриффиндора сообщил мне, что я могу поселиться где-нибудь в другом месте. Честно говоря, мне не важно, где жить в этой отсталой башне, но если мое присутствие тебя раздражает, то я останусь. Если тебе не нравится, обратись к директору. В конце концов, он твой приятель, разве нет?

– Они просто избавились от тебя, придурок, – безнадежно воскликнул Джеймс.

– Уже пора петь песни? – Скорпиус наконец посмотрел на Джеймса, убирая палочку. – Или ты пришел посмотреть, как волшебник распаковывает вещи?

Джеймс резко развернулся и, рассерженный, начал спускаться вниз.

– Если ваши планы имеют отношение к Малфоя, – сказал он, плюхнувшись на стул рядом с друзьями, – то я буду просто счастлив.

– Какое воодушевление, – ответил Дэмьен, не отрываясь от пергамента. Джеймс посмотрел на него. Он смог разглядеть, как Дэмьен и Сабрина что-то рисуют, но пергамент был весь покрыт стрелками, геометрическими фигурами и каракулями.

– За это мы должны благодарить профессора Камнелица, – ухмыльнулся Ной. – Кто сказал, что у Техномантии нет практического применения? Пошли, пора.

– Если бы мы сумели сохранить мантию твоего отца, нам бы не пришлось оставлять кто-то на страже, – резонно заметил Дэмьен, – но поскольку у нас ее нет, эта часть предприятия ляжет на твои плечи.

Сабрина почти подпрыгивала от возбуждения. Перо в ее волосах дрожало.

– Я пойду на пристань, – тихо сказала она. – Позовите, когда можно будет. На вас рукописная часть.

Дэмьен кивнул. Ной, Роуз, Петра и Сабрина побежали вниз по лестнице в конце коридора.

Джеймс вздохнул.

– Ладно, постою на стреме. И что мне делать, если сюда кого-нибудь принесет?

– Все идет по плану. Твоя легенда: ты пошел в ванну и заблудился, – сообщил Дэмьен. – Притворись, что согнулся пополам после бега или еще что-нибудь. Постони там, только погромче. Мы тебя услышим и узнаем, что кто-то идет.

Джеймс был потрясен.

– Ты смеешься, все же поймут, что я вру! Начнем с того, что я уже второкурсник. И как, по-твоему, я должен заблудиться по дороге в ванную?

– Используй воображение, – вкрадчиво ответил Дэмьен. – Может, тебе очень плохо и ты бредишь. Просто убедись, что ты стонешь достаточно громко, и мы тебя услышим.

Джеймс открыл было рот, чтобы запротестовать, но Дэмьен уже бежал вниз по лестнице так быстро, как мог. Приступив к исполнению своего долга, Джеймс прислонился к стене и наблюдал. Он до сих пор понятия не имел, что замышляют Гремлины, но это было как-то связано с новым окном с изображением Геракла. Роуз упомянула его, когда говорила, что без Джеймса им не справиться.

Он разбил это окно в прошлом году в полуночной погоне за магловским нарушителем. Филч излил немало яда по поводу того, что

окно невозможно заменить, и был прав. К счастью, для восстановления содержащейся в окне магии не требовалось изготавливать полный дубликат. Школа просто заказала новый витраж с особым зачарованным стеклом. Петра объяснила, что окно заколдовано так, что способно содержать любое желаемое изображение. Филч, будучи традиционалистом по натуре, считал, что там стоит витраж, соответствующий предыдущему вплоть до трещины на мизинце у Геракла.

Джеймс решил хоть краем глаза глянуть на то, чем занимались Гремлины. Он осторожно выпрямился и на цыпочках подошел к краю лестницы. Ему удалось услышать оживленный шепот Сабрины и Дэмьена, но не получилось ничегошеньки разглядеть. Джеймс обернулся, чтобы вернуться к своему прерванному занятию, и уткнулся лицом прямехонько в бороду Мерлина.

– Ох! – Джеймс отпрянул. – Разве можно так подкрадываться к людям?!

Лицо Мерлина было бесстрастным, как никогда.

– Я полагаю, вы здесь стоите на страже, мистер Поттер?

Джеймс выдохнул.

– Я занимался этим, пока не наелся бороды. Чем вы ее смазываете? Пахнет словно средство, которым мама отмывает горшки.

– Не нужно бояться, мистер Поттер. Я скажу любому, кто об этом спросит, что нашел вас здесь мучающимся от несварения желудка. Я пришел, чтобы попросить вас об одолжении. Вы не обязаны делать это, но если выполните, то я сочту это компенсацией за очки, вычтенные у вашего факультета.

Джеймс потер лицо, пытаясь удалить с него остатки мерлинового масла для бороды.

– Эм, да, конечно, чего вы хотите?

– Мне нужно, чтобы вы убедили мистера Дидла и третье лицо на ваш выбор помочь мне получить некоторые вещи для выполнения определенной задачи. Они имеют большое значение в моей работе, но для их приобретения мне требуется определенная помощь. Скажем так, они были запечатаны на некоторое время.

– На тысячу лет или около того? – спросил Джеймс, ощущая пробудившийся интерес. – Не уверен, что шкафчики для хранения

функционируют так долго. Как вы можете утверждать с уверенностью, что ваши вещи все еще там?

– Это моя забота, мистер Поттер, не ваша. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие?

– Не похоже, что вам нужна наша помощь, – пробормотал Джеймс.
– Почему вы не попросите кого–нибудь из учителей, к примеру?

– Потому что я – человек осторожный, – ответил Мерлин с легкой улыбкой. – И предпочитаю, чтобы существование моих инструментов не получило широкой огласки, учитывая некоторые сомнения относительно их происхождения. Поэтому я и выбрал вас и мистера Дидла. Вы двое уже доказали, что, пусть и не со слишком удачным исходом, но все же умеете хранить секреты.

– Так вы вернете десять очков Гриффиндору, если мы поможем вам заполучить эти штуковины? Звучит неплохо. Я так понимаю, самым главным пунктом этой сделки будет полная сохранность тайны, верно?
– спросил Джеймс, поглядывая на высокого мужчину снизу вверх.

Мерлин кивнул.

– С учетом этого будьте особенно аккуратны в выборе третьего участника. Выходим завтра после полудня. Встречаемся возле входа в старую ротонду, будьте готовы к прогулке пешком.

Мерлин повернулся, собираясь уходить, полы его длинной мантии заколыхались.

– Эм, директор? – тихонько спросил Джеймс, понизив голос, чтобы не привлекать внимание Гремлинов, возившихся внизу. Мерлин остановился и обернулся, приподняв бровь. Джеймс спросил:

– Что слышно о борли?

Мерлин покачал головой:

– Не беспокойтесь, мистер Поттер. У меня есть все основания полагать, что этот – последний. И, конечно, он скоро вновь проявит себя. Возможно, в следующий раз вы будете лучше подготовлены и справитесь с ним.

Мгновение спустя высокий мужчина исчез, каким–то образом так растворившись в тенях коридора, что даже звука его шагов не было слышно. Все–таки что–то жутковатое было в этом древнем волшебнике. Его, казалось, всегда окружал ореол дикости и ночного воздуха, даже в школьных коридорах. Очевидно, у Мерлина были свои способы

узнавать о происходящем в стенах Хогвартса. Он точно знал, где искать Джеймса, и чем тот занимается. Вероятно, Джеймс не смог бы прокрасться мимо него незамеченным даже под мантией–невидимкой.

Вскоре Гремлины снова поднялись на цыпочках по лестнице. Последней шла Роуз: она прикрывала рот, стараясь подавить смешок.

На обратном пути в общую гостиную Гриффиндора Петра спросила:

– Видел кого–нибудь, Джеймс?

Джеймс, задумавшись, посмотрел на нее. Через мгновение он покачал головой:

– Никого, о ком следует беспокоиться.

Это было почти правдой.

На следующее утро, когда Джеймс топоча спускался вниз по лестнице, чтобы позавтракать, он остановился, заметив шумную толпу, собравшуюся на площадке. Посреди нее стоял Филч, весь красный от гнева, не спускающий взгляда с окна с Гераклом. Его брови яростно топорщились. Со своего наблюдательного пункта несколькими ступеньками выше по лестнице Джеймс отлично видел, что именно привело того в такое состояние. Геракл исчез. На его месте красовалось неплохо выполненное изображение Салазара Слизера. Странно, но он, казалось, слегка улыбался, спускаясь вниз по извилистой дороге. Он держал за руку темноволосого взъерошенного мальчика: Альбуса. Над их головами развевался плакат со словами «Соединенные самими небесами?». еще хуже, за их спинами на дороге лежал бледный мальчик со светлыми волосами и резкими чертами лица. Слова, исходящие из рта этой карикатуры на Скорпиуса, гласили: «Поистине, Салазар! Мое сердце разбито!»

– Это цитата из классического волшебного любовного сонета, – самодовольно заметил Дэмьен, стоявший позади Джеймса. – Вероятно, только один из десяти поймет это, но все же он почему–то меня привлекает.

– Ты точно ненормальный, Дэмьен, – ласково сказала Сабрина.

Стоял необычайно теплый солнечный денек, когда Джеймс встретил Ральфа около большой арки старой ротонды. Лучи золотого света испещряли мраморный пол и половину того, что осталось от статуй основателей. После стольких лет не сохранилось ничего кроме их ступней и остатков ног. Разбитые части были сглажены столетиями прикосновений любопытных рук.

– Она придет, – сказал Джеймс, когда добежал до своего друга. – Она же собирается целую вечность. И почему только девушки так долго собираются?

Ральф пожал плечами.

– Фира Хатчинс говорит, девушки собираются дольше потому, что они на самом деле готовятся. А парни просто приглаживают свои волосы слюной, брызгают немного одеколона и думают, что собрались.

– Что в этом плохого? – проворчал Джеймс.

Роуз приблизилась к ним сзади. Она хорошо выглядела, и Джеймс вынужден был признать, была более подготовлена, чем они.

– Что у тебя там? – спросил Джеймс, кивком указав на небольшой ранец, перекинутый через ее плечо.

– Сейчас покажу, – ответила Роуз, наклоняясь. – Моя палочка, немного воды, печенье, заклинание, отгоняющее насекомых, походный нож, пара омниокуларов, запасные носки и солнечные очки, – она оглянулась и посмотрела на Ральфа с Джеймсом. – Что? Ты же сам сказал, что нужно подготовиться к прогулке!

Джеймс только покачал головой.

– И как тебе только удастся быть похожей на своих маму и папу одновременно?

– Просто повезло, – фыркнула Роуз.

– Нужно было подготовиться к прогулке? – спросил Ральф, нахмутив брови. – Это что-то вроде похода?

Джеймс махнул рукой в сторону этажей ротонды.

– Пойдем, Мерлин сказал, встретимся у входа, там он даст дальнейшие указания, во всяком случае, он подразумевал именно это.

– Я не захватил с собой кроссовок, – тоскливо заныл Ральф, последовав за ним.

Троица вышла под теплые лучи полуденного солнца. Когда-то,

веками ранее, вход в ротонду был главным входом в Хогвартский замок. Теперь им практически не пользовались. Огромная дверь в галерею почти никогда не запиралась, открывая вид на обширные поля с сорняками и вереском, заканчивающиеся на краю Леса.

– Так жутко, – сказала Роуз, оглядываясь на статуи основателей во мраке ротонды. – Они, должно быть, были огромными прежде чем разбились. Что с ними случилось?

– Со статуями основателей? – ответил Джеймс. – Они были разрушены много лет назад. В битве, наверное.

– Ты ведь не знаешь? – воскликнула Роуз, поднимая брови.

Джеймс действительно не знал, но не собирался в этом признаваться. Он сделал вид, что высматривает Мерлина.

Ральф задумчиво нахмурился.

– Интересно, что случилось с оставшимися кусочками. Думаешь, они все еще здесь, хранятся в подвале или еще где-то?

– Я бы не удивилась, – согласилась Роуз. – Здесь достаточно комнат, чтобы хранить все что угодно. Говорят, сами основатели похоронены где-то здесь, но никто не знает, где. Все, кроме Салазара Слизерина.

Ральф моргнул.

– Но почему он здесь не похоронен?

– Я думала, ты читал «Историю Хогвартса»?

Ральф повернулся к Джеймсу:

– Она всегда такая? Если так, напоминай мне, чтобы я больше не задавал ей вопросов.

– Он не похоронен здесь, – ответил Джеймс, – потому что поссорился с другими основателями, и его выгнали из школы.

Ральф поморщился.

– Вероятно, я не захочу знать подробности, верно?

– Уверен, ты сможешь угадать, – ответил Джеймс. – Хорошо, что времена поменялись, да?

– Времена никогда не меняются, – сказал чей-то громкий голос. Джеймс посмотрел вверх и увидел Мерлина, поднимающегося по ступенькам. – Меняются только люди. Приветствую вас, друзья. Мы готовы высадиться?

– Вероятно, это вопрос, готовы ли мы к походу, – пробубнил Ральф.

– Не совсем уверен, что я готов ответить.

Мерлин повернулся на лестнице и снова начал спускаться к травянистым сорнякам внизу. Джеймс посмотрел на Роуз и Ральфа, пожал плечами и побежал по лестнице, чтобы не отставать.

– Так как же мы попадем туда, директор? – спросила Роуз. – Портал? Метла? Трансгрессия?

– Я думал, мистер Поттер уже сказал вам, – ответил Мерлин, не оборачиваясь. – Мы собираемся пойти пешком.

– Весь путь? – сказал Ральф, споткнувшись на клочке вереска. Казалось, Мерлину это нравится.

– Когда мы начнем путь, станет легче, мистер Дидл. В мои годы – и я признаю, что это было довольно давно – люди ходили пешком почти везде. Волшебникам и ведьмам иногда хорошо перемещаться без магии. Это напоминает нам, кто мы такие.

– Я и так знаю, кто я, – пробурчал Ральф. – Я парень в грязных ботинках, отдающий предпочтение пище в упаковке.

Они дошли до края леса, и Мерлин направился в самую чащу. Тропинки не было, но Мерлин, казалось, знает куда идти. Он едва ли оставлял следы или приминал траву. Джеймс на секунду остановился на краю леса. Мерлин не замедлил шаг, и Джеймс знал, что если он не последует за ним, то быстро потеряет большую фигуру волшебника в густом лесу. Он нырнул следом, стараясь поспеть за громадным шагом Мерлина.

– Подождите минутку, – позвала Роуз, снимая репейники со своих джинсов. – Не все тут в ладах с природой.

По мере их продвижения Джеймс заметил странную вещь. Волшебник словно бы каким-то образом сливался, соединяясь с окружающим их лесом. Лес распахивался перед Мерлином, словно гигантские ворота, смыкаясь за их спинами. Если Джеймс, Ральф и Роуз держались поближе, они попадали на гребень этой своеобразной волны. Колючие кустарники прогибались в стороны, ручьи порастали сухими ступеньками, и даже трава и подлесок смягчались, становясь плоскими под их ногами. Ни одной ветки не зацепилось за их одежду, несмотря на то, что лес здесь был особенно густым. Даже красноватый солнечный свет проникал сквозь плотную листву, создавая для них световую тропу.

– Эй, Джеймс, – тихо спросил Ральф, – как думаешь, далеко мы уже

забрались?

– Мы здесь всего полчаса, – ответил Джеймс, глянув вверх, на солнце. – Мы не могли уйти дальше Хогсмида, в зависимости от направления. Тяжело объяснить, правда?

Ральф кивнул.

– Так и есть. Клянусь, такое ощущение, что мы идем только пару минут и целую неделю одновременно.

– Твой мозг обманывает тебя, – сказала Роуз. – Так бывает, когда долго идешь. На тебя так влияет однообразие. Вероятно, отсюда еще виден замок. Если бы только деревья немного поредели.

Едва Роуз закончила говорить, Мерлина впереди осветило оранжевое сияние. Джеймс прищурился, затем ахнул и вытянул в стороны руки, чтобы остановить Ральфа и Роуз. Не успев притормозить, они врезались в него сзади.

– Эй, – ответила Роуз, уронив сумку, – почему мы остановились?

Ее голос затих, как только она посмотрела наверх. Ослепительно красивый закат, пылая оранжевым, розовым и темно-лиловым, озарил пейзаж впереди, но это было еще не все. В пятнадцати футах от места, где стоял Джеймс, каменистая земля исчезала, превращаясь в каменистый пляж, о который бился прибой. Туман ревел на ветру, орошая их лица и мелкими каплями оседая на ресницах.

– Это океан? – затаив дыхание, спросила Роуз. – Невозможно!

Голос прозвучал неразборчиво. Джеймс оторвал взгляд от вида, открывающегося под ним, и увидел поодаль Мерлина. Тот стоял на узкой тропинке, что шла вдоль края скалы. Директор махнул ребятам, призывая, следовать за ним. Что они и сделали, перед этим пару секунд простояв в изумлении.

Рев океана и вой ветра наполнили их уши, когда они огибали скалу. Пока они догоняли Мерлина, Роуз приблизилась к Джеймсу и спросила, понизив голос:

– Почему ты позвал меня в этот поход?

– Все просто, – ответил он, поднимаясь так быстро, насколько мог на неровной тропе в скале. – Мне нужен был тот, кто умеет хранить секреты. К тому же, у тебя есть сомнения насчет Мерлина. Я хотел, чтобы ты познакомилась с ним поближе.

– Должна сказать, мое мнение не улучшилось, – призналась Роуз. –

Каким-то образом он только что увел нас за сотню километров за полчаса. Но мне все еще интересно, Джеймс, почему ты не позвал Альбуса?

Джеймс через плечо оглянулся на Роуз:

– Не знаю. Ты была первой, о ком я подумал.

– По-моему, это любопытно, вот и все.

Их догнал Ральф.

– Почему ты позвал меня? – спросил он, пытаясь отдышаться.

– Мерлин попросил об этом, Ральф. Он сказал, что знает, как мы с тобой умеет хранить секреты.

Роуз нахмурилась.

– Хотела бы я знать, от кого эти секреты.

– Тсс, – зашипел Джеймс, когда они приблизились к Мерлину.

Он остановился на вершине крутого, скалистого мыса. Поднявшись к нему, все трое поняли, что оказались на узком перешейке. Только присоединившись к Мерлину на вершине, они увидели, что перешеек тянется далеко вперед, образуя природный мост через прибой, грохочущий далеко внизу. Перешеек был едва ли шире тропы. По обеим сторонам его были крутые обрывы. На другой стороне каменный мост соединялся с огромным скалистым монолитом, который по размеру и форме напоминал башню Хогвартса. Вершина казалась почти плоской и была покрыта колышущейся травой.

– Мы же не собираемся туда идти, – категорично заявил Ральф. – В смысле, не собираемся, верно? Это же настоящее сумасшествие.

Не успел он закончить, как Мерлин ступил на скалистый выступ.

– Держитесь ближе, друзья. Это не так опасно, как кажется, но и не безобидно. Я поймаю вас, если вы сорветесь, но давайте постараемся избежать такой необходимости.

К счастью, Джеймс не особо боялся высоты. Не сводя глаз с высокого мужчины, легко шагающего по узкой тропке, он шагнул следом.

– Вот черт! – пробурчал шедший позади Ральф. Его голос терялся в порывах соленого ветра.

Вообще-то, было довольно весело, но в каком-то легкомысленном, пугающем смысле. Беспокойно дувший ветер трепал рукава и штанины Джеймса. Мальчик знал, что не должен смотреть вниз, но не мог

оторвать взгляд от тропинки в поисках точки опоры. Временами Джеймс замечал на тропинке нечто похожее на каменную кладку и большие кирпичи, словно в далеком прошлом ее укрепляли, возможно, даже не раз. Редкие сорняки пробивались сквозь скалы, шелестя под беспрестанным, порывистым ветром. По обеим сторонам прибой бил о скалы далеко внизу.

– Безумие, – отозвался Ральф высоким, срывающимся голосом. – Что нам делать, если мы упадем? Кричать: «Директор, я сорвался с правой стороны, немного помощи не помешает»?

Джеймс вспомнил, как Мерлин нашел его прошлой ночью и как он знал, что они замышляют.

– Полагаю, у него имеются свои способы узнать о произошедшем. Не беспокойся об этом, Ральф.

Роуз, шедшая сразу за Джеймсом, пробурчала:

– Сказочно обнадеживает.

Наконец тропка стала расширяться. Скалы отступили, когда они миновали своего рода ворота, образованные грудями разбитых валунов и обломков. Оказавшись на расчищенной вершине чудовищного монолита, Джеймс наконец смог оглядеться. Она, действительно, была покрыта травой и кустами, но не была абсолютно плоской. На самом деле, здесь были странные воронкообразные углубления, уходившие в скрытую выбоину посередине. Мерлин стоял на узкой тропе, ведущей к центру.

– Потрясающе, – искренне воскликнул он с выражением мрачного удовлетворения. Полы мантии свободно бились о его ноги, а борода развевалась на ветру.

– Вообще, – ответил Джеймс, – да, так и есть!

Подошедшие Роуз и Ральф встали рядом с волшебником.

– Мы на месте? – спросил Ральф, руками отбрасывая волосы с лица.

Мерлин повернулся и уставился в середину плато, скрытую от взора.

– Да. И смотрите под ноги. Здесь скользко.

– О боже, – беспомощно пробормотал Ральф.

– Взбодрись, Ральф, – откликнулась Роуз, пытаясь перевязать волосы короткой лентой. – Это лучшее приключение, о котором ты

никому не сможешь рассказать.

– Не пойму, почему все решили, что я люблю приключения. Я никогда даже не читал приключенческих романов.

– Держитесь рядом, – повторил Мерлин.

Когда все четверо начали спускаться по воронкообразному плато, сухая трава стала отступать. Джеймс даже приостановился на миг, когда понял истинную природу монолита. Середина становилась все круче и круче, опускаясь в естественную яму шириной в пятьдесят футов. Тропинка превратилась в огромные каменные ступени, а после в узкую лестницу, по спирали спускающуюся внутрь ямы. Лестница, очевидно, была очень древней и покрытой мхом. В центре углубление было заполнено морской водой, бурлящей и омывающей трещины в камне. Шум от волн стоял просто оглушительный.

Наконец, чуть выше уровня прибоя лестница привела в огромную пещеру. Мерлин завел троицу в полумрак, остановился и постучал посохом по каменному полу, зажигая его. Багряный свет озарил пространство, по скалам и трещинам запрыгали резкие тени.

– Отличный тайник, – присвистнул Джеймс.

– Определенно, – согласилась Роуз, – учитывая, что он полдня находится под водой. Мы сейчас в середине отлива.

– Здесь вы прячете свои вещи? – Ральф указал на огромную дыру в форме двери, расположенную в дальней части пещеры. – Над дверью что-то написано, но я не могу прочесть.

Роуз подошла ближе и взгляделась в надпись.

– Это валлийский, верно?

– Полагаю, это старинная форма того, что ты называешь валлийским, – подойдя к двери, ответил Мерлин. – В приблизительном переводе читается так: «Это хранилище Мерлина Амброзиуса; не входить под страхом смерти».

Ральф, прищурившись, взгляделся в едва читаемые буквы:

– Вот вам и тайные загадки, и магические пароли.

– Я не люблю играть с жизнями искателей сокровищ, – ответил Мерлин. – Упоминания моего имени достаточно, чтобы отогнать большинство из тех, кто зашел так далеко. Те же, кто рискнет пойти дальше, заслужили честное предупреждение.

– Разве здесь не нужен какой-нибудь ключ или что-то подобное? –

спросила Роуз.

– Нет, мисс Уизли. Суть не в том, чтобы войти. В действительности, все наоборот. Вот почему вы и мистер Дидл будете ждать здесь.

Ральф оживился:

– Первая хорошая новость с тех пор, как мы отправились в путь. Но почему?

– Ваша палочка – часть моего посоха, – мрачно улыбнулся Мерлин. – Таким образом, это второй – и последний – на свете магический инструмент, который сможет открыть проход.

Ральф кивнул и взмахнул палочкой.

– Меня это устраивает. Просто скажите, что делать, когда придет время. Счастливого погружения.

– А как же я? – спросила Роуз.

Мерлин что-то достал из складок своей мантии и отдал ей. Это было маленькое зеркало в золотой винтажной раме.

– Знаете, как делать Occido Beam?

Джеймс видел, как Роуз борется с желанием закатить глаза.

– Да, я знаю, как отражать солнечный свет с помощью зеркала.

Мерлин кивнул и посмотрел на Джеймса.

– Идите за мной, мистер Поттер, и не отставайте.

Сказав это, он повернулся и шагнул в проход. Его посох озарил комнату багряным светом. Джеймс посмотрел на Ральфа и Роуз, пожал плечами и пошел вслед за Мерлином в грот.

Что-то тут же неприятно захрустело под ногами.

– Фу! – воскликнул он. – Кости!

Пол был густо покрыт крохотными скелетами. Останки птиц, рыб и грызунов образовали слой толщиной в несколько дюймов. Мерлин не обратил на них никакого внимания.

– Неизбежная плата, – произнес он, углубляясь в грот. – Односторонний камень безжалостен. Мои руны с предостережениями сегодня стали менее эффективными, чем были несколько столетий назад.

– Вы оставили предостережения для птиц и крыс? – задал вопрос Джеймс.

Мерлин оглянулся.

– Конечно, мистер Поттер. Существа заходят сюда не для того, чтобы украсть, но для того, чтобы найти здесь кров и еду. Я установил заклятие страха в камень. Оно объясняло их крохотным умам, что они не найдут здесь ничего хорошего, и должны держаться подальше. Однако я недооценил долговечность этих заклятий. Меня не радует ответственность за гибель этих существ. Я отплачу земле за их жертву.

– Что вы имели в виду под «односторонним камнем»? – спросил было Джеймс, но, обернувшись к проему, понял сам. Проход исчез, вместо него там была грубая цельная скала. По всей видимости, Джеймс и Мерлин оказались заперты внутри пещеры. Он вздрогнул и обхватил себя руками, оглядывая темное каменное пространство. Что-то привлекло его внимание.

– Эм, – пробормотал он, стараясь придать голосу спокойствие, – эти кости определенно не принадлежат птице или крысе, не так ли?

Мерлин проследил за взглядом Джеймса и увидел человеческий скелет, прислонившийся к темной нише. Скелет был облачен в лоскуты ткани и остатки грубой брони. Ржавый меч лежал рядом с кистью скелета.

– Я бы не стал подходить так близко, мистер Поттер, – мягко предупредил Мерлин, когда Джеймс шагнул в сторону скелета, болезненно очарованный.

– Ух ты, – выдохнул Джеймс, – у него на пальцах сохранились кольца. И волосы на черепе. Фе, и остатки усов! Кто это, как по-вашему...

Скелет неожиданно рванулся вперед, вскинув руки и размахивая остатками меча. Джеймс отскочил назад, упав на Мерлина.

– Прочь! – вопил скелет, размахивая руками и вращая головой. – Покажись, пока я не разрубил тебя шутки ради!

– Все в порядке, Джеймс, – иронично заметил Мерлин, помогая Джеймсу подняться на ноги. – Просто отойди от него.

После чего обратился к скелету:

– Ты не видишь нас, потому что у тебя нет глаз, Фарриган.

– Мерлин, – завопил скелет. – Где ты, сын дьявола? Как ты посмел замуровать меня?

– Как ты посмел нарушить мою границу и попытаться украсть мои вещи, старый друг?

– Друг, тьфу! – плюнул скелет. Его челюсти скрипели, пока он говорил. – Ты покинул этот мир. Мертв! Зачем это тебе?

– Ты надеялся, что я мертв, но ты знал и другое. Мои сокровища не завещаны никому, кроме меня. Астрададукс предупреждал тебя.

– Астрададукс – уличный пес, – зарычал скелет Фарригана. – Я разобью его голову о стену за этот розыгрыш. И что значит: у меня нет глаз? Здесь просто темно. Зажги свой посох, если ты Мерлин, заклинаю тебя.

Мерлин посмотрел на Джеймса:

– Он будет освобожден от связи с этим миром, как только мы уйдем. Это часть проклятия для того, кто посмеет войти сюда, – оставаться здесь до моего возвращения. Теперь, когда время пришло, проклятие падет. Можешь подождать здесь, с ним? Он совершенно безобиден, пока ты держишься на расстоянии.

Джеймс посмотрел на скелет. Тот облокотился о стену, пытаясь соединить свои кости и заставить их работать, пискливо ворча что-то под нос. Джеймс сглотнул.

– Думаю, да. Как долго?

– Не более, чем пару минут, – ответил Мерлин, повысив голос. – Мисс Уизли, вы меня слышите?

Голос Роуз беспрепятственно прошел через невидимый вход.

– Я здесь, смотрю через дверь прямо на вас. Что там происходит?

– Ничего особо важного. Можете создать Occido Veam прямо сейчас? Падающий свет должен пройти через большие трещины в левой части пещеры.

Джеймс услышал шаги Роуз, когда она подошла. Мгновение спустя узкий пучок солнечных лучей пронзил пыльный воздух в пещере, проникая через односторонний камень в проходе.

– Очень хорошо, мисс Уизли, – сказал Мерлин. – Немного повыше, пожалуйста.

Луч солнечного света проник в глубины пещеры. Он покачнулся, когда Мерлин направил Роуз, осторожно выравнивая луч. Наконец он озарил блестящий отполированный символ на дальней стене. Тот ярко вспыхнул, и неожиданно из солнечного луча выпал длинный золотой шнур.

– Спасибо, мисс Уизли, – отозвался Мерлин, наклонившись, чтобы

подобрать конец шнура. – Вы отлично справились. А теперь: что бы вы или мистер Дидл ни делали, ни при каких обстоятельствах не входите в пещеру, вне зависимости от того, что вы услышите.

По спине Джеймса пробежал холодок, когда Мерлин повернулся к нему.

– Ваша задача проста, мистер Поттер, но крайне важна. Вы должны держать конец шнура.

Мерлин подал ему шнур, и Джеймс взял его. Он был тонким, сплетенным из светящихся золотых нитей.

– Я должен просто держать его?

Мерлин кивнул, не отводя взгляда от Джеймса.

– Но знай, Джеймс Поттер, пока ты держишь этот шнур, ты держишь мою жизнь. Ни при каких обстоятельствах не отпускай его, пока я не вернусь. Ты понял?

Озадаченный, Джеймс нахмурился. Потом кивнул. Больше не произнеся ни слова, Мерлин повернулся и двинулся в темные глубины пещеры, держа перед собой посох. Очевидно, пещера была глубже, чем изначально показалось Джеймсу. Пока волшебник не спеша шагал вперед, его посох осветил пещеру гораздо больше той, в которой остался Джеймс. Пол в ней был очень темный, почти черный. Как ни странно, Мерлин шел по золотому шнуру, аккуратно ставя на него ноги. Шнур тянулся вглубь пещеры, исчезая в темноте. Вдруг Джеймс увидел, что пол большой пещеры был не просто темным, как ему показалось поначалу. Его не было вовсе. Мерлин шел по одному только шнуру, натянутому, очевидно, над бездонной пропастью.

Раздался сухой кашляющий звук, и Джеймс посмотрел на скелет. По всей видимости, тот смеялся.

– Пошел за своими сокровищами, верно? – сказал он. – И бросил тебя в беде, думается. Окажи любезность – назови себя, демон.

– Я не демон, – ответил Джеймс. – Меня зовут Джеймс.

– О, отличное имя. Скажи мне, мастер Джеймс, если ты не демон–слуга, почему же ты держишь шнур для сына дьявола?

Джеймс помотал головой. Он знал, что не должен общаться с жалким Фарриганом. Тот снова слабо рассмеялся и уронил меч. Ржавый клинок отвалился от эфеса, и скелет глубоко вздохнул, отчего ребра его затрещали.

– Я понял, что со мной, – заговорил Фарриган. – Астрададукс был прав насчет ловушки. Я провел здесь столетия, верно? И давно мертв, но привязан к этому миру одним лишь заклятием этого мерзавца. И ради чего? Я пришел не украсть, а разрушить. Ты можешь это понять, о Джеймс, удерживающий шнур того самого человека? Я пришел покончить с этим раз и навсегда. Но мне не удалось, и теперь все началось. В конце концов, хорошо, что я мертв и не увижу грядущего, да? – усмехнулся скелет.

Любопытство Джеймса взяло верх.

– Что? Что началось?

– Не говори, что ты такой дурак и грязная работа, порученная Мерлином, ослепила тебя, – ответил скелет, поворачивая голову на голос Джеймса. – Ты, который сейчас помогает ему в достижении его цели. Не говори, что ты не слышал о Проклятии, мой юный друг.

– Не знаю, о чем вы говорите, – ответил Джеймс. – Мерлин не тот, за кого вы его принимаете. Не знаю, каким он был в ваши времена, но теперь он другой. Он хороший.

Скелет подался вперед, хохоча и задевая руками свои костлявые бедра. Фаланги пальцев сломались и рассыпались по полу среди костей животных.

– Если ты ему веришь, значит, твой мир заслужил это.

– Что «это»? – спросил Джеймс, одновременно испытывая страх и раздражение.

Скелет Фарригана перестал смеяться. Он вновь повернул голову к Джеймсу, его пустые глазницы пронзали насквозь.

– Как ты можешь не знать, что Врата открыты? Мерлин сорвал завесу. Его возвращение в мир живых – трещина между реальностями. Существа прошли сквозь нее, а теперь они затерялись среди людей.

– Борли, – сам себе сказал Джеймс, начиная понимать.

Скелет кивнул.

– Но это не все. Он идет. Привратник. Страж миров! Мерлин – его Посол. Глупец! Даже теперь ты держишь его шнур! Отпусти его! Возможно, Врата еще можно закрыть! Отпусти шнур и освободи мир от Проклятия, ибо оно почти свершилось! Не верь лжи! Отпусти его и обреки Мерлина на заслуженную гибель!

– Нет, – Джеймс крепко сжимал шнур, потому что руки могли

подвести его. Он посмотрел вдоль него, но больше не видел Мерлина. Он чувствовал: ничто не давит на шнур. Он знал, что не должен обращать внимание на неменяемый скелет. По всей видимости, Фарриган был заклятым врагом Мерлина. Возможно, он проник в пещеру, чтобы украсть сокровища, как и утверждал Мерлин, но был заперт односторонним камнем. Скелет лгал. Не было никакого Проклятия. И все же...

Что если скелет говорил правду? Ответственность за возвращение Мерлина лежала на Джеймсе, обманутом ужасной мадам Делакура и ее сообщниками. С ним, Джеймсом, консультировались, должен ли Мерлин стать новым директором Хогвартса. Если в словах скелета есть хоть доля правды, все будет на совести Джеймса. Возможно, сама судьба отдала шнур в его руки, шнур, который мог покончить с Мерлином, отменив все, что Джеймс невольно натворил. Возможно, это единственный шанс все исправить.

– Я чувствую твои сомнения, мальчик, – тихо произнес скелет. – Ты же знаешь о своем предназначении, разве нет? Так осуществи его. Трудно ли это? Вовсе нет. Друзья ждут тебя снаружи, готовые выпустить в любой момент. Им нет нужды знать, что произошло с волшебником. Просто скажи им, что он упал, и теперь его нет. Только ты будешь знать, от чего спас свой мир. Сделай это. Сделай, пока еще можешь.

Джеймс снова посмотрел вперед. Он уже видел Мерлина. Тот возвращался по шнуру: в одной руке он держал маленькую коробочку, а в другой – посох, поднятый над головой. Шнур оставался совершенно неподвижным, когда мужчина ступал по нему. Джеймс по-прежнему не чувствовал ни малейшего натяжения. Он сжал его в руках, напряженно размышляя. Сможет ли он? Должен ли он? Выпадет ли такой шанс еще раз?

– Сделай это, парень, – резко прошептал скелет Фарригана, подавшись вперед. – Закрой глаза, не смотри и отпускаяй!

Шнур стал скользким в вспотевших руках Джеймса. Он почти сделал это. Его пальцы дернулись. Но вдруг он вспомнил кое-что – те слова, что сказал ему Мерлин год назад, сразу после возвращения.

– Ты обладаешь редким талантом заглядывать за плоскость зеркала, Джеймс Поттер, – сказал он ему. Джеймс принял это за комплимент, и

это означало, что его трудно одурачить. Конечно, мадам Делакура это удалось, но ей пришлось использовать заколдованную куклу вуду. Мерлин подразумевал, что одними лишь словами Джеймса не обмануть.

Подумав так, Джеймс опять повернулся к скелету:

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

Скелет затараторил:

– В глубине души ты знаешь это! Ты чувствуешь правоту моих утверждений! А теперь бросай шнур! Покончи с ним!

Джеймс прищурился:

– Знаешь, думаю, я не сделаю этого. Не знаю, как обстояли дела в твоё время, но в моём мире людей не убивают только за то, что они доставляют проблемы.

– Тогда твой мир заслужил гибель, – ответил скелет, снова опираясь на стену пещеры. – Я умываю руки. Каратель придет.

Джеймс подумал, что со скелетом лучше не спорить. Приняв решение, он понял, что в этом не было никакого смысла. Он посмотрел на шнур и заметил, что Мерлин почти вернулся. Лицо его оставалось мрачным, но в темных глазах появился блеск.

– Наша работа завершена, мистер Поттер, – сказал он, ступив на каменный пол пещеры. – Можете отпустить шнур. Он нам больше не понадобится.

Джеймс уронил шнур на пол. Он скользнул в сторону и тихо упал в темную бездну. Вздохнув, Джеймс оглянулся на скелет, но тот был неподвижен.

– Полагаю, он ничего уже не скажет, – тихо отозвался Мерлин. – Он выполнил свое предназначение.

– Что все это значит, – Джеймс повернулся к волшебнику. – Почему я должен был держать шнур?

– Доверие, мистер Поттер, – ответил Мерлин, грустно улыбаясь. – Дефицитный товар среди тех, чье сердце поразило зло. Вот почему доверие стало последней проверкой на пути к моим сокровищам.

– Вы знали, что он будет здесь? – Джеймс кивнул в сторону скелета.

– Он или кто-то вроде него. Его обязанность – испытать ваше доверие. В конце концов, нет доверия без сомнений.

Джеймс посмотрел Мерлину в глаза.

– Я почти отпустил его, – тихо сказал он. – Все, что мне полагалось сделать, – держать шнур, и я почти не справился.

Мерлин мрачно кивнул.

– Поступать правильно почти всегда просто, мистер Поттер. Но не всегда легко.

Больше нечего было сказать. Джеймс и Мерлин вернулись к неровной стене, таящей за собой скрытую дверь.

– Мистер Дидл, – позвал Мерлин, – с вашего позволения, мы готовы выйти.

Голос Ральфа донесся сквозь выглядящую непроницаемой каменную поверхность так ясно, словно он находился всего лишь на расстоянии нескольких футов.

– Эм, ну хорошо. Что я должен делать?

– Направьте свою палочку на дверной проем и скажите «Браут Тир».

Пауза. Джеймс услышал шепот Ральфа:

– Что? Я прослушал!

– Сделай это, Ральф, – нетерпеливо зашипела Роуз, – они уже тут. Что плохого может произойти?

Ральф произнес заклинание. Раздался легкий хлопок, и появился проход. Солнечный свет залил пещеру. Джеймс прищурился, глядя на Ральфа с Роуз, а Мерлин потушил посох.

– Что я наделал? – воскликнул Ральф, отступая на шаг. – Я запечатал их там! Вход исчез!

Глаза Роуз округлились от ужаса.

– Да, что с вами обоими? – спросил Джеймс, выбираясь через проем вместе с Мерлином.

Ральф широко распахнул глаза.

– Ух ты, – благоговейно сказал он. – Вы только что прошли сквозь каменную стену. Вы же не, эм, умерли, так?

– Дурак, они в порядке, – ухмыльнулась Роуз, хлопнув Ральфа по плечу.

– Односторонний камень, – пожал плечами Джеймс, оглядываясь на стену пещеры, которая снова стала цельной. Дверь была невидимой. – Закрыт навсегда?

Мерлин кивнул.

– Мне он больше не нужен. Давайте возвращаться. День клонится к закату, и пока мы разговариваем, начинается прилив.

Джеймс оглянулся и заметил, как волны бьются о выступающий вход пещеры. С каждой волной воды на полу становилось все больше. Мерлин, все еще сжимающий в одной руке коробочку, повернулся и повел их к узкой винтовой лестнице.

– Так это оно? – подал голос Ральф, шедший сзади. – Вы храните все свои вещи в маленькой коробке?

– Вы удивлены, мистер Дидл? – ответил Мерлин. – Вы бы предпочли тащить кучу сундуков?

Ральф невесело усмехнулся.

– В таком случае, вы тащили бы все самостоятельно. Я едва могу утащить себя отсюда.

Обратный переход через каменный мост оказался легче предыдущего. Прибрежные скалы показались приветливыми, да и ветер стих за прошедший час. Мерлин шел последним. Присоединившись к Джеймсу, Роуз и Ральфу на вершине мыса, откуда виднелся перешеек, он оглянулся назад. Привычным движением он направил посох на перешеек.

– Дискордиум, – тихо произнес он. Никакой вспышки света или видимого проявления магии, но все же середина моста заметно дрогнула. Как в замедленной съемке каменная опора распалась и грудой обломков рухнула в океан, подняв вверх огромные фонтаны воды.

– Вот и все, верно? – на Роуз это явно произвело впечатление.

Мерлин улыбнулся ей. Наконец, когда солнце уже коснулось своего золотистого отражения в воде, они двинулись в обратный путь.

По дороге назад, пролегавшей по зачарованной Мерлином тропе, Роуз снова держалась поближе к Джеймсу.

– Мы с Ральфом слышали, как ты разговаривал в пещере, – тихо сказала она. – Но, похоже, что не с Мерлином. Внутри было что-то, чего мы не увидели через проем?

Джеймс не сразу ответил. Он не хотел рассказывать Роуз и Ральфу о скелете Фарригана, и на то были причины. Он посмотрел на Роуз.

– Это был я, – он пожал плечами. – Я просто... разговаривал сам с собой. Мне стало страшно, когда Мерлин ушел за коробкой.

Роуз, сжав губы, пристально смотрела на Джеймса. Он знал, что

она догадывается о его лжи, поэтому отвернулся и поспешил вслед за Мерлином.

– Директор, – наконец спросил он, – кто такие борли?

Мерлин шел прямо перед Джеймсом, длинными шагами устремляясь сквозь Лес подобно ножу. Последние лучи заходящего солнца, падающие на его мантию, делали его фигуру неясной, призрачной.

– Как я уже объяснил вам в поезде, мистер Поттер, борли – существа из тени.

– Я помню, но откуда они явились?

Обычно низкий голос Мерлина стал еще ниже:

– Ваш пещерный собеседник оказался разговорчивым, я прав?

Джеймс шел вплотную к Мерлину. Хотел бы он видеть лицо волшебника. Они быстро продвигались через темнеющий лес, создавая на удивление мало шума. Капризный ветер налетел на деревья, зашелестела листва, как будто скрывая голос Мерлина.

Джеймс продолжил:

– Он сказал, что борли пришли с вами из трещины между мирами.

Мерлин ответил все тем же низким, рокочущим голосом:

– В каждой шутке есть доля правды, мистер Поттер. Может, знаете кто такие усонogie? Отвратительные существа, которые скапливаются на корпусе корабля во время долгого плавания. Они тянут судно вниз и, в конечном счете, должны быть вычищены и уничтожены. Считайте, что борли – их волшебный аналог.

– Так они пришли с вами?

– Да, это так. Я много охотился на них с тех пор, как вернулся. Большая часть держалась неподалеку от меня, и их было легко уничтожить. Двое последовали за мистером Дидлом и мистером Уолкером. Этих я выследил и схватил раньше, чем мальчикам стало о них известно. Ваш, мистер Поттер, оказался гораздо хитрее. Полагаю, он последний.

Кое-что интересовало Джеймса еще с того дня в поезде:

– Как вы их ловите, если не можете колдовать при них?

– Старинные знания, Джеймс Поттер, – ответил Мерлин. Его голос приобрел странный, гипнотический оттенок. В последний раз Джеймс слышал его, когда прошлой весной волшебник добивался признаний от

Дэннистона Долохова, отца Ральфа. В лесу стало довольно темно, и Джеймсу вновь захотелось увидеть лицо волшебника. У него появилось странное ощущение, что маг общается с ним, не используя голос. Мерлин продолжал:

– Старинные знания, о которых в наше время мало кто знает, еще меньше понимает. У меня с собой очень любопытная вещица, Черный Мешок, в котором ничего нет. Когда я говорю: ничего нет, мистер Поттер, я не имею в виду, что он пуст. Он полон, битком набит последней оставшейся реликвией чистой тьмы, сохранившейся с незапамятных времен. В него борли и отправляются, потому что единственная вещь, которая нужна существам из тени для существования, – это свет.

– Он их убивает? – тихо спросил Джеймс.

– Ничто не может убить Тень, мистер Поттер. Их можно только сковать. Запертые в Черном Мешке, изголодавшиеся по магии, жаждущие сбежать, без света, тем не менее, они теряют свои очертания. Министерство магии использовало похожий, хоть и примитивный, способ сдерживать дементоров с тех пор, как перестало доверять им охрану Азкабана. Он запечатаны в подвалах своей прежней крепости, в Азкабана, заперты в камерах без магического света. Там их силы значительно уменьшены, но не уничтожены. Они воют, мистер Поттер. Говорят, это жуткий звук, и я этому верю.

Джеймса передернуло. Спустя минуту он спросил:

– Что произойдет, если открыть Черный Мешок?

Мерлин впервые обернулся. Джеймс видел, что краем глаза волшебник посмотрел на него через плечо. И все же он не остановился.

– Естественно, борли вырвутся как рой пчел, мистер Поттер. Оголодавшие, они нападут на первый же источник магии и поглотят его.

– П–поглотят его? – спросил Джеймс. – Но вы говорили, что они безобидные. Как усонogie.

– Я говорил: один борли, в изначальной форме, почти безобиден. Множество борли – некоторые из них предстанут в новой форме – доведенных до отчаяния заточением, никак нельзя назвать безобидными. В случае повреждения Черного Мешка усонogie станут пираниями. Но это невозможно, мистер Поттер. Я – хранитель Черного

Мешка, а это значит, он в полной безопасности.

Джеймс вздохнул:

– Это и есть знаменитое бахвальство Мерлина, о котором вы говорили мне в прошлом году?

Мерлин наконец остановился. Он обернулся и присел: теперь его глаза оказались вровень с глазами Джеймса. Он улыбался, его глаза блестели в свете восходящей луны.

– Нет, мистер Поттер, – он заговорил нормальным голосом. – Это знаменитая клятва Мерлина, о которой вы еще не слышали. Можете положиться на нее.

– Наконец–то, – сказал Ральф, вместе с Роуз догоняя их. – Привал. Роуз, у тебя осталось печенье? Поделишься?

Когда они, в конце концов, вернулись в замок, Мерлин провел их напрямик по коридорам и вверх по винтовой лестнице в свой кабинет. Если не считать огромного стола и десятка портретов, висевших на стенах директорского кабинета, комната была неестественно пуста. Оглядевшись, Джеймс увидел портреты Северуса Снейпа и Альбуса Дамблдора – людей, в чью честь назвали его брата. Оба портрета в тот момент были пусты.

– Хочу поблагодарить всех троих за помощь, – теперь, когда они вернулись, Мерлин говорил вполне искренне. – Думаю, вам будет любопытно посмотреть, как я открою свою ношу.

Заинтересованная Роуз широко распахнула глаза:

– Вы покажете нам, что внутри?

– Не совсем, мисс Уизли, хотя однажды вы, конечно, увидите, что там. Нет, я имею в виду, что вам будет интересно посмотреть, как она откроется. Это, как я считаю, хоть что–то.

Джеймс насмешливо улыбнулся:

– Да, конечно. Как скажете. Давайте посмотрим.

Мерлин, казалось, был доволен. Он аккуратно наклонился и поставил маленькую деревянную коробку на пол. Спереди была защелка, которая удерживала крышку. Мерлин поднял щеколду и отошел.

Крышка медленно откинулась. Что–то похожее на ящик начало подниматься из коробки, заскользив вверх гораздо дальше, чем позволяла ее глубина. С передней стороны первого ящика показался

еще один. Джеймс обошел коробку и обнаружил, что, на самом деле ящики были со всех четырех сторон. Вертикальный ящик, поднявшись на высоту человеческого роста, завибрировал и замер. Боковые ящики стали выдвигаться с тихим щелчком. У этих ящиков с каждой стороны были новые ящики. Они медленно выдвигались, открывая по бокам все новые и новые отделения. Это выглядело красиво, и все же голова шла кругом. Казалось, глаза Джеймса отказываются воспринимать то, что видят. Они начали слезиться, пока коробка раскрывалась, заполняя середину комнаты. Наконец, по прошествии минуты, ящики замерли. Джеймс, Роуз и Ральф обошли скопление ящиков, дверей, сложных замков и петель.

– Отличный трюк, – заметил Джеймс, ощущая своего рода благоговение.

– Гораздо лучше груды сундуков, – согласилась Роуз.

– Замечательно, – выдохнул Ральф. – Уйма тайн и загадок. – Он умоляюще посмотрел на Джеймса. – Теперь мы можем поесть?

Джеймс ухмыльнулся. Все трое направились к выходу из кабинета директора. Джеймс шел последним, он уже собирался покинуть кабинет, когда Мерлин позвал его по имени. Джеймс остановился и обернулся, тогда как Ральф и Роуз уже начали спускаться по винтовой лестнице.

– Я возвращаю десять очков, которые отнял у вас, мистер Поттер, и добавляю еще десять, – сказал Мерлин. – Вы отлично справились в пещере. Вы, конечно, помните, что это секрет.

– Конечно, – ответил Джеймс. – Никому ни слова.

Мерлин кивнул, проводив Джеймса до дверей.

– Естественно, – сказал он, понизив голос, – мне неизвестно, что именно вам поведал лорд Фарриган, пока я занимался извлечением коробочки, но я ожидаю, что его слова не будут переданы никому в этих залах. Включая мистера Дидла и мисс Уизли. Как вам уже известно, мертвые могут быть весьма... убедительными, а я терпеть не могу всяческие заговоры.

Джеймс поднял взгляд на директора. Высокий мужчина рядом с ним казался просто гигантом. Джеймс медленно кивнул. Кажется, Мерлина это удовлетворило.

– Спасибо, мистер Поттер, – сказал он. – Теперь можете

наслаждаться своим ужином. Вы заслужили.

Мгновение спустя Джеймс обнаружил, что стоит перед закрытой дверью в кабинет директора. Он задумчиво посмотрел на нее, слегка нахмурившись.

– Пойдем, Джеймс, – позвала Роуз. – Горгулья говорит, на десерт сегодня вишневый поссет! Дома мне никогда его не давали!

Джеймс чуть покачал головой. Если Мерлин не желает, чтобы он передал Роуз и Ральфу слова скелета, значит, на это есть веская причина. Но Мерлин сказал, что он не должен никому говорить в стенах Хогвартса. Если на то пошло, теоретически Джеймс мог рассказать родителям, а те могли рассказать кому угодно, правильно? Довольный этим, Джеймс развернулся и начал спускаться к друзьям по спиральной лестнице.

Глава 5. Альбус и метла

Джеймс встретил Ральфа возле лестницы в понедельник утром. Залы были уже наполнены шумом и суетой начала школьных будней, и даже при том, что Джеймс знал, что он, вероятно, будет скучать по летней свободе уже к концу первой недели, пока еще он с нетерпением ожидал начала занятий.

– Я получил готовое расписание, – провозгласил Ральф счастливо, когда они вошли в Большой зал на завтрак. – Сегодня первым уроком Защита от Темных Искусств с этим самым вашим Дебеллоузом.

– Смотри–ка, – сказал Джеймс. – И у меня тоже. Странно, что он не требует книжек. Он, должно быть, просто настолько поднаторел во всем этом, что учебник ему не нужен. Это наверняка будет здорово.

– Дебеллоуз рулит, – сказал Грэхем, когда Джеймс и Ральф плюхнулись на свои места за столом. – Вы знаете, что он однажды прикончил двух вампиров с помощью одной только биты загонщика и магловского карандаша?

– Карандаша? – Ральф нахмурился.

– Ударив им, естественно. Это было наиболее близким аналогом деревянного кола.

Ральф поморщился, размышляя:

– Должно быть, это был чертовски острый карандаш.

Роуз уже закончила свой завтрак, поскольку она пришла раньше.

– Я слышала, что это будет очень насыщенный урок Защиты от Темных Искусств, даже для первокурсников. Похоже, Дебеллоуз предпочитает практический подход.

– Ну, просто посмотрите на этого парня, – сказал Ной, обращая взор на человека, до сих пор заканчивающего свой завтрак за столом учителей. – Он выглядит готовым к прыжку, даже если сидит на месте.

Сабрина наклонилась над столом и произнесла нарочитым шепотом:

– Я думаю, что Ной немного втрескался в него.

– Умолкни, – откликнулся Ной. – Не ты в детстве собирала коллекционные карточки «Харриерсов» Дебеллоуза. Просто поверить не могу, что именно он будет учить нас Защите от Темных Искусств.

Надеюсь, он покажет нам свой прием «укол Персея».

– У меня была фигурка, которая так умела, – кивнул Грэхем. – Однажды я попытался опробовать его на маме. Нажил массу неприятностей.

– Мне придется ждать до среды первого урока с ним, – жалобно сказала Роуз. – Ты же расскажешь мне, как все прошло, сегодня вечером?

Джеймс кивнул с набитым ртом. В другом конце комнаты Джеймс смог увидеть Альбуса, сидящего в середине стола Слизерина, улыбаясь и смеясь со своими новыми друзьями. Как ни странно, большинство из окружающих его были старшими учениками. Табита Корсика и Филия Гойл улыбались и кивали, пока Альбус говорил.

– Пойдем, – сказал Ральф, потянув Джеймса за воротник. – Давайте придем на занятия немного пораньше. Я хочу посмотреть, что это за Дебеллоуз.

– Подожди, – сказал Джеймс, собирая свою сумку. Он поднялся со скамейки и прошел вдоль зала, направляясь вокруг к столу Слизерина.

– Привет, Ал, – сказал он.

Альбус посмотрел на Джеймса.

– Привет, Джеймс! Не видел тебя все выходные. Что случилось?

– Можешь уделить минутку своему брату? Я хочу услышать о твоих приключениях на твоём новом факультете.

– Так мило, – тепло сказала Табита. – Поторапливайся, Альбус. Встретимся на ланче и обсудим организационные вопросы к среде.

– Отлично! – радостно кивнул Альбус. – Ладно, старший братец, пойдем. У меня сейчас Травология у Невилла.

Когда они отходили от стола Слизерина, Альбуса буквально распирало от восхищения.

– У меня уже и брелок есть, видишь? Все выходные провел с «Клыкком и Когтями». Ты знал, что в слизеринских комнатах есть специальное место для колдовства? Мы можем отрабатывать практически все заклинания и проклятия на заколдованных манекенах. Если правильно наложить заклятие, манекен падает на пол и забавно имитирует его эффект. Не то чтобы у меня хорошо получается колдовать, но Табби говорит, мне не стоит торопиться.

Джеймс чуть не задохнулся.

– Табби?

– Ага, – кивнул Альбус. – Табита Корсика. Она неофициально возглавляет «Клык и Когти». В смысле, никто не занимает официальных постов в клубе. Просто шутка для слизеринцев.

Джеймс взглянул на Ральфа, приподняв брови.

– Табита пыталась заставить меня вступить в прошлом году, до дебатов. Это своего рода тайное общество, хотя это не секрет для тебя, если ты Слизеринец.

– Табби говорит, что тебе можно рассказать, Джеймс, – заверил Альбус. – Но на твоём месте я бы оставил это в тайне. То есть мы не хотим, чтобы об этом все знали. Что за веселье тогда?

– Что вы с Табитой будете делать в эту среду? – спросил Джеймс.

– Ась?

– В эту среду, – повторил Джеймс. Они остановились у арки, ведущей к теплицам. – Табита сказала, что договаривалась с тобой о чём-то.

– А, это, – сказал Альбус, поглядывая на стеклянные окна мерцающие в лучах утреннего солнца. – Это о квиддиче. Она говорит, что хочет видеть меня в команде.

Джеймс неловко улыбнулся:

– Но у тебя нет метлы. Поверь мне, школьные метлы бесполезны. Я даже по прямой не мог летать, пока не получил «Молниеносную».

– Это не проблема, – Альбус закинул сумку на плечо и улыбнулся. – Табби говорит, она одолжит мне свою метлу на отборочные испытания.

У Джеймса отвисла челюсть, но Альбус отвернулся раньше, чем он смог что-либо сказать.

– Мне пора, братишка, – кинул он через плечо. – Нельзя опаздывать на первый же урок.

И он шагнул на свет, присоединившись к другим первокурсникам со Слизерина, стоявшим неподалеку. Джеймс повернулся к Ральфу, так и не закрыв рот.

– Впервые об этом слышу, – ответил Ральф, поднимая руки. – Сам знаешь, я не вхожу в команду «Табби».

– Но метла... – рассеянно сказал Джеймс, – это... это зло!

– Пошли, – ответил Ральф. – Нам пора. Урок начнется через пять

минут.

Неохотно повернувшись вслед за Ральфом, Джеймс увидел Скорпиуса, направлявшегося к теплицам. Тот ухмыльнулся Джеймсу и врезался в него плечом. Джеймс уже было собирался что-то сказать, как стоявший неподалеку слизеринец опередил его.

– Ах, у меня разбито сердце, Малфой, – подал голос мальчик, схватившись за грудь. Раздался хохот. Скорпиус не обратил на них внимания.

– Почему Дебеллоуз проводит занятие не в кабинете Защиты от Темных Искусств? – Ральф изучал расписание, пока они пробирались по людным коридорам. – Нам придется идти в противоположную часть замка.

Джеймс рассеянно пожал плечами.

– Понятия не имею.

Добравшись до указанного кабинета, они зашли в него вслед за остальными второкурсниками. Класс был огромный, с высоким потолком и высокими окнами, расположенными вдоль одной стены. Никаких стульев или парт. Вместо них на полу – маты, на длинной полке – старинные гантели, а также разнообразные заводные манекены и сложные устройства с подушечками и ручками.

Морган Патония, ученица с Пуффендуя, зайдя, остановилась и огляделась.

– Хм. Добро пожаловать в спортзал Хогвартса, – озадаченно сказала она. – Даже не знала, что он здесь есть.

Класс нервно бродил по кабинету, не зная, куда себя деть. Кевин Мердок, слизеринец, с которым в прошлом году Джеймс ходил на Техномантию, схватил пару гантелей и приподнял их, красуясь перед парой девочек из Когтеврана, закативших глаза.

– Добрый день, класс, – прогремел чей-то голос. Обернувшись, Джеймс увидел профессора Дебеллоуза, который вошел в кабинет через заднюю дверь. На нем была короткая туника и сандалии, на шее висело полотенце.

– Как вам уже известно, я – ваш новый учитель Защиты от Темных Искусств Кендрик Дебеллоуз. Ненавижу, когда меня называют профессор, так что можете обращаться ко мне по имени. На занятиях мы не будем соблюдать условности. Я хочу, чтобы вы воспринимали

меня как друга и товарища. А теперь садитесь.

Джеймс увидел, как Ральф огляделся, как будто ожидая, что внезапно появятся стулья. Остальные поступили также, на их лицах читалось смущение.

– На маты, – рассмеялся Дебеллоуз. – Честное слово, для вас это станет хорошим опытом. На маты, учащиеся. Куда захотите. Вот так.

Джеймс сел спиной к заводному манекену. Но едва он прислонился к нему, как раздался тихий щелчок и жужжащий звук. Рука манекена выскочила вперед – ладонь сжата в огромный, пухлый кулак. Джеймс изумленно посмотрел на него, потом на Ральфа. Тот был определенно обеспокоен, неудобно пристраиваясь на мат.

– Итак, ученики, я не знаю, к какого типа занятиям вы привыкли, – произнес Дебеллоуз, заложив руки за спину и покачиваясь на пятках, – по сути, я специально попросил никого мне не рассказывать о ранее используемых методах обучения. У меня есть свой собственный способ проведения занятий, которым я пользовался в течение всех лет в качестве лидера «Харриерсов», и который был весьма успешным, так что я планирую действовать по этому плану и здесь. Многим из вас известны мои подвиги, но позвольте мне заверить вас: на этих занятиях не будет лекций. Мы не будем подробно останавливаться на моих приключениях, хотя рассказы о них временами могут оказаться полезными и иллюстративными. Нет, на этих занятиях мы займемся делом. Обучение значит выполнение! И вы будете выполнять. Скорее всего, в конечном итоге на вас живого места не останется, и вы будете шататься от усталости. Вы будете покидать мои занятия украшенными синяками, потными и перепачканными. Но вы станете сильнее! Я сделаю все возможное, чтобы научить вас тому, чему я научился сам за все годы, проведенные в борьбе с Темными Искусствами. А теперь мне необходим доброволец.

Буравящий взгляд Дебеллоуза с нетерпением блуждал над толпой второкурсников. Наконец когтевранец Джозеф Торранс поднял руку.

– Вот и отлично, не стесняйся, – сердечно сказал Дебеллоуз. – Подходи сюда, молодой человек. Я не знаю твоего имени, так что буду звать тебя Игнатиус.

– Меня зовут Джозеф, – отозвался мальчик, присоединяясь к Дебеллоузу в передней части зала.

– Итак, Джо. Все, что я от тебя хочу, – это чтобы ты притворился оборотнем и напал на меня.

– Напасть на вас, сэр? – переспросил Джозеф немного неуверенно.

– Да–да, как оборотень. Просто кидайся на меня и подберишься к горлу. Не бойся сделать мне больно.

Джозеф судорожно глотнул, оглядел комнату, потом снова посмотрел на Дебеллоуза. Решительно присев, он поднял руки со скрюченными пальцами, сделал попытку голодного воя. Как только он прыгнул, Дебеллоуз развернулся. Размытым движением он сделал хук ногой по направлению к мальчику, развернул его вверх в воздухе с помощью палочки и выкрикнул непонятную команду. Джозеф застыл в воздухе на мгновение, прежде чем рухнуть на мат. Его лицо было все еще искажено нарочитой гримасой.

Класс едва успел вздохнуть, как все уже закончилось. Секунду висело испуганное молчание, а затем взрыв аплодисментов. Грэхем подтолкнул Морган, взволнованно кивая и тыкая пальцем.

– Он в полном порядке, – сказал Дебеллоуз, отряхивая рукава рубашки. – Он даже не парализован, просто замер. Верно, Игнатиус? – он похлопал мальчика по поднятой ноге.

– Джозеф, сэр, – ответил мальчик, отряхиваясь и нервно глядя в пол.

– Джо, да, конечно. Суть, конечно, не в том, чтобы не навредить бедняге, а просто, чтобы оторвать его ноги от земли. Если он не может касаться земли, атака невозможна. Если он не может атаковать... ну, остальное элементарно, как вы можете видеть. Готовься, Джо.

Джозеф едва успел сложить руки перед собой, прежде чем Дебеллоуз коснулся его волшебной палочкой. Мальчик рухнул на мат.

Дебеллоуз гордо посмотрел на учеников:

– Есть вопросы?

Грэхем поднял руку в воздух.

– Что это было за заклинание, сэр?

– Ай–ай–ай, – упрекнул Дебеллоуз, тыкая пальцем в сторону Грэхема. – Давайте не будем забегать вперед, мистер, ах, молодой человек. 'Выдержка прежде заклинаний' – мой девиз. Вы не обратили внимание, с помощью какого способа я поднял оборотня в воздух? Это ключ ко всему. Заклинания – просто вишенка на торте. Нет, в этом

классе мы займемся физической подготовкой к тому, с чем мы можем столкнуться в качестве защитников справедливости. Знаете ли вы, класс, что тренированный волшебник может преодолеть даже проклятие Империи, обладая достаточным количеством психической выносливости и силы воли? Правда. Слишком долго для гражданских. Защита от Темных Искусств была быстрой и грязной работой, защитными заклинаниями и хитрыми проклятиями. Здесь я не научу вас просто владеть теорией. Здесь я сделаю из вас воинов!

Он озарил комнату лучезарной улыбкой, его короткие темные волосы встали дыбом. Спустя некоторое время Кевин Мердок начал хлопать. Остальная часть класса присоединилась, хотя и несколько нерешительно.

– Я знаю, вы, вероятно, не в восторге от моего подхода, – сказал Дебеллоуз, поднимая одну руку. – Есть те, кто не используют те же методы, как и я; те, кто не осознает важность физической подготовки, кто считает, что заклинаний Экспеллиармус и Патронус более чем достаточно, чтобы победить большую часть злодеев. Среди Харриерсов мы называем этих людей мракоборцами, – он улыбнулся и хохотнул. Кевин Мердок ухмыльнулся Джеймсу, подталкивая соседа–слизеринца. Дебеллоуз продолжил: – Но я думаю, что вы найдете мой подход достаточно эффективным в долгосрочной перспективе. И я обещаю вам: я не буду просить кого–нибудь из вас делать то, что я не готов сделать вместе с вами. И сейчас, – он с нетерпением хлопнул в ладоши, – продолжим с того места, где мы остановились. Кто из вас слышал о Тропе Препятствий?

Джеймс оглядел комнату. Никто не поднял руку на этот раз. Дебеллоуз казался смущенным.

– Тропа является древним инструментом, используемым при подготовках к сражениям. Это своего рода механическая дорога испытаний. Конечно, будучи волшебниками, мы обладаем определенными, э–э, специализированными навыками. В Тропе нет иного смысла, кроме ее преодоления. Наверняка, все вы слышали фразу «пройти сквозь строй»? Я собираюсь проиллюстрировать, что эта фраза на самом деле означает.

Дебеллоуз быстро пересек комнату и остановился в конце линии механизмов. Он сжал руки в локтях и, размахивая ими взад и вперед на

уровне талии, попрыгал с ноги на ногу с полдюжины раз, а затем наконец опустился на корточки. Он протянул одну руку, указав палочкой на линию препятствий.

– Диффиндо! – рявкнул он.

Незамедлительно аппараты задвигались, зажужжали и загремели, оживая. Дебеллоуз бросился вперед, прикрываясь и уворачиваясь от первого устройства, качающегося на его пути. С ворчанием мужчина запрыгал между остальными механизмами. Он перешел в своего рода силовой балет, делая выпады, приседая и прыгая через механические молотилки. Он уклонился от крутящихся колес с кулаками, нырнул под Оглушающее заклинание, выпущенное из ряда всплывающих палочек, перепрыгнул через выскакивающий таран и щелкающие мягкие челюсти, и наконец поднырнув, перевернулся и приземлился аккуратно на обе ноги в конце Тропы Препятствий.

На этот раз не было никаких аплодисментов. Джеймс с ужасом уставился на дикий молотящий механизм–чудовище.

– Так! – Дебеллоуз перекричал шум Тропы, держа кулаки на бедрах. – Кто будет первым?

– Он совершенно ненормальный! – воскликнул Грэхем, когда он, прихрамывая, направлялся на Историю Магии. – Он, должно быть, получил слишком много Остолбеней в мозг или что-то в этом роде, когда еще был Харриерсом!

– Никаких заклинаний до четвертого курса, – добавил Ральф, качая головой. – И о чем это он толковал в конце? Кто такой Артис Десерто?

– Это не кто, это что, – сказала Роуз, подошедшая к Ральфу. – Это своего рода магическая версия каратэ.

Джеймс баюкал свой локоть, ушибленный на Тропе.

– А ты куда идешь, Роуз?

– На Историю Магии, – ответила она, поджав губы.

Ральф взглянул на нее.

– На нашу историю магии?

– Я не знаю, что ты имеешь в виду, – сказала Роуз, вытягиваясь в полный рост, который достигал максимум кадыка Ральфа. – В моем расписании есть предмет История магии, второй период, профессор Биннс. Я ничего не могу поделать, если мой советник предложил мне перейти к некоторым классам более высокого уровня. А у вас, судя по всему, дела идут не так гладко с профессором Дебеллоузом?

– Мы не обязаны называть его «профессор», – кисло заметил Грэхем. – Он же хочет стать нашим товарищем, разве вы забыли?

– Особая разновидность товарища, которая заставляет вас делать пятьдесят отжиманий, если вы недостаточно ловки, чтобы избежать удара гигантского набивного кулака, – скорбно сказал Ральф.

– Не хотелось бы упоминать об этом, но некоторым из вас это и правда не помешает, – сказала Роуз, бросив на мальчиков оценивающий взгляд.

– Просто подожди, пока у тебя будет первый урок с ним, – проворчал Джеймс. – Посмотрим, какой веселой ты будешь после этого.

Когда они зашли в класс Истории Магии, призрачный профессор Биннс, казалось, был уже на середине лекции. Он стоял спиной, так как писал на доске куском прозрачного мела. Странно, но он, казалось, вел записи поверх оставшихся с прошлых лет, создавая бессмысленную мешанину. Был четкое впечатление, что на доске содержатся года призрачных писаний профессора, слой за слоем утопающие в полумраке. Насколько было известно Джеймсу, Биннс имел весьма смутное понятие о временной реальности. В прошлом году, как сказал Тед Джеймсу, школа пыталась переместить класс Истории Магии в другое крыло, чтобы освободить место для Альма Алерон. К сожалению, профессор Биннс продолжал появляться в старом кабинете каждый день, чтобы прочесть свои лекции, несмотря на то, что класс был временно переоборудован в спальню для девочек из Альма Алерон. Никакие уговоры не смогли убедить призрака сменить место его занятий, и комнату вскоре преобразовали обратно в класс.

Почувствовав некую неловкость, ученики нашли свои места и начали доставать пергаменты и перья. Через минуту Роуз довольно громко откашлялась и окликнула профессора по имени. Биннс перестал писать на доске и обернулся, туманно взглядываясь в Роуз сквозь очки.

– Да, мисс Грейнджер?

Раздалось несколько смешков, а Роуз покраснела.

– Я не мисс Грейнджер, сэр. Я Роуз Уизли, ее дочь. Я, э-э, думаю, что мы пропустили первую часть лекции.

– Очередное поколение сменилось, – пробормотал Биннс. – Ну ладно.

Призрак потянулся к прозрачному ластик и начал с силой ударять им по доске, абсолютно безрезультатно, впрочем.

– В твоих замечаниях нет никакого смысла. Ты просто должна слушать его лекции, – прошептал Грэхем. – Это испытание, но хорошей новостью является то, что он дает одни и те же тесты в течение сорока лет. Ответы высечены прямо на столешницах. Видишь?

Джеймс был на лекциях профессора Биннса в прошлом году, но эту конкретную легенду он еще не слышал. Он посмотрел на истертые буквы, вырезанные на столе. Конечно же, в центре был помещен список пронумерованных терминов и фраз. Вверху, как заголовок, красовалась фраза: «ЕСЛИ ТЫ СОМНЕВАЕШЬСЯ, ПРОСТО СКАЖИ «ВОССТАНИЕ ГОБЛИНОВ».

– Это жульничество, – сказала Роуз без особой уверенности. – Э-э, с технической точки зрения.

– Как вы помните, – Биннс сказал, сняв очки и рассеянно протирая их своим древним прозрачным отворотом, – в прошлом году мы завершили наше изучение конца волшебной Темной Эпохи, во время которой пути людей и волшебников окончательно разошлись после многовековых беспорядков. Волшебный мир позволил магловским царствам полагать, что они рассеялись по миру и в конце концов вымерли. Напротив, конечно, волшебный мир продолжил развитие в тайне, продолжающееся до сих пор, таким образом избегая типичных трений между волшебниками и не-волшебниками.

Это подводит нас к самому началу современной эпохи Истории волшебников, в которой были основаны многие исключительно магические заведения. В этом году мы изучим историю этих учреждений, от правительственных до экономических с образовательными. Первоначально почти все они управлялись внутри одних и тех же стен и теми же людьми. Вы, должно быть, в курсе, что этот замок был центром волшебного мира в течение достаточно долгого

времени, прежде чем он стал классифицироваться исключительно как место обучения.

Роуз старательно сделала заметки на своем пергаменте. Ральф посмотрел на нее с веселым любопытством, либо из-за ее настойчивости в заметках, либо потому, что ее почерк был таким тщательно ровным. Джеймс мысленно пожелал, чтобы Зейн оказался здесь и сделал бы забавную карикатуру на профессора Биннса. Рассеянно он сделал набросок на собственном пергаменте.

– Волшебная фотография, – продолжал Биннс, – будучи значительно старше магловского эквивалента, все же была еще в зачаточном состоянии во времена создания Хогвартса. Здесь одно из немногих экспериментальных изображений того времени, на котором мы можем увидеть сохранившееся фотографическое представление об основателях Хогвартса.

Джеймс поднял голову и увидел профессора, указывающего его призрачной палочкой на небольшую картину в рамке на стене. Джеймс прищурился на нее, но не смог разглядеть. Он не знал, что существовали фотографии основателей, и ему было весьма любопытно посмотреть, как они действительно выглядели. Он оглядел комнату, но никто, казалось, не имел никаких трудностей с рассматриванием древней фотографии. Джеймс сжал губы. Оказавшись перед необходимостью, он решил, что рано или поздно это произойдет. Как можно тише он сунул руку в сумку и нашел маленький карман, в котором прятал новые очки. Он вытащил их и как можно более незаметно надел. Древнее фото сразу же стало четче.

– Технически, это не фотография в нашем современном понимании, но своего рода живая картина, созданная специальными заколдованными красками. В любом случае, в результате появляется точное выглядящее свежим изображение. Здесь мы видим, как все четыре настоящих основателя стоят перед своими статуями в оригинальной ротонде. Изображение было сделано ближе к завершению их карьеры по поводу передачи обществу и назначения Хогвартса в качестве школы чародейства и волшебства более десяти веков назад.

Джеймс изучил древнее изображение. Оно действительно было очень зернистым и черно-белым. Тем не менее, он мог отчетливо

разглядеть четыре фигуры – двух ведьм и двух волшебников. Вытянутое лицо Годрика Гриффиндора украшали знаменитые усы и острая бородка. У Салазара Слизерина были узкие черты лица. У него были острые скулы и такой же подбородок. Волшебник был абсолютно лысым. Пенелопа Пуффендуй была высокой и выглядела довольно сурово с длинными заплетенными в косу волосами. Седеющие черные волосы Кандиды Когтевран обрамляли ее красивое улыбающееся лицо с большими темными глазами. Позади волшебников можно было увидеть их статуи, но только до пояса. Статуи были действительно огромными.

– Смотри, – шепнул Грэхем, показывая на фотографию, – привидение на постаменте! Ты можешь видеть его сбоку, около статуи, с правого краю, как и указано в книге Риты Скитер!

Ральф выглядел озадаченным.

– Привидение на постаменте?

Роуз сделала страдальческое лицо.

– Это просто миф, Ральф, – прошептала она. – Это было в книге, которая вышла несколько лет назад: «Кодекс Основателей». Там говорится, что есть несколько секретов, которые можно найти на старинных фотографиях, картинах и разных других вещах. Предположительно, это призрачное лицо спрятано в тени от постамента статуи на фотографии Основателей.

– Оно и правда там, – прохрипел Грэхэм. – Скитер говорит, что это фото было проклято самим Салазаром Слизерином в качестве предупредительной версии его окончательного проклятия. Там должно быть лицо наследника Слизерина. Конечно, это не новость сейчас. Тайная Комната хорошо известна. Она входила в тур по Хогвартсу, пока несколько лет назад не была закрыта из-за своей небезопасности.

Пуффендуйка по имени Эшли Дун прошептала из ряда позади Джеймса:

– Я тоже вижу призрака на постаменте! Кажется... он в очках! Почему-то, Джеймс, – заговорщицки сказала она, – призрака на постаменте изрядно напоминает мне тебя!

Джеймс обернулся и уставился на нее. Она усмехнулась и прикрыла рот рукой. Когда Джеймс повернулся, Роуз и Ральф также смотрели на него.

– С каких это пор ты носишь очки? – шепотом спросил Ральф.

– Я... нет! – прохрипел Джеймс. – Они мне нужны просто, чтобы видеть... вещи. Далеко. Иногда. Практически никогда!

– Они симпатичные, Джеймс, – Роуз улыбнулась. – Сразу приобретаешь умный вид.

Джеймс сдернул очки и спрятал их обратно в сумку. Роуз оглянулась на древнее фото, в то время как профессор Биннс продолжал самозабвенно бормотать.

– И Эшли права, – прошептала Роуз, улыбаясь игриво. – Призрак в тени от постамента немного похож на тебя. Я даже не заметила это поначалу.

– Пойду спрыгну с башни, – пробормотал Джеймс, возвращаясь к своим каракулям.

В тот вечер после ужина Джеймс и Роуз сидели среди кучи книг и пергаментов за угловым столиком в гостиной Гриффиндора.

– Всего лишь наш первый день позади, – жаловался Джеймс. – Я не могу поверить, что я уже устал от домашней работы.

Роуз окунула перо.

– Если бы ты прекратил жаловаться и просто сделал это, тебе бы не казалось, что так много работы.

– Спасибо за зажигательную речь, – проворчал Джеймс, беспорядочно листая пыльную книгу. – Так сколько еще уроков мне придется делить с тобой в этом году? Я имею в виду, кроме Истории магии и Трансфигурации. Это немного неловко, знаешь ли.

– Я не могу представить, почему, – сказала Роуз, не отрываясь от своего пергамента, – на тебе не отразится, что я унаследовала способности своей мамы к усвоению основных магических принципов. Тебе, напротив, передалась склонность твоего отца откладывать выполнение заданий до самой последней минуты. Это простая генетика.

Джеймс привстал.

– Ты уже сделала домашнее задание со своей Трансфигурацией, а?

Может быть, ты могла бы мне помочь, поскольку ты такая умная. В конце концов, мы семья.

– Ты явно спутал меня с кем-то, – сказала Роуз, запихивая свои книги в сумку и закрывая ее. – Это, возможно, работало с мамой когда-то, но только потому, что у нее было чрезмерно развито чувство ответственности. Часть, унаследованная мной от Уизли, нейтрализует это, что приятно. К слову, разве тебе не требуются очки, чтобы делать свою домашнюю работу?

Джеймс бросил на нее усталый взгляд.

– Мне они нужны только для того, чтобы смотреть вдаль, большое спасибо. Буду признателен, если ты сохранишь информацию об очках при себе.

– Это не так уж страшно. Многие люди носят очки.

– Многие ботаны носят очки, – мрачно проворчал Джеймс.

– Дэмьен носит их, – отметила Роуз. – И профессор МакГонагалл. Фиера Хатчинс носит тоже, и она выглядят достаточно мило при этом, даже для слизеринки. И Кларенс Темплтон, и Скорпиус...

Джеймс чуть не сбил ее книги со стола.

– Скорпиус носит очки? Откуда ты знаешь?

Роуз заморгала на Джеймса.

– Я видела, как он надевал их на Травологии. Он нуждается в них, чтобы читать, как мне кажется. В отличие от тебя, он чувствовал себя вполне комфортно, надев их в классе. Они выглядят довольно спортивно, на самом деле. Без оправы, с черепаховой отде...

– Ладно, ладно, – сказал Джеймс, махнув рукой. – Это не делает его лучше.

– Несмотря на то, что ты можешь думать, – сказала Роуз, наклоняясь и понизив голос, – он не глуп. Он, может быть, не самый хороший мальчик в школе, но он знает свое дело.

– Он знает, как бросить несколько заклинаний, большое дело, – сказал Джеймс, скрестив руки на груди. – Его родители, вероятно, наняли ему одного из тех гоблинских воспитателей просто чтобы убедиться, что он может показать остальным класс.

Роуз пожала плечами и многозначительно посмотрела на другой конец комнаты:

– Так или иначе, он, похоже, справился со своей домашней

работой.

Джеймс проследил за взглядом сестры. Скорпиус сидел, ссутулившись в кресле с высокой спинкой у камина. Он лениво тряс палочкой с левитирующим кусочком бумаги, напоминающим летучую мышь. Она покачивалась и подлетала с легкостью.

– Чертов позер, – проворчал Джеймс себе под нос.

Кэмерон Криви увидел наблюдающего Джеймса. Он встал и несколько нерешительно подошел к столу.

– Эй, Джеймс! Как прошел твой первый день?

– Паршиво, – проворчал Джеймс. – Ты хорош в Трансфигурации, Кэмерон?

Кэмерон покачал головой.

– У меня еще не было ни одного урока, извини. Я только хотел спросить вас: то, что говорят о прошлом учебном годе – это все правда? О параде планет, и о вашем участии в возвращении Мерлина, и все такое прочее о том, как вы утерли нос магловскому репортеришке?

– Ну... – начал было Джеймс, а затем устало пожал плечами. – Да, конечно, я думаю. Это, наверное, все правда, но не совсем так, как ты говоришь. Я пытался остановить возвращение Мерлина, знаешь ли. В действительности, все это было большим провалом.

Кэмерон усмехнулся, продемонстрировав большие розовые десны.

– Это превосходно! – воскликнул он. – Мой папа – Деннис Криви – учился вместе с твоим отцом, Гарри Поттером, не так ли?

– Конечно, раз ты так говоришь, – согласился Джеймс, улыбаясь. Энтузиазм мальчика было довольно заразительным. – Но я не похож на него, Кэмерон, действительно. Я всего лишь обычный ребенок. Видишь? Нет шрама–молнии. Кроме того, у меня было много помощников.

– Да, я слышал, – кивнул Кэмерон. – Ральф Дидл, у отца которого настоящая фамилия – Долохов! Никто не мог предугадать подобного, не так ли? Тем не менее, задним умом все крепки. По крайней мере, так говорит мой папа.

Роуз ухмыльнулась и сделала вид, что читает одну из книг Джеймса. Джеймс удивленно покачал головой.

– Где ты этого нахватался, Кэмерон?

– О, все первокурсники говорят об этом. Мы ждем не дождемся,

чтобы увидеть, что с вами будет в этом году!

Джеймс нахмурился.

– В этом году?

– Конечно! – с энтузиазмом отозвался Кэмерон. – Совсем как во времена твоего отца! Каждый год он попадал в какое–нибудь классное приключение. У меня дома лежат все старые статьи из «Ежедневного пророка» и романы. Знаю, в книгах любят все преувеличивать, некоторые из них, говорят, и рядом не стояли с реальными событиями. Моя любимая – история о Турнире Трех Волшебников, особенно, о сражении с драконом!

Джеймс поднял руки, прерывая Кэмерона:

– Слушай, эти книги о моем отце. Не обо мне. Сейчас все по–другому, верно? Никакого Волдеморта, никакого огромного, ужасного, злого сообщества, задумавшего захватить мир. В прошлом году все произошло случайно, понял? Кроме того, я не был таким уж героем, каким был мой отец. Если бы рядом не было Ральфа и Зейна...

– Зейн? – перебил Кэмерон. – Который из Штатов?

– Да–да, он самый, – хмыкнул слегка рассерженный Джеймс. – Он...

Джеймс буквально подлетел в воздух, когда кто–то постучал по стеклу окна позади него. Он круто обернулся с расширенными от ужаса глазами. За окном было темно. Все, что он видел, это только свое отражение в оконном стекле.

– Что за ч...?

Стук раздался снова, на этот раз громче, окно затряслось. Маленький неизвестный объект нарисовался за стеклом. Он напоминал мотылька, только со светящимися зеленым крыльями. Джеймс уставился на него, нахмурившись.

– Что там? – поинтересовалась Роуз, обойдя вокруг стола, чтобы присоединиться к Джеймсу.

Джеймс покачал головой. Мотылек снова бросился к окну, шелестя крыльями по стеклу. Он был удивительно сильным, учитывая его размеры.

– Это лунный мотылек, – сказала Роуз, сумевшая опознать летуна. – Давай впустим его, пока он не разбился. Он безвреден.

Джеймс приоткрыл окно, как только мотылек снова приблизился.

Тот тут же метнулся внутрь мимо Джеймса. Кэмерон пригнулся, когда мотылек спикировал в комнату. Он безумно заметался, порхая между учениками по комнате, оставляя за собой след слабо светящейся пыли. Скорпиус сел и уставился на мотылька, прищурившись, пока тот кружился, описывая дуги и рисуя пыльные зеленоватые линии в воздухе. Наконец, как будто устав, мотылек вздрогнул, спикировал на стол, где уселся на стопку книг Джеймса. Он сложил крылья и направил свои усики в сторону Джеймса.

– Ух ты! – взволнованно сказал Кэмерон. Джеймс поднял глаза.

Линии светящейся пыли начали составлять некий рисунок. Они плавали в воздухе, очень медленно опускаясь на землю. Джеймс тут же опознал появившуюся фигуру. Он улыбнулся.

– Кэмерон, познакомься с Зейном, – сказал Джеймс, указывая на знакомое лицо, образованное светящейся пылью. – Зейн, мы как раз говорили о тебе. Как ты узнал?

Пыльное подобие лица Зейна улыбнулось.

– Работает! Привет, Джеймс! Подожди секунду. Рафаэль, Анна, скажите профессору Франклину, что это работает. Я справился! Они могут меня видеть! Ладно, в любом случае все получилось. Привет всем. Здравствуй, Роуз! А где Ральфинатор?

– Они с Альбусом у себя в Слизерине, – ответил Джеймс. – Зейн, что это?

Мерцающее лицо Зейна скривилось, будто он хотел сказать, что это долгая история.

– Вы когда-нибудь слышали о Бабочке Хаоса? О той, что взмахивает крыльями в Париже и вызывает ураган в Лос-Анджелесе? Так вот, это та самая бабочка. На самом деле это мотылек, но дело в том, что он не вызывает ураганы, он просто знает, когда они собираются случиться. Франклин говорит, что это своего рода духовная связь с космосом. В любом случае, он может настроиться на место за тысячи миль отсюда. Хитрость состоит всего лишь в том, чтобы настроиться на правильную вещь. Сейчас, например, он настроен на мое лицо в Альма Алероне. Ну, как я выгляжу?

Джеймс наклонился, изучая странный светящийся феномен.

– Как привидение, страдающее морской болезнью.

– На данный момент это лучший результат, – кивнул Зейн. – Тем не

менее, это большой шаг для кафедры Экспериментальных Магических связей. Рафаэль говорит, что мы, вероятно, получим субсидию на дальнейшие разработки. Во всяком случае, у меня осталась минутка до оседания пыли. Как у вас дела?

– Хорошо, – ответил Джеймс. – Скажи Кэмерону здесь, что в этом году не будет никаких увлекательных приключений.

– Лучше, если их не будет – согласился Зейн. – Джеймс поклялся оставить это в прошлом году, Кэм. Это единственная причина, по которой я позволил своим родителям затащить меня обратно в Америку. Во всяком случае, я сейчас пропадаю. Я буду на связи, ребята. У нас есть еще несколько других методов, которые стоит проверить. Это наверняка будет весело!

– Хорошо, Зейн, – сказал Джеймс, в то время как светящееся лицо начало рассеиваться. – Увидимся позже!

– Подождите! – воскликнул голос Зейна, слабо нарастая. – Я слышал, ты сказал, твой брат в Слиз... – его голос исчез, когда пыль светящегося мотылька растворилась в воздухе. На столе перед Джеймсом мотылек сжал свои крылышки. Он снова взлетел и молча промелькнул в открытом окне. Джеймс сделал движение, чтобы закрыть его.

– Это был гениально! – вдруг воскликнул Кэмерон. Джеймс улыбнулся, потряс головой и прогнал младшего мальчика прочь. Остальные гриффиндорцы в общей гостиной вернулись к своим делам.

– Это полный бред, – сказала Роуз, откинувшись в кресле. – Нет такого существа, как Бабочка Хаоса. Это просто метафора.

Джеймс самодовольно ухмыльнулся Роуз:

– Ты подыграла ему!

Роуз нахмурилась.

– О чем ты, черт побери, толкуешь?

– Потому что, – просто сказал Джеймс, – ты подождала, пока он уйдет, прежде чем произнести это.

Роуз, вспыхнув, покраснела и отвела взгляд.

– Видишь? – сказал Джеймс, подталкивая ее. – Я вовсе не болван, не так ли?

Роуз хмыкнула и собрала свою сумку.

– Приятной домашней работы по Трансфигурации, – сказала она,

вставая. – И, кстати, я видела твои ответы в домашней работе по Истории Магии. Три из них неправильные, и я не собираюсь говорить тебе, какие именно. – Она прикрыла глаза и мило улыбнулась. – А теперь спокойной ночи!

Джеймс рухнул в кресло, наблюдая, как она поднимается вверх по лестнице в спальню девочек. Кэмерон ухмыльнулся ему с противоположного конца гостиной.

Никаких приключений в этом году, подумал Джеймс. Хотя тогда и было неплохо, не так ли? Конечно, было. Кроме того, их трио было разрушено. Зейн уехал назад, за океан, в совершенно другой часовой пояс. Этого никогда не случалось с Гарри Поттером. Тогда всегда были Гарри, Рон и Гермиона, волшебное трио, неразделимое и по сей день. Но не так было у Джеймса, что, сказал он себе, было все же хорошо. Пусть у Альбуса будут приключения, если таковые найдутся. В конце концов, это ему все говорили, что он – точная копия его отца в том же возрасте.

Лоб Джеймса зачесался. Не задумываясь, он почесал его, приподняв свои непослушные волосы. Как он только что сказал Кэмерону, там не было никакого шрама–молнии. Джеймс – не его отец.

Когда Джеймс опустил руку, он увидел Скорпиуса Малфоя, пристально наблюдающего за ним из другого конца комнаты. Его лицо было непроницаемым. Через некоторое время Скорпиус отвернулся, будто ему стало ужасно скучно. Если и нужно было какое–то доказательство, что эра приключений Гарри Поттера окончена, то оно сидело прямо там: Скорпиус Малфой со знаком Гриффиндора, вышитым на его мантии.

Джеймс вздохнул, раскрыл свою тетрадь по Трансфигурации и принялся за домашнее задание.

Первые дни школы пролетели как в тумане. Джеймс ходил на уроки и предпринимал все возможные усилия, чтобы делать заметки на

уроках и готовить домашнюю работу. Он прилагал такие усилия не только потому, что решил не отставать в самом начале года, но и из-за присутствия Роуз на многих уроках. Она была постоянным и вечно недовольным конкурентом Джеймса, и он решил не допустить, чтобы в первый же свой год кузина превзошла его, несмотря на ее природную смеяшленость.

Единственным уроком, на котором не было Роуз, был Уход за Магическими Существами, который до сих пор вел Хагрид. Хагрид смутил Джеймса, поприветствовав его гигантскими медвежьими объятиями на первом же уроке.

– У меня не было шанса сказать это на службе, Джеймс, – Хагрид сказал ему, как он думал, тихим голосом, – но я так сожалею о вашем дедушке. Артур был великим человеком, да, был.

Джеймс кивнул, немного раздражаясь при напoминании о смерти дедушки. Прошло уже несколько дней с того времени, как он в последний раз думал об этом. Хагрид пригласил класс присесть на многочисленные тыквы, созревающие в его саду. Он провел некоторое время, объясняя, о чем этот урок, и кратко описывал животных, о которых он будет рассказывать ученикам на протяжении года. Джеймс слушал не особенно внимательно, вместо этого глядел на озеро, его мысли были далеки и тоскливы.

Во время свободного перерыва в среду Джеймс сидел с Ральфом и Роуз за столом в библиотеке. Он воспользовался этой возможностью, чтобы написать короткое письмо родителям. Когда он закончил, ему пришло в голову, что стоит написать записку своей кузине Люси, как он пообещал. Он обмакнул перо в чернильницу и набросал первое, что пришло ему на ум.

Дорогая Люси,

Привет! Я надеюсь, дядя П. и тетя О. не таскают тебя по разным местам слишком много, но если так, я надеюсь, что ты развлекаешься и находишь в этом свои плюсы. Учебный год начался отлично. Наш новый учитель по защите от Темных Искусств – Кендрик Дебеллоуз, известный Харриер. Спроси у отца, если не знаешь, знает ли он, кто это. Он довольно хардкорный, и он не так уж много хорошего говорит про Авроров, так что этот предмет вряд ли будет одним из лучшим.

Ал передал бы тебе привет, если бы знал, что я пишу тебе. В конце концов, он попал в Слизерин! Я пообещал ему, что он сам расскажет маме с папой, но он не говорил, что я не могу рассказать тебе. Роуз сидит прямо здесь, она передает тебе привет и просит фотографию чего-нибудь классного, если вы в каком-нибудь интересном месте, даже если вы устали от вида всего этого. Скажи Мол, что мы все передаем привет. Пришлите письмо и пару фотографий обратно с Нобби, хорошо?

*С уважением,
Джеймс*

Джеймс позволил Роуз подписать письмо для Люси. Когда они закончили, он снова взял письмо и перечитал. Затем, подумав, добавил:

P.S. Если тебе скучно, можешь оказать мне небольшую услугу. Посмотри, что ты можешь найти о том, что называется Привратником или Стражем Миров. Это может быть немного трудно разыскать, но я знаю, тебе нравится докапываться до сути, и это было бы большим подспорьем для меня. Но ничего не говори никому об этом. Я пообещал сохранить это в тайне. Спасибо.

Джеймс закончил писать, а затем быстро запечатал оба письма и засунул их в сумку. В тот же день, после последних уроков, Роуз и Ральф сопровождали Джеймса в советню. Там Джеймс прикрепил письма к лапе Нобби, пока Роуз и Ральф стояли около двери.

– Я рада, что привезла кошку, – сказала Роуз, наморщив нос. – Это место безумно воняет.

– Кошки не могут доставлять посылки, – ответил Джеймс.

– Зато сова не может свернуться на твоих коленях у камина.

Ральф кивнул.

– Или оторвать комок шерсти на твою обувь.

Роуз толкнула его локтем. Джеймс закончил прикреплять письма к Нобби и отступил назад.

– Сперва заberi письма у мамы и папы, Нобби. Люси может отправить что-нибудь обратно.

Нобби скрипнул, соглашаясь. Он расправил крылья, покачался на

жердочке, а затем метнулся в воздух. Джеймс запрокинул голову, наблюдая, как Нобби поднимается мимо рядов его братьев-сов, а затем исчезает в окне в верхней части совятни.

На пути обратно через замок в столовую Джеймс многозначительно спросил Роуз:

– Так как прошел твой первый урок Защиты от Темных Искусств?

Роуз поджала губы и подняла сумку.

– Он не разрешил мне попробовать себя на Тропе.

Ральф взглянул на нее.

– Ну так это же замечательно, правда?

– Нет, Ральф, это не так. Мальчики все должны были попробовать пройти ее. Дебеллоуз говорит, что девочки «слишком нежные» для этого. Он поставил нас попарно упражняться друг с другом. Ни одна из других девочек не отнеслась к этому серьезно. Это было пустой тратой времени.

– Я действительно не обратил на это внимание тогда, – сказал Джеймс, – но теперь, когда ты упомянула об этом, то вспомнил, что он и правда не подпустил девочек из нашего класса к Тропе.

– Или к механическому огру, – добавил Ральф. – Этот приятель, хоть и набит ватой, но бьет как настоящий.

– Ты должна быть рада, что ты девочка, Роуз, – горячо сказал Джеймс. – Это твое освобождение от дерущихся механизмов.

Роуз в раздражении покачала головой.

– Вы оба упускаете суть дела! Девочки не менее способны, чем мальчики. Спорим, я могла бы побить большинство из вас на Тропе, если бы меня туда допустили.

Джеймс взглянул на нее недоверчиво.

– Ты хочешь пройти через это?

– Ну, – ответила она, немного поколебавшись, – не то чтобы. Я имею в виду, это выглядит довольно жестоко. Но ведь в этом и заключается смысл.

Ральф покачал головой.

– Это первый раз в моей жизни, когда я захотел стать девчонкой.

– Я собираюсь написать об этом маме с папой, – твердо объявила Роуз. – Когда мама узнает об этом...

Голос Роуз затих, когда холодный поток воздуха вдруг взметнул ее

мантию. Джеймс и Ральф тоже почувствовали это. Троица замерла посреди коридора, оглядываясь по сторонам.

Джеймс нахмурился.

– Что это было?

Никто не ответил. Казалось, не могло быть никакого источника ветра. В этой части замка не было окон. Закрытые двери выстроились вдоль стены, освещаемые фонарями на цепях. Когда Джеймс поднял глаза, фонарь в конце коридора погас. Джеймс подтолкнул Ральфа и указал на это.

– Он ведь просто перегорел, не так ли? – спросил Ральф дрогнувшим голосом.

Соседний фонарь дрогнул и тоже погас, словно кто-то задул пламя.

– Может, это ветер, – неуверенно сказала Роуз. – Давайте пойдем...

Один за другим замигали еще два фонаря. Джеймс посмотрел на Роуз, затем на Ральфа, его глаза округлились. Вдруг холодный ветер, сильнее прежнего, ворвался в коридор, развевая их мантии и волосы. Он задул оставшиеся фонари, отчего коридор погрузился во тьму.

– Смотрите! – затаив дыхание, крикнула Роуз. ее голос был необычайно высок. Джеймс и Ральф взгляделись туда, куда указывала ее дрожащая рука. По коридору двигалась чья-то фигура. Она плыла над полом, опустив голову и скрывая лицо. Она быстро и бесшумно направлялась к ним. Джеймс схватил Ральфа и Роуз за рукава и потянул на себя, пытаясь отступить, но его ноги застыли. Фигура двигалась слишком быстро. Она была уже рядом. И вдруг, остановившись прямо перед ними, она подняла голову.

Ральф ахнул. Роуз тихо вскрикнула. Джеймс моргнул.

– Седрик? – воскликнул он, его сердце бешено колотилось. – Ты что это вытворяешь?!

Призрак Седрика Диггори выпрямился и улыбнулся им.

– Практикуюсь, – ответил он гулким призрачным голосом.

– В-вы знаете его? – немного придя в себя, пробормотала Роуз.

– Да, знаем, – ответил Ральф. – Так нельзя, Сед. Что это было, кстати?

Седрик выглядел озадаченно.

– Я же Молчаливый Призрак. Я тренировался все лето, стараясь создать некую таинственность. Что, это уже чересчур?

Джеймс кивнул с все еще вытаращенными глазами.

– Да, я бы сказал, что это было слишком! Может быть, ты знаешь, как зажечь свет?

Призрак оглянулся на погашенные фонари.

– На самом деле, их намного легче потушить, чем зажечь. Подождите.

Седрик закрыл глаза и сморщился. Секунду спустя двое из фонарей снова замерцали светом.

– Так немного лучше, – вздохнула Роуз. – Но все же. Не делай так больше, ладно? По крайней мере, не для меня.

Седрик улыбнулся.

– Ты, должно быть, дочь Гермионы. У тебя ее волосы, хотя твои немного краснее.

– Я предпочитаю термин «темно-рыжие», – сказала Роуз. – В любом случае, да. Приятно познакомиться, э-э, Седрик. Я слышала о тебе. Не хочешь присоединиться к нам за ужином?

Седрик задумался.

– Я думаю, не стоит. Это не хорошо для привидений – слоняться в Большом зале со всеми.

– Все призраки так делают, – прокомментировал Ральф. – Кровавый Барон присутствует почти на каждом приеме пищи, размахивает мечом вокруг и учит первокурсников плохим словам.

– Да... – Седрик неуверенно согласился. – Это хорошо для него. Он кружит там всегда с тех пор...

Джеймс прищурился.

– Сколько людей видело тебя, Седрик? Я имею в виду, не считая нас?

Призрак нервно поплыл.

– Кроме тебя? Э-э... портрет Снейпа считать?

Джеймс покачал головой.

– А как насчет незваного магла?

– Нет.

– Ну, – признался Седрик. – Это большая часть.

– погоди минуту, – Роуз сказала, подняв руку. – Ты застенчивый призрак?

Седрик поморщился.

– Не «застенчивый». Я никогда не был застенчивым. Я просто был... занят.

– Занят, учась задувать фонари и практиковать пребывание 'Молчаливым Призраком'? – уточнил Джеймс, наклонив голову.

– Видишь, это просто отличие, вот и все, – сказал призрак. – Я не был внизу на обеде в Большом зале с той ночи, как умер более двадцати лет назад.

Ральф заговорил:

– Ну и что? Не так много изменилось с тех пор, я предполагаю. Судя по всему, ничто здесь в значительной степени не меняется со времен основания. Давай, это будет весело, даже если ты не можешь есть пищу.

Седрик печально покачал головой.

– Я не могу. Пока нет. – Он испустил тяжелый призрачный вздох. – Последний раз я был там, когда сидел со своими друзьями. Я направлялся наружу, надеялся на победу в конечном этапе Турнира Трех Волшебников. Каждый угощал меня своим тыквенным соком и желал удачи, а я обещал, что расскажу им о своих приключениях на следующий день в обед, не важно, с победным кубком или без него... – Седрик задумчиво отвел свои призрачные глаза.

– Чжоу Чанг встретила меня у двери на пути из зала. Она пожелала мне удачи в лабиринте. Я хотел поцеловать ее, но не сделал этого, не прямо же у входа, ведь из Большого зала же все смотрят. Я пообещал себе, что поцелую ее потом. На самом деле, я думаю, поцелуй волновал меня больше, чем Кубок. Поцелуи Чжоу были бы настоящей наградой... – Седрик сделал паузу, а затем моргнул, отмахиваясь от воспоминаний. Он посмотрел на Джеймса, Роуз, и Ральфа, словно вспомнив, что они тут. – Но этого не случилось, конечно. Такое чувство, что это было вчера. Такое чувство, что если я спущусь на ужин сейчас, Чжоу будет там, наблюдая за мной.

Что там будут и Стеббинс, и Кадволладер, и Мюриэль, как все они ожидают, что я развлеку их деталями моего путешествия через лабиринт. Вот что я сейчас чувствую, но это все не правда. Их нет там. Совсем. Они все выросли и пошли дальше. Я просто далекое воспоминание. Вместо этого за моим старым столом сидят люди, которых я не знаю. Они даже не узнают меня. – Он снова покачал

головой. – Может быть, однажды я смогу спуститься. Но не сейчас. Я не могу.

Роуз потянулась, чтобы погладить руку Седрика, но ее рука прошла сквозь него.

– Мне очень жаль, Седрик, – сказала она. – Ты можешь пойти с нами, когда захочешь. Твоих старых друзей там не будет, но там могут быть некоторые новые друзья, ожидающие тебя.

Седрик кивнул и улыбнулся, но Джеймс не думал, что призрак поверил словам Роуз.

– Увидим ли мы тебя еще? – спросил его Джеймс.

– Конечно, – согласился Седрик. – Может быть, поддержание репутации «Молчаливого Призрака» это слишком для меня. Возможно, в следующий раз я передумаю.

Три ученика повернулись и направились обратно по коридору. Когда они завернули за угол, Джеймс оглянулся. Там не было никаких признаков призрака Седрика, но у Джеймса осталось чувство, что тот все еще там. Он помахал на прощание, затем догнал Ральфа и Роуз.

Когда они проходили мимо большого открытого дверного проема, ведущего во внутренний двор, Джеймс остановился. В синем вечернем сумраке небольшая группа учащихся собралась возле ворот. Джеймс заметил, что все они были слизеринцами, и Альбус стоял вместе с ними. Тут же Джеймс вспомнил, что это был вечер среды, ночью которой Табита Корсика планировала «обсудить организационные вопросы» с Альбусом.

– Подождите, – тихо сказал Джеймс, останавливая Ральфа и Роуз. Как бы случайно он побрел к двери и проскользнул в тень, наблюдая за группой слизеринцев.

– Что там происходит? – спросила Роуз, присоединившись к Джеймсу. Джеймс шикнул на нее.

Табита разговаривала с Альбусом, мило улыбаясь и кивая головой. Филия Гойл и Том Сквайлус топтались рядом вместе с несколькими другими слизеринцами, которых Джеймс не знал. Джеймс не мог слышать, о чем они говорят. Когда толпа переместилась, Джеймс увидел, что Табита Корсика держит нечто большое и тонкое, завернутое в черную ткань.

– Это большая часть команды Слизерина по квиддичу, – пояснил

Ральф вполголоса. – Там Битлбрик. Он вратарь. Фиера и Хэвлок – загонщики.

Джеймс прищурился.

– Несложно догадаться, что там у Корсики в этой черной тряпке.

Слизеринцы вдруг повернулись и двинулись со двора. Альбус шел впереди, смеясь, он счастливо жестикулировал. Джеймс проскользнул через проем.

– Ты куда? – спросил Ральф.

– А ты как думаешь? Я собираюсь последовать за ними. Корсика планирует запустить Ала на этой проклятой летающей штуке.

Ральф нахмурился.

– Что ты собираешься делать, остановить их?

– Я знаю, ты не можешь помочь мне, Ральф, – быстро сказал Джеймс, – так как они с твоего факультета и все такое. Но я собираюсь пойти посмотреть, что они задумали, по крайней мере.

– Это не так, – ответил Ральф. – Я просто думаю, что это выбор Альбуса. Я просто думаю, что, может быть... тебе не стоит вмешиваться.

– Я приму это во внимание, – пробормотал Джеймс мрачно. Он выскочил в быстро темнеющий двор. Мгновением позже он услышал шаги, будто кто-то следовал за ним.

– Тебе вовсе не обязательно идти со мной, Роуз, – сказал Джеймс, останавливаясь у выхода во двор.

– Да что ты говоришь? – резко прошептала она. – Я собиралась шпионить за ними вне зависимости от твоего решения.

Джеймс улыбнулся ей. Они опустились на корточки и, прокравшись вдоль края ворот, стали наблюдать за уходящими слизеринцами. Мрак приближающейся ночи сделал их трудно различимыми. Через некоторое время Роуз указала пальцем. Джеймс посмотрел в том направлении и увидел фигуры в мантиях на холме в ста ярдах от них. Конечно, они направлялись к квиддичному полю. Стараясь остаться незамеченными, Роуз и Джеймс последовали за ними.

Когда они приблизились к полю, Джеймс жестом велел Роуз следовать за ним. Он повел ее другим путем вокруг трибуны Гриффиндора. Так тихо, как только могли, они прокрались по деревянной лестнице на самый нижний уровень. Там они присели перед ограждением и выглянули в сторону темного поля.

Группа слизеринцев стояла на центральной линии. Джеймс с трудом мог различить их голоса. Табита, казалось, была единственной, кто что-либо говорил. Последовали какие-то перемещения фигур, полускрытых темнотой, и Джеймс молча проклял себя за оставленные в сумке очки.

– Что происходит? – прошептал он беспомощно. – Я могу только видеть, кто есть кто.

– Табита просто сняла обертку с метлы, – прошептала Роуз. – Она, кажется, объясняет Альбусу, как эта штука работает. Ему явно очень хочется поскорее взлететь. Он буквально подпрыгивает от нетерпения.

Джеймс смог разглядеть, что произошло дальше. Табита передала метлу Альбусу. Тот взял ее в обе руки и внимательно осмотрел, затем обернулся. Джеймс не мог видеть его лицо, но знал, что Альбус улыбался этой его болезненной, безрассудной ухмылкой. Наконец остальные слизеринцы отступили от него, оставив его в центре неровного круга.

Альбус поднял метлу одной рукой, как бы проверяя ее вес и балансировку ладонью. Затем он умело подбросил ее в воздух. Она опустилась и закачалась рядом на высоте его бедра. Джеймс боролся с желанием крикнуть, как-то предупредить Альбуса. Однажды Джеймсу довелось прокатиться на этой метле, и все закончилось весьма плачевно. В метлу была вложена чудовищно необычная магия. Она сопротивлялась Джеймсу и чуть не убила его. Когда Табита летала на ней во время матча по квиддичу, казалось, вокруг метлы появлялось некое подозрительное поле, влияющее на все вокруг, в том числе, как подозревал Джеймс, и на сам снитч. Роуз схватила Джеймса за воротник и дернула вниз. Джеймс сам не понял, что он встал, готовясь криком предостеречь брата. Он посмотрел на нее, широко раскрыв глаза.

– Не надо, – прошептала она, качая головой.

Джеймс посмотрел вниз на поле. Альбус потянулся и схватил обеими руками рукоятку висящей в воздухе метлы. Быстро, словно специально не давая себе времени задуматься, он занес ногу, оседлал ее и оторвался от земли. Метла взвилась в воздух, медленно кружась и поднимая Альбуса выше в синеву ночи. Он достиг верхнего уровня трибун и аккуратно остановился. Альбус был просто черной фигуркой, выделяющейся на фоне сумеречного неба. На глазах у Джеймса он

наклонился. Метла рванулась вперед, идеально послушная рукам мальчика. Вдали Альбус счастливо закладывал пируэты, его голос эхом разносился над близлежащими полями.

Роуз наклонилась к Джеймсу.

– У меня были уроки полета с Альбусом во вторник, – прошептала она. – Он не умел летать так, как сейчас.

Джеймс сжал губы в тонкую линию. Он посмотрел вниз на поле, на группу слизеринцев, но ничего не смог разобрать. Если кто-то из них и управлял полетом Альбуса с помощью палочки, он не мог с уверенностью сказать об этом.

В тишине надвигающейся ночи Джеймс мог слышать свист и хлопанье первого полета своего брата. Альбус спикировал и понесся через поле к ближайшим холмам, крича от восторга. Наконец, спустя пару минут беспорядочного полета, он ушел в долгое крутое пике, полукругом огибающее трибуны всех четырех факультетов, набирая скорость. Джеймс и Роуз согнулись настолько низко, насколько это было возможно, когда Альбус проносился над трибуной Гриффиндора. Он легко развернул метлу и направил ее к парящим ограничителям рядом с флагами на верхушках трибун.

Джеймс затаил дыхание, надеясь, что тени от сидений достаточно, чтобы скрыть их с Роуз. Альбус сделал глубокий вдох, направляя метлу обратно вниз, к полю и внезапно остановился. Казалось, он смотрит прямо на Джеймса, но в темноте трудно было сказать точно. Он так же мог смотреть и мимо Джеймса, на Слизеринцев, стоявших в центре поля, внизу. Наконец Альбус наклонился вперед. Метла, уйдя в крутое пике, пронеслась над рядами кресел. Джеймс нагнулся еще ниже, опасаясь, что Альбус и правда мог увидеть его, перемахивая через перила. Когда Джеймс нагнулся, сверху опустилась рука и мимолетно взъерошила его волосы. Ветер от полета Альбуса утих и Джеймс услышал как его брат рассмеялся, устремляясь в кромешную тьму.

– Вот маленький идиот! – просипел Джеймс. Роуз зашипела на него.

Альбус приземлился в плотный круг, метла опустилась мягко, словно пушинка одуванчика. Слизеринцы заплодировали и столпились вокруг Альбуса, поздравляя его.

– Самородок, – донес ветер голос Табиты. – Как и твой отец.

– «Самородок»! Как же! – прошипел Джеймс себе под нос. Роуз дернула его за мантию, снова утягивая в тень. Вместе они смотрели, как группа слизеринцев уходит с поля, их голоса затерялись в порывах ветра. Джеймс увидел, как Альбус оглянулся на него и ухмыльнулся.

Минуту спустя Джеймс и Роуз спустились с трибун и направились к замку.

– Видела, как он управлял метлой? – воскликнул Джеймс, стараясь говорить тише, – или, если быть точным, как управляли им!

– Признаю, это выглядело несколько подозрительно, – задумчиво ответила Роуз. – Но ты сам говорил, что не мог управлять метлой, пока не получил свою «Молниеносную». Может, Альбусу просто надо было сесть на правильную метлу, чтобы продемонстрировать свои природные задатки.

Джеймс раздраженно покачал головой.

– Ты не понимаешь. Я пытался летать на этой метле однажды. Она чуть не убила меня!

– Ну, тебе же не полагалось летать на ней тогда, верно ведь? Некоторые современные метлы очень умны в этом плане. Даже у твоей есть функция расширенной экстра-жестикюляции, так? Если она связана с тобой, кто-то другой, кто попытается прокатиться на ней, наживет серьезные неприятности.

– Послушай, – сказал Джеймс, вскидывая руку, – ты должна просто поверить мне, Роуз. Эта метла проклята каким-то образом. И Табита, скорее всего, и есть та, кто ее проклял.

Роуз искоса посмотрела на него.

– Почему ты так говоришь?

Джеймс покачал головой.

– Это долгая история. Но, говорю тебе, есть в ней какое-то особое зло. Ты наверняка не поверишь мне, даже если я тебе расскажу. Да и никто не поверит.

– Ну, – ответила Роуз, понизив голос насколько это возможно, – может, для этого есть причины.

– Ты на чьей стороне?

– Прости, – сказала Роуз, начиная злиться. – Ты имеешь в виду: я на стороне Джеймса Поттера или на стороне Альбуса Поттера? Потому что я не знала, что нужно выбирать.

Джеймс глубоко вздохнул.

– Просто забудь об этом. Прости, Роуз.

Роуз пристально смотрела на него все время, пока они подходили к воротам.

– Полеты у Поттеров в крови, Джеймс. Ты не знаешь, был ли Альбус так хорош из-за своего таланта или нет. Первогодкам разрешили пробоваться в команду по квиддичу, потому что ваш отец был хорош в свой первый год. Но если есть что-то странное в этой метле, или в самой Табите Корсике, я буду первой, кто поможет тебе объяснить это Альбусу. Хорошо?

Джеймс слабо улыбнулся.

– Обещаешь?

Роуз кивнула. Вместе они вошли во двор и направились на свет, идущий из главного зала. Ральф сидел на нижней ступеньке главной лестницы, поджидая их. Джеймс улыбнулся.

– Полагаю, он летал на этом, – сказал Ральф, поднимаясь к ним навстречу.

– Как ты узнал? – спросила Роуз.

– Альбус и остальные прошли мимо меня по дороге в столовую, – сказал Ральф. – Альбус подошел и попросил передать тебе сообщение. Он сказал, что может увести у тебя место в следующем семейном матче по квиддичу.

Джеймс закатил глаза и взглянул на Роуз.

– Не вздумай смеяться, – сказал он, ткнув в нее пальцем.

– Я ничего не сказала, – ответила она, прикрывая рот ладонью. – Пошли. Давайте войдем в столовую, пока не закрылись двери.

Глава 6. Король кошек

В четверг утром первым уроком у Джеймса и Ральфа была Магическая Литература. Комнатой для занятий служила полукруглая галерея, примыкающая к задней части библиотеки. Окна располагались по изогнутой стене, наполняя комнату солнечным светом. Новый преподаватель Магической Литературы, Джульетта Ривальвье, сидела за своим столом, листая огромную книгу, пока ученики искали свои места. В сравнении с большинством преподавателей Хогвартса профессор Ривальвье была довольно молода и изящна. Ее русые волосы до плеч обрамляли открытое дружелюбное лицо. В очках для чтения она напоминала Джеймсу умную пикси.

– Только не ты опять, – прошептал Ральф, когда Роуз опустилась на стул рядом с ним.

– Я специально попросилась попробоваться в этот класс, если это возможно, – пояснила Роуз, доставая учебник по МагЛиту из сумки. – У меня есть все книги Ривальвье по классической магической литературе. Знаешь, она и сама написала несколько романов пару десятилетий назад, хотя они в основном продаются в мире маглов под вымышленным именем. Все они немного спорные.

– Да, я знаю про них, – сказал Джеймс, вспомнив Кэмерона Криви и его упоминание о новеллизации приключений Гарри Поттера. – Это ее, верно?

– Ну, ее и еще нескольких людей. Это был тестовый проект, возглавляемый большой издательской компанией, принадлежащей волшебникам. Думаю, проблема в том, что он оказался, если угодно, слишком успешным. Министерство, в конце концов, запуталось и все это стало немного досаждать.

По сути, издательство истинных фактов о магическом мире, пусть и под видом фантастики, в мире маглов является нарушением Закона Секретности, хотя Визенгамот и не осудил ее. Она была лишена большей части своего гонорара, что объясняет, почему она оказалась здесь на месте преподавателя.

Словно по команде, профессор Ривальвье закрыла книгу и встала, зацепив свои очки для чтения на ворот мантии. Она проверила часы на

задней стене комнаты и откашлялась.

– Способны ль вы узреть миры, – сказала она, слегка улыбнувшись и позволив взгляду блуждать между лицами, – сердца таящие в основе? Как можно сотворить такое, что мы, дотронуться не в силах, остались навсегда пронзенны стрелой, которая достигла самих глубин души людской?

Осмелюсь ль я создать основу, на коей возрастут се царства, и на которую возлягут те кирпичи, с которых сложатся их стены? Ничто – ни дерево, ни камень, ни драгоценные каменья не вынесут времен нагрузки, с которой сладят царства те лишь, что рождены словами, мыслью и рифмой.

Профессор глубоко вздохнула, затем другим голосом сказала:

– Это была цитата из одной из старейших и самых почитаемых баллад волшебного мира, «Вестника». Неизвестны ни имя автора этого произведения, ни точная дата, когда оно был написано. Мы ничего не знаем о времени ее создания:

Ни кто был королем, ни в каком городе она была написана, даже не известен язык, на котором она была написана. И все же баллада продолжает существовать. Если и требуется подтверждение темы, затронутой в балладе – что нет царства более красивого, сильного и нерушимого, нежели царство слов – то им служит само существование «Вестника», пережившего даже породившую его цивилизацию.

Краем глаза Джеймс заметил, как Роуз лихорадочно строчит заметки. В этом был смысл ее жизни, насколько он знал. Он взглянул на свой собственный пергамент, по-прежнему пустой, и засомневался, стоит ли ему конспектировать самому, или есть надежда, что Роуз позволит ему списать.

– Волшебный мир очень стар, и, следовательно, имеет очень богатую литературную историю, о чем свидетельствует данная библиотека, – продолжала Ривальвье, указав рукой на забитые книгами полки, покрывающие заднюю стену комнаты.

– У нас нет надежды исследовать даже десятую часть этой истории. Мы, однако, выберем основные работы представителей каждой эпохи и углубимся в них так настолько, насколько сумеем, постараемся лучше понять эпохи, которые их породили. Некоторые люди находят литературу скучной. Эти несчастные люди просто никогда не встречали

истории, которая открылась бы для них. Я же сделаю все возможное, чтобы эти истории открылись для вас, ученики. Если повезет, мы увидим, как эти они оживают. И не только истории из особой секции библиотеки, где книги приходится приковывать к полкам, чтобы они не сбежали.

Раздался вежливый смех. Ривальвье встретила его неодобрительной улыбкой.

– Начнем наше знакомство с миром магической литературы с вызовов, пожалуй. Не с известной классики или уважаемой баллады, давайте начнем с чего-то немного более доступного. Нам нужен доброволец. Может кто-нибудь сказать мне, пожалуйста, какой была ваша любимая сказка на ночь в детстве?

Джеймс огляделся. Девочка из Когтеврана по имени Кендра Корнер подняла руку. Ривальвье кивнула ей ободряюще.

– Любая сказка? – спросила Кендра. – Даже если она совсем короткая?

Ривальвье улыбнулась.

– Особенно, если она короткая, мисс Корнер.

– Ну, – сказала Кендра, чуть покраснев, – моей любимой сказкой, когда я была маленькой, была «Три глупые карги».

– Очень хорошо, мисс Корнер, – сказала Ривальвье. – Я думаю, многие из нас слышали этот рассказ про трех пожилых женщин, принесших свои товары на рынок. Очень старая история и отличный пример. Кто-нибудь еще?

Грэхем ответил следующим.

– Мне запомнилась история про великана и бобовый стебель. Один магловский ребенок находит некие волшебные бобы, а затем залезает по бобовому стеблю, который вырастает из них. Наверху живет Великан, и магловский ребенок пытается утащить добро великана, но великан ловит его и запекает. Мораль в том, что неосторожное обращение с магией опасно для всех.

– еще один классический пример, мистер Вартон, – согласилась Ривальвье, – хотя твой вариант истории появился позднее, основываясь на изменениях в культуре.

Еще несколько человек описали свои любимые истории, заканчивая Роуз, чьей любимой историей, ко всеобщему удивлению, оказалась одна

из сказок Барда Бидля.

– Зайчишка–трусишка и ее кудахтающий пень. Мама читала мне ее очень старую версию из книги, которую она получила от бывшего директора школы, Альбуса Дамблдора, – сказала она с некоторой гордостью.

– Конечно, большинство из нас очень хорошо знакомы со сказками Барда Бидля, – сказала профессор Ривальвье, опираясь на стол, – хотя и не всем из нас посчастливилось получить их из таких прославленных источников. Действительно, все это очень хорошие примеры классической волшебной литературы.

Все они имеют несколько очень важных общих черт. Все они довольно старые. Все они в основном передается из уст в уста. И они все предназначены, чтобы научить важным жизненным урокам. Менее очевидно, что эти истории рассказывают нам тонкие вещи о времени, в котором они были созданы. Например, давно минули времена слабых пожилых женщин, толкающих воз товаров на рынок, и все же они кажутся нам знакомыми, поскольку все мы выросли на сказке о Трех Глупых Каргах.

Красота великой литературы, пусть даже и в виде детских сказок, в том, что они учат нас жизни, истории, миру, в котором мы живем, и даже тому, как познать самих себя, причем незаметно для нас. Самые лучшие уроки жизни – те, которые мы постигаем, сами того не замечая. Литература научит вас тому, чему никто другой не сможет научить.

Давайте рассмотрим другой пример, один из которых не был упомянут до сих пор. Когда я была маленькой, моей любимой сказкой на ночь была сказка под названием «Король Кошек». Кто–нибудь из вас знает эту историю?

Ральф незамедлительно поднял руку.

– Я думаю, я знаю одну, но моя версия может звучать немного по–другому. Я вырос в семье маглов. По крайней мере, так мне казалось.

– Много историй волшебного происхождения нашли свой путь в мифах и легендах маглов, господин Дидл. Не могли бы вы рассказать нам версию, с которой вы знакомы?

Ральф пососал верхнюю губу, на мгновение задумавшись.

– Ну, ладно, – согласился он. Он глубоко вздохнул и начал: – *Однажды один человек собрался в путь по стране, далеко–далеко от*

мест, где он жил. Ни единого человеческого жилья не встретилось ему на пути в течение нескольких дней.

Однажды он заметил целую кучу мышей. Сначала он решил было разогнать их, но потом обратил внимание, что они ведут себя не как обычные мыши. Зверьки, кажется, шли в своего рода шествии и что-то несли. Мужчина присел за кустами, потому что не хотел напугать мышей, но ему было действительно любопытно, что они несут. Как только они прошли мимо, он увидел, что они несут другую мышь на крошечной кроватке. Человек понял, что мышь на кровати мертва, и что это маленькая мышинная похоронная процессия.

Так тихо, как только мог, он последовал за шествием глубоко в лес, пока они не достигли большой широкой поляны, хорошо освещенной солнцем. В центре поляны стояла крошечная каменная лестница, ведущая в никуда. Она просто шла вверх и там заканчивалась. У подножия лестницы сидела большая кошка, заблокировавшая путь.

Золотисто-полосатая, выглядящая очень серьезно и торжественно, кошка смотрела на мышиную процессию, как они пересекали поляну, приближаясь к ней. Человек собирался предупредить мышей, поскольку он был уверен, что кошка съест их, похороны у них там или нет. Но вот мыши наконец добрались до кошки и остановились у самых ее лап. Они опустили маленькую кроватку и разошлись в стороны.

Большая золотистая кошка все это время наблюдала своими огромными зелеными глазами. Наконец она наклонилась и что-то сказала мертвой мыши. Мышь вскочила, живая и невредимая. Она прошмыгнула в пространство между золотистыми кошачьими лапами и бросилась к маленькой каменной лесенке.

Человек продолжал смотреть, все еще оставаясь незамеченным, как мышь пробежала до конца каменной лестницы, все еще идущей вверх, и направилась все выше и выше. Мышь взбиралась дальше к небу, как будто по невидимой лестнице, пока полностью не пропала из поля зрения. Человек с трудом мог поверить своим глазам.

Когда он снова посмотрел туда, оставшиеся мыши уже ушли. Осталась лишь крупная золотистая кошка, которая уставилась прямо на него своими большими зелеными глазами. Человек испугался кошки, потому что развернулся на каблуках и бросился бежать прочь из леса.

Он не прекратил своего бега, пока не достиг тропы и направился далее в свою страну, к себе домой.

В ту ночь мужчина сел за стол со своей семьей. Он рассказал им об увиденном и напоследок сказал: «Эта кошка была, несомненно, Королем Мышей!» В этот момент их большая старая кошка, до этого момента спокойно спавшая у очага, вскочила на задние лапы и ясным голосом произнесла: «Тогда я – Король Кошек!» И бросилась в дымоход, с тех пор ее больше никто никогда не видел.

Ральф закончил рассказывать сказку, и комната погрузилась в странное молчание. Профессор Ривальвье сидела с закрытыми глазами, будто впитывая историю. Яркий свет утреннего солнца заставил класс чувствовать себя странным образом сонным. Он, казалось, согревающе жужжал, усыпляя, как если бы время замедлилось во время истории Ральфа.

– Это был замечательный рассказ, господин Дидл, – сказала профессор Ривальвье, медленно открывая глаза. – Он действительно немного отличается от версии, известной мне с детства, но так же интересен. Кто-нибудь еще из вас слышал эту сказку?

Никто не поднял руку. Ральф удивленно огляделся по сторонам.

– Что такого необычного в этой сказке? – спросила Ривальвье у класса. – Может кто-нибудь сказать, чем эта история отличается от тех, что мы вспоминали ранее?

Мердок поднял руку.

– Только одним – в ней нет никакого смысла.

Профессор слегка наклонила голову.

– Так ли это? Кто-нибудь еще согласен с суждением мистера Мердока?

По всей комнате закивали.

– Не то, что бы мне не понравилось, – добавила Морган Патония, подняв руку. – Сказка довольно милая. Но от нее также немного бросает в дрожь.

Ривальвье прищурила глаза.

– И вопреки ожиданиям, это приятная дрожь, верно?

Многие в комнате закивали, хотя их кивки сопровождались озадаченными пересматриваниями.

– Как вы думаете, почему ваши родители не рассказывали вам эту

сказку? За исключением мистера Дидла, конечно.

Последовала долгая пауза. Наконец Роуз подняла руку.

– Все сказки, которые мне рассказывали в детстве, были красивыми историями, – сказала она. – Иногда в них были злые ведьмы и колдуны, но не было никаких мертвых мышей или чего-то в этом роде. И все они заканчивались хорошо, или хотя бы имели мораль, что заставляло их казаться хорошими, даже если главному герою не везло, или он поступал неправильно.

Ривальвье выглядела задумчивой.

– А эта история не счастливая? Не имеет морали?

Джеймс знал, что лучше не отвечать на риторические вопросы вроде этих. Очевидные ответы никогда не оказываются правильными. Ривальвье, казалось, понравилась повисшая тишина.

– Сегодня, ученики, вашим домашним заданием будет записать сказку про Короля кошек, – сказала она, направляясь к своему столу. – Я бы предпочла, чтобы вы не консультировались друг с другом об этом. Смысл упражнения не в том, чтобы как можно точнее повторить историю, рассказанную мистером Дидлом, а в том, чтобы записать ее так, как вы ее запомнили. Если ваша версия будет в чем-то отличаться, тем лучше. По результатам изменения волшебной истории в процессе пересказа можно узнать много интересного о рассказчике. В данном случае ваш рассказчик – это вы сами. Посмотрим, будет ли вам по-прежнему казаться, что у этой истории нет морали после того, как вы закончите это задание.

Ривальвье села за стол и положила на него свои очки.

– Вы, конечно же, освобождаетесь от задания, мистер Дидл. В награду за ваше восхитительное изложение истории. А теперь, класс, пожалуйста, откройте ваши учебники на первой главе.

Оставшееся время занятия они потратили на лекцию по исторической подоплеке золотого века магической литературы, из которого вышли большинство известных (и наименее читаемых) волшебников-классиков.

Ривальвье заверила учеников, что она сделает «все необходимое», чтобы сделать эти истории актуальными, и у Джеймса появилась надежда, что она и правда преуспеет в своем начинании. Ему стало любопытно, как она собирается сделать это, поживем-увидим.

Когда они покинули класс, Джеймс обратился к Ральфу.

– Отличная работа. Ты спас себя от задания.

– Твой отец действительно рассказывал тебе эту сказку, когда ты был маленьким? – спросила Роуз.

– Вообще-то, нет, – признался Ральф. – Бабушка рассказывала всякий раз, когда меня оставляли с ней.

Джеймс посмотрел на Ральфа.

– Я тоже подумал, что это был твой отец. В конце концов, у него волшебное прошлое, детство.

– Ну, об этом профессор Ривальвье и говорила. Многие волшебные истории просочились в культуру маглов как легенды и мифы. Вероятно, Король кошек – одна из них. Вот почему бабушка Ральфа знала ее.

Ральф кивнул.

– У нее было полно историй, подобных этой. Они все были немного странными и жуткими, но мне нравилось. Они были... ну, они были своего рода магией. У меня бывали действительно безумные сны всякий раз после этих сказок. Не кошмары, но... – он покачал головой, не в силах подобрать правильные слова.

– Со мной случается нечто подобное, когда я съедаю особый паприкаш дяди Дмитрия, – кивнул Грэхем. – Он готовит его на каждое Рождество. По его утверждениям, магическим ингредиентом является толченый корень мандрагоры, но мама утверждает, что магический ингредиент – это пинта гоблинского рома.

Джеймс ожидал, что справится с заданием по МагЛиту в два счета, но позже, вечером, сидя в библиотеке с пером и пергаментом в руках, он обнаружил, что просто тупо смотрит в окно, вертя между пальцами сухое перо. Наконец он отчаянно потряс головой, пытаясь освободить ее от лишнего.

– Поразительно, – сказал он Ральфу, погруженному в Арифмантию, с которой у того были некоторые сложности, – я отлично помню, как ты рассказывал нам эту сказку на уроке. По сути, я мог бы не сходя с места пересказать ее тебе. Но когда я пытаюсь записать ее, все в голове как будто перемешивается.

Ральф откинулся на спинку стула и потянулся.

– Что ты имеешь в виду? Если ты можешь рассказать ее вслух, то как ты не можешь сделать то же самое на бумаге?

– Понятия не имею. В смысле, я знаю, что она начинается с парня, идущего по лесу. Я начинаю записывать это, как вдруг не могу вспомнить, идет ли он днем или ночью. Начинаю представлять, куда он мог бы направляться. И почему забрел так далеко от дома? И почему на мили вокруг нет никакого жилья? Он видит мышей, верно? Только, начиная писать, я представляю белок. Или полевок.

– Полевок? – повторил Ральф, скорчив рожу. – Это кто еще такие?

– Понятия не имею, – ответил Джеймс. – Подозреваю, что это такие мелкие зверушки. Но не в том суть. Сказка буквально утекает у меня между пальцами, когда я пытаюсь записать ее. Она словно бы стремится стать другой.

Ральф на некоторое время задумался, затем решительно покачал головой:

– Бессмыслица какая-то. Хочешь, я расскажу тебе ее еще раз?

Джеймс вздохнул.

– Нет. Ривальвье сказала, что так нельзя. Она ясно дала понять, что мы должны записать все именно так, как мы запомнили. Я просто не ожидал, что с этим возникнут какие-то сложности. То есть, я имею в виду, это же просто сказка из тех, что рассказывают на ночь!

Ральф пожал плечами.

– Ну, это волшебная сказка на ночь.

– Только не твоя версия, – ответил Джеймс. – Ведь ее рассказывала тебе твоя магловская бабушка. Я так понимаю, это была мама твоей мамы, ведь, насколько мне известно, твой папа был сиротой.

Ральф кивнул, но ничего не сказал.

Джеймс уже собрался было предпринять еще одну попытку записать свою версию Короля Кошек, когда Петра Моргенштерн медленно подошла к концу ближайшей полки с книгами.

– Привет, Петра, – сказал Джеймс почти шепотом, чтобы не вызвать неодобрительного взгляда со стороны библиотекаря.

Петра рассеянно просматривала книжные полки, в руке у нее болталась сумка. Девушка, казалось, не слышала его.

– Я сказал «привет!», Петра! – повторил Джеймс, сложив руки рупором вокруг рта.

Петра оглянулась. Увидев Джеймса, она заморгала, ее большие голубые глаза были несколько отстраненными.

– Ох, – сказала она. – Привет, Джеймс. Я тебя не заметила. – Она снова повернулась к книжным полкам. – Я не совсем уверена в том, что именно я ищу...

Джеймс наблюдал за тем, как Петра идет по проходу, волоча за собой сумку.

– Что это с ней? – шепнул он Ральфу, когда она вышла за пределы слышимости.

– Не знаю, – покачал головой Ральф.

Роуз грохнула стопку книг на стол и села.

– Неплохо бы получить преимущество на МагЛите, – радостно провозгласила она. – Здесь десять книг, которые, как утверждает учебник, должен прочитать каждый думающий волшебник или волшебница. Я уже прочла четыре из них раньше, но никогда не помешает немного освежить память.

– Эй, Роуз, – перебил ее Джеймс, наклоняясь поближе. – Что творится с Петрой?

– Петрой? – недоуменно повторила Роуз. – Почему с ней должно что-то твориться?

– Всего минуту назад она прошла здесь с таким видом, словно ее сова умерла.

Роуз задумалась на минуту.

– Не знаю. Она выглядела прекрасно сегодня во время обеда, хотя и ушла раньше, когда пришла посылка.

– Какая посылка? – спросил Ральф.

– А, это было уже после вашего ухода, – объяснила Роуз, беря верхнюю книгу из стопки и открывая ее. – Коробку принесла для нее министерская сова. От ее отца, наверно. Она сразу же ушла, думаю, хотела открыть посылку без лишних глаз.

Джеймс наклонил голову.

– С чего бы посылку от ее отца приносить министерской сове?

Роуз вскинула брови.

– Полагаю, потому, что он там работает. Многие люди отправляют личные письма с помощью почты компании. Папа тоже иногда так делает, хотя мама говорит, что он не должен. Подобные вещи ее немного нервируют.

– Может, это были плохие новости из дома, – предположил Ральф.

– Там было больше, чем просто письмо, – ответила Роуз. – Я думала, это сладости от ее мамы, или подарок на день рождения, или что-то еще в этом роде.

Джеймс хмуро посмотрел туда, куда убрела Петра.

– Если сладости от мамы сделали ее такой, то мама Петры должна быть просто отвратительной поварихой.

Неожиданно Роуз оживилась. Она наклонилась вперед и прошептала:

– Я только что столкнулась с Фионой Фоуркомпасс в справочном разделе, и она сказала, что знает, почему уроки Магловедения были отложены до следующей недели!

– Я думал, это из-за того, что профессор Карри еще не вернулась из некоей исследовательской экспедиции. Я, впрочем, полагаю, что это прекрасно. По мне, так она может исследовать хоть весь семестр, – сказал Ральф.

– В некотором роде так и есть, – кивнула Роуз. – Но смысл в том, что именно она исследовала. Она вернулась вчера, а завтра во второй половине дня будет большое собрание всех учащихся, у кого в расписании имеется магловедение, со всех курсов. Она собирается объявить о том, что будет в будущем семестре, и это должно коснуться всех!

Джеймс посмотрел скептически.

– Фиона Фоуркомпасс рассказала тебе это? Откуда она все узнала?

– Она видела профессора Карри сегодня утром рядом с ее кабинетом, – пояснила Роуз серьезно. – Та как раз вернулась из своей поездки и сказала про собрание. По ее словам, занятия во второй половине дня закончатся пораньше, чтобы все смогли прийти.

– Она не упоминала, что это за великие перемены? – спросил Ральф.

Роуз покачала головой.

– Она не сказала, а Фиона не спрашивала. Мне и правда любопытно.

– Ну, – вставил Джеймс, – она играла с нами в футбол в прошлом году, и это действительно было довольно забавно. Может опять будет что-то подобное. Но почему вся школа сразу?

– Это вполне может быть всеобщий футбольный матч, – согласился

Ральф.

Вскоре Джеймс, Ральф и Роуз заметили, что уже довольно поздно. Большинство учеников разошлись, а библиотекарь гасил фонари на опустевших столах. Троица покидала свои книги, перья и пергаменты в сумки и пошла вдоль книжных полок.

– Эй, Роуз, – спросил Джеймс, – ты уже начала домашку по МагЛиту?

– Сочинение по Королю Кошек? Я закончила его в первую очередь. А что?

Джеймс покосился на нее.

– Просто интересно. Это было... трудно?

Роуз закинула сумку на плечо.

– Идет человек по лесу, видит кучу мышей в похоронной процессии, следует за ними, и так далее и тому подобное. Простейшее задание, но потратила на него всю ночь.

Джеймс нахмурился.

– О, ну, хорошо.

– Я немного запуталась, когда дошла до части про скунса, – добавила Роуз, поворачивая к дверям библиотеки.

– Скунса? – переспросил Ральф, моргнув.

– Да. Не могла вспомнить, был ли он перед лестницей или сидел на ней. И я забыла цвет его полосок. Зеленый, верно?

Ральф уставился на нее, затем перевел взгляд на Джеймса. Тот пожал плечами и покачал головой.

Как только они вышли из библиотеки, Джеймс заметил, что кто-то все еще оставался там. За столом в нише одиноко в свете лампы сидела Петра. ее голова была опущена, длинные темные волосы занавесом скрывали лицо.

На столе перед ней лежал крохотный кусочек пергамента. Джеймс задержался, надеясь, что она поднимет взгляд, но она не шевельнулась. Ему было больно видеть Петру в такой печали. Он почти решился было окликнуть ее, но потом передумал. Наверняка он увидится с ней позже в общей гостиной. Возможно, к этому времени ей полегчает.

Джеймс пожелал Ральфу спокойной ночи, когда они разошлись по этажам. Роуз присоединилась к Джеймсу в общей гостиной, где они посидели у камина и некоторое время наблюдали за шумной игрой в

«Складки и сверла». В конце концов, они разошлись по своим комнатам.

Скорпиус уже был в кровати. Он сидел, склонившись над книгой под названием «Вся правда о драконах и охотниках на них». На нем были его очки без оправы, которые каким-то образом придавали ему вид скорее лихой, чем тупой. Он поднял взгляд и посмотрел поверх них, когда Джеймс вошел в комнату.

– Отличная сказка на ночь, – хмыкнул Джеймс.

– Ты бы предпочел «Три глупые карги»? – растягивая слова, произнес Скорпиус, переворачивая страницу, – или, возможно, одну из старых сказочек Ривальвье про твоего папочку?

Джеймс откинул одеяло на своей новой кровати. Слова «ПЛАКСИВЫЙ УБЛЮДОК ПОТТЕР» все еще слабо отсвечивали фиолетовым на ее спинке. Попытки Джеймса удалить их не увенчались успехом. Он натянул свою пижаму и забрался под одеяло, бросив недовольный взгляд на Скорпиуса.

– Слышал, у твоего брата хорошие шансы попасть в команду Слизерина по квиддичу, – заметил Скорпиус, не отрывая глаз от книги.

Джеймс снова сел:

– Ты, гляжу, внимательно следишь за факультетом своего отца, Скорпиус? Он собирается приезжать на матчи? Интересно, за кого он будет болеть? Трудный выбор.

– Как я понимаю, Альбус летал на метле Корсики, – Скорпиус наконец посмотрел Джеймсу в глаза.

Джеймс встретил взгляд Скорпиуса, не зная, что ответить. Скорпиус дразнит его? Или предупреждает?

– Знаю, – наконец признался Джеймс. – Видел его. Ну и что?

– На прошлой неделе мне довелось полетать вместе с милым крошкой Альбусом и твоей кузиной Роуз. Похоже, с тех пор его умение сильно выросло, не так ли?

Джеймс повернулся.

– Тебе-то какое дело?

– Мне все равно, на самом деле, – сказал Скорпиус. – Просто пытаюсь завязать беседу. Ты попытаешься попасть в команду Гриффиндора, как я понимаю?

– Возможно, – ответил Джеймс. – А ты?

Скорпиус ответил не сразу. Джеймс оглянулся через плечо. Скорпиус снова оторвал взгляд от книги.

– Нет, Поттер, – сказал он, вздохнув. – Организованный спорт так... ограничен. Давай будем просто считать, что я предпочитаю использовать мой талант менее очевидным способом.

Джеймс закатил глаза и снова плюхнулся на бок. Скорпиус просто снова пытался задеть его. В этом и состоял его подлинный талант, и, несомненно, Джеймс был его любимой мишенью.

Уже засыпая, Джеймс понял, что Петра так и не появилась в общей гостиной.

На следующее утро Джеймс как раз заканчивал завтракать, когда Нобби пролетел над его головой и бросил письмо на тарелку. Джеймс схватил его и помахал рукой Нобби, вылетевшему в окно вместе остальными почтовыми совами.

Это было на удивление объемистое письмо от Люси.

– Что это? – поинтересовалась Роуз, сидевшая напротив Джеймса.

– Ответ от Люси, – ответил Джеймс, быстро запихивая письмо в свою сумку.

– Так прочти его, – сказала Роуз, потянувшись за очередным кусочком тоста.

Джеймс перелез через лавку и встал.

– Не могу. Мне пора на занятия. Мне надо попасть в Северную Башню. У меня сегодня предсказания.

– Вообще-то, мне тоже туда, Джеймс. У нас еще куча времени.

– Я, эм, оставил домашнее задание в спальне. Лучше пойду захвачу его.

Роуз с подозрением глянула на Джеймса, но он развернулся и убежал до того, как она успела возразить. Он решил пойти круглым путем в направлении Северной Башни, но остановился на пустом лестничном пролете. Он сел на нижнюю ступеньку и достал из сумки письмо Люси. Когда он открыл конверт, он увидел, что пергамент был обернут в сложенную газетную вырезку. Сначала он прочитал письмо.

Дорогой Джеймс,

Спасибо, что написал. Сейчас мы уже дома, где мне очень нравится, но не настолько, чтобы присылать фотографии чего-нибудь

интересного для Роуз, извини. У меня было какое-то предчувствие насчет Альбуса. На самом деле, не думаю, что-то кто-то будет удивлен его попаданию в Слизерин.

Я задумалась: а если вдруг я окажусь там. Было бы это настолько ужасно? Надеюсь, нет. Папа рассказал мне о вашем учителе Дебеллоузе. Кажется, он восхищается им и горд,, что встречался с ним несколько раз. Как ты и просил, я разузнала о Привратнике.

О нем довольно много информации. Нужно только знать, где искать. К счастью, раз уж мы дома, у меня есть доступ к волшебной библиотеке в Ноттинг-Хилл. Мама водит меня туда раз в неделю, хотя она бы умерла, если бы узнала, в каких секциях я побывала, чтобы найти информацию. У Привратника множество имен, и все они довольно жуткие, что вполне логично, если знать, кто он такой.

Древние предания гласят, что Привратник – это Страж между мирами живых и мертвых. Он существует в месте под названием Транзитус Нигило – Пустоте между мирами – и является чисто магическим созданием. В целом, это огромная притаившаяся сущность, не имеющая ни тела, ни очертаний, живущая в абсолютном небытии.

Предположительно, он даже не знает о существовании Земли и людей, потому что слишком высокомерен, чтобы признать наличие других живых созданий, кроме себя. Но самое страшное – то, что называют «Проклятием Привратника». Об этом говорил еще Салазар Слизерин.

Он упоминал о «Страшном суде» над теми, кто предал его. По сути, Проклятие гласит, что однажды Привратник будет вызван неким Послом – волшебником, могущества которого хватит для путешествия в Пустоту. Привратник последует за Послом обратно, и это событие станет началом конца света.

Попав сюда, Привратник будет питаться ужасом и болью, высасывая их из людей, как вампир сосет кровь. Согласно легенде, он будет изучать людей, чтобы понять, как лучше их напугать в больших количествах. Очевидно, что ему придется вселиться в добровольного хозяина среди людей, хозяина, который будет обучен убивать, чтобы доказать свою ценность.

Пророчества утверждают, что хозяином станет дитя трагедии – возможно, имеется в виду сирота, тот, кому нечего терять. Очень, очень страшные вещи. Мне крайне интересно, Джеймс: почему ты об этом спросил? Удивлюсь, если вы изучаете такое в школе. И почему ты хочешь все оставить в тайне? Это очень жуткая древняя магия. Книга, в которой я все прочла, чуть не откусила мне большой палец. Поделишься со мной, ладно? С любовью, Люси.

P.S. Это вырезка из магловской газеты, попавшейся мне, когда я возвращалась из библиотеки. Возможно, это ерунда, но я не могла не обратить на нее внимания после всего, что прочла. Это же никак не связано, как думаешь?

Джеймс медленно сложил письмо, широко раскрыв глаза. На лбу выступил холодный пот. Слова Люси сильно напоминали сказанное Фарриганом, скелетом из пещеры. Но, конечно, не мог же Мерлин действительно быть посланником такого ужасного существа, не так ли? По крайней мере, осознанно.

Но с другой стороны, что, если его долгий поход в Пустоту вызвал того, кого называют Привратником? Джеймс раздраженно покачал головой. Газетная вырезка соскользнула с его колен и упала на пол. Джеймс всмотрелся в нее. По цветам и шрифту он мог определить, что это вырезка из магловского таблоида. Он неохотно поднял ее и развернул. Прочитав заголовок, он состроил гримасу и погрузился в чтение статьи.

*Целую семью терроризировал «Призрачный пришелец–демон»!
Двое сошли с ума!*

Привлекательную своей старомодностью приморскую деревушку Кенсингтон Флэтс в начале лета потрясли слухи о призрачном существе, прозванном местными жителями «созданием из дыма и пепла». Нечто, принимаемое за фантастический призрак, неоднократно было замечено в течение третьей недели мая.

В одном из случаев не менее десятка сельчан заявляют, что были свидетелями явления в «Кольте и задире», небольшом пабе на окраине деревни. Хотя никто из них не захотел общаться с представителями «Взгляда изнутри», однако в более ранних отчетах упоминается, что существо источало «буквально осязаемые ужас и панику,

чувствовалось, как оно распространяет своего рода заразное безумие».

Эти явления завершились в ночь на 17 мая, после того, как существо более трех часов терроризировало дом Герберта Блекера. Соседи утверждают, что слышали загадочные звуки, идущие из дома, а также разного рода дикие крики и странные огни. Мистер Блекер, бакалейщик, вместе с женой и взрослым сыном, Чарли, в это время находился в доме, но соседи, по-видимому, были слишком напуганы, чтобы проверить, в чем дело. На следующее утро все три Блекера были найдены на лужайке перед домом и выглядели они, по словам одного из свидетелей так, словно «их мозги превратились в омлет». Позже их поместили в психиатрическую больницу в соседнем городе Данфиф, там Блекеров описывали как безразличных и находящихся в бреду.

Двадцать четыре часа спустя Чарли Блекер начал реагировать на врачей. Он описал визит существа как вечер невообразимого ужаса.

– Оно как будто препарировало наши мозги изнутри, – рассказывал Блекер. – Мы были словно радио, и оно настраивало нас, стараясь заставить почувствовать худшие ужасы, какие только можно вообразить! Это было чудовищно! Ужасно! Словно оно даже не знало, что мы такое, но не собиралось останавливаться, пока не выяснит!

Мистер Блекер снова соскользнул в бессвязную речь после этого короткого просветления, хотя его состояние кажется удовлетворительным, и велика возможность излечения. Его родители, однако, остаются практически в коме. Профессор Лиам Кирквуд из Департамента Паранормальных Исследований в Университете Северного Хевердауна утверждает, что частота подобных явлений возросла.

– Подобные свидетельства появляются во всех регионах страны и за ее пределами. Скорее всего, это работа враждебных пришельцев, исследующих человечество для своих собственных неизвестных нужд. Мы можем только надеяться, что их цели не так ужасны, как кажется на первый взгляд.

«Взгляд изнутри» будет следить за событиями и освещать их и дальше.

Джеймс медленно сложил газетную вырезку и вложил ее вместе с письмом Люси обратно в конверт. Это не может быть связано, сказал он

сам себе. Это просто газетная утка. Многие из них звучат как сенсации, верно? Пришельцы, монстры и лики святых на подгоревших тостах. Но даже если так, мысль о «существе из дыма и пепла» заставила его вздрогнуть.

А что, если это был Привратник? Что, если он уже явился на Землю, а Мерлин не знает об этом? Или – хуже – знает и повинен в этом? Не может быть. Это слишком ужасно. Джеймс был намерен все выяснить. Он не знал как, но он найдет способ. Решившись, он почувствовал себя чуть лучше. Он положил письмо обратно в сумку, забросил ее на плечо и бежал сломя голову всю дорогу до Северной башни.

– Ну же, ребята, – кричал Кендрик Дебеллоуз, вышагивая вдоль кромки озера. – Октябрь еще не наступил! Вода достаточно теплая. Будет лучше, если вы сразу нырнете. Сделайте все быстро и тут же привыкнете.

Джеймс стоял между Ральфом и Грэхемом, вцепившись пальцами ног в край настила. Вода внизу выглядела холодной и мутной, а его лицо, отраженное в ней – напряженным и встревоженным.

– Не знаю, что хуже, – пробормотал Грэхем сквозь стиснутые зубы, – сама идея прыжков в эту воду или показаться на людях в этом идиотском наряде.

Конечно же, никто из учеников не прихватил с собой купальных костюмов. Дебеллоуз, будучи невыносимо упорным в своей цели, откопал в каком-то чулане очень старые купальные костюмы, принадлежавшие когда-то официальной команде Хогвартса по водной борьбе. Сплошные костюмы до локтей и колен в выцветшую бордово-серую полосу. Посередине груди каждого из них красовалась вышитая эмблема Хогвартса.

– Кто-нибудь вообще слышал о «водной борьбе»? – спросил Ральф.

– О, когда-то она была очень популярна, в стародавние времена –

ответил Грэхем. – У водяных была команда. Вы можете подумать, что они не особо сильны, глядя на них, но я думаю, они были действительно жестоки.

– Ученики надевали это, чтобы бороться с водяными? – сказал Джеймс, глядя на свой слишком большой купальный костюм.

– Да, но водяные иногда жульничали, – пояснил Грэхем. – Все прикрыли после того, как капитан водяных спрятал гриндилоу под накидкой. Он собирался натравить его на своего соперника и утащить его на дно.

На траве на краю озера девочки со второго курса предположительно должны были попарно отрабатывать упражнения на улучшение рефлексов, размахивая палками с затупленными наконечниками. Сейчас же, впрочем, большинство из них оставило это занятие, собравшись в группки, часть из которых беззастенчиво глазела на мальчиков, а другая откровенно зевала. Дебеллоуз не обращал на них никакого внимания.

– Это же так просто, ученики, – взывал Дебеллоуз. – Прыгаете, плывете до буйка, огибаете его и плывете обратно к причалу. Это только кажется, что плыть далеко, но я вас уверяю – это вполне выполнимо. Я сам проделал это шесть раз этим утром. Весьма бодрит! Ну, есть еще кто-нибудь, кто не знает как плавать?

Мальчики мрачно смотрели перед собой, никто не осмеливался поднять руку. Несколько минут спустя друг Ральфа Трентон Блоч признался, что он не умеет плавать. Джеймсу это показалось неплохим способом избежать погружения в мрачное озеро. Но даже это не спасло Трентона, Дебеллоуз подготовил пару резиновых надувных нарукавников.

К ужасу Трентона, Дебеллоуз сам надул нарукавники, а затем натянул их на руки мальчика. Трентон несчастно стоял на самом краю настила, широко раскинув руки. Парочка девчонок на берегу хихикала, глядя на него.

– Это испытание воли, друзья мои, – провозгласил Дебеллоуз. – В Харриерс мы не только учились плавать на расстояние, но и тренировали водный бой против всех видов водных чудовищ, от Снарракада до Визжащих Угрей. Сейчас мы не будем пытаться провести какие-либо бои, но мы можем ввести в программу «Болотный

сорняк» позже, весной, если профессор Долгопупс сможет вырастить достаточно одомашненный гибрид. А сейчас просто получайте удовольствие от плавания. Итак, раз... два... – Дебеллоуз поднял свою палочку, направив ее в небо, и счастливо улыбнулся. – Три! – закричал он, из его палочки раздался громкий треск.

Мальчики, толкаясь и скользя, вразнобой попадали в воду. Их всплески сопровождались хором стонов и жалоб.

– Здесь еще есть водяные? – прошипел Ральф сквозь зубы, опускаясь в холодную черную воду.

Джеймс кивнул.

– Но папа говорил, что об этих русалках можно не беспокоиться.

– Замечательно, – задохнулся Ральф, погружаясь по подбородок и стараясь не захлебнуться. Он храбро бросился в рывок брассом, направляясь к оранжевому бую, находящемуся в пятидесяти ярдах впереди. Джеймс последовал за ним.

Ральф оказался на удивление хорошим пловцом, к тому времени как Джеймс обогнул буй, по привыкнов к воде, Ральф уже выбирался по лестнице на настил. Дебеллоуз схватил его за руку и поднял ее вверх, одобрительно кивая.

Джеймс завершил свой круг и схватился за гладкую слегка обросшую водорослями лестницу. Нечаянно проглоченная вода озера вызвала тошнотворное ощущение в животе, когда он поднялся наверх. Спотыкнувшись, он выбрался на доски настила и присоединился к Ральфу и Грэхему. Все трое дрожали, вода струйками стекала с их крупногабаритных купальных костюмов.

– Живей, живей, Блоч! – прогремел Дебеллоуз, приложив руки ко рту. – Представь, что тебя преследует шлакобрюх. Ведь это вполне может случиться! Я слышал, их иногда встречают на другой стороне озера. И, насколько мне известно, их привлекают брызги.

– Профессор Дебеллоуз, – произнес чей-то голос. Джеймс обернулся, его зубы стучали. На набережной, ведущей к замку, стояла профессор МакГонагалл. Она бросила на них быстрый взгляд, но сумела сохранить серьезное выражение лица. – Все ученики обязаны быть в амфитеатре через пятнадцать минут. Вам было сообщено заранее, что сегодняшней урок должен быть сокращен.

– Мы уже почти закончили, мадам, – рявкнул Дебеллоуз, похлопав

Ральфа по плечу. – Думаю, мы прибудем даже раньше вас, если только вы не будете очень спешить. – Он обернулся, обращаясь к мальчикам, стоявшим на причале. – Вы слышали слова профессора! Подберите свою обувь и выстройтесь в линию. Я высушу вас, когда будете проходить мимо, затем мы все совершим пробежку вокруг амфитеатра. После этого сможете переодеться.

Дебеллоуз извлек свою палочку и направил ее на Джеймса, стоявшего ближе всех. Из ее кончика вырвалась струя горячего воздуха, окатившая Джеймса с ног до головы. Мгновение спустя он был совершенно сухим. Его волосы торчали дыбом, словно зубцы короны.

– Нам что, придется идти в этих дебильных костюмах на собрание? – недоверчиво спросил Джеймс.

– Они вполне приличные, мистер Поттер, – пренебрежительно ответил Дебеллоуз. – Пожалуй, даже стильные, если вас интересует мое мнение. Ученики, не будем зря терять время. Амфитеатр находится рядом с восточным валом. Давайте подадим пример и явемся на место раньше других классов, верно? А теперь, бегите, друзья мои! И мистер Блоч! Вы завершите свой заплыв самостоятельно или мне послать мистера Дидла за вами?

К тому времени, как Джеймс достиг входа в амфитеатр, он вспотел и запыхался. Большинство других учеников уже собрались, их голоса звенели в естественной акустике помещения.

Джеймс скривился, глядя на сотни фигур в мантиях, толпящиеся вокруг. Остаться незамеченным в безразмерном полосатом купальнике было почти невозможно. Джеймс и Ральф съежились у стены, безуспешно пытаясь спрятаться друг за другом. Первым их заметил Скорпиус. Он ухмыльнулся, проходя мимо с группой первокурсников–гриффиндорцев. Кемерон увидел Джеймса и заулыбался. Его улыбка стала несколько озадаченной, когда он увидел, во что одет Джеймс.

– Я не вижу ни одной девочки со второго курса в купальнике, – прокомментировала Роуз, скользнув взглядом по Джеймсу. – Защита от Темных Искусств, я полагаю?

Джеймс кивнул.

– Все в порядке. Дебеллоуз сказал, что это, пожалуй, даже стильно. Пойдем, давайте найдем места.

Последний раз Джеймс был в амфитеатре в прошлом году, в ночь первых общешкольных дебатов. Это было довольно неприятное событие, во время которого Табита Корсика со сцены объявила, что Гарри Поттер – мошенник и лжец. Всеобщий бунт был предотвращен своевременным, хоть и немного абсурдным фейерверком, который устроили Тед Люпин и Гремлины. Теперь, при дневном свете, в амфитеатре было довольно весело.

Огромные ступени были почти пусты, двое мальчиков – старшекурсники Когтеврана, одетые так же как Джеймс, поднялись из оркестровой ямы. Они поклонились и, стоя на краю сцены, начали корчить рожи, пыхтеть и фыркать на толпу. Раздались разрозненные аплодисменты и улюлюканье, а потом профессор МакГонагалл прогнала мальчиков обратно на их места.

Как только Джеймс, Ральф и Роуз проскользнули в ряд, Ной Мецкер прокомментировал с соседнего места:

– У вас двоих интересный выбор одежды. Полосы кричат «Азкабан», но вырезы кричат «прогулочный двор».

– Ха-ха, – проворчал Джеймс. – Ты будешь следующим, Мецкер.

– На самом деле, нам уже довелось поплавать в озере, – серьезно ответил Ной. – Но подождите лучше до шестого курса. Дебеллоуз начнет пучками швырять в вас Жалящие Заклинания с берега. Предполагается, это научит вас «психической дисциплине преодоления боли».

Дэмьен мрачно кивнул.

– Все, чему я научился, так это преодолевать непреодолимое желание вывернуть ему уши наизнанку.

Джеймс обратил внимание, что Петра сидела отдельно от остальных Гремлинов. Она выбрала место в конце прохода на несколько рядов ниже. ее глаза невидяще смотрели на подмости.

Наконец профессор Тина Карри вскарабкалась по ступенькам на площадку. Поверх ее мантии на ней красовался голубой плащ в спортивном стиле. ее вьющиеся волосы были стянуты в тугий пучок.

– Приветствую вас, ученики, – провозгласила она, прикоснувшись кончиком палочки к горлу. ее усиленный голос эхом раскатился под сводами амфитеатра. Шум от болтовни учеников начал утихать.

– Спасибо за то, что пришли на этот довольно необычный первый

урок, – продолжила Карри. – Поскольку у большинства из вас в этом семестре будут занятия по магловедению, я подумала, что нам всем доставит удовольствие собраться на первом уроке всем вместе.

Как известно большинству из вас, меня зовут Тина Карри, я преподаватель магловедения, и целью этого предмета является научить вас понимать, как устроен мир маглов. Это необходимо всем по ряду причин, основной из которой является то, что, в результате, будучи ведьмами и волшебниками, нам необходимо много знать о мире маглов, при этом сохраняя свое существование в тайне. Поэтому нам необходимо изучать мир маглов настолько подробно, насколько это возможно, чтобы в случае необходимости не привлекать ничего внимания и успешно работать в этой среде.

Кроме того, все мы люди, и наши различия не должны порождать предрассудков. Таким образом, упражняясь на наших занятиях, вы сможете погрузиться в мир маглов, используя некоторые их гениальные инструменты и методы, с помощью которых они компенсируют отсутствие у них магических способностей. Как многие из вас помнят, в прошлом семестре мы играли в магловскую спортивную игру под названием «футбол» с помощью одних только своих ног и незачарованного мяча.

В этом семестре мы попробуем кое-что посложнее. Проект потребует сотрудничества между классами. У каждого из нас будут свои особые обязанности, которые он будет выполнять безо всяких заклинаний, зелий и чар. Ученики, в этом семестре мы подготовим театрализованное представление знаменитой волшебной пьесы «Триумвират».

Волна разговоров прокатилась по рядам собравшихся. Джеймс не мог сказать, была ли общая реакция положительной или отрицательной.

– О чем это она? – спросил Ральф.

Роуз заговорила шепотом:

– Это история о любовном треугольнике между молодой принцессой–волшебницей по имени Астра и двумя магами, Треем и Донованом. Донован старше и богаче, Трей – младше, командир королевской армии. Я смотрела ее с мамой, когда была еще маленькой. У нее огромный актерский состав. Должно быть интересно.

Хэвлок Баумгартен, один из слизеринских загонщиков, поднялся со

своего места в первом ряду и поднял руку:

– Профессор Карри, «Триумвират» – это классическое волшебное произведение, – сказал он своим вежливым вкрадчивым голосом, – оно основано на использовании магии.

По сюжету героиня летает, присутствуют воображаемые фантомные армии, и в конце мы наблюдаем потопление галеона Трея в урагане. Как вообще можно ожидать, что мы сумеем воспроизвести эту историю такой, какой она должна быть, используя только магловские методы?

– Обоснованное беспокойство, мистер Баумгартен, – ответила Карри. – И все же, я только что вернулась из турне по лучшим театральным постановкам мира маглов и должна сказать, что абсолютное мастерство и изобретательность этих представлений поразили даже меня. Думаю, вам будет интересно узнать, что даже маглы обращаются к «магии» в театре.

Из толпы раздался голос Виктуар:

– Но как Астра будет летать без левитации?

– Вас очень удивит, мисс Уизли, чего можно достичь при помощи веревок и подъемных блоков, – улыбнулась Карри. – В целом, думаю, вас всех поразит, какое количество повседневной «магии» творят краски, костюмы, реквизит, освещение и бесчисленное количество рабочих–постановщиков.

Поэтому я и попросила школу включить все классы в столь масштабное предприятие. Учитывая общее количество команд и необходимых навыков, можно уверенно сказать, что каждый из нас сыграет важную роль в постановке. Я, конечно, буду режиссером. Мы покажем только один спектакль, в этом самом амфитеатре, в последнюю неделю семестра. Будут приглашены ваши родные. Я уверена, что этот вечер запомнят все.

Собравшиеся вновь зашептались, обсуждая столь необычный план. Профессор Карри откашлялась.

– С этой целью, – сказала она, пытаясь перекричать шум, – в зале рядом с амфитеатром я повесила пергаменты для записи. Любой желающий может попробоваться на роль. Прослушивания будут проходить во время наших занятий, и роли будут распределены в конце следующей недели.

Те, кто не захочет выступать на сцене, могут записаться в оркестр, отдел реквизита, костюмерную мастерскую, осветители, технический персонал и так далее. Уверена, каждый найдет область, в которой захочет трудиться. А теперь позвольте мне первой поприветствовать вас в мире театра! Собрание окончено, поэтому у вас достаточно времени, чтобы рассмотреть все варианты и записаться, куда пожелаете. Всем спасибо, хорошего вечера.

Когда собравшиеся потянулись к огромной арке замка, Роуз сказала:

– Ты должен попробовать на роль, Джеймс. Ты высокий для своего возраста. Уверена, ты мог бы сыграть Трея.

Джеймс поморщился:

– Ни за что.

– Почему нет? – настаивала Роуз. – Только не говори, что ты боишься выйти на сцену перед всеми.

– Нет, – чуть покраснев, ответил Джеймс. – Просто это глупо. То есть, если бы мы ставили «Последний штурм Кьеркенгарда», я бы записался. В конце концов, в той истории есть сражения на шпагах и взрывы. Я думал скорее о техническом отделе.

– Ага, – согласился Ральф. – Я собираюсь записаться или туда, или в отдел реквизита. Будет интересно. В детстве я смотрел эту пьесу в Лондоне. Она была обалденной. Всегда думал, что было бы здорово поработать за кулисами.

– А я попробуюсь на роль Донована, – заявил Ной. – У меня уже есть этот взрослый, загадочный хитрый взгляд. Успех мне обеспечен.

– Жаль, что Теда нет, – заметила Сабрина. – Ему бы понравилось. Интересно, как у него дела с тренировками по квиддичу.

– Мы увидимся с ним в Хогсмиде на этих выходных, – сказал Дэмьен. – Есть идея встретиться в «Трех метлах».

– Если только Уизли отпустят его с работы, – вставил Ной. – Слышал, Джордж заставляет его работать как лошадь. Впрочем, Тед не жалуется. Ему платят проценты, ведь он как живая реклама, верно?

Толпа учеников собралась около арки вокруг пергаментов со списками. Роуз направилась в дальний конец коридора.

– Собираюсь записаться на роль Астры, – заявила она. – Возможно, шансов мало, но я всегда смогу пойти в костюмеры, если не получится.

Ральф протиснулся в толпу, направляясь к списку для записи в отдел реквизита. Джеймс посмотрел другу вслед, и затем изучил ближайшие пергаменты. Толпа стала наконец расходиться: большинство учеников направились на ужин. Джеймс огляделся в нерешительности.

Убедившись, что никто не видит, он проскользнул к списку актеров. Присмотревшись, он нашел нужный пергамент и, схватив перо, висевшее тут же на веревочке, вписал свое имя в список, озаглавленный «ТРЕЙ».

Полная глупость, уверил он себя. Ему никогда не получить роль. Просто шутка, вызов самому себе. И все же было что-то захватывающее и головокружительное в самой мысли играть главную мужскую роль. Но он не мог в этом признаться Роуз или Ральфу. Если по какой-то замечательной счастливой случайности он получит роль, те, вероятно, узнают о его тайном желании.

С другой стороны, если нет, то никто и не узнает, и это тоже хорошо. Прежде чем уйти, Джеймс быстро просмотрел остальные имена. Он был почти уверен, что обнаружит в списке имя Скорпиуса. Его не было, и Джеймс почувствовал себя глупо из-за того, что искал его там.

Джеймс, стараясь вести себя максимально непринужденно, побрел к группе, все еще толпившейся у списков технического персонала. Ральф только что вписал туда свое имя.

– Записался в технический персонал и отдел реквизита, – сказал он.
– Надеюсь, смогу быть в обоих. Куда ты записался, Джеймс?

Джеймс закончил вписывать свое имя на пергаменте со списком технического персонала. Он обернулся, сохраняя невозмутимое выражение лица, и демонстративно помахал пером, прежде чем позволить тому повиснуть.

Ральф кивнул и улыбнулся.

– Тогда, возможно, будем работать вместе. Трентон и Битлбрик тоже записались сюда. Он не так уж плох, если не обсуждать с ним квиддич. Ты не обратил внимания, куда записался Альбус?

Джеймс отрицательно покачал головой. На самом деле, он вообще не заметил брата на собрании.

– Мы можем спросить его за ужином, – ответил Джеймс. – Пойдем.

Это был не первый раз, когда Джеймс сидел за столом Слизерина. В предыдущем году он часто присоединялся к Ральфу и Зейну во время приемов пищи под зелено-серебряным знаменем. Однако только теперь он понял, как хорошо было иметь озорного американского друга-когтевранца возле себя в подобных ситуациях.

Ему не удалось бы найти свободное местечко возле Альбуса, по-прежнему сохранявшего популярность среди своих сокурсников, так что Джеймс нехотя уселся на дальнем конце стола рядом с Ральфом и Трентоном Блочем.

За ужином Джеймс был рассеянным. Его раздражало, что пришлось зайти так далеко, чтобы привлечь внимание младшего брата. Все должно быть наоборот, разве нет? Альбус очень доверчивый. Он верил, что слизеринцев привлекает в нем остроумие и личные качества, но Джеймс знал, что те просто его используют.

Поттер среди слизеринцев – своего рода моральная победа для Табиты Корсики и ее дурацкого клуба «Клык и Когти». Джеймс хотел предупредить Альбуса, что дружба слизеринцев не была искренней, а еще он был зол на брата за то, что тот так легко дал себя обмануть.

Альбус наконец встал из-за стола в сопровождении старшекурсников, которые, похоже, всегда вертелись рядом с ним. Джеймс, отодвинув тарелку, тоже поднялся, собираясь нагнать Альбуса у дверей.

Он хотел предупредить его насчет метлы Табиты и не только. Альбус слишком легко принял свое распределение на Слизерин, и Джеймсу казалось это предательством семьи. Стиснув зубы, он направился к двери, чтобы перехватить там удаляющихся слизеринцев.

– Джеймс, – раздался голос. Он обернулся и замер. К нему, мило улыбаясь, шла Табита Корсика. Видимо, она не стала провожать Альбуса. Джеймс молча смотрел на нее.

– Рада, что ты по-прежнему ужинаешь за столом Слизерина, – тепло улыбнулась Табита. – После прошлогоднего... недоразумения. Рада, что ты поддерживаешь межфакультетские отношения.

Джеймс покачал головой: в нем рос гнев.

– Плевал я на это, Табита. Нет никаких «межфакультетских отношений». Просто потому что Ральф – мой друг, я не собираюсь одобрять все, что задумала ты со своими приспешниками. еще не забыл

дебаты.

– Также как и я не забыла, как ты в прошлом году пытался стащить мою метлу перед матчем, – Табита кокетливо захлопала ресницами. – Но что было, то было. Я думала, ты будешь вести себя по-другому, учитывая произошедшее.

– Учитывая, что Альбус оказался в Слизерине назло Скорпиусу? – выпалил Джеймс. – Он не знает, что творит. А ты им пользуешься.

Табита слегка нахмурилась:

– Жаль, что ты так думаешь, Джеймс. Мы считаем, что Альбус отлично вписался к нам. Он рассказывал, что ты накануне наблюдал за его замечательной тренировкой, и, должна тебе сообщить, я этому рада. Там не было никакого обмана. Альбус очень талантливый. И он станет ценным членом слизеринской команды по квиддичу. И раз уж ты упомянул Скорпиуса Малфоя, я думала, что сама факт его распределения докажет тебе то, о чем я постоянно твердила.

Джеймс глянул на дверь. Альбус шел не оборачиваясь.

– Какое отношение ко всему этому имеет Скорпиус? – спросил он.

– Ну, – приподняв брови, ответила Табита. – Скорпиус также нарушил семейную традицию, выбрав мужество и доблесть вместо амбиций, таким образом доказав, что достоин Гриффиндора.

Или Слизерин изменился, перестав быть факультетом жадности и продажности, как во времена его отца. В любом случае... – она улыбнулась, ожидая, пока Джеймс переключит все свое внимание на нее, – это доказательство того, что Распределяющая Шляпа знает свое дело. Твой брат в Слизерине только потому, Джеймс, что он здесь должен быть. Искренне надеюсь, что ты перестанешь без конца в это вмешиваться.

– Он мой брат, – возразил Джеймс. – И я буду вмешиваться всегда, когда посчитаю нужным.

– Я тебе не угрожаю, Джеймс, – в ее голосе больше не слышалась улыбка. – Я оказываю тебе честь, предупреждая об этом. Твой брат особенный. И вполне возможно, что мы, слизеринцы, – единственные, кто смог это увидеть. У Альбуса есть предназначение. Говорю тебе как другу: если кто-то попытается встать на пути этого предназначения, даже ты, он сделает это на свой страх и риск.

Джеймс всмотрелся Табите в лицо. Она говорила на удивление

искренне, но все же было чрезвычайно трудно поверить ей.

– Что, по–твоему, ты знаешь о судьбе Ала?

Табита слегка улыбнулась:

– Об этом расскажет он, если захочет. Но, полагаю, он пока и сам этого не понял. Мой тебе совет, Джеймс: наблюдай и жди. И наслаждайся успехом брата. На твоём месте он бы так и поступил.

На этом Табита развернулась – её мантия изящно взметнулась – и покинула Большой зал.

Глава 7. Амсера Церф

После ужина Джеймс в сопровождении Ральфа и Роуз отправился в общую гостиную Гриффиндора. По пути он пересказал им разговор с Табитой и тревожное заявление о потенциале Альбуса, что, впрочем, их совсем не впечатлило.

– Она всегда так говорит, – пренебрежительно ответил Ральф. – Даже некоторые слизеринцы склонны считать ее королевой драмы.

– Кто–то, кроме тебя и Трентона? – подняв брови, спросил Джеймс.

– Похоже, им действительно нравится Альбус, – заявила Роуз, пролезая в проем за портретом. – Может, это правда. Может, Альбус – избранник судьбы. Видно, это наследственное, как темные волосы и талант в квиддиче.

– Не смешно, – ответил Джеймс, но все же улыбнулся.

– Тебе стоит сходиться со мной в гостиную Слизерина, – предложил Ральф. – Сам посмотришь, как Альбус со всеми ладит. Честно говоря, он отлично вписался. И ты перестанешь волноваться.

Втроем они пересекли многолюдную общую гостиную и присоединились к Ною, Дэмьену и Сабрине, сидевшим на диванах в дальнем углу.

– Мы только что о тебе говорили, Джеймс, – заявил Ной, похлопав по диванной подушке рядом с собой. Джеймс плюхнулся на диван, довольный тем, что оказался в кругу друзей.

– У нас есть идея, – мудро изрекла Сабрина, постукивая по своему носу.

– Нам снова придется что–нибудь сотворить с окном Геракла? – спроси Ральф, ухмыляясь. – Это был большой удар, даже для Слизерина. Филч так и не смог до сих пор привести окно в порядок. Лицо Геракла за ночь снова превращается в лицо Малфоя.

– Дело вот этих рук, – гордо сказал Дэмьен, шевеля пальцами.

– Нет, это кое–что получше, – ответил Ной, наклоняясь вперед и понижая голос. – Это связано с ходячей катастрофой Дебеллоузом, который уже всех достал. Слово человек должен быть не столько умным, сколько физически подготовленным, я имею в виду, что сражение с Темными Искусствами не всегда требует реальных боевых

действий. Но все эти занятия без заклинаний для подрастающего поколения сверхмерны. И поэтому мы подумали...

– Такое ведь уже бывало раньше! – сказала Сабрина, хлопая Джеймса по плечу.

Джеймс оглядел Гремлинов.

– Я что-то отстал от вашей мысли, – признался он.

– Вспомни времена твоего отца, – ответил Дэмьен, закатив глаза. – Эпоха Ужасной Амбридж. Не говори мне, что мы знаем о школьных подвигах твоего отца больше тебя.

– Это меня бы не удивило, – ответил Джеймс, криво ухмыляясь. – Кажется, я еще не читал ни одной правильной книги об этом.

Роуз раздосадованно вздохнула.

– Амбридж была учителем по ЗОТИ, – объяснила она. – Она не обучала их полезным защитным заклятьям потому, что была марионеткой Министерства в то время, когда Министерство пыталось пресечь любые слухи о том, что Сам Знаешь Кто вернулся, – она произнесла эвфемизм с явным сарказмом.

– Я помню, – наконец ответил Джеймс, кивнув. – Но это совсем не то же самое, что Дебеллоуз.

– Это фактически то же самое. Так что наш план примерно такой же как тогда, – перебила Джеймса Сабрина.

– Ну, нет, – покачал головой Джеймс. – Ни за что. Я не буду создавать новую армию Дамблдора. Только прошлой ночью я говорил Кэмерону Криви, что я не мой отец. Я не хочу, чтобы люди думали, что я пытаюсь повторить все его старые приключения.

– Не бойся, – сказал Ной, приобнимая Джеймса за плечо. – Никто не будет так думать. Кроме того, мы не можем использовать это название.

– Согласен, – заметил Дэмьен. – Слишком старо-школьное. Может, «Армия Мерлина»?

Сабрина покачала головой.

– Слишком похоже. Может просто «Реальное ЗОТИ»?

– Слишком длинно и слишком напыщенно, – ответил Дэмьен.

– Слушайте, – прервал их Ной, – название не так важно. Суть в том, что ты должен много всего знать по этому вопросу. Если это будет не так, кто-то старше и образованнее нас все перехватит. Ты должен взять

все в свои руки.

– Но я не могу никого учить! – воскликнул Джеймс. – Я сам почти ничего не знаю!

– Значит, ты должен найти кого–нибудь, кто тебя научит, – пожал плечами Ной

– Почему бы вам троим этим не заняться? – выпрямился Джеймс.

– Не получится, – сказал Дэмьен так, словно это было само собой разумеющимся. – Какими бы великими и вдохновляющими мы ни были, мы не учителя. Ты слышал о мышечной памяти? Это означает, что моя рука знает, как бросить заклятье Экспеллиармус, но мой мозг больше не участвует в этом. Это все равно, что пытаться объяснить как ходить. Это уже как вторая натура. Нет, тебе нужен настоящий учитель, кто–то типа твоего папы с настоящей армией Дамблдора.

Джеймс повернулся к Ральфу и Роуз.

– Разве вы не должны в два голоса утверждать как глупа и безрассудна эта идея?

– На самом деле, – задумчиво сказала Роуз, – я думаю, это совсем не плохо. Я имею в виду, что на уроках Дебеллоуза мы и правда не изучаем ничего полезного. Особенно девочки.

– И если по–честному, – добавил Ральф, – то мне нужна вся помощь, которую я смогу получить по защитной магии. Это та область знаний, которую я на самом деле никогда не понимал.

– Хорошо, – неохотно согласился Джеймс. – И все же, это может навлечь на нас беду.

– Не понимаю почему, – заметила Роуз. – Существует множество внеклассных занятий и кружков. Это ведь не времена наших родителей, когда Амбридж запретила вообще кому бы то ни было практиковать защитные заклинания. Это может быть полностью санкционированный школьный кружок. Все, что нам нужно сделать – это получить разрешение директора. Ты можешь попросить, Джеймс. Мерлин твой должник, в конце концов.

Джеймс взглянул на Роуз. Она пожала плечами.

– Остается еще одна проблема, – сказал Ральф. – Кто будет нас учить?

– Нужен кто–то с хорошими базовыми знаниями в защитных искусствах, – сказала Сабрина. – Прирожденный лидер и учитель, с

опытом участия в настоящих битвах.

У Джеймса возникла идея. Он распахнул было глаза, а затем снова медленно повалился на диван.

– Что? – спросила Роуз, нахмурившись.

– Я просто подумал про идеального учителя, – печально ответил Джеймс.

– Так в чем проблема? – спросил Ральф.

– В том, – криво усмехнулся Джеймс, – что он никогда на это не согласится.

Роуз прищурилась, а через мгновение понимающе улыбнулась.

– Кто? – спросил Ной.

– Не могу сказать, – ответил Джеймс. – Но если мы сможем его на это уговорить, я дам вам знать.

Гремлины немного обиделись из-за такой скрытности Джеймса, но удовлетворились тем, что их идея была одобрена. Спустя какое-то время группа распалась, и в темном углу остались только Джеймс, Ральф и Роуз.

– Думаешь, Седрик сможет это сделать? – спросила Роуз, понизив голос.

– О! – воскликнул Ральф, хлопнув себя по лбу. – Я знал, что должен был догадаться, о ком вы оба подумали.

– Все, что мы можем сделать, так это спросить его, – ответил Джеймс. – Люди говорят, что он обладал врожденными лидерскими качествами. Он был достаточно хорош, чтобы попасть на Турнир Трех Волшебников и пройти через все испытания, так что у него достаточно опыта.

– И с его точки зрения все это было недавно, – согласилась Роуз.

– И где мы его найдем? – спросил Ральф. – В прошлом году он просто являлся, когда хотел. Мы до сих пор не знаем, где он обитает.

Джеймс внимательно посмотрел на Ральфа, размышляя.

– На самом деле, у меня есть идея на этот счет.

– Сначала мы должны спросить директора, – сказала Роуз. – Таким образом, мы не побеспокоим Седрика, если не будем уверены. Давайте пойдем все вместе завтра, после обеда. Так мы сможем обсудить, как лучше подать эту идею.

Джеймс кивнул.

– Полагаю, звучит не плохо.

– Ты думаешь – это плохая идея? – спросила Роуз, наклоня голову на бок.

– Нет, я считаю – это хорошая идея, – признался Джеймс. – Мне просто неприятна мысль о том, что это выглядит, словно я пытаюсь повториться. Знаете, сделать все как мой отец. Как я и сказал Кэмерону, я не еще один парень со шрамом–молнией на лбу.

Роуз изучающе посмотрела на Джеймса.

– Тогда почему ты постоянно трешь его?

Джеймс опустил руку, только сейчас осознав, что он и правда трогает свой лоб.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты постоянно трешь свой лоб последние несколько дней, – пояснила Роуз. – Выглядишь словно галантерейщик, рекламирующий шляпу от головной боли.

– Это так, – согласился Ральф, кивнув. – Может тебе стоит носить очки чаще и дольше, если без них у тебя болит голова.

Джеймс разозлился.

– Это не мои чертовы очки. Я не знаю, в чем дело. Я просто почесался и все.

– У тебя постоянно чешется лоб? – моргнул Ральф.

– Не постоянно, – ответил Джеймс. Он взглянул на Ральфа и Роуз. – Так ведь?

Роуз выглядела немного озабоченной.

– Может, тебе стоит сходить в госпитальное крыло, чтобы мадам Курио тебя осмотрела, Джеймс?

– Это последнее, что мне нужно, – ответил Джеймс, усмехнувшись. – Ничего страшного, правда. Я едва это замечаю. Хотя это и кажется немного странным.

– Ты просто слишком много об этом думаешь, – рассудительно заметила Роуз. – Никто не ожидает от тебя, что ты станешь своим отцом. Не зацкливайся на этом.

Джеймс согласился, он надеялся, что Роуз права. Затем, когда он пожелал ей спокойной ночи и направился вверх по лестнице, он все время размышлял о фантомном зуде своего лба. Он действительно не задумывался об этом раньше, но теперь заметил, что это действительно

несколько странно – когда лоб постоянно чешется в том же месте, где был знаменитый шрам его отца. Нет смысла спрашивать об этом у Мадам Курио. Иначе наверняка Кэмерон Криви будет ожидать, что он начнет испускать фейерверки из задницы, а Скорпиус Малфой не преминет проехаться по поводу его мании величия. Последнее, что ему нужно, так это слухи о том, что у Джеймса Поттера чешется воображаемый шрам–молния. Особенно в свете возникновения клуба, изрядно напоминающего папину Армию Дамблдора.

Уже ложась в постель, Джеймс вдруг понял: если бы не разговор с Табитой Корсикой и чувства беспокойства и раздражения, которые остались после него, он бы не согласился так легко на создание нового клуба З.О.Т.И. После ее слов он чувствовал себя ничтожным и смехотворным, но идея организовать новый Клуб Оборона вернула ему ощущение значимости. Достаточно ли это веский повод? Он надеялся, что затея хорошая, но, на самом деле, не был до конца в этом уверен. Существует еще два препятствия, которые придется преодолеть, чтобы открыть клуб. Первое – разрешение Мерлина, второе – найти Седрика и попросить обучать их. Если оба откажут, то никакого клуба не будет. Джеймсу казалось, что шансы на это довольно высоки. Размышляя таким образом, он закрыл глаза и уснул.

Серый, влажный день встретил Джеймса, Роуз и Ральфа, когда они доели свой ланч и вышли поблуждать по школьной территории. Это был один из тех странных дней ранней осенью, когда еще достаточно тепло, чтобы не надевать куртку, но уже слишком влажно и прохладно, чтобы идти без нее. Роуз поежилась в джемпере, когда Джеймс и Ральф бросали камни в озеро, любуясь брызгами.

– Думаю, мы должны просто спросить у него напрямую, – сказал Ральф, держа камень на тыльной стороне ладони. – Как ты, Роуз, говорила прошлым вечером, у него нет причин отказать.

– Это то, что я думала тогда, – ответила Роуз. – Но это было

прошлым вечером.

Джеймс оглянулся на нее. – Многое изменилось, да?

– Прошлой ночью я поздно легла, я читала, – сказала Роуз. – Я хотела просмотреть наперед некоторые книги по МагЛиту, которые предлагаются в учебнике, как я и говорила тебе в библиотеке.

– Ты точно не теряешь времени зря, – отозвался Ральф.

– Так случилось, что я люблю читать. Кроме того, не удивительно, но имя нашего директора изредка встречается в тех книгах, и я подумала, что стоит чуть лучше узнать его историю, прежде чем говорить с ним.

Ральф опустил отведенную руку и, щурясь, посмотрел на небо:

– Так странно. Я был там, когда все случилось, но при этом постоянно забываю, что наш директор – знаменитый Мерлин из старинных мифов и легенд. Как-то сложно это осознать, верно?

– Говорила вам: многих тревожит, что Мерлин Амброзиус – директор Хогвартса, – многозначительно заявила Роуз. – И я выяснила почему. В старых книгах королей о нем множество историй. И почти невозможно понять, какие из них выдуманые, а какие могут оказаться реальными, но если хотя бы крохотная часть их правдива, это тревожный знак.

– Например? – спросил Джеймс, рассматривая большой камень на берегу озера.

– Например, короли нанимали его, чтобы он накладывал проклятия на целые армии. Необязательно плохие армии, просто любые, которые не нравились любому богатому королю. Не раз бывало так, что когда Мерлин добирался до армии, за проклятие которой ему заплатили, к нему посылали людей и платили больше, чтобы он вернулся и проклял короля, нанявшего его. И он делал это.

– По-моему, весьма практично, – произнес Ральф, обеими руками поднимая камень. Он упал неподалеку, намочив обувь и ему, и Джеймсу.

– Не смешно, Ральф, – возразила Роуз. – Он был волшебником–наемником. Такому человеку неведома преданность. Некоторые армии, которые он проклял... были полностью уничтожены, иногда еще до битвы! Их настигали наводнения, ураганы, даже землетрясения, во время которых земля могла разверзнуться прямо под лагерем армии и

поглотить всех.

– Этого не может быть, – заговорил Джеймс. – В смысле, Мерлин, конечно, могущественный, но никто не умеет так делать.

– Ты забываешь, откуда Мерлин получает силу, – Роуз как будто готовилась к подобному аргументу. – Если верить легендам, Мерлин может использовать силу природы. Мы видели, что он делал в ту ночь, когда взял нас забирать свои вещи. Природа огромна, а в те времена, с неразвитой цивилизацией, была еще огромнее. Кто знает, на что способен такой волшебник.

Ральф вытер руки о джинсы:

– Не думаю, что «огромнее» – подходящее слово.

– Не надо меня поправлять, – сказала Роуз, переводя взгляд с Джеймса на Ральфа. – Почему ни один из вас не воспринимает это всерьез?

– Потому что, как я уже говорил, мы были там, Роуз, – ответил Ральф. – Мы видели человека, явившегося из раннего средневековья. И работали с ним после. Он помог нам избавиться от магловского репортера, который собирался раскрыть существование мира волшебников. И превосходно справился. Может, в прошлом он и был неуправляем, но теперь он изменился, разве нет? Он пытается стать хорошим, и, кажется, неплохо справляется.

– Ну, – продолжила Роуз, – дело не только в его неуправляемости. Джеймс плюхнулся на траву рядом с ней.

– Что? Он поливал яйца кетчупом? Рисовал усы портретам?

Роуз посмотрела на него, а потом отвела взгляд:

– Согласно некоторым легендам, он был носителем ужасного проклятия. Его возвращение должно стать предзнаменованием конца света.

При этих словах Джеймс ощутил беспокойство, но сохранил уверенность в голосе:

– Та самая часть, где трудно отделить факты от сумасшедших вымыслов, так?

– Смейся, сколько хочешь, – ответила Роуз, – но пророчество известно во многих местах. Кто-то зовет его Вестником Гибели. Другие – просто Послом; но чего – никогда не пишут. Все довольно жутко, – содрогаясь, призналась она. – Особенно, когда читаешь это глубокой

ночью.

– До сих пор он стал только Послом десяти баллов Гриффиндору и Слизерину, потому что мы помогли ему достать волшебную коробку, – пожал плечами Ральф. – Пошли, уже почти два. Он будет нас ждать.

– Идешь, Джеймс? – поднимаясь на ноги, спросила Роуз.

Джеймс посмотрел на нее.

– Что? Ах. Да, конечно.

Троица побрела сквозь туман по направлению к внутреннему двору. Где-то вдалеке, как скрытая угРоуз, загрохотал гром и засвистел ветер. Джеймс нервно думал о скелете из пещеры, Фарригане, давно потерянном соратнике Мерлина, и письме Люси о Привратнике. В свете этих вещей рассказ Роуз о легендарном проклятии Мерлина звучал неприятно знакомым.

Джеймс уже не мог все припомнить слово в слово, но скелет точно упоминал о вратах и существах, проходящих сквозь них из-за возвращения Мерлина. В конце концов, борли ведь пришли. Мерлин сам это признал. Но он утверждал, что поймал всех, кроме одного, который следовал за Джеймсом с той самой ночи в Пещерной Цитадели. Мерлин сказал, что запер их в загадочном Черном Мешке. Но скелет предупреждал о чем-то еще, о чем-то худшем. Вслед за легендами он называл Мерлина Послом, но Фарриган указал и на того, кого Мерлин якобы представляет: Хранителя, Стража миров, Привратника. В письме Люси дополнила эти легенды, а теперь исследования Роуз вновь их подтверждают. Джеймс вздрогнул, следуя в замок за Роуз и Ральфом.

Они шли по коридорам, которые в выходной день казались пустыми, мимо темных классов и залов. Наконец они добрались до горгульи, охранявшей спиральную лестницу.

– Помнишь пароль, Роуз? – спросил Ральф. – Я и произнести его не смогу, а ты даже знаешь, как он пишется.

Роуз наморщила лоб, вспоминая. Затем она четко произнесла:

– *In ois oisou.*^[6]

Горгулья сдвинулась в сторону, шурша мелкими камешками. За ее спиной открылся проем.

– Что это значит? – любопытствовал Джеймс, ступая на лестницу, ведущую вверх.

Роуз покачала головой.

– Думаю, здесь все же скрыто нечто большее, нежели просто фраза на древневаллийском. Кто значит, что это может означать на самом деле?

Они поднялись в комнату перед кабинетом директора, и Джеймс потянулся к дверному молотку с целью постучать.

– Подожди, – Роуз схватила Джеймса за руку. – Помнишь, что было этим утром? Он сказал нам ждать снаружи. Он упомянул, что у него назначена еще одна встреча до нас.

Джеймс помнил. Он аккуратно опустил молоток и они втроем устроились на длинной скамье напротив двери директорского кабинета.

На стене около двери, среди расположенных там старых картин и портретов одно лицо показалось Джеймсу знакомым.

– Смотри, – Джеймс подтолкнул Ральфа, показывая пальцем. – Я его помню. Старина Камнелиц использовал его в прошлом году на Техномантии, когда рассказывал о волшебных портретах.

Корнелиус Ярроу, бывший казначей Хогвартса, поглядел на Джеймса поверх очков со своего портрета.

– Я тоже помню вас, молодой человек. Вы задавали довольно неприятные вопросы. Надеюсь, вы были удовлетворены.

– Да, был, – ответил Джеймс. – Мне особенно понравился раздел о том, как автор может уничтожить волшебный портрет. Было довольно неприятно, когда Камнелиц «растворил» картину с тем страшным клоуном.

– Этот ваш профессор Джексон упустил один момент, – фыркнул Ярроу, поморщившись при воспоминании о том уроке. – еще еще кое-кто, способный разрушить портрет, хотя этого никогда и не случалось.

– Мне кажется, о такой важной информации он бы наверняка упомянул, – с сомнением нахмурился Джеймс. – Откровенно говоря, при всем уважении, я склонен доверять ему в такой вещи, как...

Тут две вещи, случившиеся одновременно, заставили Джеймса прерваться на полуслове. Дверь в кабинет директора распахнулась, и в тот же миг боль пронзила лоб Джеймса. Он прижал руку к голове и зажмурился, зашипев от неожиданности.

– Джеймс? – лицо Роуз было встревоженным.

Боль прошла так же быстро, как и появилась. Джеймс рискнул

приоткрыть глаза, все так же прижимая руку ко лбу. Первым, что он увидел, был открытый дверной проем директорского кабинета. Мерлин стоял за столом с мрачным выражением лица, его глаза так и буравили Джеймса. Хотя он и не сводил с мальчика взгляда, ничто не говорило о том, что он встревожен или чем-то обеспокоен. Но все же его вид был настороженным, кажется, даже слегка подозрительным.

– Ты в порядке, Джеймс? – раздался еще один голос.

Джеймс опустил руки и огляделся. Рядом стояла Петра Моргенштерн, только что вышедшая из кабинета директора. На ее щеках играл румянец, а глаза покраснели, словно она только что плакала.

– Все хорошо, – отозвался Джеймс. – Мне... мне просто нужно надеть мои очки.

Он покосился на Роуз и Ральфа, взглядом прося их промолчать.

– Ну ладно, – сказала Петра, не глядя на него, – тогда увидимся позже. Меня... меня ждут дела.

Джеймс смотрел ей вслед, в который раз задаваясь вопросом, почему Петра вдруг стала такой грустной. И что такого сказал ей Мерлин, от чего она еще больше расстроилась? Джеймс стоял, вновь глядя на кабинет директора. Мерлин уже не смотрел на него своим тяжелым, бдительным взглядом. Отвернувшись, он изучал сложный медный механизм, который держал в руке.

– Входите, друзья мои, – позвал Мерлин, не взглянув на них.

Когда все трое прошли в кабинет, Джеймс не мог удержаться от того, чтобы поглазеть вокруг в изумлении. Прежними сохранились только портреты бывших директоров и стол, сама же комната претерпела колоссальные изменения с тех пор, как в ней пребывала МакГонагалл. Массивное чучело крокодила свисало с потолка, словно музейный экспонат. От пола до потолка простирались книжные шкафы, забитые пухлыми фолиантами в кожаных обложках. Кроме них, повсюду вокруг громоздились загадочные инструменты и приспособления, некоторые размером со шкаф, и все они были умопомрачительно сложными на вид.

На стене позади Мерлина под стеклом на серебряных крючках висел большой черный мешок. Джеймс сразу догадался, что это и есть загадочная Темная Сумка. Центр комнаты занимало огромное высокое

зеркало в прямоугольной позолоченной раме. В серебристом стекле окружающее отражалось только частично. Помимо обычного отражения там клубился, постоянно изменяя свою форму, свинцово-серый туман. Это зрелище одновременно завораживало и вызывало головокружение. Зеркало покоилось на латунном постаменте и было обращено в сторону директора.

– Как я уже упоминал, – сказал директор, – это было запечатано в том сундучке. Не все, конечно, но большая часть вполне сгодится для облегчения моей работы.

У стола директора стоял только один стул. Джеймс, Ральф и Роуз подошли к нему, впрочем, никто не сел. Они продолжали с изумлением осматривать кабинет.

– Заметили мое Зеркало, мистер Поттер, – непринужденно заметил Мерлин, не отрывая взгляд от странного устройства, которое он держал. – Весьма любопытное, правда? Вижу, вы хотите спросить меня о нем. Пожалуйста, не стесняйтесь.

– Что оно делает? – напрямую спросил Джеймс.

– Правильным вопросом, мистер Поттер, было бы «Что оно не делает?», – сказал Мерлин, закончив возиться со своим латунным устройством и поднимая глаза. – Это легендарное Амсера Церф, самое могущественное волшебное зеркало из всех когда-либо существующих. С помощью его Фокусирующей Книги я могу показать вам прошлое и грядущее. В нем можно увидеть места, в которых вы побывали, и проиграть давние воспоминания. Если вы пожелаете, оно сможет даже сказать вам, кто прекраснее всех на земле. Я не вижу ни малейшего практического смысла в такой информации, но создатель зеркала был несколько эксцентричным.

Мерлин встал и медленно обошел свой стол, направившись к зеркалу:

– На всем свете были сделаны только два таких зеркала. Брат этого принадлежал одному из моих коллег, который, как и все остальные, уже давно мертв. И то зеркало, увы, также было сокрыто пеленой времени.

Роуз уставилась в вихри серебристого тумана:

– А почему их сделали только два?

Мерлин потянулся к зеркалу и выдернул плетеный шнур. Плотный черный занавес накрыл гладкую блестящую поверхность.

– Такого рода вещь очень сложно создать, мисс Уизли. И что еще более важно, мир может вместить в себя строго ограниченное количество могущественных волшебных артефактов. Они, так сказать, много весят в космическом балансе, так что излишек может привести к... эм... появлению морщин. До своего возвращения я жил в более темные времена, и тогда появление подобных морщин было обычным делом. К счастью, в настоящее время этот вопрос неплохо отрегулирован. Тем не менее, некоторое количество по-настоящему мощных волшебных устройств до сих пор сохранилось, – Мерлин огляделся вокруг с явной гордостью. – Большая часть из них находится в этой комнате.

Ральф сглотнул и спросил:

– Это... хм, ну, вы понимаете, безопасно?

– Ну конечно же... нет, мистер Дидл, – легкомысленно ответил Мерлин, возвращаясь к своему столу. – Не более безопасно, чем использование палочки. Но все это запечатано здесь, вот что самое важное.

– Вы что-то показали Петре в зеркале? – внезапно спросил Джеймс, смотря прямо в лицо директора.

Мерлин даже не моргнул.

– Сначала я хотел сказать, что это не ваше дело, мистер Поттер, но поскольку я тоже когда-то был подростком, то я знаю, что этот ответ только разжег бы ваше любопытство. Да, я сделал это.

– И почему это настолько выбило ее из колеи? Что она там увидела?

– Я показал ей то, что она хотела увидеть, – спокойно ответил Мерлин, устраиваясь поудобнее на стуле. – Не больше и не меньше. Если вы хотите подробностей, то должны расспросить об этом саму мисс Моргенштерн, хотя ей, скорее всего, совсем не понравятся ваши расспросы. Теперь к делу – что привело сюда вас троих?

Сказав это, он протянулся через весь стол и аккуратно закрыл большую книгу, лежащую на его краю. «Фокусирующую Книгу Зеркала», решил Джеймс.

Роуз слегка выдвинулась вперед.

– Мы, эм, хотели попросить разрешение на создание клуба.

– Какого рода клуба? – быстро спросил Мерлин.

– Эм... Ну, клуба практики, – запинаясь, пробормотала Роуз, – то есть, клуба для тренировок. Для тренировки использования заклинаний. Защитных заклинаний и тому подобного...

Ральф прервал ее.

– Не то чтобы нам не нравился профессор Дебеллоуз. Он и правда крут. Но нам нужно немного... попрактиковаться.

– Как я понимаю, крутой профессор оказался все же не настолько уж крутым? – заметил Мерлин, позволив себе крошечную усмешку.

– Ну, вроде того, – согласился Ральф, залившись краской. – Кендрик, он...

– Какого типа заклинания вы собираетесь изучать? И кто еще будет входить в клуб?

– Все, кто захочет, – ответил Джеймс. – Мы собираемся практиковаться в основных защитных заклинаниях. Примерно то же, что изучалось ранее на занятиях. Тренироваться будем на манекенах и предметах, но не друг на друге. Любые преподаватели, которые захотят проконтролировать процесс, могут присутствовать, хотя это будет... эээ... скучновато.

Тут Джеймс прервался, чувствуя, что наболтал слишком много. Он рассчитывал, что ни один преподаватель не захочет тратить свое свободное время, наблюдая, как кучка учеников бросается заклинанием Экспеллиармус по манекенам, но Мерлин был достаточно умен, чтобы раскусить эту уловку. С него станется установить поочередные дежурства, и Дебеллоуз наверняка будет первым в списке.

Мерлин открыл было рот, собираясь ответить, но тут латунное устройство на его столе задвигалось. Все уставились на него. Оно представляло собой нечто вроде латунного полого глобуса из соединенных между собой колец с обозначенными на них широтой и долготой. Внутри, среди сложной системы шестеренок и храповиков двигалась серебряная стрелка. Она резко завращалась, при этом глобус слегка накренился. Секунду спустя указатель сдвинулся на несколько делений и затих. Мерлин внимательно посмотрел на него.

– Что за... – начал было Ральф, но Мерлин прервал его:

– Вы можете создать свой клуб, мои юные друзья. Пожалуйста, пришлите мне потом сообщение о помещении, в котором планируете проводить занятия, а также список участников. В конце концов,

директор ведь должен быть в курсе таких вещей, верно? – тут Мерлин извлек официально выглядящий пергамент с печатью Хогвартса. – Этого должно хватить в качестве официального разрешения. Желаю вам успеха.

Ральф вопросительно глянул на Джеймса, глаза его слегка округлились, на губах блуждала облегченная улыбка.

– Но, директор... – заговорила Роуз.

– Если вы простите меня, – сказал Мерлин, поднимаясь, – вышло так, что у меня появились неотложные дела. Мне бы не хотелось задерживать вас, я полагаю, что вам нужно подготовиться. Пожалуйста, выйдите на лестницу и закройте дверь, спасибо.

– Спасибо, сэр, – произнес Ральф, подгоняя Джеймса и Роуз к выходу. – Вы не пожалеете об этом!

– Ральф! – зашипела Роуз.

Троица чуть не налетела друг на друга, столпившись в дверном проходе.

– Вы не пожалеете об этом? – уже в коридоре зашептала Роуз Ральфу, округлив глаза. – Нашел что сказать! Ты хочешь, чтобы он подозревал нас?

Ральф скривился.

– Я занервничал! Можешь подать на меня за это в суд! И вообще, пошли, надо отсюда убираться, пока он не передумал.

Джеймс дергал дверной замок, когда он внезапно остановился, его глаза расширились.

– Пергамент с разрешением! – воскликнул он, переводя взгляд с Ральфа на Роуз. – Кто-нибудь из вас его взял?

– Я не брал, – сказал Ральф. – Я думал, Роуз возьмет его. Она была ближе.

– Ты выпроводил нас оттуда еще до того, как я успела забрать его, ты – большой болван!

– Я возьму его, – произнес Джеймс, поворачиваясь назад. Дверь еще не была закрыта на замок. Он толкнул ее, приоткрывая и заглядывая внутрь.

– Директор? – позвал он. – Мы забыли пергамент с печатью. Можно мне только...

Джеймс нахмурился и толкнул дверь, открывая ее до конца. Место

директора не было занято. Комната оказалась совершенно пустой, и в ней было как-то неестественно тихо. Возможно, Мерлин отправился куда-нибудь по сети летучего пороха. Латунный прибор на его столе, наверно, был будильником или напоминалкой, сообщавший ему о встрече и о том, что он должен поспешить. Джеймс пересек кабинет и схватил пергамент с письменного стола директора. Как только он повернулся к двери, его охватило непривычное чувство.

Внезапный озноб напомнил ему иглу боли, пронзившую его лоб, когда он ждал в коридоре, прямо перед тем, как увидел, что Мерлин смотрит на него через дверной проем. Сердце его заколотилось, Джеймс огляделся и понял, почему в комнате было так неестественно тихо. Задняя стена кабинета целиком, от пола до потолка, была завешана десятками портретов бывших директоров школы. Среди них, конечно, были портреты Северуса Снейпа и Альбуса Дамблдора, хотя, как обычно, портрет Дамблдора был пуст. Каждый портрет был совершенно неподвижен и молчалив.

Ральф и Роуз зашли в комнату вслед за Джеймсом. Роуз смотрела на портреты, она была поражена, а ее глаза широко раскрылись.

– Сейчас это выглядит просто жутко, – сказала она тихим голосом.

– Это единственное место на земле, где стена, увешанная неподвижными картинами, может быть плохим предзнаменованием, – сказал Ральф. – Но я полностью согласен с тобой, Роуз. Что здесь происходит? Где Мерлин?

Джеймс пересек комнату и встал перед портретом Северуса Снейпа. Он говорил с этим портретом несколько раз в прошлом семестре, и тот не раз оскорбил его. Он осторожно протянул руку и дотронулся до лица портрета. Он мог почувствовать текстуру засохшей краски, штрих, который формировал крючковатый нос мужчины. Казалось, лицо не могло замереть больше, чем на миг.

Роуз ахнула.

– Смотрите, – сказала она почти шепотом.

Джеймс обернулся. Черный занавес над Амсера Церф был снова поднят, но поверхность волшебного зеркала больше не показала просто клубящийся свинцовый дым. Она показывала изображение. Вид был расплывчатым и смутным, как сквозь очень грязное матовое окно. Джеймс и Ральф вместе с Роуз подошли к зеркалу и всмотрелись в

отражения, пытаюсь разобраться в смысле этой туманной картины.

Там виднелись стоявшие сплошной стеной узловатые деревья с густым подлеском. Густой туман и их ветви блокировали практически весь свет, которым мог похвастаться этот ненастный день. Неподалеку за деревьями, на небольшой поляне стояла статуя, покрытая мхом и обвитая плющом. Высокая и худая, она сильно накренилась. Когда изображение сфокусировалось лучше, Джеймс разглядел, что это была статуя человека. Он был очень красив и одет в старомодный костюм. На основании статуи виднелись какие-то линии, но Джеймс не сумел их разобрать.

Роуз тихонько ахнула, прикрыв ладонью рот.

– Я знаю, что это за место! – прошептала она. – Но почему Зеркало показывает именно его?

Джеймса охватило ужасное ощущение, что это место знакомо и ему. Хотя он только слышал об этом, но никогда не видел. Как, впрочем, и большинство людей. Доселе непонятные линии, высеченные на основании статуи, сложились в буквы Т. М. Р.

– Т. М. Р. – недоуменно прочитал Ральф, затем резко выдохнул. – Том Марволо Риддл! Это и в самом деле могила Волдеморта? Да кто в своем уме станет хоронить такое чудовище?

– Никто не знает, – быстро ответила Роуз, все еще изучая призрачное видение. – Было собрано анонимное пожертвование на похороны и памятник с указанием, что он должен быть погребен как Том Риддл, а не Волдеморт. Ни одно кладбище волшебников не приняло его останки. В итоге он был похоронен в тайном месте в не нанесенном на карту лесу. Вряд ли кто-нибудь даже знает, где это.

В Зеркале появилась движущаяся фигура. Трое учеников дружно ахнули. Это существо не пришло туда откуда-то и не появилось внезапно. Казалось, что оно было там все это время, но никто его не замечал. Только когда оно слегка переместилось, его присутствие было обнаружено. Фигура была облачена в длинный черный плащ с капюшоном, который заслонял ее лицо. Но было нечто очень тревожащее в ткани плаща.

Она была больше похожа на плащевидную дыру в пространстве, наполненную кружащимся, пенившимся темным дымом. Рваный низ плаща не доходил до земли, и все же там не было видно ног. Джеймс

содрогнулся при виде жуткой фигуры, мысли его перешли к вырезке из магловской газеты, которую прислала ему Люси. Там упоминалось о «существе из дыма и пепла». Может ли это быть тем существом? Может ли это быть Привратником? Фигура подняла руку, обнажив тонкую бледную кисть. Казалось, что рука манит кого-то. Мгновение спустя, статуя молодого Волдеморта вздрогнула. Гордое выражение лица погасло на его лице, а его руки стали болтаться, как у марионетки с порванными нитями. А потом какой-то голос заговорил отстраненно. Он доносился из Зеркала очень слабо, еле слышно из-за шума ветра и скрипа деревьев.

– Тот ли ты, чей отголосок призвал меня? – спросил голос существа в капюшоне. – Тот, чьи побуждения более, чем у кого-либо еще в этой сфере, похожи на мои? Покажись.

Статуя заговорила, и ее голос был очень высоким и смутным, почти неразличимым.

– Я Том Марволо Риддл, также известный как Лорд Волдеморт, умерший много лет назад, превратился в прах, пройдя через царство мучений.

– И все же, – произнесло существо в плаще, – твой отпечаток оказался достаточно силен, чтобы привлечь меня. Но твои бранные останки совершенно бесполезны для меня; значит, должен быть человек, который победил тебя, чтобы я мог найти его.

– Тот, кто победил меня, не друг тебе, – мягко произнесла статуя, ее голос почти не был различим в поднимающемся ветре того далекого места. – Тогда он был мальчиком, еще ребенком, но даже тогда он был сильнее, чем ты мог бы себе представить. Он не станет помогать тебе. Но есть и другие...

Видение в зеркале стало тускнеть. Джеймс протянул руку, наклонившись, пытаясь коснуться зеркала, но Роуз остановила его.

– Они ждут тебя даже сейчас, – мертвым голосом произнес Том Риддл. – То, что ты сказал, – верно. Я всего лишь отголосок, воспоминание, исчезнувший след ушедшей жизни. Но они могут привести тебя к другому... есть один, в чьем сердце бьется моя сущность. Они готовы к твоему приходу... они ждут тебя здесь, этой ночью...

При этих словах другая фигура прошла сквозь ветви, появляясь из

тени деревьев. Джеймс не мог различить лица фигуры, но был уверен, что это мужчина. Как и первое существо, он был одет в плащ с капюшоном, но из-за его положения Джеймс мог видеть его лицо. Тот был бледен и насторожен, но глаза его были решительны. Ветер усилился, и деревья начали качаться и стонать. Звуки природы стали заглушать далекие голоса. Джеймс едва мог разобрать слова бледного человека.

– Мы все подготовили для вас, о, повелитель пустоты, – произнес он, протягивая руку. – Мы ждали вас со дня сотворения мира. Ваше время близко.

Внезапно из леса напротив бледного человека появилась третья фигура. Эта фигура тоже была облачена в черное, но она была выше, чем бледный человек. Она не выбралась из леса, как это сделал бледный человек, но двигалась с каким-то недоброжелательным изяществом, выходя на поляну лицом к лицу скрытой фигуры Привратника. Джеймс был взволнован. Что-то в гордой, непринужденной походке высокой фигуры заставляло его думать о Мерлине. Бледный мужчина, казалось, не был удивлен видеть третью фигуру, хотя его настороженность возросла. Он слабо улыбнулся. Высокий мужчина и Привратник сказали что-то друг другу, но их слова утонули в ударах грома.

Усиливающийся вой ветра предвещал шторм. С неба начали падать крупные капли дождя, и изображение стало размываться. Внезапно бледный мужчина осмотрелся, а затем указал вверх, сквозь зеркальную поверхность, и Джеймс ахнул. Он указывал прямо на мальчика, как будто увидев его через зеркало. Лицо бледного человека смотрело точно ему в глаза. Высокий мужчина повернулся, это мог быть и Мерлин, ведь Джеймс не видел его лица из-за того, что оно было скрыто капюшоном. Но хуже всего этого было то, что и голова статуи тоже повернулось. Камень, изображавший Тома Марволо Риддла, посмотрел в зеркало на Джеймса, ухмыляясь пустым, высеченным оскалом, показывая все свои зубы.

Джеймс попятился назад, прочь от зеркала, и налетел на стол. Он едва слышал, как Ральф и Роуз звали его, а потом схватили, пытаясь оттащить его в сторону двери.

– Идем! – судорожно проговорила Роуз. – Мы должны выбраться отсюда! Они увидели нас! И, похоже, они идут! Они идут!

Глаза Джеймса расширились. Внезапно он обернулся, глядя на стол позади него. Фокусирующая книга была открыта. Там была только одна запись на странице, написанная самим Мерлином: 'МОГИЛА ИСКОМОГО СУЩЕСТВА'. Недолго думая, Джеймс обеими руками захлопнул книгу. Миг, и гром прогремел прямо возле окна кабинета. Засверкали молнии, и порыв холодного ветра влетел в комнату, поднимая шторы.

– Поттер! – раздался пронзительный голос. Джеймс повернулся на пятках. Портреты снова ожили. Большинство из них недоуменно озирались и моргали. Пергаменты взлетели в воздух из-за дикого ветра, проникшего сквозь шторы и прошедшего по комнате. Портрет Снейпа свирепо смотрел на Джеймса, а его глаза были широко раскрыты и черны, как никогда.

– Что ты делаешь? Это древняя магия! Магия, о которой вы даже и представления не имеете! Вы должны покинуть это место. Сейчас же! Живо!

Ральф сгрел Джеймса и потянул его, увлекая его в сторону двери, которая широко распахнулась, словно по собственной воле.

– Идем! – воскликнула Роуз, выбегая через дверной проем и оглядываясь назад. Дверь начала закрываться снова, отрезая ее от мальчишек. Джеймс рванулся вслед за Ральфом. Лицо Снейпа было напряженным, даже страшным в тот момент, когда Джеймс пробежал мимо, проскальзывая в дверной проем за мгновение до того, как тяжелая дверь захлопнулась с оглушительным треском.

Джеймс и Ральф врезались в Роуз, и все трое повалились на скамейку в коридоре, их сердца стучали в бешеном ритме, а дыхание было тяжелым. Как один, они кинулись вниз и побежали по винтовой лестнице, спускаясь коридором ниже. Они продолжали бежать, пока не достигли широкого балкона, где они наконец-то немного остановились, еле дыша и уставившись дикими глазами на друг друга.

– Надеюсь, – прохрипел Ральф, склонившись над своими коленями, – что кто-нибудь из нас... по крайней мере, не забыл... пергамент на этот раз.

После ночной грозы воскресное утро могло показаться распутившимся цветком, бросающим розовые блески на мокрую траву и деревья. После завтрака Джеймс, Ральф и Роуз пробрались по влажной траве к хижине Хагрида, где тут же стали барабанить в дверь. Когда полувеликан не ответил, троица побежала по каменной дорожке вокруг хижины. У задней стены они нашли Хагрида и его бульмастифа Трифа, которые двигались между скрученными лозами и широкими листьями тыквенных грядок. Хагрид что-то радостно напевал, мокрый до колен, потому что он пропалывал грядки.

– Д'брое утро, ох! Странно видеть вашу троицу не в замке столь ранним утром выходного!

– Доброе утро, Хагрид, – сказала Роуз, сметая капельки росы с огромной тыквы. Удостоверившись, что тыква теперь более или менее сухая, она села на нее. – Мы пришли сюда, чтобы поговорить с тобой кое о чем.

– Чтоб мне провалиться, – проворчал Хагрид, – с тобой, Роуз, это похоже на старое доброе времечко. Пошли, давайте зайдём внутрь. Я как раз говорил Трифу, что пора бы заварить утр'нный чай. Мы сможем побалакать о чем угодно и у очага.

Они зашли внутрь, и Хагрид повесил огромный медный чайник на крюк над огнем. Джеймс, Роуз и Ральф вскарабкались на огромные стулья, стоящие вокруг стола.

– Хагрид, – начал Ральф, поглядывая на Роуз, – вчера мы увидели кое-что в кабинете директора. Роуз думает, что мы должны рассказать кому-нибудь об этом, потому что все это может означать новые неприятности.

Джеймс пнул ножку стола и лениво уставился в окно.

– Не все согласны с Роуз, заметь.

– Как ты можешь так говорить, словно у нас нет причин беспокоиться о том, что мы видели, Джеймс? – настаивала на своем Роуз. – Даже Ральф согласен с тем, что...

– Я не говорю, что у нас нет причин беспокоиться, – перебил

Джеймс, взглянув на Роуз. – Я просто не думаю, что это значит, будто директор связан с этим, как бы тебе не хотелось в это верить.

– Я тоже не хочу в это верить, но факты – упрямая вещь. Человек, которого мы видели в Зеркале, выглядел и двигался точь-в-точь как директор. Ты сам это сказал! И он общался с известными нам врагами и прочими жуткими типами. Один из них явно не был даже человеком! Не упоминая о статуе Сам-Знаешь-Кого!

– Хоу-хоу, погодите-ка минутку, вы трое, – вмешался Хагрид, нахмурившись и усаживаясь в свое старое кресло. – Понятия не имею, что вы там видели, но давайте-ка не будем стряхивать пыль с этого старого пугала. Почему бы вам пр'сто не сесть и не рассказать мне обо всем, эгм?

Роуз начала объяснять, что произошло накануне, начиная с беседы с директором. Как только история набрала обороты, Джеймс и Ральф присоединились, исправляя и дополняя, так что к тому времени, как они перешли к части, где ожили картины, и портрет Снейпа предупредил их об опасности и приказал бежать, вся троица говорила почти хором. Наконец они закончили рассказ и умолкли, ожидая ответа Хагрида.

Полувеликан сидел в своем гигантском старом кресле у огня с задумчивым, напряженным выражением лица. Он смотрел на трех учеников, но его взгляд не был направлен ни на одного из них. Джеймс был уверен, что Хагрид посчитает их историю преувеличением. Он сказал бы, что увиденное ими в зеркале было ничем иным, как мелкими проделками Пожирателей, которые отказываются принять поражение. Джеймс знал от своего отца, что Хагрид иногда недолюбливал глав Хогвартса, но он был верен принципам. Он стал бы защищать Мерлина и заверил бы их, что совершенно не о чем беспокоиться. Отчасти из-за этого Джеймс и предложил пойти к хижине, чтобы поговорить с великаном. Сейчас, когда Хагрид сидел со странным, напряженным выражением лица, Джеймс сомневался в том, была ли эта идея на самом деле хорошей.

Вдруг неожиданно засвистел чайник, заставив всех присутствующих подпрыгнуть. Хагрид отряхнулся и затем снял чайник с крючка. Он понес его к столу и поставил на подставку.

– Эм, – сказал Джеймс, решив забросить пробную удочку, – так что ты думаешь обо всем этом, Хагрид?

Хагрид покосился на него, вытирая руки огромным полотенцем.

– Ну, сложная ситуация, а? Что тут сказать–то? Здесь может быть все, что угодно. Директор, у него, конечно, куча всяких мощных штук в загашнике. Так что портрет старика Снейпа был прав, сказав вам скорей уносить ноги.

– Но Роуз утверждает, что это именно Мерлин был там, у могилы Волдеморта, – сказал Джеймс, тыкая пальцем в сторону своей кухни. – Скажите ей, что это глупо! Я имею в виду, он же директор и все такое, Хагрид!

Фарфор позвякивал, пока Хагрид доставал из шкафа чашки и блюдца, затем вернувшись с ними к столу.

– Вот именно, Джеймс. Он – директор, так что я скажу, что если он и появился в Зеркале, болтая там с кем бы то ни было, то у него на это были причины.

– Но это не мог быть он! – настаивал Джеймс, надеясь на поддержку Ральфа. – Я имею в виду, что существо в клубящемся плаще воплощало в себе десять видов зла, а тот тип, который появился первым, был Пожирателем Сметри. В смысле, он располагал информацией о чертовой могиле Волдеморта!

– Я бы предпочел, чтобы ты не упоминал этого имени у меня дома, Джеймс, – мягко сказал Хагрид, аккуратно поставив чашку с блюдцем перед собой. Его руки слегка вздрогнули. – Понятно, что битва уже давно в прошлом, но старые привычки умирают с трудом, да.

Роуз заерзала на своем стуле.

– Хагрид, так ты думаешь, что мы и правда видели Мерлина?

Прежде чем ответить, Хагрид налил дымящийся чай в чашки. Наконец он уселся на один из стульев, произведя жуткий скрип. Полувеликан пристально поглядел на Роуз, а затем очень аккуратно помешал свой чай.

– Люди говорят, директор хорошо ладит с растениями, – проговорил Хагрид, как будто бы меняя тему. – Я не то чтобы сильно вникал в это, но даже мне известно о том, что Великий Мерлин превосходно разбирается в растениях, природе и всем таком прочем. Я слышал истории о том, что он чирикал с птицами на их манер, еще когда был ребенком. Так вот, когда он стал директором этим летом, я решил проверить эти слухи. Я пригласил его сходить к моей хижине

полюбоваться моим садом. Он принял мое предложение и пришел на следующий же день. Он обошел весь мой сад, не произнося ни словечка. Просто бродил туда–сюда, постукивая по тыквам, да кабачкам с капустой. Наконец поднял голову и посмотрел на Лес. Я тоже взглянул туда, и увидел, как что–то подымается над макушками деревьев.

Чайная ложка до сих пор была в огромной ручище Хагрида. Он осторожно положил ее рядом с его чашкой. Полувеликан посмотрел на каждого из ребят по отдельности.

– Это был Джинн. Как ворон, но больше; черный, как ночь, с горящими красными глазами, я мог его видеть с того места, где стоял. Я их никогда не видел, но я знал о них. Как говорят предания, они – темные и загадочные существа. И очень нелюдимые.

Мне всегда говорили, что они показываются только ночью, и если он появляется на вашем пути, то нужно обернуться назад и бежать, бежать домой! Джинны, скорее всего, предупреждают об ужасной опасности, которая поджидает тех, кого вы любите. И когда я увидел, что та черная тварь подымается из–за деревьев, я чуть ли было не стал взывать к директору. Но я знал, что он тоже заметил ее и, казалось, не слишком беспокоился по этому поводу. Поэтому я просто смотрел. Черная птица пролетела прямо над нами, повернув перед садом и усевшись прямо на одну из моих тыкв. Прямехоньки там, рядом с Мерлином. А он просто наблюдал за ней все это время.

И самым поразительным было то, как они смотрели друг на друга. Никто из них не произнес ни словечка, но у меня создалось впечатление, что они разговаривали между собой. Спустя примерно минуту Джинн уставился на меня примерно так же, как это обычно проделывают птицы – развернув голову и покосившись одним глазом. Горящий красный глаз буквально пронзил меня насквозь, и все, что я смог сделать, это не попытаться запульнуть в него камнем, словно напуганный ребенок.

Хагрид умоляюще посмотрел на трех учеников, сидевших за его столом.

– Я люблю волшебных зверушек, – объявил он. – От драконов до соплохвостов. Я знаю больше, чем кто–либо другой. Именно поэтому я преподаю УзМС. Но это существо ввело меня в ступор. Его пылающие красные глаза разглядывали меня, и единственное, чего я хотел в этот

момент, так чтоб они никогда больше не смотрели на меня. Меня бросило в холод. Но он продолжал буравить меня своим холодным птичьим взглядом.

Хагрид прервался и отпил немного чая. Откашлявшись, он продолжил:

– Наконец существо улетело, громко хлопая своими большими черными крыльями. Он улетел обратно в лес и исчез. Директор провожал его взглядом, а потом вернулся ко мне, продолжая постукивать посохом о землю. Он уселся рядом со мной и повернулся к грядке тыкв, откуда открывался вид на западную часть Леса. «Та часть наполнена смертельными чарами», – сказал он мне. Ну, это самая ни на есть правда, и этого нет смысла отрицать.

В западной части не росло ничего, кроме как колючек да чертополоха уже целых пять или шесть лет.

«Да», – ответил я. Он посмотрел мне в глаза и произнес:

– Там была лиса. Она умерла совсем молодой и похоронена в своем собственном логове в этой части вашего сада, мистер Хагрид. Смертельные чары возникают из ее костей, плачущих по утру, которое никогда для них не наступит. Надо их выкопать и перезахоронить в лесу, посыпав землю порошком Сорроушот. Профессор Херетфор может предоставить его по моей просьбе. На этом ваши неприятности закончатся.

На лице Роуз отразилось разочарование.

– И ты сделал это, Хагрид?

Хагрид взглянул на нее, приподняв брови.

– Ну, конечно, я сделал! Мы нашли эти кости прямехоньки там, где указано! Сделали так, как сказал директор, вплоть до порошка Сорроушот. А теперь вы видите, как идут дела. В той части выросла дьявольски огромная тыква. Да еще с таким разнообразием зеленых полос, ну куда там тигру! Вы видели ее, конечно. Но дело в том, что...

Хагрид снова прервался и нервно завопил со своей чашкой и блюдцем. Он сделал еще один быстрый глоток, как будто бы пытался замолчать.

– Что, Хагрид? – спросил Ральф, уже начиная сердиться. – В чем дело?

Хагрид тяжело посмотрел на него, а в его глазах отразилась

внутренняя борьба. Наконец он наклонился немного над столом и сказал вполголоса:

– И тут до меня дошло. Это Джинн рассказал директору про мертвую молодую лису. Но главное во всем это даже не то, что все эти старые истории о Мерлине, разговаривающем с животными и деревьями, правда. Самое важное – так это то, что великий Мерлин разговаривает даже с этими таинственными существами – птицами ночи! Если бы та огромная черная птица посмотрела на меня своими красными, налитыми кровью глазами в любое другое время, то я бы развернулся и дал деру. Но Мерлин... он смотрел на это летающее существо, как будто бы он позвал его, как будто бы он знал даже его по чертову имени!

Джеймс выслушал полувеликана, а его губы сжались в тонкую линию. Наконец он выпрямился и сказал так резко, как только осмелился.

– Но это не значит, что он злой.

Хагрид удивленно моргнул.

– Конечно, нет! Кто говорит, что он злой?

Джеймс был озадачен.

– Но ты только что сказал...

– Охолони, Джеймс, сдай немного назад. Я просто хочу быть честным, – серьезным тоном проговорил Хагрид. – Я хотел сказать, что директор прибыл из другого времени, обычные события которого заставили бы у любого из нас волосы зашевелиться на затылке. Он же жил тогда. И работал тогда. Оно для него просто и понятно. Так что те штуки, которые страшны для нас, ну... возможно, тогда все не было таким же явно черным или белым. Это не то же самое, что назвать директора злым. Я всецело ему доверяю, и буду доверять! Он просто немного... эээ... диковат, хм. Вот что я думаю. Я все сказал.

– Но, Хагрид, – воскликнула Роуз, – тогда, в Зеркале! Мы видели его вместе... вместе с тем жутким существом в черном плаще!

– Если это и взаправду был директор, – упрямо добавил Хагрид, – тогда у него была очень веская причина быть там. Ты сама говорила, Роуз, что вы не слышали ни словечка из того, что сказал мужчина. Может быть, он противостоял остальным. Может быть, он... ну, я не знаю. Но дело в том, что вы об этом ничегошеньки точно не знаете.

– А что я вам говорил, – раздраженно произнес Джеймс, уставившись через стол на Роуз.

– Короче, – продолжал Хагрид, – вы не можете быть уверены, что видели все от начала до конца. Вы говорили, что Мерлин рассказал вам о том, что Зеркало показывает прошлое и будущее, а также далекие местности, не так ли? Возможно, то, что вы видели, происходило не здесь и не сейчас. Вы не подумали об этом?

– И правда, – задумчиво сказал Ральф, – об этой возможности мы не подумали.

– Но могила! – настаивала Роуз. – Это не могло быть сто лет назад, ведь Волд... то есть, Тот–Кого–Нельзя–Называть умер не так уж давно! И его могила была вся покрыта мхом и плющом, так что это вряд ли могло быть картиной из прошлого...

– Перестань, Роуз, – отмахнулся Ральф. – Ты можешь быть права, но что мы должны сделать в таком случае? Все, что мы можем делать, так это надеяться, что Мерлин так же честен, как и его слово, по словам Хагрида. Если это так, то нам не о чем волноваться. Если он не... ну, что мы сможем сделать против парня, который способен заставить землю разверзнуться и поглотить целые армии?

На Роуз было страшно смотреть. Казалось, у нее из ушей повалил пар от гнева. Но она не ответила.

Через некоторое время троица закончила свое чаепитие и попрощалась с Хагридом. Как только они ушли, Джеймс уставился в западную часть сада. Конечно, очень большая с широкими оранжевыми полосами тыква покоилась там на своем ложе из листьев и все еще блестела от ночного дождя.

– Мне плевать, кто что говорит, – серьезно сказала Роуз, как только они обогнули Гремучую Иву, – я ему не доверяю. Он не тот, кем мы его считаем.

– Как бы сильно я не был не согласен с Роуз, – произнес Ральф, – все это делает существование нашего нового Клуба Оборона более значительным.

– Почему? – спросил Джеймс.

– Разве это не очевидно? Если то, что мы видели в Зеркале – правда и происходит в настоящее время, то дело принимает крутой оборот. Возможно, скоро нам придется сражаться. Я, по крайней мере, хочу

быть готовым к этому.

– Ральф, – произнесла Роуз странным голосом, – если бы я не считала тебя тупым как пробка, то я была бы впечатлена.

Ральф слегка покраснел.

– Ну... спасибо.

Как только они обошли кусты, растущие поодаль от Гремучей Ивы, они натолкнулись на Ноя, Дэмьена и Дженнифер Теллус – Гремлина с Когтеврана. Все трое притаились за пределами досягаемости, изучая корявый ствол дерева. Ветви ивы меняли свое положение и дергались, чувствуя их присутствие, но они не могли добраться до них.

– Эй, – окликнул их Ральф, как только троица приблизилась и присела рядом с Гремлинами. – У нас есть разрешение на новый Клуб Обороны!

– Шшш! – зашипел Ной, поднимая руку. – Подождите минутку.

Джеймс, Роуз и Ральф подкрались сзади к трем Гремлинам, которые напряженно ворчали друг на друга.

– Немного ниже, – прошипел Дэмьен. – Это та колючая штука, похожая на плод дурмана, та, что напоминает клубок тонких ниток.

Ной покачал головой.

– Мы уже пробовали ее в предпоследний раз! Как я и говорил, это с другой стороны, не со стороны замка! Я точно помню с того раза с Тедом.

Дженнифер держала в руке длинную палку. Покусывая язык от сосредоточения, она протянула ее вперед и кончиком коснулась ствола. Дерево слегка наклонилось и почти лениво хлестнуло веткой по палке. Дженнифер вскрикнула, когда палка вылетела у нее из рук и исчезла в зарослях. Ива тут же расслабилась, ее поза почти выражала самодовольство.

– Я же говорил тебе попробовать ниже! – воскликнул Ной, отступая от дерева и выпрямляясь.

– Слушай, ты хочешь сам этим заняться? – огрызнулась Дженнифер, оглядываясь через плечо. – Тогда валяй. Но тебе надо будет найти себе еще одну палку.

– От меня не будет толку, потому что твои руки длиннее моих, – заявил Ной. – Это не моя вина, что у тебя гориллы корни.

– У меня есть еще одна палка, – успокаивающе сказал Дэмьен. –

Вот, возьми ее, Джен. Сейчас наверняка получится.

Джеймс увидел, как Дженнифер снова осторожно потянулась палочкой к стволу дерева, на этот раз стараясь не коснуться его. Он спросил у Ноя:

– Чем это вы тут занимаетесь?

– Кажется, потайной ход, – ответил Ной, отирая пот и частички травы со своих рук. – Мы приезжали и проводили эксперименты над ним каждый год с тех пор, как я впервые попал сюда. Это была идея Теда. Надо нажать на правильный сучок на стволе, и дерево будет достаточно спокойным, чтобы дать нам возможность проникнуть внутрь.

Глаза Роуз просветлели.

– Здесь есть секретный ход? Но я думала, что все старые секретные ходы были заблокированы.

– Ну да, те закрыли и эти прикрыли, но дело в том, что Хогвартс – место магическое, так что через некоторое время секретные ходы образуются здесь сами собой. Так или иначе, один или несколько из них точно находятся неподалеку. Петра сумела обнаружить проход Локимагуса в зале со статуей Одноглазой Ведьмы, и эта статуя привела к потайному ходу в родительский день.

– Помнится, мама рассказывала об одном таком проходе, – согласно кивнула Роуз. – Она говорила, что он вел к Хогсмиду. Я надеялась, что хотя бы он сохранился в рабочем состоянии, поскольку первокурсников не пускают в Хогсмид на выходных.

– Ах, Хогсмид, – вздохнул Ной. – Превращает идеальных учеников в идеальных негодяев, сколько я себя помню. Тед сейчас там, работает на Уизли. Мы собираемся заставить его поставить нам сливочного пива в «Трех метлах», когда все туда отправимся. Кроме Петры, конечно.

– Что происходит с Петрой? – внезапно спросил Джеймс.

Ной взглянул на Джеймса.

– О, ничего серьезного. Она просто в унынии, потому что между ней и Тедом раньше кое-что было. Видимо, этому пришел конец, когда Тед начал встречаться с Виктуар. Они держали это в секрете большую часть лета, но теперь весь мир знает об этом. Кто-то проболтался об этом на Кингс-Кросс.

– Я не проболтался! – воскликнул Джеймс, прежде чем понял, что

сорвалось у него с языка. – Тед попросил меня сказать! Он хотел рассказать всем об этом, но не хотел делать из этого большое событие!

– Так это был ты? – сказала Дженнифер, оглянувшись на Джеймса через плечо.

Джеймс закатил глаза.

– Так вот почему Петра была расстроена?

– Прямо она ни о чем не говорила, – признался Ной со вздохом. – Так что кто знает? Между ней и Тедом не было ничего серьезного, если тебя интересует мое мнение. Признаюсь, я ожидал, что она первая прекратит это. Тед слишком уж необузданный для такой как она. Ей нужен совсем другой парень.

– Ты подразумеваешь того, чье имя начинается на Н. М.? – ухмыльнулся Дэмьен.

Джеймс ощутил, как кровь прилила к лицу. Его встревожило то, что он мог невольно послужить причиной депрессии Петры, когда раскрыл всем тайну отношений Теда и Виктуар. Обеспокоило его и то, что Ной явно был не прочь занять место Теда. Как бы невзначай он поинтересовался у Ноя:

– Так какого типа парень подошел бы Петре?

Ной пожал плечами.

– Ну, Петра умная. Умнее, чем большинство людей может предположить. Она бывает в разных местах. Ей нужен парень, который будет настойчивым и отнесется к ее жизни серьезно. Тед классный, и мы все его любим, но он не воспринимает жизнь так, как она.

Роуз перебила его:

– Я слышала, что Петра может получить партию Астры в спектакле. Она отлично подходит для роли с ее длинными темными волосами и голубыми глазами.

Ной кивнул.

– Если она получит ее, то это поднимет ей настроение. Для этой роли подходят она и Джозефина Барлетт. А Джозефина очень хочет, чтобы ей досталась эта партия.

– Это именно то, что нужно Петре для освобождения от Теда Люпина, – решительно сказала Роуз. – По привлекательности она даст Джозефине сто очков вперед. Я помогу ей подготовиться, если получится. Предстоит всего одно прослушивание, верно?

– На этой неделе, – согласно кивнул Ной. – Я надеюсь, она пройдет. Я все еще надеюсь на роль Донована.

– Потому что Донован и Астри танцуют вместе в спектакле, – таинственным голосом пропел Дэмьен.

– Не важно, – отрезал Ной. – Астри и Трей вообще целуются в конце спектакля, и в сноске указано, то это «поцелуй вечной и истинной любви».

– Но ведь они не целуются взаправду, – тряхнула головой Роуз. – Это же всего лишь игра, они только соприкоснутся щеками, так что зрителям покажется, что это и вправду был поцелуй.

– Мне этого было бы достаточно, – пробормотал Ной. – Так что там с тайным узлом, Теллус?

– Хватит болтать ей под руку... – прошептал Дэмьен, все еще сидящий на корточках рядом с Дженнифер. Ива беспокойно шелестела листочками. ее ствол предостерегающе скрипнул, когда она опустила свои ветви в бесполезной попытке защититься. Палочка Дженнифер вздрогнула в ее руке, когда коснулась ствола.

Ральф с опаской посмотрел на высокое покачивающееся дерево.

– Так вы уже побывали в секретном проходе под Гремучей Ивой? Куда он вел?

– По итогам прошлого года – никуда, – признался Ной. – Все было завалено уже через пару метров. Вот почему до сих пор мы не отмечали его секретным ходом. Мне постоянно кажется, что тут все будет по-другому, когда мы вернемся на следующий год.

– Мы в любом случае не можем отметить этот ход, – произнесла Дженнифер сквозь стиснутые зубы. – В противном случае любой дурак им воспользуется. Мы должны просто помнить... что он... там!

Дженнифер ткнула палкой в ствол, попав в большой узел возле одного из вывороченных корней. Дерево вдруг выпрямилось и замерло.

– Давай! – крикнул Ной, укрепляя палку в узле. – Времени мало!

Джеймс быстро взглянул на Роуз, потом на Ральфа. Одновременно все трое повернулись и побежали к дереву вслед за Гремлинами. Дженнифер первой добралась до ствола. Она наклонила голову и бросилась вперед, исчезая в глубокой трещине между двумя огромными корнями. Дэмьен и Ной последовали за ней. Джеймс надеялся, что все успеют, так как он был последним. Когда Ральф пролез в узкое

отверстие, Джеймс поднял глаза. Он никогда не находился так близко к Гремучей Иве раньше, и теперь дерево казалось огромным и смертоносным, так как его сучья злобно маячили над ним. Пока Джеймс смотрел, ветви Ивы начали шевелиться. Ствол зловеще застонал, как будто бы он был живым, злым и искал нечто с целью раздавить, разрушить. Джеймс пригнулся и бросился в щель между корнями, в то время как ветвь промчалась мимо него, сотрясая весь проход.

– Вау, – произнесла Дженнифер, карабкаясь наверх. – Шесть человек за один раз! Да это новый рекорд! Все в порядке?

– Я буду в порядке, когда Джеймс слезет с меня, – жалостливым голоском пропыхтела Роуз.

– Прости, Роуз. У меня не было времени выбирать место для приземления.

Ной зажег свою палочку и поднял ее над головой. Потолок был низким, с него свисали массивные корни Гремучей Ивы. Проход с каменными стенами вел вниз, в темноту. Гремлины стали спускаться, за ними по пятам следовали Джеймс, Роуз и Ральф. Примерно через тридцать шагов группа остановилась, чтобы осмотреться. Ной шел первым, потому что держал свою палочку и старался поднять ее как можно выше, насвистывая какую-то мелодию сквозь зубы.

– Эврика! – внезапно воскликнул Дэмьен.

– Что? – Роуз тут же завертела головой и встала на цыпочки, чтобы разглядеть хоть что-нибудь за плечом Джеймса. – Я не вижу! Что там?

– В Хогвартсе появился новый выход, – ответила Дженнифер. – Похоже, прошлой весной тут был потоп. Смыл кучу грязи и гравия дальше. Гляньте, тут есть место, чтоб протиснуться. Если, конечно, вы не боитесь запачкаться.

– Отлично! – произнесл Ной, его голос гулким эхом пролетел далеко вперед. В отдалении послышался всплеск. – Проход дальше полностью свободен! Только немного воды и грязи. А еще там есть пауки, но свет от палочки их разогнал. Я думаю, ход ведет дальше.

– Мы пойдем сейчас? – спросил Ральф. – На самом деле, я не очень-то уж готов к разным, э-э, путешествиям.

– Не бойся, Ральфинатор, – усмехнувшись, ответил Ной, карабкаясь обратно вокруг бывшего обвала. – Мы пройдем остальной путь чуть позже. Только было бы неплохо знать, откроется ли проход снова.

– Но это мы первые нашли его, – добавила Дженнифер.

– Так что не говорите о нем никому, – подытожил Дэмьен, возведя палец вверх и сурово глядя на Джеймса, Роуз и Ральфа. – Особенно это касается тебя, мистер Слизерин.

– Уймись, Дамаскус, – ответил Ной. – Ральф предан Гремлинам. Ну, давайте возвращаться.

– Ну и куда этот ход ведет? – поинтересовалась Роуз, как только они повернули обратно.

– Наше лучшее предположение по этой теме заключается в том, что ход ведет в Хогсмид, – ответила Дженнифер. – Так что твое желание тайком посетить его в этом году может исполниться.

– Ход ведет в Хогсмид? – переспросил Ральф, немного раздражая Дэмьена своей неуверенностью. – Откуда он появился? А разве кто-нибудь из Хогсмиды не сможет просто обнаружить его?

– Боишься, что твой папа пропустил еще одно слабое место в охранном периметре школы? – спросил Дэмьен, криво улыбаясь. – Не волнуйся. Периметр защищен от старого папаши Долохова. Никто не будет возвращаться с другой стороны. Кроме нас, надеюсь.

– Проход не ведет напрямую в Хогсмид, Ральф, – произнес Ной.

Они вернулись в лаз под Гремучей Ивой. Дженнифер осторожно потянулась и нашла секретный узел. Дерево снова замерло, и она выбралась из-под него.

– Так куда он ведет потом? – спросил Джеймс, как только группа быстро поднялась из потайного хода.

– Мы считаем, что он идет в восхитительное место, именуемое «Визжащей хижинкой», – сказал Дэмьен, останавливаясь за пределами досягаемости дерева. – Там никогда никого не бывает.

– Я понимаю, почему, – кивнул Ральф. – Она что, так громко визжит?

– Нет, это просто название, Ральф, – сказала Дженнифер, хлопнув крупного мальчика по плечу. – Она не кричала уже десятилетия. Хотя, по-видимому, из-за этого и пошли все эти слухи, не так ли? Мол, я это познал это на себе. И все такое в этом роде.

Ральф оглянулся на Джеймса и Роуз.

– Они, что, смеются надо мной?

– Да, Ральф, – кивнул Джеймс. – Но они это любя. Не парься.

Ральф принял это, и все трое последовали за Гремлинами по мокрой траве. Когда они достигли замка, он спросил:

– Так что, Визжащая хижина действительно не визжит?

Джеймс покачал головой.

– Я этого не говорил, Ральф... я только сказал, что они пытались подбодрить тебя. Будет лучше, если ты больше не будешь спрашивать об этом.

Роуз закивала головой.

– Правда, Ральф. Просто поверь нам.

Ральф открыл было рот, подумал, а затем закрыл его снова. Он вздохнул, и трое учеников поднялись по ступеням в замок, следуя на запах готового обеда.

Глава 8. Прослушивания

Следующий урок Защиты от Темных Искусств был несколько более терпимым, нежели предыдущий, видимо, потому, что его вел один из приглашенных помощников преподавателя. Впрочем, помощник, вероятно, был не меньшей знаменитостью, нежели сам Дебеллоуз, поскольку он не только был нынешним лидером Харриерсов, но и бывшим болгарским игроком в квиддич, принимавшим участие в Кубке Мира. Виктор Крам вошел в тренажерный зал и, после того, как Дебеллоуз представил его, все разразились аплодисментами. Джеймс мало был с ним знаком, они встречались один раз год или два назад. Виктор Крам, конечно же, был одним из участников Турнира Трех Волшебников наравне с папой Джеймса, тетей Флер и Седриком. В течение этого времени у него был короткий роман с тетей Гермионой, так что, когда ему случалось оказаться в одном помещении с семьей Уизли, тетя Гермиона, как правило, отводила взгляд, а дядя Рон принимал набычившийся вид.

Виктор говорил со своим живым акцентом, рассказывая классу, как он тренировался вместе с Кендриком Дебеллоузом в молодости, когда он еще был ловцом Харриерсов, и уверял всех, что он не был бы тем, кем он является сейчас, если бы Кендрик не помог ему. Джеймс почти сразу заскучал. Виктор ему немного нравился, но его нелюбви к Дебеллоузу было достаточно, чтобы не менять точку зрения на человека из-за похвал его протее, от которых Джеймсу становилось неудобно. Кончилось все тем, что не было никаких практик и показательных выступлений, хотя Дебеллоуз вызвал Крама на «конкурс мужества», чтобы показать, кто из них лучший. Виктор отклонил вызов, и Джеймсу хотелось бы верить, что молодой человек сделал это, потому что не хотел позорить своего наставника.

Пока класс медленно тянулся к выходу, Джеймс заметил, что Ральф, который был не намного талантливее Джеймса в изобразительном искусстве, нарисовал листовку с логотипом для нового Клуба Обороны.

Когда они вышли из спортзала и направились на историю магии, Джеймс сказал Ральфу:

– Тебе не кажется, что нам не следует рассказывать об этом всем подряд, пока у нас не появится учитель?

– Это твоя забота, – пожал плечами Ральф. – Мне надо выполнить свою часть работы. Кроме того, ты собирался поговорить с Седриком об этом. У тебя получится.

– Да, конечно. Но я еще не говорил с ним.

– Тебе бы лучше поторопиться с этим делом, – сказала Роуз, встретив их в пересечении коридоров. – Первое собрание завтра вечером.

Джеймс чуть не выронил книгу:

– Завтра? С чего бы это?

– С того, что я рассказала об этом в Большом Зале на завтраке, – ответила Роуз. – Я хотела рассказать только Генриетте Литлбай и Фионе Фоуркомпас, но вы знаете Фиону. Весь стол Когтеврана говорил об этом, когда я ушла. Возник ажиотаж вокруг этого клуба. Никому не нравится, как Дебеллоуз ведет ЗОТИ, хотя увидеть Виктора в этих залах сегодня утром было чем-то вроде ложки меда, – хихикнула Роуз.

– Но мы даже не знаем, где нам собраться! – воскликнул Джеймс. – Я думал, что мы начнем все это в конце следующей недели!

– Да, но это было до того, как мы поговорили с директором и увидели в зеркале то, что видели. Ральф прав. Этот клуб сейчас очень актуален. Кроме того, – Роуз фыркнула, останавливаясь у двери кабинета Истории магии, – мы договорились, что я отвечаю за расписание.

– Да, кажется, так, но... весь когтевранский стол?

Роуз кивнула:

– А Луи расскажет обо всем этом пуффендуйцам.

– Луи?! – вскричал Джеймс, снова повышая голос. – Ты и Луи сюда вмешала?

– Он подслушал меня, поэтому я подумала, что хотя бы заставлю его поработать. В чем дело? Мне казалось, ты упомянул, что там могут быть все, кто хочет?

– Да, конечно... – сказал Джеймс, понижая голос, – все, кого мы бы хотели пригласить туда.

– Я не думаю, что это сработает, – ответил Ральф. – Кроме того, рассказы о клубе сейчас разлетаются по всей школе.

Джеймс вздохнул с досадой, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Он должен был пойти и найти Седрика сегодня же вечером. Если, конечно, у него это получится. Думая об этом, он повернулся и зашел в переполненную аудиторию. Профессор Биннс булькал где-то вдали, стоя спиной к ученикам, и, как всегда, писал что-то на доске совершенно неразборчиво.

В этот же вечер после ужина Джеймс наконец получил возможность, которую он ждал. На лестнице Ральф пожелал им всем спокойной ночи, а Роуз отправилась в библиотеку, чтобы заняться там выполнением домашнего задания. После того, как Ральф спустился в подвалы, Джеймс отвернулся от лестницы и пошел вдоль главного зала в сторону портика. Он был уверен в том, что должен сделать это в одиночестве. Когда он повернул в коридор, который был заполнен трофеями, он замедлил ход, оглядываясь по сторонам. Никого вокруг вроде бы не было, и в коридорах было довольно тихо, так как большинство учеников в этот поздний час уже разошлись по своим гостиным.

Джеймс с легким сердцем шел вдоль витрин, проходя мимо фотографий старинных команд Дома Квиддича, отображающих старые игровые шары, таблички и трофеи. На мгновение он остановился напротив трофея с турнира по квиддичу с выгравированным списком имен. Он был довольно старым и тусклым, но имя около основания было все еще различимо. «Джеймс Поттер – охотник», – разобрал он плавные буквы. Так звали деда Джеймса, которого он никогда не знал. Он вдруг почувствовал невероятную грусть, потому что это напомнило ему, что теперь у него вообще больше не было дедушек. Памятная табличка была довольно пыльной, вероятно, забыта большинством, всеми, кто ежедневно проходил через эти залы. У Джеймса появилось сильное желание прикоснуться к табличке, будто бы чтобы убедиться, что это реально. Это было похоже на якорь, который связал его с

человеком и временем, которых он никогда не знал. Джеймс оглядел коридор, уверяя себя, что никто его не заметит, а потом принялся за дело. Стекло двери немного скрипнуло, когда он открыл ее. Он протянул руку и провел пальцем по имени, выгравированному около основания, прочертив слабую линию по пыли. Он едва мог чувствовать гравировку букв. Вдруг, ни с того ни с сего, Джеймс вспомнил слова, которые его отец сказал ему в ночь на похоронах дедушки: «Дед – на самом деле третий отец, которого я потерял... Я вернулся к тому, с чего я начал». Это имя на трофее уже было, когда все началось. Этот трофей с тех последних нескольких лет, прежде чем все изменилось, подумал Джеймс. Это было до того, как бабушка и дедушка были убиты Волдемортом; до гибели крестного отца папы, Сириуса, в Отделе Тайн; прежде, чем старый Дамблдор был сражен на одной из крыш этого самого замка; это было еще до всех тех событий, тогда, когда все были счастливы, и никто не еще умирал. Если только... если только...

– Я помню, как твой папа стоял перед этой самой табличкой, – тихо сказал голос.

Джеймс не был удивлен. Он не обернулся, когда сказал:

– Я пришел сюда, чтобы найти тебя. У меня было ощущение, что это то, откуда ты пришел, когда ты не знал, куда еще можно пойти.

– Это первое место, которое я вспомнил, после того, как я умер, – сказал призрачный голос Седрика Диггори. – Прошло очень много времени в пустоте, хотя иногда казалось, что прошло не больше минуты. Наконец я оказался здесь, глядя на собственное изображение на Кубке Трех Волшебников. Я провел немало времени за этим занятием. Это было... утешительно, так сказать. Я ведь не вижу себя в зеркале, ты знаешь. Это только одна из особенностей бытия призрака.

Джеймс закрыл шкаф с трофеем и повернулся к Седрику.

– Ты видел моего отца тут, смотрящего на имя дедушки на табличке?

Седрик улыбнулся, вспоминая.

– Не только его. Их было трое. Рон, Гермиона и Гарри. Это был их первый год. Я тогда не знал их, но я знал, кем был твой отец. Каждый знал.

Джеймс снова взглянул на табличку. Было приятно узнать, что его отец тоже смотрел на имя и чувствовал то же, что и он. Мальчик

вздохнул.

– Прошлое – это стальная ловушка, – сказал Седрик. – Поверь мне на слово, Джеймс.

Джеймс взглянул наверх, будто удивился.

– Что? – Сказал Седрик. – Это еще не все, не так ли?

Джеймс потряс головой.

– Нет. В смысле, да, полагаю, но это не то, о чем я думал. У меня сейчас было самое странное, сильнейшее чувство, что это случилось раньше. Причем почему–то я подумал о рассказе Ральфа.

Седрик посмотрел недоуменно. Джеймс вышел, махнув рукой.

– Это тот рассказ, что мы изучали на МагЛите. Профессор Ривальвье сказала, что все великие волшебные истории предназначены для того, чтобы их передавали из уст в уста, потому что написанные слова ограничивают их и делают их ручными. Волшебные истории предназначены для того, чтобы выжить. Они меняются с каждым пересказом, потому что они подбирают дух рассказчика. Я не знаю, почему, но я думаю только о последней строчке из сказки, что Ральф рассказал нам в классе. Это единственная строчка, которую я могу когда–нибудь правильно передать, когда я попытаюсь записать это.

– Что это? – спросил Седрик.

Джеймс задумался.

– Теперь я – Король Кошек, – сказал он, как бы проверяя слова.

Призрак Седрика молчал. Спустя мгновение он спросил:

– Что это значит?

– Это и значит, – сказал Джеймс, потрянув голову. – Это, кажется, не значит ничего больше, чем то, о чем я подумал. Затем, внезапно, это хлопнуло в моей голове, прям как сейчас, и это показалось очень важным. Я просто не могу не приложить к этому своих рук. Это как что–то, едва различимое краем глаза, то, что исчезает, как только ты смотришь прямо на него.

– Ну, я думаю, если это действительно так важно, это придет к тебе, когда тебе будет нужно, – сказал Седрик, пожав плечами. – Так ты говорил, что ты пришел, чтобы найти меня?

– О, – ответил Джеймс, встряхнувшись. – Да. Э–э... – Он вздохнул и посмотрел на призрака прямо в его полупрозрачные глаза. – Нам нужна твоя помощь, Сед. Я не знаю, как еще сказать. Мы собираем этот клуб,

Ральф, Роуз и я. На самом деле, это была идея Ноя, Сабрины и Дэмьена, но мы те единственные, которые пошли к Мерлину и получили разрешение и все такое. Честно говоря, мы даже не первые, кто сделал это. Мой папа входил в такой же клуб в свое время, хотя это было после тебя, знаешь, э-э... в любом случае, мы должны узнать, как научиться защитным заклинаниям и приемам, а наш новый учитель в этом году отказывается обучать нас чему-либо, кроме как тянуть подколенное сухожилие. Мы получили разрешение на официальное открытие клуба, и теперь, кажется, уже вся школа уже знает об этом. Завтра наша первая встреча, но у нас даже нет учителя. Вот почему я пришел искать тебя. Когда мы впервые заговорили об этом, ты был первым человеком, о котором Ральф, Роуз и я подумали, тем, способен научить нас защитной магии.

– Ты это не серьезно, ведь правда? – сказал Седрик, улыбаясь немного криво. – Я призрак, если ты не заметил. У меня не только больше нет рабочей палочки, технически, у меня нет даже пальцев. Я не могу оглушить даже пылекролика. У меня достаточно долгое время не заколдовывались фонари, когда я пытаюсь быть «Молчаливым Призраком». И вы считаете, что я могу научить оборонительной магической технике?

– Ну, да! – сказал Джеймс, подходя ближе к нему. – Я имею в виду, ты был великим волшебником, даже когда ты был еще в школе! Все так говорят! Даже Виктор Крам говорит о том, как ты перехитрил дракона и взял на себя водяных. Ты был настоящим! Кроме того, у тебя есть реальный боевой опыт, после турнира Трех Волшебников. И ты учился при Дамблдоре, во времена, как говорят, золотого века Хогвартса. Давай, Седрик! Это прекрасно!

– Я не думаю, что это так, Джеймс, – сказал Седрик, его улыбка исчезла. – Это здорово, что вы вообще решили попросить меня, и все такое, но...

– Смотри, Седрик, это не только для нас, – сказал Джеймс, подходя еще немного ближе к призраку. – Ты сказал, что думаешь, что здесь нет больше места для тебя. Все ваши старые друзья и одноклассники пошли дальше. Но есть целая куча из тех, кому ты действительно нужен, здесь и сейчас. Мой папа говорит, что ты был просто превосходен со своей палочкой и техникой, и все знают, что ты прирожденный лидер. Я

знаю, что ты до сих пор помнишь все это, потому что призраки не ощущают время так же, как это делают живые. Ну, что ты скажешь?

Призрак Седрика было порхают назад, его лицо обратное приведение, когда он покачал головой.

– Я не могу, Джеймс. Часть меня, действительно, хотела бы это сделать, но я не могу. Ты не можешь понять.

– Давай, Сед, просто попробуй это в течение недели или двух. Это будет здорово! Ты всем понравиться, и я просто знаю, что ты сможешь научить нас куче всякого. Кроме того...

Джеймс запнулся, не зная, следует ли ему говорить дальше. Седрик остановился и посмотрел на него. Джеймс сделал глубокий вдох и продолжил.

– Помнишь, в конце прошлого года, ту ночь, когда мы говорили в гостиной Гриффиндора? Ты сказал мне, что здесь в залах, по-прежнему ощущается присутствие Волдеморта, хотя он давно мертв. Ну, Роуз и Ральф и я, мы видели кое-что. И... я почувствовал кое-что. Что-то случилось, и это связано со старыми Пожирателями Смерти, и могилой Волдеморта, и некоторым действительно страшное существо в плаще, что выглядит, будто соткано из закрученного дыма и пепла. Роуз даже считает, что сюда вовлечен директор, хотя я и не согласен.

Я пытаюсь сказать, что, возможно, скоро опять начнется схватка. Дебеллоуз не учит нас ничему стоящему, используемому в реальной магической схватке. Мы просто хотим быть подготовленными. Мы хотим быть готовыми. Ты с того времени, когда Волдеморт был еще жив. Ты знаешь, как лучше бороться с этими людьми. Ты идеально подходишь, и мы нуждаемся в тебе.

Седрик посмотрел на Джеймса в течение долгого, напряженного момента. Он, казалось, боролся с самим собой. Наконец он опустил лоб и отвернулся.

– Ты прав только в одной вещи, Джеймс. Я имел боевой опыт. Я был убит в свой первый же бой. Он длился в общей сложности десять секунд.

Джеймс был поражен.

– Сед, ты не можешь думать так. Той ночью на кладбище... это было не сражение. Я слышал, папа об этом говорил. Он был там, помнишь? Петтигрю выстрелил в тебя без предупреждения. Ты не

можешь серьезно думать...

– Правда, Джеймс, – Седрик сказал, глядя вверх. Глаза призрака были очень серьезными. – Не проси меня снова. У меня есть причины. Я не могу, ладно?

Джеймс встретился взглядом с призраком. Через некоторое время он глубоко вздохнул.

– Ладно, Седрик. Забудь об этом. Прости, что побеспокоил тебя. Увидимся.

Джеймс повернулся и побрел прочь. Он так и замер на полпути вниз по коридору, когда неожиданно раздался голос Седрика:

– Это и правда больно?

Джеймс остановился как вкопанный и прищурился. Он оглянулся через плечо.

– Что больно?

Седрик не сдвинулся с места. Он парил около шкафа с трофеем, выглядев столь же серьезно, как Джеймс.

– Шрам на лбу.

Сердце Джеймса екнуло. Недолго думая, он коснулся места, где почувствовал зуд и странную жалящую боль возле кабинета директора.

– Ты можешь видеть это? – прошептал он резко.

Седрик медленно кивнул.

– Что... – Джеймс начал было, но голос подвел его. Он прочистил горло. – На что он похож?

Выражение Седрика не изменилось. Он знал, что Джеймс знал.

– Он похож на молнию, Джеймс. Так же, как у твоего отца. Кроме этого, зеленый. Немного светится.

Глаза Джеймса широко раскрылись, и его сердце бешено застучало. Участок на лбу был теплым. Он горел немного теперь, когда он подумал об этом. Он снова беспомощно глянул вверх на Седрика.

– Не волнуйся, – сказал Седрик, предчувствуя вопрос Джеймса. – Я не думаю, что кто-то может увидеть его. Возможно, кроме других призраков. Он проявился там только в течение последней недели или около того. Сначала довольно слабо, но сейчас... Вот почему я спросил, больно ли это.

Мысли Джеймса заметались. Что бы это значило? Почему это происходит?

– Он болит иногда, – признался Джеймс, – но только немного. В основном, просто чешется. За единственным исключением прямо у кабинета директора. Мерлин посмотрел на меня, и он... он ужалил. Но только на секунду.

Седрик торжественно кивнул.

– Обрати на него внимание, Джеймс. Определенно есть причина для его появления. Но будь осторожен. Все же не стоит ему безраздельно доверять.

Джеймс кивнул, едва слушая. Он огляделся быстро, просто чтобы убедиться, что никто не подошел и не подслушал разговор. Коридор был по-прежнему пуст. Когда он снова поднял глаза, призрак Седрика уже исчез.

– Седрик? – прошептал Джеймс. Ответа не последовало. Джеймс не мог быть уверен в том, действительно ли призрак ушел или просто стал невидимым. – Седрик, если ты все еще там, и ты переменишь свое мнение... ну, ты знаешь, где найти меня, верно?

Воздух в коридоре был тих и неподвижен. Джеймс снова тревожно потер лоб. Наконец он вздохнул, повернулся и поплелся назад, к лестницам и гостиной Гриффиндора.

Как только Джеймс добрался до общей гостиной, он сразу рассказал Роуз о результатах своей встречи с Седриком. Она на удивление спокойно восприняла отказ призрака, поскольку помнила разговор, который случился у них в коридоре неделей раньше.

– Этого следовало ожидать, – сказала она, кивая. – Что ж, теперь нам нужно только найти кого-то еще за это время. Это хорошо, на самом деле. По крайней мере, никто из учеников, с которыми мы говорили сегодня, не будет ничего знать о Седрике.

– Но как мы успеем найти учителя за такой короткий срок? – заволновался Джеймс. – Ведь все придут завтра с определенными ожиданиями, Роуз! Мы не можем просто сказать им, чтобы они открыли свои учебники по Закщите и начать пробовать все заклинания подряд вне зависимости от своих способностей! Это будет полнейшей глупостью!

Роуз, похоже, задумалась.

– Может быть, нам стоит попросить Виктора. Он собирается побыть здесь до конца следующей недели. Он, конечно, знает свой материал.

– Он слишком близок с Дебеллоузом, – сказал Джеймс, – так что, во-первых, сразу расскажет ему, а во-вторых, не сможет довести занятия до конца.

Роуз осматривала комнату, скрестив руки. Внезапно ее глаза расширились. Она оглянулась на Джеймса, скривив губы в легкой улыбке.

– А ведь среди нас уже есть кое-кто, кто, похоже, неплохо разбирается в защитной магии.

– Чем старше становишься, тем меньше захочешь заниматься всем этим, – вздохнул Джеймс. – Этот вариант мы уже обсуждали, Роуз.

– На самом деле, – сказала Роуз, снова глядя исподлобья, – человек, которого я имела в виду, на год моложе тебя.

Джеймс проследил за направлением взгляда своей двоюродной сестры. Скорпиус Малфой сидел за столом в другом конце комнаты, лениво перелистывая страницы в учебнике. Он поднял глаза, заметив пристальный взгляд Джеймса, и слегка усмехнулся.

– Нет и через тысячу лет нет, Роуз, – решительно сказал Джеймс, разворачиваясь и скрещивая руки на груди. – Нет, даже через миллион лет нет.

– Я просто хочу напомнить, – невинным голосом сказала Роуз, – ты упоминал, что он использовал Оглушающее Заклинание в поезде против Альбуса. И все остальные второкурсники говорили о том, что он сделал с твоим изголовьем, результат, надо признать, впечатляет. Он уже знает левитацию, и...

– Нет, Роуз! – Джеймс прошипел, перебивая. – Я лучше возьму дополнительные уроки у Деббелоуза на его Тропе Препятствий, чем я попрошу его научить меня хоть чему-нибудь!

– Готов ли ты решать и за остальных членов клуба тоже?

– Он не учитель! Он абсолютный придурок! Он, наверное, все равно не сделает этого, даже если мы будем валяться в ногах! Подобные ему никогда не делятся своими знаниями.

Роуз чопорно разгладила мантию.

– Ну, ты не можешь знать, пока не попробуешь. В самом деле, Джеймс. Хотим ли мы учителя или нет?

Джеймс покачал головой.

– Мы хотим учителя, а не самодовольного мелкого кретина,

который разучил несколько трюков. Если ты хочешь, чтобы он учил, ты и спросишь его.

– Я с легкостью это сделаю, – гордо ответила Роуз. Она собрала свою сумку и пошла прочь. Джеймс уставился на нее, но она просто поднялась по лестнице в спальню для девочек. Если она и собиралась попросить Скорпиуса вести занятия в новом Клубе Оборона, она, по-видимому, не планировала делать это именно сейчас. Некоторое время спустя Джеймс поднялся по лестнице с противоположной стороне комнаты.

Пока он готовился ко сну, его мысли крутились вокруг разговора с призраком Седрика. Он должен был догадаться, что Седрик откажется от ведения Клуба, и все же было действительно видно, что какая-то часть Седрика хотела сделать это. И что мог бы означать увиденный Седриком светящийся зеленый шрам-молния на голове Джеймса? Когда Джеймс закончил чистить зубы в крошечной уборной, он наклонился, рассматривая себя в зеркале.

Насколько он мог видеть, его лоб был вполне обычным. И все же, даже сейчас, он мог чувствовать это еле различимое предательское покалывание. Раньше Джеймс часто видел людей, узнававших его отца по его знаменитому шраму, и Джеймс иногда думал, что было бы здорово тоже иметь такой знак.

Тогда Джеймс не понимал, какую цену его отец заплатил за этот шрам. Даже сейчас он не мог полностью понять его, но все же теперь, потеряв дедушку Уизли, стал понимать больше. Он знал достаточно, чтобы больше не желать себе подобного. Какое-то время в прошлом году Джеймс боролся с ожиданием того, что он последует по стопам своего знаменитого отца. Теперь Джеймс знал, что это было бы слишком много для него. Более важным было то, что у Джеймса впереди лежит свой собственный путь, уникальный для него. Он не был обязан воспроизводить то, что сделал его отец. Он усвоил этот урок, не так ли? Так почему же он переживает этот фантом шрам-молнии? Что он пытается сказать ему? И может ли он доверять ему? Не было никакого смысла беспокоиться об этом. И все же было трудно отпустить. В конце концов, забравшись в постель, Джеймс отвлекал себя тем, что пытался придумать хоть кого-нибудь, кто мог бы, возможно, стать учителем в новом Клубе Оборона. Никто не приходил

ему на ум, и, конечно, он не собирался просить Скорпиуса, но это занятие отвлекло от таинственного покалывания во лбу. Наконец в конце концов, сон принял Джеймса в свои объятия.

Откуда–то гулко раздавались голоса, невнятно повторяющие что–то или, возможно, это был только один голос, но эхо разделяло его на множество отголосков. Джеймс не мог разобрать ни слова, но звук голоса был одновременно успокаивающим и сводящим с ума, как царапанье ядовитого плюща. В темноте мелькали какие–то вспышки, словно отблески света на клинках, пронзающих воздух. За голос слышался лязг и грохот древней техники, и звон воды, все повторяющийся, сбивающий с толку. Шаги гремели по камням, и голоса становились все ближе. Джеймс мог слышать слова, но они были бессвязными и странными. Свет стал ярче, мерцая, как будто из–под воды. Он был зеленым, и в нем мелькали лица. Мужчина и женщина манили, грустно улыбаясь, надеясь...

– Джеймс, ну ты и соня. Вставай давай!

Мешок с бельем обрушился на голову Джеймса, и он резко подскочил, мигая.

– Ну наконец–то, – несколько устало пробормотал Грэхем. – Я пытался разбудить тебя целую минуту. Ты всегда говоришь во сне?

Джеймс мутным взглядом посмотрел на Грэхема.

– Откуда мне знать, – пробормотал он ворчливо, – если я делаю это, когда я сплю? – сон кружил голову, как рой комаров, но он не мог вспомнить хоть что–то. Утренний свет проник в комнату, как Грэхем выскользнул из постели.

– Ну, в любом случае пора просыпаться, – сказал Грэхем. – Я чувствую запах бекон по дороге сюда. Давай смолотим тарелку прежде, чем Хьюго спустится и сожрет все, что там есть.

Удивительно теплый осенний день радостно разбрасывал солнечные лучи во второй половине дня. Классы гудели на утренних занятиях и едва замечали Джеймса, погрузившегося в размышления о странном вчерашнем сне и одновременно пытавшегося решить, кто же проведет первую встречу членов Клуба Оборона, которая состоится во второй половине дня, а также тревожившегося о словах Седрика о фантомном шраме на голове. В какой–то момент, Джеймс связал сновидение со шрамом, вспомнив, что шрам отца когда–то был своего

рода пропуском в мысли Волдеморта.

Но Волдеморт уже давно мертв. Шрам отца не болел в течение двух десятилетий. Что бы ни означал фантом на лбу Джеймса, он не имел отношения к каким-то образом возродившемуся Темному Лорду, ведь его отец, несомненно, почувствовал бы это в первую очередь.

Если только, вдруг подумал Джеймс, это не было его связью с тайным наследником Волдеморта, о котором дриада рассказала ему в прошлом году. Джеймс вздрогнул, приседая на траве на занятии по уходу за магическими существами Хагрида. Как он может быть связан с наследником? Ведь это его отец, Гарри Поттер, был единственным носителем шрама, а не Джеймс. Почему он?

«Прошли дни твоего отца, – сказала дриада, – твоя же битва впереди еще».

– Джеймс, – сказал Хагрид, глядя на него поверх других учеников, – что-то не так с логовом твоего соплохвоста?

Джеймс посмотрел на грязное, слизистое месиво перед собой. Он погрузил руку туда, нащупав только что посаженного туда скользкого угря.

– Нет, нет, все в порядке, Хагрид. Слизняк там, где он должен быть. Это и правда здорово.

– Это совершенно отвратительно, – сказал Ральф, покопавшись рукой перед собой. Раздался плеск и омерзительный сосущий звук. Вдруг он сделал выпад и потянул, выдергивая за хвост своего соплохвоста из грязи.

– Чудесненько! – захохотал от души Хагрид, – у Ральфа получилось перевернуть его вертикально. Как только соплохвост повернется мордочкой вниз в свою норку, он скользит медленнее. Просто ласково и осторожно поласкайте его брюшко. Это его, эгм, успокоит. Тогда мы сможем заготовить слизь угря. Очень полезная штука, эта слизь соплохвоста.

Грэхем поморщился и попытался счистить слизь со своих пальцев.

– Так это растение или животное, Хагрид?

– Ну, на каком вы уроке, мистер Уортон? – ответил Хагрид вопросом на вопрос.

– Уход за магическими существами, – ответил Грэхем монотонно.

– Тогда, поскольку это не занятие по травологии профессора

Долгопупса, – сказал Хагрид, ухмыляясь, – то я могу предположить, что соплохвост – волшебное существо с некоторыми необычными растительными признаками, не так ли?

– Профессор Хагрид! – вдруг во весь голос завопила Морган Патония, любящая, чтобы ее все слышали. – Думаю, что мне слишком трудно вытащить своего соплохвоста!

Все обернулись. Морган вскочила на ноги, держа соплохвоста на расстоянии вытянутой руки, пытаясь максимально отдалиться от вращающегося метрового существа. Всплески зеленоватой слизи разлетались от угря, забрызгивая мантию Морган и землю под собой.

– Не давайте ему уйти! – воскликнул Хагрид, вскинув руки. – Отпустите обратно в его логово, но не давайте уйти! Он увильнет вниз к озеру, и мы никогда не увидим... э-э... снова, а ведь соплохвосты такие славные! Просто вниз... э-э... осторожно голову сперва в логово, вот такочки, мисс Патония.

Ральф наблюдал за Морган, опускавшей извивающегося соплохвоста обратно в месиво склизкой грязи. ее лицо было маской полного отвращения. Стреловидные головки угря коснулись грязи, и тело рванулось вперед, пытаясь зарыться в нору.

– Ускользнул, эх, – Хагрид вздохнул. – Ничего страшного. Хороший урок для всех нас, вот так вот. Держите голову в норе. Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, а, мисс Патония?

Морган смело улыбнулась, выглядя так, будто ей и правда очень жаль. Слизь тянулась косыми полосами по всей ее мантии.

– Прежде, чем я узнал, что я волшебник, – задумчиво сказал Ральф, глядя на мантию Морган, – я планировал поступать в школу для мальчиков Байрона Бруггмэна. Бьюсь об заклад, там нет никаких соплохвостов.

– Можно подумать, ты бы не скучал по ним, – сказал Грэхем с легкой улыбкой. Затем он ловко метнул слизь с пальца прямо на Ральфа.

В тот же день Джеймс прокладывал себе путь через переполненные залы, не оглядываясь, будто стараясь избегать чужих взглядов. Свободное время во второй половине дня было оставлено для драматических прослушиваний профессора Карри, и Джеймс был на пути в кабинет магловедения. В поперечном коридоре Джеймс встретил Роуз и Ральфа, которые оживленно разговаривали.

– Что это вы двое тут делаете? – спросил Джеймс, останавливаясь и глядя на каждого из них по очереди.

– Ну, я пришла, чтобы посмотреть прослушивание Петры на роль Астры, – ответила Роуз, – у тебя все хорошо, братец?

– А я просто пришел, потому что альтернатива – это идти и начинать делать домашнее задание по Заклинаниям, – ответил Ральф. – Роуз пообещала, что она поможет мне с этим, если я подожду до вечера. Мне это нелегко дается. А ты что?

– Я? – сказал Джеймс, и его голос сорвался в писк. – Ничего. На самом деле. Я просто... По той же причине. Давайте, пойдем уже.

Когда они вошли в класс по Магловедению, лицо Джеймса пылало. Он быстро прошел к передней части аудитории, надеясь, что Ральф и Роуз не последуют за ним. Он забился в угол второго ряда и был раздражен, увидев, что те последовали за ним.

– Что это с тобой, Джеймс? – спросил Роуз, садясь и глядя на него с любопытством.

– Вы нашли место для встреч Клуба Обороны? – вместо ответа спросил Джеймс, меняя тему.

– О, да-а-а, – медленно сказала Роуз, по-прежнему изучая лицо Джеймса. – Тренировочный зал не используется по вечерам, так что я получила нам разрешение на встречу там. Все под контролем.

– Тренировочный зал? – застонал Ральф. – Я ненавижу это место. Это класс Дебеллоуза. Это лучшее, что ты могла найти?

– Это идеальное место для встреч, – сухо ответила Роуз. – Там нет столов и стульев, чтобы удариться, и уже есть много мишеней для практики заклинаний. И, в конце концов, если мы начнем проводить практические поединки, мягкие полы будут очень полезны.

– Вы уверены, что поединки это хорошая идея? – спросил Ральф. – Я имею в виду, Джеймс ведь пообещал директору, что мы не станем практиковаться друг на друге.

– Дуэли необходимы для нормальной оборонительной техники, Ральф, – сказала Роуз, закатывая глаза. – Многие залинания невозможно накладывать на неподвижные мишени. К тому же, я бы предпочла, чтобы директор поменьше знал о наших тренировках. Он может попытаться закрыть нас.

Джеймс нахмурился.

– Роуз, это просто смешно. Мерлин наверняка будет рад, что мы учимся реальным магическим методы борьбы.

– Да? Тогда зачем он нанял Дебеллоуза? – спросила Роуз, приподняв брови.

– Мерлин не отвечает за принятие подобных решений, – ответил Джеймс, но неуверенно.

– Моя мама и твой папа оба работают в министерстве, Джеймс. Мы оба знаем, что директор имеет право на окончательное решение, касающееся любого предмета. Кроме того, Мерлин не тот человек, который позволил бы другим людям принимать решения за него. Дебеллоуз здесь потому, что Мерлин хочет, чтобы он здесь был.

Ральф сказал:

– Это еще не значит, что он пытается удержать нас от изучения чего-нибудь полезного.

– Нет, – легко согласилась Роуз. – Но если да, Дебеллоуз это отличный способ, чтобы убедиться, что мы этого не сделаем. И после того, что мы видели в зеркале, я бы не рисковала.

Джеймс уже открыл было рот, чтобы поспорить с Ройз, но в этот момент профессор Карри встала и прокашлялась.

– Спасибо всем, что пришли, – пропела она. – Эти прослушивания не являются обязательными, так что я воспринимаю ваше присутствие как признак здорового интереса к нашему труду. Конечно, эти прослушивания не вполне соответствуют проводимым в театре маглов, но в интересах образования мы предпочли формат скорее общественного конкурса. Сегодня мы завершим прослушивания на роли Астры, Трея, короля Джулиана и Болотной Ведьмы. Окончательные решения будут приниматься мной и избранными представителями от основных факультетов–участников.

Давайте немного познакомимся: руководитель отдела реквизита – мистер Джейсон Смит, заведующая костюмами – мисс Дженнифер

Теллус, глава команды, отвечающей за сцену, – мистер Хьюго Полсон, и, наконец, мой официальный помощник и заместитель – мисс Табита Корсика.

Четыре представителя сидели за длинным столом в переднем углу, расположенным так, что они оказались лицом к классу и упирающимся в сцену, отведенную для прослушиваний. Все четверо вяло поаплодировали, кивая и улыбаясь. Хьюго встал и широко вскинул руки, будто принимая награду. Он низко поклонился, и Дженнифер Теллус одернула его обратно в свое место, закатив глаза. В конце стола Табита загадочно улыбнулась. Она бросила на Джеймса быстрый взгляд и подмигнула. Джеймс нахмурился.

– Прежде всего, – сказала профессор Карри, сверяясь с кипой пергаментов в руке, – мы будем просматривать последние две кандидатуры на роль Астры. Мисс Джозефина Бартлетт, седьмой курс, Когтевран, будет читать в первую очередь. Просим, как всегда, соблюдать тишину в зале. Это значит никаких аплодисментов, спасибо. Мисс Бартлетт, прошу вперед, когда вы будете готовы.

Джозефина Бартлетт практически прискакала к передней части комнаты, ее мантия развевалась вокруг нее и ее длинные светлые волосы блестели в солнечном свете, изливающимся из окон.

– Спасибо вам всем, и в частности Комиссии, – сказала Джозефина, обаятельно улыбнувшись. – Кого бы вы ни выберете в итоге, это будет прекрасной возможностью для меня и всех остальных кандидатов.

– Просто читай, Джозефина, – сказала Дженнифер, выгнув бровь.

Джозефина улыбнулась чуть шире, глядя на Дженнифер, а потом вдруг опустила руки и голову, словно сломанная кукла. Она сделала глубокий вдох, по-видимому, уставившись в пол между ногами. Затем, медленно, она подняла голову. ее глаза заблестели. Она смотрела на собравшихся учеников, выражение блаженной тоски отразилось на ее лице.

– Услышь! – воскликнула она, поднимая руку так быстро, что ее рукав взметнулся. Она указала вперед. Сидящий за столом Комитета Хьюго повернул голову, чтобы увидеть то, на что указывала Джозефина. Дженнифер толкнула его в бок локтем. Джозефина сделала глубокий судорожный вдох.

– Не освещаешь ты ли, о закатный луч, в дали сей парус

возвернувшейся любви моей, иль взор обманут мой желаньем сердца тайным? Случилось коли так, что он лежит на синем дне, в глубокой океана бездне, то никогда моей душе уж не проснуться, не сбыться сну желаний: уж лучше быть мне в склепе погребенной, среди спящих вечным сном, чем мертвецом живым ходить среди людей, весь мир сей – ад, мой ад без моего родного Трея. Услышь зов сердца моего, оно разбитое трепещет! О, Трей мой, где же ты? Вернись на родину свою, или позволь мне воссоединиться с тобой на ложе каменном твоём под саваном в объятьях смерти! Душа моя в страданиях сгорает! Трей, жажду я ответ твой слышать, ценой молчанью станет лишь уход – уход! – души моей в пучину вечных снов – во тьму и тишину могилы!

Джозефина замолчала, и одинокая слеза скатилась вниз по щеке. Ее губы дрожали почти минуту. Затем, внезапно, ее лицо прояснилось. Она вытерла слезу рукавом и улыбнулась присутствующим. Последовал коллективный вздох. Даже Джеймс задержал дыхание. Роуз посмотрела на него с досадой. Джеймс пожал плечами, а она закатила глаза.

– Отлично, мисс Бартлетт, – сказала Карри со своего места за столом. – Может быть, немного, э-э, мелодраматично, но, конечно, весьма экспрессивно. Есть комментарии со стола?

Лицо Хьюго сморщилось в недоумении.

– Что означает «трепещет»?

Дженнифер вздохнула и повернулась к Джозефине.

– Ты, очевидно, долго тренировалась, Джо, и это видно. Хорошая подготовка.

– Объясни мне, – сказала Табита, опустив глаза к столешнице и нахмутив брови, – ты пыталась представить Астру как грустную и несчастную, или мы должны поверить, что она только что перенесла полную переднюю лоботомию?

Улыбка Джозефины сползла.

– Думай, что хочешь, Табита. Я не думаю, что кто-то еще разделяет твое, хе-хе, профессиональное толкование.

– Я не уверена, что это столь уж важно, – мягко сказала Табита, встретившись глазами Джозефины.

– Если ты сама хотела роль, – сказала Джозефина, усмехнувшись, – то тебе следовало бы попробовать на нее. В противном случае пусть те немногие, кто знает, как играть, приступают к работе.

– Достаточно, мисс Бартлетт, – быстро сказала Карри. – Пожалуйста, не стесняйтесь вернуться на свое место. Теперь второе прослушивание части Астры, следующая – Петра Моргенштерн, седьмой курс, Гриффиндор. Мисс Моргенштерн, вы готовы начать?

Петра поднялась с места в конце комнаты. Джеймс повернулся, чтобы посмотреть, как она подходит к сцене. Она держала в руках свой сценарий, и продолжала его читать, уже повернувшись к зрителям. Ее губы шевелились, пока глаза бегали по строчкам.

– Я предлагала ей порепетировать, – прошептала Роуз Джеймсу, – но она сказала, что хочет проделать все свежим, без репетиций. Клянусь, она вряд ли даже прочитала весь сценарий.

Петра снова опустила сценарий и откашлялась в кулак. Наконец она посмотрела в толпу учеников, ее лицо было почти пустым, с легкими морщинками на лбу. Последовала десятисекундная пауза, и Джеймс забеспокоился, что Петра забыла свою реплику. Наконец почти шепотом Петра произнесла первое слово: «Услышь».

Вся комната, казалось, наклонилась вперед, когда Петра читала строки, тихо, вдумчиво, как бы про себя. Ее голос поднялся до обычной громкости речи, когда она уже заканчивала.

– О, Трей мой, где же ты? – произнесла она, и ее голос был полон сомнений, как если бы она знала, что надежда Астры была столь же тонкой, как ткань ее платья. – Вернись на родину свою, или позволь мне воссоединиться с тобой на ложе каменном твоим под саваном в объятьях смерти... – Она замолчала, и ее голос снова снизился почти до шепота. – Трей, жажду я ответ твой слышать, ценой молчанью станет лишь уход – уход... – души моей в пучину вечных снов – во тьму и тишину могилы...

Петра остановилась, на ее лицо по-прежнему застыло то же выражение, с которым она начинала чтение. Она будто смотрела сквозь дальнюю стену на что-то очень далекое, зыбкое как мираж. Затем, даже не взглянув на стол комиссии, она засунула сценарий за пазуху и вернулась на свое место по центральному проходу. Джеймс не сводил с нее глаз, пока она не села.

– Очень приятно, мисс Моргенштерн, – сказала профессор Карри. – Несколько тихо для сцены, но мы можем поработать над техникой, когда придет время.

– Она пропустила второй «уход», – пробормотала Джозефина с места.

Никаких комментариев со стола не последовало. Карри стояла, проверяя свою стопку пергамента снова и поправляя очки. – Далее, у нас заключительные чтения роли Трея. Мы сузили кандидатов до некоторых из младшекурсников, так как Трей был моложе второго жениха Астры.

Краска бросилась в лицо Джеймса. Он так и не сказал Ральфу или Роуз, что записался на роль Трея. Его первое чтение прошло довольно хорошо, хотя на первом прослушивании были только профессор Карри и несколько первогодок. Он даже не знал, кто еще был претендентом на роль. Он взглянул на Роуз и Ральфа.

– Мне надо сказать вам кое-что, – прошептал он.

– Тсс! – прошипела Роуз.

– Осталось только два кандидата на роль Трея, – сказала Карри. – Один из них со Слизерина и другой с Гриффиндора, но по иронии судьбы, они оба из одной семьи. Прежде всего, в порядке имен, так как они оба имеют один и тот же фамилию, – Карри снисходительно улыбнулась и сняла очки, – первый курс, Слизерин, Альбус Поттер.

Челюсти Джеймса, Ральфа и Роуз одновременно упали. Роуз и Ральф повернулись к Джеймсу, но Джеймс развернулся в кресле, глядя на брата. Альбус вскочил на ноги и пробежал к передней части комнаты, бросив улыбку и пожав плечами в направлении Джеймса. Джеймс не мог в это поверить. Альбус? В пьесе? Конечно, это не было чем-то более удивительным, нежели проба на роль самого Джеймса, но все же... Так вот каков был смысл хитрого подмигивания Табиты. Она, вероятно, поставила Альбуса до него просто чтобы вызвать разногласие между двумя братьями. И Альбус почти позволил ей добиться успеха в этой попытке. Джеймс вскипел от гнева в своем кресле.

– Ты мелкий бесстыдник! – Роуз толкнула Джеймса локтем. – Почему ты не сказал нам?

– Я пытался! – ответил Джеймс, по-прежнему наблюдая, как его брат забирается на сцену. – Э-э, десять секунд назад.

Альбус, по-видимому, выучил свой сценарий наизусть. Он прокашлялся, а затем посмотрел в сторону стола комиссии.

– Я должен сказать что-нибудь? – громко спросил он. – Это всего

лишь моя вторая проба на роль. Я должен поблагодарить академию или что еще в первую очередь?

– Это будет позже, мистер Поттер, – сказала Карри, снисходительно улыбнувшись. – Просто прочитайте текст, пожалуйста. Если сможете.

Альбус кивнул. Как показалось Джеймсу, его брат несколько не нервничал. Он немного покачался на носках, а потом развел руками, как бы охватывая комнату.

– О, подлый Донован! – воскликнул он, его лицо потемнело. – Предатель и мятежник! Не будь заполнен разум мой одной лишь мыслью о любимой нежной, давно раскрыл бы я нечестный заговор, что сплел ты за моей спиной. Одна лишь гордость глупая мне принесла несчастье, поверил я твоим советам лживым, в мечтах о славе я в недобрый путь пустился, теперь меж нами сотни лиг, а ты же празднуешь победу, греха победу и порока. О, Астра, друг ты мой сердечный, женой моей останешься ты в сердце, наполни ветром паруса мои, несет пусть нас на север он, пройдем сквозь ураган, как нож сквозь масло! К оружию, мужи, свет истины горит для нас одной: и острие ее копья пронзит се злое сердце! Шпиона тучи ее солнце перекрыли, и время здесь играет лишь на руку врагу! Волшебники и воины, взметните ввысь оружие свое, держите палочки в руках мечу подобно, сразимся мы с жестокими морями в эту ночь, лишь утро принесет нам знание, одержим ль мы победу иль возляжем на ложе из песка в морских глубинах, гробницы стены сей нам слава вознесет!

Альбус закончил свою вдохновенную речь торжествующим воплем, взмахнув невидимой палочкой в воздухе. Раздался смех и несколько возгласов поддержки. Эта речь была, в конце концов, классическим боевым кличем в волшебном мире. Несколько особо смелых зрителей даже проговорили вслух последнюю строку вместе с Альбусом и, ухмыляясь, замахали своими невидимыми волшебными палочками.

– Благодарю вас, мистер Поттер, – громко сказала Карри, заглушая аплодисменты. – Очень энергично, но не настолько серьезно, как можно было бы ожидать. Солдаты ведь не приступают к матчу по квиддичу; они сталкиваются с возможностью их собственной гибели. Их лидерам стоит быть несколько менее оптимистичными. Тем не менее, исполнено

с большим энтузиазмом. Пожалуйста, вернитесь на свое место.

Карри не нуждалась в том, чтобы свериться со списком на своем пергаменте. Пока Альбус шел на свое место и, ухмыляясь, по пути отбивал «пять» некоторым из своих друзей, Карри посмотрела прямо на Джеймса.

– А теперь также чтение на роль Трея, старший Поттер, Джеймса. Второй курс, Гриффиндор. Как только вы будете готовы, мистер Поттер, сцена вся ваша.

Джеймса почувствовал, как он прирос к месту. Он заставил себя встать, а затем проскользнул мимо Роуз и Ральфа. К тому времени, пока он добрался до сцены, его мысли были полностью пусты. Он помнил прослушанные строчки, но теперь, отвлеченный неожиданным исполнением Альбуса, он не мог даже думать о первом слове. Он взглянул на стол комиссии и застенчиво улыбнулся. Профессор Карри кивнула в поддержку. Табита самодовольно улыбалась, явно наслаждаясь неловкостью Джеймса. Искра гнева вспыхнула, когда он посмотрел на эту улыбку, и с этим гневом к нему пришли первые два слова его сценария.

– Предатель и мятежник! Не будь заполнен разум мой одной лишь мыслью о любимой нежной, давно раскрыл бы я нечестный заговор, что сплел ты за моей спиной...

Поскольку слова пришли, Джеймса позволил его собственным обидам подпитывать их. Его голос повысился, и он даже позволил себе косо глянуть на Табиту. Было довольно приятно видеть, что она больше не улыбалась.

– Волшебники и воины, взметните ввысь оружие свое, держите палочки в руках мечу подобно, – продолжал Джеймс, будто бы смакуя саму идею борьбы, – сразимся мы с жестокими морями в эту ночь, лишь утро принесет нам знанье, одержим ль мы победу иль возляжем на ложе из песка в морских глубинах, гробницы стены сей нам слава вознесет!

Роуз разразилась аплодисментами. Ральф и некоторые другие присоединились к ней, но они быстро утихли под предупреждающим взглядом профессора Карри.

– Очень страстно, должна признать, мистер Поттер, – одобрительно сказала Карри. – Я не знаю, в чем вы нашли свою мотивацию, но я полагаю, это было довольно эффективно. Гм. Вы

можете занять свое место. Далее, у нас есть мисс Эшли Дун, второй год, Гриффиндор, чтение роли Болотной Ведьмы. Мисс Дун, сцена ваша.

Эшли пошла вперед, уже играя своего персонажа, сторбившись и покачиваясь. Она достигла сцены, помолчала, а затем обернувшись, хрипло завопила и крючивая пальцы в подобии когтей. Джеймсу, усаживающемуся с торжествующим видом в первом ряду, пришлось подавить усмешку.

– Это было впечатляюще, – Роуз прошептала ему на ухо. – Это словно бы был не ты!

– Ты же сама сказала мне, что я должен попробоваться на роль, – прошептал в ответ Джеймс.

– Да, ну, я сделала это просто из вежливости, – призналась Роуз. – Но я рада, что так вышло. Это было действительно удивительно. Прямо мурашки по коже побежали.

Двадцать минут спустя все вышли из кабинета Магловедения. Джеймс последовал за Роуз и Ральфом в коридор и там замер, широко распахнув глаза.

– Не надо так удивляться, – сказала Роуз, хлопая его по плечу. – Ты был великолепен. Ты заслужил эту роль.

– Но я не актер, – сказал Джеймс, глядя на нее немного дико.

– Поздновато беспокоиться об этой маленькой детали, – усмехнулся Ральф.

Альбус протолкнул плечами толпу и подошел к своему брату.

– Да, ну, на самом деле я в любом случае не хотел бы выступать на сцене, – сказал он, вскинув руки. – Повеселись там, строя влюбленные глазки Джозефине.

– Не напоминай мне, – скривилась Роуз. – Я не считаю правильным, что они предпочли ее Петре.

– Мне казалось, что она очень хорошо читала, – прокомментировал Ральф, глядя в потолок.

– Ты думаешь, что она выглядела очень милой, вот и все, – ответила Роуз, качая головой. – Я вижу тебя насквозь, Ральф Дидл.

– Это не правда, – защищаясь, сказал Ральф. – Ну, я имею в виду, это правда, но это не то, почему я считаю, что она заслужила роль.

Табита вышла из кабинета и посмотрела на Альбуса. Она улыбнулась и подошла к группе.

– Поздравляю, Джеймс. Вдохновляющее исполнение. Приятно видеть вас с Альбусом не дерущимися по этому поводу.

– Получи сполна, Корсика, – сказал Джеймс, отворачиваясь. – Не пытайся выглядеть счастливой, что мы не перегрызли друг другу глотки.

Табита грустно посмотрела на Джеймса, но лицо Альбуса потемнело.

– Что, черт возьми, с тобой такое, Джеймс? Ты ведешь себя так, будто Табита имеет зуб на тебя. Я держу пари, ты даже не знаешь, что она голосовала за тебя, чтобы ты получил роль! И я был с ней согласен! Так почему бы тебе просто не утихомириться, а?

Джеймс повернулся было к брату, но еще один голос окликнул прежде, чем он успел ответить.

– Табита не голосовала за меня, но я все равно получила эту роль, – сказала Джозефина. Она улыбнулась Табите, окруженная стайей ликующих девочек из Когтеврана. – Очко в пользу «полной передней лоботомии», ноль очков для «профессионального толкования» Табиты.

Девушки захихикали, когда Джозефина прикрыла глаза, а затем повернулась, чтобы уйти. Табита казалась невозмутимой, как всегда, она, по-видимому, забыла о Джеймсе. Она исчезла в толпе, не оглядываясь, по-видимому, следуя за Джозефиной и ее окружением. Альбус бросил раздраженный взгляд на Джеймса и также пошел прочь.

– Я пойду и найду Петру, – сказала Роуз, покачав головой от отвращения. – Она наверняка разочарована потерей роли. Увидимся с вами в тренировочном зале после ужина. Не забудьте.

– Мы не сможем, – раздраженно ответил Ральф.

– За последние полчаса, я совсем забыл об этой проклятой встрече клуба, – проныл Джеймс, повернувшись, чтобы догнать последних учеников, идущих на обед в Большом зале.

– Не парься насчет этого, – счастливо сказал Ральф. – Что такое маленькая встреча Клуба Оборона для великого Трея, покорителя Каспийского моря?

Глава 9. Владычица озера

Джеймс сидел рядом с Грэхемом и Хьюго на ужине, пропуская большую часть разговоров мимо ушей, он сосредоточился на размышлениях о том, как лучше провести встречу Клуба Обороны. Роуз быстро поела и ушла первой, чтобы убедиться, что тренировочный зал был готов к их прибытию, а Ральф был занят записыванием имен всех, кто проявлял интерес к участию. Список получился довольно длинный, и беспокойство Джеймса росло вместе с ним. Даже разделив ответственность за занятия с Ральфом и Роуз, он не мог избавиться от ощущения, что члены клуба будут смотреть на него как на символического лидера отряда. Наконец едва притронувшись к тарелке, Джеймс покинул стол. Ему стоит прийти к тренировочному залу пораньше, а также вероятно, будет спокойнее быть рядом с Роуз в любом случае. Она, казалось, относилась несколько небрежно ко всему этому. Джеймс подозревал, что некая ее часть, унаследованная от Уизли, даже наслаждалась легкомысленной неопределенностью и надвигающейся катастрофой.

Покидая Большой Зал, Джеймс почувствовал ноющее скрытое беспокойство. Так бывало, когда он забывал что-то важное, но не мог вспомнить, что именно. Сейчас, когда он двигался по залам и коридорам, чувство тревожного ожидания повисло в воздухе. Ученики собирались в группы, очевидно, погруженные в живую беседу в ожидании вечернего мероприятия. Джеймс вздохнул и нервно повернул за угол к тренировочному залу.

– Вот и ты, – сказала Роуз, как будто она ждала Джеймса еще час назад. – Тренировочный зал практически готов. Кое-кто уже ждет снаружи. Нам нужно просто создать из матов и колеса классную доску.

– Зачем нам вообще нужна классная доска? – спросил Джеймс.

Роуз ответила ему нетерпеливым взглядом.

– Так мы сможем записывать заклинания и проклятия, которые будем изучать. Всем будет проще сосредоточиться, даже если они не запомнят заклинания сразу. Где-то там стоит доска на колесиках из кабинета Заклинаний, рядом с коридором. Иди и прикати ее сюда, и мы будем готовы начать.

Раздраженный ее командным тоном, но в то же время обрадованный возможностью отвлечься, Джеймс развернулся и покинул зал. Конечно, ученики уже собрались в зале снаружи. Они стояли, прислонившись к стене, кучками сидели на полу, все глаза устремились на вышедшего Джеймса.

– Мы, э–э, начнем через несколько минут, – сказал Джеймс, пытаясь придать некоторую властность голосу. Находившийся неподалеку Кэмерон Криви улыбнулся и помахал ему рукой. Стайка первокурсников стояла с ним, широко раскрывшие глаза и взволнованные. Джеймс уставился на собравшихся учеников. Их было немало, но все же не настолько много, как он боялся. Он должен был ощутить облегчение, но этого по–прежнему не было. То же ноющее беспокойство снова подкралось к нему. Что же он забыл?

Джеймс проделал свой путь до следующего коридора, который был темным и полностью пустым. Он поднялся в кабинет Заклинаний и обнаружил его незапертым. Доска в деревянной раме стояла в углу. Крошечные металлические колеса были прикреплены к низу. Джеймс схватился за край рамы и потянул, но колеса полностью проржавели. Они скрежетали и скребли пол.

От двери донесся голос:

– Не требуется ли вам некоторая помощь, мистер Поттер?

Джеймс обернулся так резко, как будто его поймали на чем–то противозаконном. Мерлин стоял в дверном проеме, почти полностью перекрывая его. Его силуэт казался на удивление черным в столь темном помещении.

– Я... – начал Джеймс, удивленный тем, что настолько перепугался. В конце концов, у них есть разрешение на проведение встреч клуба, не так ли? И все же он чувствовал сильное нежелание рассказывать директору, что он делает. – Я просто пытаюсь переместить доску. Мы, э–э, хотим одолжить ее. Чтобы делать некоторые пометки.

Мерлин кивнул с загадочным видом.

– Как продвигается подготовка к вашему клубу по изучению защитных заклинаний, Джеймс?

Сердце Джеймса заколотилось.

– Э–э... хорошо. Просто чудесно. Потребовалась немалая подготовка, вы знаете. Но... все отлично.

– Хотите, чтобы я помог вам с этим? – спросил Мерлин своим низким, гулким голосом. – Я буду рад помочь вам переместить ее туда, куда вам требуется.

– Нет, спасибо, – быстро ответил Джеймс, отпуская наконец доску. – На самом деле, она нам вообще не нужна. Просто была одна мысль, но мы прекрасно обойдемся без нее. Правда.

Какое-то время Мерлин не двигался. Затем он, похоже, расслабился и улыбнулся.

– Как вам угодно, Джеймс.

Мерлин повернулся, чтобы уйти, и Джеймс почувствовал странное чувство облегчения, как только Мерлин перестал так пристально вглядываться в него. Клубу придется обойтись без классной доски, подумалось Джеймсу. Он пересек плохо освещенный класс и был почти у двери, когда Мерлин вновь обернулся. Его глаза поблескивали в темноте коридора.

– Честно говоря, я не ожидал встретить вас в замке сегодня вечером, Джеймс, – произнес директор с любопытством.

Джеймс не знал, как реагировать на такое.

– Э... нет? А где мне надо быть, по вашему мнению?

– Сегодня довольно важный день для многих учеников. Я так понимаю, что даже те, кто не собирается участвовать, придут полюбоваться процессом. Они хотят своими глазами увидеть, как с каждым годом улучшаются способности игроков.

Внезапная догадка осенила Джеймса. Он похолодел.

– О нет..., – прошептал он. Его глаза расширились. – Это произойдет сегодня вечером! Вот почему учеников было меньше, чем я ожидал! Все уже началось!

– Возможно, вы забыли? – произнес Мерлин со странной улыбкой на лице. – Я подумал, что вы интересуетесь квиддичем, и решил напомнить. Если вы поспешите, то, думаю, сможете увидеть окончание пробных испытаний.

Джеймс едва услышал его. Он повернулся на каблуках и помчался по коридору, проклиная свою забывчивость. Если бы он не был так одержим беспокойством об этом идиотском Клубе Обороны, он бы помнил, что первые пробные испытания по квиддичу сегодня. Ни Роуз, ни Ральф не собирались вступать в команду. Джеймс же занимался все

лето в надежде попасть в команду Гриффиндора. Он отчаянно желал исправить свое отвратительное прошлогоднее выступление на пробных испытаниях. А еще там был Альбус, который сейчас пытается попасть в команду Слизерина на проклятой метле Корсики. Джеймс почувствовал навязчивое желание оказаться там прямо сейчас, но он не знал, было ли это потому, что он хотел защитить Альбуса или же чтобы сорвать его выступление.

Джеймс взлетел по ступенькам, выкрикивая пароль гриффиндорской гостиной. Полная Дама начала ругать его за такое недалновидное поведение, ведь теперь пароль стал всем известен. Но Джеймс не обратил внимания на ее слова, забега в открывшуюся портретную дверь. Джеймс выдернул свою метлу из-под кровати и побежал вниз, в гостиную, ощущая очередной панический укол во время того, как пересекал пустую комнату. Все были уже на поле и смотрели на пробные испытания, поддерживая свою команду. Джеймс должен был быть там!

Полная дама все еще продолжала ругать Джеймса, когда он уже прошел через портретную дверь обратно и бросился вниз по лестнице. Как он мог забыть? Если бы он думал, что это возможно, он бы почти поверил, что это Табита Корсика каким-то образом все устроила так, чтобы он отсутствовал, просто для того, чтобы он не смог помочь Альбусу. В то же время, часть его волновалась, что он не попал на первое занятие Клуба Оборона. Роуз вероятно, поняла, куда он делся, как только она заметила его отсутствие, но все-таки это разочаровало бы ее. А если Мерлин появился в тот момент специально, чтобы сорвать первую встречу Клуба Оборона? Ведь директор школы, конечно, с помощью разнообразных жутких способностей знал все, что происходит в школе. Наверное, Мерлин знал, как квиддич был важен для Джеймса. Может быть, он околдовал Джеймса, сделав так, что тот забыл о пробных испытаниях, а сам стратегически напомнил ему об этом в последнюю минуту, в то время как мальчик должен был быть на встрече клуба?

Расстроенный и раздраженный, Джеймс вылетел из главного входа замка и метнулся через двор. Когда он направился к полю для квиддичу, он услышал сводящий с ума звук аплодисментов и свист.

Почти стемнело, но Джеймс еще мог разглядеть фигуры игроков в

квиддич, кружащих над полем, плащи весело развевались на ветру. Он опоздал, но Джеймс не мог сразу заставить себя повернуть назад. Он снова и снова проклинал свою удачу. Как он мог забыть про пробную тренировку в квиддич? Он не поверил бы, что это возможно. Что он скажет маме и папе? Как он сможет общаться со своими соседями по комнате? Конечно, Скорпиус Малфой скажет то, что подумает большинство из них. «Я вижу, Поттер, – скажет он, – что ты забыл про пробную тренировку, не так ли? Странно. Ведь мы все с таким нетерпением ждали возможности поразиться твоим успехам. Возможно, твоя память не подведет тебя в следующем году.»

Толпа уже расходилась, когда Джеймс подбежал к полю. Он обнаружил, что пробирается между людей, сам не зная, что ищет, но отказываясь сдаваться. Он думал, что сможет сказать, что упал с метлы и просто вылетел за пределы поля, но в то же время не хотел привлекать слишком много внимания к себе. В конце концов, он добрался до покрытого травой участка и увидел капитана Гриффиндора по квиддичу, Девиндара Даса, убирающего метлы в сарай.

– Дев! – окликнул Джеймс, тяжело дыша. – Скажи, что я еще не опоздал!

Девиндар остановился и посмотрел назад.

– Где ты был, Джеймс? Все закончилось. Я с нетерпением ждал тебя, чтобы увидеть, насколько ты улучшил свои навыки в этом году.

– Я полностью забыл... каким-то образом... – отчаянно признался Джеймс. – Позволь мне попробовать! Я готов!

Девиндар покачал головой.

– Я не могу, Джеймс. Все позиции уже распределены. Честно говоря, у нас получился довольно сильный состав. Ты понадобишься нам аж в следующем году, когда Хьюго и Тара выпустятся.

Джеймс молчал. Он стоял на месте, тяжело дыша от бега до поля. Он беспомощно оглянулся на уходящих учеников и игроков. Луи Уизли приближался со стороны трибуны Пуффендуя.

– Что с тобой стряслось, Джеймс? – позвал Луи. – Альбус искал тебя после отборочных соревнований Слизера.

Джеймс провел рукой по волосам в разочаровании.

– Я даже не хочу говорить об этом. Как там Альбус?

– О, он был просто великолепен, – с энтузиазмом ответил Луи, –

Виктуар говорит, что он лучший первокурсник на пробах, которого она когда-либо видела. Я уверен, что он был лучшим после твоего отца! Он будет ловцом Слизерина. Он идеально подходит, в некотором роде, не кажется? Я имею в виду, ваш папа был ловцом Гриффиндора в свой первый...

– Да, да, я понимаю, Луи, – угрюмо прервал Джеймс. – Он уже ушел?

– Да, вся команда вместе с главой ушла обратно. Альбус попросил передать тебе, чтобы ты пришел с Ральфом, если сможешь. Он очень взволнован. Он первым делом собирался написать маме и папе. Они будут совершенно горды им, готов поспорить.

– Да, – пробормотал Джеймс, волоча за собой метлу и направляясь обратно за пределы поля. – Просто замечательно. Увидимся, Луи.

– Мне очень жаль, Джеймс, – говорила Роуз, когда они поднимались по лестнице в гостиную. – Мне даже не пришло в голову проверить. И Ральф на самом деле не большой фанат квиддича, так что он бы даже не заметил. Я не поняла его сразу и предположила, что вы уже выскочили на поле. Так что, не повезло?

– Это был полное надувательство, – проворчал Джеймс. – Я пропустил все это. Помимо всего этого, пробные тренировки Слизерина тоже были сегодня вечером, и это значит, что Ал обвел всех. Он будет ловцом Слизерина.

– О, – пылко ответила Роуз. – Ну, это действительно здорово, не так ли? Он выглядит очень лихо в его зеленой мантии и щитках. Держу пари, вашим родителям будет очень приятно.

– Я действительно хотел бы, чтобы люди перестали говорить мне это, – мрачно сказал Джеймс.

– Я не виню тебя за то, что ты недоволен тем, что ты пропустил пробы, Джеймс, но ревность к Альбусу...

– Я не ревную, Роуз! – воскликнул Джеймс. – Все это уловка! Так

не должно быть! Слизеринцы просто подставили его!

– А с чего бы им это делать? – просто спросила Роуз. – Если бы они были такими злыми, как ты говоришь, не было бы проще его завалить, а не поддерживать дальше?

– Они больше не действуют таким образом. Теперь они хитрее и двуличнее. Клуб «Клык и когти» Табиты в этом году – просто очередная версия Прогрессивного Элемента. Это они были теми, кто устраивал дебаты, где заявили, что мой отец был лжецом и мошенником. Это они на самом деле считают, что Волдеморт был великим человеком и что наши родители лгали о нем все эти годы.

– Никто не верит в эту глупость, – ответила Роуз. – Сейчас просто в моде «плыть против течения». В любом случае, Альбус сможет справиться сам. Он же не кукла.

Джеймс нахмурился.

– Он не знает Табиту с той стороны, как я.

– Ну, – сказала Роуз, намеренно меняя тему, – Встреча Клуба Обороны прошла хорошо. Присутствовало двадцать шесть человек, которые и в самом деле помнили о пробных тренировках по квиддичу. Главным образом, мы только поговорили о целях клуба и установили правила. Я передам тебе их позже. Затем мы просмотрели несколько основных способов использования Обезоруживающих заклинаний для того, чтобы каждый знал, на какой странице искать.

– Кто вел занятие? Ты? – спросил Джеймс, когда они подошли к портрету Полной Дамы. – Я не могу себе представить, что Ральф позволил себе продемонстрировать заклинание Экспеллиармус. Он еще не настолько доверяет своей палочке такого рода вещи, хотя сейчас она лучше, чем была раньше.

– Нет, – медленно ответила Роуз. – Не Ральф. И не я. Все прошло очень даже хорошо.

Роуз сказала пароль, и портрет распахнулся. Полная Дама косо посмотрела на Джеймса, вспоминая его поведение в начале вечера. Звуки хриплого смеха и музыки просочились за портретный проем.

– Так кто же? – вдруг с подозрением спросил Джеймс. Он последовал за Роуз в переполненную гостиную. Скорпиус Малфой развалился на диване возле камина. Он посмотрел вверх и криво улыбнулся, когда вошли Джеймс и Роуз.

– Наконец–то показался, Поттер, – протянул он. – Я понимаю, что ты решил ни в чем не участвовать сегодня вечером. Не то, чтобы мы скучали тебе, это уж точно.

– Тише, Скорпиус, – сказала Роуз, садясь на другой конец дивана. – Мы действительно должны обсудить планы на следующую встречу клуба. Я была бы очень признательна, если вы двое хотя бы попытались быть повежливее друг с другом .

– Так ты и в самом деле попросила его провести занятие? – сказал Джеймс, указывая на Малфоя. – Я думал, ты пошутила!

Малфой достал свои очки из кармана и надел их.

– Это действительно не твой вечер, не так ли, Поттер? Не унывай. Считай, тебе повезло, что я не заинтересован в том, чтобы быть в команде квиддича. В противном случае, я бы не смог прийти.

– Хватит, вы оба, – вмешалась Роуз прежде, чем Джеймс успел ответить, – у нас есть более важные дела, чтобы обсуждать, чем насколько вы двое раздражаете друг друга. Если вы не заметили, этот Клуб Оборона предполагает более важную цель, чем просто дать нам занятие на один вечер в неделю.

– Как много ты ему рассказала? – потребовал Джеймс. – Если ты не заметила, то все его семейство – Пожиратели Смерти! Тебе стоило бы дважды подумать перед тем, как доверять ему.

– Технически, мой отец никогда не был одним из них на самом деле. Я думал, это всем известно, – сказал Скорпиус, прямо встречая взгляд Джеймса. – Но если ты имеешь в виду, сказала ли она мне о своих подозрениях о директоре, или нет, то она не говорила. Я и так уже был хорошо осведомлен о них. Так что, как ни трудно будет для тебя поверить в это, но я на той же стороне, что и ты, Поттер.

– Ха! – сплюнул Джеймс. – Вот где ты ошибаешься! Я не согласен ни с одним из вас насчет Мерлина. Даже если где–то и плетется какой–то злой заговор, я подозреваю, что твоя семья будет вовлечена в него гораздо раньше Мерлина. Он спас эту школу в прошлом году!

– Мы *обсудили* все это, Джеймс, – сказала Роуз, жестом намекая Джеймсу, чтобы тот понизил голос. – Скорпиус не одобряет некоторые из тех вещей, которые его семья совершила в прошлом. Это одна из причин, почему он здесь на Гриффиндоре. И ты знаешь, что мы увидели в зеркале. Нет сомнений, что мы должны быть осторожны рядом с

директором. На данный момент все свидетельствует о том, что он в команде с...

– Свидетельствует о том, что *ты* подозревала его с самого начала, – воскликнул Джеймс. – Но ты ошибаешься. Вы оба ошибаетесь, и я собираюсь доказать это.

Скорпиус прищурился на Джеймса.

– Ну, я надеюсь, у тебя получится. Подозреваю, что многие из нас были бы рады доказательствам. Но пока... – Скорпиус лениво указал палочкой на стул рядом с кушеткой, – возможно, будет хорошей идеей сделать так, как говорит Роуз. У нас есть новый Клуб Обороны, чтобы успеть подготовиться. И она убеждена, что ваше с Ральфом Дидлом обязаны участвовать в этом предприятии. Тем не менее, если находиться в одной комнате с Малфоем это слишком для тебя, меня устроит, если ты отправишься куда-нибудь в другое место. Там наверху есть кровать с твоим именем на ней.

Джеймс стиснул зубы. Все просто валилось из рук этим вечером. И теперь он не видел другого выбора, кроме как сесть и принять участие в обсуждении того, чему Скорпиус Малфой собирался научить их на следующей встрече Клуба Обороны. Это было необычайно унижительно. Он с трудом заставил себя сделать это. Он по-прежнему таскал с собой метлу, напоминая ему о его повторном провале при попытке попасть в команду по квиддичу. Все, что сейчас хотелось сделать, так это пойти наверх, засунуть ее обратно под кровать, и попытаться забыть все, произошедшее сегодня. Но Роуз умоляюще смотрела на него, очевидно, надеясь, что Джеймс сможет преодолеть свою врожденную неприязнь к бледному мальчику достаточно надолго, чтобы дать ему шанс вести занятия в Клубе Обороны.

Обреченно вздохнув, Джеймс поставил метлу возле камина и упал на стул.

– Хорошо, – сказал он. – Что нам дальше нужно делать?

Роуз восторженно захлопала в ладоши.

– Спасибо, Джеймс! Я знала, что могу доверять тебе. Скорпиус действительно довольно неплохой учитель, но некоторым из гриффиндорцев трудно слушать его. Слишком много еще предрассудков против присутствия представителя семейства Малфоев на Гриффиндоре, и это ухудшает отношение к его преподаванию. Тем

не менее, если ты тоже будешь там, это действительно может помочь Скорпиусу добиться доверия, которое нам требуется...

– Эй, вы, ребята, никого не ждете? – сказал Грэхем, входя в комнату. – Я тут нашел этого парня ошивающимся перед портретом. Он утверждает, что ты пригласила его, Роуз.

Ральф застенчиво улыбнулся, когда Роуз вскочила.

– Прости, Ральф. Я не удосужилась поговорить с Джеймсом о Скорпиусе, а потом... Ну, так или иначе, мы все здесь, так что давайте начнем!

Скорпиус раздраженно встал, когда Ральф плюхнулся на диван рядом с ним. Мальчик стянул свою обувь и положил ноги на мягкий подлокотник.

– Неплохо сегодня вышло с клубом. Скорпиус может казаться задохликом, но он знает несколько неплохих трюков. Некоторые из вас гриффиндорцев могут быть одолеваемы предрассудками по отношению к нему, но я не откажусь ни от какой помощи, какую только смогу получить, – беззаботно сказал Ральф. – А, да, и Джеймс?

Джеймс взглянул на Ральфа, выгнув бровь.

Ральф виновато улыбнулся.

– Альбус попросил передать тебе, что из тебя выйдет лучший Трей, чем из него – ловец Слизерина. Он надеялся увидеть тебя сегодня вечером. Даже у Табиты спрашивал, не было ли тебя внизу.

Джеймс не знал, что сказать. Несколько секунд спустя Скорпиус нарушил напряженную тишину.

– Это все, конечно, очень трогательно, – сказал он сухо, – но я узнаю это самое пресловутое слизеринское подхалимство везде, где только ни замечу. Я немного разбираюсь в этом, как Джеймс уже намекнул. А теперь не приступим ли уже к обсуждению по поводу Клуба Оборон?

Они вчетвером разговаривали в течение следующего часа. Джеймс нехотя уверился, что Скорпиус действительно в состоянии научить их некоторым достойным защитным заклинаниям. На самом деле оказалось, что он обучался с раннего возраста его дедом, Люциусом Малфоем, который проводит настоящее время в уединении и не общается с семьей. Скорпиус признался, что он не видел своего деда уже несколько лет, с тех пор, как тот и его отец сильно поругались.

Огонь превратился в тлеющие угли, и четверо учеников начали собираться на ночь, когда Дэйрдре Финниган, одна из первокурсниц, подруга Кэмерона Криви, влетела в общую гостиную, покрасневшись и тяжело дыша. Она дико огляделась вокруг, а затем, пробиваясь через толпу, двинулась прямо в угол.

– Что с ней? – пробормотал Скорпиус.

Роуз сказала:

– Она направляется к столу Петры.

Вся комната умолкла, прислушиваясь, что же стало известно Дэйрдре.

– Это правда! – она говорила. – Я видела, как они вели ее в больничное крыло! Она едва могла встать!

Петра только посмотрела на Дэйрдре, слегка приоткрыв рот.

– Кто? – воззвал Хьюго из другого конца комнаты. – Что случилось?

– Джозефина Бартлетт! – закричала Дэйрдре, задыхаясь и поворачиваясь лицом к комнате. – Она съела проклятую мяту, и та поразила ее ужасной боязнью высоты! Они нашли ее распростертой на полу балкона снаружи общей гостиной Когтеврана. Она не могла даже встать! ее друзья сказали, что мята пришла в коробке конфет от тайного поклонника, но это же очевидно, что от ее тайного врага. Мадам Курио говорит, что утром будет немного лучше, но последствия могут проходить месяцами!

– Мята, вызывающая боязнь высоты? – сказал Грэхем, поморщившись. – Это, случаем, не проделки Уизли?

– Я не думаю, что это так, – сказала Сабрина. – Это звучит как заказное проклятие.

Дэмьен прищурился.

– Есть предположение, кто является «тайным поклонником» Джозефины. Все знают о том, как она и Корсика поругались во время прослушивания.

– Вы все упускаете суть, – воскликнула Дэйрдре, почти подпрыгивая. – Джозефина была проклята боязнью высоты! Она больше месяца едва ли сможет подняться даже на бордюр!

Глаза Сабрины расширились.

– Она не сможет подняться на сцену в амфитеатре! Если она не

сможет попасть на сцену...

– Она не сможет играть роль Астры, – закончил Дэмьен, усмехаясь.
– Как бы я не ненавидел любую выгоду от чужого несчастья, позвольте мне быть первым, кто поздравит нашу хорошую подругу Петру... новую и улучшенную версию Астры–де–Бьюгоуз!

Петра посмотрела вокруг с выражением удивления и недоверия на лице.

– Ну, я бы не хотела получить роль таким образом, – сказала она, – но я полагаю, я не могу отказаться.

Сабрина радостно взвизгнула. Все, собравшиеся вокруг, разразились радостными криками, и впервые за последние несколько недель Джеймс увидел улыбку Петры. Вдруг он вспомнил, что будет играть роль Трея, возлюбленного Астры. Его лицо сильно покраснело, когда он посмотрел через всю комнату на Петру. Он заметил, как Роуз понимающе улыбнулась ему.

– Что? – сказал он, похлопывая себя по щекам. – Мне жарко. Я сижу рядом с камином.

– Угу, – усмехнулась Роуз, кивнув. – О, это будет так весело, братец. Я бы посоветовала вам попрактиковаться до этого. Петра ожидает довольно многого от «поцелуя истинной и вечной любви».

В течение следующей недели осень наконец вступила в свои права, наполнив холодом воздух и окрасив деревья в яркие оранжевые, красные и желтые цвета. Хагрид вел занятия по Уходу за Магическими существами в зимнем помещении: огромном древнем сарае с каменными стенами и толстыми покрытыми паутиной балками. Там он собрал внушительное множество фантастических существ, расположив их по размеру. Вдоль стены в ряд располагались клетки и загоны, из которых исходили дружеское сопение, хрюканье, визжаний и лай. С другой стороны на земляном полу были стойла, каждой из которых больше, чем предыдущее. Ближайшее принадлежало гиппогрифу, имя

которого, если верить закорючкам, написанным на воротах, было Камнекрыл. Существо защелкало клювом в сторону ближайших клеток, по-видимому, испытывая гастрономический интерес к их содержимому. У каждого стойла была толстая дверь, предотвращающая любые взгляды на его обитателя. Последние две двери были обиты железом и дополнительно усилены огромными перекладинами. Высотой они доходили аж до двадцати футов. Время от времени оттуда доносилось рычание или рев, от которых сарай вздрагивал до основания.

Джеймс скинул плащ с плеч, пройдя через большую переднюю дверь, удивившись теплоте, царившей в помещении, несмотря на легкий морозец снаружи.

– Как он обогрывает все это? – спросил Ральф, которому высокий деревянный потолок давал возможность стоять во весь рост. – Здесь просто восхитительно.

Ученики рассыпались по сараю, с любопытством вглядываясь в клетки, либо нерешительно приближаясь к стойке гиппогрифа. Огромный зверь поднял свою переднюю лапу и вскинул клювастую голову.

– Не подходите слишком близко, – прогремел Хагрид. – Мы встретимся со старым Камнекрылом попозднее в этом году. А пока что не подходите к нему, эмм, особенно с боку или сзади. Давайте начнем сезон с изучения некоторых из мелких зверушек здесь, вот в этих вот клетушках.

Хагрид подвел класс к небольшим клеткам, расположенным вдоль стены. Он завозился с одним из замков, продолжая свою речь:

– Вы – самые большие везунчики за последние несколько лет, потому что имеете возможность познакомиться с самыми необычными обитателями волшебного мира. Одна из бывших учениц стала рейнджером, и она приносит мне раненых и больных малюток, которые попадают на ее пути. Я, эгм, делаю все возможное, чтобы вернуть им здоровье, но далеко не все из них могут вернуться обратно и выжить в дикой природе. Я даю им кров и хлеб и стараюсь устроить их как можно лучше. В итоге, мы стали довольно хорошо известны во всем волшебном мире благодаря нашему зверинцу, – Хагрид развернулся, баюкая небольшой комок коричневого меха в руке. – Вот почему эксперты приезжают со всего мира, чтобы встретить и изучить нашу

маленькую семью. Разве не так, Панкин?

Ральф наклонился к Джеймсу и прошептал:

– Я разговаривал с Роуз этим утром. Она думает, что нашла что-то важное о Мерлине.

Джеймс прошептал в ответ:

– В любом случае, я не хочу это слышать. Она постоянно выуживает новую грязь из какой-то древней легенды или дряхлой книги по истории. Мы знаем, что большинство из этих вещей чистой воды выдумка.

– Я не знаю, что правда, что не правда, – пробормотал Ральф, – я просто знаю, что он не похож на кого-либо еще. Так или иначе, она убеждена, что ты захочешь услышать это. Это немного объясняет происхождение всех этих историй о его нелюбви к миру маглов. Она говорит, что это все связывает, что бы это ни значило.

Джеймс недоверчиво поджал губы. Он сказал Роуз и Скорпиусу, что намерен доказать, что Мерлин не был вовлечен в заговор, который они наблюдали в зеркале, но до сих пор не сделал этого. На самом деле, идея о том, как это сделать, у него была, но в то же время она была довольно пугающей. План был довольно прост. Он потребует некоторой смелости и помощи призрака Седрика, а также принесет немало неприятностей, если его поймают, но ни одна из этих вещей его не беспокоила. Он чувствовал странное, сдавливающее нежелание начинать, в основном потому, что он втайне боялся, того, что мог обнаружить. Если он был прав, и Мерлин не вовлечен в заговор, то Джеймс сможет доказать это Роуз и всем остальным. Но что, если он не прав? Несмотря на его слова, напротив, Джеймс был обеспокоен этим. Что делать, если он приведет свой план в действие и обнаружит, что директор и в самом деле был в союзе с бывшими Пожирателями смерти и этим жутким существом? Хуже того, что, если скелет в пещере, Фарриган, был прав, утверждая что именно Мерлин ответственен за появление Привратник в этом мире? Директор вел себя довольно скрытно и подозрительно. Он попросил Джеймса воздержаться от рассказов кому-либо о словах скелет, и само по себе наводило на тревожные мысли. Если же скелет сказал неправду, то почему Мерлина вообще стало бы волновать, расскажи Джеймс кому-нибудь?

Джеймс тряхнул головой. Конечно, у Мерлина были свои

причины. Мерлин должен быть хорошим. Он вернулся, чтобы помочь, когда школа была под угрозой магловского репортера, не так ли? А все потому, что Джеймс попросил его.

И тут Джеймс понял, похолодев, что именно поэтому он не мог свыкнуться с идеей, что Мерлин может оказаться не таким, как он думал. Потому что Джеймс был дважды ответственен за возвращение великого волшебника: во-первых, невольно посодействовав манипуляциям мадам Делакура по возвращению Мерлина в настоящее время, а во-вторых, отправив Мерлину зов, прибегнув к помощи лесных духов, с которыми Мерлин мог общаться. И именно Джеймс посоветовал его отцу и дяде предложить Мерлина на пост нового директора школы. Если же Мерлин был вовлечен во что-то злое, то это ляжет на плечи Джеймса. Он будет в конечном итоге ответственен за все, что случится. Не имеет значение даже тот факт, что Джеймс не знал, каковы были истинные намерения Мерлина. И если по какой-то ужасной случайности Мерлин окажется в сговоре со злом, то Джеймс обязан ему помешать, чего бы это ему ни стоило.

– Итак, – говорил Хагрид, сияя улыбкой над головами учеников. – Кто хочет помочь мне покормить малюточку сосальщика Панкин?

Трентон Блоч поднял руку, и Хагрид поманил его вперед.

– Идите сюда, мистер Блоч. Просто поболтай этим лемпоростом в воздухе, но не слишком близко. Держи его и позволь мне поднести к тебе Панкин.

Трентон, казалось, был раздражен осторожностью Хагрида, с которой тот несет маленький комоч тяжело дышащего меха. Тот выглядел скорее как котенок, но без видимой головы, хвоста или конечностей.

– Что оно может сделать, Хагрид? – спросил Трентон, взяв каучукообразный кусочек растения. – Замурлыкать меня до смерти?

Последнее слово Трентона превратилось в короткий выкрик от неожиданности, когда шарик в руках Хагрида превратится в нечто огромное и пушистое и взметнулся в воздух. Существо выросло в слюнявый беззубый рот и растеклось по всей руке Трентона. С громким засасывающим звуком оно стащило кусочек сорняка из рук Трентона и отступило, снова став в крошечным пыхтящим меховым шариком в руках Хагрида. Трентон отдернул руку, трясая ей и заметно дрожа.

– Превосходно, мистер Блоч, – воскликнул Хагрид, счастливо рассмеявшись. – Вы понравились Панкин! Или же она решила, что вы лягушка с лемпоростом на конечности. Обычно сосальщики живут в болотах, где они, эгм, обсасывают лемпоросты с мелких амфибий, а потом выплевывают тех обратно. Не слишком приятно для лягушек, но абсолютно безвредно.

Трентон уставился на свою руку, которая была покрыта вязкой зеленой слизью. Он беспомощно перевел взгляд на Хагрида.

– Можете пойти обмыться, мистер Блоч. Кожа лягушек устойчива к пищеварительным сокам сосальщиков, но вы изрядно поскребете себя, если оставите это так, как есть. Кувшин и таз там, за большими стойлами. Вот и ладушки.

Хагрид поместил Панкин обратно в клетку и запер ее. Он только начал объяснить, как долго живут сосальщики, когда оглушительный рев сотряс здание до самого фундамента. Джеймс посмотрел в сторону источника рева, его глаза раскрылись, а сердце бешено заколотилось. Трентон быстро отступил от огромной окованной железом двери, с его рук все еще капала вода из тазика.

– О, она просто уловила ваш аромат, мистер Блоч! Вот я глупец, я забыл, что она любит хорошо перекусить сосальщиками. Отойди–ка в сторонку, вот так вот. Она вот–вот ударит!

Сарай наполнился грохотом и треском. Для Джеймса это напомнило шум грузового поезда, смешанный с ревом ветра. Сарай резко нагрелся, а центр железной двери засветился темно–красным цветом.

– Приношу свои извинения, мистер Блоч, – сказал Хагрид. – Старушка Норберта давно не ела сосальщиков, но до сих пор помнит их запах, это ее любимое лакомство. Я должен был предупредить вас.

– Так вот как он почему в сарае так тепло, – нервно сказал Ральф, широко раскрыв глаза. – Он держит здесь дракона! Настоящего, живого дракона!

– Это не просто дракон, – сказал Джеймс, ухмыляясь, – это почти что старый друг семьи. Дядя Чарли наблюдал за ней годами. Она поранила крыло несколько лет назад, и теперь не может летать. А это – смертный приговор в мире драконов. Они питаются самостоятельно, знаешь ли.

– Она действительно изрядная простофиля, – ласково сказал Хагрид. – Я знаю ее с тех пор, когда она была малышкой. Тем не менее, это еще не делает ее настолько безопасной, чтобы стоять слишком близко к ее дверям, когда она в огневном настроении. Мы заберем ее отсюда этой зимой, чтобы, эгм, немного поразмяться. Она любит хорошо поноситься по снегу, наша старуша–дорогуша.

– Отлично! – сказала Эшли Дун, стоявшая позади Джеймса. – Тогда наверняка Трентон добровольно возьмется кормить ее, ведь верно? Слизеринцы и драконы должны иметь взаимопонимание.

– Мечтай дальше, – сказал Трентон, он вернулся к группе учеников, его лицо было красным и сердитым. – Интересно что было бы, узнай мои родители, что этот большой олух держит дракона на территории школы. Он был маньяком долгие годы, но это просто безумие.

– Заткнись, Трентон, – дружелюбно сказал Джеймс. – Норберта безопасна. Безопаснее тебя с сосальщиком, по крайней мере.

– Мы еще посмотрим, – мрачно пробормотал Трентон.

Большую часть урока по Магловедению Джеймс провел в процессе примерки довольно неудобного костюма Трея. Дженнифер Теллус, отвечающая за костюмы, сама взялась за дело, держа перо за ухом, а пару булавок губами.

– Стой смирно, – пробормотала она, не выпуская булавок изо рта, – Ты не даешь мне заколоть изнанку. Ты же не хочешь, чтобы твои брюки отвисли сзади?

– Они щекочут! – ответил Джеймс, а затем подозрительно спросил: – Что это за панталоны вообще?

– Не проси меня объяснять это. Лучше будет, если ты вообще не станешь задумываться об этом. Просто знай, что ты еще легко отделался по сравнению с тем, что должна носить Петра.

Джеймс хотел было спросить, но решил этого не делать. Он не разговаривал с Петрой со времени инцидента с мятой Джозефины. У

него до сих пор было легкое головокружение и волнение от одной только мысли играть Трея для Петры в роли Астры, и он очень старался не упасть лицом в грязь.

Дженнифер обвернула свою измерительную ленту вокруг талии Джеймса.

– Ты хоть прочитал уже весь сценарий? – спросила она.

– Нет, – признался Джеймс. – Но я немного знаю эту историю. Мальчик влюбляется в девушку. Старший парень влюбляется в ту же самую девушку. Старший парень посылает мальчика на самоубийственную миссию, чтобы избавиться от него. Мальчик возвращается, и они дерутся. Все живут долго и счастливо. Конец.

Дженнифер насмешливо взглянула на Джеймса.

– Я думаю, тебе лучше все же прочитать сценарий, – хмыкнула она сквозь булавки.

– Прочту, – раздраженно сказал Джеймс. – Мне ведь нужно знать только свой текст, не так ли?

– Да, но ты также должен знать, что они не «живут долго и счастливо». Триумвират – это трагедия, ты, дурачина.

Джеймс осмотрел себя в ближайшем зеркале.

– Так что это значит?

– Ну, – пробормотала Дженнифер, – в целом, это означает, что все заканчивается смертью.

Как только Джеймс покинул кабинет Магловедения, к нему подошла Роуз.

– Ральф говорил тебе, что я узнала прошлой ночью? – спросила она тихо.

– Он сказал, что ты выяснила, почему некоторые люди думали, что Мерлин ненавидел маглов, – ответил Джеймс, – но он не давал мне каких-либо подробностей.

– Это тебя заинтересует, – серьезно сказала Роуз. – Ты когда-нибудь слышал о Владычице Озера?

Джеймс задумался. Это казалось смутно знакомым, но он не мог припомнить. Он пожал плечами и покачал головой.

– Ну, согласно всем легендам, она была причастна к гибели Мерлина. Большинство историй изображают ее как нимфу, или дриаду, или эльфа, но все это в основном выдумки и, вероятно, просто

преувеличения. Профессор Ривальвье говорила об этом на МагЛите в прошлый раз, помнишь? Она сказала, что если бы эти легенды были правдой, то Мерлина, очевидно, не было бы здесь в качестве директора.

– Да, – сказал Джеймс, вспоминая урок. – Она сказала, что истории показывают Владычицу Озера как своего рода волшебное существо, притворяющееся невинным и прочее. Она хочет заполучить Мерлина, влюбляет его в себя, а потом, когда он учит ее всему, что знает, захватывает его собственной магией. Очевидно, что это всего лишь сказки. Возможно, это был лишь способ объяснить исчезновение Мерлина. Мы знаем слишком мало, чтобы отделить правду, как и сказала Ривальвье.

– Мы знаем сейчас чуть больше правды, – загадочно сказала Роуз. – Владычица озера существовала, но она не была такой, как ее описывают легенды. Она была маглом, и она была едва ли не женой Мерлина.

– Что? – сказал Джеймс, останавливаясь в вестибюле. – Где ты это взяла?

– Книга летописей Астремаддукса, – сказал Роуз, слегка приподняв брови. – Это та книга, в которой Зейн нашел отчет о неудачной трансгрессии Мерлина в прошлом году. Морган Патония разрешила мне взять ее из библиотеки Когтеврана. Астремаддукс знал Мерлина лучше, чем кто-либо, хотя мне кажется, что Мерлин не очень-то его любил.

– Мерлин точно не желал тратить на него свое время, когда перетрансгрессировал, – произнес Джеймс, кивнув. – Призрак Астремаддукса должен был следить за временем, ожидая возвращения Мерлина. Он был связан с этим заданием навсегда. У меня сложилось впечатление, что Мерлин считал, что именно Астремаддукс ускорил его возвращение просто, чтобы побыстрее завершить исполнение своих обязанностей. Это закончилось для того не лучшим образом.

– Что же Мерлин сделал? – С нетерпением спросила Роуз. – Как можно наказать призрака?

Джеймс покачал головой.

– Чтоб мне лопнуть, но Астремаддукс был испуган, чем бы то ни было. Он кричал как банши, но Мерлин просто как бы... прихлопнул его.

– Очень жутко, – сказала Роуз, размышляя.

– Да, что поделаешь. Это уже старая новость. Так что это за

история с Владычицей Озера?

– Ну, согласно Астрададуксу, она была магловской крестьянкой по имени Джудит. Она жила на крошечной ферме с небольшим родниковым озером. Вот откуда возникло ее прозвище. Ферма была в ведении Джудит и ее матери, пока мать не умерла. Владыка тех земель был парнем по имени Хэйдин. Он планировал прогнать Джудит с фермы, и ей нечем было ему ответить, но Мерлин защитил ее. Он разогнал тех скотов, которые пришли ее выгонять. Судя по всему, он наградил их ослиные ушами и сказал им, что если они вернуться назад, то он закончит начатое.

– Видишь? – сказал Джеймс. – Это не похоже на действия волшебника, который ненавидит маглов. Он помог ей, не так ли?

– Да, но только потому, что он был влюблен. В книге говорится об ослепительной красоте Джудит, так что Мерлин был полностью сражен ею. Астрададукс на самом деле сказал, что Мерлин попал под ее чары. Довольно сильное выражение для волшебника относительно магловской женщины.

– Так что же случилось? – спросил Джеймс. – Нам известно, что они по какой-то причине не смогли быть вместе. Может быть, она дважды обманула его. Это могло лечь в основу легенду о том, как она его каким-то образом захватила.

Роуз замотала головой, ее глаза засверкали.

– Нет! Астрададукс думает, что она тоже любила его! Ей удалось заполучить Мерлина, разорвать его отношения с магловскими королевствами. Он перестал быть волшебным наемником, и оставил место посредника между мирами маглов и волшебников. Это вывело из себя немало количество народу, а еще столько же жаждало занять место Мерлина. Между тем, Мерлин защищал ферму, где жила Джудит. Он создал очень толстые колючие кустарники и изгородь, растущие по всему периметру, чтобы сдержать громил Хэйдина. Мерлин даже заплатил за все имущество в десять раз больше, что стоила ферма. А затем, на всякий случай, он начал учить Джудит некоторому волшебству.

– Ты не можешь просто научить магла волшебству, Роуз, – прервал Джеймс. – С этим либо рождаешься, либо нет.

Роуз замотала головой.

– Магия Мерлина отличается от прочей, не так ли? Он получает ее от природы так много, что способен часть передать другому. Он не мог научить девушку, как найти магию внутри себя, потому что ее там не было. У Джудит не было ведьм в роду. Но он мог научить ее, как использовать природное волшебство. Немного, по крайней мере. Ей было просто достаточно суметь защитить себя, поэтому Мерлин научил ее менять свою внешность. Таким образом, она могла ходить на рынки незамеченной. Ей пришлось, потому что Хэйдин уже назначил цену за ее поимку. Казалось, все у них шло просто замечательно, Мерлин уже собирался на ней жениться. Но потом... ну, все закончилось плачевно.

– Что? – настаивал Джеймс, захваченный этой историей.

– Ну, они поймали ее, конечно, – вздохнув, сказала Роуз. – Она себя выдала. Волшебная маскировка была идеальной. Никто не знал на рынках, кто она. Но кто-то заметил, как она воспользовалась магией Мерлина. Она починила разбитое колесо на тележке мальчика, просто держа куски вместе и произнесла заклинание, которому Мерлин научил ее. Дровесина склеилась, соединяя колесо, но кто-то увидел, как это произошло. Он рассказал громилам, которые всегда околачивались неподалеку от рынка. Они захватили Джудит и отвезли ее к Хэйдину, в его замок.

– Держу пари, Мерлин хотел убить их всех, – многозначительно сказал Джеймс. – Я имею в виду, она ведь просто пыталась помочь. И что он сделал?

– Сначала он не знал точно, где ее держали, но затем сумел ее выследить. Он, по-видимому, весьма в этом преуспел, со своим-то умением говорить с птицами, животными и деревьями. Хэйдин знал, что Мерлин придет. Он сказал охранникам, чтобы Мерлина направили прямо в зал лорда. Мерлин даже не тратил время на охранников. Он просто усыпил их всех и пошел прямо к Хэйдину, требуя освобождения Джудит. Хэйдин был жирным и скользким типом. Тот сказал Мерлину, что он готов вернуть ее, но только если Мерлин согласится вернуться на ферму, убрать все колючки, и в дань уважения удвоить земли владения.

Джеймс нахмурился.

– Удвоить земли?

– В то время все были озабочены землей. Чем больше вотчина лорда, тем богаче он был. План Хэйдина заключался в том, чтобы,

воспользовавшись Мерлином, украсть земли соседних владений. Он также потребовал от Мерлина обещание никогда не возвращаться в поместье, а также поставить такую защиту над замком, которую даже сам Мерлин не смог бы преодолеть! Хэйдин был очень хитрым и коварным. Он знал, что, как только Мерлин вернет Джудит, он, наверняка, разнесет замок по камушку и убьет всех его обитателей. С защитным же заклинанием самого Мерлина не только не могли сравниться другие замки, но и сам Мерлин не сможет причинить никакого вреда чему бы то ни было, находящемуся в нем.

– Но он же не сделал этого, верно? – спросил Джеймс.

Роуз кивнула.

– Вообще–то, сделал. Он безумно любил Джудит. Он оставил все и пошел в соседние феодальные владения. В книге нет сведений о том, как он это сделал, но когда он вернулся, то отдал Хэйдину достаточно новой земли, чтобы удвоить его размеры его поместий. Лучше не думать, как Мерлин получил всю эту площадь, но это, должно быть, было страшно. Лорды не отпускали земли без боя.

Джеймс нахмурился.

– Так Хэйдин все–таки освободил Джудит?

– Ну, вот тут история обрывается, – неловко сказала Роуз. – Похоже, Астрададукс считал, что оставшаяся часть общеизвестна. Я думаю, что бы там ни стряслось, долгое время это было у всех на устах. К сожалению, за прошедшие столетия легенда затерялась среди всех мифов и преувеличений. В любом случае, похоже, что все закончилось плохо. Я имею в виду, Мерлин сейчас рядом с нами, а Владычица Озера – нет. Самое главное, это может объяснить, почему люди всегда были уверены, что Мерлин мог затаить зуб на мир маглов. Он был пойман в ловушку этим магловским лордишкой, Хэйдином, унижен им, и даже не мог отомстить. Для такого почти всемогущего волшебника как Мерлин это серьезный удар по гордости.

– Ну, ты не можешь винить его за то, что он разозлился, – решил Джеймс, – но это еще не значит, что он ненавидит всех маглов. Один злой магловский идиот вряд ли может быть причиной для начала войны против всех остальных.

– Ну, некоторые так утверждают, – сказала Роуз, пожимая плечами. – Впрочем, сам Мерлин никогда ничего такого не говорил. Он вообще,

по сути, больше ничего не говорил. Он перестал появляться на публике, и вскоре после этого, Атрамаддукс сказал о Мерлине: «оставил общество людей до тех пор, пока не придет время». Так что не удивительно, что люди жили с некоторым страхом все эти века.

– И до сих пор живут, – намекнул Джеймс.

– Я не утверждаю, что я согласна со всем, что люди говорят о нем, – тихо ответила Роуз. – Но это все же наводит на мысль, что Мерлин мог затаить серьезную обиду. Любовь порой заставляет людей делать безумные вещи.

Джеймс вздохнул.

– У меня есть план, Роуз, – признался он вполголоса. – До сих пор я не был уверен, что готов пройти через это, но не теперь. Я должен очистить имя Мерлина, если я смогу. Я собираюсь узнать правду, был ли он сообщником тех людей, которых мы видели, и что это за ужасная, э-э, тварь в темном плаще.

Роуз прищурилась.

– Ты ведь знаешь что-то о том, что это такое, не так ли? – спросила она. – Ты что-то скрываешь. Не связано ли это со странной болью, которую ты ощущаешь иногда во лбу?

– Что? – испуганно сказал Джеймс. – Нет, я... э-э, я не ощущаю ее больше.

– Значит, правда. – кивнула Роуз. – Тогда, возле кабинета директора ты ударил себя в лоб и закричал от боли, а не потому, что ты вдруг вспомнил правильный ответ на тест по Нумерологии.

Джеймс вздохнул.

– Эх, верно, я все еще чувствую его иногда. Я не знаю, откуда он взялся. Но это не имеет ничего общего с Мерлином, ясно?

– Скорпиус говорит, что тебе снятся кошмары, – сказала Роуз, внимательно глядя на Джеймса.

– Черт возьми, Роуз! Он что, сидит ночами и ведет дневник?

– Он говорит, что ты разговариваешь и кричишь во сне. Он не сумел расслышать, что ты бормотал, но похоже, всегда одно и то же. И это происходит несколько раз в неделю.

Джеймс посмотрел на Роуз, а затем отвернулся.

– Да, ну и что? Я даже почти никогда не запоминаю сны. И даже когда я вспоминаю, они не имеют никакого смысла. Там всегда

присутствуют голоса, шуршат лопасти, и откуда-то доносится звук старой техники. Кто-то идет, я слеую за ними, но я не могу различить, кто это. А потом вода и какие-то странные лица. Ну и что? Это просто сон. Это ничего не значит.

Роуз закатила глаза.

– Я знаю тебя достаточно, чтобы понимать, что ты сам не веришь своим словам.

Джеймс покачал головой.

– Слушай, я не знаю, о чем это все. Может быть, в этом есть связь со странной болью, которую я иногда ощущаю в своем лбу. Седрик... Седрик сказал, что видит там шрам. Он говорит, что он светится зеленым цветом.

– Не может быть! – Роуз воскликнула, как будто это самая крутая вещь, которую она когда-либо слышала. Она наклонилась, изучая лоб Джеймса. – Ты его видишь, когда смотришься в зеркало? А он светится темноте?

– Это не смешно, Роуз! – сказал Джеймс, пятясь от нее. – Но, по крайней мере, это означает, что я не псих. Если Седрик видит его, то это не только в моей голове.

– Да, – согласилась Роуз. – Технически, это на твоей голове.

Джеймс отпрянул от кухни.

– Но дело в том, что это не имеет ничего общего с тем, как я намерен узнать правду о Мерлине.

– Как, Джеймс? – серьезно спросила Роуз. – Я имею в виду, Ральф прав в одном: если это Мерлин принимал участие в той жуткой сцене, то тебе будет нечего ему противопоставить. Он без колебаний уберет тебя с пути. Позволь хотя бы нам с Ральфом помочь тебе.

Джеймс покачал головой.

– Я не нуждаюсь в помощи, Роуз. Прости. Это было бы слишком – навлечь беду на вас обоих, если я попаду в ловушку.

Розе всегда была довольно практичной особой. Она только кивнула.

– Когда ты собираешься это сделать?

Лицо Джеймса выразило решимость.

– Сегодня, если смогу. Если все пройдет как надо, то мы будем знать правду уже завтра утром. Пожелай мне удачи.

– Тебе понадобится более чем удача, балбес, – сказал Роуз. – Я, конечно, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Джеймс подумал, как Мерлин нашел его в коридорах, и когда он стоял на страже для Гремлинов, и когда он искал классную доску. Мерлин знал все, что происходит в школе, и он сразу узнает, что Джеймс задумал, если тот не будет очень осторожен.

– Да знаю я, Роуз, – решительно ответил Джеймс, когда они с кузиной шли по коридору в Большой зал, – знаю.

План Джеймса был прост. Он попросит помощи у призрака Седрика, так как тот мог подобраться ближе всех. Седрик не любил посещать кабинет директора теперь, когда там обосновался Мерлин, хотя и не было никакой защиты, препятствующей призракам вторгаться в личные покои волшебника. Тем не менее, Седрик может находиться за окнами, чтобы увидеть, когда погаснет свет. В самом деле, когда-нибудь же и Мерлин спит. Когда свет в его комнате был потухнет, Седрик придет и разбудит Джеймса.

В ту ночь Джеймс пошел спать будучи уверен, что он не проспит. Он нервно обдумывал свой план, отчасти потому, что он в красках представлял себе, что произойдет, если он будет пойман, и отчасти потому, что он боялся того, что он обнаружит, если план удастся. Каждый раз, когда он начинал погружаться в сон, ему казалось, что он слышит шаги Седрика, пришедшего, чтобы разбудить его.

Это было глупо, потому что призрак не производил вообще никакого шума, если только он сам не захотел бы, чтобы Джеймс его услышал. Тем не менее, каждый шорох и скрип привлекали внимание Джеймса, пока, в конце концов, он не погрузился в прерывистый сон.

На первый взгляд, все казалось знакомым, но на этот раз все было по-другому. Как всегда, сон начался с раздавшегося пугающе близко свиста, поблескивания металлических лопастей и гула древних моторов. Откуда-то раздавался голос, шелковистый и вкрадчивый,

понемногу сводящий с ума. Он раскатывался эхом, так что Джеймс почти ничего не понимал, но случайные выражения удалось уловить. «Время еще не пришло...», бормотал голос, «задача, поставленная перед тобой...» и «...носитель искупления...»

Джеймс вздрогнул во сне.

Рядом с ним двигалась какая-то фигура, но все, что Джеймс мог разглядеть в темноте, это только безликий силуэт. Джеймс, казалось, плыл с фигурой, будто как-то находясь под ее управлением. Он ощущал шрам на своей голове словно груз. Затем, впервые, в этом странном пространстве заблестел свет. Зеленый и мерцающий, он исходил из бассейна, бросая танцующую рябь на окружающие поверхности. Стены были каменными, старыми и скользкими от мха. У Джеймса возникло чувство, что он под землей, вдали от дневного света. Голос продолжал говорить по мере того, как фигуры двигались в ярко мерцающей воде, как отражения с того света. Из темного угла послышался голос, изданным кем-то окутанным в черный плащ. Когда он заговорил, из воды снова показались два лица, их выражения были полны грусти, надежды и мольбы. В этот раз они были яснее, мерцая под тонкой пленкой воды: мужчина и женщина, моложе родителей Джеймса. Спутник Джеймса ахнул и опустился на колени, подползая к кромке воды, чтобы прикоснуться к слегка колеблющейся поверхности.

– Стой, – приказал голос. – Время еще не пришло. Ты сможешь присоединиться к ним в этом мире, но не вернуть их туда. Их кровь взывает о расплате. Лишь тогда они смогут перейти. Но только ты можешь осуществить возмездие. Ты единственный, кто отомстит, не только за них, но и за всех, кто погиб от рук угнетателей. От тебя зависит равновесие. Твой долг суров, и твое бремя тяжело, но награда будет велика. Ты вернешь их обратно. И ты проживешь достаточно, чтобы увидеть грядущие перемены. Если пожелаешь, конечно.

– Я согласен, – прошептал голос спутника Джеймса, и Джеймс повторил за ним, не в силах сопротивляться. Но на самом деле он не издал ни звука.

Он проснулся, вздрогнув от какого-то шума. Сон был настолько ярким, что он не сразу сообразил, где он. Он сел в кровати и по лунному свету в окне понял, что уже за полночь. По соседству спал Грэхем, свесив одну руку с кровати. Комната была погружена в тишину

глубокого сна.

– Седрик? – очень тихо прошептал Джеймс, стараясь никого не разбудить. Он откинул одеяло и выскользнул из постели. Никаких признаков присутствия призрака не было. Возможно, тот в общей гостиной. Джеймс захватил свою палочку и очки из своей сумки и пробрался к лестнице. Возле двери он замер, заметив что-то странное. Кровать Скорпиуса была смята, но пуста. Джеймс прищурился. Где эта маленький гаденыш? Он подумал о том, что Скорпиус рассказывал Роуз, что Джеймс разговаривает во сне. Почему сам Скорпиус не спал в то время? Он безусловно что-то замышляет. Неохотно, но все же Джеймс решил отложить расследование этого дела на потом. Сейчас у него было более важное занятие. Он повернулся и прокрался вниз по лестнице в гостиную.

Комната была совершенно пустой и темной, несмотря на тусклое красное свечение камина. Там так же не было никаких признаков присутствия Седрика. Джеймс снова прошептал его имя, на этот раз уже немного громче, но ответа не последовало. Джеймс вздохнул и подошел к камину. Когда он плюхнулся на стул с высокой спинкой, раздался громкий голос, заставив его подпрыгнуть.

– Эй, Джеймс! – произнес голос. – А где остальные?

– Что? Кто... Зейн?! – прошипел Джеймс, озираясь по сторонам.

Зейн стоял у камина, по-видимому, опираясь на полку, хотя не совсем, кажется, касаясь ее.

Он довольно усмехнулся.

– Кто же еще? Ты ведь получил мою утку?

– Твою... – Джеймс начал, все еще отходя от потрясения. – Нет. Что? Твоя утка? Что ты здесь делаешь?

– Я послал вам сообщение с помощью утки несколько минут назад, – сказал Зейн, ссылаясь на резиновых уток, которыми они пользовались, чтобы отправлять друг другу записки. Джеймс совсем забыл о своей. – Я предположил, что вы уже получили сообщение. Я предложил вам с Ральфом встретиться со мной у камина через пять минут. Так где же все остальные? Здесь пусто, как на кладбище.

Джеймс закатил глаза.

– Так вот что разбудило меня. Зейн! И это посреди ночи! – воскликнул он, подавляя улыбку. Полная непробиваемость Зейна всегда

поражала его. – Ральф в постели внизу, в слизеринском подземелье. Ты снова забыл про разницу во времени!

– Ах да, – сказал Зейн, морщась. – Здесь всего лишь восемь. Я имею в виду, там. Где я на самом деле. Так что ты думаешь об этом? Намного лучше, чем пыльца мотылька. Я нормально выгляжу?

Джеймс прищурился.

– Ну, минуту назад – да. Ты начинаешь немного тускнеть по краям. Как ты это делаешь?

– Это здорово, не так ли? – ответил Зейн. – еще одна из штук профессора Франклина. Вся прелесть в ее простоте. Ты когда-нибудь слышал про Доппельгангера?

Джеймс нахмурился.

– Э-э, конечно. Это мифический двойник. Он объявляется, чтобы предупредить о приближающейся собственной смерти, так?

Зейн радостно кивнул.

– Да, именно так. Франклин решил, что если мы подделаем обстоятельства несвоевременной смерти, то можно создать Двойника. Затем, когда это произойдет, мы сумеем использовать его и с его помощью передать личные сообщения, как сейчас.

– То есть, ты находишься там в смертельной опасности? – спросил Джеймс, нахмутив брови.

– И да, и нет. Двойнику приходится думать так, чтобы у профессора Франклина все получилось. Загрузка данных. Фактически, я и правда в смертельной опасности. Но когда мы закончим разговор, я снова буду чистеньким. Все это немного сложно, но Отдел проработал большую часть ошибок. У тебя палочка с собой?

– Э-э, да, – ответил Джеймс.

– Стрельни в меня, хорошо? Не важно, чем. Жалящее заклинание или что-то в этом духе. А то я начинаю постепенно исчезать.

– Что? Я хочу сказать, ты уверен?

– Полностью. Делай быстрее, понимаешь, проблема при таком способе общения – это поддержание магии на больших расстояниях. Нам нужна помощь, чтобы сохранить его. В противном случае, я просто исчезну.

Джеймс вынул свою палочку, и неохотно прицелился в исчезающую фигуру Зейна.

– Ацервеспа! – сказал он.

Тонкий как иголка луч вылетел из его палочки. Фигура Зейна, казалось, поглотила луч. Он вдруг снова стал плотным.

– Неплохо, – сказал Зейн. – Как там идут дела по ту сторону пруда?

– Ох, – сказал Джеймс, ссутуливаясь в кресле. – Сложно. Альбус – слизеринец, я получаю фантомные знаки через какой-то фантомный шрам, сын заклятого врага отца украл мою кровать, и все беспокоятся, что Мерлин стал злым.

Зейн скорчил рожу.

– Ух ты. Вот это да. Прямо куча всего одновременно. Ты же не думаешь, что наш здоровяк стал злым?

Джеймс устало покачал головой.

– Нет, но так думают некоторые люди. Даже Роуз. Особенно после ночью.

Джеймс сказал Зейну о сцене в Зеркале Амсера Церф. Зейн слушал критично, скривив уголок рта в своем уникальном выражении задумчивости.

– Так что же случилось потом? – спросил Зейн, как только Джеймс закончил.

– Что ты имеешь в виду? Это все. Разве этого мало?

– В смысле, как Мерлин сумел вернуться, если вы закрыли Фокусирующую Книгу, когда он был там?

– Я не знаю, – подумал Джеймс. Он не думал об этом. – Но он вернулся. Я думаю, он имеет и другие средства передвижения. Если это был действительно он.

– Это был он, – сказал Зейн, кивая. – Ты просто не хочешь в этом признаться.

Джеймс нахмурился, но прежде чем он успел возразить, Зейн продолжил.

– Но хорошей новостью является то, что он должен быть там по каким-то своим причинам. В противном случае, вы бы уже поджарились, не так ли?

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спросил Джеймс.

– В смысле, он видел вас, не так ли? Ты сказал, что бледный пижон указал через зеркало прямо на вас, и все оглянулись. Это означает, что и Мерлин видел вас. Если бы он был в сговоре с этими ребятами, он бы

пришел за вами за три секунды, как вернулся. Вы все были бы сосланы в преисподнюю или куда подальше, такие парни как Мерлин не оставляют врагов в живых.

Джеймс нахмурился.

– Я даже не думал о таком варианте.

– Конечно, нет, – Зейн пожал плечами. – Думанье всегда было моей прерогативой.

Джеймс скорчил рожу.

– Ну, так или иначе, я буду знать больше после этой ночи. На самом деле, я спал и не сразу понял, что это ты позвал меня. Я собираюсь прокрасться, чтобы действовать, и я немного нервничаю по этому поводу. В этот раз у меня нет даже Мантии–Невидимки. А что у тебя? Как дела в Альма Алерон?

– Ты не поверишь, – сказал Зейн, качая головой. – Классы просто огромные, и волшебное сообщество действует здесь по-другому. Некоторые из моих занятий ведут настоящие снежные люди. Большеноги! И скажу тебе, они гораздо умнее, чем кажутся, пусть даже если время от времени и прихрюкивают. Кроме того, здесь есть и своего рода Прогрессивный Элемент, только они себя так не называют. Эти ребята много болтают о том, как старая правящая элита всегда останавливала изменения и душила прогресс, они повторяют одно и то, пока ты не вспомнишь, что изменение и прогресс также способны и заставить молоко прокиснуть. Так или иначе, большинство из них держат на меня зуб, потому что они думают, что знают, что там произошло в Хогвартсе в прошлом году. А мадам Делакруа в тюрьме, представляешь? Впрочем, многие считают, что она – героиня в своего рода политической ссылке. По мне, так все ясно до мелочей.

– Королева вуду в тюрьме? – спросил Джеймс, широко раскрыв глаза. – У них тоже есть волшебная тюрьма?

– Ну, это скорее психбольница, но довольно хорошо охраняемая. Она, на самом деле, так и не восстановилась после той ночи в Пещерной Цитадели. Она пережила небольшой стресс, если ты понимаешь, о чем я. Технически, она просто под наблюдением. На самом деле она прямо здесь, на территории кампуса, в больничном крыле. Эй, привет, Седрик. Как твоя призрачная жизнь?

Джеймс посмотрел наверх и увидел Седрика, плывущего по

комнате и лишь вяло улыбнувшегося в ответ.

– Пора, – сказал призрак, обращаясь к Джеймсу.

– Правильно, – сказал Зейн, – у тебя же запланировано крупное дельце в качестве разведчика. Кстати, ты уверен, что это хорошая идея? У того парня, должно быть, повсюду анти–шпионские ловушки. Ты не смог бы просто вломиться в его кабинет даже с мантией–невидимкой.

– У меня есть план, – сказал Джеймс, сжав зубы.

– О, – ответил Зейн, закатив глаза. – Ну, если этот так же надежен, как и те планы, которые мы придумали в прошлом году, то я чувствую себя лучше.

– Ты снова тускнеешь, приятель, – сказал Джеймс, поднимаясь из кресла и повернувшись, чтобы пойти за Седриком. – Приходи в любое время, когда захочешь.

– Этого тебе не избежать. Удачи. И, да, Джеймс?

Джеймс остановился и обернулся. От Зейна почти ничего не осталось. Он выглядел еще призрачнее, чем Седрик.

– Держите меня в курсе, ладно? Я был там, когда Мерлин появился. Если он перешел на темную сторону, я хочу знать об этом. Может быть, я смогу помочь.

– Он не перешел, – сказал Джеймс. – Не парься об этом.

Зейн усмехнулся.

– Я и не говорил, что парюсь.

Как только они проскользнули портретный проем, Седрик спросил:

– Что все это значит?

Джеймс покачал головой.

– Просто Зейн остается Зейном. Пойдем, давай покончим с этим.

– Так что же от меня требуется?

Джеймс сделал глубокий вдох и посмотрел вдоль очень темного и очень тихого коридора.

– Просто проведи меня в кабинет директора, – прошептал он. – После этого, как сказал бы Зейн, все будет просто до примитивности.

Джеймс надеялся, что пароль для входа на лестницу, ведущую к кабинету директора школы, не изменился с тех пор, когда он, Ральф, и Роуз приходили просить разрешение на основание Клуба Оборона. К тому времени, пока он добирался до горгульи, охраняющей вход, он почти забыл древне-валлийскую фразу, но когда он вспомнил ее и сказал вслух, горгулья устало отступила в сторону.

– Не стоит ожидать ничего хорошего от такого визита, – пробормотала горгулья, когда Джеймс и Седрик прошли мимо. – Но опять же, что я знаю? Моя голова сделана из мрамора.

Наверху лестничного пролета Седрик молча прошел сквозь дверь кабинета. Через несколько мгновений задвижка щелкнула изнутри и дверь медленно со скрипом отворилась.

– Они все спят, – прошептал Седрик, указывая на портреты директоров. – Даже Дамблдор со Снейпом.

Джеймс кивнул и крадучись прошел внутрь. Кабинет был довольно темным и навевал дурные предчувствия, несмотря на храп, доносящийся со стороны портретов. Одиноким луч лунного света проложил тропу на полу, ведущую к массивному столу и далее через Фокусирующую Книгу Мерлина. Джеймс подкрался по полу к столу, не желая смотреть на Амсера Церф, но не смог избежать этого. Поверхность зеркала была затуманена клубящимся серебристым дымом, бросающим свой бледный отсвет на стоящую по соседству мебель.

– Мне н-нужно всего несколько м-минут, – прошептал Джеймс, стуча зубами. В кабинете директора было необычайно холодно. Джеймс мог видеть пар от своего дыхания, когда он говорил. – Мне просто нужно, чтобы ты закрыл дверь после меня из-з-нутри...

Ответа не было. Седрик уже вышел в коридор, чтобы ждать там. Он сказал Джеймсу, что терпеть не может находиться в кабинете Мерлина. «Слишком много ловушек, – просто объяснил он, – даже для призрака».

Нечто белое и порхающее лениво полетело в сторону Джеймса. Он подскочил, сердце устремилось в пятки, бешено колотясь. Но это были всего-навсего льняные шторы, висящие над окном, всколыхнувшиеся от внезапного порыва ветра. Тогда не удивительно, почему в кабинет было так холодно. Мерлин ушел через открытое окно, позволив холодному ночному ветру забавляться с занавесками. Через окно

Джеймс мог видеть только серп полумесяца. Он висел в небе, напоминая лезвие косы цвета кости. Мальчик снова вздрогнул и пожелал, чтобы сердце прекратило так бешено колотиться. Дрожа, он повернулся к столу.

Фокусирующая Книга, казалось, светилась в луче лунного света. Закрытая обложка была сделана из толстой кожи, скрепленной полированными деревянными и медными петлями. На ней был замок, к счастью, не запертый. Джеймс прикоснулся к книге, а затем быстро открыл ее, желая получить ответ как можно скорее. Страницы были тяжелыми, изготовленными из дорогой бумаги кремового цвета, рука Джеймса легко скользила по ним. Каждая страница была пуста, за исключением одинокой надписи, выполненной чернилами: место и дата. Джеймс пролистал их как можно быстрее, насколько тщательно, насколько это было возможно, прочитывая каждую из них. Через минуту его осенило. Он раскрыл книгу на одной из пустых страниц в конце. Он начал листать с конца, пробегая глазами по тяжелым чистым страницам, пока он не добрался до последней с надписью. Он остановился, ткнул пальцем в нее и прочитал: «МОГИЛА ИСКОМОГО ХОЗЯИНА, ОКТЯБРЬ».

Это было оно. Он надеялся, что сработает, и все же, даже сейчас, часть его надеялась, что нет. Он попятился от книги, его глаза были широко раскрыты, и сердце по-прежнему бешено билось. Он мог бы сказать по изменению освещения комнаты, что в Зеркале что-то появилось. Донесся скрипучий шум деревьев и шорох листьев. Медленно, осторожно Джеймс достал свои очки из кармана пижамы и надел их. В этот раз он ничего не хотел пропустить. Наконец он обернулся.

Сцена была точно такой, как он ее помнил. Могила Тома Риддла, обвитая мхом и увенчанная улыбающимся красивым памятником. Дневной свет просачивался сквозь ветви деревьев, такой же серый и туманный. Теперь, когда Джеймс знал, что искать, он мог видеть существо из дыма и пепла, стоящее перед могилой. Как и прежде, рваная нижняя часть плаща раздувалась ветром, ноги отсутствовали. Что-то в фигуре бросало вызов глазам, заставляя отводить взгляд, но Джеймс заставил себя посмотреть на него. Был ли это тот самый Привратник, о котором говорил Фарриган? Джеймс почувствовал

внезапную уверенность в этом. Как и прежде, существо походило не столько на фигуру в плаще, и сколько на дыру в пространстве, в которой скручивалось бесконечное множество спиралей черной клубящейся золы.

Джеймс ждал и наблюдал в кабинете директора, дрожа от холода. Снаружи ветер, казалось, нарастал. Он резко распахнул окно, раздувая шторы. Наконец Джеймс увидел, как Привратник поднял руку, позволив рукаву закатиться. Рука была тонкая и бледная, как и тогда, когда Джеймс впервые увидел ее, и мальчик мог бы поклясться, что это вообще не человеческая рука, а просто форма, предназначенная выглядеть как рука. На этот раз, рука не манила. Она просто оставалась поднятой какое-то время. А потом существо повернуло голову. Капюшон плаща был пуст, но оно, очевидно, посмотрело на Джеймса через зеркало. Джеймс ахнул и отступил назад.

Затем одновременно произошло сразу несколько событий: порыв ветра влетел в окно, захлопав шторами и перелистывая страницы Фокусирующей Книги, дверь в кабинет директора распахнулась настежь, с грохотом хлопнув по внутренней стене, и свет влился из коридора, очерчивая высокий силуэт. Джеймс кинулся вперед, пытаясь укрыться в тени Волшебного Зеркала.

Перед лицом Джеймса за стеклом Зеркала стремительно мелькали изображения по мере перелистывания страниц Фокусирующей Книги. Мелькали сцены прошлого, возникая и исчезая в серебристой дымке. Портреты бывших директоров школ на стене кабинета уже проснулись, хотя и молчали. Вошедшая фигура проследовала по комнате, ища его. Кто бы это ни был, он скоро обнаружит мальчика. Джеймс забился поглубже, прикоснувшись рукой к стеклу, тяжело дыша от ужаса. В тот момент ему хотелось быть где угодно подальше отсюда.

А затем, вдруг, он оказался там.

Его охватило ужасное, мучительное чувство, будто все тело Джеймса было вывернуто наизнанку. Все случилось так быстро, что он не сразу сообразил, что происходит. Внезапно, серебристый дым в зеркале пропал; теперь там был кабинет директора, но каким-то образом в обратном направлении. Джеймс мог ясно видеть тень крупного человека, движущуюся с другой стороны зеркала, а затем самого человека, вошедшего в поле зрения. Это был Мерлин, он явно

тщательно обыскивал все вокруг.

Недолго думая, Джеймс нырнул под зеркало. Он в отчаянии всматривался, вытягивая шею, чтобы понять, не обнаружили ли его. С этого нового ракурса сцена в зеркале выглядела по-другому. На самом деле, изменилось и само зеркало. Оно стало заметно меньше, вися на каменной стене в раме из серебра, а не из дерева. Джеймс нахмурился, недоумевая и слегка вздрагивая от пережитого страха. Теперь, когда он наконец огляделся, то заметил, что оказался в совершенно другом месте. Каким-то образом он прошел через зеркало. Когда он захотел оказаться в другом месте, то при этом касался Амсера Церф, и зеркало, по-видимому, исполнило его желание. Как он мог быть таким беспечным? Страницы Фокусирующей Книги перелистывались на ветру, так что не было никакого шанса узнать, на какую именно страницу Книги он был отправлен.

Джеймс попытался проанализировать то, что его окружало. Он все еще прятался под новым Зеркалом, присев в тесном пространстве между стеной и чем-то вроде огромного каменного блока. Неподалеку послышались голоса. Джеймс очень осторожно поднял голову. Блок был около трех футов в высоту с огромной непонятной фигурой наверху. Джеймс решил, что это статуя. Она казалась смутно знакомой, хотя под этим углом было трудно это понять, почему. Джеймс осматривал огромные вытесанные ноги, изо всех сил стараясь дышать потише. Голоса раздавались все ближе, и, когда Джеймс оглянулся, он наконец увидел владельцев голосов. Это были четыре человека, все одетые в мантии и плащи различных цветов. Они стояли к Джеймсу спиной, образуя неровный ряд. Внезапно его ослепила вспышка, откуда-то донесся запах едкого дыма.

– Сдается мне, что это сохранится на века, – гордо воскликнул голос. – Жаль, что не в цвете.

– Цвет будет достаточно скоро, Годрик, – счастливо пропел голос женщины. – И, возможно, даже будут движения, как на маленьких живых картинах.

– У нас уже есть движущиеся картины, – пробормотал второй человек слегка насмешливо. – Я не вижу, чем это лучше.

– Ты всегда был скептиком, Салазар, – прокомментировал голос другой женщины. – Не сдержался даже чтобы не покритиковать

изобретательность Кандиды. Лучше побереги это для учеников, чья работа – совершенствовать свое мастерство.

У Джеймса глаза чуть не вылезли из орбит на лоб. Потом, когда фотография была сделана, четыре человека потянулись к выходу из ротонды. Невысокий седой гоблин тушил механизм вспышки, а другой гоблин разбирал гигантскую древнюю фотокамеру. Когда две женщины и двое мужчин вышли на залитый солнцем зал, Джеймс глянул на высокую арку. Там были слова, тщательно вырезанные на камне на вершине арки, и каждая буква острая, как долото, что вырезало слова: «SCHOLA HOGVARTENSIS ARTIUM MAGICARUM ET FASCINATIONUS»^[7].

Когда голоса стихли, Джеймс резко откинулся к стене. Не было никаких сомнений в этом. Так или иначе, похоже, что он был отброшен во времени к основанию Хогвартса. Он стоял в старой ротонде, скрывающийся под неповрежденной статуей основателей, а сами основатели шли в свете заката тысячелетней давности. Но что поразило Джеймса, как самое абсурдное из всего, что было: Эшли Дун была права в тот день на Истории магии.

Джеймс и был призраком в тени от постамента.

Глава 10. Сигнальный камень

Джеймс подождал, пока гоблины не закончили вручную убирать камеру и прочее оборудование, потом они загрузили части на тележку и повезли ее дальше, все время переговариваясь между собой на странном гоблинском языке. Когда же они закончились, и ротонда^[8] опустела, Джеймс выпрыгнул из своего убежища. Он всмотрелся в зеркало в серебряной раме, задаваясь вопросом, зачем кому-то вешать зеркало позади статуи. Зеркало показало просто темные задние стороны статуй и собственное лицо Джеймса с довольно безумными глазами. Его очки были перекошены. Он снял их и положил в карман пижамы. На мгновение он ужасно запаниковал.

Зеркальная дверь закрылась! Как ему тогда вернуться? Но когда он коснулся рукой поверхности зеркального стекла, отражение изменилось. Кабинет Мерлина возник в отражении, как будто вызванный прикосновением Джеймса. Свечи были зажжены, и Мерлин восседал за своим столом спиной к Зеркалу. Он поворачивал страницы в Книге Заклятий. Казалось, он ощутил пристальный взгляд Джеймса, поскольку внезапно повернул голову, внимательно всматриваясь назад в Зеркало. Джеймс отпрянул в сторону, прижимаясь к каменной стене рядом с зеркалом. На мгновение его пальцы оторвались от поверхности зеркала, и отражение сразу изменилось назад на нормальное; кабинет директора школы мигнул вдалеке, замененный отражением огромной статуи и ротонды.

Джеймс облегченно вздохнул. Все, что он должен был сделать – это подождать, пока Мерлин снова не покинет свой кабинет. Тогда Джеймс сможет просто коснуться зеркала с этой стороны и пожелать вернуться в его собственное время. Он надеялся, что его вернут назад через Черту Времени. Как только он возвратится, то должен будет во что бы то ни стало избежать обнаружения в кабинете директора школы, но эту проблему он решит тогда, когда придет время. Сейчас же Джеймс спокойно сидел на корточках позади основания статуи, прислонившись к стене.

Наконец Джеймс немного успокоился и стал замечать шумы и

чувствовать запахи этой древней версии Хогвартса. Сама ротонда была пуста, но остальная часть замка походила на живой улей. Голоса отзывались эхом, накладываясь и превращаясь в деловитый гул. Доносились шаги и даже грохот копыт по камню. Лязг и шипение масла наводили на мысль, что неподалеку располагается кухня.

Запахи были смешанным попури^[9] тушеного мяса и вспаханной земли, опилок и навоза. Джеймсу стало любопытно. Если он так и так должен был ждать, то почему бы немного не исследовать оригинальный Хогвартс? Роуз, вероятно, прибьет его, если он не воспользуется этой возможностью. Джеймс взобрался наверх и выглянул между огромных ног статуи Пенелопы Пуффендуй. Ротонда была пуста.

Джеймс осторожно выполз из-за статуи и пересек помещение. Оно было таким же, как и в старой ротонде в Хогвартсе, которую он знал, за исключением того, что здесь все было не так старо; каждый кирпич в стене был прямым и с острыми краями, отлично помещаясь на своем месте. Под аркой Джеймс обернулся и посмотрел на статую. Он часто задавался вопросом, на что они были похожи прежде, чем это были сломаны. Каждая из каменных фигур основателей была примерно шесть метров высотой, все они улыбались за исключением статуи Салазара Слизерина, который, как казалось, скорее, ухмылялся, прищурив глаза. На стене позади них, над зеркалом в серебряной раме висел гигантский герб Хогвартса, сделанный из древесины и ярко раскрашенный. Он выглядел весьма внушительно.

– Эй, мальчик! – вдруг раздался громкий голос поблизости. Джеймс так резко подскочил, что чуть не упал на пол.

Человек в длинном плаще, отороченном мехом, стоял в арке входа в ротонду. Его густые брови сошлись на переносице, яркие глубоко посаженные глаза горели. Он держал узду королевско-белой лошади:

– Отведи вьючную лошадь в конюшню и скажи твоему лорду, что его гости прибыли. Я же отправлюсь в свои покои, раз уж никто не позаботился меня встретить.

Джеймс был сбит с толку. Не зная, что делать, он подошел к человеку и нерешительно взялся за вожжи. Человек подозрительно посмотрел на его сверху вниз и Джеймс вспомнил, что по-прежнему одет в полосатую бело-синюю пижаму.

– Не моего коня, мальчик, – зарычал человек. – Никто не смеет трогать это животное кроме меня. Твоя работа – вон та вьючная лошадь.

Он указал за арку на огромную кобылу, нагруженную тяжелыми вьюками. Она была запряжена в телегу с массивными деревянными колесами. Человек склонился к Джеймсу угрожающе.

– Ты конюх или шут? Что это за манеры?

– Э–э, извините, сэр. Нет проблем, – пробормотал Джеймс. – Я справлюсь с вашей лошастью, э–э, Сир. Мастер. Э–э, Ваше Высочество.

Лицо человека внезапно расплылось в зубастой усмешке, как будто он облизнулся в предвкушении, подумал Джеймс.

– Забавный, мальчик. Твоему лорду понравится эта шутка так же, как и мне. Проследи, чтобы наш багаж был принесен к нашим покоям, и я лично накажу швейцара, который окажется неаккуратным. Так и передай.

Сказав это, человек завязал вожжи своего коня на соседнем поручне и шагнул в полумрак замка, взмахнув мехами. За ним следом тянулся странный пряный аромат. Джеймс повернулся к огромной вьючной лошади и фургону. Он решил было сбежать, пока никто не видит, но вдруг передумал. Ведь он мог, по крайней мере, отвести лошадь в конюшню. Все, что он должен был сделать, руководствоваться чутьем. Кроме того, задача позволила бы ему осмотреть оригинальный замок, не бросаясь в глаза.

Первой мыслью было, что ему нужно переодеться. Он стал быстро озираться вокруг. Он торопился, ведь времени оставалось не так много, вход в ротонду выходил на внутренний двор с тщательно подстриженной травой, окруженный низкой каменной стеной. В центре двора бил журчащий источник, выбегающий через каменные ворота с обеих сторон. Там, на большом валуне около потока, стояли три корзины с одеждой. Джеймс перебежал туда, надеясь, что не встретит того, кто занимался стиркой.

В корзинах были очень грубые мантии, намного больше, чем привык носить Джеймс. Он натянул одну, пытаясь закатать огромные рукава. Подол мантии у его ног смотрелся смешно. Мантия была лучше, чем его полосатая пижама, но не намного. Возможно, позднее ему попадетя что–то получше. Он развернулся и отбежал к вьючной лошади, придерживая подол мантии, чтобы не споткнуться.

Он взял вожжи лошади, которая была почти вдвое его выше. Лошадь щипала траву внутреннего двора, методично пережевывая, Джеймс мягко потянул вожжи, прервав ее занятие. Колеса фургона закричали, когда лошадь сдвинулась с места. Джеймс не знал, куда идти, он побрел вокруг замка в поисках конюшни. Пользуясь моментом, он осмотрел окрестности.

Замок Хогвартс был намного меньше, чем в его времени. Все толпились вокруг входа в ротонду, который был украшен большой опускной решеткой, в данный момент поднятой. Башенки мерцали в закате, их конические крыши выглядели настолько острыми, что об них можно было уколоть палец. Намного выше, чем прочие, была Лесная Башня, хорошо знакомая Джеймсу. Она и в его время была велика, здесь же она однозначно доминировала над силуэтом всего замка. Когда Джеймс обогнул замок, проведя лошадь через большие каменные ворота, он заметил, что земля вокруг замка была усеяна полями и домами. Джеймс был немного удивлен. В его время замок Хогвартс стоял один в большой, засаженной деревьями дикой местности, изолированной и скрытой.

Здесь же замок был весьма оживленным местом. Люди обрабатывали все вокруг, очевидно обеспечивая всех трудом крестьянской жизни. Когда Джеймс вел лошадь и телегу, пытаясь выглядеть так, будто он знал, куда он шел, он видел людей, несущих корзины и горшки, пасших овец и коров или толкающих деревянные ручные тележки, нагруженные овощами. Несколько человек настороженно поглядывали на Джеймса, и по меньшей мере одна женщина хихикнула, но все же никто к нему не обращался или не спрашивал, что он здесь делает.

Наконец ветер донес до Джеймса запах свежего навоза. Он осмотрелся и увидел недалеко огромный каменный сарай. Он усмехнулся, узнавая его; это был тот же самый сарай, в котором Хагрид проводил занятия по Уходу за Магическими Существами во времени Джеймса. Крыша была другой, но остальное осталось без изменений, к одной из стен было пристроено здание поменьше, по-видимому, кузница. По мере приближения Джеймс услышал топот и ржание лошадей, и лязг и ворчание кузнеца.

– Что это у нас тут, э? – спросил здоровенный мужчина с

обнаженными руками, вышедший из основной двери сарая, глядя на Джеймса.

– Э-э, этой вьючной лошади требуется конюшня, – ответил Джеймс, держа поводья. – Ее хозяин послал меня сюда. Я не конюх.

– Ну, это очевидно, – грубо сказал человек, нахмурившись, – поскольку ты привел мне эту лошадь вместе с телегой. Ты, видать, надеешься, что это я ее должен распрягать, а?

– Нет! – ответил Джеймс. – Но это все должно быть разгружено и доставлено в покои владельца. Он сказал, что он... э-э, накажет тех, кто будет неаккуратен с его вещами.

– Не говори мне, как делать работу швейцара, мальчик, – сказал человек, устало закатив глаза. – Я бы отлупил тебя, будь у меня время. Томас! Отметь на странице. Мы должны вернуть телегу, прежде чем лорд Мартен совсем озверевает.

Человек снова взглянул на Джеймса, вздыхая.

– Ты либо вор или ты самый молодой священнослужитель, которого я когда-либо видел. Твоя хозяйка тебя хорошо отругает, когда она увидит, что ты сделал с этой мантией. Как тебя зовут?

Сердце Джеймса екнуло, он не сумел придумать правдоподобную ложь достаточно быстро.

– Э-э, Джеймс, сэр. Джеймс Поттер.

– Сынишка Поттера, да? Ну, тогда, тебе лучше бежать назад на рынок. И скажи своему папаше, что тот горшок, который мы давеча выторговали, сразу же треснул. Я пошлю жену обменять его завтра же.

Человек, казалось, утратил интерес к Джеймсу. Он развернулся и пошел назад в тень сарая, снова подзывая Томаса. Джеймс вздохнул с облегчением. Очевидно, человек подумал, что Джеймс был сыном деревенского горшечника. Он повернулся и пошел назад тем же путем, которым прибыл. В это время вид на замок и пространство между ним и сараем разительно отличались от тех, какими они были в его время. Джеймс сумел узнать только зеленую лужайку с рощицей берез возле Лесной Башни. Он направился обратно, обходя телеги и скот.

Возле дальнего конца замка располагалось нечто вроде небольшого рынка. Деревянные прилавки, скамьи и телеги стояли в полном беспорядке, на них громоздился разнообразный товар. Люди толпились возле прилавков, крича и размахивая руками, торгуясь и споря между

собой. Домашний скот топтался между крестьянами, добавляя свой собственные голоса и ароматы к общей сцене. Джеймс быстро продвигался сквозь всю эту суматоху, стараясь избежать столкновений и одновременно не наступить на что-нибудь пахучее. Обрывки разговоров доносились до его слуха, и неожиданно Джеймс понял, что они были всего лишь маглами, хотя и, казалось, знали о волшебной природе замка и его обитателей

– Вот это подлинная заколдованная вилка, она, – говорил какой-то человек скептического вида крестьянке, – сделает любую пищу на вкус, словно на пиру у короля. Мой Ларс нашел ее в траве после пикника магов. Всего две курицы, и она станет вашей.

Женщина фыркнула и отошла. Человек, казалось, остался невозмутим. Он заметил, что Джеймс наблюдает за ним.

– Что пялишься, парень? Тоже хочется немного настоящей магии? Тогда скажи маме, чтобы не проходила мимо, когда будет здесь, идет?

Джеймс пожал плечами и двинулся дальше.

Войдя в тень замка, Джеймс заглянул в широкий дверной проем. Оттуда доносились лязг и шипение, и Джеймс предположил, что это была кухня. Он вспомнил, что слышал похожие звуки недалеко от ротонды и решил, что этот путь лучше всего подходит для возвращения к статуе и зеркалу. Он крался к двери, стараясь не привлекать внимания. Вдруг ему в голову пришло, что он выглядел бы более соответствующим времени и месту, если бы нес что-нибудь. Около двери стояла груда медных горшков рядом с огромным котлом, кипящим на большом огне. Джеймс огляделся вокруг, проверяя, не видит ли кто-нибудь, и затем схватил горшок, лежащий на вершине груды. Когда он повернулся, сжимая горшок в руках, раздалось громкое дребезжание. Он поспешно оглянулся. Все оставшиеся горшки рассыпались, самый верхний из них упал в котел, разбрызгав воды, огонь зашипел и начал угасать.

– Что это такое, а? – раздался пронзительный голос женщины. – Ты тут крысятничаешь, да? Это имущество горшечника! Вор!

Джеймс бросил горшок и побежал. Он услышал шум за спиной, когда женщина с проклятиями погналась за ним, но не стал оглядываться назад. Мальчик метнулся в полутемную кухню, оттолкнув человека в кожаной жилетке и сбив с ног женщину с блюдом в руках.

Кухня освещалась только огнем, пылавшим в кирпичной печи. Джеймс устремился было туда, но тут заметил другую дверь.

– Вор! – очередной голос добавился к хору снаружи. – Остановите его!

Здоровенный мужчина без рубашки в запятнанном фартуке встал перед Джеймсом, злобно ухмыляясь под огромными черными усами. Он держал в руке мясницкий нож, поигрывая им, словно саблей.

Джеймс попытался затормозить, но он двигался слишком быстро, а каменный пол был слишком скользким. Он поскользнулся, упал на спину, и пролетел прямо между раздвинутыми ногами мужчины. Мужчина только успел опустить взгляд, когда Джеймс промелькнул под ним.

– Стой! – воскликнул мужчина, бросаясь в погоню.

Джеймс натолкнулся на стену с противоположной стороны коридора и поднялся. Держась так низко, насколько мог, он пополз дальше по коридору. Мужчина взревел и уже было поднял нож, но кто-то схватил его запястье сзади.

– Держи себя в руках, Ларкин! Это же всего лишь юнец. Подумаешь, уронил горшки, – укоризненно продолжил голос. – Ты что, собирался расколоть ему черепушку за глупость? Если бы это было смертельным преступлением, тогда тебе пришлось бы перерезать всех в кухне.

Джеймс понял, что погоня окончена, но он не мог заставить себя остановиться. Он уже добрался до пересечения коридоров, затем рухнул всем телом на пол, когда чья-то рука сжала его запястье словно тиски. Джеймс развернулся, дико озираясь, но снова упал, увидев, кто остановил его.

– Мы не одобряем беготни по залам, – сказал Салазар Слизерин, глядя свысока на Джеймса. Его пальцы были по-прежнему сжаты на запястье Джеймса. Они были очень холодными. – И это и есть причина всей этой суматохи? Один глупый мальчик?

– Я не собирался поднимать суматоху, – произнес Джеймс, задыхаясь. – Я просто... э-э...

– Ты противишься, – прорычал Слизерин, сузив глаза, – но только из-за своей грязной крови. Как ты посмел проникнуть сюда, магл?

Джеймс почувствовал, как гнев поднимается в нем, но усилием

воли он подавил его.

– Простите, сэр. Я... заблудился.

Слизерин наклонился к Джеймсу, используя захват на запястье, чтобы потянуть его ближе к себе.

– Как ты смеешь смотреть мне в глаза, будто считаешь себя равным? – прошипел Слизерин. – Мягкосердечность моих собратьев расплодила наглость в твоём виде, но со мной это не пройдет. Или ты будешь обращаться ко мне «Хозяин» и опустишь свои глаза, или мне придется взять их для своей коллекции. Все ясно, сын грязи?

Джеймс воспользовался захватом Слизерина в качестве рычага, чтобы подняться на ноги. Когда он принял вертикальное положение, он мучительно, изо всей силы дернув, высвободил свое запястье из рук волшебника.

– Черт побери, – сердито пробормотал Джеймс, – книги по истории не врали насчет вас.

Глаза Слизерина запылали, и выражение его лица сменилось на осторожное. Он потянулся за своей палочкой одним молниеносным быстрым движением. Джеймс поднялся, чтобы найти свою собственную, но она была слишком далеко запрятана под этой нелепой мантией.

– Салазар, – вдруг раздался чей-то голос.

Слизерин замер. Джеймс обернулся, благодарный за передышку. Женщина, в которой мальчик признал Кандиду Когтевран, стояла на пересечении коридоров. Ее глаза были полны подозрения, когда она посмотрела через голову Джеймса на Слизерина.

– Мы ждем вас. Зрители с лордом Мартином уже готовы начать. Как долго ты намереваешься болтать с этим, э-э, молодым церковником?

Кандида бросила взгляд на Джеймса и подмигнула, на ее лице не было улыбки.

Джеймс повернулся к Слизерину, который бешено смотрел на него. Затем внезапно его лицо изменилось. Он снисходительно улыбнулся и слегка похлопал Джеймса по голове.

– Беги, юнец, – сказал он нараспев. – Я уверен, что у нас еще будет возможность закончить нашу «болтовню». Достаточно скоро.

Джеймс посмотрел на Слизерина, ожидая, что волшебник бросит

ему проклятие в спину, как только тот отвернулся. Выражение лица Слизерина не изменилось, но глаза затвердели. Глаза, казалось, говорили «убирайся или пожалеешь». Джеймс рискнул. Он повернулся и пошел так быстро, насколько мог, свернув в ближайший коридор за углом, чтобы исчезнуть из поля зрения Слизерина и Кандиды Когтевран. Он вел вправо и завершался лестницей с несколькими ступенями. Когда Джеймс достиг их, он оглянулся. Слизерина уже не было видно. Вздохнув еще раз от облегчения, Джеймс побежал, перескакивая по две ступеньки за раз.

Перемещаясь по коридорам, он все еще мог слышать грохочущее эхо с кухни. Скорее всего, он сейчас уже близок к ротонде. Однако ничто не выглядело знакомым. Факелы мерцали и шипели в больших железных кольцах на стенах, заставляя тени прыгать по ним, что еще больше запутывало Джеймса. Он миновал нескольких человек, некоторые из которых выглядели не старше, чем он сам, и предположил, что, по-видимому, это учащиеся Хогвартса. Когда он проходил мимо, они оборачивались, с любопытством и подозрением разглядывая его. Он слегка запаниковал. Наконец когда Джеймс прошел мимо очередной пары мальчиков постарше в зеленых туниках, он повернулся, встречая их взгляды.

– Извините, я здесь новенький, – решил он, стараясь сохранять свой голос. – Кто-нибудь из вас знает, где ротонда?

– Что тебе могло понадобиться в ротонде, мальчик? – спросил тот, что повыше, демонстрируя свои зубы в пародии на очаровательную улыбку. – Ты, должно быть, забыл, что сейчас время для занятий по Алхимии.

– Быть может, он не знает, – сказал второй парень, хмуря брови. – Его одеяние говорит мне, что он магловский нарушитель. Потерялся, значит?

– Или, возможно, нет, – предложил брюнет, поддвигаясь поближе к Джеймсу. – Может быть, ты замышляешь что-то чуть более гнусное? Как по мне, так надо отвести его к декану.

– Нет, нет, – воскликнул Джеймс, вскинув руки. – Я думаю, что уже встречался с ним! Он, э-э, поприветствовал меня!

Джеймс развернулся на каблуках, спотыкаясь о безразмерную мантию. Оба мальчика двинулись на него. Один из них попытался

ухватить за подол мантии, но Джеймс наконец рванул с места. Он бросился прочь.

– Хватайте его! – закричал темноволосый, кидаясь в погоню.

Джеймс бросился вниз по коридору, его сердце снова бешено заколотилось. Он повернул в случайный коридор, перескакивая маленькие лестницы и ныряя в дверные проемы. После одного такого поворота, он заметил нишу со статуей в нем. К удивлению Джеймса, это была статуя Локимагуса Постоянно Продуктивного. Недолго думая, Джеймс втиснулся в нишу и спрятался за горбатой статуей.

Шаги преследователей отдавались эхом все ближе. Они с шумом остановились прямо перед статуей.

– Он не мог удрать далеко, – рявкнул темноволосый мальчик. – Вы идите вперед. Я снова назад, чтобы убедиться, что мы не пропустили его. Это магловское отродье заплатит за то, что встало на пути факультета Слизерина.

Джеймс сдерживал дыхание, пока не убедился, что они ушли. Наконец он выбрался из-за статуи. Он проверил оба направления, а затем снова выскочил в коридор. Он отчаянно надеялся не натолкнуться на каких-нибудь студентов снова. Если его поймают сейчас, то он никогда не попадет обратно в волшебное зеркало, он навсегда останется в ловушке древнего Хогвартса.

Джеймс подкрался к большой арке и ахнул. Там, вдоль широкого мраморного пола, стояли гигантские статуи Основателей. Он добрался до ротонды! Он увидел блеск серебра оправы зеркала позади статуи. Джеймс пробежал по полу как можно бесшумнее, решаясь вернуться через зеркало даже сейчас, несмотря на то, что если Мерлин был уже в своем кабинете. Ему придется рискнуть, явиться к рассерженному директору, и надеяться, что тот даст Джеймсу шанс объясниться. Этот древний мир был просто слишком опасен, чтобы задерживаться тут.

В это время, пока Джеймс размышлял над этим, что-то мелькнуло за статуями. Кто-то стоял в их тени и теперь вышел наружу, навстречу ему. Джеймс хотел было нырнуть в другое укрытие, но спрятаться было негде. Затем стало слишком поздно. Салазар Слизерин с торжествующим видом злобно усмехнулся Джеймсу. Он держал палочку в правой руке, а в левой сжимал предмет, покрытый плотной черной тканью.

– Я так и думал встретить тебя здесь, мой юный друг, – сказал Слизерин спокойно. – Ты знаешь, я начинаю считать, что ты не маг вообще. Я начинаю думать, что ты – шпион. Весьма хитрый, путешествующий через Зеркало. Я сделал ошибку, полагая, что подобное невозможно.

Джеймс отрицательно покачал головой:

– Это не то, что вы думаете, я просто хотел...

Голос Слизерина вдруг стал ледяным. Он держал палочку, но не направлял ее на Джеймса.

– Я могу обещать тебе только одну вещь, мой юный друг, – сказал он, – я не совершу эту ошибку дважды.

Яркая вспышка белого света вылетела из палочки Слизерина. Она ударила в зеркало в серебряной оправе, которое взорвалось сверкающими осколками. Они разлетелись между каменными ногами статуй и забарабанили по полу.

– Нет! – закричал Джеймс, опускаясь на колени. Он поднял один из осколков, но это было бесполезно. Крошечный фрагмент не показал ничего. Портал был разрушен.

– Говорят, что разбить зеркало – это к семи годам неудач, – отметил Слизерин. Он двинулся к Джеймсу, злобно ухмыляясь, похрустывая битым стеклом.

– Я думаю, люди знают, о чем говорят, не так ли?

Джеймс попытался достать палочку из-под неудобной мантии, чтобы защититься от Слизерина. Тот направился к Джеймсу, радостно покачивая головой. Когда Джеймс наконец нашел свою палочку и направил ее, лысый волшебник уже исчез. Вдруг раздался резкий треск, и палочка Джеймса вылетела из его руки. У него задрожали колени.

– Я думал, что только я и еще один человек знают о возможности путешествовать с помощью Зеркал, – Слизерин продолжал наступать на Джеймса. Ловким движением он сдернул черную ткань с предмета, который он держал подмышкой. Это было еще одно зеркало, поменьше размером, овальной формы, в золотой раме, которой была придана форма завившейся змеи.

– Оно весьма интересно, особенно для кого-то в твоем положении. Нет, я с сожалением должен сказать, что это не портал. Это, так сказать, путь в один конец.

Слизерин повернул зеркало так, чтобы Джеймс видел себя в нем. В нем появилось отражение мальчика в мантии явно не по размеру, с дикими полными ужаса глазами.

– Ты когда-нибудь слышал о старом магловском суеверии, что если смотреть на отражение слишком долго, то сам станешь отражением? – спокойно спросил Слизерин, по-прежнему направляя зеркало на Джеймса.

– Они боятся, что, если они не отойдут от отражения в правильное время, то они просто... исчезнут.

Джеймс удалось пододвинуться ближе к своей палочке, лежащей на полу в нескольких футах от него. Наполнившись решимостью, он бросился к ней. Мгновение спустя руку пронзила острая боль, пронзившая все его тело. С криком мальчик рухнул на пол. В отчаянии он посмотрел, что вызвало повреждение, а затем ахнул от шока. Вся его правая рука по плечо исчезла. Он уставился на то место, где она должна была быть, и не смог не удержаться, чтобы не потрогать это место левой рукой. Слизерин счастливо расхохотался. Он вновь приблизился Джеймсу, и, как только он это сделал, рука Джеймса снова появилась. Боль отступила.

– Нет ничего более поучительного, чем практический опыт, не так ли, мой юный друг? – Слизерин говорил это, снова держа зеркало так, что Джеймс мог видеть свое отражение. – Как только что было тобой доказано, то пока ты будешь оставаться в отражении, ты будешь в полной безопасности. Однако, если попробуешь улизнуть... ну, мне действительно не нужно продолжать, не так ли?

Слизерин снова взмахнул палочкой. Палочка Джеймса взмыла в воздух, кувыркаясь. Лысый волшебник ловко поймал ее и поднес ближе.

– Любопытно. Столь красиво оформленная палочка в руке мальчишки, который едва знает, как ее использовать. Ты не студент этого заведения, и все же ты, похоже, знаком с нами. Итак, у меня есть к тебе очень много вопросов. И знаешь что, мой друг? – Слизерин убрал в свой карман палочку Джеймса, и его глаза стали узкими и ледяными. – Я абсолютно уверен, что ты ответишь на них.

Несколько минут спустя Джеймс оказался в темном помещении в личных камерах Слизера. Комната была довольно низкой, с каменными стенами и с гобеленами вокруг, изображающими довольно неприятные сцены с танцующими скелетами и огненными горами. Столы по обе стороны комнаты усиливали сложившееся у Джеймса впечатление, что это была еще и личная волшебная лаборатория Слизера. Стол справа был завален гигантскими книгами, пергаментами, перьями и красками; тот, что слева, был заставлен умопомрачительной коллекцией флаконов, банок и горшков, немало их громоздилось и на полках вокруг большого котла.

В комнате горела лишь одна свеча, кроваво-красная и встроенная в макушку человеческого черепа. У Джеймса было ясное и тревожное впечатление, что мало кто когда-либо видел эту комнату. Он сидел напротив задней стены на очень жестком стуле с высокой спинкой. Это было довольно неудобно, но это был единственный стул, откуда он мог видеть себя в овальном зеркале. Слизерин расположил зеркало на мольберте перед двойными дверями, удостоверившись, что Джеймс не сможет подойти к двери, не покинув своего отражения.

– Как бы я хотел поговорить с тобой прямо сейчас, – вздохнул Слизерин, – но я очень занятой волшебник, и ты поймал меня в довольно неудачное время. Но, позволь заметить, как только я окончу все дела со званым вечером, мое внимание полностью сосредоточится на тебе.

Сказав это, Слизерин плотнее прикрыл двери, хоть они и до этого были закрыты, но не полностью. Через щелку Джеймс мог видеть крошечную часть главного кабинета Слизера. Поскольку Джеймс сидел тихо, он мог слышать шаги лысого волшебника, перемещающегося по комнате, перекладывающего пергаменты и недовольно бормочущего. Затем раздался стук в дверь.

– Как странно для вас притворяться, что вы не можете войти, мой друг, – донесся голос Слизера. – Я почувствовал ваше прибытие уже минуту назад, но я предположил, что невежливо упоминать об этом.

Пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

Через щель двойных дверей Джеймс увидел, как мимо промелькнула чья-то тень. Высокий силуэт прошел мимо. Раздался скрип половиц под тяжелыми шагами, затем глубокий вздох.

– Терпеть не могу саму каменистость этого места, – прозвучал глубокий, грохочущий голос. – Напольное покрытие словно ножи для моих ног. Я бы вызвал пожар из недр земли, если бы я мог, и спалил бы к черту ваше жалкое заведение.

Джеймс ахнул во мраке лаборатории. Голос посетителя Слизерина был ему знаком. Он не мог поверить своей удаче. Как он не понял этого раньше? Его сердце заколотилось, и он напряг слух, вслушиваясь.

– Сочувствую, Мерлинус, – сказал Слизерин. – Должно быть, это делает возвращение домой несколько неприятным для Вас. Тем не менее, вы и сами догадывались, что мы не можем позволить этому замку остаться незанятым. Как вы можете догадаться, ни один магловский Лорд не пожелал завладеть им после... несчастного случая с Лордом Хэйдином. Как ни странно, они считают, что замок проклят, а не волшебным образом укреплен. Я же согласен с вашим мнением, однако, относясь с презрением ко многому из того, чем это место стало. Мои товарищи-основатели чуть инакомыслящие. Они нянчатся с неволшебниками и грязными полукровками. У них готовится заговор против меня, так скажем. Боюсь, что мое время здесь подошло к концу.

– Какой жалкий позор, – сказал Мерлин, его голос был полон презрения. – И Вы когда-то полагали, что этот колледж будет рассветом Вашей чистокровной утопии. Вы, должно быть, убиты горем.

– Моя «чистокровная утопия», как Вы называете ее, будет действительностью, с моим непосредственным участием или нет, мой друг, – сказал Слизерин. – Это – природа вещей. Правители этого мира поймут, что такое власть, если поживут как животные. Моя роль в процессе незначительна, хотя я признаю, что хотел бы прожить подольше, чтобы увидеть этот день. И не ищите неприязни в моих словах, Мерлинус. Вы – самое главное подтверждение этого, даже если Вы проигнорируете мои слова.

– Вы полагаете, что я терпеть не могу не-магов так же, как и Вы, но я не настолько самонадеян, – уверенным тоном сказал Мерлин. – Один бешеный волк не оправдывает убийство целой стаи. Доминирование –

вот Ваша единственная цель, а не правосудие.

– Разве неправильно доминировать над недостойными равенства? – Слизерин ответил так, как будто он использовал этот аргумент уже неоднократно ранее в разговорах с Мерлином. – Можно сказать, что это – доброта, управлять теми, кто неспособен сам управлять собой. Помимо этого... – тут голос Слизерина стал шелковистым, – речь все-таки о большем, нежели один бешеный волк, не так ли?

Повисла тишина, затем Мерлин холодно сказал:

– Я не стану разговаривать о таких вещах с Вами.

– Да, но вам и не нужно, – ответил Слизерин. – Каждый знает правду о том, что произошло тогда, не так ли? В конце концов, это случилось прямо здесь. Даже магловские крестьяне чешут языками, как здорово Мерлину было унижен Лордом Хэйдином и его сообщниками. Должно быть, ваша кровь вскипает при мысли, что ваше имя стало синонимом глупой любви.

– Я не стану разговаривать о таких вещах с Вами, – медленно повторил Мерлин еще тише, в его голосе появились угрожающие нотки.

– В силу нашей дружбы я не стану напоминать вам, что вас предупреждали о последствиях связи с магловской женщиной, – продолжил Слизерин, игнорируя слова Мерлина. – Как там ее звали, Джудит? В шутку известная среди крестьян как Владычица Озера? Даже я умолял вас не опускаться до ее любви. Любовь оглушает любого человека, который позволяет ее себе, и чем величественнее человек, тем крупнее дурак из него выходит. Вы были самым великим человеком, Мерлину. И все же, даже вы не были неуязвимы. Любовь ослепила вас, когда ваш ум должен был быть настороже. Может быть, если бы Вы не были так очарованы, то, возможно, Вы бы узрели истину.

– Хэйдин отдал мне ее труп, – угрожающе прорычал Мерлин. – Он обещал вернуть ее мне. Это была сделка, он согласился, если я удвою его земли и укреплю этот самый замок. Но как я мог предположить, что этот мужчина осмелится так серьезно обмануть меня, сохраняя при этом суть нашей сделки?

– Он отдал вам труп, – скорбно сказал Слизерин. – Но вы могли бы определить, принадлежал ли он именно ей. Тело было изувечено до неузнаваемости, но вы были великим Мерлином. Вы могли бы узнать правду, стоило лишь пожелать. Но вы решили иначе.

– Она должна была стать моей женой – сказал Мерлин и его голос был похож на отдаленный гром. Пол под ногами Джеймса задрожал. – Я не мог этого вынести. Я не мог даже смотреть на это уничтоженное тело.

– И Хэйдин знал, что так и будет. В противном случае, как бы он решился на столь очевидный обман? Он знал, что Вы будете слишком поражены, чтобы проверить, действительно ли тело принадлежало этой вашей Джудит. И наконец когда Вы планировали месть, когда вы отслеживали экипаж по лесу, и тогда у вас был шанс узнать правду. Воспользоваться помощью птиц и деревьев, чтобы проверить экипаж, выяснить, кто был внутри, но Вы этого не сделали. Ваш гнев, подпитываемый вашей любовью к бедной магловской женщине, ослепил Вас, не так ли? Если бы Вы это сделали, Вы могли бы узнать правду. Вы могли бы спасти ее. Ибо, как все теперь знают, Лорд Хэйдин так же любил Джудит. Он объявил ее своей, и она поверила ему. Он отдал Вам тело мертвой служанки, и оставил Джудит себе. Она предала Вас.

– У нее не было выбора! – прокричал Мерлин, его голос сорвался.

– Выбор есть всегда, – настаивал Слизерин. – Она могла и умереть за Вашу любовь, не так ли? Но, нет, вместо этого она выбрала остаться с ним. Она выбрала быть с ним в тот самый день, в его экипаже.

– Она была всего лишь человеком! Она верила, что я приду к ней!

– Она была всего лишь человеком, – согласился Слизерин. – Ущербным, слабым, человеком без волшебства, несмотря на ваши собственные жалкие попытки научить ее Искусству. А потом, во имя вашей ослепленной любовью мести, она стала мертвым человеком. Исчезла вместе со своим новым мужем, Хэйдином, в таинственном несчастном случае с каретой. Утонула, кажется? Говорят, поднялась буря, словно вызванная самим Юпитером, и смыла карету прямо с моста. Она упала вниз и разлетелась в щепки. Вместе со всеми... пассажирами... что были в ней.

– Я НЕ СТАНУ говорить о таких ВЕЩАХ С ВАМИ! – внезапно взревел Мерлин, сотрясая даже стены. От его гнева ярко вспыхнула белая вспышка света, неожиданно каждая свеча и каждое пламя, даже в камине, стали синими, бушующими. Пламя на красной свече в лаборатории взметнулось вверх, ярко осветив комнату на один ужасный

миг. Так же внезапно, как и началось, все пропало. Комната снова погрузилась в темноту.

В тишине, воцарившейся после этой вспышки, голос Слизерина прозвучал тихо и мягко.

– Простите меня, мой друг. Я решил, что это моя обязанность – напомнить Вам о том, что было взято от Вас, и кто взял его. Я советую Вам не доверять маглам. Они – животные, неспособные к благородству. Их единственная роль – рабство. Мы – их владельцы. Это не только наше право управлять ими; это – наша обязанность. Для них так даже лучше.

– Вы – скользкая змея, Салазар Слизерин, – вскипел Мерлин.

– Я могу быть змеей, – хихикнул Слизерин, – но не лгуном. Вы здесь потому, что Вы согласны со мной, хотя Ваша глупая совесть предлагает Вам не совершать этого.

– На самом деле, я здесь только потому, что у Вас есть нечто, нужное мне, – произнес Мерлин

Слизерин вздохнул.

– Да, Я знаю. Я уже говорил с Вашим учеником, Астрададуксом, и на этот раз я согласен с ним. Ваш план даже лучше. Этот мир больше не Ваш, Мерлину. Королевства развиваются все быстрее. Они делят землю и пашут ее; они вырубают леса и превращают их в лачуги. Они приручают землю, это крайне негативно сказывается на Вас. Я один знаю, что это делает с Вашей магией, поскольку Вы не похожи на других волшебников, мой друг. Вы не волшебник вообще. Вы – нечто последнее и самое прекрасное в своем роде. Я рад, что Вы приняли мое предложение, уйдя с этого тонущего судна. Вы возвратитесь в лучшее время. Астрададукс будет рад этому.

– Такое время может никогда и не настать, – серьезно сказал Мерлин. – Но это не имеет значения, Вы правы в одном: как этот мир больше не подходит для меня, так и я для него. Дни потускнели перед моими глазами, и все это из-за моих собственных чертовых рук. Я выбираю устранение из царства людей, но по своим собственным причинам, Слизерин. Вам не понять их. Ваше сердце столь же темно, как смола.

– И все же, несмотря на это, Вы пришли, чтобы поговорить, мой друг, – Слизерин не стал спорить. – Я знал, что так будет. Камню

ведомо, когда в нем нуждаются.

– Не искушайте меня, Слизерин. Я знаю, что Вы хотите, чтобы я сломал границу миров без камня, который остался бы при этом в полной Вашей власти.

– Вы намекаете на эту байку о «Проклятии Привратника»? Вы не должны воспринимать такие вещи всерьез. Боже, это же мечты и фантазии чистой воды, только представьте себе подобное, разве такое бывает?

– Я не обманусь вашей хитростью. У вас есть Камень и Темная Сумка, потому что вы любитель таких темных безделушек. Если я сделаю то, на что ни один человек в этом мире не способен, я сделаю это с помощью инструментов, не известных никому в этом мире.

– Скажите, Мерлинус, – непринужденно сказал Слизерин, – что вы знаете об этих «безделушках»?

– Это все известно даже ребенку, – вздохнул Мерлин. – Темная Сумка содержит в себе остаток чистой пустоты, сохранившийся с начала времен. Его можно применить тысячью уникальными способами. Камень же происходит из предвремени. Это один из черных ониксов, возникших из Пустоты между мирами. Он не подвластен времени, посему он – Сигнальный Маяк для Привратника. Владелец Камня будет одержим видениями о тех, кто прошел свой последний путь. Но что еще более важно, тот, кто владеет камнем и является Послом Привратника, если это существо когда-либо сможет проникнуть в царство людей.

– Вы, конечно, не верите в такие вещи, – фыркнул Слизерин, хотя даже Джеймс мог поклясться, что сам Слизерин полностью в них верил.

– Я считаю, что никто не осмеливался проверить легенды, – отрезал Мерлин. – Но это лишь потому, что никто никогда не был способен на подобное. Пусть это и лишь предположение, что тот, кто нарушит Границу между мирами хоть на любой промежуток времени, привлечет внимание Привратника Пустоты, а возможно, и приведет его с собой, но если я это сделаю, и если я вернусь, я хочу быть уверен, что не приведу никого с собой.

– Но почему? – прохрипел Слизерин, его ненавидящий голос дрожал от нетерпения. – Позвольте Разрушителю быть выпущенным на землю! Если люди – бич этого мира, постепенно уменьшающий Вашу

власть, съедая ее как саранча, то позвольте Привратнику убрать их! Это – их судьба! Если мое предсказание точно, то волшебники одолеют маглов к тому дню. Волшебное королевство будет в состоянии защитить себя от Привратника, и, возможно даже, заключит союз с ним! Только букашки маглы и грязнокровки будут уничтожены его рукой и скатертью им дорога! Легенда гласит, что Проклятие Привратника ознаменует новую эпоху! Эпоху чистоты, кристального совершенства! Позвольте ему прийти, Мерлину! Станьте Предвестником Проклятия! Разве существует более подходящий способ сделать Вас королем всех волшебников?

– Если мне суждено стать Предвестником Проклятия, я хотел бы контролировать его, – спокойно ответил Мерлин.

– Можно пойти другим путем, – ответил Слизерин. – Без Сигнального Камня вы не сумеете даже привлечь внимание Привратника. Однако ...

Мерлин молча ждал, но Джеймс, по-прежнему сидящий в темноте лаборатории, чувствовал что великий волшебник закипает, его кожа вот-вот могла задымиться от сдерживаемого гнева.

– Камень слишком ценен, чтобы просто так позволить ему исчезнуть с лица земли. Зная, что этот день настанет, я принял меры, расколов его на две равных части. Половины были установлены в два кольца. Одно кольцо я отдам Вам; другое останется со мной, – продолжил Слизерин.

– Вам не обмануть меня, Слизерин, – взорвался Мерлин. – Вы хотите обеспечить себе контроль над Привратником в надежде на его приход. Вы хотите использовать его для быстрой мести вашим врагам. И Вы, и они будете давным-давно мертвы к тому времени.

Слизерин усмехнулся.

– Это не имеет какого-либо значения для вас, мой друг. Половина камня останется у меня, вне зависимости от краткости срока моего пребывания на этом свете. Он будет передан далее. Когда и если вы вернетесь, возвещая тем самым начало Проклятия, Камень выйдет на свет в руках моих потомков. Я просто хочу, чтобы они были готовы. Это же справедливо, вы не согласны? Кроме того, – Слизерин продолжил, его голос стал тише, – если вы решите отказаться от вашего плана и помешать Привратнику, то разве не вы Мерлину Ужасный,

последний из рода Мирдред^[10]? Разве не вы величайший колдун всех времен? Конечно, такой как вы и не нуждается в использовании простой «темной побрякушки».

Мерлин снова замолчал, но Джеймс почувствовал его гнев. Наконец он сказал:

– Как вам угодно, Слизерин. Отдайте мне мою половину камня, и я покину это место.

Последовал звук открытия ящика и затем тяжелого удара маленькой крышки. И все затихло.

– Я могу просто забрать обе половинки камня у вас, мой «друг», – тихо сказал Мерлин. – В конце концов, разве я не Мерлинос Ужасный?

– Вы забыли об условиях вашей плачевной сделки с Хэйдином, – ответил Слизерин. Последовал глухой звук закрывающейся коробочки. – Вы не можете тронуть и волоса тех, кто находится в этом замке. Ваши угрозы страшны, но, к счастью, они здесь не имеют никакого эффекта. Я, однако, оценил это. Вы можете порадоваться, когда получите ответ.

Пол заскрипел, поскольку Мерлин встал. Джеймс видел, что тени задвигались в комнате, поскольку Мерлин собрался уходить. Однако внезапно что-то загородило обзор и распахнуло двойные створки. Это был Слизерин. Он приоткрыл двери и всмотрелся в Джеймса. Задумчивый взгляд появился на его лице. Его глаза сузились.

– И, кстати, Мерлинос, – сказал он, не отрывая глаз от Джеймса, – Когда Вы вернетесь в грядущие века, остерегайтесь врагов. Ваше исчезновение, безусловно, станет легендой. Некоторые будут искать вас, но не все с целью поприветствовать ваше возвращение.

– Я уже привык иметь дело с врагами, – ответил голос Мерлина, доносясь не столько из глубины комнаты, сколько из-за ее пределов.

– Однако, если Вы встретитесь с неким молодым человеком... с карими глазами, с короткими непослушными темными волосами и дерзким языком, остерегайтесь его. Он – Ваш враг. Я разгадал его замыслы. Вы должны избавиться от него.

– Я ни от кого не избавляюсь без причины, – прорычал Мерлин. – Независимо от Ваших предсказаний. И даже те, кто заслуживают такой участи, в сожалению, иногда выскальзывают из них.

– В то время как те, кто этого не заслужил, пали от них, – заявил

Слизерин с холодной насмешкой, поворачивая нож в ране. – Однако поверьте мне, Мерлинус. Следите за мальчишкой. Или игнорируйте его на свой страх и риск. Мне все равно.

Мгновение спустя раздался хлопок теплого воздуха, донесся легкий запах пыли и старых вещей. Мерлин исчез. Слизерин оскалился на Джеймса.

– Ты сказал, история не врала насчет меня, – сказал он со злобной усмешкой, – но вряд ли в ней будет хотя бы упомянуто твое имя.

Глава 11. Круг Девяти

Ловким движением Слизерин набросил черную ткань на овальное зеркало. Джеймс съежился, испугавшись, что исчезнет вместе со своим отражением. Слизерин одарил его презрительным взглядом.

– Глупец. Само собой разумеется, что зеркало бесполезно в качестве тюрьмы, если заключенный не может быть выпущен надзирателем, – сказал он. – Вот если бы ты проделал это самостоятельно, твои страхи бы оправдались, но поскольку зеркало прикрыл кто-то другой, ты в безопасности. Видишь? Даже здесь и сейчас я продолжаю быть непревзойденным учителем, а ты – нерадивым учеником. Подойди-ка ко мне, дружок.

Джеймс потряс головой, плотно сжав губы.

Слизерин устало вздохнул.

– Я не собираюсь причинять тебе вред, мальчишка. Я только требую от тебя встать рядом, чтобы мы смогли трансгрессировать вместе.

– Вы не можете трансгрессировать, находясь в Хогвартсе, – ответил Джеймс. – Это всем известно.

– Я не знаю, кто эти «все», о которых ты говоришь, но начинаю подозревать, что Хогвартс, который тебе знаком, – это не тот Хогвартс, где мы находимся сейчас. Теперь иди сюда.

Джеймс крепче вцепился в спинку стула.

– Я никуда не пойду с вами.

– Разве ты не хочешь выбраться из этой передрыги? – спросил Слизерин. – Тогда мы оба хотим одного и того же, мой юный друг. Так пойдем уже.

Едва сказав последнее слово, он взмахнул палочкой. Стул отскочил от пола, захватив за собой Джеймса, подлетел к Слизерину и сбросил мальчика на пол перед ним. Джеймс вскочил на ноги, сердито уставившись на лысого волшебника.

– Почему бы вам, такому крутому, просто не наложить на меня Империио? – сплюнул Джеймс.

– Это Непростительное Заклятие, – сказал Слизерин, наклоня голову в притворной тревоге. – Я же являюсь наставником в этом

учреждении. Таким образом, я подчиняюсь его правилам. Я не всегда согласен с ними, но тем не менее...

Слизерин протянул вперед руку.

Джеймс уставился на него, нахмурившись от негодования. Он знал, что, если он не повинуется Слизерину, тот просто принудит его, так или иначе. В глубине души Джеймс твердо решил: чтобы ни ожидало его впереди, он не позволит тащить себя туда, а смело пойдет сам. С этими мыслями он посмотрел в холодные глаза волшебника, а потом взял протянутую руку.

Последовало внезапное головокружительное ощущение быстрого полета во тьме. Пол, казалось, исчез из-под ног Джеймса. Мгновение спустя под ним возникла другая поверхность. Джеймс врезался в нее. Слизерин оттолкнул его, так что мальчик рухнул на колени.

– Нет навыков трансгрессии, – презрительно сказал Слизерин, следуя прочь. – Нет полезных заклинаний, нет понимания хитрости или изобретательности. Я не знаю, откуда ты пришел или кто ты, мой юный друг, но тот, кто прислал тебя, должно быть, пошел на этот шаг от отчаяния.

Джеймс взял себя в руки и встал, борясь с остаточным головокружением. Куда бы Слизерин его ни привел, здесь было очень темно и прохладно. Беспокойно завывал ветер, над головой плыли облака. Луна казалась необычайно близкой. ее морозное сияние освещало углубленный круглый пол этого странного места. Джеймс огляделся вокруг.

Помещение было замкнутым, с каменными террасами, ведущими вниз к деревянному полу в центре. По обе стороны от него стояли друг против друга два мраморных трона. Сердце Джеймса упало. Он уже был здесь однажды, в свое время.

– Тебе, похоже, многое известно о нас, – сказал Слизерин, перекрывая стоны ветра. – Тогда ты должен знать предназначение Лесной башни. ее высота, говорят, выносит ее за пределы власти человеческих законов. Здесь нет такого понятия, как Непростительные Заклятия. Здесь, мой юный друг, всякое может произойти.

Как бы в подтверждение слов Слизерина внезапно раздалось шипение и возник водоворот черного дыма. Он собрался в плотный столб справа от чародея. Дым сформировался в силуэт человека в

черном плаще. Капюшон был откинут, позволяя увидеть лицо с резкими чертами и жестокими глазами. Слизерин улыбнулся, по-прежнему не отрывая взгляда от Джеймса. Появилось еще несколько шипящих завитков, образовавших фигуры вдоль всего периметра верхней террасы башни. Все они были одеты в черные плащи, а их головы оставались непокрытыми. Каждый из новоприбывших повернулся, внимательно оглядывая Джеймса, на их лицах горели холод и расчетливость.

– Познакомься с моим Кругом Девяти! – воскликнул Слизерин, раскинув руки в стороны. – Эти волшебники – мои соратники, которые, как и я, признают неизбежное будущее волшебного мира, и кто присоединится ко мне, когда настанет час. Для тебя честь стать свидетелем этого собрания, мальчик, ибо немногие, знающие о нас или присутствующие на нашем совете, остаются в живых. А теперь, да начнется совещание! Я собрал вас в эту ночь, так как у нас есть очень важное дело...

Слизерин вдруг резко поднялся вверх, он пролетел вдоль верхней части башни, не касаясь ногами земли, а его мантия хлопала словно крылья летучей мыши. Он остановился прямо перед Джеймсом, глядя на мальчика свысока жестоко и целеустремленно.

– И это дело – ты, – прохрипел он радостно.

Он изучал лицо Джеймса торжествующе, почти любовно. Затем внезапно отвернулся. Его ноги коснулись земли, и он, как бы между прочим, направился к деревянной части пола в центре башни. Джеймс увидел, что люк, расположенный там, был закрыт и заблокирован. Этот путь не годился для спасения.

– Минуту назад, внизу, в моих владениях, я был учителем, а ты был учеником, мальчик, – сказал Слизерин, глядя на низкие перила, бежавшие вдоль края башни. – Давай теперь поменяемся ролями. Мы с моими друзьями желаем многое узнать от тебя сегодня вечером. Тебе же достанется почетная задача учить нас. Начнем с чего-нибудь простого. Как тебя зовут?

Джеймс почувствовал сильное нежелание отвечать. Если он ответит хотя бы на самый простой вопрос, то, как он боялся, он ответит на каждый из них. Некий тайный проблеск смелости и благородства настаивал хранить молчание независимо от того, что Слизерин или его близкие друзья с ним проделают.

– Ты думаешь, что хранить молчание это смело, мой мальчик, – лукаво сказал Слизерин, оглядываясь на Джеймса через плечо. – Ты думаешь, что мы не способны убить тебя и с помощью своего мастерства извлечь искомое из твоего мертвого мозга. Ты думаешь, что такие вещи не случаются с храбрыми маленькими мальчиками. И это доказывает мне, мой юный друг, что ты действительно не знаком с этой эпохой. Я не знаю, что происходит в то время, откуда ты пришел, а здесь страшные вещи случаются с маленькими мальчиками каждый день. Кроме того, ты неизвестен здесь. Ты незнакомец. Никто не знает, кто ты, или даже что ты есть. Если ты исчезнешь, никто не будет искать. Да и немногие заметят твое отсутствие. Ты действительно хочешь сделать ставку на жизнь в надежде, что я, Салазар Слизерин, быть может, слишком мягок сердцем, чтобы убить тебя этой же ночью?

Джеймс встретился взглядом со Слизерином. Они сверкали в лунном свете словно монеты. В них не было ни намека на душу. Джеймс мог разглядеть в них свою смерть.

Джеймс сглотнул, а затем выпрямился.

– Меня зовут Джеймс, – громко сказал он, изо всех сил стараясь не выдать своего страха.

– Видишь, как это было легко, Джеймс? – спросил Слизерин, сделав горделивый жест. Джеймс увидел, что волшебник держал палочку в руке. Он взмахнул ею почти небрежно, и стрела оглушительной, мучительной боли пронеслась вниз по позвоночнику Джеймса. Он выгнулся и отшатнулся, упав на каменный пол. Мука была необычайная. В ней Джеймс забыл, где он. Перед глазами побелело и затуманилось. Все, что было важно – это то, что боль должна остановиться. Казалось, это его последние часы и дни. Затем, внезапно, все закончилось, и Джеймс осознал, что это заняло лишь секунды. Взгляд прояснился, и он увидел улыбающегося Слизерина, стоящего над ним.

– Я сделал это не потому, что ты ответил на вопрос лишь отчасти, – сказал Слизерин. – А потому, что ты помедлил. Надеюсь, ты не позволишь этому случиться снова.

Слизерин повернулся, будто обращаясь ко всем присутствующим.

– А теперь, достаточно громко для того, чтобы каждый из нас слышал, каково твое полное имя?

Джеймс, постанывая, с трудом поднялся. Он чувствовал вялость и слабость в коленях, но не позволил им трястись.

– Джеймс Сириус Поттер, – ответил он, ненавидя себя за это. Мысль о боли, которая может вновь поразить его, была ужасна. Он сделает все, чтобы избежать этого. И, кроме того, подумал он, какое это имеет значение? Что Слизерин может сделать с любой информацией, которую Джеймс выдаст ему? Разве все это не случится через тысячу лет?

Однако будущее строится на основании прошлого, голос, казалось, шепнул Джеймсу на ухо. Он подумал, что это был голос отца. Будь осторожным, Джеймс. Будь проницательным.

– Джеймс Сириус Поттер, – сказал Слизерин. – Такое невинно звучащее имя. Откуда ты, Мастер Поттер? С какой эпохи? Что ты можешь рассказать нам о ней? Прошу, ничего не скрывай.

– Я из будущего, – угрюмо сказал Джеймс. – На тысячу лет вперед. Я учащийся этой школы того времени.

– Удивительно, – сказал Слизерин, его голос был напряжен. – И все же очевидно, что это ложь. Я верю, что смел, но это не послужит тебе ничем хорошим. На этот раз ответь мне честно или встретиться с заклятием Круциатуса снова. Что скажешь?

– Это правда, – ответил Джеймс, повысив голос. – Если вы хотите, чтобы я сказал что-то, что удовлетворит ваш слух, просто дайте мне знать. Я буду счастлив рассказать вам любую историю, какую захотите.

– Не испытывай нас, Джеймс Сириус Поттер. Если заведение Хогвартс действительно будет существовать тысячу лет спустя, то есть во времена, когда волшебный мир наконец разобьет орды маглов, то в таком заведении не будет места для таких учеников как ты, мальчик, с вялыми способностями и умственной недостаточностью. Такого рода заведение определило бы тебя туда, откуда ты родом – к магловскому скоту и собакам-полукровкам. А теперь скажи нам правду, или умри со своей ложью на устах.

– Я не лгу! – заявил Джеймс с растущей смелостью. – Ваши прогнозы не сбылись! В мое время маглы живут отдельно от волшебного мира. Они даже не знают о нас! Волшебный мир живет, скрываясь от них на протяжении столетий. Есть законы, которые гласят, что ни ведьма, ни волшебник не могут рассказать что-либо маглам о

себе. Не только я ученик Хогвартса, некоторые из моих одноклассников – дети маглов. При мне любая ведьма или волшебник могут попасть в Хогвартс, независимо от того, кто их родители. Ваши глупые планы ни к чему не приведут! Кстати, в мое время вы известны благодаря изгнанию из школы, потому что вы были сумасшедшим, властолюбивый псих!

– Ты лжешь! – взревел Слизерин, оборачиваясь к Джеймсу и подняв палочку. – Ты пришел сюда, чтобы посеять обман и сомнения, но был пойман! Ты не имеешь ни малейшего клочка доказательств того, что на этот раз говоришь правду, и свидетельства нашего бытия доказывают, что ты лжешь. Царство волшебников никогда не сможет кануть в тени мира маглов. Это было бы кощунством и издевательством. Если та эпоха, которую ты описал, была бы реальна, то она рухнула бы под тяжестью собственного абсурда!

Слизерин снова развернулся, его одежды развевались на ветру, когда он поднял руки.

– Друзья! Мы столкнулись с загадкой. Если будущее, откуда пришел этот Джеймс Сириус Поттер таково, как он расписывает, зыбучий туман, существующий против всякой логики, если его возможность реальна, то оно должно быть предотвращено любой ценой. А если, как я очень подозреваю, этот мальчик мошенник и лжец, отвергающий каждую нашу попытку пообщаться с ним, господа, то он наш смертельный враг. В любом случае, наш курс ясен...

И тут Слизерин развернулся снова и посмотрел на Джеймса.

– Мальчик должен умереть, – сказал он со злобной усмешкой.

Он поднял палочку.

Не раздумывая, Джеймс пригнулся и бросился на пол, как только Слизерин произнес слова смертельного заклинания. Молния зеленого цвета прошипела над головой Джеймса. Он метнулся к низкой террасе и спрятался за одним из двух каменных тронов.

– Спрячьте свои палочки, – невозмутимо сказал Слизерин своим соратникам. – Я в состоянии управиться с одним мальчишкой. Не о чем беспокоиться.

Джеймс отчаянно пожелал иметь свою палочку под рукой. Неожиданно к нему в голову пришла идея, и он крикнул.

– Эй! И вы еще называете себя джентльменом? Разве это так

благородно – проклинать ребенка? По крайней мере, отдайте мне палочку!

Слизерин рассмеялся в восторге.

– Наконец-то, мальчишка показывает хоть какой-то дух, – воскликнул он. – Как хочешь, Мастер Поттер. Начнем поединок. Выходи и забери свою палочку.

Джеймс осторожно выглянул из-за трона. Слизерин увидел это, и его улыбка стала шире. Он достал волшебную палочку Джеймса из своей мантии и протянул ее. Джеймс собрался с духом и снова поднялся на ноги. Он осторожно и быстро двинулся по деревянному полу в сторону Слизерина, его сердце бешено колотилось.

Вдруг, неожиданно для всех, из-под ног Джеймса донесся громкий стук. Он испуганно подскочил и посмотрел вниз. Он стоял на люке.

– Они идут, Салазар, – заявил один из волшебников в плаще. – Они пронюхали про наше собрание. Надо уходить. Поборешься с мальчиком в другой раз.

– Нет, – заявил Слизерин, все еще ухмыляясь. – Они не смогут к нам попасть. На башню нельзя воздействовать никакими заклинаниями, пока собрание не закончится. Это магический закон Лесной башни. Давайте закончим с нашим делом, а затем займемся моими товарищами-Основателями. Теперь они поймут, какую ошибку совершили, пойдя мне наперекор.

Снизу послышались голоса, потом последовал еще один удар по толстому деревянному люку. Волшебный замок заскрипел, но выдержал испытание на прочность.

– Возьми свою палочку, Джеймс Поттер, – произнес Слизерин. – Закончим это как волшебники.

Джеймс набрался решимости и сошел с люка. Он слышал рассказы о том, как его отец сражался с Волдемортом очень схожим образом. Но, как Джеймс уже обдумал много раз, он – не его отец. Джеймс не имел никаких шансов против очевидной злобной власти Салазара Слизерина. Хуже того, некуда было бежать и негде скрыться. Башня была слишком высока, чтобы спрыгнуть. Джеймс понятия не имел, как трансгрессировать. Он дрожащими руками потянулся за палочкой. Слизерин отпустил ее, по-прежнему улыбаясь.

Джеймс прочистил горло, когда попятился, держа палочку перед

собой.

– Сперва поклон? – спросил он.

– Я поклонюсь только равному, – сказал Слизерин, оскалившись. – Ты же сможешь поклониться, когда умрешь. – Он сделал рукой выпад вперед. – Авада Кедавра!

Джеймс снова отскочил, и заклинание попало в трон, взорвавшись зелеными искрами. Какая-то часть его разума отстраненно подумала, что сейчас он очень хорошо выполняет физические приемы, которые узнал от профессора Дебеллоуза на занятиях Защиты от Темных Искусств. Он едва не застонал вслух.

– Используй магию, а не акробатику, мальчишка! – хохотнул Слизерин, взмахнув рукавом. – Пусть твой труп будет первым, что мои товарищи-основатели увидят, когда они присоединятся к нам! Повернись ко мне лицом и умри с той микроскопической честью, что у тебя есть!

Джеймс был до смерти напуган. Мальчик перевернулся на деревянном полу и, дико размахивая палочкой, вскочил на ноги. Он направил ее, отчаянно пытаясь вспомнить хоть какое-нибудь заклинание. Оно было одним из первых, выученных им, но никак не приходило сейчас на ум.

– Вот это больше похоже на схватку! – прохрипел Слизерин, делая шаг навстречу Джеймсу. Он держал свою палочку почти перед его носом, дразня Джеймса. – Покажи свою темную сторону, мальчишка! Продемонстрируй, чему вас учат в этом вашем фантастическом времени! Сделай это сейчас!

Джеймс выпалил заклинание, сразу пришедшее в голову. Слизерин тут же произнес свое проклятие. Оба луча вспыхнули над деревянным полом, освещая его. Зеленый луч Слизерина пронзил мешковатую мантию Джеймса, пройдя сквозь нее под его протянутой рукой, едва не задев тело. Желтый луч Джеймса ударил в замок на люке. Он открылся со снопом искр, и дверь распахнулась, впустив луч света и шум голосов.

– Он открылся! – крикнул кто-то. – Кто-то отпер его сверху! Остерегайтесь ловушки! Протего!

Слизерин взревел от ярости. Он направил свою палочку на люк, но было уже слишком поздно. Несколько человек взлетело вверх по лестнице с палочками наготове. Заклинания заметались во всех

направлениях, освещая вершину башни, как фейерверк. Джеймс воспользовался возможностью, чтобы снова нырнуть за мраморный трон. Воздух внезапно наполнился свистом и вихрем, когда члены Круга Девяти Слизерина трансгрессировали из верхней части башни. Один из них задержался ненадолго, чтобы приблизиться к Джеймсу, помахивая палочкой. У него была черная борода, которая взлохматилась, когда мужчина усмехнулся.

– Неплохой трюк, мальчишка, – рыкнул он, – но мы ненавидим оставлять дела незаконченными.

Джеймс среагировал автоматически, его разум все еще был напряжен после дуэли со Слизерином. Пока мужчина заканчивал свою фразу, Джеймс уже вскинул палочку и выкрикнул «Экспеллиармус!»

Раздался треск, и палочка мужчины вылетела из его руки, пропав в темноте за стеной башни. Сила заклинания толкнула мужчину в обратном направлении. Он споткнулся и свалился на одну из террас. С гневным ревом он развернулся, чтобы увидеть, куда упала его палочка. Сообразив, что она утеряна, он повернулся обратно, его руки скрючились наподобие когтей, и лицо исказилось от ярости.

– Остолбеней! – крикнул Джеймс, но его цель уже ушла. Заклинание попало в каменный пол справа от мужчины.

– Ты умрешь за это, мальчишка! – взревел мужчина, бросаясь на него, словно зверь.

Раздалась вспышка фиолетового света, и мужчина закричал на середине прыжка. Он довольно жестко приземлился перед ногами Джеймса лицом вниз, сломав нос. Джеймс услышал хруст и поморщился. Он с трудом поднялся на ноги с безумными глазами, дико размахивая палочкой.

– Хватит, мальчик! – скомандовал кто-то. Чья-то рука вдруг схватила запястье Джеймса, удерживая его на месте. Мгновение Джеймс боролся с ней, а затем понял, чья именно это рука. На него смотрело знакомое лицо с суровыми точеными чертами, лицо Годрика Гриффиндора.

– Битва закончена, мой друг, – сказал он, выпуская запястье Джеймса. – Кем бы ты ни был, ты определенно один из самых удачливых молодых волшебников.

– Он не просто волшебник, – произнес голос женщины, и в нем был

намек на веселую улыбку.

Джеймс осмотрелся и увидел Кандиду Когтевран, отбросившую капюшон своего синего плаща.

– Он самый молодой служитель в мире. И он уже боролся с Салазаром ранее.

– Куда он пропал? – неожиданно для себя спросил Джеймс, осматриваясь вокруг.

– Исчез, – серьезно ответила Когтевран. – Смылся. Принял свое истинное обличье и улетел.

– Что это за истинное обличье? – спросил Джеймс, дрожа от резко упавшего уровня адреналина.

– Кандида пошутила, – ответила Пенелопа Пуффендуй, приближаясь к низкой стене башни и вглядываясь в темноту за ее пределами. – Слизерин – анимаг. Но под его истинной формой она подразумевала его животную сторону, так как считает, что он недостойн называться человеком.

– Он змея? – спросил Джеймс, подойдя вслед за Пуффендуй к стене и вглядываясь вниз.

– Как ни странно, нет, – ответил Гриффиндор. – Истинная форма Салазара, пожалуй, даже более подходит ему, так как он подобен слепцу, ведущему ночной образ жизни, и очень кровожадному. Анимাগический облик Салазара, на самом деле, летучая мышь.

Стон напомнил собранию о пострадавшем человеке с козлиной бородкой. Он перевернулся на спину и попытался сесть, одной рукой ощупывая нос.

– Без палочки этот человек не представляет опасности, – сказал Гриффиндор, – все благодаря нашему смышленому другу. – Он обратился к мужчине, – я бы не стал пытаться трансгрессировать на вашем месте, Лорд Моркант. На вас наложено нечто большее, нежели просто Захватывающее Заклятие. Это еще и Вытягивающее Заклинание. Вам не удалось бы преодолеть расстояния большего, нежели бросок камня, привязанного веревкой, к тому же результат был бы весьма болезненным.

– Ты сломал мне нос! – заорал Моркант, показывая свою ладонь. Там было пятно крови. – Я убью всех вас! Верни мою палочку сейчас же!

– Думаю, нет, мой лорд, – ответила Когтевран. – Я подозреваю, что вы не увидите свою палочку еще очень долго. У нас накопилось немало вопросов к вам, и будет лучше, если вы ответите на них.

– Вы будете пытаться меня, что ли? – сплюнул Моркант, поднимаясь на ноги. – Я не боюсь того, что вы можете сделать со мной! Я никогда не заговорю. Вам же хуже!

– Мы не собираемся пытаться вас, – спокойно возразила Пуффендуй. – Если вы не собираетесь отвечать на наши вопросы, мы просто отпустим вас.

Моркант прищурился.

– Как ты смеешь издеваться надо мной? Знаю я таких! Твоя ложь не собьет меня!

– Вы знаете подобных себе, Моркант, – вежливо поправила Когтевран, – и вы полагаете, что все остальные – такие же. Мы действительно освободим вас, если вы отвергнете наши вопросы, и мы не навредим ни одному волоску в вашей этой очаровательной бородке. Вам, однако, следует остерегаться, ведь ваше освобождение может создать у некоторых неправильное впечатление. Некие свидетели могут истолковать ваше невредимое освобождение как знак того, что вы сказали нам абсолютно все, что вы знаете.

Гриффиндор многозначительно приподнял бровь.

– Разве ваш сообщник, Салазар Слизерин, не оценил бы это? Он, как известно, довольно жестко обращается с теми, кто предает его.

– Он не поверит в такую ложь, – фыркнул Моркант. – Он знает, что я надежен. Кроме того, я его не боюсь.

Гриффиндор подошел к Морканту и наклонился. Он произнес заговорщицки:

– Ходят слухи, что Салазар усовершенствовал то заклятие, с помощью которого можно выворачивать своих врагов наизнанку. Технически, я бы сказал, что это невозможно, но Салазар весьма гениален, когда речь идет о таких вещах. Насколько я его знаю, он просто продолжит заниматься этим, пока он не добьется своего. Он, вероятно, надеется, что вы предадите его, только так у него появится возможность использовать вас в качестве подопытного.

– Он верит мне! – снова уперся Моркант. – Он знает, что я никогда не предаю его!

Когтевран пожала плечами.

– Салазар никогда не казался мне особо доверчивым, – сказала она, – но, возможно, вы лучше его знаете, чем мы.

– С другой стороны, – размышляла вслух Пуффендуй, – Если вы примете решение помочь нам, мы могли бы защитить вас от любых потенциальных расправ.

Моркант усмехнулся, и Джеймс услышал нотки безнадежности в голосе мужчины.

– Вы? Да Слизерин ест таких как вы на завтрак!

Гриффиндор улыбнулся.

– Я уверен, что он убедил в этом даже самого себя. Но почему же тогда он превратился в летучего грызуна, когда почувствовал наш приход? Почему он улетел, а не столкнулся с нами палочка к палочке? Слизерин не задает себе такие вопросы, но это обязывает вас, Лорд Моркант, поразмышлять об этом.

Моркант яростно нахмурился. Наконец сквозь стиснутые зубы он сказал:

– Он намеревается свергнуть вас. Он желает контролировать школу полностью и использовать ее в качестве зародыша волшебной империи. Он знает, что вы были в заговоре против него. Его цель – ударить первым.

– Как поучительно, – мрачно сказал Гриффиндор. – Это он–то считает, что мы были в заговоре против него. Но давайте продолжим в другом месте. Кандида, Пенелопа, возможно, вы могли бы провести нашего таинственного юного друга обратно к главному замку? Я буду сопровождать Лорда Морканта в безопасное место. Мы можем поболтать там на досуге.

Пуффендуй и Когтевран согласно кивнули. Миг спустя послышался громкий хлопок, как только Гриффиндор трансгрессировал из башни, прихватив с собой Лорда Морканта.

– Давайте уединимся в Большом зале, – сказала Когтевран, обращаясь к Джеймсу и Пуффендуй. – Там никого не будет так поздно ночью. Возможно, наш друг захочет что–нибудь поесть, пока мы обсудим произошедшее?

Пуффендуй кивнула.

– Действительно. Мы должны узнать, кто вы, молодой человек. И

как вернуть вас туда, откуда вы явились.

– Не могу представить, как мы сделаем это, – ответил Джеймс, вспомнив о разрушенном портале–зеркале. – Мой единственный путь домой был разбит на куски Слизерином. Я застрял тут.

– Конечно, это не так, – бодро сказала Когтевран. – Возможно, не сразу, но мы найдем разгадку.

Пуффендуй улыбнулась Джеймсу.

– Ответ почти всегда прост, молодой человек, но редко дается легко.

Джеймс двинулся в сторону открытого люка, но остановился, услышав слова Пуффендуй. Где он слышал это раньше? Мгновение спустя он вспомнил. Мерлин говорил что–то подобное в пещере, когда они ходили за его сокровищами. Делать то, что правильно, почти всегда просто, говорил Мерлин, но это никогда не бывает легко. И потом вдруг Джеймс вспомнил что–то еще, сказанное высоким волшебником совсем недавно, когда они все были в кабинете директора, рассматривая его распакованные устройства и диковинки.

Джеймс обернулся на месте, его глаза расширились от изумления. Разве это могло быть столь просто? Он должен был выяснить, и немедленно.

– Нет, – взволнованно сказал Джеймс, – не в Большой зал. Мы должны вернуться в покои Слизерина! Прямо сейчас, прежде чем он вернется!

Когтевран нахмурилась.

– Почему, ради всего святого, нам следует пойти именно туда?

– И что заставляет вас полагать, что он может вернуться? – добавила Пуффендуй, изучая лицо Джеймса.

– Потому что он никогда не оставит все эти вещи, – быстро ответил Джеймс. – Свои «темные безделушки». Они слишком важны для него. Он вернется за ними, возможно, прямо сейчас, до того, как кто–либо стащит что–нибудь. Нам надо попасть туда первыми. Если я прав, у него есть что–то действительно важное. Это, возможно, мой единственный шанс вернуться в свое время!

Когтевран внимательно изучала лицо Джеймса, ее взгляд был серьезным и задумчивым. Пенелопа Пуффендуй, однако, кротко кивнула. Она шагнула вперед и протянула руку.

– В таком случае, дорогой мальчик, давайте откажемся от лестниц. Кандида, палочку наготове. Если мы хотим спешить, то давайте спешить, как ведьмы, и надеяться, что Салазар еще не перехитрил нас в эту ночь. На счет три. Один... два...

Три!

Джеймс снова почувствовал дезориентацию от трансгрессии, когда Пуффендуй унесла его из Лесной башни. Мгновение спустя вокруг него возник тусклый коридор, и ноги коснулись каменного пола. Тут же раздался второй громкий треск, и Кандида Когтевран появилась рядом с Джеймсом и Пуффендуй. Обе женщины достали свои палочки. Они осмотрели коридор в обоих направлениях. Не говоря ни слова, Пуффендуй указала на что-то. Джеймс посмотрел в ту сторону. Он уже признал этот коридор как тот, который вел к покоям Слизерина. Теперь, вздрогнув, он увидел, что дверь в кабинет волшебника была приоткрыта. Из нее сочился свет, и доносились глухие звуки осторожных движений.

– Как вас зовут, молодой человек? – прошептала Пуффендуй, не отрывая взгляд от двери.

– Джеймс Поттер, – ответил Джеймс настолько тихо, насколько мог.

Пуффендуй прошептала:

– Вы были правы, Джеймс. Салазар здесь, вернулся за вещами, наглец. Он знает, что его время здесь закончилось. Мы с Кандидой встретим его и попытаемся поговорить с ним. Если мы одержим верх, то поможет найти, что вам нужно. Если нас одолеют, то я с радостью умру, зная имя нашего таинственного благодетеля.

– Можешь поговорить с ним, если пожелаешь, Пенелопа, – тихо произнесла Когтевран, видимо, готовая к бою. – Но за меня сегодня переговоры будет вести моя палочка. Каков храбрец, вернулся сегодня же ночью, под самыми нашими носами!

– Я хочу пойти с вами, – прошептал Джеймс, подняв палочку. – Это

моя борьба тоже. Он пытался убить меня!

Когтевран подмигнула Джеймсу, едва заметно улыбнувшись.

– Он вполне может закончить начатое, если вы пойдете с нами, Джеймс Поттер. Но это ваш выбор.

Джеймс ожидал несколько больше сопротивления, чем это. Он немного нервно улыбнулся. Честно говоря, думал он, что из худшего могло случиться? Согласно учебникам истории, все четыре Основателя пережили эту ночь. Конечно, как ранее намекнул Слизерин, в истории ничего не было сказано о темноволосом мальчике, который, возможно, присутствовал при всем этом.

– Я поведу, – прошептала Пуффендуй, указывая на дверь Слизерина. – Кандида, слева от меня. Джеймс, ты за нами. Сколдуй «Остолбей!» на Салазара, если это будет необходимо, но не более. Помни, что он по-прежнему один из основателей этого заведения и заслуживает уважения.

– И пошли к черту уважение в тот момент, когда он поднимет палочку, – пробормотала Когтевран, когда они потихоньку двинулись вдоль по коридору.

– Он совершенно точно не использовал Оглушающего Заклинания на башне, – прошептал Джеймс. – Просто будьте повнима...

Неожиданно зеленый луч опалил пол возле ноги Когтевран.

– Остолбей! – крикнула Пуффедуй, указывая палочкой на открытую дверь. Тень отпрыгнула в сторону, когда ее заклинание ударило по створке, взорвавшись красными искрами. – Он опасен! Мы должны атаковать! Здесь мы в уязвимом положении!

Джеймс бросился вслед за Когтевран и Пуффендуй, побежавшими к двери Слизерина, опустив головы и стреляя из палочек. Красные лучи засыпали дверь, заставив Слизерина отступить.

– Прекрати это, Салазар! – крикнула Пуффендуй. – Пока еще не слишком поздно откажись от своих замыслов!

Джеймс так и не смог разглядеть ничего, напоминающего его бывшего похитителя. Когда они влетели в его кабинет, сразу же укрывшись за стульями и книжным шкафом, сердито шипящая тень метнулась дальше в темный дверной проем.

– Берегитесь! – воскликнула Когтевран. – Он может стать маленьким и крылатым. Он может легко спрятаться!

Пуффендуй выглянула из-за шкафа, держа палочку перед собой.

– Никого не видно. Пошли дальше, во внутренние покои.

Джеймс последовал за волшебницами, быстро пересекая комнату. Он был поражен их движениями. Они были изящными и ловкими, удивительно быстрыми, но совершенно контролируемые. Их палочки сверкали в воздухе им, неотвратимые, как падение камня. У самого же Джеймса сердце отчаянно барабанило в груди, заставляя при этом его собственную палочку сильно трястись. Он бросил взгляд по сторонам, проходя через двойные двери лаборатории. Они все еще были приоткрыты, но света внутри не было.

– Обследуйте комнату, – сказала Когтевран, когда она прошла во внутреннее святилище Слизерина. – Равэлио!

Луч нежно-лавандового света распространился из кончика палочки Когтевран, освещая стены. Не спеша, она передвигала его по всей комнате, позволяя свету коснуться каждой поверхности. Наконец она опустила палочку, потушив лавандовый свет.

– Здесь его нет, – сказала она, очевидно, огорчившись. – По-видимому, он снова ускользнул.

У Джеймса наконец появилось время осмотреться. Очевидно, это были спальня покои Слизерина. Они были удивительно небольшими и тесными, с готическими колоннами и контрфорсами. Единственное окно было надежно заперто.

– Давайте воспользуемся преимуществами ситуации, – сказал Пуффендуй, обращаясь к Джеймсу. – Что, по вашему убеждению, было у Салазара? Какой из его инструментов мог быть вам полезен?

Джеймс попытался вкратце рассказать, откуда он прибыл, и как он попал сюда, случайно прикоснувшись к волшебному зеркалу в кабинете директора. Он описал свое появление через небольшое зеркало в серебряной оправе, висящее за статуей в ротонде, и его последующее уничтожение Слизерином.

– Я считал тогда, что это и было волшебное зеркало, – сказал Джеймс. – Но теперь я так не думаю. Слизерин слишком любит подобные вещи; он никогда не уничтожил бы что-то действительно волшебное, только чтобы удержать меня здесь, я думаю Зеркало Амсера Церф может использоваться посредством любого другого зеркала, может быть, даже любой отражающей поверхности. Таким образом,

зеркало позади статуи было просто самым обычным зеркалом.

– Это зеркало висело там со времен Хэйдина, – кивнула Когтевран.
– В нем не было и намека на магию.

– Но Слизерин знал о путешествиях сквозь зеркала, – Джеймс принялся развивать свою мысль. – Он сказал, что он думал, что лишь он и еще один человек на земле знали об этом. И потом, когда мы были на Лесной башне, я вспомнил, как директор упоминал о чем-то что-то подобном. Он сказал, что его Волшебное Зеркало было одним из двух когда-либо созданных, и что второе принадлежало кому-то, кого он знал. Но теперь я знаю, кто это был! У Слизерина есть другое Волшебное Зеркало! Близнец того, что привело меня сюда!

Взгляд Когтевран стал очень резким и настороженным. Она многозначительно переглянулась с Пуффендуй.

– Давайте искать, – тихо сказала Пуффендуй. – Тогда мы и узнаем наверняка.

Когтевран подняла палочку и произнесла то же заклинание, что и раньше. На конце ее палочки снова вспыхнул лавандовый свет. Она медленно повернулась.

– Последняя попытка, – пробормотала она, – Я буду искать след Салазара, не важно, мужчины или летучей мыши. Теперь...

Пуффендуй расхаживала по комнате, следя за игрой лавандового света на стенах.

– Здесь, – объявила она, указывая рукой.

Когтевран остановилась, направив луч на большую картину. Это было изображение узколицего волшебника в бордовой мантии в полный рост, и он был нарисован едва ли не в натуральную величину. Глаза на портрете сощурились и нахмурились. Тут Джеймс разглядел, что, когда луч проходил над портретом, он осветил слабые очертания потайной двери.

Когтевран положила свою палочку в карман и шагнула вперед. Она схватилась за раму картины и потянула, но та была плотно прижата к стене. Пуффендуй присоединилась к ней, но они не смогли сдвинуть картину, потянув ее даже втроем.

– Довольно деликатностей, – рассерженно сказала Когтевран. Она отступила, жестом призывая других отойти, и ткнула палочкой в портрет.

– Кандида Когтевран, – усмехнулся портрет, – вы не понимаете, что творите...

– Конвульсус! – рявкнула Кандида, перебивая портрет. Последовала ослепительная вспышка белого света, и портрет словно испарился. Мгновение спустя, когда глаза Джеймса привыкли к относительному полумраку комнаты, он увидел, что портрет, на самом деле, не был полностью уничтожен. Рамка была разрушена, и картина была словно разрезана прямо посередине, на этом месте зияла огромная дыра. Деревянная основа картины была прорвана насквозь, демонстрируя темное пространство за своими пределами.

Джеймс, Пуффендуй и Когтевран осторожно подошли к уничтоженному портрету. Стоящий между двумя женщинами Джеймс мог видеть свет, подмигивающий ему из глубины за пределами порванного холста. Из полумрака потайной комнаты на него глянуло собственное лицо Джеймса.

– Это здесь, – выдохнул Джеймс, одновременно обрадовавшись и испугавшись. – Я могу видеть отражение. Это Волшебное Зеркало!

Пуффендуй зажгла свою палочку и протянула ее вперед. Она очень осторожно прокралась через разорванную картину в слабо освещенную комнату за ней. ее палочка осветило пространство и раму зеркала. Когда Джеймс вошел в комнату и выглянул из-за спины Пуффендуй, он понял, что это зеркало было идентично тому, которое находилось в кабинете Мерлина, с одним лишь различием, это стояло вертикально, а не на боку. На золотой раме зеркала Слизерина были выгравированы слова. Надпись ни о чем не говорила Джеймсу, за исключением первого слова, вырезанного красивым плавным почерком – «Еиналеж».

– Зеркало, – просто произнесла Пуффендуй, ее голос трепетал. – Оно не было уничтожено тогда. Оно было у него все это время.

Лицо Когтевран покраснело от гнева.

– Мы должны были догадаться. Но что с этой Фокусирующей Книгой? Без нее сила Зеркала неконтролируема и капризна, сводится лишь к своим самым базовым функциям. Мы должны найти ее.

– Действительно, и искать его мы будем, мы однажды уже говорили Годрику об этом открытии, – сказала Пуффендуй. – На данный момент нашего внимания требуют другие вопросы. Джеймс оказал нам вторую большую услугу. Я подозреваю, что он предпочел бы

откланяться, если б он мог.

– Да, если вы не возражаете, – согласился Джеймс. – Было действительно здорово встретиться со всеми вами. Ну, с большинством из вас. Но мне действительно не терпится увидеть, смогу ли я вернуться.

– Джеймс Поттер, – сказала Пуффендуй, улыбаясь. – У нас есть множество вопросов к вам, не последним из которых было бы то, что станет с нами, и с этой школой к вашему времени. Но я сильно подозреваю, что чем меньше мы знаем о таких вещах, тем лучше.

– Но один вопрос нам все-таки следует задать, Пенелопа, – сказала Когтевран. Она повернулась к Джеймсу с мрачным и задумчивым выражением лица. – Если эта сказка – что ты рассказал нам – правда, и у меня нет оснований сомневаться в том, что это так, то возраст директора этого колледжа, следовательно, достигает нескольких тысяч лет, раз уж он был знаком с Салазаром Слизерином. Джеймс, ответьте мне на этот один вопрос настолько честно, насколько вы можете. Знаете ли вы настоящее имя этого вашего директора?

– Конечно, – ответил Джеймс, озадаченно нахмурившись. – Я думал, что уже упоминал об этом. Это Мерлин. Вы, вероятно, знаете его как Мерлинуса Амброзиуса. Он появился в наше время в прошлом году, в ночь выравнивания планет. Я думаю, вы бы назвали это коридором Пересечения Старейшин. Здесь я видел его этим вечером. Ну, если точнее, то слышал его, когда я был заключен в лаборатории. Он был прямо там, в кабинете Слизерина.

Лицо Когтевран стало очень бледным. Она какое-то время изучала Джеймса, а затем обернулась, чтобы посмотреть на Пуффендуй.

– Он был здесь в эту ночь, – тихо сказала она. – Это все правда. Никто из нас особо не верил в это.

– И этот мальчик является доказательством тому, что ему это удастся. Все гораздо хуже, чем мы ожидали. Легенда...

– Тише, Пенелопа, – серьезно сказала Кандида. – Джеймсу ни к чему слышать подробности.

Женщины посмотрели на Джеймса. При свете палочки их лица были бледны и очень серьезны.

– Послушайте меня, Джеймс Поттер: остерегайтесь Мерлина, – сказала Когтевран. – Этот волшебник обладает способностью

очаровывать тех, кто доверяет ему. Если он стал директором школы, значит, успел многих одурачить. Возможно, уже слишком поздно для вашего мира. Но вы, быть может, были посланы сюда сегодня ночью с великой целью. Возможно, ваше возвращение послужит предупреждением. Мерлин несет вашему миру зло, какое прежде не знали на земле. Может быть, Привратник Пустоты уже на свободе, а Мерлин – его Посол. Привратника не сразить, но если вы найдете способ уничтожить Посла, Джеймс Поттер, сделайте все возможное. Не позволяйте ему очаровать вас. Когда момент настанет, не будет времени ни для бесед, ни для сомнений. Только для действий. Вы понимаете?

Джеймс пристально взгляделся в серьезное, бледное лицо Кандиды Когтевран. Даже сейчас, за тысячу лет до описываемых ею событий, она явно была в ужасе. Джеймс медленно кивнул.

– Как вы посмели?! – внезапно раздался яростный вопль, заставивший их подпрыгнуть. – Моя комната! Мой тайник!

Пуффендуй и Когтевран развернулись в тесном пространстве потайной комнаты, направив палочки на темную фигуру, стоявшую в проеме портрета. Кричавший голос был до ужаса нечеловеческим. Джеймс внезапно вспомнил приоткрытые двери лаборатории Слизерина, припомнил, как хотел предупредить Пуффендуй и Когтевран, чтобы те проверили там. Слизерин одурачил их тенью, а после притаился там, вероятно, в виде летучей мыши. А теперь, разъяренный тем, что они узнали его величайший секрет, он, похоже, застрял между своими формами: наполовину человек, наполовину летучая мышь. Его голос страшно гудел. Огромные кожистые крылья виднелись из-за сгорбленной спины.

– Уходите, Джеймс! – закричала Пуффендуй, направляя палочку на уродливую фигуру Слизерина. Ослепленный яростью, он бил гигантскими крыльями, ударяясь ими о стены, из-за чего не мог попасть в комнату. У него обильно текла слюна, клыкастой пастью он рвался схватить женщин.

– Нет! – завопил Джеймс. – То есть, я не знаю как! Не могу придумать!

Красная вспышка пронзила воздух, попав в крыло Слизерина. Он закричал, и крыло бессильно повисло.

– Прочь от Зеркала! – орал он. Слова, вырвавшиеся из странного

наполовину мышинового рта, звучали невнятно. – Дотронешься и умрешь!

– Просто уходите! – отчаянно крикнула Когтевран. – Как делали это прежде!

Слизерин рванул снова, окончательно продираясь через разорванное отверстие портрета. Пуффендуй вместе с Когтевран выстрелили в него Оглушающим заклинанием, но благодаря его видоизмененному облику они лишь слегка ослабили его. Монстр оскалился и закричал на них.

Джеймс повернулся и бросился к зеркалу. В тот момент, когда он коснулся его, отражение начало уплывать, образуя знакомую серебристую дымку. Она головокружительно завертелась перед лицом мальчика.

– Идите, Джеймс! – воскликнула Пуффендуй. Раздался свист и ужасный хлещущий звук. Одна из волшебниц вскрикнула, но Джеймс не сумел разобрать, кто именно.

– Я хотел бы оказаться где-нибудь подальше отсюда! – Джеймс сказал вслух, затем, запаниковав, он поправился: – Я хотел бы оказаться дома! Я хотел бы оказаться в своем времени! Прямо сейчас!

За его спиной взревел Слизерин, его голос был одновременно и голосом человека, и голосом зверя. Джеймс ощутил дуновение воздуха от бьющихся крыльев Слизерина и почти почувствовал грядущее столкновение с огромными когтями.

А потом все это пропало. Потайная комната минула в сторону, втянулась в закрученные серебристые облака. Джеймс чувствовал то же странное ощущение захвата, как будто бы он был вытянут через зеркало. Последовало знакомое чувство полета, шума и скорости, а затем он упал. Он шлепнулся лицом вперед, приземлившись на руки и колени, а его палочка с грохотом покатила по полу.

Джеймс поднял взгляд. Он оказался в небольшом темном помещении. Оно казалось забитым пыльными сундуками и уложенными штабелями ящиками. Мальчик поднялся, оглядываясь назад в направлении, из которого он свалился.

Неподалеку стояло волшебное Зеркало Слизерина, выглядящее точно так же, как и тогда, только покрытое толстым слоем пыли. По-прежнему можно было различить первое слово древней надписи: «Еиналеж».

– Джеймс? – раздался девичий голос, заставив его подпрыгнуть от испуга. – Это ты? Да, точно! Эй, проснитесь, вы двое! Свершилось!

– Роуз? – спросил сбитый с толку Джеймс. Девочка появилась из тени у двери, растрепанная и покрытая паутиной. Джеймс уставился на нее. – Что ты здесь делаешь? Где я?

Ральф с сонным видом тоже поднялся на ноги.

– Черт, уже давно за полночь. Разве это имеет значение?

– Он знал, – Роуз почти подпрыгивала от волнения. – Он сказал, ты вернешься сюда, если мы приготовим Зеркало, и вот ты здесь! Мы втроем ждали с самого ужина! Мы сильно беспокоились! Что случилось, Джеймс? Где ты был?

– Погодите минутку, – Джеймс поднялся. – Как Ральф узнал, что я появлюсь здесь? Никто не мог этого знать.

– Я и не знал, – сонно ответил Ральф, хлопнув Джеймса по плечу, – хотя я с удовольствием взял бы на себя эту честь. Нет, идея принадлежит ему.

Ральф ткнул большим пальцем через плечо. Джеймс увидел мальчика, медленно поднимавшегося на ноги с усталой, кривой усмешкой на лице.

– Наконец-то, Поттер, – растягивая слова, заговорил Скорпиус. – Хорошо провел время?

Глава 12. Вопросы доверия

Джеймс сильно устал и, несмотря на любопытство остальных, отказался от длительных объяснений. Он лишь сказал, что путешествовал в прошлое, во времена основателей, и обнаружил о Мерлине гораздо больше, чем намеревался. Он обещал объяснить все подробно на следующее утро, в субботу. Остальные неохотно согласились, и все четверо выползли из кладовки. Они шли по темным коридорам обратно в вестибюль. Джеймс пропустил вперед Ральфа и Скорпиуса.

– Ты действительно встретил основателей? – требовательно спросила Роуз хриплым шепотом, не желая ждать утро.

Джеймс устало кивнул.

– Да, встретил. Они были более... настоящие... чем я мог себе представить.

Роуз удивленно покачала головой.

– Какая из себя Пенелопа Пуффендуй? Она единственная, о ком мы редко слышим.

– Она была жесткой, – Джеймс ответил, – но милой. Хотела обсудить все со Слизерином даже после того, как он пытался убить нас. Но она не была легкой добычей. Никто из них. Они все крепкие орешки. Подробнее расскажу завтра. Как вы узнали, что я пропал?

– Прошел целый день, – прошептал Ральф. – Кроме того, Седрик разбудил меня вчера посреди ночи и рассказал о произошедшем. Он считает, что Мерлин заколдовал горгулью, чтобы та каким-то образом его предупредила, если кто-то решит использовать пароль для проникновения в кабинет директора. Мерлин рыскал по школе, злой как черт, но ничего не говорил. Роуз считает, он что-то искал.

– Думаю, он искал зеркало Еиналеж! – перебила Роуз. – Уверена, он чувствовал, что оно спрятано где-то здесь, но не мог его найти. Оно как-то защищено от обнаружения. Бьюсь о заклад, оно доставило ему по полной!

– И как же *вы* нашли его? – спросил Джеймс, когда они достигли лестниц.

Ральф посмотрел на Скорпиуса, который пожал плечами.

– Я знал, куда смотреть, – сказал бледный мальчик. – И когда. Примерно.

У подножья темных лестниц четверка остановилась. На ближайшем пролете окно Геракла вновь изменялось: лицо Геракла превращалось назад в карикатуру Скорпиуса. Филч будет в бешенстве.

Джеймс тряхнул головой.

– Я просто не могу понять, Скорпиус. Откуда ты мог знать?

Скорпиус глубоко вздохнул.

– Мне сказали. Мой отец знал об этом. Он годами изучал труды основателей. Своего рода хобби. В первую очередь, он интересовался Салазаром Слизерином, чтобы понять каким тот был на самом деле, но затем его привлекли дневники Кандиды Когтевран. Она записывала абсолютно все. Отец расшифровал некоторые подсказки и коды. По-видимому, она хотела, чтобы их обнаружили. Она описывает мальчика, который посетил ее и других основателей, мальчик якобы из далекого будущего. Она обнаружила, что для его успешного возвращения через правильное зеркало, кто-то должен подготовить его на этой стороне, в наше время. Она была уверена: ее долг – обеспечить его возвращение, так что она создала рукопись и оставила подсказки для нужного человека, который во всем разберется. Мой отец, по-видимому, был тем человеком. Подсказки содержали сроки и инструкции.

У Джеймса закружилась голова.

– Но как она смогла все вычислить? Как узнала точное время?

Скорпиус пожал плечами.

– Это вопрос к отцу. Я не могу себе представить, почему это было важно. Факт в том, что у нее получилось.

– Это очевидно, – прошептала Роуз. – Должно быть, ты рассказал ей о времени, откуда пришел. Ты сам дал ей подсказку.

– Я не говорил им ничего подобного! – сказал Джеймс, но его озарила догадка. – Хотя, я рассказал им о возвращении Мерлина. Я сказал им, что произошло год назад, в ночь парада планет.

– Почти все, что ей было нужно, – ответила Роуз. – Они знали, как отслеживать такого рода события. Она, наверное, вычислила точную дату парада, а затем прибавила к этому другие подсказки, о которых ты упомянул, например, день недели или месяц, семестр в школе, да хоть фазу луны. Она была чертовски умной!

Джеймс кивнул.

– Без сомнений. Но все–таки, как вы нашли зеркало, если даже Мерлин не смог?

Роуз перебила Скорпиуса:

– Когтевран дала что–то вроде волшебной карты! Она поместила заколдованное сигнальное устройство в зеркале Еиналеж, и прочла заклинание, необходимое для его обнаружения. Все, что нам оставалось сделать, – это следовать ему. Когда мы его нашли, то просто прикоснулись к зеркалу и пожелали вернуть потерянное. А потом мы просто ждали. Наконец – бац! – вот и ты!

– Очень ловко, а? – прошептал Ральф, ухмыляясь. – И все благодаря Скорпиусу. Или точнее его отцу.

Скорпиус закатил глаза.

– Если мы закончили поздравлять самих себя, то у меня есть планы на утро. Вы трое можете остаться здесь, и ждать пока вас застучает древняя кошка–низл^[11] Филча, а я пошел спать.

Он развернулся и начал красться вверх по лестнице. Джеймс пожелал Ральфу спокойной ночи, и вместе с Роуз последовал за Скорпиусом.

Как только троица пролезла через портретный проем в гостиную Гриффиндора, Роуз устало улыбнулась Джеймсу.

– Я рада, что ты вернулся, Джеймс. Мы не знали, куда ты ушел или была ли информация Скорпиуса верной. Мне было действительно страшно. Я думала, может быть, Мерлин схватил тебя.

Джеймс нахмурился, обдумывая слова Кандиды Когтевран, которая призывала его не доверять Мерлину и предупредила, что ему, возможно, придется столкнуться с чародеем, когда придет время. Он попытался игриво улыбнуться Роуз.

– Я в порядке, – сказал он. – Но все висело на волоске. Я расскажу тебе обо всем утром. Расскажу тебе все, если ты действительно хочешь знать. Ну а сейчас, давай спать. Я валюсь с ног от усталости.

Они попрощались и поднялись по своим лестницам. Когда Джеймс добрался до затемненной спальни, Скорпиус уже лежал в своей постели, спиной к Джеймсу.

Украденная мантия священнослужителя не прошла с ним через

зеркало, так что он по-прежнему был одет в полосатую пижаму. Утомленный, он сложил очки и палочку в сумку и забрался в постель. Но через мгновение снова сел.

– Скорпиус, – прошептал он. Мальчик не шевелился, но Джеймс знал, что тот слушает. – Я не знаю, почему ты помог мне, но спасибо.

Он снова лег. Прошла минута, и Джеймс уже почти заснул, когда услышал движение Скорпиуса. Мальчик ответил в темноте шепотом:

– Не благодари меня пока, Поттер. Может прийти время, когда ты будешь жалеть, что вернулся. Может прийти время, когда ты будешь проклинать меня за помощь.

Джеймс спал до позднего утра и проснулся от слепящего снега на окне спальни. Он умылся, оделся и, спустившись по лестнице, пошел искать своих друзей. Наконец он нашел Роуз и Ральфа в библиотеке, тихо обсуждающими один из вопросов профессора Ривальвье.

– Вы безнадежны, – сказал Джеймс. – Делаете домашнюю работу в субботу утром.

– Технически, уже не утро, – ответила Роуз. – Мы ждали тебя. И умираем от любопытства в ожидании подробностей вчерашних событий.

Ральф с хлопком закрыл книгу.

– К тому же на улице собачий холод. Даже озеро замерзло. Все старшекурсники снуют вокруг, пытаясь найти пару для Святочного бала. Так что нам нечего делать. Кстати, ты получал утку Зейна?

Джеймс заморгал.

– Когда? Ночью?

– Нет, сегодня рано утром. Э-э, ночью, если по его времени. Он тоже хочет послушать, что с тобой приключилось. Он просил отправить обратную утку, когда ты будешь готов рассказать обо всем, и сообщить место встречи.

Джеймс замотал головой и улыбнулся.

– Это сумасшествие!

– Это Зейн, – пожал плечами Ральф.

– Что насчет Скорпиуса? – неохотно спросил Джеймс. – Позвать его?

Роуз было не по себе.

– Он говорит, что уже знает все, что нужно.

– Что бы это ни значило, – добавил Ральф. – Ах, да, чуть не забыл. Вчера утром ты получил нечто под названием Громовещатель.

– Что? – нахмурился Джеймс. – Громовещатель? От кого?

– От твоей мамы, – ответил Роуз. – Он пришел во время завтрака, но тебя не было, чтобы его открыть. Мы пытались вынести его из Большого зала, но он взорвался раньше. Боюсь, его слышали все. Ты мог бы нам сказать.

– О чем ты говоришь? – воскликнул Джеймс. – Что сказал Громовещатель?

Роуз пристально смотрела на него.

– Ты действительно не знаешь?

– Черт побери, Роуз, ты убиваешь меня на месте! Что там было?

– Там был голос твоей мамы, – сказал Ральф. – Гремел, как иерихонская труба. Похоже, она очень зла. Она сказала, что не может винить тебя за то, что ты взял их в прошлом году, ведь ты истинный сын своего отца, но она надеялась, ты усвоил урок. Сказала, что они опасны и к тому же принадлежат отцу, и он тоже очень разочарован твоим поступком. Потом она высказала надежду на то, что ее слышат все, в том числе учителя, и теперь они знают, что ты шныряешь повсюду с мантией–невидимкой и картой Мародеров, и положат этому конец.

Джеймс прошипел, теряя дар речи.

– Но... но я не брал их! Они все еще дома, в папином чемодане! Я не трогал их с прошлого года!

– Ну, – сказала Роуз, очевидно, намекая, – они не дома, не в чемодане твоего отца, даже если ты не брал их. Они пропали без вести, и твоя мама уверена, что это твоих рук дело.

Джеймс почувствовал одновременно злость и боль. Как она могла просто так обвинять его? Да, он позаимствовал мантию и карту в прошлом году, но у него на то были очень веские причины. Он понес наказание, не так ли? Он вовсе не планировал красть мантию и карту в

этом году. Но кто тогда мог стащить их? Вдруг Джеймс вспомнил утро, когда они торопились на поезд, и Альбус подозрительно поздно упаковывал свой чемодан.

– Мелкий соплохвост! – Джеймс выдохнул в ярости.

– Что? – спросила Роуз. – Кто?

– Альбус! Мелкий слизеринский черт! Он стащил их! Должно быть, они у него! Утром, когда мы собирались на поезд, он хандрил, и упаковался наполовину. Тогда, к удивлению всех, он вдруг вышел из комнаты на несколько минут. Мама с папой были внизу, подгоняли машину. Наверное, он проник в их комнату и украл мантию и карту из чемодана папы. Он знал, что они обвинят меня!

– Ты не можешь знать наверняка, – предостерегла Роуз.

– Не могу, – согласился Джеймс, кивая. – Но знаю. Просто дождитесь, пока я доберусь до него. Я заставлю его отправить сову родителям и во всем признаться. Посмотрим, что будет.

– Между прочим, – вставил Ральф, – мы все еще умираем от любопытства и хотим услышать о твоих вчерашних безумных приключениях. Можно ли сейчас оставить это маленькое недоразумение на потом?

Джеймс все еще кипел от злости, но согласился. Главное, поймать Альбуса после обеда. Может, Ральф позовет его в гостиную Слизерина.

Ральф продолжал:

– Мы долго думали и нашли отличное место, где можно встретиться с Зейном и послушать твою историю. Хватай свою мантию, встретимся у входа ротонды. И принеси палочку.

Через несколько минут Джеймс присоединился к Ральфу и Роуз у разрушенных статуй основателей. Огромные ворота ротонды были закрыты из-за холода, но маленькая дверь с левой стороны осталась не заперта. Роуз повела их туда.

Как только Джеймс миновал мраморный пол, он почувствовал себя очень странно. Он вспомнил статуи, какими он видел их в последний раз, неповрежденными и новыми. Он оглянулся, когда прошел через главную арку. Выгравированное название школы было стерто и почти потерялось в темных нишах сводчатого потолка. Джеймс представил, что если бы он подошел к подножию статуи, то в трещинах пола мог бы найти кусочки сломанного зеркала в серебряной рамке. Он вздрогнул.

Едва миновав крошечный дверной проем, троица прищурилась из-за ослепительно сверкавшего снега. Озеро действительно наполовину замерзло, белый край льда исчезал в черноте ближе к центру, где волны бились о хрупкую поверхность. Резкие порывы ветра несли снежинки как песок. Ни один из них не говорил, пока они прочищали путь вокруг замка, из-за холода стараясь держаться ближе друг к другу, и Джеймс был удивлен, когда заметил, что они шли к древнему каменному сараю, в котором Хагрид приютил свой зверинец.

– Здесь будет тепло, – отозвался Ральф, дергая дверь. – И мы можем быть уверены, что никто сюда не придет сегодня. Слишком холодно!

Норберта изредка извергала пламя, благодаря чему в сарае действительно было довольно тепло. Настенные фонари весело освещали земляной пол, что создавало контраст с холодным белым светом, который струился через маленькие окна сарая. Когда ребята вошли, звери засопели и залаяли в своих клетках.

– Там, за большими клетками, есть скамейки, – указала Роуз. – Давайте присядем. Я упаковала фляжку горячего шоколада и немного тараканьих гроздей.

– Черт побери, Роуз, – одобрительно произнес Ральф. – Ты думаешь обо всем!

Роуз распаковала свою сумку, извлекая фляжку и несколько кружек.

– Тем хуже для Зейна, – прокомментировала она. – Он не сможет ничего съесть, раз не будет присутствовать здесь на самом деле.

– Я захватил свое, – радостно сказал Зейн, появляясь в воздухе между ними. Все трое подскочили, а затем посмотрели на парящую фигуру. Зейн, с удовольствием поглощающий кусок колбасы с вилки, завис в двух футах над землей и, казалось, ни на чем не сидел. – Здесь едва ли пришло время для завтрака, я ведь не ранняя пташка. Но я бы ни за что такое не пропустил. Рад, что ты вернулся, Джеймс.

– Э-э, спасибо, – ответил Джеймс. – Но это немного странно. Ты... э-э... понемногу угасаешь.

Зейн огляделся вокруг, жуя колбасу.

– Ах, да. Эй, Рафаэль, что мы делаем, когда двойник настаивает на левитации?

Пока Зейн слушал, повисла пауза. Он кивнул.

– Извините, ребята. Это, видимо, часть базовой интуиции двойника. Он хочет, чтобы проекция парила. Предполагает, что так выглядит злоеще. Может быть, через какое-то время ему наскучит и он успокоится.

– Ты используешь собственного двойника, чтобы проецировать сообщения? – недоверчиво уточнила Роуз.

– Ты не объяснил ей? – спросил Зейн, глядя на Джеймса. – Хотя, она довольно шустрая, не так ли?

– Но это явно и совершенно невозможно! – залопотала Роуз. – Двойники это просто выдумка! Они еще хуже, чем эффект бабочки!

– Немного поздновато утверждать, что это не сработает, Роза, – ответил Ральф, жуя тараканью гроздь.

– Мы можем поддерживать его, сколько потребуется, – сказал Зейн, положив вилку. Казалось, она парила рядом с ним без опоры. – При условии, что вы пальнете в меня Жалющим заклинанием или чем-то вроде него, просто чтобы немного усилить магию. Правда в том, что Франклин рад провести испытание. Начинай, Джеймс. Расскажи нам о приключениях в Каменном веке.

Джеймс погрузился в рассказ, пытаясь все припомнить. Он описал свое путешествие сквозь Зеркало и где он в итоге очутился, став, вопреки всем вероятностям, таинственным «привидением на постаменте», как пошутила Эшли Дун. Здесь потребовались дополнительные пояснения, ведь Зейн никогда не видел фотографий основателей и не слышал о загадке призрачного лица, прятавшегося позади. Джеймс продолжил рассказ и поведал о том, как был схвачен Салазаром Слизерином, в результате чего подслушал разговор Слизерина и Мерлина из того времени. Он описал дуэль наверху Лесной башни и поиски двойника Амсера Церф, принадлежавшего Слизерину. В конце он передал предупреждение Кандиды Когтевран о последствиях возвращения Мерлина и его роли Посла Привратника. В подтверждение своих слов Джеймс продемонстрировал газетную вырезку, присланную Люси, которая явно указывала на происки ужасного существа.

К тому времени, как Джеймс закончил, горячий шоколад и тараканьи грозди уже давно закончились, и им троим пришлось чуть ли

не десять раз стрелять Жалящим заклинанием в Зейна.

– Похоже, что-то происходило с этим Зеркалом еще во времена основателей, – прокомментировал Зейн, – судя по тому, как отреагировали Пуффендуй и Когтевран, когда вы его нашли.

– Это да, – согласилась Роуз. – Звучит так, будто они знали о нем, но полагали, что оно было уничтожено. Очевидно, все подстроил Слизерин, чтобы припрятать его для своих целей. Хотя, в конце концов, другие основатели получили его обратно, но без Фокусирующей книги, которую Слизерин, вероятно, спрятал в другом месте. Джеймс, ты затронул историю!

– Вряд ли, – сказал Ральф, нахмурившись. – Очевидно, что они отняли Зеркало Еиналеж у Слизерина еще до того, как Джеймс вернулся во времени. В истории твоего отца это довольно важные фигуры, не так ли, Джеймс?

Джеймс кивнул.

– Да, я слышал, как он об этом говорил много раз. Он увидел своих погибших родителей в этом зеркале. Это действительно много значило для него. Даже слишком, если верить Дамблдору.

– Вот почему маховики времени объявили вне закона, – фыркнула Роуз. – Путешествие во времени – слишком сложный и странный процесс. Если Джеймс отправился назад во времени, то, полагаю, он существовал в прошлом с самого начала. Он был причиной того, что Зеркало отобрали у Слизерина ночью, когда его обнаружили. Вот почему на фото его лицо появилось в тени основателей еще до его путешествия.

Ральф нахмурился, задумавшись.

– Какая-то бессмыслица.

– Нет, это использование двойников в качестве передатчиков кажется бессмысленным, – ответила Роуз, глядя прямо на плавающую фигуру Зейна. – Поскольку это не только неправдоподобно, но и требует колоссальных усилий.

– Но ведь все это мы узнали от Мерлина, – грустно заметил Джеймс. – А мы не можем доверять ему. Он – Посол этого самого Привратника. Не исключено, что нам придется драться с ним, чтобы вернуть все на место.

– Только не мне, – решительно заявил Ральф, – в конце концов, я

получил свою палочку из его рук. Она вполне способна обернуться против меня!

Роуз встряхнула головой.

– Этого не случится, Ральф. Теперь она принадлежит тебе. Она будет повиноваться своему хозяину.

– А может до схватки с Мерлином дело не дойдет, – сказал Зейн с задумчивым выражением лица. – Не похоже, чтобы Мерлин был в восторге от прихода Привратника, хотя и знал, что такое возможно. Он забрал Сигнальный камень у Слизерина, чтобы контролировать его, если тот последует за ним. Может быть, он намерен отправить его обратно. Как я уже говорил, тот факт, что вы трое по-прежнему дышите, означает, что он не может быть сущим дьяволом. Он знает, что вам все известно. Особенно сейчас.

– У него есть только половина камня, – ответила Роуз. – А у Слизерина другая половина. Он собирался передать его, чтобы тот, кто будет жить, когда грянет Проклятие, смог его контролировать. Дело в том, что ни Мерлин, ни этот другой человек не могут управлять Привратником полностью. Кто-то должен объединить оба кольца, чтобы изгнать Привратника обратно в Пустоту.

– Или чтобы окончательно призвать его в наш мир, – вздрогнул Ральф. – Эта штука там до сих пор? Та, которую мы видели в волшебном зеркале разговаривающей с могильным изваянием Волдеморта? Так это уже происходит!

– А может быть, Мерлин пытается найти вторую половину камня, – размышлял Зейн. – Я просто не могу поверить, что он перешел на темную сторону.

– Ему и не нужно было переходить туда, – вдруг сказал Джеймс. – Когтевран сказала, что он смертельно опасен! Роуз была права: Мерлин был просто волшебным наемником. Он перестал убивать и насылать проклятия по заказу только, когда полюбил Владычицу Озера. Но последствия были ужасны, и Мерлин обезумел от жажды мести. Он убил ее, даже не зная об этом! А после возненавидел весь мир, магов и маглов, поэтому взял Сигнальный камень Слизерина и позволил прийти единственному существу, которое может положить конец всему этому! Мы обманываем самих себя, если не верим в это.

Зейн с серьезным видом покачал головой.

– Я надеюсь, что ты ошибаешься, Джеймс, ибо в противном случае нам стоит быть очень и очень осторожными.

– Всему миру стоит быть очень и очень осторожным, – мрачно сказал Джеймс. – Впрочем, сейчас это не важно. Сейчас мы можем сделать только одно.

– И что же? – спросила Роуз.

– Присматривать за Мерлином, – многозначительно ответил Джеймс. – И пытаться найти две половинки камня.

Рождество быстро приближалось, и Джеймс ощущал себя словно в тумане. Он собирался попросить Ральфа взять его с собой с гостиную Слизерина, чтобы там расспросить Альбуса о пропаже мантии–невидимки и карты Мародеров, но в итоге каждый вечер волшебным образом оказывался заполнен домашними заданиями и учебой, подготовкой к еженедельным сборам Клуба Защиты, репетициями и примеркой костюмов.

Вечером был назначен последний матч по квиддичу этого года, а Джеймс все еще не поговорил с Альбусом. Он решил, что сделает это после матча. Когда ранний зимний сумрак опустился на землю, темные, зловещие тучи появились с востока. К тому времени Джеймс и Роуз заняли места на трибуне Гриффиндора, а огромные снежинки уже начали свой хоровод. Снег застилал все перед глазами белым занавесом, превращая поле в игру призрачных теней. Трибуны Слизерина были похожи на высокий серый монолит.

Команды построили в линию еще в раздевалках, отказываясь от традиционных пролетов из–за боязни, что игроки могут врезаться друг в друга в тучах снега до начала матча. Далеко внизу, едва заметные, капитан Гриффиндора, Девиндар Дас, пожал руку Табите Корсике, капитану Слизерина. Вскоре после этого они поднялись в воздух к своим командам. Кабе Ридкулли, официальный ведущий, выпустил бладжеры, снитч и бросил квоффл в ожидании построения команд.

Игроки перешли к действию, и матч начался.

Джеймс никак не мог заставить себя наслаждаться матчем, не только из-за того, что видимость была затруднена сплошной стеной снега, но и из-за своей очередной неудачной попытки попасть в команду по квиддичу в этом году, особенно болезненно было думать, что причиной этому послужили его собственные занятость и забывчивость. Он снова и снова проклинал себя, думая о том, что именно он должен быть сейчас ловцом на поле, он должен столкнуться с Альбусом. Особенно унижительно было смотреть на Альбусовы выкрутасы на метле. По счастью, его принадлежность к Гриффиндору давала ему вполне легальную возможность болеть за команду противников, не прилагая особых усилий. Когда Ной хорошенько врезал бладжером по спине Альбуса, почти сбросив того с метлы, Джеймс вскочил на ноги и насмешливо закричал. Мгновение спустя он ощутил привкус легкой вины. Но затем вспомнил, что, скорее всего, именно Альбус стащил мантию-невидимку и карту Мародеров, выставив при этом похитителем самого Джеймса. Это заставило его издать еще несколько насмешливых восклицаний и посоветовать Ною в следующий раз целиться в голову.

В результате весьма напряженного матча с минимальной разницей в счете победа досталась Гриффиндору. Тара Умар, ловец Гриффиндора, высоко подняв зажатый в руке снитч, совершила круг почета вдоль трибун, которые разразились аплодисментами и громкими криками.

Джеймс побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, чтобы успеть перехватить Альбуса до того, как тот покинет поле. Он вылетел на запорошенную снегом траву, озираясь в поисках брата. Наконец он заметил мальчика, который стоял с метлой на плече, уныло опустив голову, и похоже, был погружен в беседу с Табитой Корсикой и Филией Гойл. Ощувив прилив сил от сочетания праведного гнева и своего рода торжествующей ярости, Джеймс двинулся прямо к ним.

– Нам надо поговорить, Альбус, – крикнул он, перекрывая шум бурлящей толпы, обтекающей его со всех сторон. – Мама послала мне Громовещатель, который стоило бы послать тебе, знаешь ли.

Альбус никак не отреагировал, но Табита и Филия подняли головы. Филия нахмурилась, однако глаза Табиты оставались странно светлыми

и невыразительными. Она молча смотрела, как Джеймс приближается к ним.

Джеймс остановился примерно в метре от них и покраснел. У мальчика возникло отчетливое ощущение, что он прервал нечто важное, что заставило его почувствовать себя неловко. Но он ведь прав, разве нет? Джеймс громко прочистил горло.

– Я тебя слушаю, – проговорил Альбус, даже не повернув головы. Табита по-прежнему смотрела в сторону, устремив взгляд в безмолвную пелену снегопада. Мгновение спустя она забрала у Альбуса метлу и медленно двинулась в сторону сарая Слизерина. Филия последовала за ней, бросив на Джеймса взгляд через плечо.

– Да-а-а, ты умеешь выбрать подходящий момент, Джеймс, – сказал Альбус наконец повернувшись к нему, но по-прежнему не поднимая глаз.

– Ну да, ну да, мне ужасно жаль. Видимо, я должен быть поискать себе свободное время в твоём ежедневном плане. Полагаю, за его заполнение отвечает «Табби»?

– Дело не во мне, ты, кретин тупоголовый, – тут Альбус все-таки посмотрел на него. – Табита переживает сложные времена. Сегодняшний проигрыш оказался последней каплей. Это было для нее очень важно. Но я уверен, что тебе наплевать. Вы, гриффиндорцы, заботитесь только о своих.

Джеймс прищурился и развел руками.

– Да что ты говоришь, Ал? Я не видел и твоей тени с тех пор, как ты пропал в подземельях Слизерина! Так что еще неизвестно, кого из нас заботит хоть что-то за пределами факультета. И мне все равно, что ты думаешь, но у меня есть причины ненавидеть эту двуличную тварь! Тебя не было здесь в прошлом году, когда она публично называла папу лжецом и мошенником!

Альбус покачал головой, не глядя Джеймсу в глаза:

– Это было тогда. Дело в том, что ты, Джеймс, гриффиндорец. Тебе не понять, как она росла и с чем ей пришлось столкнуться. Конечно, я согласен не со всем, что они тут наговорили, но ты должен понять: их так учили. У них свои причины злиться. Особенно у Табиты.

Джеймс едва слушал его. Топнув ногой, он чуть не выругался.

– Неважно! Они используют тебя, Альбус. Как ты этого не

понимаешь? У них нет сердца! Им плевать на тебя. Особенно этой сладкоречивой нахалке. Ты еще пожалеешь об этом! И не говори, что я не предупреждал тебя.

Альбус нахмурился и пристально посмотрел на Джеймса.

– Обещаю, никогда такого не говорить. Но, должен сказать, что Табита никогда не говорила со мной таким тоном, как ты сейчас. И никогда не отзывалась о тебе, как ты о ней. Она мой друг. И, честно говоря, сейчас она нуждается в друзьях... гораздо больше, чем я нуждаюсь в брате.

Джеймс был готов взорваться от злости. Как Альбус может быть таким тупым? Но Альбус смотрел на брата так, словно ждал, когда же тот уйдет.

– Ты взял мантию–невидимку и карту Мародеров, – наконец заговорил Джеймс, прибегнув к последнему факту, который по праву вызывал у него негодование.

Альбус изменился в лице. Казалось, он был действительно озадачен и немного насторожен.

– Ты о чем?

– Не притворяйся невинной овечкой, Ал. Ты же слышал Громовещатель, который вчера прислала мне мама. Роуз говорит, все в Большом зале слышали. Она подозревает в краже меня, потому что я позаимствовал их в прошлом году. Ты должен сказать ей правду.

– Какую правду? – разозлился Альбус. – Они у тебя! Должны быть! Я их не брал!

– Конечно, брал! Не ври мне! Я всегда вижу, когда ты врешь!

– Так может, ты знаешь меня не так хорошо, как тебе кажется! Не вешай это на меня, Джеймс. Я не позволю тебе выставить меня в дурном свете лишь оттого, что тебе не нравится моя принадлежность к Слизерину.

Джеймс опешил:

– Что? Дело не в этом! Я просто не хочу, чтобы мама думала...

– Все дело именно в этом, – заорал Альбус. Его голос прозвучал странно плоско сквозь плотную пелену снега. На поле, кроме них, никого не было. – Ты так стремился попасть в Гриффиндор, чтобы стать похожим на папу с мамой. Ты так старался, что не позволял себе быть собой. А я буду собой, и только собой. Альбус Северус Поттер,

Слизерин. Можешь завидовать, сколько хочешь, но не лезь ко мне! Меня предупреждали, что ты попытаешься все испортить. Но, поверь мне, ты об этом сильно пожалеешь.

Альбус развернулся и гордо пошел прочь, быстро исчезая в густом снегопаде.

– Ал, погоди! – Джеймс кинулся вслед брату, но сделав несколько шагов, остановится. – Послушай, Ал, все пошло не так. Я не знаю, что тебе ответить, но, черт возьми, зачем нам воевать друг с другом? Нельзя допустить, чтобы наши дурацкие факультеты встали между нами.

Джеймс видел, как Альбус остановился. Он был лишь едва различимой серой тенью среди молчаливого снегопада.

– Ты единственный, кто делает из этого проблему, Джеймс.

– Слушай, – резко сказал Джеймс, – забудь об этом. Только честно... ты, правда, не брал карту и мантию?

Альбус молча стоял и смотрел на брата. Кажется, он покачал головой, но Джеймс не был в этом уверен. А потом Альбус произнес:

– Ты едешь домой на каникулы?

Джеймс моргнул:

– А почему нет?

– Мама, конечно, думает, что мы общаемся с тобой гораздо больше, – как бы в оправдание сказал Альбус. – В тот день, когда ты получил Громовещатель, она прислала мне письмо. «Нору» продали. В праздники будут вывозить вещи. Это единственное время, когда все свободны, чтобы помочь. В общем, каникулы выйдут ужасные. Я сказал, что остаюсь. Не хочу видеть, как по частичкам разрушают дедушкин мир.

Джеймсу казалось, что его ударили в живот:

– Они продали «Нору»?

Кажется, в этот раз размытый силуэт Альбуса действительно кивнул.

– Его купила пожилая пара по фамилии Темплтон. По крайней мере, не маглы. Они собираются снести дом и построить летний коттедж. Мама говорит, что сад они оставят.

Последовала продолжительная пауза. Наконец Джеймс ответил:

– Я не знал. Мама ничего мне не сказала.

– Как я уже говорил, она подумала, что я тебе передам. Что я и

сделал. Я не поеду домой ради такого. Типа, счастливого долбаного Рождества?

Джеймс не удержался и мрачно усмехнулся.

– Иди поговори с Табитой. Потом все обсудим.

Не сказав ни слова, Альбус развернулся и окончательно исчез за пеленой снега. Джеймс огляделся. Трибун почти не было видно. Казалось, он стоял на островке покрытой снегом травы, окруженный молчаливо падающими хлопьями снега. В темноте снежинки были больше похожи на пепел. Джеймс отряхнул снег с плеч, вздохнул и поплелся прочь с поля.

Роуз тоже огорчилась, узнав о продаже «Норы», но скрепя сердце приняла необходимость такого решения. Она, как и Джеймс, твердо решила провести каникулы в Хогвартсе. Ей даже удалось убедить себя, что их ожидает веселье. Она незамедлительно написала родителям, спрашивая можно ли ей остаться. Джеймс добавил к ее письму пару слов: он просил тетю Гермиону передать его родителям, что он, как и Альбус, решил не приезжать.

– Конечно, они нам разрешат, – запечатывая письмо, сказала Роуз. – Они понимают: нам тяжело будет смотреть, как это место уничтожают во время праздников, особенно, если учесть, сколько раз мы отмечали там Рождество. Я считаю, что им будет легче, если нас не будет.

Чтобы отвлечься, Джеймс вновь сосредоточился на угрозе возвращения Привратника и причастности Мерлина. Он напомнил Ральфу с Роуз, что им предстоит найти два Сигнальных камня. Он знал, что напасть на их след будет очень трудно, но в итоге первую половину камня они обнаружили с легкостью.

На последнем перед Рождеством занятии по МагЛиту Джеймс, Ральф и Роуз записывали лекцию, как вдруг Мерлин резко постучал в дверь, прервав профессора Ривальвье.

– Директор, – улыбнулась она, – мы только что говорили о вас.

Ваше имя временами встречается в книгах королей, хотя, уверена, некоторые моменты сильно преувеличены.

Мерлин подошел к преподавательскому столу.

– К слову, именно это я и хотел обсудить. Кратко, если позволите.

Директор понизил голос, чтобы его могла слышать только Ривальвье. Ученики, оставшись без присмотра, моментально начали перешептываться и шуршать пергаментом, готовясь идти на обед.

Роуз толкнула Джеймса локтем. Он сердито оглянулся и заметил, что она, широко распахнув глаза, куда-то поглядывает украдкой. Он проследил направление ее взгляда: Мерлин стоял вплотную к профессору Ривальвье, чья улыбка исчезла. Рука директора, большая и могучая, свободно висела вдоль тела. Он пришел без посоха, но это ничего не значило. При необходимости Мерлин мог материализовать его, словно тот хранился в невидимом шкафу, повсюду следовавшим за волшебником.

– Что? – шепотом спросил Джеймс, не понимая намека Роуз. И вдруг он заметил на руке Мерлина черное кольцо. Оно слабо поблескивало, как будто с неохотой отражая свет. Почему это должно его удивить? Он ведь сам видел, как той ночью, тысячу лет назад, Слизерин отдал кольцо Мерлину. И все же зрелище зловеще переливающейся на пальце мага вещицы заставило его осознать всю реальность произошедшего. До настоящего момента, Джеймсу почти удалось убедить себя, что это был сон.

Ривальвье коротко кивнула. Было очевидно, что сказанное Мерлином ей не понравилось. Волшебник развернулся и вышел, не удостоив класс ни единым взглядом.

– Похоже, в списке для чтения на каникулах будут незначительные изменения, – закрыв книгу, произнесла профессор. – Директор рекомендует пропустить последнее столетие Средневековья и сразу перейти к Ренессансу. И на то есть причины. Эпоха Возрождения, как следует из названия, – золотой век магической литературы. Поэтому вы можете пропустить нынешнюю главу учебника и не читать произведения Хранга Хриндвейна. Вместо этого, возможно, вы захотите прочесть «Книгу безымянных сказок» Уоддельява. В этом случае записывайте название каждой истории, ведь к моменту нашей следующей встречи они, без сомнения, изменятся.

Когда класс устремился к двери, Роуз протиснулась между Джеймсом и Ральфом:

– Вы это видели? – прошептала она.

– Ага, – откликнулся Ральф. – Похоже, теперь сомнений о Мерлине и этом Привратнике не осталось, верно? Как полагаете, почему он не хочет, чтобы мы прочли Хриндвейна?

– Это же очевидно, – тихо сказал Джеймс. – Он знает, что там написано о нем. И не хочет, чтобы это повлияло на сложившееся у всех представление о его персоне. Ривальвье сколько угодно может рассказывать, что истории, ставшие легендами, сильно преувеличены. Но если люди и дальше будут читать о том, как он похоронил свою армию, затопил лагерь и прочее, рано или поздно возникнут вопросы. Как говорила Когтевран: он умеет очаровывать тех, кто готов верить ему. Но он должен убедиться, что все по-прежнему хотят видеть его благородным и хорошим.

Втроем они зашли в библиотеку, и Ральф, завернув в узкий проход, повернулся к Джеймсу и Роуз:

– Если камень у Мерлина, значит, все пропало?

– Не совсем, – вмешалась Роуз. – Не забывай, существует два кольца, каждое из которых хранит половинку камня. Кто бы ни обладал вторым кольцом, он также имеет влияние на Привратника. Пока Мерлин не завладеет обеими половинками, он не сможет его полностью контролировать.

– Тогда остается надежда на то, что вторая часть камня находится в хороших руках, – ответил Джеймс. – Пока один из хранителей пытается удержать Привратника, его силы будут ограничены.

Роуз выглядела обеспокоенной:

– На какое-то время – да. Я не успела рассказать, что мне удалось выяснить с момента нашего последнего разговора. Согласно легенде, как только Привратник найдет хозяина – человека, который добровольно совершит убийство в доказательство, что он достоин этой чести – камни больше не будут иметь над ним власти. Сигнальный Камень – точка опоры в нашем мире для Привратника, но лишь до того момента, пока тот не станет единым целым с хозяином-человеком. И когда это произойдет, ему уже не понадобится камень. Вернуть его обратно в Пустоту будет невозможно.

– Когда ты прочла об этом? – Ральф побледнел.

– Прошлой ночью. Я изучала все, что нашла о проклятии Привратника. Сопоставляла с материалами, полученными от Люси. И она права. Большинство из них ужасны и невероятны, но все сходятся в одном: Сигнальный Камень призывает Привратника, если его обладатель провел в Пустоте достаточно времени; Привратник следует за обладателем камня в наш мир, и обладатель становится его Послом; Посол может отправить Привратника назад в Пустоту, но лишь до тех пор, пока Привратник не вселится в тело хозяина. Как только это произойдет, Сигнальный Камень станет бесполезным и проклятие обрушится на землю. И после его уже ничто не остановит.

Джеймс нахмурился, пытаюсь изучить легенду со всех сторон.

– И если камень разделен на две части, даже при самом большом желании ни один из его обладателей не может отправить Привратника назад.

– Но чего хочет Привратник? – спросил Ральф у Роуз. – Почему он хочет все уничтожить?

Роуз тоже побледнела:

– Тут все просто. Он ненавидит нас, потому мы – другие. Он всегда считал себя единственным живым существом. Теперь, обнаружив мир людей, он отказывается делить с нами право на существование. Что еще хуже, он питается отчаянием и болью, подобно самому могущественному и голодному дементору. Но в отличие от дементоров, которые воскрешают *твои* худшие воспоминания, Привратник создает новые. Он способен манипулировать человеческим сознанием, вселяя животный ужас и беспричинную панику. Об этом мы читали в газетной вырезке, которую прислала Люси. Он пытался как можно лучше изучить людей, подобрать оптимальный способ утоления голода. Пока он может оказывать влияние только на несколько человек за раз. Но как только он объединится со своим хозяином и станет частью нашего общества, он сможет воздействовать сразу на миллионы. Он высасывает ужас из человека, пока от того ничего не остается, кроме оболочки, и идет дальше. Он будет двигаться по земле, пока всех не истребит.

– Всех, кроме хозяина, – голос Ральфа был похож на писк.

– Даже хозяина, – прошептала Роуз. – В конце концов, он примется и за него. Он желает быть совершенно один. Поэтому разрушит свое

единственное оружие. Самое страшное – хозяин может знать об этом. Его будут переполнять боль, грусть и ненависть, и ему будет все равно. Возможно, он будет даже желать этого.

Джеймс вдруг кое-что припомнил. Роуз прочла все по лицу:

– Что такое? Ты словно яйцо гиппогрифа проглотил.

– Мой сон, – ответил Джеймс, слегка касаясь лба, – то, что ты сейчас рассказала, во многом напоминает мне нашептываемое голосами во сне. Фигура в черном плаще, стоящая в углу, твердит, что справедливость будет восстановлена, придет день, когда нужно будет вернуть все в состояние равновесия, и что тот человек, о котором и есть этот сон, и будет тем, кто приведет их к победе, если захочет, если он сможет доказать свою готовность. Человек из моего сна, похоже, был готов. Он кажется одновременно и очень грустным, и очень разгневанным. Как будто бы пережил столь ужасающую потерю, что весь мир потерял для него смысл. Хуже того, мир потерял право на существование, поскольку он представляет собой олицетворение случившейся трагедии. Это очень мстительное, ненавидящее и безнадежное чувство, но все же большей частью печальное, столь же грустное, как бесконечная черная стена без углов и конца, окружающая со всех сторон...

– Вероятно, тот человек из твоего сна и есть хозяин Привратника, – сказал Ральф с расширенными глазами. – И он сильно напоминает Мерлина, верно? Я имею в виду, он ведь своими руками убил женщину, которую так любил. Ты сказал, что он оставил свое время, поскольку не мог больше оставаться в мире, где все вокруг кричит о совершенном им, верно? Возможно, возвращение в это время не принесло ему ничего хорошего! Возможно, он будет счастлив позволить Привратнику уничтожить все и вся! Даже себя самого!

Роуз медленно кивнула:

– Очень похоже на то, что он может чувствовать. Хозяин Привратника не обязательно должен быть его Послом, но нигде не сказано, что такое невозможно.

Джеймс задумался, пытаясь припомнить детали сна. Он покачал головой:

– И все же это был не Мерлин. Я никогда не видел лица того человека, но уверен, что это не он. Просто чувствую. Тот человек

моложе. И другой. Точно не Мерлин.

Роуз ахнула и закрыла рот обеими руками, ее глаза широко распахнулись. Ральф подпрыгнул от такого резкого движения:

– Что? – воскликнул он.

– Наследник! – проговорила Роуз неестественно высоким голосом. – Они даже упомянули его в том зеркале, на могиле Тома Реддла. Неужели вы забыли? Привратник стал искать самого подходящего хозяина для себя. И вот, он почувствовал тело Волдеморта. Он почти ничего не знает о людях, поэтому не понял, что Волдеморт давно умер. Потом он заставил статую говорить, каким-то образом воззав к его призраку. Статуя рассказала Привратнику, что существует другой потенциальный хозяин. В его жилах течет кровь Волдеморта. Помните? Это очевидно! Должно быть, хозяин Привратника – наследник Волдеморта!

– Но кто это? – задал вопрос Ральф. – Мы не знаем, поэтому вернулись к тому, с чего начали.

– Пока не знаем, – ответила Роуз с нервной улыбкой на губах. – Но у нас есть способ это выяснить.

Она посмотрела на Джеймса. Тот сжал губы и вздохнул.

– Да, мой призрачный шрам. Но мы даже не знаем, откуда он взялся и можно ли ему доверять.

Роуз пожала плечами.

– Это все, что у нас есть. Нам остается лишь надеяться, что это не какой-нибудь там фокус. Следи за своими снами, Джеймс. Они, наверное, наша единственная зацепка. Может быть, ты сможешь его разглядеть, и мы узнаем, кто является наследником Волдеморта.

– И кому принадлежит таинственный голос, – многозначительно прибавил Ральф.

– Именно, – согласилась Роуз. – Молодец, Ральф. Как думаете, может, это сам Мерлин?

Ральф тяжело вздохнул:

– Не знаю. Надеюсь, нет. Но альтернатива может быть хуже. В смысле, враг, которого мы знаем, лучше неизвестного нам, я прав?

После обеда Джеймс поспешил к амфитеатру, где до конца семестра проходили занятия по магловедению. Добравшись до арки, ведущей наружу, к ступенчатым рядам сидений, он с удивлением

ощутил дуновение теплого ветерка, несмотря на снегопад, подобно занавесу опускавшийся на холмы вдалеке.

Около сцены Джеймс встретил Дэмьена Дамаскуса.

– К счастью, – улыбнулся тот, – Карри не настолько помешалась на маглах и не прочь наколдовать комфортную погоду, чтобы нам лучше работалось. Круто ведь? А теперь мне нужно повесить эту штуку.

Он изучал молот, который держал на расстоянии вытянутой руки:

– Несколько брутальный, не находишь?

Температура у сцены была на удивление приятной. Джеймс снял мантию и бросил на сиденье в первом ряду. Удивленно улыбаясь, он посмотрел вверх. С неба, покрытого тяжелыми серыми тучами, падал снег, который исчезал, попадая в заколдованный воздух. Освещение сцены казалось очень ярким, будто случайный солнечный луч, пробившись сквозь пелену облаков, напрямик направился в чашу амфитеатра. Джеймс вспомнил прошлогодние занятия по техномантии: он знал, что где-то из маленького темного кармана прямо на теплые, солнечные холмы валит снег.

– А, Джеймс, – воскликнула Карри, пробегая по сцене. – Мой маленький Трей! Пришел, наконец. Надеюсь, ты захватил свой сценарий. Присоединяйся к нам. Пока мы только начитываем сценки, но это поможет научиться читать пьесу по ролям.

Репетируя вместе со всеми сцены из первого акта, Джеймс осознал, что наслаждается моментом, позабыв свои тревоги относительно Мерлина и Привратника. Он испытывал странные ощущения, разыгрывая эпизоды из пьесы под топот и крики усердно трудившейся команды Джейсона Смита. Пока Джеймс зачитывал диалог с Донованом в исполнении Ноя Мецкера, Дэмьен при помощи трех человек возводил гигантский деревянный макет замковой стены с валом, башней и балконом. Голоса Джеймса и Ноя тонули в криках и пыхтении.

Каждое их передвижение по сцене Карри отмечала широкой желтой лентой. Периодически она брала Джеймса за плечи, указывая ему правильное место.

– Пройдете сюда, когда будете произносить эту реплику, – наставляла она, наклоняясь к отметке на полу сцены в виде буквы X. – Сюда мы направим свет рамп. Мистер Мецкер, продолжайте и старайтесь не поворачиваться спиной к зрительному залу.

– Но ведь Джеймс стоит там, – указал рукой Ной. – Разве я не должен обращаться к нему?

– Вы актер, мистер Мецкер, – парировала Карри. – И в первую очередь обращаетесь к зрителям.

Ной нахмурился и оглядел пустые ряды.

– Но ведь не они собираются сбежать с Астрой.

Карри вздохнула:

– Просто читайте свои реплики, мистер Мецкер. Позже обсудим, кто с кем бежит.

Они уже были готовы перейти ко второму акту, как вдруг Джеймс почувствовал тупую пульсацию во лбу. Он изо всех сил старался не терять его, но боль усиливалась. Он прищурился и оглядел зрительские ряды. Там, в самом конце, почти скрытый тенью, сидел Мерлин. Джеймс не видел его лица, но четко различал очертания фигуры. Похоже, Мерлин заметил взгляд мальчика. Он поднял руку и медленно коснулся лба, словно подавая знак. Джеймс округлил глаза, и вдруг его лоб обожгло, как будто к нему приложили раскаленную кочергу. Джеймс зажмурился и отвернулся.

Он в кого–то врезался, чуть не сбив с ног.

– Джеймс? Что с тобой? – позвала Карри. – Ты чуть не столкнул со сцены ведущую актрису.

Мальчик поднял глаза, боль во лбу отступила. Петра с беспокойством смотрела на него:

– Джеймс, ты в порядке?

– Все из–за света, – солгал он. – Слишком жарко. Мне уже лучше.

Он попытался улыбнуться и пожать плечами. Карри пошла звать остальных актеров, занятых во втором акте. Петра подошла ближе к Джеймсу и тихо заговорила:

– Прекрасно тебя понимаю, – улыбнулась она. – Магловские электрические рампы как бластеры. Жаль, что у нас ни одной не было в прошлом году: могли бы использовать для Старелки.

Джеймс ухмыльнулся и покраснел:

– Ага, – он не нашелся что еще сказать. – Эээ... уже выучила свои реплики?

– Не совсем, – призналась Петра. – Честно говоря, мне немного неловко от того, что я получила роль. Бедную Джозефину заставили

трудиться в костюмерной. Она даже шить не может, поэтому ей доверили распарывать, если остальные ошибутся. Слышала, заклятие головокружения такое сильное, что она не может подниматься по ступенькам и останется в больничном крыле, пока не найдут способ, как ей добраться до спальни.

В голосе Петры слышалось беспокойство, но Джеймс заметил, что она чуть улыбается. Он понимал, что в сложившейся ситуации было что-то забавное. Джозефина была невыносима в своем желании сыграть Астру, тогда как Джеймс был уверен: Петра справится с этой ролью лучше. Он решил поделиться с ней своими мыслями.

– Джозефину, конечно, жаль, – заговорил он, – но я рад, что утвердили тебя. Я с большим удовольствием сыграю Трея в паре с тобой, чем с ней.

– По местам, – раздался голос Карри. – Мистер Поттер, мисс Моргенштерн, прошу сюда.

Петра кинула взгляд на Карри:

– Пошли, Джеймс, – уходя, позвала она. – Нас ждут.

Мальчик почувствовал, как краснеет. Он смотрел вслед уходящей Петре, а потом побежал за ней.

– Уверены, что не хотите поехать со мной к отцу на каникулы? – спросил Ральф у Джеймса и Роуз, когда все трое слонялись по замку в субботу утром. – На прошлое Рождество я гостил у вас, так что все честно. Папа запечет гуся. Правда, никаких песен в исполнении голов эльфов и игры в «Складки и сверла».

– Все в порядке, Ральф, – ответил Джеймс. – Вообще-то, я предпочитаю Рождество без поющих эльфийских голов. Но думаю, нам лучше остаться здесь.

– Подумаешь: Рождество без магии. Нет ничего зазорного в том, что твой отец – сквиб, – Роуз положила руку Ральфу на плечо, хотя едва до него доставала. – Он важный человек в мире волшебников. Глава

Отдела Охраны и Предотвращения Вторжения Хогвартса, Косого переулка и даже Гринготса. Никто, кроме него, не справится с этой работой, поскольку никто так хорошо не разбирается одновременно и в магии, и в электронных устройствах маглов.

– Да знаю, – скромно улыбнулся Ральф. – И он преуспевает. Сейчас помогает Министерству в разработке новой формы Дезиллюминационного заклинания, которая работает только на магловских системах определения местоположения. Главный недостаток существующего заклинания в том, что у GPS нет разума, который можно обмануть. Он назвал его «заклятием искусственной глупости». Он работал над программами с искусственным интеллектом, поэтому считает, что это следующий логический шаг. Как только заклятие будет наложено, магловские устройства будут фиксировать объезды, дорожные заграждения, пробки, даже ураганы с наводнениями в месте расположения волшебных объектов. Таким образом, они останутся невидимы как для маглов, так и для их технологий.

– Гениально, – сказала Роуз. – Прежние поколения волшебников не предвидели развитие спутников, GPS и игровых консолей с функцией онлайн-общения. Магическому миру необходим такой человек, как твой отец, который придумает защиту от подобных штук. Он – настоящая находка.

– И все же, – Ральф помрачнел. – Папа взял старую фамилию. Долохов. Он говорит, что не позволит эгоизму собственного отца лишиться его магического наследия. Я кое-что знаю об этом наследии, и все не так уж радужно.

– Твой папа прав, – твердо заявила Роуз. – Вы не отвечаете за поступки дальних родственников. По-моему, круто, что твой папа меняет представление о фамилии Долохов.

Ральф пожал плечами:

– Не для всех. Многие по-прежнему ненавидят это имя. Кое-кто – прямо в стенах этой школы. Все знают, что произошло: здесь мой дядя убил отца Тедди Люпина. Долохов – имя убийц и предателей.

– Ужасно, что в прошлом кто-то из членов твоей семьи был плохим, – ответила Роуз, – но это было давно. Люди не должны винить тебя.

Ральф вздохнул:

– Не должны, но винят. И, если честно, я их не осуждаю. Именно поэтому я все еще Дидл. Я ненавижу бабушку с дедушкой, хотя они давно мертвы. Папа помнит их; он хочет верить, что они были не такими ужасными, как кажется. Он как бы застрял между любовью и ненавистью. Какие родители бросят своего ребенка, лишь потому что он другой? Какие родители заставят ребенка пообещать, что тот никогда не будет их разыскивать или даже говорить о них?

Роуз не нашлась что ответить. Троица бесцельно брела по замку мимо высоких окон, то ныряя в тень, то вновь оказываясь в лучах холодного зимнего солнца. Спустя несколько минут Джеймс пересказал Ральфу и Роуз встречу с Альбусом после матча по квиддичу.

– Он говорит, что не брал мантию–невидимку и карту Мародеров? – спросила Роуз. – Ты ему веришь?

Джеймс пожал плечами:

– Не знаю. Казалось, он говорит искренне. Но он был явно не в настроении. Альбус слишком тесно общается с Табитой и ее друзьями из «Клыка и Когтей», а те нашептывают ему, что я завидую и собираюсь каким–нибудь образом все испортить.

– А они правы? – спросил Ральф.

– Что? – не понял Джеймс. – Ах да. Все время забываю, что ты тоже слизеринец. Нет, Ральф, я не завидую Альбусу и не пытаюсь его саботировать. Просто не хочу, чтобы он повелся на вранье Табиты. Ей уже удалось убедить его, что он ей нужен, потому что она переживает сейчас таинственную личную трагедию.

Роуз изогнула брови дугой:

– Правда? И какую же?

– Не знаю. Но после матча она казалась сильно расстроенной, и не только из–за проигрыша.

– В последнее время она отвратительно себя ведет в гостиной, – заметил Ральф. – Не как обычно: вежливая снежная королева. Часто огрызается, рыскает по комнате или сидит одна в углу и корпит над учебниками. Я даже видел, как она прогнала Филию и Тома Сквадуса. Но при этом Альбус остался с ней. Кажется немного странным. В смысле, ей семнадцать и она на целый фут его выше. Сомнительная пара, скажу вам.

– Интересно, – прищурилась Роуз. – Хотела бы я знать, что с ней

такое.

– А как же мантия и карта? – напомнил Ральф. – Если они не у Альбуса и не у тебя, то у кого тогда?

Джеймс поник.

– Не знаю. И, если честно, мне все равно. Может, папа их куда-нибудь переложил. Или Кикимер утащил их в свою нору. На площади Гриммо он постоянно в ней прятал вещи миссис Блэк.

– Скажи маме, чтобы она там проверила, – посоветовала Роуз.

– Это не моя проблема, – отрезал Джеймс.

– Твоя, если она по-прежнему думает, что их украл ты, – мягко ответила Роуз. – Впрочем, дело твое. Может, ты предпочитаешь, чтобы все считали тебя воришкой.

Троица остановилась у окна и оглядывала внутренний двор. У подножия парадной лестницы Хагрид загружал в карету сумки и чемоданы студентов, готовых отправиться домой на Хогвартс-экспрессе. Джеймс вздохнул.

– Пойду собираться, – сказал Ральф. – Папа подберет меня на станции вечером. Переночуем в Хогсмиде – он хочет встретиться с владельцами магазинов – и завтра отправимся в Лондон.

– Звучит круто, Ральфинатор, – ответил Джеймс, пытаясь немного встряхнуться. – Веселых тебе каникул. Держись подальше от Визжащей хижины.

– Можешь на меня положиться, – кивнул Ральф. – Буду избегать всего, что содержит в названии слово «визжащий».

Глава 13. Рождество в Хогвартсе

На следующее утро школа практически полностью опустела. Большая часть кабинетов была заперта, отчего коридоры казались пугающе тихими и темными. В воскресенье утром по пути на завтрак в противоположном конце длинного коридора Джеймс заметил Седрика Диггори. Похоже, он беседовал с Серой Дамой. Оба медленно плыли прочь от мальчика. Джеймс решил их не беспокоить. Возможно ли, что Седрику приглянулась Серая Дама? Она была весьма милостива для призрака и по меркам людей выглядела не намного старше него. С другой стороны, ей было на несколько веков больше, чем Седрику, но, возможно, в мире призраков это не имело значения. В любом случае, предмет для размышлений был слишком странный, поэтому, встряхнув головой, Джеймс продолжил свой путь.

В Большом зале Роуз сидела с Альбусом за столом Слизерина. Подойдя ближе, Джеймс услышал, как они обсуждают продажу Норы. Разговор на эту тему его угнетал, и он решил не принимать в нем участие. Позднее Джеймс предложил втроем слепить во дворе снеговика. Идея была принята с энтузиазмом, и они весело провели полуденные часы, барахтаясь в свежем снеге. Они преуспели в лепке весьма нелепого огромного снеговика. Гигантские снежные комья были слишком тяжелы, поэтому троица использовала палочки для левитации их на нужные места. Джеймс и Роуз попытались левитировать и Альбуса к голове снеговика, чтобы тот прикрепил нос–морковку, но не могли удержать его ровно. Альбус переворачивался в воздухе, пока не оказался вверх ногами. Его шапка слетела и шлепнулась в снег с высоты три с половиной метра.

– Не уроните меня! – закричал он, размахивая руками, словно нелепая птица. На земле с палочками в руках Роуз и Джеймс хохотали так сильно, что из глаз текли слезы прямо на их покрасневшие щеки.

– Морковка, Ал! – задыхаясь, крикнула Роуз. – Воткни ее! В чем дело? Летать разучился, что ли?

– Дайте метлу, и я полечу, – Альбус сгруппировался и оттолкнулся ногами, чтобы перевернуться. – В следующий раз морковка на тебе, Розы.

Только когда солнце опустилось к горизонту, троица, едва переступая ногами, вернулась в замок. Они побросали свои заснеженные плащи, шапки и перчатки на трубу отопления и направились в Большой зал за какао и полдничным перекусом. Джеймс был рад такому перерыву и времени, проведенному как семья. Он намеренно избегал разговоров о Мерлине, пропаже Мантии–невидимки и карты Мародеров.

– Надо повторить в следующем году, – сказала Роуз, улыбаясь поверх кружки с какао; ее щеки разрумянились. – Так здорово, когда это место полностью в твоём распоряжении. На следующий год можно предложить Хьюго, Люси и кому–нибудь еще остаться с нами.

– А как насчет Луи? – спросил Альбус, ухмыляясь.

– Пожалуй, он тоже может остаться, пока будет держать рот на замке, – благодушно сказала Роуз.

– Он, наверно, не захочет остаться, – прокомментировал Джеймс. – В этом году он уехал с Виктуар. Естественно, она хочет увидеть Теда. А Луи, так, за компанию.

– Они все каникулы проведут в Норе, пакуя вещи? – спросила Роуз. Альбус угрюмо отмахнулся:

– Все уже собрано. Бабушка Уизли все сделала. И как же тяжело собирать вещи такой ведьме, как она? Непосильная ноша – все распределить. У бабушки и дедушки была гора вещей. А ведь еще надо позаботиться об упыре.

– А кто его получит? – с кислой миной спросила Роуз. – Чердак в доме моих родителей не подойдет.

– Отнюдь, – возразил Джеймс, помешивая какао. – Честно говоря, я уверен, что твои родители перевезут его в твою комнату, пока ты будешь в школе. Кроме того, он все еще похож на дядю Рона в нашем возрасте. Возможно, они предпочтут его тебе.

Роуз закатила глаза:

– Нужно нечто большее, чтобы вывести меня из себя, Джеймс Поттер.

– Уверен, он уже в твоей комнате, – задумчиво произнес Альбус, – пользуется твоей косметикой и примеряет твои трусы.

Роуз едва не опрокинула свое какао, ринувшись на Альбуса. Братья гоготали так сильно, что удостоились раздраженного взгляда от

домового эльфа, занимавшегося мытьем окон неподалеку.

В преддверии Рождества время тянулось на удивление медленно. Джеймс, Роуз и Альбус играли в «Складки и сверла», бродили по заснеженным окрестностям замка и навещали Хагрида. Они ели в компании преподавателей и нескольких оставшихся учеников, среди которых были Фира Хатчинс, Хьюго Полсон и, к удивлению Джеймса, Джозефина Бартлетт, чье головокружение немного ослабло. Она уже могла сидеть за столом Когтеврана, но, уронив кусочек хлеба или вилку, не могла наклониться, чтобы поднять их. Джеймсу стало жаль ее, но потом он заметил, как она приказала домашнему эльфу принести ей новый прибор, и понял, что сложившаяся ситуация ничуть не повлияла на ее заносчивость и несносный характер.

Рождественское утро началось с сюрприза: Джеймса разбудит запах копченой рыбы и низкий квакающий голос.

– Счастливого Рождества, хозяин Джеймс, – сказал голос. – Спит как убитый, будто его завтрак словно по волшебству будет горячим до тех пор, пока он наконец не соизволит его съесть, а он будет, но только благодаря Кикимеру, который день и ночь творит Разогревающие чары...

– Кикимер, – Джеймс сонно потер глаза и сел. Поднос с завтраком стоял у него в ногах. Из маленькой гипсовой вазы торчали черная роза и карамельная трость. – Что ты тут делаешь?

– Послан вашей дражайшей матушкой, хозяин, – низко кланяясь, ответил Кикимер. Он стоял в изножье кровати и был одет, несмотря на холод в комнате, в чайное полотенце. – Уже подал рождественский завтрак хозяину Альбусу и хозяйке Роуз. Подарки ждут внизу.

– Джеймс! – позвал с лестницы Альбус. – Иди сюда! Кикимер не разрешает нам ничего распаковывать, пока все не соберутся. Конечно, по маминому указу. Жуй скорей!

Джеймс проглотил несколько кусков рыбы, выпил тыквенный сок,

поблагодарил Кикимера и выскочил из кровати. Роуз и Альбус в зеленых шляпах с колокольчиками сидели внизу, у камина, и пили чай. Роуз улыбнулась и покачала головой, отчего колокольчик зазвенел.

– Классные, правда? Их моя мама прислала. Она знала, что нам не во что наряжаться. Надевай свою.

Она бросила шляпу Джеймсу. Улыбнувшись, он нахлобучил ее на голову. Кикимер медленно спустился по лестнице. Он тоже примерил одну, хотя шел так, словно она весила тонну. Шляпа закрывала ему глаза. Он приподнял ее пальцем и одним глазом уставился на ребят.

– Собраны и пересчитаны, – сказал он сам себе. – Счастливого Рождества, хозяева и хозяйка.

Он щелкнул пальцами. Освещение комнаты изменилось, и Джеймс почувствовал, как с подарков пропало своего рода защитное поле. Альбус охнул и, соскочив с дивана, схватил самый большой сверток со своим именем. Джеймс радостно улыбнулся и присоединился к брату.

Кикимер дождался, пока подарки будут распакованы, после чего тщательно собрал всю обертку и ленты. Скатав мусор, он сжал его в невероятно плотный цветной шар, зачем-то запихнул в свою праздничную шляпу и водрузил ее обратно на голову. Роуз едва сдерживала смех из-за нелепости происходящего.

– Кикимеру приказано передать, что родители свяжутся с вами вечером через Сеть летучего пороха, – проквакал эльф. – Кикимер прощается с вами. Хорошего дня.

– И тебе, – Роуз набила полный рот пряничной ведьмой.

– Безусловно, – ответил Кикимер. Он поднял руку и, щелкнув пальцами, исчез в клубах зеленоватого дыма.

– Всегда любил этого эльфа, – заявил Альбус. – Такой деловитый. И прямолинейный.

– Мне немного жаль его, – заговорила Роуз. – Что ему подарят на Рождество?

– Ты вся в мать, Роуз, – ответил Джеймс. – Пару лет назад мама с папой пытались сделать подарок Кикимеру. Всего лишь маленькая корзинка с подушкой для сна. Они прикупили ее в магловском зоомагазине, потому что мелкий засранец отказывался спать в нормальной кровати. Кикимер не хотел принимать подарок, но они настояли, и он согласился, хотя так и не использовал по назначению.

Носит в ней вещи в стирку.

– Seriously, Роуз, – согласился Альбус. – Кикимер не создан для счастья. Мы пытались. Правда. Особенно папа. У них с Кикимером давняя история.

– Знаю, – призналась Роуз. – Просто он показался таким несчастным.

– Ха! – воскликнул Джеймс. – По меркам Кикимера, он в полном восторге. Я слышал, каким он был, когда папа только унаследовал его. Кикимер прислал ему на Рождество клубок червей.

– Не может быть! – ахнула Роуз.

Альбус достал из открытой коробки серебристо-зеленый шарф ручной работы и обмотал его вокруг шеи.

– Поверь нам, Роуз. Кикимер счастлив. Иначе подал бы на завтрак пиявок вместо рыбы.

После обеда Альбус позвал Джеймса и Роуз с собой в подвалы Слизерина и там показал им комнату для тренировки заклинаний. Она была в точности такой, как он описывал: длинное, низкое помещение с механическими манекенами, выставленными вдоль дальней стены. Альбус продемонстрировал, как они работают, запустив в манекен Жалящим заклинанием. Тот вскинул деревянные руки и затрясся от боли, словно его ужалил рой пчел. Альбус, смеясь, повторил заклинание. Джеймс тоже издал смешок, хотя и несколько нервно. Роуз даже не улыбнулась: скрестив руки, она с неприязнью следила за Альбусом.

Рождественский ужин был как всегда великолепен, даже несмотря на, что в школе оставалась лишь пятая часть учеников. За преподавательским столом, на возвышении, сидели профессор Кноссус Шерт и Люция Херетофор, новый преподаватель зельеварения и декан Слизерина. Хагрид, расположившийся между ними, громко говорил и выглядел, как и положено: полувеликан меж двух маленьких людей. Он явно внушал отвращение Херетофор, хотя та и пыталась скрыть это за натянутой улыбкой. К своему удивлению, за столом Гриффиндора Джеймс заметил Петру Моргенштерн, которая слабо улыбалась, глядя, как Хагрид пытается уговорить коллег-преподавателей исполнить рождественские гимны.

– Не знал, что ты осталась на Рождество, – сказал Джеймс,

усаживаясь за стол напротив Петры.

– Да, – согласилась Роуз. – Где ты была?

– Отправилась в Хогсмид на пару дней, – ответила Петра. – Пробежалась по магазинам. Не вижу смысла торчать здесь все праздники.

– Почему не уехала домой? – любопытствовала Роуз.

Петра лишь пожала плечами, все еще улыбаясь своим мыслям.

– А смысл? Свой подарок я уже получила.

Джеймс приподнял брови:

– Ты про ту посылку, которую месяц назад принесла министерская сова? Мы все гадали: что в ней? Она от твоего отца?

Петра кивнула и отхлебнула сливочного пива.

– Мадам Розмерта прислала его из «Трех метел» специально для праздника. Вы знали? Я разговаривала с ней вчера вечером.

– Так что ты получила на Рождество? – спросил Альбус. – У меня, например, новый шарф, коробка сладостей и напоминалка. Лучше бы мама подарила ее Джеймсу, чтобы он не забывал про отборочные испытания в команду по квиддичу.

Он ехидно посмотрел на брата. Петра слегка улыбнулась Альбусу:

– Да так, всякая мелочевка. Собственно, она представляет ценность только для меня.

– И поэтому ты и поспешила удрать с посылкой, чтобы открыть ее без свидетелей, – прокомментировал Альбус. Роуз под столом дотянулась ногой и лягнула его.

Петра пожала плечами:

– Приятно иногда побыть наедине с собой. Я, к примеру, провожу время, разучивая роль. Может, немного прорепетируем, Джеймс? Профессор Карри будет несказанно рада, если, вернувшись с каникул, мы будем наизусть знать свои реплики.

– Конечно, – с излишним энтузиазмом воскликнул Джеймс. Затем, уже спокойней, прибавил: – В смысле, почему бы и нет. Если ты хочешь. Я не сильно занят.

– Ты вообще не занят, – хохотнул Альбус. – Как? У тебя запланирована встреча с министром магии, о которой ты забыл упомянуть? Ау! Роуз, ну хватит уже меня пинать!

Петра сначала улыбнулась Альбусу, затем Джеймсу.

– Тогда увидимся в общей гостиной. Захвати сценарий, мы полностью прогоним его.

Не доверяя своему голосу, Джеймс молча кивнул. Петра поднялась и медленно, с задумчивым видом двинулась прочь.

– А Джеймс влюбился в ведущую актрису, – насмешливо протянул Альбус, посылая воздушные поцелуи.

– Я не влюблен в нее, мелкий придурок, – нахмурился Джеймс, сделав вид, будто это самая большая глупость, когда-либо им услышанная.

– Ох, Джеймс, кого ты обманываешь, – покачала головой Роуз. – Это же очевидно. И к тому же очень мило.

– Да заткнитесь! – Джеймс покраснел от гнева. – Если мы играем влюбленных в пьесе, вовсе не значит, что так будет и в жизни! Я просто хороший актер!

Роуз еле-еле скрывала усмешку:

– Тогда ты прекрасно вжился в роль. Я представить не могла, что ты так предан искусству. Хорошо, что по сценарию ты не должен никого убить.

Джеймс делано закатил глаза:

– Вы оба ведете себя, как дети! Думайте, что хотите.

Какое-то мгновение Альбус пристально смотрел на брата, а потом послал ему еще несколько воздушных поцелуев.

– О, Петра, я всего лишь мальчишка, но с тобой я чувствую себя мужчиной!

Джеймс схватил салфетку и швырнул ею в Альбуса, который покатывался со смеху.

Когда Джеймс вернулся в общую гостиную, оставив Альбуса и Роуз распевать рождественские гимны вместе с Хагридом, он был рад и немного растерян, обнаружив там Петру, сидящую в кресле у камина со сценарием в руках. Мальчик кинулся в спальню, схватил копию своего

текста и поспешил обратно. Он мысленно уговаривал себя не быть дураком, ведь Роуз и Альбус, конечно же, ошибаются, говоря о его влюбленности в Петру. Прежде всего, окажись это правдой, она все равно не ответила бы на его чувства. Она почти на пять лет старше него, невероятно умна и просто сногшибательна. Такие, как она, не мечтают о неуклюжих мальчишках, которые не способны даже наложить антипрыщевое заклятие. Лицо Джеймса пылало, когда он наконец присоединился к Петре, плюхнувшись на соседнюю софу.

– Тебе, о Трей любимый, – прочитала вслух Петра, перевернув страницу, – умение дано заставить сердце трепетать мое в волненьи. Начнем с самого начала?

Вместо ответа Джеймс издал какой-то писк и вынужден был прочистить горло.

– Да. Конечно. Я прочитаю строки любого, к кому ты обращаешься, ты сделаешь то же для меня.

– Мне неплохо удаются реплики Донована, – согласилась Петра. – Я даже подумывала попробоваться на роль.

– Как я понимаю, с Ноем в роли Астры? – ухмыльнулся Джеймс. Петра кивнула.

– еще сто лет назад мужчины играли все роли в спектаклях, включая женские. Кое-где женщин вообще не допускали к участию. Интересный оборот, я бы сказала. Кроме того, мне кажется, было бы интересно сыграть могущественного злодея. Женщины обычно просто пешки в подобных историях.

Джеймс подумал про себя, что Петра – самая симпатичная пешка из всех, что он видел, но вслух говорить не стал. Он снова откашлялся и стал зачитывать реплики. Два часа спустя, когда они закончили репетицию, Джеймс заметил, что Роуз с Альбусом уже пришли. Они сидели за дальним столом в компании Хьюго Полсона, который учил Альбуса приемам игры в «Складки и сверла». Джеймс перехватил взгляд Роуз, которая украдкой поглядывала на него, слегка улыбаясь.

– Эй, Джеймс, – Альбус засунул палочку в карман. – Не забыл, что мама с папой собираются поговорить с нами через камин? Или стоит им передать, что у тебя появилось неотложное дело?

Джеймс свирепо посмотрел на брата, который широко улыбнулся в ответ.

– Все в порядке, Джеймс, – Петра закрыла сценарий. – На сегодня достаточно. Пойду наверх и напишу поздравительные письма. Спасибо за помощь.

– Было здорово, – кивнул Джеймс. – Увидимся.

Пока он следил, как Петра направляется к лестнице, ведущей в спальню девочек, Роуз уселась рядом с ним.

– Тебе нужно быть осторожней, – тихо сказала она.

Джеймс почти не слушал.

– Ты о чем?

– О том, что Петра не сможет полюбить тебя так, как ты ее.

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь, – окрысился Джеймс наконец повернувшись и закрыв свой сценарий. – Мы просто репетировали.

– Дело не только в разнице в возрасте, ты же понимаешь. Этот факт не имеет значения в долгосрочной перспективе. Важно лишь то, что ее сердце не свободно.

Джеймс нахмурил брови и посмотрел на Роуз.

– О чем ты?

– Это же очевидно, Джеймс, – сказала Роуз, еще больше понижая голос. – Петра ходила в Хогсмид вовсе не за покупками. Она хотела увидеться с Тедом до того, как тот отправится в Нору.

– С чего бы ей делать это? – недоуменно моргнул Джеймс.

Роуз закатила глаза и потрясла головой.

– Она по-прежнему влюблена в него, ты, дурачина. ее сердце разбито, потому ей предпочли Виктуар.

– А Ной утверждает, что она на самом деле не любила его, – по-прежнему хмурясь, сказал Джеймс. – Он говорил: даже ей понятно, что Тед для нее не самая лучшая партия.

– Она может говорить так, но сердце не подвластно разуму. Она любит Теда. Это очевидно. Я просто не хочу, чтобы ты сделал или сказал что-нибудь, что разрушит вашу дружбу с ней. Я не хочу, чтобы ты страдал.

Джеймс откинулся на спинку софы.

– Ты за кого меня принимаешь, Роуз? За последнего идиота? Даже если все сказанное тобой – правда, я никогда не упомяну об этом при Петре.

– Извини, Джеймс. Любовь неразделенная подобна яду для души, верно?

– Ха–ха, – раздраженно ответил Джеймс, – это реплика Трея из второго акта. Очень смешно.

– Эй, гляньте–ка на очаг! – закричал Альбус, выпрыгивая из–за стола. – Привет, па! Счастливого Рождества!

– И тебе счастливого Рождества, сынок, – лицо Гарри Поттера в углях озарилось радостной улыбкой.

– Привет, дядя Гарри, – пропела Роуз, встав с софы и опустившись на колени возле очага. – Что там происходит в Норе?

Гарри, казалось, пожал плечами.

– Ничего неожиданного, я полагаю. Все мы предпочли бы провести этот праздник иначе, ну да ладно. Лили осталась у Андромеды Тонкс, они обе шлют вам приветы. Кикимер передал, что вы все казались довольно радостными. Понравились подарки?

– Ша–а–арфик, – с любовью протянул Альбус. – Напоминалка и сладости мне тоже понравились.

– Сынок, только не говори мне, что ты уже все съел.

– Съел. Только не говори маме! У меня растущий организм, пап. Его надо поддерживать, чтоб я мог играть в квиддич!

Альбус и Гарри несколько минут обсуждали игры сезона. Гарри поздравил Альбуса с тем, что он стал ловцом Слизерина, хотя и признался: он рад, что гриффиндорцы до сих пор с успехом теснят слизеринцев на турнире.

– Тут целая толпа желающих сказать вам «привет», – произнес Гарри. – Хватит толкаться, Гермиона!

Лицо Гарри словно бы растворилось в углях, и на его месте вырисовались характерные черты Гермионы и часть ее пышных волос.

– С Рождеством, Розы! – провозгласила она. – И вас тоже, Джеймс и Альбус. У вас все в порядке?

– Нормально, – отозвался Джеймс. – Сумасшедший год выдался, всего и не пересказать.

Роуз улыбнулась матери.

– Джеймс прав. У нас просто масса всего, о чем хотелось бы тебе рассказать. Уже на первой неделе Мерлин взял нас с собой на стокилометровую прогулку по лесу, чтобы забрать магическую

коробочку со своими вещами, а потом...

– погоди, Роза, – сказала Гермiona. – Рон, я попросила всего лишь минуту. И ты действительно хочешь съесть эту печенючку? Сколько ты уже съел?

Лицо Гермiony исчезло. Секунду спустя там возникла улыбка Рона.

– Приветик, Роза! Эти двое хорошо о тебе заботились? Потому что если нет...

– Привет, дядя Рон! – радостным голосом воскликнул Альбус. Рон всегда ему нравился. – А я в Слизерине!

– Привет, па, – Роуз заулыбалась. – Как там Хьюго?

– Здесь все в порядке, учитывая сложившиеся обстоятельства, – сказал Рон, его улыбка угасла. – Тед и Чарли поссорились из-за чего-то, сказанного Виктуар, хотя никто не знает, из-за чего именно. Джордж выпил слишком много огневиски, споткнулся об упыря и сломал мизинец на левой ноге. А твоя бабушка либо кричала на всех, либо рыдала. У нас славное Рождество. Ребята, может, у вас найдется лишняя кровать? Думаю, я даже не прочь завалиться с тобой в слизеринскую спальню, Ал.

– Давай! – согласился Альбус мгновенно. – Используй летучий порошок! Ты сможешь спать в кровати Ральфа!

Голос тети Флер, стоящей позади Рона, отрезал:

– Ты никуда не пойдешь, Рон Уизли.

– Это была шутка, Флер! Черт возьми.

Лицо Рона исчезло в углях. Последовал непонятный шум, а потом появилась Джинни.

– Привет, мальчики! Привет, Роуз! Счастливого Рождества! – произнесла она, улыбаясь.

– Мам, что у вас происходит? – спросил Альбус. – Такое чувство, что там дерется толпа гоблинов.

Джинни вздохнула.

– Радуйтесь, что вас здесь нет. Не самое лучшее местечко для празднования Рождества. По сути, уже почти все упаковано и вывезено. Остались только кровати, чтобы нам было на чем спать этой ночью, но завтра утром уже и их не будет. Как вы там?

Джеймс, Роуз и Альбус заверили Джинни, что у них все хорошо.

– Каково это? Я до сих пор не смирилась мыслью, что Нора опустела. А что бабушка будет делать? – спросила Роуз.

– На самом деле, все не так уж и плохо, – ответила Джинни, хотя и не очень убедительно. – То есть, я хотела сказать, все это очень грустно. Многие из нас здесь выросли. Но все же так будет лучше. И это каждому ясно. Бабушка Уизли некоторое время побудет у нас. В доме полно места, особенно сейчас, когда вы двое отсутствуете, – она перевела взгляд на Джеймса с Альбусом. – Кроме того... ваш папа сам упаковал все вещи из гаража дедушки Уизли. Я не могла заставить себя даже сходить посмотреть на это. Очень сильный поступок с его стороны. Я... Я очень горжусь им.

Тут Джинни резко умолкла. Она шмыгнула носом и на несколько мгновений опустила глаза. Затем снова подняла, выражение ее лица изменилось.

– Ну как там в Слизерине, Альбус? Они хорошо заботятся о тебе? Хорошо кормят?

Альбус хохотнул.

– Мам, мы же все вместе едим в Большом зале. И ты прекрасно это знаешь. У Слизерина нет тайной столовой или чего подобного.

– Ну, тебе ведь известно, что я никогда не бывала в подземельях Слизерина. Я даже не знала, что у них есть своя комната для отработки заклинаний. Но все же: они хорошо относятся к тебе?

– Будь уверена, мам, – подтвердил, улыбнувшись, Альбус. – Мне тут нравится.

– А ты как, Джеймс? – спросила Джинни, обращаясь к старшему сыну.

– Я в порядке, – вежливо ответил Джеймс, недовольно глядя на свою маму. – Я получил твой Громовещатель. Кажется.

– Прости, Джеймс, – сказала Джинни. – Я была безумно зла, когда его посылала. Дело не только в пропаже Мантии и Карты. Теперь я это понимаю. Время сейчас очень напряженное. И неподходящее для подобной выходки.

– Я не брал их, мама! – выкрикнул Джеймс, отчаянно желая, чтоб мама ему поверила. – Я подумал на Альбуса, но он говорит, что тоже не брал их!

Джинни довольно долго изучала лицо Джеймса, а затем резонно

спросила:

– Ну, если никто из вас не брал их, то куда же они подевались?

– Откуда я знаю? – немного смягчившись, ответил Джеймс. – Может, Кикимер спрятал их в своем чулане. Вы ведь знаете, он проделывает такое с вещами старухи Блэк, когда считает, что они нуждаются в защите. Там проверяли?

Джинни устало выдохнула.

– Нет. Честно говоря, эта мысль не приходила мне на ум. Надеюсь, ты прав, Джеймс. Ты абсолютно уверен, что говоришь мне правду, сын?

– Да, мам! Клянусь! В этот раз это не моих рук дело.

– А ты, Альбус? Ты ничего не знаешь об этом?

Альбус пожал плечами.

– Я впервые услышал об этом во время завтрака, когда появился Громовещатель. Затем Джеймс накинулся на меня после матча с обвинениями в воровстве. Вот все, что я знаю, ма.

Джинни потрясла головой.

– Что ж, тогда я уверена, скоро мы найдем их. Спрошу у Кикимера. Может, он заодно прихватил и твою куклу, Джеймс. Тогда все эти вещи отыщутся в его маленькой коллекции.

– Мою куклу? – переспросил Джеймс.

– Да, – ответила Джинни, отвлекаясь на что-то, происходящее в Норе. – Ты же сам подарил мне мини-версию Джеймса в конце первого курса. Он пропал вместе с Мантией и Картой, но я тогда решила, что просто потеряла ее, и не слишком заволновалась. Я имею в виду, с чего бы тебе красть свою куклу? Чтобы взять ее с собой в школу?

Роуз обернулась и взглянула на Джеймса с тревогой

– А, и еще, Джеймс, – сменила тему Джинни, – ты говорил с Зейном?

Джеймс моргнул, его мысли метались от страха.

– Что? С Зейном? Нет, в последнее время нет.

– Сегодня утром он показался в Норе. Да, именно показался. Так сказать, в относительно материальном виде. Нам пришлось стрелять в него Жалящими заклинаниями, чтобы поддерживать в видимом состоянии. У этих американцев чертовски странные методы связи, не находишь? Так вот, он думал, что ты и Роуз здесь. Он сказал, ему срочно нужно с вами поговорить. В общем, Зейн попросил меня

передать, что он попытается связаться с вами.

Джеймс кивнул.

– Понятно, мам.

– Ну что ж, мне и в самом деле пора уходить, – произнесла Джинни. – Бабуля желает вам счастливого Рождества, и она бы с радостью поболтала, но мы уже упаковали напольный ковер, а стоять на коленях у домашнего очага слишком тяжело для ее суставов. Берегите друг друга. Роуз, проследи, чтобы эта парочка периодически съедала какие-нибудь овощи. А вы двое, не отставайте от учебной программы!

– Да, мама, – в один голос произнесли Альбус и Джеймс.

Джинни туманно улыбнулась.

– Я люблю вас, всех троих. Спокойной ночи и счастливого Рождества!

Рон с Гермионой тоже попрощались, еще раз появившись в камине. Наконец в очаге снова возник Гарри и устало улыбнулся.

– Берегите себя, все трое. Надеюсь, вы не ввяжетесь ни в какие неприятности?

– Уж тебя нам не переплюнуть, – ухмыльнулся Альбус.

– Пап, – произнес Джеймс, – в этот раз я не брал Мантию и Карту.

– Знаю, Джеймс. Твоя мать мне об этом уже рассказала. И я тебе верю.

– Но кто же это тогда был?

– Оставь это мне, – улыбнулся Гарри. – Я ведь глава Управления мракоборцев, не забыл еще? Хорош мракоборец, позволивший выскользнуть из своих рук Мантии-невидимке. Если они не у тебя, то, должно быть, затерялись дома под кроватью или на самом дне корзины для грязного белья. Они еще найдутся.

– Но пап, – понизив голос, произнес Джеймс, – что насчет той куклы вуду, которую в прошлом году я получил от профессора Джексона? Это ведь я! И мама сказала, что она тоже исчезла!

Гарри, судя по всему, понял беспокойство Джеймса.

– Они работают не так, как показывают в фильмах маглов, сынок. С тобой все будет в порядке. Тем не менее, эта вещица так нравилась твоей маме, что она каждый вечер обнимала ее перед сном.

– Знаю, – слегка улыбнувшись, ответил Джеймс. – Я чувствовал ее объятия. Немного.

Улыбка Гарри стала шире.

– Джеймс, не переживай. Она найдется. Вещи всегда находятся вне зависимости от того, насколько они кажутся потерявшимися. Это правило жизни.

– Спасибо, папа, – кивнул Джеймс.

– Всем спокойной ночи, – произнес Гарри. – И счастливого Рождества. А теперь, идите отдыхать.

– И вы тоже, – ответила Роуз. – Передай всем, что мы их любим. И крепко обними за нас Лили, когда увидишь ее в следующий раз.

Гарри кивнул.

– Обязательно, Роуз, – взглянув на Джеймса и Альбуса, он гордо улыбнулся, а затем исчез. И в камине остались лишь тлеющие угли.

– Похоже, мы сделали правильный выбор, оставшись здесь, – поднимаясь на ноги, прокомментировал Альбус. – Мне вот интересно, а что случилось со всеми вещами дедушки. Что там насчет его летающего фордика?

Джеймс вздохнул.

– А какое это имеет значение? Лишь для деда они имели хоть какой-то смысл. А без него они просто... хлам.

Альбус гневно взглянул на Джеймса, но, судя по всему, не нашелся, что возразить.

Роуз поднялась и отряхнула колени.

– Уверена, твой отец не выбросит все его вещи, – успокаивающе произнесла она. – Дедушка собирал их многие годы, и все они – часть наших воспоминаний о нем. Дядя Гарри пристроит их куда-нибудь.

– Ну да, они уже пристроили Нору, – тихо сказал Альбус. – Сейчас там пусто, а очень скоро ее совсем снесут.

На эти слова никто не ответил. Спустя мгновение, Альбус продолжил:

– Пойду к себе. До завтра.

– Спокойной ночи, Альбус, – ответила Роуз, кивнув. Как только Альбус вышел из гостиной, она повернулась к Джеймсу и прищурилась.

– Твоя кукла вуду тоже пропала! Все это очень серьезно!

– Ты слышала, что сказал папа. Ничего страшного, эти куклы работают совсем не так, как показывают в магловских фильмах. Значит, никто не сломает мне руки и не заставит делать что-нибудь против

моей воли.

– Вуду – очень сильная и таинственная магия, – сказала Роуз, качая головой. – А мадам Делакура – одна из лучших колдуний в этой области. Никто не знает, на что способна эта кукла. Ни ты, ни твой отец. С такими вещами не шутят.

– Ну и что же ты мне прикажешь делать, Роуз? Я не смогу найти эту чертову куклу с помощью магии! Может, она просто упала за кровать в комнате родителей.

– На твоём месте я бы не рисковала, – серьёзно проговорила Роуз. – До тех пор, пока ты не разберёшься, на что действительно способна эта вещица.

– Ты говоришь так, будто она живая, – произнес Джеймс, улыбаясь немного нервно. Роуз уперла руки в боки и склонила голову, как бы говоря: «Ты ведь не знаешь, так ли это?».

– Я могу разузнать, – раздался голос за спиной Роуз, заставив ту подпрыгнуть.

– Зейн Уолкер! – рявкнула она, разворачиваясь и прижимая руку к сердцу. – Когда же ты прекратишь так делать?! Ты напугал меня до полусмерти!

– Извини, – сказал Зейн. – Трудновато постучать руками двойника. Они, знаешь ли, просто проходят сквозь предметы.

– Привет, Зейн. С Рождеством, – Джеймс улыбнулся, поворачиваясь к полупрозрачной фигуре. – Пальнуть в тебя?

– Да, если тебя не затруднит. Это сообщение я посылаю самостоятельно. Не хочу, чтобы кто-нибудь ещё знал о нём.

Джеймс достал палочку и метнул в тускнеющую фигуру Зейна Жалящим заклятием. Двойник проявился отчетливее.

– Так в чём дело? Тетя Джинни сказала, ты искал нас в Норе, – раздражённо поинтересовалась Роуз, плюхаясь обратно на софу. – Что за важное сообщение, заставившее тебя прервать наше празднование Рождества?

– Я беспокоился, – серьёзным тоном сказал Зейн. – И хотел вас предостеречь, но затем обнаружил, что вы остались в школе, так что, скорее всего, всё будет хорошо. До поры до времени.

Джеймс нахмурился.

– О чём ты? Почему мы не в безопасности? С учётом перспективы

уничтожения мира Привратником и все такое прочее.

Лицо Зейна было бледным и мрачным.

– Помните, наш разговор в сарае? Роуз, ты еще тогда рассказала, как Мерлин попался на уловку того типа, Хэйдина, сотни лет назад. Хэйдин пообещал вернуть ему невесту, если Мерлин удвоит его владения и усилит обороноспособность замка так, что даже сам не сможет туда пробиться.

– Ну да, – Джеймс пожал плечами. – И что с того?

– Что с того? Мерлин знает, что несколько недель назад кто-то пробрался в его офис. Он знает, что этот человек прошел сквозь зеркало и, вероятно, узнал о нем некоторые нелицеприятные факты. И, скорее всего, Мерлину известно, что это был ты, Джеймс. Вас не удивляет, что он никак не отреагировал?

– Так, – медленно начал Джеймс, – ты же сам сказал в сарае, что, будь Мерлин злым, он бы уже принялся за нас. Его бездействие должно означать лишь одно: он не настолько плохой. Может, он все еще на стороне добра, и, как ему известно, мы тоже. Может, он не тронул нас, потому что знает: мы пытаемся помочь в борьбе с Привратником.

Но, даже высказывая свое предположение, Джеймс понимал, как фальшиво оно звучит. В глубине души он сам не верил, однако не мог придумать иных причин, почему Мерлин не пришел за ними.

Зейн покачал головой:

– Поначалу и я так думал. А потом вспомнил разговор Слизерина и Мерлина, который ты подслушал, будучи заперт в лаборатории. Ты говорил, они обсуждали сделку, которую Хэйдин обманом навязал Мерлину. Они ясно дали понять, что замок, о котором шла речь, – Хогвартс. Теперь понимаете, что это значит?

У Роуз округлились глаза.

– Это значит, что Хогвартс и есть тот замок, который укрепил Мерлин. В него нельзя проникнуть, – кивнула она. – Что объясняет, почему во время битвы Волдеморт с последователями так долго не мог пробить оборону. Защитные чары Мерлина все еще действуют, хотя, вероятно, немного ослабли за тысячу лет.

– А еще это объясняет, каким образом тайные проходы вновь возникают со временем, – благоговейно добавил Джеймс. – Как тот, что ведет в Визжащую хижину! Слово замок сам себя исцеляет после

разрушений! После нескольких столетий заклинания Мерлина по-прежнему в силе! Похоже, они распространяются даже на новые части замка. Те, что были построены уже после того, как Мерлин выполнил свою работу! Новые части наследуют защиту!

Зейн продолжал мрачно качать головой.

– Ты снова упустил самое главное. Мы полагали, что Мерлин не напал на вас троих, потому что он на вашей стороне или зачем-то позволяет вам выяснить подробности. Мы полагали, что он отпустил вас, потому что в сущности добрый. Но мы забыли самую любопытную часть сделки, которую Хэйдин заключил с Мерлином.

Внезапно Роуз ахнула и прикрыла рот рукой. Джеймс, вспомнив, широко распахнул глаза. Ответ лежал на поверхности. Той ночью в кабинете тысячу лет назад Слизерин лично сказал: «Вы не можете тронуть и волоса тех, кто находится в этом замке. Ваши угрозы страшны, но, к счастью, они здесь не имеют никакого эффекта».

– Он не может никому навредить в стенах замка, – прошептал Джеймс. – Это последняя часть сделки, ведь Хэйдин понимал, что Мерлин попытается отомстить. Вот почему он напал на Хэйдина, когда тот ехал в карете. Только тогда Мерлин мог атаковать его.

Джеймс обернулся к Роуз. Она так и не убрала руку ото рта, в ее лице не было ни кровинки.

– Осмелюсь дать совет, – Зейн многозначительно смотрел на них обоих. – В ближайшее время не пускайтесь ни в какие путешествия.

Джеймс начал было беспокоиться о Ральфе, который на каникулы отправился к отцу в Лондон. Но Зейн заверил их, что уже навестил друга и наказал всегда держать при себе палочку и не оставаться в одиночестве.

– Он не слишком обрадовался, – объяснил Зейн, – учитывая то обстоятельство, что его палочка – обломок посоха Мерлина. Он считает, что не сможет использовать ее против директора, если тот придет за ним. Возможно, он прав, но я не стал ему это говорить.

– Но теперь это его палочка, – возразила Роуз. – Он заслужил ее. И может использовать, как пожелает.

Зейн не был так уверен:

– Это старинная магия, Роуз. Ральф не получил палочку, одолев Мерлина. Посох сломался, и Ральфу досталась лишь часть. Он по-

прежнему помнит времена, когда был целым, и знает, что принадлежит Мерлину. Возможно, ты права, но мы не знаем точно, распространяется ли правило, верное для целой палочки, на обломок посоха.

– Однозначно не следует говорить об этом Ральфу, – заметил Джеймс. – Он и без того переживает. Хотя никогда не узнает правду, пока дело не дойдет до настоящего сражения. Будет лучше, если Ральф искренне поверит, что палочка целиком и полностью принадлежит ему. Может, тогда это и станет правдой.

Зейн кивнул.

– А я тем временем навещу мадам Делакура и попытаюсь выяснить у нее, на что способна твоя кукла вуду. В конце концов, она ее сделала.

– Ты можешь поговорить с ней? – спросила Роуз.

– Конечно. Она тут, в психиатрическом отделении медицинского колледжа Поэ. ее держат под замком, но разрешают навещать. Она немного рехнулась после всей той ерунды в Пещерной Цитадели, но я уверен, вспомнит меня. И мою дубинку, – Зейн несколько злобно усмехнулся.

– Сомневаюсь, что вновь до этого дойдет, – Роуз закатила глаза. – Но, возможно, развяжет ей язык. В конце концов, как сказал один из ваших президентов: «Говорите очень ласково и всегда носите с собой большую палку».

– О да, – согласился Зейн. – Я спец по большим палкам.

Вскоре Зейн пожелал Джеймсу и Роуз спокойной ночи и счастливого Рождества. У него, видимо, намечалась рождественская вечеринка, ведь в Альма Алерон час был гораздо более ранний, нежели в Хогвартсе. Он затянул неприличный рождественский гимн и исчез на половине куплета.

Джеймс и Роуз тоже пожелали друг другу спокойной ночи и направились каждый к своей лестнице. Спальня второкурсников оказалась полностью в распоряжении Джеймса, что слегка его нервировало. Он напомнил себе, что, если сказанное Зейном – правда, в стенах Хогвартса ему ничего не грозит. Но все же мысль о том, что Мерлин действительно хочет причинить ему вред, пугала. Одно дело – таинственный общий враг, свободно перемещающийся по миру, и совсем другое – враг личный, находящийся под одной крышей с тобой, да к тому же – один из самых могущественных волшебников в истории.

К счастью, день был насыщенным: утренняя прогулка, общение с Петрой и родителями, – и Джеймс настолько устал, что практически не переживал из-за этого. К тому же его не покидало смутное чувство, что Седрик присматривает за ним. Если Мерлин решит напасть, тот успеет предупредить Джеймса. Придя к такому выводу, мальчик крепко уснул.

Его сон снова повторялся, но в этот раз был более отчетливым. Блеск и свист лопастей, гул древних моторов. Мерцающий свет, исходящий от бассейна, и печальные лица молодых мужчины и женщины. Но хуже всего – голос темной фигуры в тени, манящий, обещающий, наставляющий. Чувство глубокой грусти пронизывало сон. Но под грустью, подобно острым кинжалам под мягким одеялом, притаился гнев. Холодный, пульсирующий гнев, необъятный, как небо, и глубокий, как океан. И вот впервые Джеймс увидел своего спутника, точнее его отражение, в подернутой рябью поверхности бассейна: силуэт и очертания лица. Он не знал, что это за бассейн и где сокрыто таинственное место, но наконец стал догадываться, кем был этот страдалец. Длинные, черные, как смоль, волосы, пронзительный взгляд. Глаза, как угли: жесткие и холодные, они таили пламя, способное сжечь все и вся.

– Ты проклят, – голос из тени звучал мягко, зловеще. – Ты испил воды. О да. Но тебе предстоит пройти последний обряд, чтобы стать поистине достойным. Ты должен принести жертву. Великую жертву, чтобы отрезать все дороги назад. Лишения должны понести те, кто сами обрекли тебя на лишения. Путь будет трудным и болезненным, но только ты способен преодолеть его. Такова цена равновесия. Ты должен желать проторить путь тем, кто пойдет за тобой. И за эту жертву они будут чтить твою память. Воспевать тебя. Твоя история станет легендой. Легенда даст тебе вечную жизнь, что бы ни случилось с брэнной оболочкой. Испытания, выпавшие на твою долю, восстановят справедливость. Те, кого ты потерял, возвратятся. Расплата за их кровь будет лишь одна: еще больше крови. Это твой долг и дело чести.

– Это мой долг, – спокойным, холодным голосом повторил черноволосый. Слеза стекла с его подбородка и, упав в бассейн, растворилась в воде.

Джеймс спал. Утром он едва помнил свой сон, но его иллюзорный

шрам тревожно пульсировал. Джеймс попытался понять, что это значит, но не смог. Пока он спускался на завтрак, боль полностью утихла. В Большом зале Альбус и Роуз сидели за столом Гриффиндора рядом с Хьюго и Петрой. Компания увлеченно беседовала. Джеймс со счастливой улыбкой присоединился к ним. К тому времени, как он закончил завтракать, сон начисто выветрился из его головы.

Глава 14. Артис Децерто

По мнению Джеймса, рождественские каникулы закончились несколько необычно. Поскольку он, Роуз и Альбус никуда не уезжали, не было и тягостного возвращения. Наоборот, казалось, это школа вернулась к ним. В воскресенье, когда большинство учеников приехало с каникул, он сидел вместе с Роуз на залитом солнцем подоконнике и глядел во двор. Они молча наблюдали, как возвратившиеся студенты разбирают с повозок свои сумки и чемоданы и тащат их к главному входу. Огромный снеговик, слепленный Джеймсом, Роуз и Альбусом, покосился и оплыл после внезапной оттепели: печально поник морковный нос, а правая рука–палка и вовсе отпала. Вода звонко капала с крыш и балконов замка. Джеймс ощущал легкую радость от того, что праздники подошли к концу и снова начнутся уроки и репетиции.

Странно, но за время каникул никто из них не видел Мерлина. Когда Джеймс столкнулся с профессором Макгонагалл в коридоре около ее кабинета, она сообщила, что, насколько ей известно, директор все праздники провел в замке.

– И вовсе не потому, что у него нет семьи, – добавила она. – Поймите, его отношение к Рождеству во многом отличается от нашего. Кроме того, как вы могли заметить, директор Амброзиус – очень скрытный. Даже будь у него планы, сомневаюсь, что он поделился бы с нами.

С началом занятий Джеймс отметил, что вторая половина учебного года сильно отличается от первой. Особенно трудно приходилось старшекурсникам: учебный материал и требования к выполнению домашних заданий стали жестче. Джеймсу оставалось только радоваться, что ему еще рано сдавать СОВ или ЖАБА.

На защите от темных искусств профессор Дебеллоуз показал им приемы Артис Децерто – магического боевого искусства. После схватки со Слизерином в Лесной башне, где Джеймс, к своему удивлению, успешно использовал тактику обороны Дебеллоуза, он изменил свое отношение к подобным вещам. Он уделил особое внимание новым движениям, которые напоминали танец, но, на самом деле, помогали поддерживать легкость и гибкость тела, чтобы уклоняться от

заклинаний. Для демонстрации Дебеллоуз попросил класс выстроиться в линию, достать палочки и по очереди запускать в него разоружающее, оглушающее или жалящее заклинание. "На ваш выбор", – Дебеллоуз, улыбаясь, прыгал с ноги на ногу.

– Наконец–то становится веселее, – пробормотал Трентон Блоч, вертя в руках палочку.

Как только замелькали первые заклинания, Дебеллоуз начал от них уклоняться с поразительной быстротой, почти не прилагая к этому никаких усилий. Он, казалось, даже не смотрел в сторону выстроившихся в линию учеников. Быстрый взгляд на очередного атакующего – и вот он уже уворачивается, отпрыгивает, ныряет вниз и даже совершает пируэты, а заклинания пролетают в считанных сантиметрах от него, не причиняя никакого вреда. Действия профессора представляли восхитительное зрелище, отчего Джеймс преисполнился желанием во что бы то ни стало поразить цель. Мальчик решил стрелять Дебеллоузу в ноги, ведь они практически не отрывались от пола. Поэтому, когда наступила его очередь, Джеймс направил было палочку преподавателю в грудь, но затем резким движением махнул ей по направлению его ног и выкрикнул заклинание. Не успел он договорить, как Дебеллоуз уже взмыл в воздух и обернулся там вокруг своей оси, так что Жалящее заклятие Джеймса поразило только преподавательскую тень. Мгновение спустя профессор опустил на руки и кончики пальцев ног, словно собирался отжаться. Он ловко вернулся в исходную позицию и поймал палочку, которую подбросил вверх во время прыжка.

– Ловкий черт! – крикнул Грэхем Уортон. Ученики разразились аплодисментами. Кендра Корнер подняла руку.

– Когда и мы так сможем?

– Терпение, ребята, – усмехнулся Дебеллоуз, вытирая лоб полотенцем. – Освоение приемов Артис Децерто – труд всей жизни. Здесь недостаточно физической подготовки, нужна работа ума. Это искусство включает в себя навыки левитации, предсказания, даже трансгрессии, что позволяет волшебнику знать место и время нападения и избежать его. На силу заклятий полагаются только неумехи. Хороший волшебник понимает, что, подойди он к поединку с умом, заклинания не понадобятся.

Джеймс решил, что, несмотря на всю его неприязнь к Дебеллоузу, эта техника все же заслуживает внимания. Поэтому он усердно повторял все практические и умственные упражнения, которые давал учитель, даже те, что казались непомерно трудными и глупыми.

– Вы должны знать своего противника лучше, чем он сам! – командовал Дебеллоуз. – Вам не понадобятся годы тренировок, ведь большинство волшебников знают о себе поразительно мало. Присмотритесь к ним. И моментально оцените. Научитесь этому, и получите неоспоримое преимущество, потому что будете знать о намерениях соперников, раньше них самих. Вы сможете заранее спланировать защиту, а может быть, и контратаку.

– Когда мы перейдем к следующей части? – разочарованно протянул Трентон Блоч, опуская палочку. – Мне осточертели попытки прочитать чужие мысли, я хочу колдовать.

– Всеу свое время, мистер э... молодой человек, – Дебеллоуз взмахнул рукой. – Сначала нужно уяснить логику битвы. Никаких активных действий, пока не будут просчитаны последствия. Обдумывание и планирование – вот ключ к успеху! Магия является лишь одним из инструментов в распоряжении искусного волшебника. На любой стадии сражения у воина есть три варианта действий. Первый – использовать заклинание.

Кевин Мердок указал палочкой в сторону своего партнера и изобразил Убивающее заклятие:

– Бах! Ты убит! Как раз то, чего мы все ждали, – закончил он со счастливой улыбкой.

– Очевидное и изящное решение, мой друг, – отреагировал Дебеллоуз. – Возможно, хотите опробовать ваш метод на мне?

Мердок вспомнил, с какой легкостью профессор уклонялся от множества заклятий, и покраснел. Он незамедлительно покачал головой и опустил палочку. Дебеллоуз кивнул:

– Правильный выбор, мальчик. Вы только что продемонстрировали второй вариант развития событий при сражении: ждать, пока противник сделает свой ход. Хитрый воин способен обернуть действия врага против него самого. Оказавшись в бою, вы с большой долей вероятности столкнетесь с неподготовленным и недисциплинированным соперником: соперником, который считает, что

отваги, могущества или уверенности достаточно для победы. Присмотритесь к нему, дождитесь его действий и раскусите их в тот же миг. Освойте эту технику – считайте исход сражения в ваших руках.

Трентон Блоч закатил глаза. Он был явно недоволен:

– И какой же третий вариант?

– А третий вариант, друзья, – ответил Дебеллоуз, приподнимая брови, – развернуться и уйти.

– Отступить? Это и есть третий вариант? – нахмурившись, переспросила Морган Патония. Мрачно улыбнувшись, Дебеллоуз покачал головой.

– Не совсем. Истинный воин никогда не отступает. Однако он знает, когда не стоит драться. Возможно, соперник слишком силен или слишком слаб. Иными словами, битва не имеет ценности. Запомните, ребята: истинного воина отличает умение распознать ситуацию, в которой не стоит начинать сражение.

– Вдохновляет, – разочарованно пробормотал Трентон. Джеймс посмотрел на него, а затем вновь перевел взгляд на Дебеллоуза. Он понимал раздражение Трентона, но после дуэли с Салазаром Слизерином в далеком прошлом не решился отмахнуться от методов Дебеллоуза так же быстро, как прежде.

С наступлением весны Невилл Долгопупс начал проводить занятия по травологии в форме экскурсий по окрестным территориям, объясняя, как распознать магические растения и деревья в дикой природе. Класс с неохотой плелся вслед за ним вдоль опушки Запретного леса к болотистым берегам озера.

– Многие магические растения приспособились жить в мире маглов, маскируясь под более безобидные, – беззаботно вещал Невилл, ползая на коленях по берегу озера. – Например, вот эта разновидность иглокорня очень напоминает крапиву, что отбивает у маглов желание сорвать его. Разницу можно увидеть, только взглянув на обратную

сторону листа – она у него с фиолетовым отливом. Если же вы аккуратно вытянете иглокорень наружу, – Невилл взялся за стебель и осторожно дернул его, высвобождая нижнюю часть растения, покрытую комьями мокрой земли, – то обнаружите свойственный ему стержневой корень, используемый во множестве различных зелий и эликсиров.

– Что-то я не вижу никакого стержня, – сказала Эшли Дун, изучая выдернутое ею растение, – просто обычный ком земли с корешками.

Невилл поднял взгляд.

– Эм, дело в том, что в данном случае, мисс Дун, это не иглокорень, принятый за крапиву, а, хм, крапива, принятая за иглокорень.

– Ай! – крикнула Эшли, отбрасывая растение и отчаянно вытирая ладони о мантию.

– Отправляйтесь в больничное крыло, – вздохнул Невилл. – Мадам Курио даст вам мазь от ожогов. И лучше бы вам поспешить, а то будет долго болеть.

Ральф и Джеймс проследили за Эшли, бросившейся в сторону замка. ее мантия развевалась на ветру. Ральф посмотрел на Джеймса:

– Сегодня вечером будет заседание Клуба обороны?

– Надеюсь, – отозвался Джеймс. – Я почти не видел Скорпиуса с самых праздников. Вообще, мне кажется, ему больше нечему учить нас.

– Ты так думаешь? Я, например, узнал от него множество полезных заклинаний. Его дед, похоже, действительно в них разобрался.

– Хм, ну да, хотя этот самый дедуля был одним из самых отвратных типов, когда-либо встречавшихся моему отцу, – ответил Джеймс. – Люциус Малфой был Пожирателем Смерти. Одним из тех, кто так и не отрекся от своих убеждений даже после смерти Волди-Молди. В настоящее время он где-то прячется, вероятно, в ожидании установления чистокровной империи. Он знал множество темных магических штук, в том числе и Непростительные заклятия.

– Мне все равно, у кого учился Скорпиус, но я рад этому, – пожал плечами Ральф. – Учитывая ситуацию с Мерлином и Привратником, я с удовольствием выучу столько новых заклятий и чар, сколько смогу.

– Знаешь, – Джеймс понизил голос, – я тут начинаю думать, что мы совершили ошибку.

– О чем ты?

– Я говорю, – вздохнул Джеймс, – а вдруг Дебеллоуз прав

относительно умений, которые определяют умелого воина–волшебника? Что, если мы тратим слишком много времени на изучение разного рода атакующих и разоружающих заклинаний? Может, нам стоит потренировать немного ту технику, что он показал, – Артис Децерто?

– У меня так никогда не получится, Джеймс, – покачал головой Ральф. – Посмотри на меня. Зейн был прав, когда говорил, что я неуклюжий здоровяк, а грации у меня не больше, чем у кирпича.

– Ты не крупнее Дебеллоуза, а вспомни, что он вытворял! Уворачивался от заклинаний так, будто заранее знал, куда они попадут. И проделывал все с легкостью!

– Ага, я знаю множество вещей, которые кажутся простыми. Вот только на самом деле таковыми не являются. Он сказал, Артис Децерто нужно изучать всю жизнь.

– А что, у тебя грандиозные планы на остаток жизни? – ухмыльнулся Джеймс. – Разве ты не хочешь стать великим?

Ральф криво усмехнулся.

– Ты полагаешь, Скорпиус мог бы обучить нас и этому?

– Есть только один способ проверить, – сказал Джеймс, приподнимая бровь.

Но ни Джеймсу, ни Ральфу не довелось увидеть Скорпиуса до самого вечера. По пути в тренировочный зал они встретили Роуз. Она с большим энтузиазмом восприняла предложение использовать Клуб для практики в Артис Децерто.

– Вы же знаете, что он почти не обучает девочек этой технике! – кипятилась она. – Дебеллоуз – чертов кретин, который явно считает, что женщинам не место в битве. А ведь некоторые из лучших бойцов были женщинами! Неужели он не слышал о Хлорис Клобберер? Или Гие фон Гаггенхейм? Или, если уж на то пошло, Беллатрисе Лестрейндж и женщине, победившей ее, – бабушке Уизли?

– Возможно, он и правда *не слышал* о бабушке Уизли, – задумчиво проговорил Ральф, – но рациональное зерно в твоих рассуждениях присутствует.

– У женщин, несомненно, больше шансов в совершенстве овладеть Артис Децерто, – продолжила Роуз. – Мы по своей природе грациозней, и у нас лучше развита интуиция.

– В таком случае, может быть, ты обучишь нас, – с невозмутимым видом произнес Джеймс.

– Может быть, и обучу, – ответила Роуз, свирепо посмотрев на него.

Трое друзей вошли в тренировочный зал и замерли. Большинство членов Клуба рукоплескали и одобрительно кричали, столпившись вокруг стоящих в ряд заводных манекенов. Собравшихся подсвечивали зеленые вспышки, источника которых Джеймс пока не видел.

Кинувшись вперед, Джеймс и Роуз принялись проталкиваться сквозь толпу. Будучи выше Роуз, Джеймс первым увидел, что происходит. Сгрудившиеся ученики образовали полукруг вокруг Табиты Корсики, Филии Гойл и Альбуса. Трое слизеринцев с довольными улыбками обстреливали зелеными магическими зарядами один из тренировочных манекенов, который метался и корчился; от его остова отлетали крошечные зубчатые колеса и пружины.

– Прекратите! – проорала Роуз, щеки которой ярко пылали. – Что вы тут вытворяете? Немедленно прекратите!

Прошептав магическую формулу, Табита выпустила по манекену еще одно заклинание и непринужденно подняла вверх волшебную палочку. Повернув голову, она взглянула через плечо на вновь прибывших.

– Добрый вечер, Роуз, Джеймс. Где-то здесь висит пергамент с правилами, на который нам стоило обратить внимание и подписать при входе? Нам бы жутко не хотелось действовать в обход необходимых формальностей.

– Что это были еще за заклинания? – требовательно спросила Роуз, уперев в бока сжатые в кулаки руки.

– Розы, угомонись, – произнес Альбус, убирая волшебную палочку в карман. – Мы просто слегка развлеклись. Ты же знаешь, это всего лишь манекены.

– Вы использовали *Убивающие заклятия*, – произнесла Роуз, повернувшись к Альбусу. – Как вы посмели? Вы не можете просто заявиться в Клуб и начать использовать Непростительные заклятия, особенно это! Из-за вас нас всех исключат!

– Роуз, закон весьма расплывчат, когда дело касается отработки Непростительных заклятий на неодушевленных предметах, –

снисходительно улыбнулась Табита. – Кроме того, в чем смысл Клуба обороны, если вы не намерены тренироваться в применении полезных оборонительных приемов?

– Так, значит, в твоём понимании убийство является оборонительным приемом? – со злостью выпалил Джеймс.

Моргнув, Табита с озадаченным видом посмотрела на него.

– А ты можешь предложить что-то более эффективное?

– Она права, – из толпы раздался голос Нолана Битлбрика, слизеринца из компании Табиты. – Дебеллоуз – недотепа, не обучающий нас ничему полезному. Я хочу знать, как нужно сражаться на самом деле.

Толпа одобрительно загудела.

– Нам совсем не хочется захватывать власть в вашем Клубе, – Табита убирала волшебную палочку в карман. – Мы пришли сюда, чтобы учиться, как и все вы.

– Но если никто не обучит вас заклинанию Круциатус, – вставила замечание Филия, – то как вы намерены разбираться с теми, кто без колебаний убьет вас?

Столпившиеся ученики взволнованно забормотали.

– Вот именно, – выкрикнул кто-то. – Мы должны быть готовы ответить ударом на удар!

– Неужели все до одного слизеринцы окончательно спятили? – раздался чей-то голос. Оглянувшись, Джеймс увидел проталкивающегося вперед Джозефа Торранса. – Вы всегда были именно такими. Шли прямо в объятия темной магии. Ваша шайка – просто кучка знатоков одного единственного заклинания.

По толпе снова пробежали шепотки. Несколько человек даже отодвинулись от Джозефа, словно боялись, что Табита на месте поразит его проклятием.

– Если одно-единственное заклинание, – проговорила Табита с очаровательнейшей улыбкой, – достаточно сильно, чтобы приносить победу в любой ситуации, возможно, это все, что "знатокам" и требуется.

– Довольно! – громко сказал Джеймс, заметив, что собравшиеся начинают все больше и больше волноваться. Он поднял руки, обернувшись к членам Клуба. – Мы – я, Ральф и Роуз – основали этот

Клуб. Для учащихся с первого по четвертый курс, – добавил он, бросив взгляд через плечо на Табиту и Филию. – Дебеллоуз преподает волшебную оборону старшим курсам, к которым принадлежите и вы. Этот же Клуб предназначен для изучения основ защитной магии. И он никогда не планировался для Непростительных заклятий.

– Почему нет? – перебил Битлбрик, его лицо не выражало никаких эмоций. – Почему все только и делают, что запрещают нам учиться защищать себя?

Толпа собравшихся разразилась выкриками одобрения и протеста. Джеймс пытался призвать к порядку, но его голос потонул в общем шуме. Хаос нарастал.

Раздался оглушительный треск, заставивший присутствующих удивленно замолчать. Джеймс оглянулся, пытаясь выяснить источник звука. Дорожка дыма вела прямо к стоящему в дверях Скорпиусу: на губах играет холодная улыбка, глаза сужены.

– Так вы хотите изучать Непростительные заклятия? – протянул он. – На всякий случай напоминаю, что я здесь преподаватель. А вы, слизеринцы, – новички, поэтому эта выходка сойдет вам с рук. Но вы ведь наверняка не хотели произвести впечатление, словно вы пытаетесь тут наводить свои порядки.

Обаятельная улыбка Табиты стала острой, словно бритва.

– Так это правда: первогодок Скорпиус Малфой собирается учить нас тому, что он знает. Вероятно, намеревался поделиться опытом в предательстве своих семейных ценностей и традиций?

Скорпиус вздохнул и вошел в зал.

– Не раньше следующего семестра, – сказал он беззаботным тоном. – Хотя, если речь пойдет о коварных уловках и кознях, то я не хотел бы тратить время на повторение, ведь большая часть из них вам давно уже известна. Возможно, вы сможете сдать этот раздел экстерном.

Скорпиус миновал группу присутствующих, протиснувшись между Табитой и Альбусом, который следил за ним с неприкрытой ненавистью.

– О, прошу меня извинить, – сказал он, толкнув плечом Альбуса. Скорпиус повернулся лицом к собравшимся и резким взмахом извлек палочку из складок мантии. – Вы хотите изучать мощнейшие проклятия, так? Вы, стало быть, хотите с их помощью защищаться, а, может быть, и

нападать на врага? Вопреки вашим опасениям я вовсе не собираюсь останавливать вас. Мы изучим все это. И я стану вашим наставником, – глаза Скорпиуса снова сузились, он посмотрел на Джеймса, словно бросая ему вызов. – Я, может быть, и правда всего лишь первогодок, но мои семейные традиции, как позволила себе напомнить "Табби", наполнены темной магией. Я обучу вас тому, что преподавали мне мой отец и дед.

– Ты просто мелкий кретин, – разозлилась Филия. – Мы тренировались защитной магии многие годы! Чему скользкий гриффиндорский перевертыш может научить нас?

– Первым делом я набучу вас, как заткнуться, когда говорит учитель, – спокойно сказал Скорпиус. – Вне этого помещения ты можешь быть пятикурсницей, а я – "скользким гриффиндорским перевертышем", но здесь ты – ученица, а я – твой учитель. Или ты уже передумала вступить в Клуб?

Филия побагровела от гнева.

– Я научу тебя, как разговаривать со мной, ты!..

– Хватит, Филия, – прервала ее Табита, явно позабавленная. – Скорпиус прав. Это их Клуб. Мы должны соблюдать правила. Хотя бы здесь. Давайте посмотрим, чему он сможет научить нас, потому что он, по-видимому, получил хорошее образование.

Скорпиус по-прежнему смотрел на Филию, словно приглашая ту бросить вызов Табите. Мгновение спустя, лицо Филии разгладилось. Она спрятала палочку и скрестила руки на груди.

– Так я и думал, – сказал Скорпиус, снова поворачиваясь к сгрудившимся членам Клуба. – Вначале самое важное. Вам необходимо научиться хорошо защищаться, парировать и оглушать, прежде чем переходить к более мощным вещам. Пропустите основы – и вы будете просто живыми мишенями для любого мерзавца с палочкой. К счастью, мы движемся в правильном направлении, оттачивая наши навыки, и я могу только надеяться, что наши новые слизеринские друзья пойдут в ногу с нами. Чуть позже, когда вы на "отлично" усвоите основы, то будете готовы... к этому.

Скорпиус развернулся на каблуках и выбросил вперед руку с зажатой в ней палочкой. "Авада Кедавра!" – рявкнул он, обнажив зубы. Вспышка, вылетевшая из его палочки, озарила все помещение

зеленоватым светом. Она ударила манекена в грудь, так что его руки и ноги закрутились вокруг своей оси и отчаянно затряслись. Затем тот рухнул на пол, развалившись на кучу обломков.

Скорпиус молча смотрел на него, прищурившись и по-прежнему скаля зубы.

Нолан Битлбрик выступил из толпы и пнул манекен, из того выпал винтик и задребезжал на полу.

– Ну, – сказал мальчик, кивнув, – ты совершенно точно прикончил его.

Последовали несколько нервные аплодисменты. Роуз посмотрела на Джеймса, ее расширенные глаза словно вопрошали: "Что же мы наделали?". Джеймс только покачал головой.

– Все может оказаться интереснее, чем ожидалось, – заметил Альбус, подталкивая Джеймса. – Так держать, братец.

Некоторое время спустя, когда они уже покидали тренировочный зал, Джеймс заметил Ральфа.

– Что с тобой стряслось? Где ты был? – спросил он.

– О чем ты? Я был там все время! – огрызнулся Ральф.

– Ты ничего не сказал, когда Табита с Гойл объявились в Клубе, разбрасываясь по манекенам Убивающими заклятиями!

– Ну, – Ральф пожал плечами и ускорил шаг, – я думал, вы с Роуз держали все под контролем.

– Под контролем? Ты называешь почти полную потерю контроля над ситуацией "под контролем"? Скорпиус собирается обучать всех Непростительным заклятиям!

Ральф молча шагал дальше. Джеймс гневно посмотрел на него, затем прищурился:

– Ты тоже хочешь их изучать, не так ли? – пораженно воскликнул он.

Ральф сжал губы, отказываясь отвечать. Джеймс загородил ему путь, не давая двигаться дальше, но Ральф заговорил первым.

– Не надо, Джеймс, – он опустил глаза и покачал головой. – Послушай, ты мой лучший друг во всей школе, но мы с тобой из двух разных миров. Вы, гриффиндорцы, можете себе позволить быть правильными и бескомпромиссными, когда речь заходит о таких вещах, как Непростительные заклятия. Но, честно говоря, я считаю их изучение

целесообразным. Прости.

У Джеймса отвисла челюсть.

– Ральф, их неспроста называют "Непростительными". Мы даже не можем использовать их в борьбе с Привратником, если уж на то пошло! Он ведь не человек! Так что все оправдания бесполезны, если ты собираешься их изучать.

– Разве? – тихо спросил Ральф. Джеймс знал, что его приятель терпеть не может с кем-то спорить, но теперь Ральф смотрел ему прямо в глаза. – Ты считаешь, что не воспользовался бы Непростительным заклятием, будь у тебя возможность с его помощью спасти твоих бабушку и дедушку от Волдеморта?

Джеймс отступил на шаг, потеряв дар речи. Он попытался ответить, но Ральф продолжил, прервав его.

– А когда мой дядя готовился к убийству отца Теда Люпина? Ты бы использовал Непростительное заклятие, чтобы помешать ему? А как же мои родные бабушка и дедушка? Они отвели моего папу в магловский приют, сказав ему, что он им больше не нужен и что какой-то сквиб не может называться их сыном. А что, если бы кто-то наложил на них Империи и заставил отвезти его домой и полюбить так, как должны родители любить своих детей? Ты хочешь сказать, что не поступил бы так, ведь только "плохие" люди используют Непростительные заклятия?

Джеймс запнулся, шокированный тихой яростью в глазах Ральфа.

– Ральф, я... нет. Я имею в виду...

Ральф покачал головой и отвернулся.

– Я не виню тебя за непонимание, Джеймс. Но скажи честно, если бы, используя Непростительные заклятия, ты смог бы вернуть безвременно ушедших, разве ты этого не сделал бы? Если бы с их помощью можно было вернуть отнятое у нас тупыми эгоистами... не сделал бы? – Ральф снова посмотрел на Джеймса. – Потому что я бы точно сделал, Джеймс. Действительно сделал. Без промедления.

С этими словами Ральф оттолкнул Джеймса и исчез в полумраке коридора. Джеймс понимал, что преследовать его бессмысленно, к тому же он был напуган тем, что сказал ему друг. Он никогда не видел в этом спокойном крупном мальчике такого страстного стремления к чему-то, но, по-видимому, оно всегда было в нем, просто скрывалось под привычной маской.

Джеймса догнала Роуз. Она встревожено потряхивала головой.

– Надо бы подловить Скорпиуса в общей гостиной, – сказала она. – Он все еще там, окружен толпой. Показывает, как накладывать заклятие Левикорпус... Что случилось?

Джеймс отрицательно мотнул головой, по-прежнему глядя в ту сторону, куда ушел Ральф.

– Я не знаю, Роуз. Все идет не так, как должно было быть. И, если честно, я понятия не имею, что со всем этим делать.

– Я скажу тебе, что ты должен делать, – серьезно ответила ему Роуз. Джеймс посмотрел на нее, нахмурившись.

– И что же?

– То же, что и в прошлом году, когда попал в переделку, – Роуз приподняла брови. – Попросить помощи у того, кто знает, что делать.

К началу следующей недели Джеймс так и не обсудил со Скорпиусом его речь в Клубе обороны. Дело было даже не в отсутствии возможности, скорее, он просто не знал, что сказать. В одном Джеймс был точно уверен: если он попросит Скорпиуса не обучать других Непростительным заклятиям, то следующее занятие будет посвящено именно им. Он рассматривал возможность снять Скорпиуса с места преподавателя в Клубе, однако тот обладал просто фантастическими способностями к обучению других, что останавливало Джеймса от подобного шага. К тому же его знания казались поистине безграничными.

Хуже всего было то, что Джеймс не мог обсудить возникшую проблему с Ральфом, поскольку тот совершенно явно желал изучать эти заклятия. Джеймс вроде бы понимал причины такого решения, но, с другой стороны, все они касались прошлого. Изучение проклятий в настоящее время никак не сумело бы вернуть бабушку и дедушку Джеймса или отца Теда. Вероятнее всего, Ральф хотел подготовиться к возможным грядущим трагедиям. Так или иначе, это вызывало

беспокойство. После той беседы в коридоре Ральф пребывал в угрюмом и мрачном настроении, так что Джеймс решил пока оставить его в покое.

К счастью, ему удалось отвлечься от своих проблем на уроке по уходу за магическими существами во вторник. Хагрид привел учеников к задней стенке сарая и призвал к тишине, взмахом руки остановив всех у себя за спиной.

– Грохх справляется с этим все лучше, – прошептал Хагрид, – но лучше их, гм, не беспокоить. Не такая уж это простая работенка – выгуливать дракона.

Поскольку класс притаился за стеной сарая, Джеймсу, оказавшемуся за спиной Ральфа, пришлось изо всех сил вытягивать шею, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Неподалеку, на опушке леса, время от времени оглядываясь через плечо, медленно прогуливался Грохх. К левой руке великана на манер щита была привязана железная дверь. В правой он держал конец толстой металлической цепи, прикрепленной к ошейнику Норберты. Поразительно, но дракониха покорно следовала за ним, обнюхивая деревья и временами погружая нос в землю, где щелкала челюстями, явно пытаясь добраться до чего-то.

– Да, Норберта любит полакомиться славненьким жирным кротом, – прошептал Хагрид. – И она учует его хоть на другом краю земли. Из нее бы вышла отличная истребительница вредителей, не имей она привычки поджигать деревья. Сегодня отличная мокрющая погодка, идеально подходит для прогулки.

– А она может плюнуть огнем в Грохха? – спросила Морган Патония. – У него дверь на руке для защиты от ее пламени?

Хагрид покачал головой.

– Она любит Грохха поболее меня. Она никогда не пыхала на него. Щит – нечто вроде дополнительной защиты. В прошлом году директриса МакГонагалл настаивала, чтобы Грохх всегда носил его, когда выгуливал Норберту. Теперь это вошло у него в привычку.

Великан потянул цепь, когда Норберта остановилась, чтобы обнюхать ствол дерева. Она всем весом налегла на него и с огромным удовольствием начала тереться. Заметно склонившееся дерево затряслось и закрипело.

– Интересно, кто победит, – ухмыльнулся Грэхем. – Гремучая ива или Норберта?

– Не говори глупостей, – покачала головой Эшли.

– Я бы все отдал, чтобы посмотреть на их схватку, – не унимался Грэхем. – Только представь: битва магических титанов.

Эшли закатила глаза:

– Представила. И все равно глупо.

– Грошик, смотри, чтобы она дерево не повалила–то, – как можно тише позвал Хагрид, сложив ладони рупором. – Это гримлокский вяз. Их и так мало осталось!

Грохх сильнее дернул поводок, однако Норберта не сдвинулась с места. От раздражения она стучала хвостом, отчего земля содрогалась. Казалось, дракониха унюхала что–то в лесу. Зарывшись когтями в землю, она потянула великана и раздвинула деревья своими массивными плечами. Из рта у нее вырвался небольшой сноп пламени.

– Что там такое? – забеспокоился Хагрид. – Эм... лучше шмыгните пока за сарай. На всякий случай.

Никто из ребят не послушался. Наоборот, они подались вперед, чтобы лучше видеть происходящее. Впрочем, ни один из них не осмелился встать впереди Хагрида.

– Легче, Грохх! – слабым голосом позвал Хагрид. – Не так сильно! Чуть ослабь поводок. Не будем доводить ее до бешенства. Что за...

Словно напуганное поведением Норберты, нечто маленькое и желтое внезапно вылетело из–за деревьев. Проскочив между ее задних лап, оно устремилось вверх.

– О, нет, – в голосе Хагрида слышалось беспокойство. – Что–то будет.

Совершив яростный, змееподобный нырок, Норберта развернулась, щелкнув челюстями. ее тело не поспевало за головой. Вцепившийся в поводок Грохх был не в силах удержаться на ногах. Он рухнул на землю с чудовищным стуком и заскользил по мокрой траве, как на буксире, увлекаемый вперед взбесившейся Норбертой.

– Все внутрь! – заорал Хагрид, выставив для защиты обе руки. – Это варгл, которого мне подарил Виктор Крам. Из–за него Норберта просто ополоумела. Пару дней назад он исчез, я уж подумал, он на полпути в Болгарию. Грохх! Держи ее! Что бы ни случилось, не

отпускай!

Земля содрогнулась, когда Норберта устремилась за существом желтого цвета, таща за собой Грохха. После них на склоне оставались глубокие грязные следы. Ученики стояли, не в силах шевельнуться. Джеймс широко раскрытыми глазами взирал на зрелище. Он еще не решил, считать ли его поразительным или пугающим. Варгл был размером с кошку, канареечно-желтого цвета и с четырьмя трепещущими крыльшками. Сзади виднелся его длинный, пушистый хвост, со свистом рассекающий воздух. По мнению Джеймса, существо было просто невообразимо милым. Норберта прыгала, бешено щелкая челюстями, но никак не могла ухватить порхающее создание. Болтающийся позади нее Грохх с героическим усилием тянул на себя цепь, пытаясь добраться до шеи драконихи.

– Вот так, Грошник, – подбадривал его Хагрид, кинувшийся на помощь. – Если смогу, схвачу ее за хвост. А ты держи за шею. Ох!

Варгл неожиданно ринулся выше, туда, где Норберта не могла его достать. Дракониха расправила крылья, взмахнула ими, с оглушительным шумом опустила, и – оторвалась от земли, увлекая за собой Грохха.

– Не думал, что она умеет летать! – воскликнул Грэхем. Испуганные ученики начали пятиться назад, желая укрыться в сарае.

Словно почувяв убежище, варгл спикировал вниз, целясь в толпу студентов. Норберта – следом. Несмотря на покалеченное крыло и внушительные размеры, она была на удивление быстрой. Едва ее тень зависла над их головами, ребята бросились врассыпную. Хагрид бегал вперед–назад, раскинув руки, словно намеревался поймать огромного дракона.

– Держись, Грохх! – возвал он к брату, который болтался, храбро вцепившись в поводок; комья грязи летели во все стороны. – Держи ее! Не отпускай!

Норберта, силившаяся остаться в воздухе, издала новый рев. Она била хвостом и зацепила дымоход сарая; тот разлетелся на куски. Варгл в панике метался по кругу. Наконец желтое существо поняло, что Норберта толком не может летать, поэтому взмыло вверх и устремилось к облакам.

– Грохх! – неожиданно заорал Хагрид. – Щит! Она сейчас изрыгнет

пламя!

В последний раз взмахнув гигантскими крыльями, Норберта вытянула длинную шею и взревела. На этот раз за ревом последовала струя голубовато-белого пламени. Жар волнами прокатился по вершине холма; Джеймс ощутил, как зашевелились волосы на голове. Дракониha приземлилась на четыре лапы со стуком, отдавшимся эхом. Грохх хлопнулся на землю рядом с ней. Он был весь покрыт грязью и травой, но незамедлительно вскочил на ноги и обхватил шею Норберты. Похоже, она не была готова к новой попытке взлететь. Вместо этого дракониha подняла голову и раскрыла челюсти. Секунду спустя с неба свалилось маленькое обугленное тельце. Оно упало прямо в пасть Норберты, и та шумно проглотила его.

Хагрид покачал головой.

– Стыд–то какой, – сказал он. – Варгла так трудно раздобыть. Я предупреждал ее. Ай, да ладно, хоть никто не пострадал. Грошик, ты ведь цел?

Грохх нерешительно убрал руки с драконьей шеи и отступил назад, не выпуская, однако, цепи. Он оглянулся к Хагриду.

– У Грохха в носу грязь, – громогласно объявил великан.

– Прости меня, Грохх. Айда, отведем нашу старушку в загон, – он умоляюще посмотрел на учеников. – Пусть все... гм... останется между нами, если вы не против.

Джеймс искоса посмотрел на Трентона, который ранее грозился сообщить родителям об ужасающем зверинце Хагрида.

– Это, – Трентон заметил его взгляд, – было чертовски круто.

По пути в замок Джеймс и Ральф шли мимо теплиц; у первокурсников только закончился урок травологии у профессора Лонгботтома. Джеймс заметил Скорпиуса.

– Увидимся за обедом, – бросил он Ральфу. – Сколько мест надо посетить, со столькими поговорить.

Ральф не ответил, и Джеймс знал почему. Его приятель понимал, что он задумал. Скорпиус услышал шаги Джеймса и обернулся.

– А я все гадал, когда же ты объявишься, Поттер, – протянул он, разглядывая нависшие облака.

– Я хотел обсудить с тобой Клуб обороны.

– Ну конечно, – презрительно улыбнулся Скорпиус. – Пришел

отговаривать меня от обучения плохим заклятиям, верно?

– Вообще–то, нет, – ответил Джеймс. – Я долго думал и пришел к выводу, что не могу запретить тебе показывать то, чему ты научился у своих родных. К тому же, если участники Клуба не научатся этому у тебя, то им помогут Корсика и Гойл. Я пришел затем...

Джеймс не мог собраться с духом и сказать это. Он осознавал, что совет Роуз был верным, только не знал, где и когда им воспользоваться. Но теперь понял. Глубоко вздохнув и сжав зубы, он выпалил:

– Я пришел просить твоей помощи.

– Моей помощи? – с подозрением переспросил Скорпиус. – В чем?

– В сохранении контроля над Табитой и ее бандой, – последовал ответ Джеймса. – Слушай, ты ведь все знаешь лучше меня. Они вовсе не собираются изучать заклинания и заговоры для борьбы со злом. Они хотят поиздеваться и продемонстрировать свою силу. Клуб обороны задумывался для того, чтобы научиться базовым защитным техникам, но, по–моему, мы можем сделать кое–что получше. Думаю, во время сборов мы можем практиковаться в приемах практической борьбы, которые нам показывает профессор Дебеллоуз. Например, упражняться в Артис Децерто. Впоследствии можно объединить эти навыки с заклинаниями, что мы выучим, и потом, когда все будут готовы узнать, как их использовать..., – Джеймс запнулся, – ты сможешь обучить нас Непростительным заклятиям. Если, конечно, захочешь.

– Хочу лишь уточнить, правильно ли я понял, – перебил Скорпиус. – Ты организовал Клуб обороны, так как тебя не устраивало, что Дебеллоуз не обучает нас защитной магии. А теперь предлагаешь превратить его в место, где мы будем отрабатывать дурацкие приемы, которыми он пичкает нас?

Джеймс вздохнул.

– Ну, ладно. Теперь, благодаря тебе, эта идея действительно звучит глупо. Но, в целом, верно. С другой стороны, если Корсика с Гойл или даже Альбус будут являться в Клуб и убивать манекенов, они тем самым только усугубят интерес к Непростительным заклятиям, заставив пренебречь остальным. Далекое не все готовы к подобным знаниям. И уж, конечно, до знакомства с основами.

– Так прогони их, – Скорпиус пожал плечами. – Ты главный. Тебе решать, кто может посещать занятия, а кто нет. Это не моя проблема.

– Я не могу их прогнать, – в отчаянии ответил Джеймс. – Клуб может посещать любой желающий. Но ты знаешь, как с ними общаться! На прошлом собрании ты просто гениально осадил их. В твоей семье понимают ход мыслей слизеринцев! Мне нужна твоя помощь, иначе они возьмут верх.

Скорпиус прищурился:

– Ты не можешь считать меня своим приятелем, Поттер, лишь из-за того, что отец убедил меня помочь тебе пройти сквозь зеркало Еиналеж. Я провожу занятия в твоём Клубе, потому что я так хочу, а не потому что ты меня попросил. Кто ты такой, чтобы решать, кому учиться Непростительным заклятиям, а кому нет?

Джеймс задумчиво посмотрел на Скорпиуса.

– Мне кажется, что ты сам в это не веришь, – произнес он. – Ты просто пытаешься разозлить меня, но я не знаю зачем. Если бы ты считал, что каждый желающий должен научиться Убивающему заклятию, то последнее собрание Клуба посвятил бы ему. Или позволил бы это сделать Корсике и Гойл. Ты же, напротив, попытался отвлечь всех чарами Левикорпус. Можешь не признаваться, Скорпиус, но ты согласен со мной.

– Ты бредишь, Поттер, – Скорпиус круто развернулся. – С чего мне соглашаться с тобой?

– С того, – откликнулся Джеймс, глядя вслед уходящему мальчику, – что ты тоже гриффиндорец. И, уверен, Распределяющая шляпа знала, что делает.

Скорпиус не остановился. Он продолжал идти в сторону замка. Джеймс постоял еще мгновение, вздохнул и двинулся следом. Ему оставалось лишь надеяться, что, несмотря на свой настрой, Скорпиус хотя бы поразмыслит над его словами.

Впоследствии Альбус рассказал Джеймсу, как все было.

В четверг вечером Табита, Филия и Альбус направлялись на

встречу Клуба обороны. Их отделяло от тренировочного зала несколько поворотов, когда они заметили приближающегося Скорпиуса.

– Просто разворачивайтесь и ступайте за мной, – тихо сказал он, попытавшись руками одновременно обхватить Табиту и Альбуса.

– Убери руки или тебе придется собирать их по кусочкам, – прорычала Табита, направив на Скорпиуса палочку.

– Тише, тише, – ответил мальчик, отодвигаясь, – я просто пытаюсь помочь вам.

– Как будто мы нуждаемся в помощи такого мелкого говнюка, как ты, – насмешливо оскалился Альбус.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но я пытаюсь избавить вас от проблем, – проворчал Скорпиус, глядя Альбусу в глаза. – Клуб твоего братца будет расформирован, и когда это случится, пострадают все присутствовавшие.

На лице Филии отразилось подозрение.

– О чем ты?

– Кто-то проболтался профессору Дебеллоузу, что ученики изучают защитные заклинания с целью принизить его методику преподавания. Также его ушей достигла информация о том, что кое-кто практикует Убивающие заклятия.

– Как коварно, – Табита внимательно изучала лицо Скорпиуса. – Но скажи-ка мне, зачем ты это сделал?

– Кто сказал, что это был я? – с невинным видом возразил Скорпиус.

– Он лжет, – сказал Альбус. – Он бы ни за что не пошел против своих однокурсников.

– Не желаете посторониться? – перебил Скорпиус, вглядываясь в другой конец коридора. Голоса быстро приближались. Из-за поворота появился Дебеллоуз в сопровождении Роуз. Она была чрезвычайно взволнована.

– Значит, это устроили Джеймс Поттер и вы? – мрачно произнес профессор. – Он, кажется, сын главы Управления мракоборцев? Я должен был это предвидеть: он доставит хлопот. Но, как я понял, вас было трое.

– В некотором смысле, – голос Роуз дрожал, – да. На мой взгляд, теперь бессмысленно что-либо скрывать. Скоро сами все увидите.

Пробегая мимо Скорпиуса, Роуз одарила его потухшим взглядом. Скорпиус усмехнулся.

Едва он скрылись, Альбус с яростью уставился на него.

– Зачем ты поступил так с моим братом?

– Вот как ты отплатил мне за предупреждение? Полагаю, голос крови не заглушить?

– И правда, зачем, Скорпиус? – спросила Табита. – Ты только усложнишь свои отношения с однокурсниками.

– Мои однокурсники – кучка заносчивых слюнтяев, – огрызнулся Скорпиус. – Им никогда не освоить настоящую магию – кишка тонка. Но на прошлой неделе я понял, что мне следует объединиться с вами. Да-да, – добавил Скорпиус. Он поднял руку, призывая к молчанию Филию, открывшую было рот, – я гриффиндорец. Но к чему все эти имена? Если бы они хоть что-то значили, Альбус бы уже сражался с вами обеими не на жизнь, а на смерть. Слизеринцы и Поттеры всегда были заклятыми врагами, верно я говорю? К счастью, все это в прошлом. Я не прошу принять меня в ваш "Клык и когти". Я всего лишь предлагаю открыть новый клуб и проводить занятия, например, в слизеринской комнате для тренировки заклинаний. Там мы можем обрабатывать все, что пожелаем, в полной секретности.

– И ваше величество снизойдет до нашего обучения? – мрачно фыркнула Филия.

– Не думаю, – ответил Скорпиус. – Видишь ли, я не смогу посещать собрания регулярно. К тому же, я предполагал, что занятия будут проходить в форме групповой практики. Мы можем учиться друг у друга, и никто не будет указывать, чего нам знать не положено. Тем не менее, мне *потребуется* доступ в помещения слизеринцев. Небольшое вознаграждение за сегодняшнее одолжение. Кроме того, как ты упомянула на прошлой неделе, Табита, у моей семьи богатое слизеринское прошлое.

– Крысеньш, – прошипела Филия. – Да ты просто бесишься из-за того, что оказался в Гриффиндоре.

– Ты умеешь дергать за ниточки, но это не делает тебя частью нашего факультета, – улыбаясь и качая головой, ответила Табита. – Ни один гриффиндорец не получит свободного доступа в наши помещения. Тем не менее... полагаю, мы сможем достичь компромисса.

– Большого я и не просил, – живо откликнулся Скорпиус. – А теперь мне пора. Скоро молот правосудия падет на маленький клуб Джеймса. И мое отсутствие вызовет подозрения. Позже поговорим.

Табита, Филия и Альбус смотрели, как Скорпиус развернулся и помчался в ту сторону, куда спешили Дебеллоуз и Роуз.

Несколько минут спустя мальчик добрался до двери в тренировочный зал. Она была закрыта. Сквозь узорчатое оконное стекло он видел, что в помещении темно. Он остановился и напряг слух. Секунду спустя послышались голоса, эхом раздававшиеся дальше по коридору. Он пошел на звук, повернув налево, в следующий переход. Скорпиус оказался в просторном зале, высокие окна тянулись вдоль одной стороны помещения. Джеймс и Роуз стояли рядом с Дебеллоузом в центре мраморного пола. Все трое, задрав головы, смотрели вверх. Дебеллоуз, достав палочку, тщательно прицеливался. Ральф, подвешенный за лодыжку, болтался высоко в воздухе.

– Мы только хотели попробовать, – оправдывался Джеймс. – Это называется Левикорпус. Я и не знал, что снять его оттуда можно только контрзаклятием.

– Держись, Ральф, – крикнула Роуз. Она заламывала руки, изображая беспокойство.

Дебеллоуз с отвращением покачал головой.

– Вот почему я не преподаю защитную магию младшим курсам, – отрезал он. – Никакого представления о последствиях. Хорошо хоть Летучемышиный сглаз случайно не выучили. В мое время он пользовался популярностью. Либеракорпус! – Дебеллоуз взмахнул палочкой, и Ральф перевернулся в правильное положение. Мгновение спустя он неуклюже плюхнулся на пол.

– Ух ты, – потрясенно воскликнул он. – Полный улет!

– Прошу прощения, профессор Дебеллоуз, – с порога заговорил Скорпиус. – Это моя вина. Я узнал это заклинание от дедушки. Мне следовало быть осмотрительней и не показывать его никому. Я усвоил урок.

– Надеюсь, – мрачно откликнулся Дебеллоуз. – Будь я менее снисходительным, то снял бы очки с ваших факультетов. Но я поверю вам на слово. Будем надеяться, что подобное больше не повторится. Есть еще какие-нибудь магические инциденты, с которыми мне следует

разобраться, прежде чем я вернусь в свой кабинет?

Все четверо учеников активно затрясли головами.

– Спасибо, профессор, – затаив дыхание, сказала Роуз. – Следить за работой такого мастера, как вы, – истинное удовольствие.

– Да, – Дебеллоуз разгладил складки на мантии, – конечно, я понимаю. Хорошего вечера, ребята. И, как я уже говорил, не называйте меня "профессор". Обращайтесь по имени – Кендрик.

– Кендрик, – повторила Роуз, словно очарованная каждым звуком. – Спасибо, сэр. Спокойной ночи.

Дождавшись, когда Дебеллоуз наконец уйдет, Скорпиус подошел к Роуз, Джеймсу и Ральфу.

– Боюсь, меня сейчас стошнит, – заявил он.

– Не то слово! – согласился Ральф. – Мы должны были изобразить благодарность, Роуз. А не молиться на каждый сантиметр земли под его ногами.

– Всегда пожалуйста, – Роуз вела себя так, будто ей сделали комплимент. – Я давным–давно отработала до совершенства этот прием на папочке.

– Ты немного меня пугаешь, Роуз, – ухмыльнулся Джеймс. – Пошли! Нам пора в тренировочный зал. Скорпиус, как все прошло с Табитой, Филией и Альбусом?

– Хорошо, как и планировалось, – пожал плечами мальчик. – Поверили мне, едва завидев Дебеллоуза. Они не вернуться.

Джеймс первым добрался до двери в зал. Распахнув ее, он вошел внутрь и зажег палочку. Участники Клуба сидели в полной темноте и восторженно перешептывались. Когда четверка вошла в помещение, все взгляды устремились к ним.

– Отлично, – начал Джеймс, держа палочку над головой. – Всем привет. Как я уже говорил несколько минут назад, у меня есть важное объявление. С прошлого занятия пошли многочисленные толки об изучении Непростительных заклятий. Преподаватель здесь Скорпиус, и ему решать, чему учить. Но прежде, чем мы перейдем к чему–то действительно страшному и могущественному, мы отточим уже имеющиеся у нас навыки и уделим некоторое время тренировке приемов, которые показал нам профессор Дебеллоуз на занятиях по ЗОТИ.

– Зачем вообще нам это надо? – спросил Нолан Битлбрик, вскакивая на ноги. – Я полагал, цель Клуба – научиться тому, что он нам не показывает.

Ответил ему Скорпиус:

– Цель Клуба – ознакомиться с защитными техниками и научиться применять их максимально хорошо. Кое–кто хочет вызубрить парочку быстрых заговоров и проклятий? Милости прошу. Но если вы надеетесь сражаться хотя бы вполовину так же успешно, как те, кто дополнительно освоит приемы Дебеллоуза, смею вас разочаровать.

Тут заговорил Ральф, чем немало удивил Джеймса:

– Понимаю: выполнять приемы и упражнения Дебеллоуза не слишком интересно. Именно поэтому параллельно мы будем изучать заклинания и чары. Но Джеймс прав. Нужно знать и то, и другое. Только так мы будем максимально подготовлены. Кто–то недоволен? Тогда не забывайте, что здесь клуб, а не уроки. Можете уйти в любой момент.

Нолан Битлбрик по–прежнему стоял. Он видел, как все повернулись к нему, и нерешительно потоптался на месте.

– И кто же будет обучать нас *Артис Децерт*? – выдал он, указывая на Скорпиуса. – Сомневаюсь, что дед его такому учил.

– Нет, – ответил Джеймс, пристально глядя на Скорпиуса. – Мы нашли другого учителя. Сам он не знаком с этой техникой, но будет работать в паре с тем, кто освоил ее в совершенстве. Впредь они вдвоем будут вести занятия.

– Мда? – подал голос Битлбрик, положив руки на колени. – И кто же это?

– Я, – раздался чей–то голос. Нолан подскочил и отступил на шаг – рядом с ним из стены появились два привидения. – И она.

Джеймс улыбался, глядя, как Седрик движется к середине комнаты, озаряя мягким светом темное пространство вокруг. Рядом с ним плыла Серая Дама.

Битлбрик снова опустился на пол, зачарованно уставившись на Седрика и бледную высокую женщину.

Роуз откашлялась.

– Седрик, думаю, всем будет полезно услышать предысторию.

Призрак оглянулся к Роуз и кивнул.

– Конечно, – обратился он к собравшимся членам Клуба. – Меня зовут Седрик Диггори. Думаю, все узнали мою спутницу. Это Серая Дама. Она попросила меня не называть ее настоящего имени. Но суть в том, что она владеет приемами Артис Децерто. Очевидно, в ее времена женщин обучали искусству обороны. И... в общем, ее мама считала, что хорошее обучение ей не повредит.

Голос Серой Дамы был высоким и раздавался словно бы издалека:

– Меня обучал лучший в мире преподаватель военной магии. Он сообщил мне по секрету, что я – одна из его самых одаренных учениц.

Большинство присутствующих видели Серую Даму в коридорах школы, но мало кто слышал ее голос. Грэхем Уортон нерешительно поднял руку.

– А кто был вашим учителем, мисс?

Дама посмотрела на него и слегка покачала головой:

– Мой отец. Он изобрел эту технику.

– Слушайте, – заговорил Битлбрик, – не хочу показаться невежливым, но я должен спросить. Если вы умели уклоняться от заклятий и чар так же здорово, как Дебеллоуз, почему вы погибли в столь юном возрасте?

Казалось, вопрос школьника ничуть не смутил Серую Даму. Она откинула призрачную шаль, открывая верх платья. Его изувечила ужасная ножевая рана, такая же красная, так в день, когда ее нанесли.

– Как видите, – ответила она, – меня убило не заклинание.

Джеймс наклонился к Роуз:

– Твое желание сбылось, – прошептал он. – Приемам Артис Децерто нас будет обучать женщина.

– Джеймс, мне действительно очень нравится все, что мы изучаем в Клубе обороны, – произнес Кэмерон Криви, следуя поздним субботним утром вниз по лестнице за Джеймсом. – Кто вообще мог предположить, что у Серой Дамы седьмой уровень мастерства по боевой магии! Она

ведь всегда казалась такой тихой и немощной, верно? Да еще Седрик Диггори помогает ей преподавать. Я это к тому, что – просто с ума сойти! Кто бы мог о таком подумать!

– Ага, – Джеймс пошел быстрее. – Рад, что тебе нравится Клуб.

У главного входа стояла группа старшекурсников в джинсах, джемперах и куртках. Они что-то возбужденно обсуждали. Профессор МакГонагалл стояла во главе очереди, принимая от каждого ученика и осматривая маленькие пергаменты.

– Да, да, мистер Мецкер, не зачем показывать его, – сказала она, глядя, как Ной размахивает разрешением. – Ступайте. И если я еще раз поймаю вас с этими ужасными Перуанскими баллистическими бобами, то одним лишь вычетом баллов вы не отделаетесь, уж поверьте мне на слово. Кто следующий?

– Джеймс, какая жалость, что ты не можешь пойти, – прокричал Дэмьен, когда Джеймс проталкивался мимо очереди, направляясь во двор. – Сам знаешь, прогулки в Хогсмид только для третьекурсников и старше. – Он подмигнул и ухмыльнулся. Сабрина ткнула его локтем в живот.

– Жаль, что я не могу отправиться в Хогсмид, – с легкой завистью произнес Кэмерон, глядя вслед уходящим ученикам. – Но я уверен, существует веская причина, почему туда не пускают студентов младших курсов.

– Ага, – Джеймс остановился и повернулся к мальчику. – Что ж, Кэмерон, уверен, тебе есть, чем заняться. Не буду задерживать.

Кэмерон покачал головой.

– Вообще-то, нет, мне совершенно нечем заняться. Я как бы надеялся, что...

– Джеймс! – позвала Роуз. Она бежала к нему через весь двор и запыхалась. – Ральф скоро будет. Этот хитрюга выманил вредноскоп у Трентона Блоча. Предупреждение Зейна, несомненно, насторожило его, и он решил подстраховаться, поскольку сегодня... э-э-э... Привет, Кэмерон.

– Привет, Роуз, – откликнулся тот. – Что происходит?

Роуз, слегка нахмурившись, посмотрела на Джеймса.

– А? Что? Ничего. Ну ты же знаешь. Суббота, то да се. Все как обычно. Скукота, если честно.

– Тогда зачем твоему другу Ральфу понадобился вредноскоп?

Джеймс положил руку на плечо Кэмерона, пытаясь направить того обратно в сторону главного входа.

– А знаешь, Кэмерон, сегодня отличный день для отработки каких-нибудь заклинаний и заговоров. Тренировочный зал будет открыт весь день. Уверен, кто-нибудь из Клуба с удовольствием составит тебе компанию.

– Может, это будете вы трое? – Кэмерон вынырнул из-под руки Джеймса. – Раз уж у вас самих нет никаких планов.

Роуз откашлялась.

– Ну, не то чтобы у нас совсем не было никаких планов. Просто они...

– Секретные, – вставил Джеймс в тот самый момент, когда Роуз произнесла: – Скучные.

– Секретные, э-э-э, скучные планы, – кивая, продолжил Джеймс. – Клубные дела. Составление расписания, и подсчет участников, и... и...

– И планирование полевых практик! – добавила Роуз, оживляясь.

– Мы что, отправимся на полевую практику Клуба обороны? – недоверчиво спросил Кэмерон.

– Ну разумеется, – ответил Джеймс. – Это, конечно, секрет, так что не проболтайся. Мы намерены отправиться... э-э-э...

– Э-э-э, – вторила ему Роуз, – с Хагридом в Запретный лес, чтобы потренироваться в Артис Децерто с...

– Кентаврами! – добавил Джеймс и кивнул. – Да, как-то так.

Кэмерон выглядел слегка озадаченным.

– А разве кентаврам известно Артис Децерто?

– Конечно, – уверенно заявила Роуз. – Да они практически его создали. То есть, в смысле, *на самом деле* они его не создавали, но в сущности... Как бы там ни было, это большой секрет, поэтому никому не рассказывай, договорились?

– Всем привет, – поздоровался Ральф, подойдя к компании и ввалив на плечо свой ранец. – Мы готовы идти...

– К Хагриду, – перебил его Джеймс. – Обсудить полевую практику. Уверен, он ждет нас с минуты на минуту. еще увидимся, Кэмерон.

Недоверчиво прищурившись, Кэмерон поочередно посмотрел на Джеймса, Роуз и Ральфа, и вдруг радостно улыбнулся.

– Да! Конечно. Я никому не расскажу. Я никогда не видел кентавра вживую. Это будет классно!

– Кентавры? – переспросил Ральф, обращаясь к Джеймсу. – Ты ничего не говорил о...

– Круто! – Джеймс снова перебил его. – Спасибо, Кэм. Но пока – никому, хорошо? Увидимся позже.

Кэмерон кивнул и попятился. Наконец он повернулся и побежал к замку.

– Что это вообще было? – удивленно спросил Ральф, как только они завернули за угол.

– Тайный поклонник Джеймса, – произнесла Роуз. – Пришлось на ходу придумывать, чтобы избавиться от него.

– Думаешь, сможешь найти тайный нарост? – спросил Джеймс, меняя тему.

– Дженнифер отметила его зеленой краской. Со стороны похоже на мох, пока не подойдешь поближе. Наверное, его легко найти, если, конечно, знаешь, что искать, – ответила Роуз.

Когда они добрались до вершины холма и уже показалась Гремучая ива, под березой Джеймс нашел длинную палку. Он улыбнулся и показал ее друзьям. Роуз серьезно кивнула.

– Твоя задача – найти секретный нарост, Джеймс. Потом, – сказала она, – просто хорошенько ткни в него. Как только Ива замрет, мы спустимся за тобой в лаз между корнями.

Джеймс схватил палку и подошел к дереву. Ива, казалось, разгадала его намерения. Она слегка выпрямилась, скрипя корнями и угрожающе размахивая ветвями над головой мальчика.

– Пригнись! – крикнул Ральф. – Подберись ближе к корням, тогда и дотянешься до нароста. Большие ветки тебя не достанут, а вот мелкие, зеленые, могут, если ты будешь слишком сильно высовываться.

Джеймс на четвереньках полз вперед. Над его головой ветви дерева со свистом рассекали воздух. Небольшая ветвь, словно хлыст, замахнулась и попыталась вырвать палку из его рук. Она промахнулась, но Джеймс почувствовал дуновение ветерка от ее удара.

– Осторожно! – неестественно тонким голосом закричала Роуз. – Ты почти на месте! Медленней!

Джеймс подошел так близко, как только мог. Он гадал, хватит ли

длины его палки, глядя на ее дрожащий кончик. Он видел зеленую отметку, сделанную Дженнифер Теллус. Вблизи было видно, что та изобразила крохотный смайлик. Гремучая Ива грозно заскрипела, и Джеймс почувствовал, как она склоняется все ближе и ближе к нему. Он сделал выпад и ткнул палкой, включив потайной механизм.

– Получилось! – радостно закричала Роуз. Джеймс услышал, как Ральф и Роуз помчались вперед. Он поднялся, скользя на мокрой траве, и неуклюже протиснулся в темную щель между массивными корнями Ивы. Мальчик приземлился с глухим стуком в небольшой впадине под деревом. Мгновение спустя, он услышал, что Ральф и Роуз тоже тут. Они приземлились по обе стороны от Джеймса, чудом не задев его в темноте. Джеймс засмеялся с облегчением. Он стал подниматься на ноги, как вдруг кто-то четвертый впрыгнул внутрь, приземлившись прямо на него. Неизвестный толкнул его коленом в грудь и выбил весь дух. В отдалении послышался злобный скрип Ивы.

– Что за... – начал было Ральф, бросаясь за пришельцем и пытаясь поймать его. Он как раз схватил незнакомца за воротник, когда Роуз достала свою палочку.

– Люмос! – выкрикнула она, поднимая ее вверх.

Свет озарил худощавую фигуру Кэмерона Криви, болтающуюся в хватке Ральфа. Мальчик был весь в грязи, к его лицу прилипли кусочки коры, но все же он продолжал смело ухмыляться.

– Привет, ребята, – сказал он, отдуваясь. – Так, значит, полевая практика, да?

Глава 15. Прочь из Хогсмида

– Я не смог удержаться, – не умолкал Кэмерон, пока они вчетвером пробирались по туннелю. – Я знал, что вы задумали что-то потрясное! Увидел, как вы направились к Гремучей иве. Помню, читал где-то, что во времена наших родителей тут был тайный ход. Говорят, после битвы он обвалился, и все же я был уверен, что вы обязательно найдете его, если захотите. В общем, я проследил за вами. Хотел окликнуть, но тут заметил, как дерево замерло, и вы кинулись к нему. И я сделал первое, что пришло мне в голову – побежал за вами. И едва успел! Ива ожила, едва я добрался до нее! Она ударила меня, но чутка промахнулась!

– Глупое ленивое дерево, – пробормотал Ральф.

– Кэмерон, это было весьма опрометчиво, – упрекнула Роуз. Она по-прежнему держала палочку над головой, освещая путь.

– Эй, вы не можете меня осуждать, – запротестовал Кэмерон. – Я перечитал все рассказы о Гарри Поттере раз двенадцать! Увидев, как вы сбегаете, я понял: вы отправляетесь в грандиозное тайное приключение! Просто хотел увидеть своими глазами. Обещаю, что не буду путаться под ногами!

– Все эти рассказы – полная чушь, – пробурчал Джеймс, сам тому не веря. – Отец говорит, что так и не смог дочитать их до конца. Они выставляют его эдаким отчаянным сорвиголовкой. На самом деле, все было очень страшно, люди умирали, а ему просто везло.

– А, я знаю, – ничто не могло остудить энтузиазм Кэмерона. – Поверь мне, я все понимаю. Книжки Ривальвье сильно отредактированы. В конце концов, они же для детей были написаны. И все же папа говорит, суть историй осталась без изменений. И твой отец действительно сражался с Волдемортом и одолел его, а все потому, что его мама умерла, спасая его, и тем самым дала ему защиту. Ведь это не выдумка, верно?

– Слушай, Кэм... – Джеймс начал злиться, но Роуз кашлянула и ткнула его локтем.

– Не мы одни потеряли близких в войне против Волдеморта, – тихо сказала она.

Джеймс вспомнил. Дядя Кэмерона – Колин – погиб во время битвы за Хогвартс. Джеймс вздохнул.

– Ну, хорошо, думаю, сегодня ты можешь пойти с нами. Но, поверь, не будет никаких грандиозных приключений.

– И не надо, – мрачно произнес Ральф.

– Я же говорила тебе, Ральф, – ответила Роуз, – технически туннель, ведущий в Хогсмид, – часть Хогвартса. На него распространяется защита Мерлина. Здесь мы в безопасности.

Похоже ее слова не сильно успокоили Ральфа.

– А что будет, когда мы доберемся до Хогсмида? Или ты скажешь, что каким-то образом вся деревня тоже "технически часть Хогвартса"?

– На самом деле, это не так уж невозможно, – задумчиво протянула она. – Ведь, по сути, она – остаток земель, принадлежащих замку. Так или иначе, там будет полно народу, нападение маловероятно в такой толпе. К тому же никто из нас не видел директора уже две недели, не так ли?

– Я видел его вчера, – пискнул Кэмерон, – в коридоре возле общей гостиной. Он словно бы... прогуливался там.

Джеймс обернулся к Кэмерону.

– Ты видел Мерлина в замке? А ты уверен, что это был он? Я думал, он отправился в путешествие. По крайней мере, так сказал профессор Долгопупс.

– Значит, он уже вернулся, – заметил Кэмерон. – В чем дело? Я думал, он вам нравится.

– Да, это так, Кэм, – сказала Роуз. – Он нам очень нравится. Просто, эээ... не хочется, чтобы нас застали в таком месте.

Кэмерон ухмыльнулся.

– О да, вам троим лучше не попадаться. Это может плохо закончиться, верно?

Этот надоеда уже начинал действовать Джеймсу на нервы.

– Мы не в одном из тех рассказов, знаешь ли. Мерлину известно о происходящем вокруг школы. Так что если он окажется здесь...

– Давайте не будем нагнетать, – успокаивающе сказала Роуз. – Мы не делаем ничего плохого. Просто хотим прогуляться по Хогсмиду, только и всего. Ничего страшного с нами случиться не может. Кэмерон прав. Это не одна из тех историй, в которой нас всех схватили бы враги,

поджидающие в Визжащей Хижине, – тут ее голос упал до шепота, – так ведь?

– Зависит от того, какая именно это история, – мрачно ответил ей Ральф.

Несколько минут все нервно молчали, продолжая шагать вперед. Некоторое время спустя начался подъем, закончившийся грудой сломанных ящиков и мебели, окутанных паутиной. За ними ничего нельзя было разглядеть.

– Мы, должно быть, находимся под Хижиной, – прошептала Роуз. – Джеймс, как ты думаешь, там есть выход?

– Наверняка, если нам удастся перебраться через весь этот хлам, – Джеймс начал осторожно раздвигать ящики, складывая их один на другой. Облако пыли, поднявшееся в результате его усилий, было настолько плотным, что свет палочки Роуз едва мог пробиться сквозь него. По стенам пробежало несколько крупных пауков.

– Так значит, мы в Визжащей Хижине? – спросил Ральф дрогнувшим голосом. – Стоит ли ожидать, что она начнет, гм, визжать?

– Она не будет этого делать, Ральф, – ответила Роуз. – Это долгая история, но сейчас здесь нечего бояться. По крайней мере, в данное время.

Ральф сглотнул.

– Тогда почему мы шепчем?

– Получилось, – сказал Джеймс, вытирая пот со лба рукавом. – Теперь можно хоть что-то разглядеть. Там темно, но если мы пригнемся, то сможем попасть в следующую комнату.

Джеймс двинулся вперед, на коленях протискиваясь сквозь небольшое отверстие. Теперь ему стало ясно, что вход в туннель изначально должен был быть шире, но время было беспощадно к Визжащей Хижине, несколько потолочных балок упало, а стены покосились и обрушились, частично загородив годами неиспользуемый проход.

– Ого! – воскликнул Кэмерон, пока все четверо усердно отряхивались от пыли. – Так здесь все и произошло! Именно здесь Гарри Поттер узнал всю правду о Сириусе Блэке. Готов поклясться, именно на этом самом месте Блэку почти удалось прикончить эту подлую крысу, Питера Петтигрю!

– Спасибо за ремарку, Кэм, – проворчал Джеймс. – Пошли, пора выбираться отсюда.

Тут Кэмерон взвизгнул так, что все подпрыгнули.

– А это, должно быть, то место, где Волдеморт натравил свою змею Нагайну на профессора Снейпа! – восхищенно выдохнул мальчик. – Возможно, он умер именно там, где ты сейчас стоишь, Ральф!

– Послушай, не мог бы ты прекратить трещать о том, кто и как был здесь убит? – воскликнул Ральф. – Это место и так не блещет позитивом.

– Ой, – с глуповатым видом понурился Кэмерон. – Ты прав. Извини.

Они осторожно пробрались вверх по лестнице, переступая через обломки мебели и осыпавшуюся штукатурку. Джеймс про себя надеялся, что полуразрушенная Визжащая Хижина просто не рухнет им на головы в один прекрасный момент. Ветер свистел и стонал сквозь щели в окнах, заставляя весь дом поскрипывать. Когда они достигли первого этажа, света, проникающего сквозь разбитое окно, оказалось достаточно, чтобы Роуз могла потушить палочку.

– А вот и дверь, – ткнул пальцем Кэмерон.

Старая дверь оказалась на удивление прочной, она так крепко засела в проеме, что потребовались усилия всех четверых, чтобы сдвинуть ее с места.

– Вы не представляете, как я рад оказаться снаружи, – сказал Ральф, выпрыгивая на покосившееся крыльцо. – Похоже, это милое здание сохраняет свою форму только по привычке.

Джеймс оглянулся на Хижину.

– Ладно, будем надеяться, она продержится еще несколько часов.

– Не знаю как вам, – пробормотал Ральф, глядя поочередно на Джеймса и Роуз, – а мне сейчас как-то страшновато закинуть в рот Лучшую Взрывающуюся Жевательную Резинку Друбблс и пойти сказать "привет" Теду.

Роуз тряхнула головой и побежала по тропинке, ведущей к деревне.

– Ой, да ладно тебе, Ральф. Где твоя страсть к приключениям?

– Похоже, я израсходовал ее в том году.

– Самое страшное позади, Ральфинатор, – улыбнулся Джеймс. – Пошли, повеселимся!

– Давайте быстрее, – крикнул Кэмерон, бывший уже на полпути между ними и Роуз. – Я хочу в туалет!

Ральф закатил было глаза, затем ухмыльнулся Джеймсу:

– Спорим, я быстрее?

Все четверо направились на Верхнюю улицу и некоторое время блуждали по ней, зачарованные разнообразными магазинчиками и обтекающей их шумной толпой. Джеймс и Ральф начали было спорить о том, что посетить в первую очередь – «Сладкое Королевство» или «Всевозможные Волшебные Вредилки Уизли», когда Роуз восхищенно вскрикнула, указывая на один из магазинов.

– Писарро? – спросил Джеймс, в то время как Роуз уже рванулась вперед. – Ты считаешь, что в первую очередь надо зайти в магазин перьев?

– Я знаю, что нет времени рассмотреть все, – ответила Роуз, толкая дверь, отозвавшуюся звоном колокольчика, – но я сгораю от нетерпения своими глазами увидеть новейшее самозаполняющееся перо Хеддельбума из хвоста дронта. О, вы только посмотрите на это! Оно запоминает все, что вы им писали, и потом способно выдавать запомненное обратно! Это фактически перо–напоминалка!

– Похоже, и правда полезная штука, – заметил Джеймс, его глаза загорелись, – перо, которое может за тебя написать все тесты. Интересно, сколько стоит?

Роуз с негодованием посмотрела на Джеймса.

– Просто поразительно, насколько ты стремишься избегать даже малейшей учебной нагрузки, Джеймс.

– Да, – счастливо заявил Джеймс, – дядя Рон гордился бы мной.

Друзья шатались по улице, по пути заглядывая почти во все магазины и лавки. Кэмерон купил новый чехол для волшебной палочки в "Кожевенной Хайрама и Блэттвотт". Он потряс приобретением перед глазами у Джеймса и Ральфа.

– Защищает покрытие, одновременно повышая магические свойства! – Кэмерон с гордостью зачитывал рекламный проспект. – Внутренняя поверхность выстлана замшей, пропитанной Полировочным Раствором Вимнота для палочек и Маго–Магером. Очищает и восстанавливает волшебную силу каждый раз, когда я кладу сюда палочку!

– Потрясно, Кэм, – кивнул головой Ральф. – Выглядит весьма эффектно.

– Спасибо! – ухмыльнулся Кэмерон. – Может, заскочим в газетный киоск? Хочу посмотреть, есть ли у них новый выпуск *Изумительных Историй*.

Объект их поисков находился тут же на углу Верхней улицы и Ворчливого переулка. Джеймс в первый раз в своей жизни увидел двухэтажный газетный киоск. Спиральная лестница поднималась вдоль стены ко второму этажу, окруженному тонким кованым бортиком, по которому расхаживали ведьмы и волшебники, рассматривающие разнообразные газеты и журналы. Строение венчала небольшая совятня, заполненная множеством птиц всех цветов и размеров.

Казалось, они улетали и прилетали каждую секунду. Совами занимался маленький человек, восседавший за круглым столом в центре. Едва прилетала очередная сова, он, развернувшись на стуле, принимал у нее ношу. В большинстве случаев это были небольшие полоски пергамента, свернутые на манер свитка и закрепленные в латунной трубке на ноге совы. Получив послание, человек озвучивал его содержание в рупор. Его голос, проходя через замысловатую систему расширяющихся трубочек и мехов, отчетливо раздавался по всей Верхней улице.

– Экстренное сообщение из Турции, – мужчина говорил на удивление низким баритоном. – Великий визирь Магического халифата Раджа Хассаджа скоростно скончался. Временно исполняющим обязанности назначен его заместитель Ахмед–аль–Мустафа. Управление Международного волшебного банка заморозило все сделки с Халифатом до окончания кризиса. Будем держать вас в курсе событий.

– Вы только гляньте, кто попал на обложку «Придиры», – радостно воскликнула Роуз, хватая экземпляр с нижней полки. Джеймс склонился над ее плечом, изучая журнал. *«Дочь основателя «Придиры» выходит*

замуж», – гласила подпись к фотографии, на которой Полумна Лавгуд со счастливой улыбкой принимала кольцо от своего ухажера Рольфа Скамандера. Было очевидно, что кадр постановочный, но улыбка Полумны была искренней, да и на лице жениха, имевшем сходство с жуком, безошибочно читалась любовь. На снимке Полумна принимала кольцо и протягивала его к камере. Похоже, оно было из янтаря, с каким-то насекомым внутри.

– Свершилось наконец – хмыкнул Ральф.

– Я так рада за нее, – Роуз положила журнал обратно. – Она так долго мечтала о замужестве. Она хочет завести семью.

– С чего ты так решила? – нахмурившись, спросил Джеймс. – Я знаю Полумну всю свою жизнь, и она никогда не говорила ничего подобного.

– Все потому, что ты не прислушиваешься к нужным разговорам, – надменно ответила Роуз.

Над их головами вновь раздался усиленными голос диктора из совятни:

– И снова сообщение из Лондона: в центре города участились случаи таинственных появлений дементоров. В ходе расследований не удалось выяснить, откуда они взялись и где появятся в следующий раз. Тем временем радиус поражения растет ежедневно, достигая угрожающей скорости в прилегающих районах. Магловские репортеры взялись освещать события, выдвигая самые разнообразные теории происходящего. Чтобы переломить ситуацию, Министерство магии объявило о формировании нового подразделения мракоборцев, которым будет поручено обнаружить и уничтожить источник дементоров. Между тем многие обеспокоенные члены магического сообщества покидают свои дома в центральном Лондоне до тех пор, пока необъяснимые появления не будут взяты под контроль. Мы продолжаем следить за ситуацией.

Ральф побледнел, как полотно.

– Я кое-что слышал о скоплениях дементоров, когда приезжал домой на каникулы, но и подумать о таком не мог. Кажется, все стало еще хуже. Думаете, это как-то связано с появлением Привратника?

– Должно быть, – Джеймс вспомнил давнюю беседу с директором. – Мерлин говорил, что борли – это, по сути, будущие дементоры.

Может, Привратник – *верховный* дементор. Может, он созвал тех, что остались на свободе, и с их помощью начал свое дело на земле.

Роуз передернуло:

– Даже подумать страшно! Если это правда, то твои родители, Джеймс, в опасности, поскольку работают в Министерстве. Особенно папа. Если его поставят во главе нового отряда, он будет преследовать Привратника, даже не подозревая об этом! Мы обязаны его предупредить!

Джеймс знал, что Роуз права, и кивнул.

– Как только вернемся, отправлю папе сову. Расскажу все, что нам стало известно.

– Но зачем Привратнику использовать дементоров? – удивился Ральф. – Я думал, он может напрямую воздействовать на людей.

Ответила ему Роуз:

– Может, но пока что на несколько человек за раз. Он питается страхом и ужасом, поэтому использует дементоров, чтобы получить желаемое. Но это доказывает, что он пока не нашел себе хозяина. Как только он вселится в него, дементоры ему больше не понадобятся. Он будет напрямую связан с человечеством. Тогда он сможет воздействовать на толпы людей, и ничто его не остановит.

– Нужно найти обе половинки Сигнального камня, прежде чем это случится, – горячо воскликнул Джеймс. – Любой, кто владеет целым камнем, может отправить Привратника обратно в Пустоту, так?

– Мы так и не узнали, где искать часть, которая принадлежала Слизерину, – посетовал Ральф. – А другая часть, местоположение которой нам известно, находится на пальце одного из самых могущественных магов в мире. По сравнению с этим прошлогодняя кража портфеля Джексона – приятная прогулка по парку.

– По крайней мере, мы знаем, где Сигнальное кольцо Мерлина, – невозмутимо ответил Джеймс. – Осталось только выяснить, кто унаследовал кольцо Слизерина.

– Да без проблем, – иронично заметил Ральф. – Всего-то выследить таинственное черное кольцо, передававшееся по наследству тремя дюжинами поколений темных магов. Проще простого!

– Какое еще таинственное черное кольцо? – вмешался Кэмерон, вернувшийся с покупками.

Роуз закатила глаза:

– Никакое, Кэмерон. Мы тут просто пытаемся спасти мир. Знаешь, каждый день этим занимаемся.

– А! – мальчик слегка нахмурился. – Я просто подумал, вы про семейную реликвию Мраксов, которую Дамблдор передал отцу Джеймса.

Джеймс, Ральф и Роуз, все как один, посмотрели на Кэмерона. Тот нервно заморгал.

– Какую реликвию? – уточнил Ральф.

Кэмерон криво улыбнулся, решив, что над ним смеются.

– Сам знаешь. Кольцо, внутри которого был Воскрешающий камень. В последней книге говорилось, что оно было одним из Даров Смерти. Директор Дамблдор завладел им и передал Гарри Поттеру внутри золотого снитча. Вы же помните... э-э-э, нет?

Троица обменялась взглядами.

– Разве может быть все так просто? – удивилась Роуз.

Глаза Джеймса округлились; ему в голову пришла мысль:

– Кэмерон, ты знаешь эти книги вдоль и поперек, так? Расскажи все, что помнишь о кольце.

Кэмерон озадаченно посмотрел на Джеймса, но, пожав плечами, начал:

– Согласно легенде, когда-то кольцо принадлежало Смерти. Оно позволяло владельцу видеть мертвых и говорить с ними. Наследники Салазара Слизерина передавали его из поколения в поколение, пока оно не оказалось у Мраксов. Волдеморт забрал кольцо и превратил его в – эм – крестраж, – последнее слово Кэмерон произнес шепотом, словно оно было ругательным. Продолжил он уже нормальным голосом: – Позже Дамблдор разыскал кольцо и расколол его мечом Гриффиндора, сделав бесполезным для Волдеморта. После смерти Дамблдор завещал камень Гарри Поттеру, спрятав его в снитче. В книге Гарри воспользовался камнем, чтобы поговорить с умершими родителями, когда шел в Лес сражаться с Волдемортом. С тех пор никто не знает, что стало с камнем. В общем, когда вы сказали что-то о таинственном черном кольце, я было подумал, что речь о нем. Виноват.

– Кэмерон, – серьезно сказала Роуз. – Дай я тебя расцелую, дурачина. Ты молодец!

Кэмерон покраснел и, ухмыляясь, вцепился в купленные журналы.

– Ты всерьез считаешь, что Сигнальный и Воскрешающий – один и тот же камень? – спросил Ральф.

– Похоже на то, – ответил Джеймс. – Он черный, находится в кольце и передавался, начиная с Салазара Слизерина, через многие поколения.

– И позволяет владельцу общаться с мертвыми, потому что явился из Пустоты, через которую проходят души всех усопших, – добавила Роуз.

Ральф вздрогнул:

– А дальше? Что случилось с ним после той ночи в Лесу?

– Как и сказал Кэмерон, – вздохнула Роуз, – никто не знает. Если не ошибаюсь, упоминания специально убрали из книги, чтобы никто не соблазнился на поиски камня. Он считается навсегда утерянным. Никто не знает, где он и существует ли до сих пор.

В задумчивости Джеймс сощурил глаза. Он решил не говорить, что знает по крайней мере одного человека, которому известна судьба Воскрешающего камня. И Джеймс был одним из немногих, кто мог задать этому человеку вопрос и, возможно, даже получить ответ.

Вчетвером они направились в «Три метлы», который старшекурсники нередко называли «Три метловища». Они заказали сливочное пиво и закуски. Оживленно беседуя и подзывая друг друга, за столиками сидели студенты Хогвартса. Когда Джеймс уже доедал сосиски, в дверь протиснулись Сабрина, Дэмьен и Дженнифер Теллус. Дэмьен ухмылялся, пока они проталкивались сквозь толпу.

– Смотрю, пробрались–таки по туннелю, – воскликнул он. – Знаете, я вам даже завидую. Мы первыми обнаружили проход, и я надеялся первым увидеть Визжащую хижину изнутри. Какая она?

– Едва стоит, – ответил Джеймс. – Тебе повезет, если она не рухнет к тому моменту, как ты проберешься туда сам.

– Где Ной и Петра? – поинтересовалась Роуз.

– Голубки опять бранятся у мадам Паддифут. Говорила им, что ничего хорошего из их отношений не выйдет.

– Они ведь не встречаются всерьез, – Сабрина выдвинула стул и села. – Так, милуются. Это не одно и то же.

Джеймс резко поднял голову, удивленный, что каким–то образом

упустил такое развитие событий:

– И давно они, гм, милуются?

– Начали примерно за неделю до Рождества, – ответила Сабрина. – Наверное, репетиции на них так повлияли. Сначала вы притворяетесь, что любите друг друга, а потом чувства просачиваются в реальную жизнь.

– Джеймс знает об этом не понаслышке, – заявил Ральф, отправляя в рот последний кусок сосиски. Джеймс вздохнул.

– Из-за чего они ссорятся? – любопытствовала Роуз.

Дэмьен картинно взмахнул рукой.

– Ной видел, как Петра и Тед о чем-то серьезно беседовали у магазина Уизли. Она плакала, Тед тоже выглядел не слишком счастливым. А Ной – тот еще ревнивец, сами знаете.

– Мог бы догадаться, во что ввязывается, начиная встречать с бывшей девушкой лучшего друга, – надменно заявила Дженнифер. – Как ни крути, сплошные проблемы.

– А я вот не понимаю, что Тед нашел в Виктуар, – сказала Сабрина. – Ему так повезло с Петрой. Как ни крути, а Виктуар – заносчивая дура. Без обид.

Роуз махнула рукой:

– Не надо извиняться. Зачастую мы думаем так же.

Джеймса накрыла волна жара и гнева. Он уставился в окно, смущенный собственными мыслями и чувствами. Ной и Петра встречаются – эта новость больно задела его. Ему всегда нравился Ной, но сейчас в нем неожиданно возникло желание найти парня и ударить его. Ирония заключалась в том, что Джеймс знал, где его искать: прямо сейчас тот сидел вместе с Петрой в нелепой розовой чайной мадам Паддифут. Хуже всего, Джеймс теперь точно знал, что Ной – не главная проблема. Как и говорила Роуз, Петра все еще влюблена в Теда Люпина, хотя тот уже встречается с Виктуар. Вся ситуация безнадежно запутана, и Джеймс с разочарованием понял, что ничего не может поделать.

Наконец тему разговора сменили. Джеймс, Роуз, Ральф и Кэмерон попрощались с Гремлинами и вышли из бара. Солнце садилось, и на улице стало холоднее. Дул порывистый ветер, по улицам летали обрывки газет и обертки от сладостей. Ученики торопились обратно в замок. Четверка направилась к Визжащей хижине, по пути решив

заскочить во «Всевозможные Волшебные Вредилки», чтобы поздороваться с Джорджем и Тедом.

– Старый туннель снова открыт, да? – стоявший за прилавком Джордж ухмылялся. – Отлично. Поскольку все жутко боялись призраков в Хижине, мы с Фредом однажды побывали там. Впрочем, до конца не дошли, но забрались достаточно далеко и оставили надписи на стенах.

Роуз кивнула:

– Да, кажется, я видела их. Особенно забавной вышла карикатура на профессора Снейпа.

– Ее Фред рисовал, – со вздохом ответил Джордж. – Он был в этом мастер. Говорил, главное – крючковатый нос.

– Как дела в магазине? – спросил Джеймс.

– Блестяще. С тех пор, как мы выкупили «Зонко», дела пошли в гору. Знаете, у них много постоянных покупателей. Хотели даже перенести главный магазинчик в Косой переулок, но Рон против. Говорит, там, где сейчас – лучше.

Роуз оценивающе огляделась:

– Сдается мне, Теду нравится здесь работать. Это место как раз в его вкусе.

– О да, – согласился Джордж. – Хорошо, что он здесь. Тед – усердный работник, и к тому же может подбросить пару идей для новых товаров. Последняя партия «Всекусных конфет» – в основном его идея, хотя на вкусе «гуаномоле»^[12] пришлось остудить его пыл. Вот только сегодня от парня никакой пользы. Для него эти вылазки в Хогсмид как воссоединение с семьей. Весь день снует туда–обратно, занимаясь бог–знает–чем.

Раздался громкий щелчок. Обернувшись, Джеймс и Роуз увидели, как Кэмерон отчаянно трясет пальцем, пытаясь смахнуть нечто, вцепившееся в него.

– Что схватил, то купил, дружище, – весело откликнулся Джордж, выходя из–за прилавка. – Шучу, конечно. Наши кусачие галеоны. Вот умора: просто кладешь один на землю и ждешь, пока его не увидит ничего не подозревающий прохожий.

– Выглядит как настоящий, – признал Кэмерон, пока Джордж

снимал с его пальца фальшивую монету. – Пока не вцепится в тебя. Просто – ах – класс. Спасибо.

– Думаю, тебе также понравятся наши Трансгрессирующие панталонные бомбы, – Джордж повел Кэмерона к другой полке. – Диапазон действия расширен до трех метров. Отлично подойдут для вечеринки.

Решив оглядеться, Джеймс просунул голову в заднюю комнату, где обнаружил сидевшего на ящиках Теда. В последнее время тот снова стал менять свою прическу, пользуясь способностями метаморфа, совсем как в детстве. Сегодня волосы у него были довольно длинными. Свисавшие темные пряди частично заслоняли его лицо. Джеймсу показалось, что он немного похож на давно умершего Сириуса Блэка.

– Привет, Тед, – окликнул его Джеймс. – Как жизнь?

Тед поднял глаза, но Джеймс по-прежнему не видел его лица полностью.

– А, привет, Джеймс. Все в порядке.

– Как проходит подготовка к вступлению в Национальную сборную по квиддичу?

– Хмм? – промычал Тед. – Ах, да. Вроде ничего. Из-за работы в магазине у меня мало свободного времени, но в остальном, да, нормально.

– Тед, – Джеймс прошмыгнул в комнату. – Что происходит?

Голос Теда прозвучал как-то плоско:

– Что ты имеешь в виду?

– Я про Петру. Знаю, это не мое дело, но...

– Что тебе известно? – резко спросил Тед. – Знаю, Мецкера напрягает эта ситуация, да и остальные Гремлины, наверняка обсуждают ее, но я не думал, что ты тоже в курсе.

– В курсе чего? – Джеймс остановился сразу за занавеской, отделяющей комнату от магазина. – Слушай, я...

– Кто бы что ни говорил, все это чушь, Джеймс. Просто оставьте Петру в покое, Мецкера касается в первую очередь. Можешь так и передать.

– Тед, – начал было Джеймс, но не знал, что сказать дальше. Тед поднялся на ноги.

– Видел, ты привел Долохова. Вы продолжаете общаться?

– Ты о Ральфе? Э, да. Полагаю. А что?

– А, нет, ничего. В конце концов, ведь не твоих родителей убили его дружки.

– Тед, не... не смей винить Ральфа. Он тогда еще не родился. Во время битвы его отец был ребенком.

Тед тихонько вздохнул:

– Не тебе судить, кого мне винить, а кого – нет. Слушай, прости, что поднял эту тему. Что-то у меня сегодня настроение не очень. Может, вам с друзьями пора возвращаться к туннелю? Уже темнеет.

Джеймс не спеша кивнул.

– Да, думаю, ты прав, – он повернулся к выходу, но потом оглянулся. – Еще увидимся, Тед.

Тед помахал:

– Увидимся. Береги себя.

К тому моменту, как четверо школьников покинули «Всевозможные Волшебные Вредилки», солнце скрылось за горизонтом, окрасив небо ярко-оранжевым и багряным. Они быстро шли к Визжащей хижине. Забор, окружающий территорию вокруг дома, давно обветшал. Джеймс пролез через ту же дыру в ограждении, которой они воспользовались по пути в Хогсмид. На вершине холма, зловеще нависая над ними, стояла ветхая Хижина.

– Я надеялся, что мы доберемся сюда до темноты, – отчаянно проговорил Ральф. – Даже входной двери не видно.

– Она вон там, – Роуз зажгла палочку, указывая ею дорогу. – Такая, какой мы оставили... ее...

Свет палочки озарил входную дверь Хижины, и Роуз умолкла. Вопреки ее словам, дверь выглядела вовсе не такой, какой они ее оставили.

– Мне казалось, мы закрыли ее, – озадаченно произнес Кэмерон. – Разве мы не закрыли...

– Да, Кэм, – перебил его Джеймс. – Мы точно оставили ее не так.

Входная дверь была открыта нараспашку, так что верхний шарнир сломался, и она неуклюже покосилась. Внутри царила непроглядная темень.

– Вам не кажется, что кто-то был здесь? – Роуз пыталась говорить спокойно.

– Что это значит? – спросил Джеймс.

– Как минимум одно: либо за нами следили, либо нам подготовили ловушку, – рассудительно заметил Ральф.

– Кто пытается нас заманить? – спросил Кэмерон.

– Никто, – твердо ответила Роуз. – Пошли. Наверно, тут побывало какое–нибудь животное. Давайте, покончим с этим.

Она поднялась на крыльцо и осветила палочкой путь. Джеймс взобрался вслед за ней, его сердце бешено колотилось. Вместе они прошли через дверной проем, Ральф и Кэмерон – следом. Внутри явно кто–то был: старая мебель перевернута, на полу – пыльные дорожки следов. Но хуже всего дела обстояли с лестницей, ведущей в подвал. Сломанная дверь покосилась, ступеньки кажутся необычайно крутыми.

– Стой, – Джеймс схватил Роуз за руку. – Что–то не так. Посмотри вниз.

Все четверо встали на четвереньки и заглянули в отверстие. При свете палочки Роуз они видели, что комната под ними практически уничтожена. Куски штукатурки и часть потолка обрушилась на лестницу, заблокировав им путь.

– Как такое могло произойти за один день? – затаив дыхание, спросила Роуз. – Хижина простояла больше двадцати лет и решила обвалиться сразу после нашего прихода?

– Может, мы что–то сломали? – размышлял Кэмерон.

– Нет, это сделано специально. Кто–то знал, что мы были здесь, и вынуждает нас идти другим путем.

Кэмерон в недоумении посмотрел на Джеймса.

– Но зачем?

– Затем, чтобы мы держались подальше от туннеля, – слабым голосом ответил Ральф. – Ведь туннель – часть Хогвартса.

– Пошли, – быстро сказала Роуз. – Если поторопимся, можем нагнать возвращающихся ребят.

– Но нас поймают, – воскликнул он. – Профессор МакГонагалл заметит, что мы возвращаемся со старшекурсниками! У нас будут неприятности!

– Будем искренне надеяться, что это худшее, что с нами случится, – заметил Ральф, выходя вслед за Роуз через испорченную переднюю дверь.

Так быстро, как только могли, ребята вернулись на Верхнюю улицу. Пока они шли, Джеймс время от времени замечал шпили и башни Хогвартса, который на фоне темнеющего неба казался обманчиво близким. На окраине деревни улица уходила вправо. Джеймс повел друзей туда, в сторону купы деревьев.

– Что-то не так, Джеймс, – забеспокоился Ральф. – Должен быть путь, ведущий напрямиком к замку.

– Да, он где-то рядом, – ответил Джеймс. – Поищи между домами.

– Интересно, куда делись остальные, – Кэмерон оглядел узкую, пустынную улицу. Совсем близко залаяла собака, что-то скрипнуло на прохладном ветру. – Разве они не должны сейчас возвращаться в замок?

– Прогулка в Хогсмид официально заканчивается с наступлением сумерек, – тихо ответила Роуз. – Все уже шли назад, когда мы заглянули к Джорджу.

– Что это было? – неожиданно спросил Ральф, круто развернувшись, чтобы оглядеть местность позади.

– Что? – прошептал Джеймс, волосы у него встали дыбом.

– Мне... мне показалось, я что-то слышал позади нас.

Роуз покачала головой:

– Возьмите себя в руки, вы, оба. Наверное, просто собака пробежала или еще что.

– Я тоже слышал, – раздался голос Кэмерона. – Звук раздавался с той улицы.

– Пошли, – твердо заявила Роуз, потянув друзей за рукава. – Вы меня пугаете, а я и так уже достаточно напугана. Вперед!

Пару минут спустя улочка сделала крутой поворот в противоположном направлении. Джеймс выглянул между тесно стоящими домиками в поисках хоть какого-нибудь намека на замок.

– Тут есть тропинка, – сообщил он. – Она немного петляет между деревьями.

– Куда она ведет? – спросил Ральф.

– Понятия не имею. Но вроде бы в нужном направлении. Предлагаю попробовать.

Джеймс повел остальных между зданиями, мимо крошечного огороженного забором садика дальше, в темноту под деревьями. Тропа петляла между кустами и участками высокой травы.

– Боже мой, все становится слишком ужасным, – тихо простонал Ральф. – Разве мы не договаривались никогда не оставаться в одиночестве?

– Мы не одни, – бросил через плечо Джеймс, продолжая свой путь. – С нами Кэмерон.

– И тот, кто нас преследует, кем бы он ни был, – радостно добавил Кэмерон.

– Кэмерон! – грозно окоротила его Роуз.

Волнение Джеймса все нарастало. Тропинка уводила глубже в лес, отделяющий Хогсмид от владений Хогвартса. Тусклый свет, исходящий от неба, не мог пробиться сквозь плотно переплетенные ветви, что делало дорогу едва различимой. Время от времени Джеймсу чудилось, что он слышит шаги позади них... иногда – впереди, но он не позволял этим мыслям овладеть собой. Мальчик извлек палочку и зажег ее, подняв высоко над головой. Яркий свет озарил близрасположенные деревья, но по контрасту с этим тени, казалось, сгустились еще больше. В течение нескольких минут быстрого шага никто из них не произнес ни слова. Иногда, подняв голову, Джеймс мог различить темно-синее небо над их головами. Поднималась полная луна.

– Эй, смотрите, – Роуз указала пальцем. – Вон там, за деревьями, готова поклясться, это главные ворота! Я даже могу различить тени от статуй вепрей!

Джеймс прищурился. У него не было с собой очков, так что мальчик ничего не мог разглядеть в темноте на таком расстоянии.

– Точно, – сказал Ральф. – Я тоже их вижу. Какое облегчение. Пойдем скорее!

Ребята бросились вперед, кроны деревьев над их головами расступились, открывая ночное небо, усыпанное звездами. Бледный желтоватый свет луны озарял все вокруг. Сомнений не было: они достигли древней ограды и открытых ворот; хорошо знакомые

каменные вепри изогнули спины и обнажили клыки. Джеймс выдохнул с облегчением. Через считанные секунды они вновь окажутся в безопасности на территории Хогвартса.

– Эй! – нервно засмеялся Кэмерон. – Видели? Говорил я вам – нас ждет отличное приключение! Вот погодите, когда мой папа узнает...

Кэмерон умолк – послышался звук быстро приближающихся шагов. Мальчик с любопытством обернулся. Из мрака появилось нечто большое и темное, летевшее низко над землей.

Роуз закричала, отпрянув назад, и выхватила палочку. Ральф и Джеймс пригнулись, и нападавший перепрыгнул через них. Приземлившись, он перегородил им путь к воротам. Повернувшись к ребятам, существо издало низкий, свирепый рык и стало наступать.

– Остолбеней! – выкрикнула Роуз, но было слишком темно, чтобы точно прицелиться. Красный луч попал в землю перед созданием, осветив его на мгновение. Джеймс разглядел оскаленные зубы, узкую морду и жуткие светящиеся глаза.

– Это волк! – крикнул он, отступая назад. Волк ответил на его возглас громким рыком. Он припал совсем близко к земле, а затем прыгнул прямо на мальчика. Джеймс прикрыл лицо, защищаясь от зубов и когтей, но вместо того, чтобы получить несколько хороших волчьих укусов, он был чем-то отброшен в сторону. Прямо за его спиной раздался шум жестокой борьбы и душераздирающий крик. Это был Ральф. Джеймс вскочил на ноги, шаря в поисках своей палочки. Со вздохом он понял, что выронил ее, когда зверь набросился на него.

– Оглуши его, Роуз! – воскликнул Джеймс.

– Я не могу! – закричала Роуз, дико размахивая своей палочкой. – Не могу прицелиться! Если я случайно оглушу Ральфа, он убьет его!

Волк катался с Ральфом, борясь с ним. Похоже, он вцепился в запястье мальчика. Зверь ежесекундно яростно встряхивал головой с зажатой в зубах рукой Ральфа. Ральф снова завопил, пытаясь лягнуть огромного зверя и оторвать его от себя.

Недолго думая, Джеймс бросился на существо. Он обхватил руками свалывшуюся шерсть его шеи и потянул ее так сильно, как только мог. Внезапно призрачный шрам Джеймса словно обожгло огнем. Он прищурился, чтобы хоть как-то уменьшить боль. Мальчик изо всех сил боролся с собой, стараясь не отпустить шерсть волка. Зверь рычал и

дергался, по-прежнему не отпуская руку Ральфа. Джеймс чувствовал, как напряженные мышцы дрожат под волчьим мехом, в ноздри бил сырой запах звериной шкуры. Вдруг лапа волка придавила грудь Джеймса к земле. Он выпустил свои когти и сильно ударил лапой, превращая толстовку Джеймса в лохмотья. Джеймс почувствовал, будто что-то горячее и липкое сразу залило его рубашку, но боли не было. Вместо этого, боль во лбу лишь увеличивалась и жутко пульсировала, отвлекая его. Волка снова отбросило, и теперь Джеймс мог двигаться. Он кое-как поднялся, но двигался слишком медленно. Лапа пролетела в миллиметре от лица Джеймса, чудом не задев его.

Внезапно раздался еще один голос. Он кричал:

– Нет, Тед! Стой! Это не выход! Отпусти его!

Джеймс перекатился и поднялся на ноги. Он дико огляделся, щурясь от пульсирующей во лбу боли, и увидел высокую фигуру, пытающуюся остановить волка. Джеймс был слишком ошеломлен, чтобы сразу понять, кто это. Незнакомец закрутил волку уши, стараясь заставить его оставить Ральфа в покое. Но зверь мотал руку мальчика туда-сюда, все еще держа ее в пасти.

– Остановись, Тед! – незнакомец заплакал, и Джеймс наконец-то осознал, кто это. Это была Петра. – Ты не знаешь, что делаешь! Это ничего не изменит! Не здесь, не сейчас!

Волк сильно рванулся, отшвыривая Петру прочь, но не стал атаковать Ральфа вновь. Зверь зарычал, а затем отпрыгнул, щелкая своей слюнявой окровавленной пастью. Он выглядел растерянным, как будто бы одна его личность боролась с другой. Наконец он откинул голову и завыл, громко и долго. От этого звука у Джеймса застыла кровь в жилах, потому что он различил нотки человеческого голоса в этом вое, как будто бы Тед был погребен в теле зверя, и он вопиял в тоске и отчаянии.

Петра поднялась на ноги и медленно подошла к огромному волку. Удивительно было то, что она опустилась на колени рядом с ним и начала гладить его мех. Ее голос был тихим журчащим ручейком, который ласкал и успокаивал слух.

– Ральф! – захрипела Роуз, падая рядом с мальчиком. – Все в порядке? Сильно болит?

Ральф застонал, перекатился на живот и попытался встать на

колени. Джеймс подполз к нему.

– Кажется, рука сломана, – с удивительным спокойствием сообщил Ральф. – Вон как опухла, и чертовски горит.

Джеймс разглядел искалеченное запястье друга. Сквозь разорванный рукав сочилась кровь.

– Ральф, – воскликнул он. – Ты ужасно выглядишь!

– Ты не лучше, – отозвался тот. – Внутренности на месте?

– Думаю, да, вернее, надеюсь, – Джеймс оглядел свою окровавленную грудь.

– Дай гляну на твое запястье, – Петра опустилась на колени рядом с ними. Ральф показал ей руку. Петра аккуратно убрала порванную ткань с предплечья Ральфа.

– Артемисэ^[13], – произнесла она, коснувшись палочкой порезов и ран. – Это остановит кровотечение, пока мы не отведем тебя к мадам Курио.

– Что ты тут делаешь, Петра? – поинтересовался Джеймс, когда она повернулась, чтобы осмотреть его грудь.

– Возвращаюсь в замок, – ответила она. – Как раз шла по тропинке, когда увидела происходящее.

Роуз сильно дрожала.

– Но... откуда ты знала, что волком был... был...

– Сегодня полнолуние, Роуз. И мы с Тедом... долго разговаривали. И он рассказал мне о своем... состоянии.

Петра применила то же заклинание к царапинам на груди Джеймса. Она заверила его, что все только кажется хуже, чем есть на самом деле. Наконец Роуз и Петра помогли мальчикам подняться на ноги.

– Куда делся волк? – Ральфа трясло. – Убежал?

Оглянувшись в сторону леса, Петра кивнула.

– Убежал.

Вдруг Роуз ахнула и прикрыла рот ладонями.

– Где Кэмерон? – выдохнула она.

Оглядевшись, они обнаружили Кэмерона лежащим на земле лицом вниз. Голову закрывал пакет из газетного киоска. Грязный отпечаток огромной лапы виднелся у него на спине, в остальном же он был абсолютно невредим.

– Что случилось? – ошалело спросил он, когда его подняли на ноги.
– Кажется, я потерял сознание. Я правда упал в обморок? Я все пропустил!

Джеймс вздохнул и наконец почувствовал боль в груди.

– Позже обо всем тебе расскажем, Кэм. Давайте только доберемся до замка.

Хромающие и окровавленные, впятером они миновали ворота и направились к приветливо светившимся окнам школы. Минуту спустя Джеймс кинулся обратно, прижав руку к груди. Он осматривался вокруг, еле слышно ругаясь. Наконец он обнаружил свою палочку в клочке травы. Мальчик сунул ее в карман джинсов и пробежал догонять остальных, крича на ходу, чтобы его подождали.

Где-то вдалеке, на полпути между воротами и деревней Хогсмид, протяжно и печально завыл волк.

Глава 16. Неожиданные столкновения

Как и опасался Кэмерон, возвращавшихся учеников встречала профессор МакГонагалл. Она сидела на складном стуле в накидке из шотландки и с чашкой чая, на коленях у нее лежал длинный пергамент. Петра первой взошла по ступеням. МакГонагалл посмотрела на девушку, как только та вышла на свет.

– Вы припозднились, мисс Моргенштерн. Ваше имя последнее в моем списке. Может быть, вы., – профессор умолкла на полуслове, едва завидев остальных, медленно поднимавшихся по лестнице. Она округлила глаза, мгновенно отметив и окровавленную рубашку Джеймса, и искалеченное запястье Ральфа. МакГонагалл вскочила на ноги, разлив чай.

– Мистер Поттер, мистер Дидл, что означает., – начала было она, но замолкла. – Мисс Моргенштерн, пожалуйста, сходите в Большой зал за мадам Курио и попросите ее немедленно прийти к нам в больничное крыло.

– Это был., – начал Ральф, держа запястье перед собой.

– Какой-то дикий зверь, – перебила Петра. – Он выскочил из леса, когда мы возвращались. Это я во всем виновата, профессор. Думаю, он почувал кусок сэндвича с вяленой говядиной, который я купила у мадам Паддифут и, не доев, прихватила с собой. Мне следовало быть осмотрительней.

– Позже разберемся, кому следовало быть осмотрительней, мисс Моргенштерн, – отрезала МакГонагалл, шедшая впереди компании в больничное крыло. – А теперь поторопитесь! Мадам Курио!

Вскоре после их прихода подросла мадам Курио. Она поцокала языком, наскоро оглядев грудь Джеймса, и повернулась к Ральфу.

– Вы неплохо потрудились, мисс Моргенштерн, остановив кровотечение у этих мальчиков, – деловито сказал она. – Будьте так добры, помогите мне. Так мы закончим раньше, чем придут мои медсестры. Пожалуйста, подайте мне флакон Суставита и кожезаживляющие бинты. И, если вас не затруднит, промойте рану мистера Поттера.

Петра помыла руки и набрала воды в таз. Джеймсу пришлось

стиснуть зубы, когда она мягкой губкой начала протирать его царапины.

– Никому не говори про Теда, – прошептала она. – Люди не слишком великодушно относятся к оборотням. Даже к полуоборотням, как Тед.

– Знаю, – тихо ответил Джеймс. – Он рассказал мне в прошлом году. Но тогда он не превращался. Полная луна лишь пробуждала в нем голод и беспокойство.

Петра кивнула:

– Он и сейчас не до конца превращается. Он всего лишь полукровка. Будь он полноценным оборотнем, я бы ни за что не смогла отговорить его нападать на Ральфа. Он выглядит, как настоящий человек–волк, только потому что унаследовал способности метаморфа от матери.

– Хочешь сказать, он специально обратился в волка?

Петра покачала головой скорее смущенно, чем отрицательно.

– Трудно объяснить. Не думаю, что он специально так сделал. Обычно он способен контролировать свои силы, но с приходом полной луны часть его сознания хочет стать волком, хотя генов его отца недостаточно для полной физической трансформации. Но, как истинный сын своей матери, он может сам обратиться. И чем больше он расстроен, тем труднее ему контролировать себя.

Джеймс вздохнул, отчего заболело в груди. Он готов был спросить, почему Тед напал на Ральфа, но и так знал ответ. Тед ясно дал понять во время сегодняшнего разговора: пусть формально Ральф носит другую фамилию, но он – Долохов. А Тед лишился родителей именно из-за Долохова.

– Думаешь, Тед испортил туннель, ведущий в Визжащую хижину? – негромко спросил Джеймс.

Петра слегка пожала плечами:

– Должно быть. Сегодня у него... у него были причины для расстройства. Боюсь, я напомнила ему об утрате, хотя совсем этого не хотела. Мне просто нужно было поговорить с ним.

Джеймс внимательно изучал лицо Петры, но был уверен, что больше она ничего не скажет. Честно говоря, Джеймс тоже не желал продолжать разговор. Его лоб по-прежнему тревожно пульсировал, поэтому единственное, чего он хотел, – отдохнуть.

Мадам Курио настояла, чтобы Джеймс и Ральф остались на ночь в больничном крыле. Они спали в чудесных заколдованных кроватях, завтрак в постель тоже не вызвал у них возражений. Неизбежная встреча с директором, где они должны были объяснить свое несанкционированное зоклечение, была отложена. Грудь Джеймса была туго перевязана, но он с уверенностью мог сказать, что раны, нанесенные оборотнем, быстро заживают. Они чесались, так как кожа сросталась. Жизнь в волшебном мире – удивительная штука, думал он. И все же – напомнил он себе – несмотря на имеющиеся заклинания и зелья, дедушка Уизли умер от дурацкого сердечного приступа. Джеймс бы с радостью смирился с неделями долгого, мучительного исцеления, если бы алхимики, что изобрели кожезаживляющие бинты, потратили свое время на разработку волшебных методов лечения инфарктов.

– Что мы скажем Мерлину? – шепотом спросил Ральф у Джеймса на следующее утро во время завтрака.

Джеймс тревожно покачал головой:

– Полагаю, правду. Кроме эпизода с Тедом. Как говорила Петра: если кто заинтересуется, на нас напал дикий зверь. И все.

Ральф поежился.

– Я думал, он разорвет меня на части.

– Со стороны так и казалось, – признался Джеймс. – Слушай, Ральф, Тед был не в своем уме. Им руководил волк, потому что в нем наполовину течет кровь оборотня, а наполовину – метаморфа. В смысле, если верить Петре, внутри был все тот же Тед, только лишенный самообладания. На самом деле он не пытался тебя убить. Он только хотел отомстить за родителей. Ты был единственным по близости, кого он мог обвинить.

– Знаю, – печально ответил Ральф. – Я правда не виню его. Но значит ли это, что я тоже стану оборотнем?

– Нет, – заявил Джеймс. – Тед не способен полностью обратиться, не используя свои способности метаморфа. И уж точно не способен заразить других. Ты легко отделался.

Ральф задумчиво кивнул.

– И все же, боюсь, наша следующая встреча будет неловкой. Как поддерживать хорошие отношения с тем, кто чуть не оторвал тебе руку своими зубами?

– На месте разберемся. У нас и без этого сейчас полно проблем.

После завтрака мадам Курио объявила, что мальчики могут вернуться в свои спальни, но им следует зайти к ней завтра, чтобы снять повязки. У дверей в больничное крыло они столкнулись с Роуз.

– Нас вызывают в кабинет директора, – ее лицо побелело. – Прямо сейчас. Пошли.

Они пересекли замок в полном молчании и наконец добрались до горгульи, которая стерегла винтовую лестницу.

– Пароль, – скучающим голосом протянула горгулья.

– Э, его только что сменили, – сообщила Роуз Джеймсу и Ральфу. – Профессор Херетофор назвала мне новый, когда просила явиться к директору. Дайте подумать. Ах да... *Caerth Hwynwerth*.

– Черт возьми, – воскликнул Ральф, когда вся троица забралась на вращающуюся лестницу. – Мне никогда его не запомнить.

Роуз мрачно кинула:

– Думаю, так и задумывалось.

– Может, нас ждет вовсе не Мерлин? – с надеждой прошептал Джеймс. – В последнее время он много путешествует. И профессор МакГонагалл его замещает.

Во взгляде Роуз, обращенном к Джеймсу, сквозила безысходность. Она постучала в массивную деревянную дверь кабинета директора.

– Входите, – раздался низкий, гулкий голос. Джеймс и Ральф дружно сглотнули. Дверь тяжело распахнулась. Джеймс напрягся, ожидая вспышки боли в иллюзорном шраме, но ничего не почувствовал. Ну или почти ничего. Он с трудом отогнал желание дотронуться до лба. За огромным столом восседал Мерлин. Перед ним на единственном стуле примостился, к удивлению Джеймса, Дэмьен Дамаскус. Дэмьен казался пристыженным и кротким. Впрочем, Джеймс не был уверен, было ли смирение искренним и показным.

– Мы с мистером Дамаскусом обсуждали вашу вчерашнюю внеплановую прогулку, – Мерлин откинулся на спинку кресла и переплел пальцы. – Он любезно пришел сюда по собственной воле и пожелал взять на себя часть ответственности за ваши действия. Возможно ли, что вы подтвердите его рассказ?

– Э-э-э... – протянул Джеймс, переводя взгляд с Мерлина на Дэмьена. – Э-э-э... да?

Мерлин медленно кивнул.

– Тогда начинайте. Поведайте мне вашу версию случившегося, мистер Поттер.

Мерлин сверлил взглядом Джеймса, но тот не мог распознать никакого злого умысла в этом взгляде. Джеймс откашлялся и оглянулся к Ральфу и Роуз за поддержкой. Роуз, широко раскрыв глаза, кивнула ему. И Джеймс начал:

– Мы просто хотели увидеть Хогсмид, сэр. Мы знали, что нам еще по возрасту не позволено посещать его, но мы не думали... в смысле...

– Вы не думали, что правила распространяются и на вас, – закончил за него Мерлин. – Вот в чем вся загвоздка, так, мистер Поттер?

Джеймс проглотил ком в горле. Его лицо пылало:

– Ду... Думаю, да, сэр.

– Скажите мне, – Мерлин снова сел прямо, – как вам удалось пробраться в деревню незамеченными?

Джеймс снова бросил взгляд на Дэмьена, на лице которого застыло искреннее раскаянье. Внезапно Джеймс вспомнил, какая роль досталась тому от Гремлинов; они обсуждали это в самом начале семестра. Дэмьен был официальным козлом отпущения. До настоящего момента Джеймс не до конца понимал, что это значит.

– Э–э–э... Дэмьен показал нам дорогу? – слегка хмурясь, произнес Джеймс. – Он нашел тайный проход... э, так?

Мерлин вздохнул.

– Да, именно так и сказал мистер Дамаскус.

Дэмьен нерешительно кивнул.

– Я дразнил их, сэр. Говорил, что им не хватит духу ускользнуть из замка во время следующей вылазки в Хогсмид. Я просто не подумал. Мне следовало знать, что их поймают. Мне следовало знать, что на обратном пути на них нападет дикий, свирепый зверь. И все из-за безобидного куска сэндвича с вяленой говядиной. Я просто сам не свой от чувства вины! – Дэмьен спрятал лицо в ладонях и горестно зарыдал.

Мерлин буквально впился глазами в Дэмьена, чуть приподняв брови; его пронизывающий взгляд смягчился. После продолжительной паузы он снова посмотрел на Джеймса.

– Не смотря на дразнящие намеки мистера Дамаскуса, вам троим следовало быть осмотрительней. Это проступок не сойдет вам с рук.

Безответственное поведение подобного рода нельзя простить в заведении, которое славится своим порядком.

Мерлин вновь посмотрел на свой стол и сделал пометку в каких-то бумагах. Джеймс обернулся к Ральфу и Роуз. Сомневаться не приходилось – с их факультетов снимут баллы, но, как бы плохо все ни было, это не конец света. Дэмьен искоса посмотрел на Джеймса, пытаясь сохранить виноватый вид.

Не поднимая взгляд, Мерлин сказал:

– В наказание ваш Клуб обороны будет распущен. Немедленно.

Джеймс уставился на директора с раскрытым ртом. Первой молчание нарушила Роуз.

– Вы не можете так поступить, сэр! – воскликнула она. – Тогда вместе с нами вы накажете всех членов Клуба!

– Как мне известно, вчера вы уговорили первокурсника, который состоит в Клубе, присоединиться к вам, – Мерлин резко поднял голову.

– Кэмерона? – возмутился Ральф. – Он сам увязался за нами! Мы пытались от него отделаться!

– В любом случае, я склонен полагать, что ваших лидерских способностей недостаточно для руководства Клубом.

Джеймс сердито нахмурился:

– Но это нечестно по отношению к остальным!

– Честь – странное понятие, которое в вашем веке, кажется, ценится выше остальных, – вздыхая, ответил Мерлин. – В мои времена рыцари сражались за честь прекрасной дамы... Возможно, вам стоит вспомнить, какой смысл несет то или иное слово для меня, прежде чем его произносить.

– Но, сэр, – начала было Роуз, но Мерлин поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Это мое последнее слово, – он был неумолим. – Можете идти. К вам это тоже относится, мистер Дамаскус.

Роуз направилась к двери, Ральф – за ней. Дэмьен поднялся со стула. Казалось, он хотел сказать что-то директору, но передумал. Выходя из кабинета, он бросил на Джеймса предостерегающий взгляд. Мерлин не сводил глаз с Джеймса, его лицо было непроницаемо. Наконец, мальчик развернулся и пошел к двери.

– Джеймс, – мягкий голос исходил от портрета на стене. Джеймс

посмотрел вверх. Портрет Северуса Снейпа был пуст, однако портрет Альбуса Дамблдора поднял голову. Он взирал на мальчика сквозь очки–половинки и чуть улыбался.

– На твоём месте я бы задержался на минуту. Полагаю, директор намерен побеседовать с тобой наедине.

Дверь кабинета с глухим стуком захлопнулась, заставив Джеймса подпрыгнуть. Он обернулся: Мерлин стоял прямо за его спиной, возвышаясь, как башня.

– Хочу сказать тебе пару слов, мой мальчик, – голос мага был низким, пугающим. – Твои друзья уверены, будто знают, что происходит. Но, думаю, ты согласишься, что этот вопрос касается только... нас с тобой.

Джеймс не нашел, что ответить. Он вглядывался в неподвижное лицо Мерлина, его сердце колотилось. Директор продолжал:

– Как ты, без сомнения, понял, практически ничто, происходящее в этих стенах, не ускользает от моего внимания. Ты прошел сквозь Амсера Церфф, и мне остается лишь гадать, что тебе стало известно обо мне и что произошло в этом замке. Я успел присмотреться к новому веку, многое узнал, немного мне понравилось, но лишь одно доставляет мне неудобство – неуверенность в твоих намерениях и убеждениях. Ты беспокоишь меня, мой мальчик, и в этом нет никаких сомнений. Нет, я не боюсь тебя, но я боюсь того, во что ты можешь поверить. Я мог бы помешать тебе, но кое–что меня останавливает. Хочешь знать, что именно?

Вопрос был риторическим, и Джеймс даже не потрудился ответить.

– Это, – пророкотал Мерлин, поднимая руку и указывая на лоб Джеймса. – Да, – кивнул он. – Я вижу его. Я не знаю ни откуда он взялся, ни каким заклинанием его создали. Возможно, это значит, что ты мой союзник, как бы странно это ни звучало. А возможно, – враг. Вопрос, один–единственный вопрос стоит между нами, Джеймс Поттер. И вопрос этот, подобно камешку, покоится по ту сторону рычага. Знаешь, что за камешек?

Джеймс не знал. Он уже начал качать головой, как припомнил кое–что. Возможно, он прочитал это во взгляде директора: он и Мерлин стоят так же, как сейчас, беседуют с глазу на глаз, только в другое время. Дело было в пещере, где Мерлин хранил свои сокровища, сразу

после испытания золотым шнуром.

– Вопрос доверия, – в горле у Джеймса пересохло. Все верно. Мерлин медленно, многозначительно кивнул.

– Я буду ждать, Джеймс Поттер. Как вы знаете, у меня повсюду глаза., – он посмотрел в сторону, на пустующий портрет Северуса Снейпа. – Доверие длится до тех пор, пока не добыто последнее доказательство. Я буду ждать... это доказательство.

Тихий щелчок, и дверь кабинета открылась. Джеймс посмотрел на нее. Его отпустили, но он не мог заставить себя уйти. Он снова поднял глаза на директора:

– Правда, что вы не можете никому навредить в стенах замка?

Мерлин натянуто улыбнулся мальчику и повернулся к своему столу, указывая на Амсера Церф, покрытое плотной черной тканью.

– Спроси лорда Хэйдина, – сказал он, пересекая комнату. Затем, понизив голос, добавил: – Или леди Джудит.

Черная материя неожиданно слетела с зеркала, поверхность которого была затянута клубящимся серебристым туманом. Туман начал рассеиваться, страницы Фокусирующей книги стали перелистываться сами собой, отыскивая момент в прошлом.

– Беги, Джеймс, – резко шепнул портрет Дамблдора. – Ты не захочешь это увидеть. Беги!

Настолько быстро, насколько мог, Джеймс развернулся и выскочил из кабинета. Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что задрожали стены. Напуганный и запыхавшийся, он остановился около вращающейся лестницы. Сказанное Мерлином вконец запутало его. Директор склонен полагать, что Джеймс может оказаться его врагом, но не уверен в этом. Страшно было подумать, но от нападения Мерлина его уберегли защита замка и таинственный иллюзорный шрам на лбу. Мерлин каким-то образом видел его, но не знал, откуда он взялся. Если шрам – не его рук дело, тогда чьих? И что он пытался сообщить ему о директоре?

– Джеймс, – раздался голос Роуз, стоявшей у подножия лестницы. – Что ты там делаешь? Почему так долго?

Джеймс оглянулся на закрытую дверь кабинета. Он не понимал, что все это значит, но его не покидало ужасающее ощущение, что очень скоро все прояснится. Одна только мысль об этом пугала его больше

всего на свете. Думая так, Джеймс сбежал вниз по ступеням и присоединился к друзьям.

Вечером в Общей гостиной Джеймс сел за угловой стол и достал чистый пергамент. Он обмакнул перо, задумался на мгновение и начал писать.

Дорогой папа,

как дела дома? Надеюсь, бабуле нравится жить в моей комнате. Убедись, что она не заглянет под кровать, куда мы с Алом спрятали всех найденных догерпиллеров. Не уверен, что когда-нибудь мы полностью избавимся от них. Также передай, чтобы она не смотрела на верхнюю полку в чулане. Да, и вообще, всем будет лучше, если она будет держаться от него подальше.

Я слышал про нападения дементоров по всему Лондону. И еще слышал, что Министерство намерено сформировать новый отряд мракоборцев, чтобы положить этому конец. Долго объяснять, но такая работа может оказаться куда опаснее, чем кажется. Одно темное существо, которое зовут Привратником, пришло в наш мир вместе с Мерлином, и мы считаем, что оно использует дементоров, чтобы питаться страхами людей. Если захочешь узнать больше, поговори с кузиной Люси. По нашей просьбе она изучала материалы из волшебной библиотеки, поэтому может многое рассказать. Будь с ним осторожен, потому что он очень, очень могущественный – могущественнее любого обычного дементора – и ищет хозяина среди людей, который поможет ему закрепиться в нашем мире и все уничтожить.

Я тут вспомнил: пап, ты помнишь кольцо, полученное от Дамблдора? Может, не кольцо, а камень. Помнится, ты рассказывал о нем. Ты говорил, что тогда еще шел в Лес сражаться с В. Кое-кто

здесь утверждает, что прочел об этом в книгах о тебе. Он говорит, камень называется Воскрешающим. В общем, хочу уточнить: что случилось с камнем? Мы с Роуз и Ральфом считаем, что он необходим для борьбы с Привратником. Обещаю никому не говорить. Кроме Роуз и Ральфа. И, может быть, Зейна, если он сможет помочь. И, возможно, Кэмерона Криви, раз уж это он вспомнил о нем. Больше никому? Ладно?

Спасибо, папа.

С любовью, Джеймс.

P.S. Вы с мамой уже нашли карту М., мантию–н. и мою куклу вуду?

Джеймс положил письмо в конверт и запечатал. Он уже хотел спрятать его в сумку, но остановился, задумавшись: а успеет ли он отправить его сегодня? Часы показывали девять. У него есть время сходить в совятню, да и спать он будет крепче, зная, что письмо, привязанное в лапке Нобби, уже на полпути к дому родителей. Роуз уже отправилась спать, Ральф ушел в гостиную Слизерина, поэтому Джеймс решил сходить один. Он положил письмо в карман и выбрался через портретный проем.

К тому времени, как он добрался до узкой лестницы, ведущей в совятню, уже взошла полная луна. Она озаряла совятню серебристым светом, которого было достаточно, чтобы разглядеть путь. Джеймс отыскал Нобби и погладил его.

– Вас здесь кормят? – спросил он.

Нобби щелкнул клювом и довольно распушил перья. Джеймс заметил, что по углам пол усеян косточками грызунов.

– Смотрю, ты неплохо тут устроился, – улыбнулся Джеймс. Похоже, филин был согласен. Он нырнул головой под ладонь Джеймса и начал чистить перья. Минуту спустя Джеймс достал из кармана письмо. Кусочком веревки он аккуратно прикрепил его к лапке Нобби.

– Это очень важно, – объяснил он филину. – Поспешి доставить его папе, понял? И подожди на тот случай, если он напишет ответ. Захвати его письмо, прежде чем лететь обратно.

Нобби опять щелкнул клювом и поерзал на жердочке – ему явно не терпелось отправиться в путь. Как только Джеймс закончил привязывать письмо, филин расправил крылья. Он замер на секунду, а потом оттолкнулся и полетел к огромному окну. Он описал круг, потревожив других сов, дернул хвостом, как штурвалом, и улетел.

Джеймс испытал облегчение. Он вышел тем же путем, но, добравшись до коридора внизу, замер. Когда он шел в совятню, залы были пусты, но теперь кто-то стоял в темном коридоре и смотрел в окно. Джеймс посчитал это странным, ведь поблизости не было ни одной факультетской гостиной. Очертания фигуры были хорошо видны на фоне полной луны. Джеймс мог сказать лишь, что фигура принадлежит девушке с длинными волосами. У него мелькнула странная, мимолетная надежда, что там стоит Петра, но он в это не верил. Джеймс двинулся дальше по коридору, девушка не шевельнулась, когда он подошел ближе. Он уже миновал ее, когда та, не оборачиваясь, заговорила.

– Поздновато для почты, – рассуждала она. – Наверное, что-то крайне важное, Джеймс.

Мальчик похолодел. Это была Табита Корсика.

– Тебе-то какое дело? – бросил он на ходу. На этом он надеялся закончить разговор, но прозвучавшие в ответ слова заставили его остановиться:

– Привратника не остановить, и ты это знаешь, – лениво протянула она, поглядывая на Джеймса через плечо. – Неважно, кому ты о нем расскажешь. Уже слишком поздно.

Джеймс был поражен. Мысли металась в голове, и он не знал, что сказать. Откуда Табите известно о Привратнике? Ни Джеймс, ни Роуз, ни Ральф никому о нем не рассказывали. Но, несмотря на удивление, он понял – ответ очевиден. Табита знала о Привратнике, потому что была одной из тех, кто намеревался контролировать его и призвать на землю. Другого объяснения не было.

Табита снова смотрела на луну. Для удобства она облокотилась на каменный подоконник.

– Ты веришь, будто постиг происходящее, верно? Ты убедил сам себя, будто понимаешь последствия Проклятия Привратника, – она слегка улыбнулась. – Вот, что мне нравится в вас, Поттеры. Вам

кажется, что мир устроен просто. Но вы каким-то образом умудряетесь упустить ключевые детали и картину в целом. Никогда это не было так очевидно, как сейчас.

Джеймс начал говорить, но голос звучал хрипло и испуганно. Он откашлялся и начал заново:

– И ты пришла остановить меня?

– Остановить тебя? – Табита так и не повернулась к нему. – Зачем? Ты не слушал меня? Поздно что-либо останавливать. Теперь осталась лишь последняя задача, и задача эта почти выполнена. Я пришла только затем, чтобы позлорадствовать, Джеймс. Хотела увидеть твоё лицо, когда ты поймешь, что твоему миру пришел конец, – Табита все-таки повернулась к нему. Непроизвольно Джеймс отступил на шаг. Он никогда не видел Табиту такой: волосы гладкие, лицо бледное и мрачное, глаза красные, алчные, жаждущие.

– Да, – выдохнула она, наклоняясь вперед. – Именно этого выражения на лице я и ждала. Теперь ты понимаешь, верно? Проклятие Привратника неизбежно, но оно коснется не всех. Оно покончит с твоим миром и уничтожит мир маглов, но оно не коснется тех, кто сохранил чистоту в сердце. Для нас оно станет благословением. Салазар Слизерин знал об этом, планируя этот день. Приход Привратника начнет эру чистой крови! Мы больше не будем скованы законами слабого правительства, не будем жить в тени кровопийц маглов, прячась, как жуки под камнем. Для нас Привратник – вестник господства!

Джеймс отступил еще на шаг, растерявшись от ярости безумного взгляда.

– Ты... ты не можешь в это верить, – он начал заикаться. – Никто не контролирует Привратника. Он принесет гибель всем и каждому. В конце умрет даже его хозяин.

Табита медленно улыбнулась:

– Как любопытно: ты считаешь, что никто не может контролировать Привратника. И все же я знаю, почему ты так цепляешься за свою веру. Ты настойчиво продолжаешь доверять Мерлину Амброзиусу, который обязан тебе присутствием в этом веке. Ты убедил сам себя, что, в конце концов, он никогда не перейдет на нашу сторону. Это вселяет в тебя призрачную надежду, так?

Джеймс кивнул. До настоящего момента он этого не понимал, но

Табита была права. В глубине души он верил Мерлину. Не знал почему, но верил. Несмотря на сомнения и страхи, несмотря на столь очевидную вероятность обратного, Джеймс просто представить не мог, что директор воспользуется Сигнальным камнем во зло. Он верил, что Мерлин обратит его на борьбу с Привратником, даже если она будет обречена на провал.

Улыбка Табиты стала снисходительной.

– Можешь лелеять свои надежды, сколько хочешь, Джеймс, – она практически шептала. – И когда Привратник будет наш, когда Мерлин отдаст камень и присоединится к нам, надеюсь, я смогу увидеть, как луч надежды померкнет в твоих глазах. Очень надеюсь.

Джеймс наконец начал злиться. Он выпрямился во весь рост и шагнул вперед.

– Ты лжешь, – твердо сказал он. – Просто пытаешься напугать меня. Ты знаешь, что твоим планам может прийти конец. Еще не поздно, что бы ты ни говорила. Можешь передать тому, кто тебя надоумил, что сообщение доставлено, но цель не достигнута. Я не отступлю. Мы найдем другую половину Сигнального камня.

При этих словах Табита перестала улыбаться. Казалось, она в замешательстве. Но потом улыбка вновь медленно озарила ее лицо.

– Другая половина Сигнального камня? – весело спросила она. – Ты что, не понял? Не удивительно, что ты полон энтузиазма. Мой дорогой Джеймс, «другая половина» Сигнального камня уже у нас. Она принадлежит нам многие годы. Мы использовали свои приемы для поиска. Знаешь, было не трудно. Твой отец просто выронил ее в Запретном лесу. Оставил там, и ее мог найти любой, кто имеет хоть малейшее представление, где искать. Я была там в ту ночь, когда ее подняли с земли, – Табита снова негромко рассмеялась, и Джеймс услышал в ее голосе нотки безумия. Она замолкла, жадно вздохнула и покачала головой: – Какая ужасающая неудача для тебя, Джеймс. Но – о! Так вот о чем ты писал отцу. Спрашивал, где он выбросил камень? Ох, мне правда очень жаль, что ты потратил время впустую. Теперь–то ты видишь, какое шаткое у тебя положение? Дело лишь за знаменитой непостоянной преданностью Мерлина. Какой восхитительно волнительный момент для тебя.

Ее откровение не ослабило ярость Джеймса. Наоборот, даже

усилило.

– Я не верю тебе, Корсика. Ты скажет, что угодно, лишь бы убрать меня с дороги. Не сработает! Даже если у вас уже есть часть Сигнального камня, Мерлин к вам не присоединится. Я ему не позволю! Передай своим друзьям, что я получил сообщение и посоветовал засунуть его в то место, за которое даже наргл не укусит.

С этими словами Джеймс круто развернулся и пошел прочь. Но сделав несколько шагов, он остановился и посмотрел назад:

– Скажу еще кое-что персонально для тебя, Корсика: знаю, ты считаешь, что обвела моего брата вокруг пальца, но если втянешь его в эту историю, я лично приду за тобой. И не подумай, что я шучу.

– Альбуса? – улыбка исчезла с лица Табиты. – Не думаешь, что он достаточно взрослый, и сам может решать?

Джеймс сощурился и медленно кивнул:

– Не сомневаюсь в этом!

Джеймс уже повернулся и пошел дальше, как вновь послышался голос Табиты, эхом раздавшийся в коридоре:

– Можешь лелеять свою надежду, Джеймс... Можешь лелеять ее, сколько захочешь...

Джеймса трясло, когда он пролезал через портретный проем. Что бы он там ни говорил, но встреча с Табитой сильно обеспокоила его. Он не мог выкинуть ее из головы. Правда ли, что его отец просто выбросил Воскрешающий камень в Лесу, когда шел к Волдеморту? На что остается надеяться, если Табита и ее тайные сообщники действительно нашли часть Сигнального камня? Теперь Джеймс осознал, что несмотря ни на что, верил: Мерлин никогда не перейдет на сторону зла. Но было ли дело в том, что Мерлин внушал доверие, или Джеймс просто не мог признать вероятность предательства знаменитого волшебника? Он с дрожью вспомнил Джудит, Владычицу озера, которая тоже доверяла Мерлину до тех пор, пока он не убил ее. Странно, но в свете происходящего, все, чего хотел Джеймс, – лечь в кровать и заснуть.

Он поднялся в спальню, разделся и нырнул под одеяло. Через небольшое окно луна светила прямо ему в глаза. Джеймс перевернулся и закрыл лицо подушкой. Он почти заснул, как мысли, до того момента метавшиеся в его голове, успокоились, и возник последний, тревожный вопрос. Джеймс сел и уставился в окно на яркую, серебристую луну;

вопрос повторился: как *Табита Корсика* узнала, что он в совятне?

Мальчик неотрывно смотрел на луну, но так и не найдя ответ, плюхнулся обратно на подушку. В конце концов, он уснул.

Глава 17. Наследник

Следующая неделя, казалось, пролетела со скоростью грузового поезда, пущенного с горы. Приближалось окончание семестра, и библиотека становилась все более и более оживленной. Взволнованные старшекурсники изучали и повторяли темы, которые Джеймс едва мог понять. Даже Гремлины нервничали. Ной, Сабрина, Дэмьен и Петра сидели на диване у камина, обложившись развернутыми пергаментами, книгами и обертками от конфет. Джеймс помахал им, когда проходил мимо, направляясь в библиотеку.

– Эй, Дэмьен, – позвал он, – спасибо, что выручил тогда в кабинете директора.

– Это моя работа, – пробормотал Дэмьен, уткнувшись носом в толстый атлас звездных карт.

По пути в библиотеку Джеймс вспоминал события прошедших дней. Все случилось так быстро, поэтому было трудно разобраться, что к чему. В понедельник Джеймс сообщил Скорпиусу, что ему, Ральфу и Роуз приказали распустить Клуб обороны в наказание за тайную вылазку в Хогсмид. Скорпиус отреагировал на удивление невозмутимо.

– Жаль, что вы не сможете посещать мои занятия, – беспечно произнес он, отрываясь от книги и глядя поверх очков.

– Мне кажется, ты не понял, – сказал Джеймс, усаживаясь. – Клуб расформирован. По приказу Мерлина.

Скорпиус вновь уставился в книгу и перевернул страницу.

– Я понимаю это по-своему: теперь вы трое не можете руководить Клубом. Но я – один из учителей, и не собираюсь его распускать. Мы поменяем название, если потребуется. Пусть будет, скажем, "Отряд Скорпиуса".

– Это не смешно, – произнес Джеймс, качая головой.

– Нет? – ответил Скорпиус. – А я-то не спал всю ночь, придумывая его. Вот черт!

Джеймс задумался на мгновение, а затем тихо спросил:

– Ты всерьез намерен продолжить преподавать в Клубе? Даже если Мерлин считает, что он распущен?

– Не уверен, что правильно тебя понял, – ответил Скорпиус. – Если

директор сказал, что Клуб обороны должен быть распущен, то так и будет. Просто так совпало, что мы вместе с Молчаливым Призраком и Серой Дамой решили основать совершенно новый клуб, собрания которого по чистой случайности будут проходить в том же месте, в то же время. И темы там будут изучаться те же – тоже случайно. Уверен, директор сразу увидит разницу.

Джеймс покачал головой, криво улыбаясь.

– Яблоко от яблони недалеко падает, как и Малфои – от Слизерина, не так ли? Ты выкручиваешься не хуже штопора из бутылки!

– Выкручиваться – значит уметь обходить все острые углы, – сказал Скорпиус, возвращаясь к книге. – Этому меня научил отец.

Джеймс начал было подниматься, но вдруг остановился и оглянулся на бледного мальчика.

– "Молчаливый призрак"... ты правда так зовешь Седрика?

Скорпиус поправил очки.

– Кто я такой, чтобы спорить с призраком по поводу его имени?

Судя по всему, Скорпиус сдержал свое слово. В четверг вечером Джеймс, Роуз и Ральф слонялись по коридору неподалеку от тренировочного зала. Проходя мимо стеклянных дверей, они слышали привычные звуки проходящих в клубе тренировок под руководством Седрика и Серой Дамы.

Подготовка к «Триумvirату» тоже стремительно набирала обороты. Команда, отвечающая за реквизит под руководством Джейсона Смита, трудилась не покладая рук над декорациями и бутафорией, включая огромную ветродуйную машину на педальной тяге. Дженнифер Теллус лихорадочно вносила последние изменения и дополнительные штрихи в сценические костюмы. Джозефина Бартлетт оправилась от искусственно вызванного головокружения и была в состоянии подняться на сцену, хотя пока и не могла подойти к краю без риска упасть. Тем временем несколько девушек из Когтеврана начали довольно агрессивную кампанию по восстановлению Джозефины на роль Астры. Они нарисовали множество плакатов и развесили петиции на досках объявлений. Впрочем, много подписей собрать не удалось, похоже, все – за исключением подружек Джозефины, – в том числе и большая часть когтевранцев, считали Петру более подходящей кандидатурой. Джеймс, в свою очередь, с радостью отметил, что сумел–

таки выучить почти все реплики. Порой у него опускались руки, но, похоже, постоянные репетиции и вечерние прогоны сценария принесли свои плоды. Отношения Донована и Астры – то холодные как лед, то пылкие и страстные – похоже, повлияли на отношения самих актеров – Ноя и Петры. До пробной сцены поцелуя так и дошли, только прочитали ее по ролям десятки раз. Профессор Карри заверила Джеймса, что в настоящем поцелуе нет нужды, достаточно будет просто приблизиться друг к другу и соприкоснуться щеками. Публика будет видеть только силуэты актеров, свет погаснет сразу после поцелуя, знаменуя окончание третьего акта. К великому разочарованию Джеймса, ему приходилось подчиняться указаниям Табиты Корсики каждый раз, когда профессора Карри не было поблизости. Табита же явно испытывала удовольствие, заставляя Джеймса раз за разом заново зачитывать свои реплики, нещадно критикуя и постоянно выставляя его в неудачном свете перед остальными актерами и прочими членами команды. Каждый раз, когда Джеймс, потея в ярком свете прожекторов, снова и снова перечитывал строки своей вдохновляющей речи, в его груди огонек нелюбви к самодовольному сияющему лицу Табиты превращался в жаркое пламя ненависти.

Сезон по квиддичу завершился сокрушительной победой пуффендуйцев над гриффиндорцами, что привело к нескольким дням беспощадных издевательств со стороны первых и угрюмого отмалчивания со стороны вторых. В честь окончания первого сезона, который Альбус провел в роли ловца команды Слизерина, Табита подарила ему метлу, на которой он летал весь год, ту самую, что принесла столько неприятностей Джеймсу, Ральфу и Зейну на первом курсе. Джеймс с трудом мог поверить, чтобы Корсика пожертвовала свою метлу его младшему братцу. Но в итоге пришел к выводу, сделано это было с одной целью – заставить Альбуса еще сильнее привязаться к товарищам-слизеринцам. Кроме того, раз Табита так спокойно отдала нечто столь могущественное, как эта метла, значит, она наверняка припрятала в рукаве кое-что посильнее.

И наконец сегодня утром Джеймс получил – так – письмо от отца. Он прочитал его во время завтрака вместе с Ральфом и Роуз, с интересом заглядывавшими через его плечо.

Дорогой Джеймс,

прости, что затянул с ответом, но был очень занят в связи формированием нового подразделения мракоборцев. Мы обратились к Кингсли за советом, и он оказал нам неоценимую помощь в организации и подготовке полевой группы к грядущей работе. Хочешь верь, хочешь не верь, но даже К. Дебеллоуз предложил свои услуги. Оказывается, как-то раз в Венгрии Харриерсам довелось наткнуться на похожее гнездо дементоров. Виктор перевел своих людей в режим повышенной готовности, просто на всякий случай.

Теперь о Привратнике. В Министерстве уже начали собирать и сопоставлять сведения о нем. Мы взяли старину Наземникуса Флетчер под охрану. Он подозревает, что люди, организовавшие прошлогодний заговор, планировали нечто большее. Мы абсолютно уверены, что вся эта история с "Проклятием Привратника" – всего лишь тактика массового запугивания. П. Э. до сих пор пытается тайно дестабилизировать обстановку в волшебном мире, а лучший способ это устроить – изобретать новые угрозы, которые Министерство не в состоянии устранить, как тебе? Но не волнуйся. Министерство собрало команду профессионалов, включая меня. И, будь спокоен, мы не будем зря рисковать. Если за вышедшими из-под контроля дементорами скрывается нечто более серьезное, мы проявим бдительность.

По поводу В-го камня. Ты всегда можешь спрашивать меня о чем угодно, Джеймс. Передай своему другу Кэмерону, что я помню его дядю и что он прав по поводу Камня. После того, как я воспользовался им той ночью в Лесу, я выбросил его. Он был мне больше не нужен. Если он оказался навсегда утрачен для волшебного мира... что ж, это даже к лучшему. Думаю, он до сих пор где-то там, но даже я не смогу его отыскать, и вам настоятельно советую не предпринимать никаких попыток. Иначе можете нарваться на неприятности. Пусть все останется, как есть, договорились?

Люблю тебя, твой папа.

П.С. Нет, мы до сих пор не обнаружили пропажу, но, честно

говоря, у меня и времени—то особо не было. Мама и бабушка передают привет. Бабушка живет в комнате Альбуса, так что тебе не о чем беспокоиться. Скоро увидимся!

Джеймс вошел в полутемную библиотеку и побрел между рядами и стеллажами. Вскоре он отыскал Ральфа и Роуз. Друзья что-то увлеченно обсуждали. Он бросил сумку на стол и сел напротив Роуз.

— Мы только что общались с Зейном, — просветил его Ральф. — Он выскочил из воздуха прямо тут, в библиотеке, чем довел профессора Херетофор до белого каления. Она категорически запретила нам колдовать, но он успел передать небольшое послание.

Джеймс нагнулся поближе.

— И какое же?

— На днях он навестил мадам Делакура, — прошептала Роуз. — Та, по-видимому, совсем умом тронулась, но ему удалось—таки получить от нее кое—какую информацию. Теперь мы точно знаем, какой вред может причинить кукла вуду, окажись она в плохих руках.

— И? — с жаром воскликнул Джеймс. — Какой же?!

— Практически никакой, — ответил Ральф, жестом изобразив ноль.

— Более или менее, — добавила Роуз, покосившись на Ральфа. — Твой папа был прав, утверждая, что не стоит доверять фильмам маглов. Магия вуду подходит только для психологического воздействия. К примеру, проткнув сердце куклы иголкой, убить человека не получится, только поселить в нем чувства грусти и одиночества.

— Или обжигающей ревности, — хмыкнул Ральф.

Роуз закатила глаза.

— Так или иначе, никто не сможет причинить тебе физический вред с помощью вуду. Только вызвать ощущение боли или иных эмоций, вот и все.

— Ну, это большое облегчение для меня, — испустил долгий вздох Джеймс.

— И все же, — поинтересовался Ральф, — как думаешь, у кого она может быть?

— Может, вообще ни у кого, — ответил Джеймс. — Она лежала на прикроватной тумбочке моей мамы. Отдельно от мантии и Карты. Возможно, папа прав, и она просто потерялась.

– А вдруг она у Табиты! – заговорщицки предположила Роуз. – Вдруг та и не подозревает, что не может навредить тебе этим! И сходит с ума, недоумевая, почему кукла не работает!

– Глупость какая, – покачал головой Джеймс. – Даже знай Табита о существовании куклы, она никак не смогла бы заполучить ее. К тому же, Табите вовсе не требуется магия вуду, чтобы добраться до меня. У нее была возможность напасть на меня тогда ночью в коридоре, но никакой магической или иной атаки не последовало.

– Во всяком случае, пока, – пробормотал Ральф. Внезапно воздух прорезал низкий свист. Не очень громкий, но достаточно шумный, чтобы потревожить занимавшихся поблизости. Эшли Дун, сидевшая за соседним столом, оторвалась от книги и огляделась в поисках источник свиста.

– Что это? – резко бросила Роуз. – Ральф, по-моему, это из твоей сумки!

Ральф развернулся на стуле и полез в сумку. Как только он ее расстегнул, звук стал громче.

– Это же вредноскоп Трентона! – сказал Ральф, вынимая прибор из сумки. Свист стал еще пронзительнее.

– Мистер Дидл! – раздался скрипучий голос. Джеймс развернулся на сиденье и увидел профессора Херетофор, направляющуюся к ним по проходу:

– Сколько еще раз вы намерены нарушать порядок в библиотеке?!

– Извините, – ответил Ральф, продолжая возиться с вредноскопом, – должно быть, он сломан. Не могу понять, как его выключить!

Профессор Херетофор презрительно покачала головой, достала палочку и быстро щелкнула по прибору. Вредноскоп издал резкий пронзительный звук и умолк.

– Вот, – сказала она ядовито, – он выключен. Теперь, пожалуйста, покиньте библиотеку, это касается всех троих. Если еще раз сегодня увижу вас здесь, отниму очки у вашего факультета. Даже несмотря на то, что это мой собственный факультет, мистер Дидл. А теперь уходите.

– Дурацкий хлам, – проворчал Ральф, направляясь к двери. Он засунул вредноскоп в сумку и закинул ее на плечо.

– Он не был сломан, – протянул голос. Скорпиуса поравнялся с ними на выходе из библиотеки: – Он делал именно то, что и должен.

– Выгонял нас из библиотеки? – насмешливо спросил Ральф.

– Нет, Дидл, – понизил голос Скорпиус. – Предупреждал тебя о присутствии ненадежных людей.

Джеймс хмуро взглянул на Скорпиуса:

– Что ты имеешь в виду?

– Не здесь, – ответил Скорпиус. – Пошли со мной. Расскажу по дороге.

Несколько минут Скорпиус молча вел Джеймса, Ральфа и Роуз по коридорам. Наконец они оказались в старой части замка, которой редко пользовались. Здесь немного пахло плесенью. По дороге они никого не встретили.

– Я так понимаю, у тебя был разговор с «Табби», который многое прояснил, – наконец сказал Скорпиус, взглянув на идущего за ним Джеймса.

– Как ты узнал?

– Кое-что слышал, – туманно отозвался Скорпиус, – Табита почему-то решила, что я втайне мечтаю учиться на Слизерине. Она думает, я ненавижу вас всех, а значит, на их стороне.

– Знаешь, тебе и меня удалось обмануть в какой-то момент, – признался Джеймс. – На моей кровати до сих пор написано «плаксивый ублюдок Поттер».

– Куда мы идем, Скорпиус? – с подозрением спросила Роуз. – Похоже мы направляемся туда же, где нашли зеркало Еиналеж.

Скорпиус кивнул:

– Именно так, Уизли. От тебя ничто не ускользнет.

– Скорпиус, – сказал Джеймс, прищурившись, – если бы не знал тебя лучше, то сказал бы, что ты напуган.

Скорпиус внезапно остановился посреди коридора. Он повернулся лицом к остальным и сказал тихо и серьезно:

– То, что я собираюсь сделать, я делаю вопреки собственному здравому смыслу. Если бы мой дедушка узнал, что я собираюсь вам показать, он бы, наверное, убил меня, и это не преувеличение.

– погоди. Что? – спросил Джеймс, понизив голос под стать бледному мальчику. – Ты что-то знаешь?

Скорпиус отвел глаза:

– Помните, я рассказывал, что не видел дедушку уже много лет? Что он скрывается даже от остальной семьи?

Джеймс и Роуз кивнули. Джеймс сказал:

– Это не так? Он не скрывается?

– Да, он в бегах. Но это неправда, что я не видел его. Я виделся с ним много раз, – Скорпиус вздохнул и посмотрел на Джеймса, Ральфа и Роуз. – Все началось два года назад. Я ненавидел то, как отец отвернулся от своего воспитания. Он начал изучать основателей из-за желания узнать правду о Салазаре Слизерине. Его растили с верой в то, что Слизерин был революционным мыслителем и героем. Но чем больше мой отец узнавал, тем больше он начинал понимать, что Слизерин был просто жестоким, властолюбивым безумцем. Когда я бы еще мал, отец и дед серьезно поссорились из-за этого. В конце концов они выхватили палочки и направили друг на друга, хотя никто так и не произнес ни единого заклинания. Мне было отвратительно то, как отец отрицает семейное наследие. Дедушка тогда отрекся от отца и исчез, я же решил присоединиться к нему и доказать свою верность. Мать помогла мне найти дедушку Люциуса. Он был совершенно счастлив, когда втайне посетил его. Он рассказал мне о своих планах. Да, я знаю о Привратнике и о том, как получилось, что он пришел в мир. Я знаю, что мой дедушка считает, будто он выполняет последнюю волю Салазара Слизерина – создать совершенный, где будут царить чистокровные. В том числе он и его товарищ, Грегор Тирраникус. Грегор когда-то был членом королевской семьи волшебников в Румынии, но лишился власти и был изгнан. Они с моим дедушкой Люциусом на все готовы лишь бы вернуть власть и, более того, они в самом деле собираются стать правителями нового царства чистокровных силами Привратника.

– То есть они всерьез считают, что смогут его контролировать, – выдохнула Роуз. – Они сумасшедшие!

– Они сумасшедшие, это так, – ответил Скорпиус. – Но кто сказал, что они не смогут его контролировать? Если они смогут завладеть обеими половинками Сигнального Камня, может, они и правда смогут защитить себя и свое королевство от Привратника, хотя он и будет их ненавидеть за это еще больше и уничтожит при малейшей

неосторожности.

– Так что ты хотел нам показать? – спросил Джеймс, стиснув зубы.
– О чем твой дед не хочет, чтобы мы знали?

Скорпиус, казалось, боролся сам с собой. Его глаза смотрели на Джеймса, губы были плотно сжаты. Наконец мальчик слабо кивнул и сказал:

– Пошли, – и быстро развернулся.

Они прошли немного вперед и оказались у большой, тяжелой двери. Скорпиус достал потускневший латунный ключ и повернул его в замке.

– Отец дал мне этот ключ, чтобы я помог тебе вернуться через зеркало, Поттер, – объяснял Скорпиус, толчком открывая тяжелую дверь. – Я не знаю, как ему удалось им завладеть, но, подозреваю, это связано с неким малоизвестным магазинчиком в темных закутках Лютного переулка. И все же, сомневаюсь, что моему отцу было известно, к чему еще этот ключ даст мне доступ.

– И что тут особенного? – спросил Ральф, когда они снова ступили в тесную кладовую. Их отражения проявились на пыльной поверхности зеркала Еиналеж. Вокруг громоздились ящики, чемоданы и запертые шкафы.

– Не обращайтесь внимание на Зеркало, – сказал Скорпиус, проходя мимо него к одному из шкафов. – Без этой Фокусирующей Книги оно будет вас только отвлекать. Самое удивительное здесь.

– Чье все это? – спросила Роуз, медленно озираясь. – Когда мы были здесь в последний раз, я подумала, что это просто куча барахла, но тогда я еще не знала, какое мощное это зеркало и откуда оно взялось. Никто бы просто так его не бросил среди каких-то ящиков.

Скорпиус потянул замок, висевший на одном из шкафов и распахнул дверь.

– Все это, – сказал он, обернувшись к Роуз, – содержимое кабинета Дамблдора с тех времен, когда он еще был директором. Он завещал большую часть своему брату, Аберфорту, но, когда тот умер, то все это вернулось обратно школе. И с тех пор хранится здесь, спрятанное от новых директоров по указанию Аберфорта. Мы никогда бы не нашли все это, если бы не использовали подсказки Когтевран для обнаружения зеркала.

– О, – выдохнул Джеймс в благоговении, – клянусь, мой папа поселился бы здесь, если бы знал о существовании этого места. Они были очень близки с Дамблдором. Глянь–ка! Это же старый насест для Фоукса? Уверен что он!

– Все это очень ценные вещи, – заметила Роуз, поднимая одну из книг со стола. – Большая часть этих книг существует в единственном экземпляре. Они отпечатаны вручную и украшены превосходными иллюстрациями...

– Да–да, все это, конечно, очень круто, – сказал Скорпиус, отходя в сторону и указывая на открытый сундук. – Но я привел вас сюда, чтобы вы взглянули на это.

Ральф и Джеймс заглянули в шкаф, озадаченно уставясь на пыльные инструменты и древние приборы. Большой, напоминающий чашу предмет на верхней полке слегка светился. Роуз ахнула, широко раскрыв глаза.

– Это же Омут Памяти? – прошептала она. – Омут Памяти Дамблдора?

Скорпиус кивнул:

– Я как–то пришел сюда один, за ночь до возвращения Джеймса. Выскользнул из спален и воспользовался подсказками Когтевран, чтобы найти комнату. Хотел убедиться, что она и правда существует. Когда нашел ее, то немного осмотрелся и обнаружил Омут Памяти. Он содержит много воспоминаний директора Дамблдора, а также Северуса Снейпа, который, похоже, держал его в директорском кабинете и пользовался уже после смерти Дамблдора. Я понимал, что воспоминания сильно поблекли теперь, когда и Дамблдор, и Снейп мертвы, но там была серия воспоминаний, которая меня сильно заинтересовала. Дедушка Люциус уже рассказывал мне свою версию произошедшего в те времена, но я хотел узнать, нет ли различий с версиями Дамблдора и Снейпа. И они были.

Джеймс вполголоса спросил:

– О чем эти воспоминания, Скорпиус?

Скорпиус снова посмотрел Джеймсу в глаза. И не моргнув глазом ответил:

– О том, что мой дед и Грегор называют «наследием». О том, кто Наследник Волан–де–Морта, и как он появился.

Наступило долгое молчание, затем Джеймс уверенно произнес:

– Я хочу посмотреть.

Скорпиус кивнул:

– Я так и думал, – он жестом направил его к слабо мерцавшей чаше.

– Как эта штука работает? – спросил Ральф, нехотя последовавший за шагнувшими вперед Джеймсом и Роуз. – Это как киносъемка или вроде того? Как она понимает, какое воспоминание мы хотим увидеть? Это больно?

– Заткнись, Ральф, – беззлобно сказал Джеймс. – Просто возьми меня за руку. И ты, Роуз. Думаю, мы просто обязаны посмотреть. Вот и все.

Медленно и осторожно Джеймс, Роуз и Ральф наклонились над каменной чашей. Поверхность текучего содержимого Омута Памяти выглядела неприятно, напоминая клубящийся ртутный туман в волшебном зеркале Мерлина, только этот сильнее светился. Он озарил лица троих школьников, и что-то начало всплывать из глубин Омута Памяти. Казалось, оно поднималось не со дна чаши, но из невыразимого далека. Свечение усиливалось, Джеймс затаил дыхание. Вращение тоже нарастало и ширилось, как будто жидкости в чаше стало больше. Оно заполнило все поле зрения Джеймса, а затем, быстро и безболезненно словно бы охватило его. В тот же миг Джеймс, Роуз и Ральф упали в Омут Памяти так, будто бы он вырос до размеров бассейна. Их полностью поглотило и, к добру или к худу, пути назад не было. Они стали частью поблекших воспоминаний Альбуса Дамблдора и Северуса Снейпа.

Каждый из троицы пережил этот момент отдельно и по-своему. Когда Джеймс очнулся посреди первого воспоминания, ни Ральфа, ни Роуз нигде не было видно. Как и говорил Скорпиус, воспоминания немного поблекли. Джеймс ощущал все, как будто не проживал их,

а видел во сне. Как только мир воспоминания вокруг него прояснился, он оказался стоящим в кабинете директора, но таком, каким не видел его прежде. Все вокруг подрагивало и плыло перед глазами, как если бы сцена происходила под водой, затем стало твердеть. Феникс Фоукс чистил перья на насесте, подтверждая, что Джеймс видит комнату такой, какой она была во времена директора Дамблдора.

– Мы должны быть готовы к неожиданностям, Северус, – говорил Дамблдор, не глядя на Снейпа, стоявшего у окна и смотревшего в темное небо. – Не стоит полагать, будто бы Волан-де-Морт окажется слишком горд, чтобы применить подобную тактику. Если он начнет опасаться за свои планы, а тем более за свою жизнь, мы должны предусмотреть, что, находясь под угрозой, он подготовит себе некоего преемника.

– Темный Лорд не готовится к провалу, директор, – сказал Снейп, – В своем тщеславии он не допускает возможности поражения. Доказательством его уверенности служит огромное количество подготовленных им крестражей.

– Не соглашусь, – ответил Дамблдор, сев за стол и сложив пальцы домиком. Джеймс заметил, что одна из рук бывшего директора выглядела жутко потемневшей и нездоровой. – Одного крестража было бы достаточно для уверенного в себе злодея. Солидная же коллекция Волан-де-Морта доказывает скорее обратное. Он живет в постоянном страхе смерти, веря, что только самые крайние меры смогут ее отвратить. Не так ведет себя человек, уверенный в своей бессмертии. Если, в свое время, он начнет бояться, что даже эта коллекция его подведет, он обратится к еще более отчаянным мерам. Вы поймете, когда придет время, и, если это произойдет, ваш долг будет очевиден.

Снейп отвернулся от окна и подошел к столу:

– Мне горько это признавать, но эта задача почти за пределами моих возможностей, директор. Вы гораздо лучше подходите для этого, чем я.

Дамблдор медленно кивнул и улыбнулся:

– Не буду спорить, Северус, но мы оба знаем, что когда это время придет, я вряд ли буду еще жив. Задача по умолчанию возложена на вас. Впрочем, я вполне уверен в вашей способности сделать то, что нужно.

Несмотря на то, что вы сами в себя не верите, вы, наоборот, на редкость пригодны для такого рода работы...

Как только Дамблдор это произнес, воспоминание стало медленно таять. Комната растворилась в неизвестности, а вместе с ней исчезли и Снейп с Дамблдором. Казалось, прошло какое-то время, прежде чем Джеймс осознал, как следующее воспоминание оформилось вокруг него. Он был в гостиной роскошного дома, в глаза бросалось, что дом этот довольно старый и его лучшие дни уже позади. Огромная хрустальная люстра лежала на полу разбитая, словно труп. Повсюду были осколки битого хрусталя, искрившиеся огнем.

– Поттер, – произнес высокий, бархатный голос. Джеймс обернулся и увидел ужасную фигуру в мантии, стоящую у камина. Она напоминал человека, но лишь отчасти. Лицо под капюшоном было очень бледным, почти прозрачным. Носа отсутствовал вовсе, только пара нелепо расширившихся щелей, зато выделялись горящие красные глаза с узкими вертикальными зрачками. У Джеймса колени подкосились от страха, фигура, казалось, холодно уставилась прямо на него, но затем перевела взгляд на женщину, съезжившуюся на краешке ближайшего дивана.

– Мне казалось, все предельно ясно, – продолжил высокий, холодный голос, и Джеймс теперь узнал его. Это был Волан-де-Морт собственной персоной, во плоти. – Меня не должны были беспокоить ни из-за чего, кроме Гарри Поттера. Беллатриса прекрасно помнит, что мое требование было более чем конкретным. И все же она понесет ответственность за то, что прервала мою работу, не имея Гарри Поттера, чтобы предъявить мне по возвращении.

Беллатриса всхлипнула и соскользнула с дивана, бросившись на пол у ног Волан-де-Морта:

– Он был здесь, мой повелитель! Говорю вам, он был моим пленником, когда я вас призывала, иначе я бы никогда не осмелилась! Люциус и Нарцисса могут это подтвердить! Но нас предали в последнюю минуту, – Беллатриса взмахнула рукой в направлении человека, которого Джеймс прежде не замечал. Мужчина стоял в тени, его лицо было пустым и мертвенно бледным. У него были длинные белокурые волосы. – Скажи ему, Люциус! – умоляла Беллатриса. – Расскажи Темному Лорду, что Поттер был у нас в руках! – затем, когда

мужчина не ответил, лицо Беллатрисы исказилось в бессильной ярости. – Тогда, возможно, тебе стоит рассказать ему, как мальчишка Поттер тебя обошел! Расскажи ему, Люциус, как был сбит оглушающим заклятьем в считанные минуты после того, как они ворвались сюда! Скажи ему!

– Северус, – сказал Волан–де–Морт, не обращая внимания на неистовство и протестующие всхлипы женщины, – этот прискорбный случай заставляет меня рассмотреть вариант, который, как я надеялся, не понадобится.

Джеймс обернулся и увидел Снейпа, стоявшего у закрытой двери гостиной. Он знал, что ни Снейп, ни Волан–де–Морт не могут его видеть, но несмотря на это, чувствовал дискомфорт, стоя между ними во время разговора. Мальчик отошел в ближайший угол, напротив пристально наблюдавшего Люциуса Малфоя. Снейп просто стоял и ждал, глядя прямо в жуткое змеиное лицо.

– Я отозвал тебя с поста по той причине, что больше не полагаюсь на Нарциссу, Сивого и сына Малфоя. Никто другой не должен знать об обязанности, которую я на тебя возлагаю. У самого Люциуса будет в этом своя роль, если он пожелает ее принять. У меня есть все основания полагать, что он жаждет доказать свою состоятельность в свете последних событий. Но у тебя, Северус, в данном мероприятии будет не менее важная функция.

– Как пожелаете, мой лорд, – спокойно сказал Снейп.

Волан–де–Морт продолжил, отходя от камина:

– Как ты знаешь, Северус, я подготовил Крестражи, создав нерушимую цепь бессмертия для своего господства...

Когда Волан–де–Морт медленно пересек комнату, разбитая люстра бесшумно поднялась над полом, позволяя ему пройти. Осколки хрусталя взлетели вместе с ней, вращаясь и поблескивая, как капли дождя.

– Я вполне уверен, что Крестражи сослужат мне службу, однако, хотя и *маловероятно*, если все они будут разрушены...

– Никогда, мой лорд! – воскликнула Беллатриса, продолжая пресмыкаться на полу. – Это невозможно!

– На этот случай я подготовил один, последний Крестраж, – продолжил Волан–де–Морт, полностью игнорируя вспышку

Беллатрисы. – Абсолютно уникальный. Фактически, я совершенно уверен, что подобный предмет никогда прежде не создавался.

Волан–де–Морт достиг середины комнаты и остановился. И пока разбитая люстра парила над ним, он медленно сунул руку в мантию и извлек длинный узкий кинжал. Сделанный из серебра с драгоценной инкрустацией, он выглядел на редкость безобразно. Лезвие было запятнано до тусклого блеска, словно покрытое копотью.

– Этот кинжал, – продолжил Волан–де–Морт, медленно поворачивая его в свете огня, – вещь для меня особенная. Он долго путешествовал со мной и много раз помогал мне. Тебе может показаться интересным, что он принадлежал моему отцу. Я забрал его как наследство из его мертвой руки. Так что, вполне логично, Северус, что этот кинжал – последний и, возможно, самый важный из моих Крестражей. Я поручаю тебе сохранить его под защитой Хогвартса до тех пор, пока не придет его время.

– Я сохраню его любой ценой, мой лорд, – сказал Снейп, склонив голову. – Для меня честь выполнить задачу, которая продлит срок вашей жизни.

– Увы, Северус, – протягивая тому кинжал столь медленно, словно не желая отдавать его. – Этот Крестраж не относится к подобному роду. Отдавая эту реликвию, я думаю о будущих поколениях. Не хотелось бы лишний раз упоминать о милосердии твоего Лорда, ведь данный Крестраж предназначен не для меня. Как я уже сказал, этот кинжал – особенный. И содержащаяся в нем часть моей души навеки потеряна для меня. Вернуть ее я не могу. Таким образом, если цепь прочих Крестражей будет разрушена, этот кинжал не последует их примеру, он не повлияет на мою жизнь или смерть.

Беллатриса ахнула, ее огромные расширенные глаза не отрывались от кинжала, который, поблескивая, покачивался в бледной руке Волдеморта.

– Часть моей души, заключенная в этом оружии, – бесценный дар, друзья мои. Его предназначение – быть переданным. Люциус, мой верный слуга, я попросил тебя остаться, потому что знаю, насколько сильно твое желание оправдать себя в моих глазах. Возможно, когда–нибудь твоим долгом – и твоей честью – будет передать этот кинжал дальше, если сей день наступит.

Впервые за все это время на безэмоциональном лице Люциуса Малфоя появились признаки жизни. Он моргнул, затем потянулся вперед, к Волдеморту, не решаясь коснуться своего господина.

– Благодарю вас, мой лорд! Это большая часть для меня! Я не подведу вас!

– Уверен в этом, – спокойно, почти доброжелательно проговорил Волдеmort. – Если же по каким-либо причинам кинжал будет тобой утерян, то он сам найдет путь обратно. Благодаря моим чарам он будет связан с тобой и твоей семьей. В случае, если несчастье постигнет директора Снейпа, ты получишь кинжал в свое владение. Он будет ждать тебя. То же самое случится, и если момент для его использования будет упущен. Кинжал найдет тебя и членов твоей семьи. Уверен, ты понимаешь, о чем я.

– Я понимаю, мой лорд, – кивнув, выдохнул Люциус. – Я выполню все ваши указания. Клянусь, господин!

Волан-де-Морт медленно кивнул:

– В таком случае твоя работа начинается сегодня, Люциус. Найди для меня достойный сосуд. Найди чистокровную семью, лояльность которой никогда не вызывала сомнений. Когда придет время, приди к женщине из этой семьи, ждущей ребенка. Она должна взять кинжал и собственной рукой начертить мой знак – первые буквы моего имени – на животе над нерожденным ребенком, написать своей кровью. Пусть ее желание перенесет жизнь из кинжала в материнскую кровь, и она будет принята младенцем. Таким образом, остаток моей души будет передан. Мальчик будет иметь мою сущность, обновленную и готовую служить еще одному поколению. Это твой долг и обязанность передо мной, Люциус. Поклянись.

– Я клянусь, мой лорд, – хрипло произнес Люциус, падая на колени.

– Мой лорд! – задыхаясь воскликнула Беллатриса, подползая на коленях и умоляюще протягивая руку. – Выберите меня! Позвольте мне стать сосудом вашего дара будущим поколениям! Я выращу мальчика вашим идеальным подобием! Я готова! Я жажду!

– Да, моя верная Беллатриса, – тихо сказал Волан-де-Морт, не поворачиваясь к ней. Между ними вращались в воздухе осколки парящей хрустальной люстры. – Но при такой задаче твоя верность –

компрометирующее обстоятельство. Никто не должен догадаться, в чьем чреве переродится моя душа. Несмотря на твое огромное желание, этот долг не может пасть на тебя.

Беллатриса зарыдала.

– Тогда зачем вы держите меня здесь, мой лорд? – отчаянно простонала она. – Зачем оставили меня смотреть, как то, чего я жажду больше всего, вырывают из моих рук?

Волдеморт снисходительно вздохнул.

– Дорогая Беллатриса, ответ скрыт в самом твоём вопросе. Попробуй взглянуть на это с другой точки зрения: я мог бы убить тебя на месте за то, что ты позволила Гарри Поттеру ускользнуть от тебя сегодня, а вместе этого я всего лишь убил твою мечту.

– *Heeeeet!* – взвизгнула Беллатриса, заламывая руки. Волосы на затылке Джеймса встали дыбом, он никогда не слышал такого отчаяния, такой безысходности в человеческом голосе.

Волдеморт шагнул вперед, на его губах зазмеилась улыбка, словно крики Беллатрисы были сладчайшей музыкой для его ушей. Он протянул клинок Снейпу. Как только тот взял кинжал, люстра за их спинами с оглушающим грохотом обрушилась, заглушая стенания женщины.

Воспоминание погасло.

Из густого клубящегося тумана выплыла еще одна сцена, словно сон в горячечном бреде. И снова Джеймс увидел Северуса Снейпа. Тот расхаживал туда–сюда по кабинету директора, который в то время занимал уже сам.

– Вы, похоже, не понимаете до конца, Альбус, – сказал Снейп, обращаясь, по–видимому, к портрету Дамблдора на стене. – Это не будет просьбой. Слагхорн – человек, ответственный за умение Темного Лорда создавать крестражи. И он разбирается в этом лучше, чем я. Он наверняка знает способ сделать один из них бесполезным.

– Только в том случае, если бы это было возможным, Северус, – ответил портрет Дамблдора. – Но это не так. Ты можешь уничтожить крестраж, но ты не можешь отнять у него силу. К тому же, как мне помнится, я предлагал просто отравить инструмент, тем самым убив и мать и дитя, в которое она должна была проникнуть.

– Я не могу уничтожить крестраж, пока жив Темный Лорд, –

возразил Снейп. – Он связал его с Люциусом Малфоем, так что сразу узнает, если что-то случится, и моя лояльность окажется под подозрением.

– Тогда сделай как я сказал, – почти яростно выдохнул портрет Дамблдора. – Отрави лезвие. Это в твоих силах. Уже в одной только этой комнате можно найти несколько обнаруживаемых зелий. Пусть инструмент, несущий темную душу, принесет с собой гибель.

– Может, вы и могли бы убить женщину и ее нерожденное дитя ради "высшей цели", Альбус, но меня эта способность минула.

– В таком случае ты просто дурак, Северус, – горько вздохнул портрет. – И семя этого крестража взойдет не на почве Горация Слагхорна, но на твоей.

Снейп медленно сделал несколько вдохов и выдохов, размышляя. Наконец он снова поднял взгляд.

– Может быть, и нет, – проговорил он, словно про себя. – Возможно, есть другой выход.

– Ты ошибаешься, Северус, – возразил Дамблдор. – Только мой способ приведет к победе. В любом ином случае мальчик родится, и кровь Волдеморта будет бежать в его венах.

По лицу Снейпа пробежала холодная усмешка.

– Возможно, и нет... – снова прошептал он.

– Так ты не сомневаешься, что кинжал передаст таящуюся в нем часть души Волдеморта дальше?

– Конечно, нет, – глаза Снейпа сузились. – Но что, если он не передаст ее мальчику?..

– Не время для загадок, Северус, – терпеливо сказал Дамблдор.

– Позвольте мне это маленькое удовольствие, – спокойно ответил Снейп. – Я просто размышлял вслух. Темный Лорд уверен, что его душа найдет место в теле мальчика. По своему характеру он относится к тому типу мужчин, который уверен в превосходстве своего пола. Но что если выбор Люциуса будет неверным? Если что-то затуманит результаты его предсказаний? И в итоге последний крестраж будет передан девочке?

– Какая разница. Его душа все равно подавит личность любого ребенка-пристанища. Она вырастет под влиянием его сути.

– Его невероятно "мужская" сущность, – пробормотал Снейп, почти не слушая возражения портрета. – И противостоять ей будет

тепло ее женского сердца. О, превосходно...

– Это рискованная глупость, друг мой, – мягко прервал его портрет. Я продолжаю убеждать тебя: отрави кинжал, а если это не в твоих силах, то просто уничтожь его при первой же возможности.

Снейп, прищурившись, взглянул на портрет. Он извлек кинжал из складок своей мантии и держал его в руках. Клинок мрачно блеснул, столь же страшный, как и тогда, когда Джеймс в последний раз его видел.

– Да, – выдохнул он, соглашаясь. – Вы абсолютно правы, Альбус. Когда придет время. Сейчас я не могу уничтожить крестраж, это вызовет слишком много подозрений, и моя лояльность будет поставлена под угрозу. В то же время я буду... экспериментировать. Люциус Малфой связан с кинжалом. Я смогу проникнуть в эту связь, извратить ее, затуманить его разум в любом случае. Если Люциус успешно воспользуется клинком, то он "случайно" передаст его сущность нерожденной девочке, тем самым нарушив планы своего повелителя. Возможно, только возможно, от этого будет зависеть все. В противном случае я лично уничтожу кинжал, когда придет время.

– Прошу простить меня, Северус, – сказал Дамблдор, глядя тому прямо в глаза, – но что если ты не проживешь так долго?

– У меня достаточно причин, чтобы оставаться в живых, Альбус, – ответил Снейп, пряча кинжал обратно в складки своей мантии. – И, как вам хорошо известно, уничтожение сего таинственного объекта не является главной из них. Поверьте, я буду осторожен.

Как только прозвучало последнее слово – "осторожен" – воспоминание завертелось и истаяло в клубах серебристого дыма, заполнившего все поле зрения Джеймса. Затем он осознал, что стоит, опираясь о что-то твердое. Все тело занемело от пребывания в неудобной позе, так что мальчик откинулся назад, в результате он отдалился от Омута Памяти Дамблдора, ощутив при этом головокружение и чувство легкой дезориентации. Ральф и Роуз проделали то же самое. Все трое стояли, цепляясь друг за друга, чтобы сохранить равновесие.

– Ты его видел? – спросил Скорпиус. Джеймс заморгал, пытаясь сосредоточиться. Скорпиус сидел на сундуке в углу захлавленной комнаты, опираясь о стену. – Видел кинжал?

– Я – да, – кивнул Джеймс. – А ты, Роуз? Ральф? Я не заметил ни одного из вас там.

Роуз потрясла головой.

– Я видела все. Я видела директора Дамблдора и профессора Снейпа, обсуждающих возможность появления некоего Наследника. И затем... Я видела его. Того, Кого Нельзя Называть. Это было ужасно.

– Я не совсем точно уловил, о чем они толковали, но, полагаю, понял большую часть, – лицо Ральфа было бледным как простыня. – Эти самые крестражи должны были защищать части души Волдеморта, так что даже будь он убит, он бы на самом деле не умер, да?

– Но последний крестраж, заключенный в кинжале его отца, этот отличался от прочих, – кивнула Роуз. – Он не смог бы получить его обратно, что бы ни случилось. Этот предназначался для нерожденного ребенка и нес в себе частичку его души для соединения с новой жизнью.

Джеймс нахмурил брови.

– Но почему кто-то, кто был настолько одержим бессмертием, потратил один из них на чужую жизнь?

Ральф пожал плечами, как будто ответ был очевиден.

– Это по-прежнему его жизнь, но хорошо спрятанная. Кто мог заподозрить подобное? Пока Волан-де-Морт был самим собой, все добрые волшебники охотились за ним. Он знал, что по крайней мере несколько человек вроде твоего отца, Джеймс, никогда не остановятся, пока последний Крестраж не будет уничтожен и последняя частичка души Волан-де-Морта не будет разрушена. Так что скрыть последнюю капельку своей души в каком-то безвестном младенце было просто гениальным решением. Я имею в виду, ты видел, как выглядел Волан-де-Морт. Он, мягко говоря, выделялся в толпе. Но чтобы он стал частью какого-то младенца? Да кому придет в голову преположить что-то подобное? Никому! Просто прекрасная маскировка.

– Но в любом случае, он не может стать этим ребенком, – сказала Роуз, брезгливо сморщившись. – Ведь кусочку его души придется сражаться с целой душой другого человека, пребывая внутри него самого.

– Или сотрудничать с ним, – сказал Скорпиус. – Если он найдет слабое место в хозяине, то сможет его эксплуатировать, каким-нибудь образом подчинить его. И все, этот человек станет новым Волан-де-

Мортом. Даже дерево можно согнуть, если влиять на него с того момента, как его посеяли. Волан-де-Морт был очень терпелив и хитер. Его сущность за определенное время сможет слить новую душу со своей.

– Так что же случилось с кинжалом? – спросила Роуз, садясь на ящик. – Судя по всему, профессор Снейп был убит прежде, чем получил шанс уничтожить Крестраж. Но удалось ли ему прежде заколдовать клинок так, чтобы твой дед ничего не заподозрил?

– Похоже на то, – произнес Скорпиус, мрачно улыбаясь. – Мой дед ничего не знает об Омуте Памяти и о воспоминаниях, которые он содержит. Так что он рассказывает эту историю немного иначе...

И Скорпиус с энтузиазмом принялся рассказывать оставшуюся известную ему часть истории.

Все началось уже после смерти Снейпа от руки Волдеморта, убитого не потому, что он утратил доверие Темного Лорда – Скорпиус не знал обо всем этом до того, как посмотрел воспоминания из Омута Памяти – но в силу ошибки, когда Волдеморт пожелал полностью завладеть Бузиной Палочкой, магическим артефактом невероятной силы. Снейп этого не ожидал и потому не успел уничтожить зачарованный кинжал-крестраж.

Снейп же, однако, был достаточно хитер, чтобы заранее спрятать клинок и никому не выдать его истинного расположения. Вскоре после того, как Волдеморт был повержен, а его почитатели – Пожиратели Смерти – разбиты, Люциус Малфой отправился на поиски кинжала, полный фанатичного рвения оправдать доверие своего погибшего повелителя. Он прокрался в школу вскоре после завершения битвы, когда оборона еще была достаточно слаба. Используя все доступные ему силы, он смог почувствовать местонахождение оружия, но не сумел обнаружить точно, где скрыт тайник. Подобный факт едва не свел его с ума от злости и страха, ведь он считал, что в случае неудачи Темный

Лорд найдет способ отомстить ему даже из могилы.

Пока Люциус судорожно в очередной раз обыскивал кабинет директора Снейпа, его присутствие было обнаружено, так что ему пришлось бежать под чужой личиной, накладывая проклятия на всех на своем пути. В Запретном Лесу он неожиданно для себя почувствовал присутствие поблизости магического объекта невероятной силы. Тогда у него не было времени подробнее изучить это место, но он сделал пометку, чтобы вернуться позже, пребывая в уверенности, что обнаружил местонахождение кинжала–крестража.

Время шло, но у Люциуса так и не появилось возможности вернуться в Лес. Большая часть его товарищей–Пожирателей Смерти ударились в бег или были схвачены и заключены под стражу. Сам же Люциус исключительно хорошо умел замечать следы, но по–прежнему жил в постоянном страхе, что будет обнаружен. Его жена, Нарцисса, оставила его вскоре после битвы, и даже собственный сын Драко не хотел иметь с ним ничего общего, так что Люциус продолжал скрываться в одиночку. Последние сбережения он потратил на приобретение полуразрушенного особняка на Консервном Ряду. Там, в одиночку он и начал планировать возвращение в Хогвартс за кинжалом.

К тому времени момент был упущен – Хогвартс уже был перестроен и обзавелся усовершенствованной системой безопасности. Никто вроде Люциуса не мог даже и пытаться проникнуть на территорию, не будучи при этом обнаруженным. Так что ему требовалась помощь, а также деньги. Некоторое время спустя желаемое попало к нему в руки в виде Грегора Тиранникуса, слабохарактерного типа, изгнанного из королевской семьи Румынии. В руках у Грегора было небольшое состояние в виде золотых монет, выданное ему отцом в обмен на обещание вести себя тихо и никогда не возвращаться. Его легко оказалось очаровать сладкими рассказами о времени, проведенном с Темным Лордом, в итоге тот пообещал пожертвовать все свое золото до последней крупички на возвращение кинжала–крестража. Взамен же Грегор желал поддержки в возвращении своего трона, когда придет время. Люциус согласился с предложением принца, по–прежнему одержимый навязчивым желанием вернуть реликвию Темного Лорда.

Вместе они сколотили небольшую группу из воров и взломщиков,

которых подготовили для осады замка Хогвартс. Впрочем, сам Люциус к осаждающим присоединиться не собирался. Он планировал воспользоваться суматохой и проникнуть в Запретный Лес, чтобы заняться там поисками кинжала. Несмотря на потраченные им и Грегором на тренировки усилия, на самом деле Люциус предполагал, что осаждающие будут разбиты и отправятся в Азкабан. Поскольку эти люди занимали весьма небольшую часть плана Люциуса, его не волновало, что случится с ними дальше. Это должно было стать всего лишь очередной небольшой жертвой на алтарь поверженного Темного Лорда.

Впрочем, осаде не суждено было случиться. Менее чем за неделю до планируемой атаки на Хогвартс Люциус находился в одиночестве в своем доме на Консервном Ряду, когда один из воров, молодой парень по имени Малькольм Бэддок, материализовался из тени рядом с ним, в руке его многозначительно поблескивал нож. С хищной улыбкой тот приказал Люциусу отвести его к золоту, спрятанному где-то в глубинах особняка.

– Давай пошевеливайся, старикашка, и тогда единственной пролившейся здесь кровью будет кровь из твоего отрезанного языка, – рыкнул Бэддок.

Люциус только вздохнул. Он закрыл книгу, которую читал, и почти лениво извлек свою палочку. Покрутил между пальцами, почти не направляя на Бэддока.

– Ну, молодой человек, что же заставляет тебя думать, что я не могу убить тебя на месте при помощи вот этой палочки?

Ухмылка Бэддока расширилась.

– Потому что это мой счастливый нож, вот почему, – сказал он, демонстрируя мрачно поблескивающее лезвие. – Он еще ни разу меня не подводил. Я успею три раза пырнуть тебя, прежде чем твое тело достигнет пола, я понятно объяснил, а, старичье тупое? Ни одна палочка не выстояла против него, так что тебе не на что надеяться. Так что живо тащи золотишко!

Глаза Люциуса сузились.

– Скажи-ка мне, мой юный дружок, – мягко протянул он, – каким образом твой кинжал сможет предугадать, если волшебник вдруг решит сделать... Вот это?!

И Люциус ловко взмахнул палочкой, резко и быстро. Тонкая красная линия пробежала по горлу Бэддока, тот вздрогнул. В разрезе запузырилась кровь. Она хлынула потоком, когда Бэддок попытался наклонить голову, выражение его искаженного от ярости лица казалось почти комическим, нож по-прежнему был зажат в руке. Когда тот открыл рот, пытаясь что-то сказать, его голова отделилась от тела, с глухим стуком упав на пол.

Люциус уже спрятал палочку обратно в рукав и принялся было размышлять над тем, что именно он скажет прочей команде относительно случившегося с Бэддоком, когда ощутил боль в области живота. В складках его мантии блеснула рукоять ножа. Мгновение спустя обезглавленное тело рухнуло на пол. Да, по-видимому, это и правда был счастливый нож, ведь он почти сумел завершить начатое даже после смерти своего хозяина.

Люциус потянулся за ножом, чтобы аккуратно извлечь его из своего живота. Это было больно, но не смертельно для волшебника его уровня. Но не успели пальцы коснуться рукояти, как он замер, глаза в удивлении расширились. Часть ее, видневшаяся из-под одежды, была инкрустирована драгоценными камнями, но несмотря на это, оставалась непривлекательной. И она была знакома Люциусу. Очень знакома. Осторожно сомкнув пальцы, старый волшебник извлек клинок наружу. Он медленно опустил на колени, по-прежнему не сводя с ножа взгляда, поворачивая той одной стороной, то другой и почти не ощущая боли. Отблески огня играли на покрытом кровью лезвии. И тут он захохотал.

– Благодарю вас, мой повелитель, – прорыдал он сквозь смех, – даже в смерти ваше слово – закон! И ваш последний крестраж все-таки нашел меня! Спасибо! Я не подведу вас снова! Я выполню ваш последний приказ!

Волшебник смеялся еще какое-то время, пока насквозь промокшая мантия и кровь, растекающаяся лужей по полу, не напомнили ему, что нужно исцелить рану в животе.

Вот так, спустя два года после Битвы за Хогвартс, после невысказанной гибели Темного Лорда, но Люциус все же получил возможность исполнить свой долг. Он рассказал Грегору историю возвращения кинжала, и они распустили оставшихся членов команды,

выдав им немного золота и предупредив, что в случае огласки их постигнет участь злосчастливого Бэддока.

У самого Малфоя уже давно была на примете "подходящая" семья для принятия дара Темного Лорда. Чистокровная, но не занимающая высоких постов и довольно бедная. Люциус давно уже следил за ними и знал о недавно начавшейся беременности молодой женщины. Ее звали Лианна Агнеллис, а ее муж за некоторое время до случившегося был задержан сотрудниками Министерства по обвинению в пособничестве Пожирателям Смерти в последние дни властвования Волдеморта. Люциус смутно припоминал паренька по имени Уилфрид. Тот действительно служил Пожирателям Смерти, хотя вряд ли догадывался об этом.

Молодой человек был до глупости прост и доверчив, так что Люциус использовал его в качестве посланника. И именно сам Малфой и сообщил Министерству о возможной связи того с Пожирателями Смерти, хорошо зная о том, что простофиля никогда не сможет даже упомянуть никого из них – все они были слишком осторожны, чтобы дать хоть малейшую зацепку. Уилфред был допрошен Визенгамотом и в конечном итоге заключен в Азкабан до тех пор, пока не назовет имена своих сообщников.

Вскоре после этого Люциус нанес визит молодой Лианне, находящейся тогда на начальных сроках беременности, в ее крошечной квартирке. Он легко завоевал доверие девушки, представившись одним из близких друзей и соратников ее мужа. Лианна заварила чай, и они сидели за расшатанным кухонным столом. Люциус рассказал о том, что у него есть деньги и влияние, достаточные для освобождения Уилфрида, но взамен потребуется одна небольшая услуга с ее стороны. Отчаявшаяся молодая женщина пала к его ногам, рыдая, готовая на все ради возвращения своего супруга. Когда она спросила, что именно ей придется сделать, Малфой немного сдал назад, сказав, что она может передумать, когда услышит, о чем пойдет речь. Он попросил минутку на размышление, пока она будет наполнять его чашку снова.

Когда Лианна отвернулась к печке, Люциус бросил взгляд на дно ее чашки, рассчитывая по оставшимся там чаинкам определить, носит ли она младенца мужского или женского пола. Подобного рода простые гадания были легко доступны волшебнику его уровня. Он внимательно

вглядывался, но почему-то чайный узор расплывался перед глазами. Мужчина заморгал, пытаясь сосредоточиться. Кинжал-крестраж, спрятанный в складках его мантии, казалось, задрожал. Он чувствовал, что ответ лежит на границе сознания, но что-то мешало.

В последнее время Люциус никуда не ходил без кинжала, но сейчас вдруг пожалел, что не оставил его в особняке. Затем, когда Лианна вернулась и поставила перед ним чашку, все внезапно прояснилось. Он посмотрел на ее чай, слегка наклонив чашку в неярком свете. Да, все было именно так. Сомнений не оставалось: в утробе женщины развивался плод мужского пола. Листья подтверждали это. Люциус вздохнул с облегчением и улыбнулся. Кинжал снова был неподвижен.

– В чем дело? – несколько нервно спросила Лианна, усаживаясь напротив. – Что вы увидели там? Мой муж вернется ко мне?

Люциус смотрел на нее сияющими глазами. Он слегка прикоснулся своей рукой к ее.

– Скоро вы воссоединитесь, – пообещал он, – если выполните нашу просьбу. Это можно будет сделать уже сегодня вечером, если вы пожелаете. Я помогу вам. Но не должно быть никаких колебаний и никаких вопросов. Возможно, вы будете поражены, а также испытаете легкую боль, но это все на мгновение и закончится в считанные минуты. Вы сделаете это, мой дорогая миссис Агнеллис?

Она кивнула, несколько напуганно, но решительно.

– Я знала, что начальники Уилфреда были скверными людьми, а вещи, которыми они занимались, зачастую просто ужасными. И я говорила ему то же, что скажу вам сейчас, сир: я не хочу ничего об этом знать. Я сделаю то, о чем вы просите, но не рассказывайте мне больше. Я просто хочу освободить Уилфрида, а затем мы покинем вас, если вы не будете против.

Люциус понимающе кивнул, похлопывая ее по руке, но Лианна, похоже, сказала все, что хотела. Ее рот сжался в тонкую линию, яснее всяких слов говорящую о том, что эта простая женщина делает все, чтобы вернуть своего мужа. Она явно догадывалась, что это будет нечто ужасное, но не изменила выражения своего лица. Оно сообщало: я сделаю все, что необходимо, и никогда не упомяну об этом, вообще никогда больше не позволю даже мысли о сделанном прокрасться в мою голову. Никто не узнает о содеянном, равно как оно сотрется из моей

памяти. Уже стерлось. Мой разум чист и безмятежен. Начнем же.

Когда Люциус убедился, что выражение упрямой решимости прочто угнездилось на лице молодой женщины, он сунул руку в складки мантии и извлек оттуда завернутый в ткань предмет, при этом сохраняя вид обеспокоенного дядюшки. Он положил сверток на стол.

– Разверните, миссис Агнеллис, – тихо сказал Малфой. – Это предназначено вам.

Она потянула сверток к себе, затем развернула ткань и недоуменно уставилась на поблескивающий серебром некрасивый кинжал.

Люциус продолжал улыбаться.

– Будет совсем чуть–чуть больно, – ободряюще прошелестел он. И принялся объяснять ей порядок действий.

– Какой ужас! – воскликнула Роуз дрожащим голосом. – Твой дед просто чудовище!

Скорпиус ничего не ответил на это, со скучающим видом уставившись на пыльную поверхность Зеркала Еиналеж.

– Так как кинжал вообще попал в руки к этому простофиле Бэддоку? – недоуменно нахмурился Ральф.

– Он учился на седьмом курсе в Хогвартсе еще до битвы, – ответил Скорпиус. – Мой дед полагает, что кинжал просто позволил себя отыскать, зная, что в итоге это приведет его туда, где он должен быть.

– Несчастный тупица, – согласилась Роуз со вздохом.

– Но если кинжал все время находился у Бэддока, – подумал вслух Джеймс, – значит, магическим объектом, который твой дед почуял в Запретном Лесу, был... – тут он оборвал сам себя. На лице Роуз явно отразилось понимание.

– Воскрешающий Камень! – выдохнула она. – Вот значит как они его нашли! Простая удача – пройти неподалеку, когда все твои чувства так напряжены! Он почуял Камень, хотя и принял его за кинжал!

– Думаю, он тоже это быстро понял, – уныло сказал Джеймс. –

Изначально не имел точного понятия о том, что это было, после нападения Бэддока он точно знал, что это не был кинжал. И в конце концов пробрался в лес и отыскал неизвестный предмет. Черт возьми! Бедняга, наверно, штаны намочил, когда понял, что держит в руках слизеринскую часть Сигнального Камня!

Скорпиус покачал головой.

– Не знаю, о чем вы толкуете, но в ваших словах определенно присутствует логика.

– Что ж, – спросил Джеймс, – на этом история заканчивается? Бедняжка Лианна начертила кинжалом необходимые инициалы на своем животе и родила ребенка с душой Волдеморта?

Скорпиус кивнул, все еще отводя взгляд.

– После случившегося она заболела и, естественно, дедуля ничего не сделал, чтобы освободить ее мужа из Азкабана. Сомневаюсь, что он вообще был на это способен, даже если бы захотел. В конце концов, все оказалось ложью. И когда Уилфрид так и остался под стражей, Лианна поняла, что сделала нечто ужасное, не получив ничего взамен. К тому времени она совсем обессилела, и ее отвезли в госпиталь Св. Мунго, где та в итоге и умерла, дав жизнь своему ребенку.

– Какой ужас. Лучше бы я ничего этого не знал, – пробормотал Ральф, его губы сжались в тонкую линию.

Роуз подняла взгляд, ее глаза загорелись.

– А что случилось с отцом ребенка?

– Уилфред пробыл в Азкабанае очень долго. Он знал, что его жена умерла при родах, но никогда не видел свое дитя. Он требовал, чтобы его выпустили – ведь кто-то должен был растить ребенка! Когда он окончательно обезумел, его поместили в одиночную камеру. Где несколько дней спустя и нашли мертвым. Мой дед думает, что охранники кинули его в яму с дементорами.

– Яма с дементорами? – переспросил Ральф, поежившись.

Роуз вздохнула:

– Раньше дементоры охраняли Азкабан. После их связей с Волан-де-Мортом их сочли ненадежными и заключили в тюрьму, в темную камеру в подвале. Как и борли, дементоры – теньевые существа. Без света они беспомощны. Темные ямы Азкабана ослабляют их, сводят с ума от голода. Если же человека бросают в такую яму, то это безумно

мучительная смерть.

– Зачем охранникам бросать беднягу в яму? – спросил Ральф.

– Месть, – ответил Скорпиус. – Они считали, что он молчал, защищая самых худших Пожирателей Смерти. Тех, кого так и не схватили. Почти все новые охранники – бывшие Авроры и Харриерсы. Они видели множество людей, которых убили Пожиратели Смерти. Им не жалко тех, кто сидит в Азкабанах. Они не жалеют даже тех, чья вина не доказана.

– То есть, ребенок стал сиротой, – ровным тоном произнес Джеймс.
– Прямо как мой папа.

Скорпиус кивнул:

– Мой дед был в ярости, когда узнал, что родилась девочка. Он до сих пор понятия не имеет, что это Северус Снейп заговорил кинжал, затуманивший его рассудок в тот момент. Он отказывается называть ребенка девочкой, зовя ее "Наследник" или даже "Оно". Он одновременно и отторгает, и стремится к ней, зная, что именно в ней сокрыто все, что осталось от его мертвого повелителя. Девочку воспитали родители Лианны, которые не очень-то уж ее и любили. Мой дед шпионил за ними многие годы. Бабушка и дедушка никогда не применяли насилия, но дед считает, что они втайне винили девочку в смерти их дочери.

Роуз покачала головой:

– Хватит. Я не могу больше это слушать. Это совсем уж по-свински.

Лицо Джеймса вдруг стало жестким. Он решительно посмотрел на Скорпиуса.

– Нет, – сказал он. – Ты рассказал нам еще не все. Осталось самое главное. Скажи, кто она.

– Ты бы сам понял это немного позже, но ладно... – ответил Скорпиус. – Она – единственная известная сирота, учащаяся в Хогвартсе сейчас. Хотя никогда и не упоминает об этом. У нее темные мамины волосы и рост ее отца. Все остальное она получила из-за темного влияния кинжала-крестража, последнего кусочка души Волан-де-Морта. Сегодня днем она стояла неподалеку от вас, прячась за книжными полками в библиотеке, и подслушивала ваш разговор. Вредноскоп отреагировал так именно на ее присутствие. Вы ведь

поняли, о ком я говорю? Скажите мне ее имя. Я не могу произнести его вслух, потому что мой дед убьет меня. И, возможно, он использует этот чертов кинжал.

Джеймс задумчиво посмотрел на Роуз и Ральфа, а потом перевел взгляд на Скорпиуса.

– Это Табита Виолетта Корсика. Именно в ней сейчас находится кусочек души Волан–де–Морта, – сказал он твердо. – Кажется, я стал об этом догадываться уже давно.

– Тогда вы можете знать кое–что еще, – произнес Скорпиус, вздыхая и поднимаясь на ноги.

– Что? – спросил Ральф, по очереди глядя на каждого, находящегося в этой комнате.

– Мы знаем, в ком сейчас находится последняя часть души Волан–де–Морта. Также мы знаем, кто будущий хозяин Привратника. Это все один человек – Табита, – спокойно ответила Роуз.

Джеймс медленно покачал головой:

– Есть кое–что, чего мы не знаем. Как и когда это произойдет. И что мы можем сделать, чтобы остановить ее.

Глава 18. Триумвират

В прошлом году, во время злополучного приключения в Запретном Лесу Джеймсу повстречалось существо, называемое дриадой или лесным духом. Существо, притягивающее нечеловеческой красотой, было очень грустно, своим гипнотическим голосом оно поведало, что кровь злейшего врага отца Джеймса по-прежнему течет, пусть и в чужих жилах, не более чем в миле от них. Последующие слова дриады послужили Джеймсу предупреждением: прошли дни твоего отца, сказала она, *твоя же битва впереди еще*.

Джеймс не знал, что конкретно тогда дриада имела в виду, но с тех пор его не покидала мысль о том, что у Волдеморта есть Наследник. Он подозревал Табиту Корсику долгое время, в то время как остальные убеждали его, что она просто очень умная и коварная девушка, особенно в свете недавней истории. Теперь Джеймс был уверен, что именно Табита и была тем таинственным Наследником, о котором его предупреждала дриада. Он чувствовал себя как никогда беспомощным. Он ничего не мог сделать, чтобы остановить Табиту, в основном потому, что он не знал, в чем заключался ее план. Скорпиус утверждал, что его дед никогда не рассказывал ему, как Наследник воссоединится с Привратником, за исключением того, что потребуется пройти некий тест, который докажет готовность Табиты и ее приверженность цели Привратника. Джеймсу хотелось расспросить Мерлина об этом, но его последний разговор с директором только усилил беспокойство мальчика относительно великого колдуна. Также Джеймс мог бы написать письмо отцу, рассказать ему все и попросить о помощи, но у его отца сейчас было слишком много забот с продажей Норы, с поиском жилья для бабушки Уизли, с подавлением таинственного восстания дементоров в Лондоне. Кроме того, в своем последнем письме отец Джеймса признался, что настоящее расследование дела о Привратнике посеяло бы страх вокруг. А Министерство считало это выдумкой своих недоброжелателей. Как Джеймс мог просить о помощи своего отца, если тот считал его тревогу глупой и ненастоящей? Все больше и больше Джеймс ловил себя на мысли о последних словах дриады: это была битва не Гарри Поттера, это была его битва. Битва Джеймса

Поттера.

Скорпиус считал, что они просто должны следить за деятельностью Табиты настолько, насколько это вообще возможно – задача, становившаяся все труднее с приближением конца учебного года. Впрочем, Джеймс регулярно видел ее на репетициях, поскольку та была помощником постановщика и отвечала практически за все, кроме окончательного результата, который оценивала уже сама профессор Карри. Давление с ее стороны все усиливалось, еще больше осложняясь тем, что Табита умела так составить свою критику в его адрес, что в результате она как будто бы извинялась перед остальными за его полную бездарность. Однажды Джеймс даже слышал, как та говорила профессору Карри: "В конце концов, я просто согласилась с большинством относительно него, а сейчас уже поздно что-либо менять..."

Основная задача наблюдений за Табитой упала на Ральфа, ведь он был в Слизерине. Как и она. Тем не менее, кроме каждодневных капризов Ральфу было не о чем докладывать. С Джеймсом Табита была либо слегка нетерпимой, либо льстиво вежливой, чего раньше не наблюдалось.

Школьных занятий становилось все меньше и меньше по мере приближения заключительного спектакля. Многие семьи хотели посетить это шоу, в том числе мама и сестра Джеймса. К огромному сожалению мальчика, его отцу пришлось остаться в Лондоне для очередного разгона дементоров, из-за чего тому не удастся присутствовать на представлении. Но Джинни обещала записать выступление Джеймса на Омниокль, чтобы Гарри смог посмотреть его позже. Из-за того, что на спектакль собиралось очень много народу, намерение профессора Карри провести совершенно немагическую, в стиле маглов постановку было подпорчено преувеличенной решимостью ее учеников сделать из этого сенсационное шоу. Джеймс замечал тайное использование магии почти во всех отраслях работы: от педальной ветродуйной машины, которая стала работать сама по себе, и до выключенных прожекторов, при этом продолжающих светить. На самом деле, из-за того что в Хогвартсе не было электричества, несколько маленьких магловских генераторов были доставлены в школу специально для подачи электричества прожекторам. Даже профессор

Карри не понимала, что для постоянной работы генераторов требовалось много топлива. Чтобы ни у кого не возникало вопросов, Дэмьен заколдовал генераторы так, что они издавали урчащий звук работы. Все шнуры, какие только нашлись, были воткнуты в них, но работали генераторы только на магии. Профессор Карри мудро решила переключиться с генераторов к другим более насущным вопросам.

Расписание репетиций Петры почти никогда не совпадало с расписанием Джеймса, поэтому ему редко доводилось репетировать с ней на сцене. Это было не очень хорошо, призналась профессор Карри, но все же не являлось неразрешимой проблемой, потому что Табита Корсика нашла дублера, который замещал Петру, когда та не могла присутствовать на репетициях с Джеймсом. Головокружение Джозефины Бартлетт уменьшилось настолько, что теперь она уже могла построчно читать реплики Петры. Именно она стала дублером Петры, что было весьма логично, ведь это ее выбрали на роль Астры до того "несчастливого случая".

Несмотря на то что у девушки не будет возможности играть в самом спектакле, она исполняла роль Астры с безумной страстью, чтобы все смутились и поняли, что именно она – лучший вариант для этой роли. Скрестив руки на груди, Джозефина затаивалась на сцене, едва замечая других актеров, пока до нее не доходила очередь. В такой момент она начинала читать, переходя от апатии к драме в мгновение ока, а потом обратно, когда реплика Астры заканчивалась. Девушка почти не замечала Джеймса на сцене, хотя многие ее реплики относились именно к нему. Табита же, казалось, была весьма довольна поражением Джозефины и каждый раз самодовольно улыбалась, когда та читала свои реплики. Джеймса же особенно раздражало то, что ему приходилось практиковать кульминационную сцену поцелуя с Джозефиной, ведь до сих пор они ни разу не репетировали ее с Петрой.

– Даже не надейся поцеловать меня, ты, мелкий выскочка, – прошипела Джозефина, наклоняясь к нему с чарующей улыбкой.

– Если только в твоих мечтах, – пробормотал Джеймс, изобразив на лице влюбленность. – Я скорее опасаясь, что ты на меня грохнешься. Ты выглядишь несколько неустойчивой.

Он звучно чмокнул мисс Джозефину. Через пару секунд свет погас, и Табита объявила о десятиминутном перерыве, во время которого

технический персонал заполнял бак дождевой машины.

Этой ночью Джеймс увидел очередной сон, хотя в этот раз он был уверен, что это именно сон, а не чье-то видение. Как обычно, сон начался со всплеск лопастей и скрежета старого дерева. Фигура снова подошла к беспокойной глади бассейна и вгляделась в воду. И снова лица выплывали к ней, лица молодого мужчины и молодой женщины. В этот раз, впрочем, они выглядели по-другому. Мальчику показалось, что они выглядят точь-в-точь как его давно умершие дедушка и бабушка, родители его отца. Похоже, лица не смотрели на девушку с темными волосами. Вместо этого они не сводили глаз с самого Джеймса, который плавал в темноте позади нее. Лица казались мрачными и обеспокоенными, хотя они не издавали ни звука, они, казалось, стремились передать что-то выражениями глаз – предупреждение: будь осторожен, внук; приглядиись повнимательнее и не спеши. Иначе...

Темноволосая девушка отвернулась от бассейна, и Джеймс посмотрел на нее. Даже сейчас, когда ему было известно, что это Табита Корсика, ее лицо по-прежнему оставалось полускрытым тенью. Джеймс попытался было заговорить, сказать, что ей больше нет смысла таиться, но его губы словно слиплись. Он двигался вместе с ней, когда она проходила вдоль края, и по мере продвижения все вокруг изменялось. Темные, поросшие мхом стены раздвинулись и словно бы растворились, откуда-то подул свежий ветерок, они оказались на покрытой травой вершине холма. Следующий за тенью Табиты Джеймс понял, что они оказались на кладбище. Справа был мрачного вида покосившийся кованный забор, полукольцом охватывающий несколько надгробий и склепов.

– Я никогда не бывал здесь раньше, – заметил чей-то голос. Джеймс огляделся и заметил высокий силуэт молодого человека, пришедший вслед за тенью. Сама же девушка казалась выше, и ее голос звучал по-другому, когда она заговорила:

– Какая причина могла привести тебя сюда раньше?

– Здесь похоронены мои бабушка и дедушка, – спокойно ответил голос. – Но я не помню, чтобы я бывал тут раньше.

– Как печально для тебя, – ответила тень Табиты.

– Если тебе так кажется.

Они вошли в круг света, источником которого был фонарь, одиноко

качающийся на высоком столбе. Находившийся неподалеку человек резкими движениями выбрасывал землю из могилы. Он выпрямился, когда они приблизились, и окинул пару холодным оценивающим взглядом, как будто давно ожидал их прибытия.

– Чья это могила? – спросила тень Табиты.

Юноша вздохнул, и в этот миг к Джеймсу пришло осознание, кто это же был.

– Моя, – ответил Альбус, поворачиваясь к девушке. Теперь Джеймс смог его хорошо рассмотреть в свете фонаря. На вид тому было лет семнадцать-восемнадцать, красивое лицо портил землистый оттенок кожи, словно он не ел уже несколько дней. – Ты знала, что этот день наступит, – продолжил он, извлекая палочку из складок своей мантии. – Каждый выбрал свою сторону. Он знает, что ты здесь, и скоро примчится на крыльях ветра. Но сначала ты должна будешь сделать кое-что...

И Альбус вручил свою палочку тени Табиты.

Хотя Джеймс и осознавал, что это всего лишь сон, он все же попытался крикнуть, предупредить Альбуса, но сквозь сомкнутые губы не могло прорваться ни звука. Ему оставалось только смотреть. Тень Табиты подняла палочку Альбуса, направив ее в небо. Она шмыгнула носом, и ее плечи задрожали, словно от плача. Затем, без малейшего предупреждения откуда-то последовала жуткая вспышка зеленоватого света и резкое шипение. Первым поднял голову сутулый человек с лопатой, а вслед за ним – тень Табиты. Только тогда Джеймс осознал, что нужно посмотреть вверх. Альбус стоял, опустив взгляд. Над ними слегка трепетало сияющее изображение черепа со змеей, высывающейся из полуоткрытого рта, ее челюсти угрожающе щелкали. Жутковатый отсвет Темной Метки озарил кладбище. На ближайших надгробиях Джеймс сумел разглядеть свое имя и имена его сестер. Его кровь застыла в жилах, несмотря на то, что он понимал, что эти имена принадлежат его бабушке и дедушке.

С ужасным шумом в воздухе материализовался еще кто-то, сжимающий в руке палочку.

– Стойте! – прокричала фигура смутно знакомым голосом. – Немедленно прекратите это! Я знаю, что вы собираетесь делать, но я не дам этому случиться! Альбус, не позволяй всему закончиться так!

– Действуй, – произнес Альбус, но Джеймс не смог определить, обращался ли тот к пришельцу или к тени Табиты.

– Нет! – снова выкрикнул некто, в его голосе отчетливо прозвучали нотки отчаяния. – Скоро придут другие, и они не будут тратить время на разговоры! У нас в запасе несколько секунд! Альбус, не будь дураком!

– Прости, – сказал Альбус, не сводя взгляда с тени Табиты. Он медленно кивнул ей. Девушка подняла палочку и нацелила на него.

Пришелец выступил вперед, выкрикивая имя тени Табиты, умоляя ее:

– Пожалуйста, не надо! Это не ты!

– Да, ты абсолютно прав, Джеймс, – тихо, почти с грустью вымолвила тень Табиты, – с этой ночи меня будут знать под другим именем.

Последовал душераздирающий крик и все вокруг озарила вспышка света. Она нахлынула на Джеймса, словно волна и, сколько бы тот ни пытался сохранить сон, видение рассыпалось осколками, будто все это было не более чем отражением в зеркале.

Джеймс распахнул глаза, задыхаясь, пижама на нем насквозь промокла от пота. Мальчик с трудом сел на кровати, его сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Фантомный шрам на лбу пульсировал так сильно, словно кто-то вскрыл ему черепную коробку. Он потер его, шипя сквозь зубы. Спустя минуту боль начала отступать, но медленно, слишком медленно. Затем, приложив для этого немалые усилия, мальчик сел на краю кровати. В темноте он нащупал ящик прикроватной тумбочки и, порывшись там некоторое время, извлек перо и кусок пергамента.

По мере того, как пот начинал леденить кожу в прохладном воздухе спальни, Джеймс наклонился и записал три слова. Затем некоторое время он разглядывал написанное в неярком лунном свете. Возможно, это не имеет никакого значения. В конце концов, это всего лишь сон, хотя и отличающийся от прочих тем фактом, что в нем участвовал и его шрам. Но все же что-то было не так, неправильно в глобальном смысле этого слова. Так что, по причине, которую он не мог себе до конца объяснить, Джеймс решил, что просто обязан запомнить это.

Наконец, несмотря на то, что его по-прежнему била крупная дрожь,

Джеймс забрался под одеяло. На завтра была назначена премьера "Триумvirата", к тому же начиналась последняя неделя учебы. Где-то, может быть, совсем неподалеку, скрывался Привратник, поджидающий своего хозяина. А еще ближе, в тех же самых стенах находился человек, подходящий на эту роль, готовый совершить поступок, решающий его судьбу. И каким-то образом Джеймс обязан был остановить все это. Слова дриады по-прежнему эхом отдавались у него в ушах, вызывая беспокойство, и он погружался вслед за ними в беспокойный прерывистый сон.

Лежащий неподалеку Скорпиус Малфой тоже не спал, хотя и не выдал ни единым звуком или движением. Наконец, убедившись, что Джеймс уснул, мальчик выскользнул из своей постели. На цыпочках он прокрался через комнату, тенью мелькнув на фоне полуоткрытого окна. Скорпиус не взял своих очков, так что ему пришлось прищуриться, чтобы разобрать неровный почерк Джеймса. Он простоял так довольно долго, изучая написанное в лунном свете. Затем вернулся обратно к себе.

В отличие от Джеймса, Скорпиус еще долго не мог заснуть этой ночью.

– Сегодня великий день! – провозгласил Ной, плюхаясь на стул рядом с Джеймсом. – Давай-ка набей пузо поплотнее, "Трей". Ты же не хочешь грохнуть в обморок прямо на сцене? У нас не предусмотрено дублера для твоей роли.

Джеймс застонал. В столовой сегодня утром было особенно людно, поскольку часть семей, приглашенных на спектакль, прибыла еще вчера вечером. Отец Ральфа, Дэннистон Долохов, сидел рядом с тем за столом Слизерина, явно чувствуя себя неловко среди шумной толпы. Родители Ноя занимали места за гриффиндорским столом рядом с его братом Стивеном.

– Разве тебе не положено сидеть вместе со своей семьей? – угрюмо

вопросил Джеймс.

– Не повезло, приятель, – проникновенно сказал Ной, потирая кончик носа. – Членам семьи не положено видеться с тобой до начала спектакля. Традиция, понимаешь ли.

Сабрина замотала головой, отчего перо в ее рыжих волосах отчаянно заболталось.

– Ты все напутал, дурилка. Это женихам не положено видеть невест до начала свадьбы.

– Ну а как ты думаешь, откуда возникла эта отличная идея? – хмыкнул Ной с набитым ртом. – Кроме того, разве свадьба по сути не является очень большим спектаклем?

– Ты волнуешься, Джеймс? – спросила Сабрина, проигнорировав слова Ноя.

– Ну, немножко, – признался Джеймс. – Я имею в виду, я и не думал, что все будет проходить в амфитеатре. Придет намного больше народу, чем я ожидал. Семьи всех и каждого, ведь верно?

– Моя мама придет, – кивнула Сабрина. – И дядя Хастур. Он закончил Хогвартс сто лет назад и это будет его первое с тех пор возвращение.

– И мои родители тоже будут, – встрял Грэхем, – я играю газетчика, и у меня всего одна строчка, а они ведут себя так, словно я звезда всего шоу.

– Я бы предпочел, чтобы ты был звездой всего шоу, – пробормотал Джеймс, уронив голову на сложенные руки.

– Что, у кого-то появился страх перед сценой? – счастливым тоном спросила Роуз, усаживаясь напротив Джеймса.

– О, это очень плохо, – сказал Ной, подталкивая Джеймса локтем. – Ведь в таком случае к моменту поднятия занавеса от него не будет толку. И тогда мне придется играть обе роли! Впрочем, я готов.

– Особенно к драке на мечах между Треем и Донованом, – хмыкнул Грэхем.

– А где Петра? – спросил Джеймс, желая переменить тему. – Ее родители тоже приедут?

– Я видел ее с утра в общей гостиной, – ответил Ной. – Она, похоже, до сих пор трудится над своей ролью. Она была настолько погружена в изучение чего-то, что я не стал мешать. Думаю, ее семья

тоже будет присутствовать, хотя она и не упоминала об этом.

– Я вчера спросила ее о ее родителях, – кивнула Сабрина. – И она ответила, что увидится с ними этим вечером. По-моему, это круто – познакомиться с родственниками других. Ведь мы можем их увидеть только на платформе девять и три четверти, а это обычно довольно печальный момент.

– О да, – закатил глаза Грэхем. – Я ни о чем так страстно не мечтаю, кроме как о нескольких щипках от чьей-нибудь бабули.

– Все дело в твоих щеках, – сказал Ной, резко потянувшись к его лицу через весь стол. Грэхем отшатнулся. – Они такие завлекательно румяные.

Джеймсу так и не смог сосредоточиться ни на одном из сегодняшних занятий. Впрочем, учитывая количество прибывших родителей и прочих родственников, преподаватели, похоже, и не ожидали многого от своих учеников. Хотя Джеймс был бы рад отвлечься на что-нибудь. Он постарался как можно точнее делать заметки на Предсказаниях, хотя профессор Трелони имела склонность хмуриться на все, что не касалось практических навыков.

– Предсказания базируются на инстинктивном понимании, а не на зубрежке, мистер Поттер, – пропела она, останавливаясь возле его парты и постукивая по пергаменту длинным окрашенным в лиловый ногтем. – Вы должны раскрыть умения, скрытые в каждом хоть немного одаренном волшебнике, а не повторять техники и теории. Так что покиньте границы разума и позвольте себе по-настоящему увидеть, мальчик мой. Какова ваша судьба, скрытая в этих картах?

Джеймс недоуменно моргнул в сторону Трелони, затем перевел взгляд на одну из восьмиугольных карт, лежащих перед ним.

– Эм, здесь вот эта, со звездой, – пробормотал он, беря наугад. – Звезды олицетворяют собой боль и... эм... Рождество. Это означает, что покататься на грузовике в следующие праздники будет плохой идеей, я не погибну сразу, но изрядно покалечусь, – он снова посмотрел на Трелони. – И, вероятно, умру в больнице несколькими неделями спустя. Так?

Лицо Трелони расплылось в улыбке, она слегка взъерошила его волосы ладонью.

– Вы слишком стараетесь, мальчик мой. Вы выбрали звезду

потому, что именно ей вы будете сегодня вечером, – тут она загадочно вздохнула и проплыла обратно на середину комнаты. – Мало кому известен тот факт, что в молодости я была одаренной актрисой. До сих пор некоторые помнят мое пение на "Игроках Хогсмита" композицию Поразительного Шоу Всех Шоу Ахазриала Великолепного. К сожалению, я предпочла карьеру Провидицы и преподавателя сцене. Но я уверена, что ваше сегодняшнее выступление, мистер Поттер, будет чистым восторгом, от которого захватит дух. Предвижу это, – она опять улыбнулась Джеймсу, ее глаза блестели, огромные за стеклами очков.

Джеймс бросил взгляд на Ральфа, чье лицо было настолько бледным и взволнованным, насколько он ожидал. Учитывая способности профессора Трелони к предсказаниям, ее заверения о завершении сегодняшнего вечера не имели под собой особой основы, хотя и несколько утешали.

Весь остаток вечера Джеймс провел, вновь и вновь мысленно прокручивая свои реплики, не будучи способен прекратить это занятие. Ужасала одна только мысль, что он может выйти на сцену и позабыть какую-нибудь строчку. Еще меньше помогал тот факт, что все остальные, казалось, считали, что он находится в радостном предвкушении. Когда он бродил по коридорам, все встречные, в том числе и со старших курсов, похлопывали его по плечу и одобрительно улыбались, желая удачи и "ни пуха ни пера".

Он случайно заметил свою мать и сестру после ужина на пути из столовой к амфитеатру. Они только что прибыли в замок на поезде из Лондона. Лили смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, настолько зачарованная царившей вокруг суетой и внутренними интерьерами, что почти не обратила внимание на брата. Его мама же явно гордилась своим сыном.

– Ты так возмужал, – сказала она, потрепав его по плечу и расправив галстук. – Ты будешь великолепен, Джеймс. Нервничаешь?

– Учитывая количество людей вокруг, сообщающих мне, что все пройдет прекрасно, и тех, кто интересуется, не нервничаю ли я, я задаюсь вопросом, зачем вообще подписался тогда на это дело, – вздохнул Джеймс.

Джинни поцокала языком.

– Ты сделал это, поскольку знал, что сможешь, и неожиданно все с

этим согласились. Так что постарайся расслабиться. Нет никакого толка в излишнем волнении.

– Тебе легко говорить, – пробурчал Джеймс.

– Так и есть, – Джинни улыбнулась сыну. – Потому что, в отличие от всех остальных здесь, я знаю, на что ты способен, Джеймс. Так что расслабься, этот вечер запомнится тебе на всю жизнь. Постарайся им насладиться.

Джеймс кивнул.

– Ты взяла с собой Омнинокль?

– Он у твоего дяди Рона, – Джинни закатила глаза. – Он пытается настроить его на автоматическую запись и, скажу я тебе, это заняло бы намного меньше времени, позволь он Гермione заняться этим. Так или иначе, они в Хогсмиде поджидают Джорджа, Анжелину и Теда, которые придут через полчаса, и у них приготовлен сюрприз для тебя.

Джеймс уже успел позабыть, насколько много членов его семьи и просто знакомых собиралось присутствовать на выступлении. На секунду он ощутил приступ паники, но подавил ее. Сейчас, когда до начала представления оставалось не больше часа, он, как ни странно, чувствовал себя лучше, чем раньше. Так или иначе, все скоро закончится. После выступления профессор Карри организовывала нечто вроде вечеринки в Большом Зале с пуншем и сладостями. Так выступающим и остальным участникам удастся вдоволь пообщаться со своими семьями. Было большим облегчением думать, что не более чем через три часа Джеймс уже будет там, поздравляя Ноя, Петру и прочих членов команды и наслаждаясь заслуженным куском пирога. Так что Джеймс оставил свою мать и сестру, двинувшись дальше. Джинни только кивнула, помахав рукой ему на прощание.

Билетеры, стоявшие у входа, заметили Джеймса. Хьюго Полсон, блистательный в своей красной униформе и фуражке, распахнул перед ним дверь.

– Тебя искала Карри, – сказал он Джеймсу. – Они хотят немедленно заняться твоей бородой. Дженнифер очень хотела вырастить тебе настоящую с помощью волшебства на одну ночь, но Карри воспротивилась. Похоже, тебя ждет встреча с козьей шерстью и клеем.

Джеймс кивнул, почти не слушая. Войдя в амфитеатр, он остановился и посмотрел вниз, на сцену. Там кипела бурная

деятельность – возводился замок, служащий основным фоном, вокруг него маршировала профессор Карри, проверяющая прожекторы и выдающая последние указания. На сцене стояла Петра, которая подняла взгляд и заметила его. Девушка улыбнулась и приглашающе взмахнула рукой. Губы Джеймса раздвинулись в ответной улыбке, и впервые за все это время вместо страха он ощутил восторг от грядущего участия в столь грандиозном проекте. Мальчик побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

– А вот и наш Трей пожаловал, – провозгласила Карри, когда Джеймс вскарабкался на подмости. – Ваш костюм в гардеробной. Отправляйтесь туда, а затем приступайте к гримированию, мистер Поттер. Ваша борода ждет вас.

Джеймс бросил взгляд по сторонам, но вокруг не было видно никого, напоминающего Табиту Корсику. Он понадеялся, что так и не встретит ее, ныряя за декорации замка.

В мужской раздевалке суетились актеры, стараясь влезть в узкие жакеты, трико и мешковатые рейтузы. Кэмерон Криви остановил проходившего мимо Джеймса.

– Я правильно надел шляпу? – спросил он, поворачивая странный головной убор то так, то этак. – Это пятиконечная шляпа, верно? Но какой конец должен быть спереди? Это имеет значение?

– Спроси у Дженнифер, Кэм. Я не имею ни малейшего понятия. Как по мне, то сейчас нормально.

– Дженнифер занята, помогает девочкам с костюмами, – взволнованно ответил Кэмерон. – Я не хочу выглядеть идиотом перед всеми!

– Если честно, по-моему, ты надел ее вверх тормашками, – заявил Ной, выглядывая из-за трельяжа. – Попробуй перевернуть.

Кэмерон хотел было последовать совету, но Джеймс остановил его.

– Он пошутил, Кэм. Оставь, как есть.

– А еще ты неправильно носишь пояс, – прибавил Ной. – Подвязал им свой зад, как подгузником. Видел, как надел его Грэхем?

Джеймс закатил глаза и, воспользовавшись всеобщим замешательством, ускользнул от Кэмерона. Его костюм висел на крючке рядом со шкафчиком. Спереди была приколотая бумажка с именем. До поднятия занавеса оставался почти час, но Джеймса не покидало

чувство, что стоит поторопиться. Он как раз застегивал последнюю пуговицу на жилетке, как прямо за спиной раздался голос, заставивший его подпрыгнуть.

– Привет, Джеймс! – радостно оповестил Зейн. – Поможешь мне?

Джеймс обернулся, сердитый и удивленный.

– Зейн! Прекрати появляться так неожиданно! – он достал свою палочку и выстрелил Жалящим заклинанием в светловолосого мальчика. Тот вскрикнул от боли и уронил огромный букет, который держал в руках.

– Ай! – держась за живот, застонал он. – Больно же! За что?

– Зейн? – спросил Джеймс, протягивая руку, чтобы потрогать друга. – Это на самом деле ты? Я решил, что это очередное сообщение от Двойника! Что ты здесь делаешь?

– Вообще-то, я пытался достать с полки вон ту вазу, – недовольно пробурчал Зейн, закатив глаза. – Но сейчас подумываю оставить букет прямо здесь, на полу, что скажешь?

– Это на самом деле ты, – Джеймс изо всех сил старался не рассмеяться. – Мне очень жаль, приятель. Я подумал, тебе, как всегда, нужна магическая поддержка. Я не хотел Ужалить тебя в... но как ты здесь оказался?

Зейн пожал плечами и ухмыльнулся:

– Последний раз в школе я был позавчера. Еще во время каникул я общался с твоей мамой, и она предложила поехать с ними, чтобы посмотреть твой спектакль. Как я мог отказаться? Мои родители дали свое разрешение, поэтому прямо с утра я отправился к вам домой с помощью Летучего пороха. Что скажешь?

– Класс! – воскликнул Джеймс. – И надолго ты к нам?

– До конца недели, если не возникнет проблем с магическими панталонами Мерлина. Вы двое еще на ножах?

Джеймс открыл было рот, чтобы все объяснить, но передумал и лишь покачал головой.

– Не знаю. Все так запутанно. Давай поговорим после спектакля?

– Как скажешь, – Зейн не стал спорить. – Я, пожалуй, вернусь в зал. Твоя мама обещала придержать для меня место, но, похоже, намечается аншлаг, а некоторые родители готовы на все ради свободного кресла. Кстати, я бы на твоём месте не приближался к красным цветам с

желтыми краями. Их прислал Джордж, и при этом он как-то странно улыбался.

Джеймс понимающе кивнул и посмотрел на лежащий на полу букет.

– Понял, спасибо.

Сжимая под мышкой бутафорскую овцу, подошел Дэмьен Дамаскус.

– Джеймс, шевелись! – поторопил он. – Дженнифер хватит двойной фонарик, если через пять минут тебе не приклеят бороду. Эй, Зейн, нужна помощь?

– Неа, с меня хватит на сегодня, – потирая бок, ответил Зейн. – Увидимся на вечеринке, парни!

Джеймс последовал за Дэмьеном, на ходу пытаясь застегнуть последнюю пуговицу. Он успел вспотеть в трико и камзоле. Секунду спустя он остановился и кинулся обратно за мечом и ножнами. Под звон бутафорского оружия Джеймс стремглав помчался в гримерную. Страх сцены отступил, оттесненный суетой подготовки и встречей с другом.

В гримерной его поджидала Дженнифер, держащая в руках козлиную бородку. Джеймс влетел в комнату и плюхнулся в кресло.

– Если честно, – сказала она, намазывая бороду зловонным желтоватым клеем, – учитывая количество трудностей, с которыми сталкиваются маглы при организации подобных представлений, удивлена, что они вообще за них берутся.

– Возможно, поэтому они предпочитают телевизор, – высказалась Виктуар, сидевшая в соседнем кресле. – Мама говорит, магловские дети смотрят его дольше, чем спят.

Дэмьен, стоявший неподалеку, хмыкнул:

– И все же не так долго, как ты вертишься перед зеркалом, так что все в порядке.

Виктуар презрительно фыркнула, проигнорировав последовавший смех.

Пять минут спустя Джеймс стоял за кулисами в компании Петры. Девушка выглядела прекрасно – пусть и слегка нелепо – в пышном розовом платье и с завитыми локонами. Джеймс исподтишка выглянул из-за занавеса. Амфитеатр и в самом деле был переполнен. Многие зрители до сих пор бродили по залу в поисках свободных мест и

оживленно переговаривались. Джеймс оглядел присутствующих и, наконец, увидел маму. Она сидела в десятом ряду центральной секции. Справа от нее расположились тетя Гермiona и дядя Рон, спорившие, по всей видимости, кому достанется омниокль. Рядом с Роном сидел Тед Люпин.

Он подстригся, хотя не так коротко, как в прошлом году. Выглядел он гораздо лучше, чем в их предыдущую встречу, но все равно был чумазый. Слева от Джинни сидела Лили в своем лучшем желтом платье. Заметив Джеймса, она улыбнулась и радостно помахала ему рукой. Джеймс тоже улыбнулся и тайком помахал в ответ, стараясь не привлекать внимания. Он приложил палец к губам, призывая ее к молчанию, и она понимающе кивнула. В этот момент Зейн боком пробирался мимо недовольных родителей, направляясь к незанятому месту между Джорджем и Лили. Джеймс повернулся к собравшимся актерам и Петре. Стоявший неподалеку Скорпиус был одет, как и Джеймс, в солдатскую форму, что, по всей видимости, ему совсем не нравилось.

– Волнуешься? – негромко спросила Петра.

– Еще бы, – кивнул Джеймс, – но все равно рад. А ты?

Петра, обернувшись, посмотрела на темную сцену. Занавес еще не поднимали. Девушка медленно покачала головой.

– Уже нет. Так или иначе, сегодня все будет позади.

Из темноты появился Джейсон Смит, в руках он держал зажженную палочку.

– Кто-нибудь видел Корсику? – спросил он, вглядываясь в лица присутствующих.

Джеймс отрицательно покачал головой.

– В зале ее нет? Она вроде командует билетерами.

– Значит, никто? – переспросил Джейсон, пропуская слова Джеймса мимо ушей. – Черт возьми.

И он умчался прочь, бормоча себе под нос.

Генриетта Литлбай пожалала плечами:

– Я столкнулась с ней примерно час назад, еще до того, как всем положено было явиться сюда. Так что это не считается, верно?

– Где именно? – уточнил Джеймс, поворачиваясь к Генриетте.

– В женском туалете на втором этаже, – ответила она. – И вовсе я

не торчала там, но она все равно разозлилась.

Джеймс, нахмурившись, задумался.

Генриетта, чья любовь к сплетням была всем хорошо известна, продолжала:

– Странно, что она не воспользовалась туалетом. По крайней мере, не так, как все обычно делают. Она просто стояла, уставившись в зеркало, и говорила. Сначала я подумала, что она повторяет свои реплики, но потом вспомнила, что у нее их нет. Она ведь помощник постановщика, – хихикнула Генриетта.

– Она разговаривала сама с собой? – любопытно спросил Джеймс. – И что именно она говорила?

Генриетта недоуменно моргнула:

– Откуда мне знать? Я довольно быстро ушла и не успела разобрать. Но если подумать, она как будто говорила на другом языке. Разве не странно? По-моему, очень странно.

– Да, – задумчиво кивнул Джеймс, – очень.

Стоявший рядом Скорпиус прищурился.

– Все по местам! – скомандовала Карри, приближаясь к компании болтающих школьников и жестами призывая их к тишине. – На сцену! Поторапливайтесь, вот-вот начинаем!

Джеймс двинулся вслед за Петрой. Девушка нырнула под занавес и направилась на свою позицию. Джеймс нашел небольшую отметку на полу, обозначающую место, где он должен стоять в начале первого акта. Сердце стучало в груди, но он больше не волновался. Каким-то образом его боязнь сцены осталась за кулисами. Теперь, когда он стоял здесь в ожидании поднятия занавеса, единственное, что он чувствовал – возбуждение. Оно волшебным образом растекалось по венам, и в тот момент, как ему казалось, он понимал, почему даже маглы взваливают на себя разнообразные трудности ради театральных постановок.

Если подумать, это чувство вызывает зависимость, если не соблюдать осторожность. Он сглотнул и посмотрел в сторону. Петра, встретившись с ним взглядом, криво улыбнулась и коротко кивнула. Ной и остальные актеры несколько нервно разбрелись по сцене, едва различимые в полумраке, царившем за огромным плотным занавесом. Наконец, по ту сторону сцены раздался стук каблуков профессора Карри. Вспыхнул прожектор, освещая место, где она остановилась.

Сквозь плотную ткань Джеймс мог разглядеть ее силуэт, оказавшийся в центре идеального круга света. Зрители умокли, слышались вежливые аплодисменты. Они раздавались пугающе близко. Карри подняла руки и кивнула.

– Спасибо, дамы и господа, – громко и звучно заговорила она, не прибегая к помощи магии для усиления голоса. – Спасибо, что пришли. Я знаю, многие прибыли издалека, и от имени учеников, усердно готовившихся к сегодняшнему представлению, искренне благодарю вас. Меня зовут Тина Гренадин Карри. Как вам известно, я преподаю магловедение.

Уверяю вас, наш спектакль представляет особый интерес. И не только потому что это классическая легенда волшебного мира, но и потому что ее постановка, на подготовку к которой ушел целый год, выполнена без использования магии. Поэтому, друзья, приготовьтесь поражаться, изумляться и наслаждаться творческими и нестандартными решениями, использованными для реализации на сцене всеми любимой истории. Дамы и господа, позвольте представить вам ваших сыновей и дочерей, братьев и сестер, друзей и близких в школьной постановке... «Триумвирата»!

Снова раздались аплодисменты, на этот раз оглушительные. Дэмьен Дамаскус и Ральф принялись за работу, и красный бархатный занавес начал неровно, толчками подниматься. Зажглись прожекторы, выхватывая из темноты обстановку на сцене. Один из них, направленный на Джеймса, на мгновение ослепил его и скрыл зрителей. Джеймс изо всех сил старался не зажмуриться и стоять неподвижно до тех пор, пока занавес не будет поднят окончательно. Наконец аплодисменты умолкли, и сцена ожила. Актеры зашевелились, создавая атмосферу оживленной средневековой площади. И вот Ной воскликнул, тщательно проговаривая слова и следя за громкостью голоса, как учили на репетиции:

– О, мой король, пришла пора для смотра войск, – надрывался он, устремляясь через всю сцену к Тому Сквалусу, которому под одежду засунули подушку, чтобы получился большой живот, нависающий над тощими ногами.

– Ты прав, – проревел Сквалус, поворачиваясь и хлопая себя по бедрам. – Но день сей посвящаю я другому, ведь дочь моя питает

интерес к крестьянской жизни. Так утолим принцессы любопытство. Гляди, а вот и Астра!

Петра, выйдя из-за высокой деревянной стены, вступила в круг золотистого света. Джеймсу даже не пришлось изображать восхищение ее красотой. Девушка чуть улыбнулась толстому королю, а затем повернулась к Джеймсу, и улыбка ее стала искренней. Зрители засмеялись и вновь разразились аплодисментами. Многие из них знали эту сцену и ее тайный смысл; принцесса впервые встречает командующего войском, которого в скором времени полюбит. Джеймс, в свою очередь, выступил вперед из ряда солдат и поклонился, почтительно снимая головной убор. Приятно удивленные зрители снова захлопали, а Джеймс внезапно осознал, что играть на сцене гораздо легче, чем он предполагал.

Действия первого акта разворачивались плавно и непринужденно. Слова сами срывались с языка, Джеймс произносил их громко и четко, не забывая при этом стоять лицом к зрителям и держать подбородок высоко. Во время знаменитого обращения Донована к войску Джеймс позволил себе осмотреть зал. Он едва различал что-либо сквозь свет прожекторов, но все же разглядел довольную улыбку и горделивую осанку мамы, напряжение на лице Лили, силившейся уследить за ходом пьесы, и хмурый взгляд Зейна.

В антракте с Джеймса суетливо сняли камзол и натянули матроску. Торопясь на сцену, где ему предстояло произнести воодушевляющие – и хорошо знакомые – слова, он краем глаза заметил, как Грэхем и Джейсон Смит крутят педали ветродуйной машины. Джеймс с жаром начал свою речь, пытаясь проникнуться той яростью и уверенностью, обуревавшими его на прослушивании.

– Волшебники и воины, взметните ввысь оружие свое, держите палочки в руках мечу подобно, – надрывался он, расстегивая ножны и кидая их на пол, затем достал огромную палочку и взмахнул ею. – Сразимся мы с жестокими морями в эту ночь, лишь утро принесет нам знанье, одержим ль мы победу иль возляжем на ложе из песка в морских глубинах, гробницы стены сей нам слава вознесет!

За кулисами Грэхем и Джейсон усердно крутили педали, из зрительного зала раздались аплодисменты и редкие выкрики. Бутафорский флаг хлопал от порывов усилившегося искусственного

ветра, огромный разрисованный фон убрали, заменив изображением неба, затянутого тучами.

Спектакль продолжался, несмотря на некоторую путаницу, множество забытых строк и пропущенных реплик – Карри предупреждала их, что так оно и будет, но зрители вряд ли это заметят. Когда настал его черед, Грэхем выскочил на сцену красный, как рак, и с выпученными глазами. Он так боялся забыть свою единственную реплику, что прервал говорившего и ответил на вопрос, который ему не успели задать. Том Сквалус, пытаясь придать хоть какой-то смысл своей дальнейшей речи, забормотал быстро и бессвязно. Грэхем тем временем, облегченно улыбаясь, оглядел зрительный зал и едва сдержался, чтобы не помахать родителям.

Немногим позже Эшли Дун с таким энтузиазмом изобразила Болотную Ведьму, что из зала послышался детский плач. И наконец во время магического поединка на мечах между Треем и Донованом, который проходил в воздухе и стал возможен благодаря сложной системе веревок и блоков, Джеймс, с азартом отражая выпад соперника, выронил меч. Тот, звякнув, упал на пол, а оба мальчика, на мгновение потеряв дар речи, уставились вниз. Но тут Джеймс с приливом вдохновения снял с пояса ножны и победоносно помахал ими над головой. Ной ухмыльнулся, и поединок закончился тем, что меч оказался в ножнах под смех и улюлюканье зрителей.

И вот настал кульминационный момент третьего акта. Король был мертв, Донован повержен, а Трей, смертельно раненный, но цепляющийся за жизнь, был спасен Астрой от сонного зелья Болотной Ведьмы. В замок ударила молния, и он озарился пламенем, уничтожаемый магической бурей. Теперь Джеймс ясно понимал, почему эта история зовется трагедией. Он, хромя, передвигался по сцене, увлекаемый Петрой к гигантским бутафорским воротам. Ворота раскачивались из стороны в сторону усилиями Ральфа и Сабрины. Джейсон и Грэхем снова крутили педали ветродуйной машины; при помощи колеблющегося света прожекторов имитировали ревящее пламя и вспышки молний. Джеймс театрально споткнулся на пути к воротам.

– Еще немного! Мы почти пришли, – умоляла Петра, опускаясь на одно колено рядом с Джеймсом. – Пусть замок обречен, зато жива

надежда! О, Трей, проклятию ее не погубить.

Джеймсу было жарко в костюме, он потел, и его лицо драматично блестело. Он слабо улыбнулся Петре и приблизился к ней.

– Я проклял вовсе не надежду, – с трудом выговорил он и закашлялся. – Не дрогнул я от гнева моря и сокрушил мощь колдуна. Я проклял всех с единой целью – взглянуть еще хоть раз в глаза любимой. Что есть надежда? Я жизнь провел на баррикадах, но разве это жизнь? Пускай сам Бог встряхнет сей мир, чтоб погубить его, моя любовь и верность будут целы. Иди, любимая, оставь меня: я смерть встречаю с миром.

– Прошу тебя, мой милый, – Петра рыдала так искренне, что Джеймс был впечатлен смесью ярости и отчаянья, которые она вложила в эти четыре слова. – Я месяцы и годы молилась о тебе одном: в моих мечтах пристанище отчаянной любви! Тебя я не покину, не проси. Мне сердце разобьет несбыточность мечты!

– Так подари мне доказательство своей любви, – твердо сказал Джеймс, с трудом вставая и увлекая Петру за собой. – Один лишь поцелуй, чтоб отдалить дыханье смерти!

Петра колебалась, ее глаза блестели, и Джеймс был впечатлен ее игрой. В тот миг он был рад, что эту сцену они никогда не репетировали вместе, потому как был уверен: искра могла возникнуть лишь однажды. Петра склонилась к нему, все еще сжимая его правую руку. Она закрыла глаза. Свет стал меркнуть и ветродуй заработал в полную силу, растрепав ей волосы. Джеймс тоже закрыл глаза, уже не боясь промахнуться, как вдруг резкая боль пронзила его лоб. Никогда она еще не была настолько сильной. Он отпрянул, рывком высвободил свою руку из ладони Петры и прижал ко лбу. Свет моргнул и погас, сцена погрузилась в непроглядную тьму.

Однако ветродуйная машина не отключилась. Более того, она заработала сильнее, чем когда-либо. Поток воздуха сбил Джеймса с ног, и мальчик упал, по-прежнему держась рукой за лоб. Раздался долгий, зловещий скрежет и оглушительный треск. Джеймс смутно осознал, что он чудом избежал удара от рухнувших бутафорских ворот.

– Петра! – закричал он, тщетно пытаясь встать. На сцене возникло какое-то движение, но даже сейчас ветродуй продолжал работать. Что-то было не так. Зажглись палочки, повсюду метались рабочие сцены,

стараясь удержать оставшиеся декорации. Он поднялся на колени, пытаясь разобраться в происходящем.

– Выключи его! – закричал кто-то в отчаянии.

– Не могу! Он работает сам по себе!

– Он разваливается! Берегись!

Неожиданно прожекторы вновь озарили сцену, ослепив Джеймса. В тот же миг раздался пронзительный звук, и ветродуй загремел. Одна из лопастей оторвалась, полетела в воздух и порвала полотно с нарисованными башнями. Потерявшая равновесие машина затряслась и опрокинулась. Все, кто был на сцене, кинулись врассыпную, а ветродуйная машина рухнула на пол и наконец утихла.

Удивительно, но, похоже, никто не пострадал. Джеймс топтался на месте, выглядывая Петру. Как он и подозревал, гигантские ворота лежали у его ног. На какое-то мгновение Джеймс испугался, что они придавили девушку. Он упал на колени, но не нашел ее. Должно быть, она оказалась в безопасности по ту сторону макета.

На сцену ворвалась профессор Карри и зажгла свет в зале. Зрители тревожно перешептывались. Многие встали и с волнением оглядывали сцену, выкрикивая имена детей.

– Пожалуйста, успокойтесь, – взывала Карри, но голос ее тонул в нарастающем хаосе. – Никто не пострадал! Вернитесь на свои места, все под контролем...

Женский крик прорезал амфитеатр, Джеймс ахнул. Толпа притихла, все взоры обратились к источнику звука. Со сцены Джеймс прекрасно видел зрителей, поэтому он одним из первых заметил, в чем дело. Кровь застыла в его жилах.

Джинни диким, остановившимся взглядом смотрела на пустое кресло рядом с собой.

– Она пропала! – в отчаянии крикнула она, стараясь не паниковать. – Лили пропала! Куда она делась? Она только что сидела здесь! Где моя дочь?!

Зейн не сводил глаз с пустующего места между ним и Джинни. Затем он взглянул на Джеймса, устанавливая зрительный контакт, и нагнулся. Секунду спустя он снова возник к поле зрения. В руках он держал пару желтых туфель. Лицо его оставалось предельно сосредоточенным. Нечто похитило Лили, забрало прямо из амфитеатра,

когда погас свет. Джинни взяла туфли из рук Зейна и огляделась. В ее взгляде читалась мольба.

– *Лили!* – внезапно крикнула она дрожащим голосом. Как по команде все присутствующие оживились: кинулись к выходам, потоком хлынули на сцену, хриплыми голосами выкрикивая имена.

Джеймс кинулся за кулисы, на ходу стягивая костюм. В темноте он кое-как разглядел дверь, ведущую в зрительный зал. Он должен найти маму и выяснить, что произошло. Он направился к двери, но кто-то выступил из темноты, преграждая путь. Джеймс чуть не врезался в огромную, темную фигуру, заметив ее в последний момент.

– Следуй за мной, мальчик, – произнес низкий голос, и чья-то сильная рука вцепилась в плечо Джеймса. Он бессознательно попытался вырваться, но рука крепко держала его.

– Отпустите меня! – воскликнул Джеймс. Его охватили ярость и паника.

– Просто следуй за мной, – тихим спокойным голосом повторил Мерлин. – Привратник явился, Джеймс Поттер, он ищет тебя.

– Нет! – крикнул Джеймс, прилагая все усилия, чтобы освободиться. Вывернувшись из хватки Мерлина, он потянулся к палочке. Мерлин шагнул к нему, в руках он держал посох. Джеймс понимал, что в дуэли с директором у него нет шансов, поэтому просто пригнулся и проскочил под рукой волшебника.

– Джеймс! – проревел Мерлин вслед, но мальчик не слушал. Он выскочил в открытую дверь и влетел в толпу, сбив с ног несколько человек.

– Мама! – позвал он, вскарабкавшись на ближайшее кресло и оглядывая присутствующих. – Мама!

Чья-то рука дернула Джеймса за рукав так сильно, что он слетел с кресла и приземлился на кого-то. Раздался вздох боли.

– Ой! А ты тяжелее, чем кажешься, – возмутился этот кто-то, пытаясь стряхнуть с себя Джеймса.

– Ральф! – поднимаясь на ноги, воскликнул Джеймс. – Что происходит?

Рядом возник Зейн и помог обоим встать.

– Нужно выбираться отсюда, – заявил он, перекрикивая шум толпы. – Тут полнейший хаос, к тому же мы все знаем, что Лили тут нет. Роуз

ждет нас в замке. Пошли!

– Где мама? – спросил Джеймс, пробираясь сквозь толпу.

– Твой дядя Рон и тетя Гермиона увели ее внутрь, – ответил Зейн. – Джордж с Тедом намерены обыскать замок. Поскольку на территории школы нельзя трансгрессировать, Лили должна быть где-то здесь.

Лицо Ральфа пылало от гнева.

– Кто это сделал? Думаете, проделки Корсики? Это как-то связано с Привратником?

– Это единственное разумное объяснение, – ответил Джеймс. Втроем они миновали сводчатый проход, ведущий в замок. Роуз, поджидавшая их, кинулась им наперерез. Она была напугана, в лице не было ни кровинки. Тяжело дышавший Джеймс улучил момент и рассказал друзьям о столкновении с Мерлином.

– Он считает, что Привратник пришел за тобой? – переспросила Роуз. – Что это значит? Почему?

Джеймс покачал головой:

– Кто знает? Важно лишь то, что сегодня ночью здесь произойдет нечто важное. И он хочет убрать меня с дороги.

– Никто не видел Корсику весь вечер, – заметил Ральф. – Она не явилась на спектакль. Карри рвала и метала. Говорю вам, похищение Лили – ее рук дело.

– Она замешана в этом, не сомневайтесь, – раздался новый голос. Джеймс обернулся и увидел Скорпиуса, направляющегося к ним. Мальчик покачал головой. – Слушайте, дедушка вовсе не так это описывал... все идет не по плану. Я пришел помочь.

Первой отреагировала Роуз:

– Ты говорил нам, что дедушка никогда не рассказывал тебе, как тело Табиты может стать сосудом для Привратника!

– Говорил, – быстро ответил Скорпиус, глядя Роуз в глаза. – Признаю, мне известно несколько больше, чем вы думаете. И сейчас мы можем потратить время на объяснения или отправиться на поиски сестры Джеймса. Что скажешь, Узли?

– Что еще ты скрыл от нас? – выпал Джеймс, наступая на Скорпиуса.

Малфой нетерпеливо закатил глаза.

– Слушай, я знаю лишь, что план, который раскрыли мне, выглядел

по-другому. Я не знаю деталей, но знаю, что все идет не так. Чем дольше мы будем стоять тут и препираться, тем большей опасности подвергается твоя сестра. Понимаешь?

Джеймс прищурился.

– Ты должно быть Скорпиус, – вмешался Зейн, протягивая руку. – Мне многое о тебе рассказывали. Я Зейн. И я с удовольствием угостил бы тебя проклятием, но, боюсь, сейчас не время для приветствий.

Ральф закатил глаза.

– Пошли! Нам надо в Большой зал! Туда повели твою маму. Мы могли бы помочь с поисками.

– Нет, – отрезал Джеймс, не сводя глаз со Скорпиуса. – Сейчас нам нужно совсем в другое место. В женский туалет на втором этаже, где Генриетта в последний раз видела Табиту.

Роуз нахмурилась:

– Что Корсика там забыла?

– Я тоже удивился, услышав об этом от Генриетты, – на ходу ответил Джеймс. – Но потом вспомнил: это же туалет Плаксы Миртл.

– Плаксы Миртл? – повторил Зейн. – Это еще кто?

– Местный призрак, – ответила Роуз. – Живет в туалете, потому что умерла в нем давным-давно.

– Она умерла в туалетной кабинке? Незавидная участь, скажу я вам.

– Там все очень запутанно, – задумчиво откликнулась Роуз. – Это не просто туалет. Это своего рода вход в... в... – Роуз ахнула. – Ну, конечно!

Джеймс утвердительно кивнул.

– Генриетта рассказывала, что Табита говорила со своим отражением в зеркале на каком-то иностранном языке.

Глаза Роуз округлились.

– *Естественно!* Наследник – змееуст, как и сам Волдеморт. Ей под силу открыть Тайную комнату! Должно быть, туда она затащила Лили!

– Мне это снилось с самого начала, – корил себя Джеймс. – Если бы я раньше все понял!

– Эй! – позвал кто-то, заставив всех пятерых остановиться. Джеймс круто развернулся, ожидая увидеть преследовавшего их Мерлина. Вопреки его опасениям к ним направлялись две фигуры: одна –

маленькая и худая, другая – высокая и чумазая.

– Альбус! – крикнула Роуз. – Тед! Это вы?

– Да, – пропыхтел Тед. – Меня послала твоя мама, Джеймс. Она жутко переживает за вас.

– Ну а я пришел потому, что мне удалось улизнуть, когда мама отвернулась, – объявил Альбус. – Не мог сидеть сложа руки.

– Тед, как вы нас нашли? – нахмурившись спросил Зейн.

Тед с шумом выдохнул.

– У меня есть кое-какие способности... – он постучал себя по носу. – Волчьи способности, как вы знаете. Из-за мыла, которым пользуется Роуз, и мятных леденцов в кармане Ральфа, вас, ребята, унюхать легче, чемдохлого гриндилоу.

– Передай маме, что мы отправились на поиски Лили, – попросил Джеймс. – Мы знаем, где она и у кого.

– Знаете? – серьезно переспросил Тед. – Просто невероятно, учитывая тот факт, что твои тетя и дяди сейчас обыскивают замок. Рассказывай.

– Долго объяснять, – отмахнулась Роуз. – Просто передай сообщение. Мы вернем ее.

– Как бы не так, – покачал головой Альбус. – Она и моя сестра тоже. Если вам известно, где она, я иду с вами.

– Альбус, она у Корсики, – воскликнул Джеймс.

– Табита Корсика похитила Лили? – вмешался Тед. – Но зачем? Вы уверены?

– Абсолютно, – кивнул Ральф. – И у нас мало времени.

– Чего мы тогда ждем? – угрюмо спросил Альбус. – Мне плевать, у кого она. Обсуждать детали будем, когда спасем ее. Вперед!

И они со всех ног помчались по коридору. Когда они добрались до лестницы, Джеймс услышал, как Тед отрывисто произнес:

– Прости, Ральф... что пытался оторвать тебе руку...

– Порядок, – выдохнул Ральф. – Забыли...

– Я был зол... – не унимался Тед. – Мы с Петрой... мы гуляли в тот день... воспоминания нахлынули... ведь она переживает то же... самое...

– О чем ты, Тед? – перебил Джеймс. – Я думал, вы обсуждали, почему ты ее бросил?

Они поднялись по лестнице, и Роуз завернула за угол, направляясь к туалету.

– Я? – возмутился Тед. – Кто тебе такое сказал? Она порвала со мной несколько месяцев назад. Я думал, все знают.

– Нет, – ответил Джеймс, – все думают, что тогда в Хогсмиде она пыталась вернуть тебя!

– Вы думаете, что мы об этом говорили? – хмыкнул Тед. – Вот уж нет. Мы обсуждали ее родителей. Мне казалось, вы в курсе. Вы же видели посылку из Министерства, так?

Джеймс хотел было ответить, но в этот момент Роуз, шедшая впереди, толкнула тяжелую дверь в женский туалет. Она проследовала внутрь, Ральф и Скорпиус – следом. Внезапно в дверном проеме сверкнула красная вспышка, послышался крик. Джеймс пригнулся, увлекая за собой Зейна. Еще одна вспышка пронеслась над их головами. Тед нырнул в проем, перекатился и вскочил на одно колено с палочкой наготове.

– Стой! – крикнул он.

Джеймс замер согнувшись у дверей. Он поднял голову и увидел Ральфа, растянувшегося на плиточном полу. Он был без сознания. В центре комнаты, мрачно улыбаясь, стояла Табита Корсика: волосы растрепаны, глаза дикие. Одной рукой она обхватила Роуз за шею. Ноги девочки едва касались пола. Кончик палочки, которую Табита держала в другой руке, упирался Роуз в висок.

– Так-так! – протянула она. – Да у нас тут целая вечеринка намечается. Не ждала так много гостей, да еще так скоро, но это вовсе не означает, что я не подготовилась.

– Табита! – заговорил Скорпиус, держа в руке палочку и делая шаг вперед. – Что ты делаешь?

– Как будто ты не знаешь, Скорпиус Малфой, – хихикнув, ответила она. – Могу задать тебе тот же вопрос! Увидев тебя в сопровождении такой свиты, признаюсь, я усомнилась в твоих намерениях.

– Все должно было быть по-другому, – сказал Скорпиус, делая еще один шаг вперед. – Я не давал согласие на похищение.

– Твой дед знал, что тебе не хватит мужества сделать то, что требуется этой ночью, Скорпиус! – торжествующе заявила Табита. – Да ты и не был нужен! После той маленькой услуги, которую ты оказал

прошлым летом, ты стал лишь пешкой. Заметь, это слова твоего деда!

– Какой услуги? – требовательно спросил Джеймс, выпрямляясь и вынимая палочку. – О чем она говорит, Скорпиус?

– Джеймс, пригнись! – крикнул Тед, не сводя глаз с Табиты. – Уходите все отсюда, пока можете!

– Джеймс, – простонала Роуз, пытавшаяся отодвинуться от палочки Корсики, – просто уходи!

– Расскажи им, Скорпиус! – скомандовала Табита, крепче сжимая горло Роуз. – Расскажи, какой ты «надежный» друг! Расскажи, как ты их всех одурачил!

Палочка Скорпиуса, направленная на Табиту, дрожала. Он искоса посмотрел на Джеймса; глаза его блестели, в них читался страх.

Табита снова расхохоталась.

– Ты, должно быть, гадал, Джеймс Поттер, как я узнала, что вы явитесь сюда такой толпой? И когда именно? Спроси себя, каким образом я оказалась так хорошо готова к вашему появлению? Догадываешься? Думаю, даже тебе это под силу!

Но ответил ей Альбус.

– Карта Мародеров у тебя! – в его голосе одновременно звучало изумление и разочарование. – Но зачем, Табита?

– О, мой дорогой Альбус, вопрос не в том «зачем», а в том «как», – ответила она. – В распоряжении Люциуса Малфоя был весьма искусный вор. Верно, Скорпиус?

Скорпиус со злостью покачал головой, перебивая ее:

– Ладно! Только заткнись, Корсика! Раз уж ты настаиваешь, я расскажу им. Я украл Карту и Мантию! Довольна? – он опустил палочку и с искаженным лицом повернулся к Джеймсу. – Слушай, я солгал. Это был я. Я напросился ехать с родителями на похороны твоего дедушки. Сказал им, что подожду в машине, но... но обманул. Когда они ушли, я вылез из машины и пробрался в дом. Потом нашел спальню твоих родителей и быстро обыскал ее. Я украл карту Мародеров и Мантию-невидимку. По просьбе деда. Ты должен понять меня, Джеймс, я был сбит с толку! Я хотел произвести впечатление на дедушку и доказать, что я истинный Малфой и слизеринец! Я хотел убедить его, что я лучше своего отца, который отвернулся от семьи. Но я не знал, к чему это приведет! Клянусь!

Джеймс был потрясен. Затаив дыхание, он спросил:

– А кукла?

Скорпиус больше не мог смотреть Джеймсу в глаза. Он понурился и утвердительно кивнул.

– Ее похищение не было частью плана. Дедушка не знал о ней. Я увидел ее на прикроватной тумбочке и решил, что она может пригодиться. Я думал, что смогу впечатлить деда. Мне это удалось, о да. У него были *грандиозные* планы на эту куклу, хотя они не сработали так, как он хотел.

– Я знал, что ты крыса, – кинулся вперед Альбус. – За километр чувял!

Джеймс оттолкнул брата, и тот на удивление быстро успокоился.

– Зачем ты рассказал нам о Табите? – спросил Джеймс. – Зачем показал воспоминания из Омута Памяти?

– Не отвечай, Скорпиус! – скомандовала Табита. – Довольно. Пора приниматься за работу. Все вон отсюда! Или Уизли умрет. Если думаете, что я блефую, то ее мертвое тело на полу развеет ваши сомнения. А я тем временем буду спускаться в Тайную комнату. А теперь уходите!

– Табита, ты запуталась, как и мой дедушка, – сердито крикнул Скорпиус. – Отпусти ее! Что ты творишь?

– Я выполняю работу, для которой была создана! – рявкнула Табита, вдавливая кончик палочки в висок Роуз. – Тысяча лет на подготовку! Я – острое клинка возмездия! Я – рычаг равновесия! Я – Наследница Лорда Волдеморта!

– Ты? – фыркнул Скорпиус, делая шаг вперед и даже не поднимая палочку. – Если ты в это веришь, то тебя обманули. Как и меня! Мы оба хорошо знаем, что мой дед никому не раскрыл бы свой план целиком. Убери палочку и отпусти ее!

– Не-е-ет! – взвыла Табита. Ее дикий взгляд метался по комнате. – Я Наследница! Мой долг спуститься в Комнату великого предка! Мое тело будет служить вместилищем для Привратника!

– Ты не Наследница, – твердо заявил Скорпиус. – Иначе ты бы уже открыла проход в Тайную комнату. Но ты не смогла, как ни пыталась. Потому что ты *не* змееуст! Ты не более чем убедительный отвлекающий маневр! Вот почему мой дед хотел, чтобы я показал им воспоминания и

подкинул им идею, что Наследник – это ты. Чтобы отвлечь от истинного Наследника!

– НЕ-Е-ЕТ! – снова взвизгнула Табита. Она закрыла глаза, собираясь с духом. Ее палочка задрожала, а рука, сжимавшая горло Роуз, ослабла. Неожиданно она направила палочку на Скорпиуса.

– Авада Кедавра! – выкрикнула она с перекосившимся от злобы лицом. Из кончика палочки вырвалась зеленая вспышка.

Скорпиус не задумываясь пригнулся и отскочил в сторону, как на практике в Клубе Оборона. Зеленый луч пролетел в нескольких сантиметрах от него, ударился в стену и разлетелся на сотню искр. Совершая свой маневр, Скорпиус потерял равновесие и, падая, сильно ударился головой о край раковины. В тот же миг Роуз, сжав зубы, пнула Табиту в голень. Вопль ярости превратился в крик боли, и Табита покачнулась. Роуз вывернулась из рук Корсики, а Тед тем временем ринулся вперед. Он схватил падающую Табиту, но силы ее покинули. Она, не сопротивляясь, выронила палочку и осела на пол, выскользнув из хватки Теда.

– Он цел? – спросила Роуз, кинувшись к Скорпиусу.

– Если он еще не погиб, – заявил Альбус, подходя ближе с палочкой наготове, – то я сам его прикончу.

Джеймс мягко отстранил брата от окровавленного мальчика, распростертого на полу.

– Остынь, Ал. Позже с ним разберешься. Думаю, с ним все в порядке.

Послышался стон. Пришедший в себя Ральф сел, потирая голову.

– Что произошло? – проворчал он. – Я умер?

– Табита тебя оглушила, – ответил Зейн, помогая другу подняться.

– И только. Тебе еще повезло. Пару минут назад она чуть с катушек не съехала.

– Я – Наследница, – всхлипывала Табита. – Я ощущала, как Темный Лорд ведет меня! Мне обещали! Мои родители должны быть отомщены! Никто больше не подходит! Я единственная сирота в этом замке! Это должна быть я!

Тед испытующе посмотрел на Табиту.

– Что ты сказала?

– Я единственная сирота, Тед Люпин! – закричала она, сердито

глядя на него. – Ты покинул эти стены, это должна быть я! Пророчество гласило, что дитя трагедии станет сосудом для Привратника. У меня нет родителей, они погибли давным-давно! И Люциус Малфой подтвердил! Он рассказал мне, как Министерство расправилось с моим отцом, и как мама умерла после моего рождения!

Тед медленно покачал головой.

– Неправда, – сказал он. С мрачным выражением на лице он повернулся к Джеймсу. – Говоришь, никто не знает? Я полагал, она расскажет вам, также как рассказала мне.

Джеймс покачал головой.

– Кто? Что расскажет?

– В тот день в Хогсмиде, – начал Тед. – Она хотела поговорить, так как только что узнала правду о родителях. Ей нужно было обсудить это с человеком, который пережил такую же потерю. Она не знала, пока не пришел сверток. Слишком тяжелая ноша для нее... узнать столько всего и так быстро...

– Петра? – Джеймс отпрянул в изумлении. – Ты имеешь в виду посылку от ее отца?

Тед нахмурился и покачал головой.

– Джеймс, посылка была не от ее отца. Ее прислало Министерство. В ней были вещи, *оставшиеся* от ее отца. Он завещал их ей, когда умирал в Азкабанае несколько лет назад. Как только ей исполнилось семнадцать, Министерство передало их ей. Она ничего не знала о его заключении. Среди рваной одежды и обуви она обнаружила записку, адресованную малютке-дочери, которую он никогда не видел. Он писал ей, что стража скоро убьет его, и он не в силах этому противостоять. Они считали, что он покрывает Пожирателей Смерти, на которых работал, но это не так. Он ничего о них не знал; они не называли ему имен и не показывали лиц. Он хотел, чтобы Петра знала: если бы он мог, он сдал бы своих хозяев, и что... в общем, он любил ее и сожалел, что его не было рядом с ней.

– Это была Петра? – прошептал Джеймс, не желая верить. – Не может быть!

Тед с серьезным видом кивнул.

– Она и сама сомневалась. Поэтому пошла к Мерлину и показала письмо. Он предложил открыть ей правду при помощи своей

волшебного зеркала, но предупредил, что, скорее всего, ей это не понравится. Она все равно взглянула и увидела в точности, как все было. Они отдали ее отца на растерзание дементорам. Это было... это было ужасно. Она была опустошена.

Роуз перевела взгляд с Джеймса на Теда, глаза ее округлились.

– Но она никому из нас не рассказывала, что она сирота. Мы думали, у нее есть мама и папа, как у всех нас!

– Петру вырасти бабушка с дедушкой, – ответил Тед. – Мы с Гремлинами видели их на станции, но считали, что это ее родители, а она поздний ребенок. Она никогда не рассказывала о них, и мы лишь догадывались, что дома ей несладко приходится. От них она узнала, что ее мама умерла при родах. Они никогда не заводили разговор об ее отце, и Петра научилась не спрашивать.

– Я должен был знать, – касаясь лба, посетовал Джеймс. – Я видел ее в своих снах раз за разом. Я уверил себя, что это Табита, потому что никогда не мог различить лица. Но теперь все сходится. Темная фигура в углу... говорила о возвращении тех, кого она утратила. Ей обещали, что она сможет отомстить за них, даже вернуть их. Я даже видел их... отражения ее родителей в сверкающем зеленом бассейне! Петра уверена, что Министерство погубило ее отца, а вследствие этого умерла и мама. И теперь она собирается сделать то, что, по ее мнению, может их вернуть! Темная фигура из моего сна говорила, что есть только один способ – пролить кровь ради крови!

– Лили! – Роуз в ужасе прикрыла рот ладонью.

– Ни за что! – покачал головой Альбус. – Петра никогда не навредит Лили. Верно?

– Моргенштерн? – всхлипнула Табита. – Невозможно!

– Не совсем, – печально ответил кто-то. – Есть подумать, конечно.

Все обернулись к призраку, сидевшему на подоконнике.

– Миртл! – ахнула Роуз. – И давно ты здесь?

– Это Плакса Миртл? – удивленно спросил Зейн. – Я ожидал увидеть кого-то более... ну...

– Как это грубо – говорить о людях так, словно их тут нет, – упрекнула Миртл. – Даже если фактически... их нет. Но не волнуйтесь, я... привыкла, – она глубоко вздохнула.

– Прости, Миртл, но дело крайне важное, – начал Джеймс. – Что

тебе известно?

– Ах, теперь всем понадобилась Миртл. «Что ты видела, Миртл?», «Расскажи нам, что тебе известно, Миртл». Но я-то знаю: стоит мне только все рассказать, как вы забудете о бедной, жалкой Плаксе Миртл. Так было с твоим отцом, Джеймс Поттер. Имей в виду, твой брат больше похож на него, хоть на лбу у него и нет дурацкого фантомного шрама.

– О чем она говорит, Джеймс? – тихонько спросил Альбус.

Джеймс покачал головой:

– Прости, Миртл, но все очень серьезно. Наша сестра в беде. Ты должна помочь нам!

– Знаю, – протянула Миртл. – Бедная малышка Лили. Быть может, она составит мне компанию в этом туалете.

– Миртл! – крикнул Джеймс в отчаянии, но Роуз, положив руку ему на грудь, заставила его умолкнуть. С задумчивым видом она повернулась к привидению.

– Знаешь, Миртл, если ты нам поможешь, уверена, отец Лили будет весьма тебе благодарен. Думаю, он даже навестит тебя, чтобы высказать свою признательность.

Миртл недоверчиво посмотрела на девочку.

– Гарри? Он не придет. Верно? Он, наверно, даже и не помнит меня.

– Помнит, не сомневайся, – уверенно заявила Роуз. – Я лично слышала, как он говорит о тебе. Он с радостью... повидается с тобой.

Лицо Миртл просветлело.

– Ты правда так думаешь? Ох, прошло столько времени, но я знала, что однажды он вернется. Он всегда мне очень нравился.

– Да-да, – кивнула Роуз. – Но сначала информация. Что ты видела? Что ты знаешь о Петре?

– Ах да, – мрачно начала Миртл. – Бедная девочка. Знаете, она ни разу не заговаривала со мной. Наверное, думала, я не увижу ее под Мантией-невидимкой, но этот фокус работает только на живых.

Зейн сделал шаг вперед.

– Так Мантия у Петры. Сколько раз она была тут, Миртл? Что делала?

Миртл подлетела к Зейну и призрачной рукой обняла его за плечи.

– Она часто заходила. Большую часть каникул, когда почти все разъехались, она провела здесь. Да и последнее время появлялась тут как минимум раз в неделю. Я, естественно, не знаю, чем она тут занимается. Я... хм... не следую за ней. В последний раз она отправилась туда минут двадцать назад с малышкой Лили. Прямо перед тем, как вернулась Табита со своей нелепой картой.

– Куда Петра увела Лили? – нетерпеливо спросил Тед. – Они спустились в Тайную комнату?

– Ну, конечно, глупый мальчишка, – ответила Миртл, кокетливо пожимая плечами. – Куда же еще?

Альбус сердито повел головой:

– Почему ты никому не сказала?

Миртл задумчиво посмотрела на него.

– Потому что никто не спрашивал, – бесхитростно ответила она.

Джеймс вернулся в центр комнаты.

– Как нам спуститься туда? – выпалил он. – Где вход?

– Ха! – радостно воскликнула Табита. Она до сих пор сидела на полу под пристальным взглядом Теда Люпина. – Вам никогда в нее не войти! Если я не смогла, то никто не сможет! Только истинный Наследник способен произнести слова, открывающие Тайную комнату!

– Это правда? – обратилась Роуз к привидению.

– Нет, – медленно покачала головой Миртл. – Нет, нет и нет. Многие открывали Комнату. Даже противный Рон Уизли смог, повторив звуки, которые издавал Гарри Поттер. Если ему удалось, значит, любой справится.

– Ты, бесполезная маленькая... – выпрямляясь, закричала Табита. – И все это время ты просто смотрела на мои попытки... Ты позволила мне выставить себя полной дурой!

– Ты не нуждалась в моей помощи, – хмыкнула Миртл.

– Миртл, – твердо произнес Джеймс, подходя ближе к призраку. – У нас мало времени. Ты можешь открыть Комнату?

– Не смей! – дрогнувшим голосом воскликнула Табита.

– С меня хватит, Корсика, – пригрозил Тед. – Заткнись или я оглушу тебя. Это меньшее, что ты заслуживаешь.

– Это жуткие звуки, – Миртл не обратила никакого внимания на Табиту. – У меня мурашки по телу бегут каждый раз, как я их слышу, а

ведь я умерла. Я всегда пряталась в сифоне, когда это произносила Петра.

– Пожалуйста, Миртл, – упрашивала Роуз. – Как это делается? Мы должны спуститься вниз.

Миртл приподняла одну бровь и искоса посмотрела на Роуз.

– Ты вправду думаешь, что Гарри придет навестить меня? Обещаешь?

– Обещаю, – кивнула Роуз. – Прошу, только скажи.

Миртл вздохнула и медленно поплыла в центр комнаты. Она осторожно открыла рот и начала издавать ужасающие шипящие звуки – гортанные, похожие на бульканье. У Джеймса волосы встали дыбом.

Когда она закончила, Зейн огляделся и спросил:

– Кто попробует? Уверен, у меня не получится.

Ральф глубоко вздохнул:

– Давайте, я, – покорно сказал он. – В конце концов, я слизеринец.

Возражений не последовало. Ральф открыл рот и повторил шипение максимально похоже. Джеймсу казалось, что его друг отлично справляется, потому что от звуков, издаваемых Ральфом, также по спине бежал холодок. Едва он закончил, раздался грохот решетки. Раковина рядом с Ральфом начала опускаться, погружаясь в пол. Табита ахнула и поползла в сторону, на ее лице застыла маска изумления и зависти.

– Вперед! – мрачно произнес Тед. – Надо поторапливаться.

– Ты не можешь пойти, Тед, – Роуз дотронулась до его руки. – Если, конечно, не собираешься брать с собой Табиту. Она семикурсница. Я могла бы посторожить ее, но, чувствую, будет лучше, если этим займешься ты.

Тед расстроено поморщился и отвел глаза, вертя в руках палочку. Наконец он совладал с собой и повернулся к ребятам:

– Идите, – неохотно ответил он. – Я посторожу Корсику, но учтите, мы никуда отсюда не уйдем, пока вы не вернетесь. К тому же, если я правильно понял, там внизу только Петра? Вы сможете ее уговорить. Она никогда никому не причинит вред.

Джеймс кивнул, хотя вовсе не был уверен в правоте Теда. Тед не видел тех снов.

– Верно. Пошли, – Джеймс набрал полную грудь воздуха и

повернулся к старинной лестнице.

– И, Джеймс, – окликнул Тед, – передай Петре то, что однажды она сказала мне! Это не выход! Передай, что я так сказал, ладно?

Джеймс кивнул и начал спускаться по крутым каменным ступеням. Друзья следовали за ним по пятам.

Глава 19. Жертвоприношение

Джеймс зажег свою палочку, когда они начали продвижение по древним каменным ступеням. Роуз и Альбус следовали за ним по пятам, их широко раскрытые глаза блестели. Шествие замыкали Зейн и Ральф. Фантомный шрам Джеймса не переставал ныть с того самого момента, когда он собирался поцеловать Петру, теперь же, в темном коридоре, боль яростно запульсировала в его голове.

– Однажды я бывала в Тайной комнате, – голос Роуз эхом разнесся во мраке подземелья. – Давным-давно, когда она еще входила в экскурсионный тур по Хогвартсу. Естественно, родители отказались идти со мной, потому что бывали там прежде, поэтому я пошла с дядей Джорджем. Смотреть было особо не на что, ведь останки василиска убрали из Комнаты много лет назад. Обычная подземная пещера, по большей части обвалившаяся.

Джеймс ахнул и резко остановился, одной рукой преграждая путь остальным; другую, с зажатой в ней палочкой, он поднял вверх.

– А это было частью экскурсии, когда ты сюда спускалась, Роуз? – понизив голос, спросил он.

Роуз с широко открытыми от удивления глазами стояла прямо за ним. Чуть поодаль замерли Ральф и Зейн.

У ног Джеймса пол заканчивался, словно здесь произошел обвал. Судя по черноте, глубина расселины была невообразимой. Откуда-то доносился зловещий свист. Джеймс поднял палочку повыше над головой, и ее свет озарил лезвия гигантских качающихся секир.

– Нет, – выдохнула Роуз. – Такого там не было. Откуда они взялись?

– Могу поспорить, они появились недавно, – ответил Зейн и показал пальцем. – Смотрите!

Джеймс посмотрел, куда указывает Зейн. На той стороне расселины виднелась пара огромных каменных дверей, распахнутых настежь.

– Как Петра их открыла? – недоуменно спросила Роуз. – Они, должно быть, весят не меньше тонны!

– А меня больше интересует, как она добралась туда, – ответил Ральф, жестом указывая на провал и секиры. – Нам ни за что их не

преодолеть!

Джеймс наклонился и поднял небольшой камень. Он задумчиво взвесил его в руке, а затем изо всех сил метнул через пропасть. Медленно вращаясь, камень полетел в темноту. Вспышка света, искры – и волшебная секира пришла в движение. Она разрежала камень в воздухе и вновь скрылась в темноте.

Джеймс обернулся к Роуз и Ральфу с выпученными глазами. Ральф беспомощно пожал плечами.

Альбус глубоко вздохнул.

– Кажется, я знаю способ попасть на ту сторону, – сказал он так, словно сам боялся своей идеи.

– Какой же? – спросил Джеймс, но его брат опять отвернулся. Альбус прошел несколько шагов, пока вновь не оказался у подножия каменной лестницы. Там он остановился и обернулся.

– Меня папа научил, – признался он. – Однажды этот трюк спас ему жизнь. Может, нам удастся им воспользоваться, чтобы спасти Лил. – Он повернулся к лестнице, взмахнул палочкой и громко, насколько мог, крикнул: – Аксио метла!

Прошла почти минута, и Джеймс начал сомневаться, сработало ли заклинание, как вдруг по лестнице прокатился яростный крик.

– Нет! – вопила Табита. – Только не мою метлу! Ты не можешь!

– На подлете! – перекрикивая ее, сообщил Гед.

Метла, спустившись вниз, зависла рядом с Альбусом. Джеймс, стоявший неподалеку, услышал слабый гул, исходивший от метлы. Он прекрасно помнил его, равно как и свою провальную попытку присвоить саму метлу.

– Ты, должно быть, шутишь, – воскликнул Зейн, подходя ближе и изучая метлу. – Она принадлежит Табите! Это же прошлогодний поддельный посох Мерлина. Ты ведь не собираешься лететь на ней через пропасть, верно?

– Теперь это моя метла, – угрюмо произнес Альбус. – Табита отдала ее мне, хотя сейчас, возможно, сожалеет об этом.

– Но ты не можешь просто перелететь на ту сторону! – возразила Роуз. – Ты видел, что случилось с камнем! Не знаю, как Петра попала туда вместе с Лили, но должен быть другой путь!

Альбус решительно направился к краю расселины и оседлал метлу.

– Это не обычная метла, Роуз. Понятия не имею, откуда она у Табиты, и как она работает, но она знает, куда нужно лететь. В какой-то мере она – прямая противоположность «Молниеносной» Джеймса. Она знает, куда лететь, и вкладывает это знание в сознание ездока. Метла не допустит, чтобы нас разрубило. К тому же у нас нет выбора. Садись сзади, Джеймс, и держись как можно крепче.

Джеймс сглотнул, забрался на метлу и крепко обхватил брата на талию.

– Подождите! – крикнула Роуз. – Это безумие!

– Именно поэтому мы *не можем* ждать, – стиснув зубы, ответил Джеймс. – Если замешкаемся, пойдем, как глупо поступаем. Вперед, Ал!

Джеймс ощутил, как напрягся Альбус. Они оба сгруппировались, и когда Роуз с перекошенным от ужаса лицом бросилась к ним, чтобы вцепиться в Джеймса, Альбус ринулся вперед, увлекая за собой метлу и брата.

Под весом мальчиков метла нырнула вниз. Джеймс крепко зажмурился и прижался к Альбусу, который склонился к древку и всячески старался прекратить падение. Наконец направление их полета изменилось, метла взяла вверх и начала набирать высоту. Джеймс по-прежнему сжимал зажженную палочку. Обхватив Альбуса левой рукой, правой он поднял палочку над головой, борясь с инерцией. Магический свет отразился от длинного стального лезвия, которое, пролетев мимо, разрежало воздух. Метла накренилась, и Альбус отклонился в противоположную сторону, а Джеймс чуть не выронил палочку, стараясь удержаться. Со всех сторон воздух со свистом рассекали гигантские изогнутые секиры. Они вылетали, как мечи, едва не задевая мальчиков. Поразительно, но метла самостоятельно прокладывала путь, молниеносно уклоняясь от блестящих смертоносных преград. Джеймс с трудом держался, стараясь как можно крепче прижаться к метле и Альбусу. Раздался резкий, скрежещущий звук, и одно из лезвий распорол его мантию, так что Джеймс ощутил холодок от металла, просвистевшего рядом с его кожей. Он вскрикнул и дернулся, чуть отклонив метлу.

Альбус выругался и попытался выровнять ее, но все было бесполезно. Метла, казалось, потеряла курс. Она дернулась вверх, и

Джеймсу показалось было, что они почти достигли противоположной стороны пропасти, как неожиданно, перед глазами у них возникла стена из цельного камня. Она словно падала на них. Альбус дергал древко, пытаясь направить метлу к выступу, но было слишком высоко. Метла сопротивлялась и летела перпендикулярно вверх, по-прежнему петляя меж лезвий. И вдруг, внезапно, стена закончилась, сверкнула вспышка, и Джеймс соскользнул с метлы и полетел, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь. Больно ударившись, он приземлился на камень, перекатился и вскочил на ноги. Расцарапанный подбородок кровоточил, но в остальном Джеймс не пострадал.

Альбус лежал в двух метрах от него, в опасной близости от края пропасти, которую они только что пересекли. Он стонал и сжимал руками голову.

– Ал! – выкрикнул Джеймс и, спотыкаясь, бросился к брату. – Ты цел?

– Кажется, мы врезались, – Альбус потряс головой, словно пытался прочистить ее. – Полный отстой, как по-твоему? Ой!

Джеймс посмотрел вниз:

– О нет! Думаю, мы сломали ее!

– Мою ногу? – уточнил Альбус, уставившись на свою голень. – Ай! Почти уверен, что она не должна выворачиваться под таким углом, но нет ничего, что не смогла бы вылечить мадам Курио. Верно?

Джеймс моргнул и уставился на сломанную ногу брата.

– Эм... Нет, я вообще другое имел в виду. Прости, Ал. Я говорил о ней, – и он указал на метлу, расколотую пополам.

– О нет! Это хуже, чем поломанная нога. Как мы теперь вернемся? – ахнул Альбус, поднимая один кусок.

Джеймс покачал головой:

– Сам говорил: давай сначала спасем Лили, а остальное решим после.

Альбус начал было подниматься на ноги, но зашипел от боли и повалился назад.

– От меня никакого толку, Джеймс. Если ты не намереваешься нести меня, то я останусь тут.

– Ну же, я сам не справлюсь! – ответил Джеймс, ощутив неожиданную и бессильную злость.

– Знаешь, если бы ты не запаниковал, я бы не валялся тут в таком состоянии, тупица!

– Я? А кому вообще пришла мысль перелететь через пропасть на адской метле?

– Ах, помнится, ты вообще не подкинул ни одной стоящей идеи.

– Тс-с-с! – неожиданно шикнул Джеймс, чуть оборачиваясь.

– Не цыкай на меня, идиот! – взревел Альбус. – Если бы моя сломанная нога не осталась прикрепленной к телу, я бы избил ею тебя.

– Тс-с-с! – повторил Джеймс, неистово махая рукой. Он вытянул шею, вслушиваясь. Альбус умолк и тоже прислушался, наморщив лоб.

– Похоже на голос, – прошептал он. – Как странно.

– Он исходит из той пещеры, – махнул рукой Джеймс. Его глаза привыкли к темноте, и он разглядел зеленоватый свет, мерцающий там, куда он указывал.

– Иди, Джеймс, – шепнул Альбус. – Верни Лили, если сможешь. А если не сможешь, клянусь, я убью тебя.

Джеймс кивнул.

– Ладно. Надеюсь только, тебя никто не опередит.

Он глубоко вздохнул, не сводя глаз с зеленоватого свечения из пещеры, и поспешил туда.

Фантомный шрам снова взял длинную, высокую ноту боли. Она звенела в его ушах, сливаясь в унисон с бешеным ритмом сердца. Петра не причинит вреда Лили, верно? Он искренне хотел этому верить, но помнил свои сны, помнил льстивые, усыпляющие, приводящие в ярость слова бесплотного голоса. Тот обещал Петре, что она сможет вернуть родителей, если только пожелает сделать выбор – самый трудный из всех возможных – заплатить кровью за кровь. Очевидно, Петра не была в здравом уме. Она была в своего рода транс, верно?

Ее контролировали жуткий голос и последний осколок души Волдеморта, пульсом бьющийся в венах. Но даже подходя ко входу в пещеру, Джеймс знал, что это не совсем правда. Частичка Волдеморта была не в силах полностью подчинить ее злой воле, только повлиять на нее, подсказать, убедить. Главная же сила таилась внутри самой Петры – ее разбитое сердце, ее глубокий, потаенный гнев и отчаянная, бездонная жажда наказать тех, кто отнял у нее родителей. Джеймс осознавал: поработенная эмоциями, Петра пойдет на все, будучи

убежденной, что этим она добьется своего.

При мысли об этом Джеймс вздрогнул. Он вошел в пещеру и все увидел.

Там находился бассейн, мерцающий зеленым светом, и Петра, по-прежнему одетая в розовое платье. Локонь ее начали распрямляться, грим потек, оставив на щеках дорожки слез. В руках девушка держала палочку, направляя ее на стоящую перед ней Лили, безразличную и вялую, как марионетка. Высокий, ужасающий голос продолжал бормотать, но только сейчас Джеймс разобрал слова:

– А вот и наш мальчик Джеймс! – довольно произнес голос. – Только взгляни, моя дорогая! Он пришел, как и было предсказано!

Услышав свое имя, Джеймс вскрикнул, но тут к нему повернулась Петра, и его крик уступил место неистовой дрожи – лоб пронзила боль. Глаза Петры были пугающе безжизненными. В зеленоватом мерцании бассейна ее лицо напоминало маску. В свободной руке она держала его куклу вуду, на лбу у которой Джеймс разглядел нарисованную кем-то ядовито-зеленую молнию.

– Джеймс, – безучастно произнесла Петра, не опуская палочки, направленной на Лили, – тебе не следовало приходить. Но теперь уже слишком поздно.

Джеймс, спотыкаясь, двинулся вперед, выходя на свет.

– Петра, что... что ты делаешь?

Петра едва заметно пожала плечами и снова обратила свой взор к Лили.

– Исполняю свое предназначение, – ответила она, до жути напомнив Табиту Корсику. Кивнув Лили, она продолжила: – Ты знаешь, что делать, милая.

Ни разу не моргнув, девочка медленно обошла светящийся бассейн, бесшумно ступая босыми ногами по каменному полу. В дальней стороне пещеры Джеймс разглядел лесенку, ведущую в воду. Лили неторопливо начала спускаться по ступеням. С приливом ужаса Джеймс осознал, что его сестра находится под заклинанием Империи.

– Мне жаль, Джеймс, – сказала Петра. – Знаю, ты, вероятно, не поймешь, почему это должно случиться. Поначалу план показался и мне ужасным, но теперь-то я понимаю – иного пути нет. Так лучше для всех, даже для Лили. Ты должен поверить мне.

–... должен поверить мне, – эхом откликнулся наводящий ужас замогильный голос. Казалось, он звучал беспрестанно, бормотал в унисон с Петрой, словно подсказывал ей.

– Лили! – позвал Джеймс, подаваясь вперед. – Стой!

В глазах Лили не отражалось ничего, кроме дрожащего света. Она сделала еще один шаг в зловеющий зеленый бассейн. Джеймс в отчаянии потянулся в карман за палочкой, но ее там не оказалось. Он запоздало понял, что, должно быть, выронил ее, когда они с Альбусом свалились с метлы. Мальчик кинулся вперед, намереваясь вручную вытащить сестру из воды, но едва он приблизился к ней на расстояние вытянутой руки, что-то отбросило его. Он полетел назад, как будто его дернула веревка, обмотанная вокруг талии. Джеймс ударился о поросшую мхом стену и упал, полуоглушенный.

– Только по одному, Джеймс, – печально сказала Петра, не сводя палочки с Лили. – Прости. И прошу, больше так не делай. Не хочу причинять никому из вас лишней боли, пока все не закончится.

Джеймс ловил ртом воздух, фантомный шрам пылал, как раскаленное железо. Жуткий голос эхом вторил словам Петры, и впервые Джеймс задумался, осознает ли это сама Петра. Возможно ли, что она сама не понимает, какое влияние он на нее оказывает? Джеймс огляделся в поисках источника голоса. Как и во сне, тот исходил от призрачной фигуры, стоящей в темном углу. Она была абсолютно неподвижна и, по всей видимости, была одета в потрепанную шляпку-котелок и запылившийся плащ. Ее руки свободно свисали вдоль тела.

Джеймс попытался подняться, но ощутил слабость и тяжесть, как будто что-то давило на него – нечто новое, жуткое, явившееся в пещеру, словно заполнило ее черным дымом. Это был Привратник. Бесшумный и невидимый, он проник в Комнату и наблюдал, готовясь завладеть Петрой, едва она завершит необходимый добровольный обряд: убийство Лили.

Девочка сделала еще шаг. Подол желтого платья намок и начал тонуть в мутной воде. Пока она спускалась, с другого края бассейна начал кто-то подниматься. Джеймс узнал эту молодую женщину, которую столько раз видел во сне, – мать Петры. По мере того как Лили погружалась, Лианна восставала из собственного отражения, улыбаясь и протягивая руки к дочери. Глаза Петры засияли, едва одна увидела

поднимающуюся фигуру.

– Петра! – отдышавшись, крикнул Джеймс. – Это не твоя мама! Это обман! Она ненастоящая!

– Не слушай его! – вкрадчиво шепнул голос. – Он – сын тех, кто позволил ей умереть. Он полон лжи и обмана. Но скоро он умолкнет навеки, и с его смертью ты вновь обретешь отца! Тогда все будет готово, равновесие будет восстановлено. Наступит новая эра, эра справедливости, и все благодаря принесенной тобой жертве...

– Все благодаря моей жертве, – тихо повторила Петра. Слезы вновь потекли по ее лицу, смывая грим.

Подбородок Лили коснулся поверхности бассейна. На нем повисла капля, но вот она сделала еще шаг, и ее рот погрузился в воду. Волосы плавали вокруг ее головы, как корона. Призрачная Лианна Агнеллис поставила одну ногу на каменный пол. Она даже не намочила.

– Это иллюзия! – отчаянно крикнул Джеймс, пытаясь подняться на ноги. – Порожденная этим голосом! Разве ты не видишь, кому он принадлежит?

– Нет никакого голоса, – проговорила нараспев Петра, качая головой взад-вперед. – Здесь нет никакого другого голоса, кроме голоса моего умершего отца. Ты видишь, я принесла его вещи сюда, где его ждут. Его обувь и шляпу, его плащ. Даже его Мантию-невидимку, с помощью которой я приходила сюда. Он будет рад увидеть их снова, тебе так не кажется?

Джеймс отчаянно замотал головой:

– Это Мантия моего отца, Петра! Тебя обманули!

Петра, казалось, не слышала его. Она, словно загипнотизированная, смотрела на свою мать, но ее палочка продолжала указывать на Лили до тех пор, пока та не сделала последний шаг, окончательно исчезнув под водой. Привратник казался уже почти осязаемым – настолько ощущение его присутствия было гнетущим. Задача почти выполнена, Лили скоро будет мертва, и Привратник воссоединится с Петрой, своей хозяйкой. И тогда ничто не будет способно отправить его назад и остановить его шествие по Земле.

Джеймс хотел было опять ринуться в сторону бассейна, рискуя всем, чтобы вытащить сестренку из воды, но даже в миг отчаяния он понимал, что Петра снова с легкостью отшвырнет его. На это не было

никакой надежды, но Джеймс знал, что это его последний шанс успеть сделать хоть что-то. Его взгляд заметался по пещере, пока не наткнулся на темную фигуру в углу. Теперь он обратил внимание, что это не фигура вовсе, а просто кучка вещей – одежды отца Петры, сложенные в своего рода чучело. Голос шел изнутри, скрытый за толщей вещей. Внезапно Джеймс осознал, что ему нужно сделать.

– Это не твой отец! – воскликнул он и двинулся через комнату, оглядывая бассейн со своей умирающей сестрой. – Смотри, Петра!

Прежде чем Петра успела его остановить, Джеймс схватил пустой рукав плаща. Он потянул изо всех сил. Наконец, плащ оторвался от своей опоры, после чего на пол повалилась и шляпа. Раздался жуткий крик доселе скрывавшегося существа:

– Нет! Гадкий мальчишка! Не смей трогать меня!

Джеймс попятился назад, едва не теряя сознание от сильной боли во лбу.

Петра ахнула, и ее палочка дрогнула:

– Джеймс... что ты сде... – воскликнула она, но вдруг ее интонация изменилась. Девушка стала сомневаться. – Отец?

Плащ скрывал портрет в рамке. Джеймс сразу заметил, что картина была сильно повреждена, почти полностью уничтожена, местами зашита и перекрашена. Восстановленные части плохо двигались, придавая лицу больной, искаженный вид, но Джеймс отчетливо разглядел, кто изображен на этом портрете. Один глаз уставился в пустоту, в то время как другой, красный, со змеиным вертикальным зрачком, злобно следил за ним.

Лицо Петры исказилось в невольном отвращении:

– Ты не мой отец... ты... ты...

– *Закончи это!* – яростно прошипел портрет. – Сначала убей Лили Поттер! Затем Джеймса Поттера! Исправь мою роковую ошибку! Неважно, кто я! Все, что имеет значение – только то, что у тебя было украдено, и ты можешь заставить всех поплатиться за свою утрату! Это единственный способ вернуть тех, кого ты потеряла!

– Исправить твою ошибку? – произнесла Петра, и лицо девушки все больше искажалось в ужасе от осознания происходящего. – Но я думала...

– *Мою единственную ошибку!* – взвизгнул портрет Волдеморта. –

Состоявшую в том, что первым я убил Джеймса Поттера, оставив жизнь Лили, единственной, которая могла защитить мальчишку! Это была древняя магия, но очень, очень мощная магия, я забыл о ней! Она должна была умереть первой, и тогда мужчина и мальчик оба погибли бы от моей палочки! Это была моя единственная, но роковая ошибка! Я был глуп, да, но сейчас круг замкнется! Ты, последний кусочек моей души, убьешь девчонку, Лили Поттер, а потом мальчишку, Джеймса Поттера, а потом... – шипящий голос опускался все ниже и уже начал клокотать. – Придет Гарри Поттер, и я... я, наконец... мы... мы убьем... убьем... его!

– Гарри Поттер? – прошептала Петра.

– Кукла была нужна для того, чтобы он здесь появился, – быстро произнес портрет. – План казался таким простым: добавить шрам на лбу, и тогда бы это был уже не Джеймс, а Гарри, Гарри Поттер. Логично предположить, что как только шрам начал бы проявлять себя, Гарри Поттер пришел бы и оказался в нашей власти! Но вместо этого мы подарили призрачный шрам Джеймсу, а вместе с ним и возможность узнать все наши планы, что было даже к лучшему! Я сумел предвидеть это! Моя единственная ошибка будет исправлена, все произойдет в обратном порядке! Сначала умрет Лили Поттер, потом Джеймс Поттер, а затем – наконец-то! – бездыханное тело Гарри Поттера будет лежать у наших ног!

Петра начала говорить удивленным голосом:

– Но мои родители... ты обещал, что восстановится равновесие и совершенство... ты использовал меня! – ее голос повысился и стал рассерженным. – Ты меня использовал!

– Потому что в твоём сердце живет частичка меня, ты и я – мы одно и то же! – прохрипел ужасающий портрет. – Твоя живая душа несет последнюю частичку моей, как огонек в фонаре! У нас одни и те же желания, просто мы смотрим с разных углов. Конечная цель у нас одна: месть!

Петра грустно покачала головой:

– Что же я наделала? Я не хочу мести, – произнесла она. – Все, чего я хотела, это справедливости... – она отвернулась от портрета и вновь посмотрела на женщину, стоящую на бортике зеленоватого бассейна. Мать Петры печально улыбнулась и кивнула. Петра подавила рыдание:

– Справедливости... и своих родителей, – проговорила девушка срывающимся голосом. Она подняла свою палочку:

– Вингардиум Левиоса!

– *НЕТ!* – от крика портрета, казалось, вздрогнули стены.

Лили вылетела из бассейна, обмякшая, словно тряпка, с нее ручьями стекала вода. Лианна Агнеллис стала постепенно терять свои очертания, возвращаясь в бассейн. Женщина в последний раз отразилась вспышкой в каменном полу, затем исчезла в волнах.

– *Мама!* – закричала Петра, не в силах побороть нараставшее внутри отчаянье. В глазах девушки стояли слезы. – Прости, мама! Папа! Мне так жаль! Я не могу этого сделать!

Джеймс бросился вперед, чтобы поймать свою сестру. Он подхватил и прижал ее к себе. Она была безвольной и холодной, как смерть. Он нежно положил девочку на пол и приложил ухо к ее груди.

– Ее сердце все еще бьется! – воскликнул он.

– *Глупая девчонка!* – взревел портрет, и его лицо карикатурно исказилось. – Это была единственная возможность! Частичка меня в тебе все еще бунтует! Сопrotивляется на свой страх и риск! Убей девчонку! Еще не поздно!

Петра медленно покачала головой, приближаясь к портрету.

– Ты не сможешь разрушить его, Петра, – окликнул девушку Джеймс, баюкая Лили на руках. – Взгляни! Другие люди уже пытались. Портреты могут быть уничтожены только создавшим их художником, помнишь?

Петра вновь покачала головой, слезы оставляли мокрые дорожки на ее щеках, но выражение лица было суровым, словно она на что-то решилась.

– Не совсем так, Джеймс, – проговорила девушка спокойно. Она взялась руками за раму портрета и подняла его.

– Ты хозяйка Привратника! – вновь раздался высокий, холодный голос Волдеморта. – Даже теперь он ждет тебя! Ты можешь почувствовать его присутствие! Тебя выбрали еще во времена Салазара Слизерина! Пророчество, изреченное сотни лет назад, указывает на тебя! Ты не сможешь уклониться от него, это твоя судьба! Он уничтожит тебя! Вернись обратно, еще не все потеряно! Еще не слишком поздно!

– Есть два человека, способных уничтожить портрет, хотя второй человек редко может проделать это, – продолжала Петра, обращаясь к Джеймсу и игнорируя крики. Она держала картину обеими руками, поднимая ее над рябью поверхности бассейна. – Портрет может разрушить художник. Или, если судьбе будет угодно, портрет может уничтожить изображенный на нем.

– НЕТ! – вскрикнул портрет, и Джеймс увидел, как Волдеморт заметался, словно пытаясь покинуть портрет. Петра взмахнула руками, и картина упала на свое отражение с тяжелым всплеском. Некоторое время доносился бешено kloкочущий голос, переходящий в невразумительное бульканье. С перекошенным в ужасе лицом Волдеморт метался по всей картине, как будто жидкость в бассейне была не водой, а кислотой. Краска засочилась с тонущего холста и, смешиваясь с мерцающей водой, растворялась, оставляя тонкие темные следы, уходящие в глубину бассейна. Голос в последний раз булькнул и, захлебнувшись, исчез, только жуткое эхо прокатилось по Тайной комнате. Затем и какое-то время видневшийся силуэт рамы окончательно канул в бездонные воды.

– Она дышит? – спросила Петра, опустившись на колени рядом с Лили.

– Я не знаю! – воскликнул Джеймс, обнимая мокрое, легкое тельце. – Она такая холодная!

Петра кивнула и наставила свою палочку на горло Лили.

– Экспеллиаква, – твердо произнесла девушка.

Прошло несколько секунд, и когда Джеймс уже уверился, что заклинание не сработало, Лили вдруг вздрогнула в его руках. Она сильно закашлялась, из ее рта полилась вода. Джеймс помог ей наклониться, аккуратно стуча сестру по спине. Девочка исторгнула еще воду, тяжело вздохнула и прерывисто задышала. Джеймс был так занят, что даже не заметил исчезновения Привратника. Его хозяйка провалила последнее испытание. Петра не смогла убить. Ослабленный, Привратник просто тихо растворился в воздухе.

– Джеймс? – прохрипела Лили, глядя затуманенным взглядом на его лицо. – Где я? Что случилось?

Джеймс потряс головой и облегченно рассмеялся, хотя в его глазах стояли слезы:

– Ты со мной, Лил. Остальное не имеет значения.

– Привет, Петра, – слабо проговорила Лили, косясь в сторону. – Ты была великолепна. Я плакала, когда ты пила сонное зелье Болотной ведьмы.

Петра неуверенно улыбнулась:

– Спасибо, Лили.

Джеймс и Петра помогли Лили подняться на ноги, и Джеймс, приобняв, поддерживал сестру на пути к выходу из пещеры. Петра забрала Мантию-невидимку, но оставила нетронутыми жуткие вещи своего отца. Она оглянулась только один раз, лицо ее покраснело. Сама же девушка была грустна.

– Привет, Петра, – храбро произнес Альбус, как только они подошли. – Тебе уже лучше, да?

Петра кивнула, но не ответила. Она молча встала на колени рядом с Альбусом и осмотрела его ногу.

– У тебя отлично получается, – сказал Джеймс, наблюдая за Петрой, отрывающей ленту от своего платья. Она осторожно примотала длинную палку, оставшуюся от метлы Табиты, с помощью ленты к ноге Альбуса. Закончив, девушка встала и подняла Альбуса на ноги.

– Эй, – удивленно проговорил Альбус. – Так намного лучше! Как у тебя это вышло?

– У меня есть определенного рода дар, – ответила Петра, отводя глаза. – Кроме того, это всего лишь перелом. Ты будешь в порядке через пару дней, когда мадам Курио посмотрит твою ногу.

Джеймс ничего не сказал, но втайне был уверен, что Петра не говорит Альбусу всю правду о травме. Здесь, несомненно, не просто перелом. Джеймс успел мельком увидеть, насколько сильно изуродовано колено Альбуса. Теперь же тот опирался на ногу с помощью простой шины. Создавалось такое ощущение, будто Петра пыталась отплатить им за то, что произошло, но тайно, через довольно необычную магию.

Петра снова встала, взяв куклу вуду и Мантию-невидимку. Некоторое время она смотрела на эти предметы в своих руках.

– Это не мое, – сказала девушка и протянула их Джеймсу. – Я даже не знала о кукле, пока портрет не упомянул ее. Она все время была у меня, но я практически ничего о ней не знала. Мне очень жаль, Джеймс.

Я не знаю, что еще сказать.

Джеймс принял куклу и Мантию.

– Тебя ввели в заблуждение, – ответил мальчик просто.

Петра кивнула и угрюмо уставилась в пропасть:

– Да, – согласилась она. Но большей частью я сама обманывала себя. Я не могу это отрицать.

– У тебя были причины и на злость, и на страдания, Петра, – тихо произнес Джеймс. – Но это не тот способ бороться с ними. Тед мне сказал передать тебе, что... что есть и другие способы. Эти чувства реальны. Их нужно принять и решить, что с ними делать, не так ли?

Петра медленно кивнула. В темноте Джеймс заметил еще одну слезу, скатившуюся по щеке девушки.

– Ты в порядке, Лил? – спросил Альбус свою сестру, осматривая ее с ног до головы. – Почему ты мокрая?

Лил нахмурилась и посмотрела на свое мокрое желтое платье:

– Честно говоря, я понятия не имею.

– Позже расскажешь, – тяжело вздохнул Альбус, прыгая на здоровой ноге. – Для начала, как мы вернемся обратно? – мальчик махнул в сторону темнеющей бездны.

– Так же, как я оказалась здесь, – тихо ответила Петра. – Мы просто перейдем.

Альбус поморщился:

– Перейдем? Ты что? Призрак?

– Нет, – ответила Петра тихо, почти про себя. – Я – Наследница Лорда Волдеморта.

Она ступила вперед, шагнув за край обрыва. Джеймс в ужасе ахнул, но не мог отвернуться. Петра не упала. На каждый ее шаг появлялась небольшая каменная платформа, словно ступеньки, возникающие из ниоткуда. Девушка обернулась, нога застыла над пропастью.

– Держитесь рядом и старайтесь не думать о происходящем, – сказала она, и Джеймс вздрогнул. Она не совсем уверена, что это сработает, но какой выбор у них есть? Джеймс заколебался, но затем осознал, что впервые за этот час призрачный шрам на лбу не давал о себе знать. Он вздохнул и двинулся за Петрой, направляя перед собой Лили и Альбуса.

– Она совсем ненормальная, – прокомментировал Альбус.

– Не смотрите вниз, – не оборачиваясь сказала Петра. Без промедления она зашагала вперед. Альбус, Лили и Джеймс последовали за ней. Никто из них не упал. Даже пролетающие мимо со свистом лезвия не задевали их. После того, как Джеймс ступал на грубую каменную поверхность следующей ступени размером с тарелку, предыдущая исчезала во тьме. В очередной раз услышав тихий лязг механизмов, Джеймс узнал его.

Этот же звук он уже слышал в своих снах, хотя тогда источник оставался неизвестным. Но не теперь. Каким-то невероятным образом поднятые камни составляли проход, работающий на чистой магии Петры. Возможно, этот способ был доступен только Наследнику. Но не исключено, что механизм можно было запустить с помощью подходящего талисмана. В любом случае, размышления об этом помогали не смотреть вниз. Как только Джеймс дошел до противоположной стороны, его тут же подхватили Роуз, Ральф и Зейн, тогда мальчик не удержался и оглянулся. Последняя ступенька канула во тьму, присоединяясь к прочим в сложной системе распорок и обмоток. Те заскрипели, вздрогнули и закачались, а потом исчезли, будто бы их никогда и не было.

– Петра! – воскликнула Роуз с облегчением. – Лили! Вы обе целы!

Зейн недоверчиво усмехнулся:

– Я думал, что мы вас уже потеряли. Что случилось?

– Мы врезались в стену из-за Джеймса, – начал ворчать Альбус, трясая головой. – Я, кстати, ногу себе сломал. Как же хорошо, что Петра быстро наложила шину.

– Да, она великолепна в оказании первой помощи, – согласился Ральф, бросив на Петру несколько обеспокоенный взгляд.

– Лили, да ты насквозь промокла! – воскликнула Роуз, смеясь и вытирая слезы со своих глаз. – Давай я тебе помогу, – Роуз достала свою палочку и, совершив ей непонятные движения, направила на Лили. Горячий воздух, подувший из ее кончика, начал сушить платье Лили и заставил девочку захихикать.

– А что насчет Привратника? – спросил Зейн Джеймса, когда группа добралась до каменной лестницы, ступени озарял слабый свет, долетавший сверху.

– Исчез, – ответил Джеймс. – Я почувствовал, как он ушел.

– Насовсем?

Джеймс пожал плечами:

– Он не смог заполучить Петру в качестве своей хозяйки. В конечном итоге она не стала убивать ради него. Он не сможет найти другого хозяина, ему не за кого цепляться. Все кончено.

Зейн кивнул, немного нахмурившись.

– Хорошо, если так, приятель. Давайте убираться отсюда. Чем больше я нахожусь здесь, тем сильнее трясутся колени.

– Да. Есть веские причины на то, чтобы называть эту комнату Тайной, – согласился Альбус.

Джеймс кивнул, оглядываясь. Затем он горячо сказал:

– Надеюсь, это была последняя тайна этой комнаты.

– Вот так все и произошло, – закончил Джеймс, сидя в кресле напротив директора. Было утро следующего дня, яркий солнечный свет проникал в комнату, а ранние птички начинали свою утреннюю песню.

– Мы прошли обратно через туалет для девочек, и Тед отвел Табиту к вам в кабинет. Мы же вместе с Лили отправились в Большой Зал, чтобы встретиться с мамой. Она позвала тетю Гермиону, дядю Джорджа и дядю Рона, которые прекратили поиски. Все пошли на вечеринку по поводу окончания спектакля, но большей частью мы праздновали возвращение Лили.

Мерлин медленно кивнул, его пальцы были сцеплены. Он переглянулся с Гарри Поттером, который стоял рядом, скрестив руки на груди и уставившись в пол.

– А мисс Моргенштерн присоединилась к празднеству? – спросил Мерлин.

Джеймс покачал головой:

– Нет. Мне кажется, она решила, что ей не стоит присутствовать там. Я имею в виду, учитывая все обстоятельства.

Гарри проговорил, не поднимая головы:

– Она не виновата. Ее обманули.

– Она виновата не во всем, – мрачно поправил Мерлин. – Ее обманули, да. Но она позволила себе обмануться. Она сама призналась. Тот факт, что она наконец смогла осознать правду, доказывает, что она могла это сделать в любой момент, но каждый раз выбирала иное.

– Она проклята, в ее крови находится последняя частица души Волдеморта – сказал Гарри, наконец, поднимая глаза. – Он был хитрым лжецом и манипулятором. Очень многие колдуны и ведьмы намного сильнее и умнее Петры Моргенштерн поддались на его уловки.

Мерлин кивнул:

– И все они так же несут ответственность за свой конечный выбор.

Джеймс подался вперед в своем кресле:

– Да что вы говорите? – возмутился мальчик. – Вы думаете, что Петра злая только потому, что ей так повезло попасть под этот дурацкий кинжал-крестраж?

– Нет, Джеймс, – мягко произнес Мерлин. – Из-за этого она несчастна. До такой степени, что позволила этой проклятой душе контролировать себя, хотя всегда могла сама выбирать, что ей делать и самостоятельно справиться с этим кусочком зла внутри. Она призналась, что это она наложила на Джозефину Бартлетт заклятие головокружения, зная, что все обвинят мисс Корсику. Только для того, чтобы доказать самой себе, что она способна на такое. Она была очень близка к тому, чтобы совершить неправильный выбор прошлой ночью и обречь человечество на гибель. Если бы ты не появился в нужный момент, раскрыв таинственный портрет, все могло бы быть потеряно.

– Вы не можете знать это, – неуверенно проговорил Джеймс.

– О, нет, я знаю, Джеймс, – возразил Мерлин, глядя Джеймсу прямо в глаза. – И за это я должен попросить у тебя прощения.

– Прощения? Почему?

Мерлин глубоко вздохнул.

– Я ошибался насчет тебя, Джеймс Поттер.

Мерлин умолк, как будто не хотел продолжать. Он уставился прямо перед собой, и Джеймс понял, что тот смотрел мимо него, на что-то на задней стене. Мальчик обернулся через плечо. Альбус Дамблдор на портрете не сводил с Мерлина глаз. Он слегка улыбнулся и кивнул. Потом, едва заметно, Дамблдор подмигнул Джеймсу. Поттер

нахмурился и повернулся обратно к директору.

– Мне *советовали*, – сказал Мерлин слегка насмешливым тоном, – держать все тайны на замке или говорить полуправду, чтобы избежать искушения. Ваш Альбус Дамблдор и я очень долго обсуждали эту тему, и я признаю, что до недавнего времени не был с ним согласен. Но недавние события показали правильность его суждений. Джеймс Поттер, в присутствии твоего отца я расскажу тебе всю правду.

Мерлин снова вздохнул, а затем встал. Он сделал шаг в сторону от стола и прошел мимо Гарри.

– Это правда, – пояснил он. – Я прекрасно знал о том, что Привратник явится сюда после моего долгого путешествия во времени. Салазар Слизерин очень хорошо мне это объяснил. Он надеялся на то, что меня не будет все это сильно волновать, и все прошло по его плану. "Чертов мир, – думал я, – если Несущий Гибель придет, тогда, может, человечество выживет, а может, и нет. Мне все равно". В прошлом году, когда я вернулся в мир людей, я не стал размышлять об этом. Я решил, что, даже если Привратник действительно следит за мной, я смогу сдержать его этой малой частичкой доступной мне мощи, – Мерлин поднял руку, показывая блестящее черное кольцо.

– А потом я обнаружил присутствие борли. Это означало начало настоящих неприятностей, ведь борли – волшебный эквивалент тараканов, и их присутствие доказывало, что Привратник действительно последовал за мной из Пустоты. Я решил схватить всех борли, используя самый лучший инструмент для такой задачи – Темную Сумку, в которой, как вы знаете, содержится последний на земле кусочек чистой тьмы, происходящий из пустоты. Я посадил борли внутрь, десятки их, хотя в то время не мог сказать, зачем я это делаю; мне это просто казалось правильным решением. Все верно, изначально я просто хотел изучить получше это время, и пока я вылавливал – а немало их по-прежнему здесь – целую кучу борли, которых вообще-то терпеть не могу, я понял, что не ненавижу этот мир настолько сильно, как считал раньше. Кроме того, я начал заботиться о людях этого времени. Большею частью, о вас, мистер Поттер, и о ваших неугомонных дерзких друзьях.

Вот так у меня не осталось выбора: я должен был сделать все возможное, чтобы избавить мир от Привратника, в прибытии которого

сам был повинен. Решив это, я начал искать тех, кто знал о Привратнике и хотел использовать его. То есть последователей Слизерина, которые, как и сам Салазар, обманывались, считая, что Привратником можно управлять и использовать его как карающую длань. Я знал о другой половинке Сигнального Камня и ощутил его присутствие в руках этих негодяев. Я следил за тем, как они занимались поисками Привратника. Смотрел через это самое зеркало и ждал, – Мерлин указал на занавешенное Амсера Церф. – Некоторые из моих инструментов способны улавливать темную магию, выявляя ее местоположение. Когда они подавали знак, я смотрел в зеркало.

В конце концов, я сам предпринял кое-какие действия и отправился на место встречи слизеринцев и Привратника. Я подозреваю, что вы, мистер Поттер, вместе с мисс Уизли и мистером Дидлом видели это. Я нашел их в не нанесенном на карту лесу, на могиле Тома Риддла. Там Привратник оживил память о Волдеморте, заставив говорить его могильный памятник. Привратник потребовал, чтобы ему привели человека, который мог бы стать его хозяином. Статуя назвала мальчика, сумевшего победить Волдеморта, и Привратник предположил, что этот мальчик, Гарри Поттер, будет логичным вместилищем для него. Я почувствовал, что он обратился к тебе, Гарри, сфокусировался на тебе... – Мерлин посмотрел на отца Джеймса. – Он нашел тебя, не отходя от могилы. Привратник определил тебя среди множества людей и понял, что из тебя не выйдет подходящий сосуд для него. Я чувствовал, как он обдумывает твою кандидатуру, и это было видно по нему. Я понял, что он отверг тебя, но не как недостойного, а как непобедимого. Он знал, что не сможет использовать тебя в своих целях.

Гарри заметно вздрогнул:

– Я помню это, – сказал он тихим удивленным голосом. – Я был в штаб-квартире мракоборцев в Министерстве, говорил с Киркхемом Вудом. Все случилось внезапно – мне показалось, что я смотрю на свое тело со стороны, будто бы меня оттуда вытащили, а что-то другое было внутри него и рассматривало мою память и мои мысли. Это длилось всего несколько секунд, а потом резко закончилось. Киркхем ничего не заметил. Я решил, что просто слишком устал. Но, должно быть, это... это существо... изучало меня.

Мерлин кивнул:

– Только сильный волшебник мог это почувствовать. Привратник околдовывает свою добычу так, что мало кто помнит его. Несомненно, этот факт стал одной из причин, почему ты, Гарри, не мог стать его вместилищем. Поэтому он двинулся дальше. Даже несмотря на призывы сумасшедшего Люциуса Малфоя и на его слова об идеальном кандидате на место хозяина Привратника, он сначала не присоединился к нему. Я чувствовал, что он движется дальше, мимо тебя, Гарри, дальше... в поисках тебя, Джеймс.

– Меня? – удивленно воскликнул Джеймс. – Почему?

– Это можно понять, если поставить себя на место Привратника. Пророчества утверждают, что хозяином Привратника станет ребенок с большой потерей или сирота. Он искал Волдеморта, сироту, который больше всех подходил для целей Привратника, но нашел лишь его труп. Далее он логически поразмыслил и нашел еще одного сироту, Гарри Поттера, победителя Волдеморта. Но тот оказался слишком силен, а значит пользы от него было столько же, сколько от трупа Волдеморта. Поэтому он решил продолжить свои поиски, и нашел первенца Гарри Поттера. Что же его заинтересовало в этом мальчике? Совсем недавно тот пережил свою трагедию – неожиданную потерю бабушки. Кроме того, он помнил, что ты, Джеймс, был рядом в ту роковую ночь, когда на Землю прибыл он, Привратник. Он почувствовал, что ты даже помог ему здесь появиться.

– Все не так! Я не хотел! – ляпнул Джеймс. – Я пытался остановить это!

Мерлин поднял руку, заставляя Джеймса умолкнуть.

– Это не имеет значения для Привратника. Тогда я понял, что он выбрал тебя своим хозяином. Он мгновенно изучил тебя, и все это происходило в тот момент на кладбище, как и говорил Люциус Малфой. Я прочел его намерения, Джеймс, и вышел из тени, чтобы отвлечь. Я позвал Привратника, и мне удалось привлечь его внимание при помощи Сигнального Камня. Он помнил меня и мое путешествие в Пустоту. Первое, что он сделал – спросил о тебе, Джеймс. Я сказал как можно увереннее, что тебе ничего не известно, и уж тем более ты никогда не согласишься стать хозяином Привратника.

Но тот лишь рассмеялся. Он сказал мне, что ты уже искал его, и что ты смотришь на нас прямо сейчас. Люциус Малфой огляделся и увидел

твое отражение в окне заброшенной лачуги. Он указал на тебя, и Привратник засмеялся. Он знал, что ты наблюдаешь за нами с того момента, как избрал тебя своим хозяином, Джеймс. Я обернулся и тоже увидел твоё отражение. Я знал, что должен вернуться, чтобы предупредить тебя, но ты закрыл Фокусирующую Книгу, перекрыв тем самым мне путь обратно. Я потратил много времени на то, чтобы вернуться в замок иными методами. И пока я добирался, я изменил о тебе своё мнение. Я решил, что ошибся.

– Вы подумали, что я был на стороне Привратника? – растерянно спросил Джеймс.

– Не совсем, – ответил Мерлин. – Я причислял тебя к приспешникам Привратника не больше, чем Петру. Я решил, что он манипулирует тобой с помощью твоих желаний. Должен признать, Джеймс, я опасался, что Привратник воспользуется твоим желанием походить на отца в своих целях. Когда твоя мать отправила тебе Громовещатель, и мы все узнали, что ты, как ей казалось, украл Мантию-невидимку и карту Мародеров, я ещё больше уверился в том, что ты сотрудничаешь с Привратником. Я решил занять позицию наблюдателя, надеясь, что ошибаюсь. А потом, когда твоя сестра исчезла прямо в ночь спектакля, я понял, что наступил момент истины. Я не мог поверить, что ты причинишь ей вред, но запутавшиеся в сетях обмана люди делали вещи и похуже, чем убийство сестры. Я хотел забрать тебя из Хогвартса, чтобы ты оказался как можно дальше от Привратника, ведь я не мог допустить воплощения его планов в жизнь. Но ты сумел избежать этого с помощью своей молодости и быстроты. И, тем не менее, даже тогда я мог бы тебя схватить, если бы захотел. Но я не сделал этого. Я решил довериться тебе и судьбе. Это было мое "испытание золотым шнурком", Джеймс. Очень похоже на то, что было с тобой в моей пещере-тайнике. Ты удержал шнур, хотя отпустить его было намного проще. Рассудив таким образом, я тоже решил не отпускать шнурок доверия. Если бы я не доверился тебе, то по моей глупости мир вскоре перестал бы существовать. Как оказалось я поступил действительно мудро. На самом деле, я считаю, что именно доверие всех нас и спасло.

Джеймс удивленно вздохнул:

– Уау. Так вот почему вы были таким таинственным и

устрашающим в тот день в кабинете.

– Портрет сказал мне, что я ошибаюсь, – признался Мерлин, косясь в сторону. – Дамблдор не одобрял мое отношение к тебе и сообщил мне об этом сразу, как только ты ушел.

Со стены, на которой висел портрет бывшего директора, раздался голос Дамблдора:

– Я всего лишь хотел быть вежлив, Мерлину. Но да, я имел в виду, что вы зря сомневаетесь в мальчике.

– Да, вы выразились вполне себе ясно, если мне не изменяет память, – кивнул Мерлин.

– На мне лежит бремя помощи тем, кто занял мое место. Они не должны допустить тех же ошибок, что и я, – произнес Дамблдор, глядя на Мерлина. Тут же он перевел взгляд на Гарри. – Это я понял за считанные дни до своей смерти. Слишком поздно, чтобы что-то изменить, хотя я и так не мог изменить почти ничего.

– Так что же нам делать с Петрой Моргенштерн? – грустно кивнул Гарри.

Мерлин пожал плечами, возвращаясь к своему столу.

– Она виновна в хранении краденого имущества и похищении Лили Поттер. Я бы хотел задать этот вопрос именно тебе как главе Аврората и отцу девочки, Гарри Поттер.

Гарри довольно долго размышлял над этим. Его лицо было серьезным. Наконец, он взглянул на Джеймса и произнес:

– Я не буду выдвигать ей обвинение. Ты согласен со мной, Джеймс?

Джеймс кивнул:

– Она не знала, что делает, пап. Когда я сумел доказать ей, что она была обманута, она быстро вернула все на круги своя. Она не хотела никому вредить.

– Я надеюсь, вы осознаете, что делаете, мои друзья, – тихо произнес Мерлин. – Мисс Моргенштерн – милая молодая девушка, но она несет в себе некоторые сложности.

– Но она не всемирное зло, – категорически заявил Джеймс.

– Не больше чем ты, Джеймс, или твой отец, или, наконец, я. Хотя я и совершил великое зло, но сделал это во имя любви. Мы все способны на зло, все зависит от нашего выбора, от наших мыслей. Чем

больше в нас потенциал для совершения хороших поступков, тем больше наш потенциал и для злых. У мисс Моргенштерн был, мягко говоря, большой, даже слишком большой потенциал. Вопрос был только в том, что она выберет и как будет использовать его.

– Но в итоге она сделала правильный выбор, – сказал Гарри. – У меня большой опыт в этом, и те, кто хотя бы однажды поступил верно, в итоге привыкают к правильному выбору. Кусочек души Волдеморта, заточенный в девушке – точка опоры для зла, всегда остающаяся с ней. Но она доказала, что этого кусочка недостаточно для управления ей.

– Зато его достаточно, чтобы расщепить ее, – ответил Мерлин. – Она никогда не сможет покорить эту маленькую частичку себе, ведь та принадлежит Волдеморту. Он всегда будет оставаться с ней, отравляя душу лестью и соблазнительной ложью. Кроме того, его сила – это и ее сила тоже. Она показала, что способна ей воспользоваться – хотя и в благих целях, например, для исцеления ноги Альбуса – но кто знает, как долго она сможет ее контролировать? Сейчас, когда она покинет эти стены, ей придется вернуться к тяжелой жизни без малейшей частицы любви. Она решила не возвращать свих родителей ради Лили и Джеймса. Между тем, она наблюдала за тем, как вы вернулись домой к любящим родителям, а она о такой жизни сможет только мечтать. Не думаю, что у нее не будет холодных, бессонных и одиноких ночей, когда она будет безнадежно тосковать по своим умершим родителям и представлять, что бы случилось, если бы в ту роковую ночь в Тайной комнате она сделала бы другой выбор.

Джеймс взмахнул головой, отменяя услышанное:

– Она никогда не будет думать об этом! Петра хорошая.

– Она *хочет* быть хорошей, – согласился Мерлин. – В этом можно быть уверенным, Джеймс. Будем надеяться, что этого будет достаточно.

Гарри подошел к Джеймсу и положил руку на плечо своего сына:

– Скорпиус решил помочь нам найти своего деда Люциуса. В нем оказалось больше энтузиазма, чем я ожидал, и поэтому я немного удивлен. Впрочем, дед лгал своему внуку и ловко манипулировал им, из-за чего мальчик стал ценным союзником для нас, коим все еще и является, – сказал он, обращаясь к Мерлину. – Что же насчет Табиты Корсики? Она вернула карту. Помимо того, что она оглушила Ральфа, технически она ничего страшного не сделала, хотя нельзя сказать, что

не старалась. Но все равно у меня нет никаких оснований для обвинения.

– Оставьте ее мне, – ответил Мерлин, опять усаживаясь за свой стол. – Она не так далеко зашла, так что мы сможем ей помочь. Я знал кое-кого, похожего на нее.

– Вы шутите! – произнес Джеймс, вставая и направляясь к двери кабинета вслед за своим отцом. – Вы считаете, что Петра в итоге станет новым Темным Лордом, но в то же время думаете, что Корсика способна исправиться на основании знакомого вам "кого-то вроде нее"?

Мерлин серьезно посмотрел на Джеймса.

– Пожалуй, я неточно выразился, – произнес волшебник рокочущим голосом. – Я хотел сказать, что я сам был кем-то вроде нее.

Джеймс уставился на директора, в изумлении нахмутив брови, но Гарри взял Джеймса за руку и решительно направился к выходу:

– Идем, сынок, – сказал он с легкой улыбкой. – У директора много дел. Я видел твоё выступление через омнинокль. Ты прирожденный актер. Кстати, у меня возник вопрос, правда ли ты ничего не делал с теми сломанными часами в гостиной?

Джеймс как можно быстрее сменил тему:

– Так ты сейчас домой?

– На самом деле, нет, – ответил Гарри, закрывая дверь. – Я хочу проведать Альбуса в слизеринских покоях. А потом собираюсь, хех, нанести еще один визит.

– К кому? – спросил Джеймс, шагая вниз по винтовой лестнице.

– Плаксе Миртл, – вздохнул Гарри, снова улыбнувшись. – Роуз настояла. Она сказала, что обещала. Просто зайди и забери меня оттуда, если я там пробуду больше трех часов, хорошо?

Глава 20. Долгая дорога домой

Последняя неделя пролетела незаметно. Зейн все это время провел в Хогвартсе, спал же он на одолженной у домовиков раскладушке. Одну ночь он был у Джеймса, вторую – у Ральфа, а оставшееся время провел в Когтевране. Там все были рады видеть его, а Хорас Бирч гордо провозгласил его "вечным вороненком, несмотря на то что он типичный американец и любит кофе, хотя все знают, что истинный когтевранец живет чаем и сливочным пивом".

К вящей радости Джеймса, в обзоре "Триумвирата", появившемся в Ежедневном Пророке, про похищение Лили было упомянуто лишь мельком как о "переполохе из-за потерявшегося ребенка", поскольку девочка впоследствии присутствовала на вечере и выглядела бодрой и довольной. Статья описывала представление как "поразительно изобретательное и вызывающее интерес событие в мире академического театра" несмотря на некоторые неувязки в реализации проекта Тины Гренадин Карри. В частности, особенно спорным казался момент с генераторами, работавшими без капли бензина, сей факт был обнаружен репортерами, но на него решили закрыть глаза.

– Ну ты только погляди, – сказала Роуз, указывая на заметку в газете за завтраком в последний день. – Джеймс Сириус Поттер, сыгравший роль Трея, доказал, что ни юность, ни неопытность не могут помешать создать столь великолепное зрелище. Юный мистер Поттер заставил Треспана, репортера, задуматься, возможно ли, что яблоко от яблони недалеко падает, и талант молодого человека просто проявился в другой области.

– Ты уже в пятый раз читаешь это, – отозвался Джеймс с улыбкой, его щеки порозовели.

– Это только те, о которых ты знаешь, – сказал Зейн, подталкивая приятеля.

– Что он имеет в виду, сравнивая Джеймса с плодово-ягодными культурами? – поинтересовался Ральф.

– Это он про то, что Джеймс столь же талантлив, как и его отец, – провозгласила Роуз, сворачивая газету, – только на свой манер. Никто не может представить Гарри Поттера на сцене, не так ли?

– Надеюсь на то, – согласился Джеймс, по-прежнему счастливо улыбаясь. – Впрочем, я думаю, это мой первый и последний раз.

– Это ты сейчас так утверждаешь, – хмыкнул Зейн. – Но погоди чутка, скоро ты начнешь скучать по свету прожекторов. Знаешь, мой па работает в магловской киноиндустрии. Он мог бы помочь тебе сняться в фильме. Поговаривают о пересъемке серии фильмов, базирующейся на книжках про волшебников. Тебе бы подошло!

– Ни за какие коврижки, – заявил Джеймс, но его протест был заглушен хором восторженных голосов, выражающих полное согласие, хотя в конце концов все согласилось, что Альбус, вероятно, больше подойдет на эту роль.

– Я бы согласился, – серьезно произнес Альбус. – Я даже мог бы придумать свои заклинания. Как вы думаете, мне бы разрешили?

Зейн покачал головой, в то время как остальные расхохотались.

Этим же вечером Джеймс попросил помощи Зейна в удалении шрама-молнии со лба своей куклы-вуду. Очень осторожно при помощи палочки Зейн очистил краску с крошечной головы. К своему удивлению, Джеймс ощутил это как легкое покалывание, которое все нарастало по мере исчезновения шрама. Наконец, Зейн передал Джеймсу куклу, кивая с видом человека, довольного проделанной работой.

– Чиста как первый снег, – прокомментировал он.

Джеймс внимательно изучил ее. От шрама не осталось и следа. Мальчик завернул куклу в полотенце и аккуратно спрятал на дно чемодана. Он не был уверен, что именно стоило бы сделать с вещью более опасной, чем казалось ранее, но все же решил просто вернуть ее маме, ведь никто лучше нее не позаботится об этом, а теперь Джинни не спустит с куколки глаз.

На последнем в этом учебном году ужине Гриффиндор получил Кубок школы, в основном благодаря дополнительным очкам, начисленным Джеймсу и Петре за их участие в спектакле. Джеймс был очень рад награде, и, когда стол Гриффиндора разразился аплодисментами, подумал, что, возможно, и он когда-нибудь дотянется до своего отца по "легендарности" в Гриффиндоре. Витающий возле другого конца стола призрак Седрика Диггори помахал ему с легкой слегка напряженной улыбкой. Рядом с ним была Серая Дама, ее бледное

лицо казалось непроницаемым, но в то же время исполненным тайного смысла.

В конце вечера пуффендуйцы продемонстрировали небольшое кукольное шоу, сделанное ими по мотивам "Триумвирата" и сдобренное изрядной долей юмора. Джеймс хохотал до слез, но, когда повернулся, чтобы поделиться своим мнением относительно очередной шутки, к Петре, то обнаружил, что ее место пусто. Мальчик так и не увидел ее снова на протяжении всего остатка вечера.

На следующее утро, когда наступило время уезжать, Зейн быстро собрал маленькую сумку и, присвистывая, наблюдал, как Джеймс тащит свой чемодан по ступенькам лестницы.

– Будет здорово снова проехаться на поезде, – Зейн довольно улыбался. – Я скучал по милой бабуленции с тележкой. Знаешь, ее не было здесь, когда я ехал в Хогсמיד вместе с твоей мамой. Возможно, она работает только на официальном Хогвартс Экспрессе. Ну, чтобы собрать побольше выручки.

– Хмпф, – пробормотал Джеймс, плюхаясь на своей чемодан. – Я не знал об этом.

– Думаю, она будет бывать там чаще, когда откроют новую станцию. Я видел, что трассу продлевают дальше через горы. Она будет доходить до какого-то там селения волшебников на другой стороне ущелья. Название их обоих вылетело у меня из головы, но твоя мама говорила, что это позволит сэкономить путешественникам немало времени и летучего пороха. Готов поклясться у продавщицы сладостей прибавится покупателей.

– Уверен, ей было бы лестно узнать, что ты так заботишься о ее благосостоянии, – закатил глаза Джеймс.

– Ничего не могу поделать, – закивал Зейн, – такой уж я заботливый парень. Кстати, еще одна вещь, я открыл секрет метлы Табиты.

– Да? И что с ней? – оживился Джеймс.

Зейн полез в карман и извлек оттуда маленький конверт.

– Альбус разрешил мне взглянуть на обломок метлы, который заменил ему шину. Я разломил его, а Дженнифер и Хорас помогли провести некоторые анализы, – он протянул конверт Джеймсу.

Джеймс открыл и заглянул внутрь. Там оказалась полоска тонкой

черной ткани.

– Я бы не прикасался к этой штуке на твоём месте, – прокомментировал Зейн. – Я один раз случайно дотронулся и до сих пор чувствую себя стремно.

– Стремно? – переспросил Джеймс, возвращая конверт Зейну.

– Упс. Извини. Это технический термин, который я подхватил от Рафаэля, когда тот вернулся домой. Гадко. Мерзко. В общем, за пределами шкалы моего жутко-метра.

– Примерно я понял, – вздохнул Джеймс. – Но что же это?

Зейн уселся рядом с Джеймсом на чемодан.

– Помнишь, в прошлом году ты объяснял мне про метлы с секретом?

Джеймс кивнул.

– Конечно. Это когда игрок в квиддич прячет что-нибудь магическое внутри своей метлы, тем самым превращая ее в гигантское подобие волшебной палочки.

– Да, это определение подходит и для метлы Корсики, – сказал Зейн. – Мы думали, ее секрет в том, что она принадлежит Мерлину, но попали пальцем в небо. Секрет же – скрытая в метле длинная полоса от одеяния дементора.

– Дементора?! – поразился Джеймс, уставившись на Зейна. – Как это вообще возможно?

– Понятия не имею, – пожал плечами Зейн, – да и не столь важно. Может, у дружков Корсики был доступ к дементоровскому секонд-хенду. К тому ты утверждал, что дементоры были сторонниками старика Волди и его приспешников.

– Они не были его сторонниками, они были просто такими же злыми, как он... но, возможно, ты прав.

– Все совпадает, – кивнул Зейн. – Если верить словам Мерлина, то дементоры и борли – одного поля ягоды. Они пришли из вневременья, и оно в какой-то степени им подвластно. Напоминает свойства метлы Табиты, не так ли? Знание наперед, в какой точке следует быть. К счастью для тебя и Альбуса, метла подвластна своему владельцу.

– Ого, – выдохнул Джеймс, глядя на конверт в руке Зейна. – Да уж, хотя я знаю, что эта штуковина спасла мои с Альбусом жизни, но я все равно рад, что она сломалась. Скрытая внутри частица дементора! Вот

это действительно жутко.

– Стремно, в общем, – согласился Зейн, закрывая конверт. – Альбус сказал, я могу оставить это себе. Собираюсь отдать Советнику Франклину, когда вернусь, так что он сможет заняться исследованиями. Готов поспорить, он этого не забудет!

Джеймс только покачал головой, улыбаясь безрассудству своего друга.

Некоторое время спустя к ним присоединились Ральф, Роуз и Альбус, тоже поставившие свои чемоданы на ступеньки лестницы. Джеймс наслаждался солнечными лучами. Возвращение домой обещало быть легким и беззаботным.

– Ты так и не рассказал толком, что произошло по ту сторону провала, – заметил Ральф, когда поезд начал набирать ход, покидая станцию Хогсмиды. – Я имею в виду, что там на самом деле было с Петрой? Она была под заклятием Империи или чем-то в этом роде?

– Нет, ничего подобного не было, – покачал головой Джеймс. – Она просто была обманута. Она не имела ни малейшего понятия о том, что является Наследницей Волдеморта. Люциус Малfoy подложил Мантию-Невидимку, мою куклу-вуду и портрет Волдеморта в коробку с вещами ее отца еще до того, как та покинула Азкабан. Она попала под влияние портрета, подчинившись частице Волдеморта в своей душе. А затем, уже в пещере, она принимала голос портрета за голос своего давно погибшего отца. Хотя все это и звучит несколько безумно, но кто не сошел бы с ума, узнав правду о своих родителях?

– Так значит, все то, что мы видели в Омуте Памяти, было не о Табите, верно? – спросил Ральф. – Все те воспоминания были про Петру. Скорпиус позволил нам считать Наследником Табиту, поскольку это ему приказал сделать дед, чтобы отвлечь нас от реального положения дел?

– Мне все равно, что вы об этом думаете, – яростно сказал Альбус,

– но этот мелкий слизняк – скопище проблем. И лучше бы ему держаться от меня подальше.

Роуз закрыла книгу, и подняла взгляд.

– Да, я тоже полагаю, что он не слишком хорошо поступил, украв Мантию, карту и куклу, а также солгав нам насчет Наследника, но ведь он делал все это по приказу своего деда. Вы не можете наказывать его за желание жить согласно своим семейным традициям, ведь он не знает, как можно по-другому. К тому же, когда мы смотрели воспоминания в Омуте, он почти был готов признаться нам и нарушить планы своего деда. Вот почему он так и не сказал вслух имени Табиты. Он был на полпути к выдаче информации о настоящем Наследнике.

– И к тому же поступил хорошо, когда все завершилось, – добавил Джеймс. – Он не знал, что в планы входит убийство Лили. Так что когда моя сестра была похищена, то сразу сдал с головой и своего деда, и Табиту. Мы никогда бы не узнали всей правды о Петре, не будь Скорпиус с нами тогда, в туалете.

– Я думаю, вы оба помешались на нем, – угрюмо возразил Альбус. – И я ни за что не куплюсь на фразы вроде "Я просто маленький мальчик, совершивший ошибку". Надеюсь, когда-нибудь я завершу начатое в этом поезде.

– Я бы на твоём месте был поосторожнее, Альбус, – заметил Зейн, приподняв бровь. – Я видел Скорпиуса на последней встрече Клуба Обороны, он определенно крут в этом самом Артис Децерто. Он скользил туда и сюда, словно мальчик-ниндзя.

– Да наплевать, – отмахнулся Альбус.

Ральф поднялся и распахнул дверь.

– Напомните мне, в каком направлении расположились Луи и Виктуар? – спросил он, оглядывая коридор поезда. – У Луи была книга по защитной магии Среднего Востока, и он сказал, что я могу одолжить ее на лето.

– Виктуар в хвосте поезда, – ответила Роуз. – Она планирует оставаться с Джорджем и Тедом в Хогсмиде до самой свадьбы Джорджа и Анджелины. И я понятия не имею, где может быть Луи.

Ральф потянулся и встал.

– Тогда я пойду поищу его. Кто со мной?

– Я, – отозвался Джеймс, тоже поднимаясь. – Я усну, если пробуду

здесь еще хоть немного. Не стоило вчера заживаться допоздна за игрой в "Складки и сверла".

– Пойду уточню у ведьмы, которая развозит еду, ее график работы, – вмешался Зейн, открывая дверь купе.

– У Луи есть книга по магическому боевому искусству? – спросила Роуз у Ральфа, когда все пятеро вышли в коридор.

– Он всерьез им увлекается, – подтвердил Ральф. – Расклеил по всей спальне плакаты с «Харриерсами» и знаменитыми мастерами боя. Он даже попросил свою маму купить ему капюшон с прорезью для глаз, чтобы выглядеть таинственно.

– Наш Луи? – подавляя улыбку, воскликнул Альбус. – Мне следовало бы знать, что под обликом заносчивого зануды скрывается боец.

– Дебеллоуз говорит, у него природный талант, – пожал плечами Ральф. – Впрочем, он сказал о тебе то же самое, Джеймс.

– А я получила высший балл по МагЛиту, – торопливо заявила Роуз, переводя разговор на другую тему. Дебеллоуз по-прежнему не вызывал у нее особого уважения. – Профессор Ривальвье сказала, мой анализ Золотого Века волшебной литературы...

Джеймс резко остановился, остальные столпились позади него.

– Ай! Ральф, уберись с моей ноги. Ты как чертов самосвал! – рявкнул Альбус. – Что за дела?

– Вы это видели? – торопливо шепнул Джеймс, тыча пальцем. Все остановились и вытянули шеи, глядя в указанном направлении.

– Что именно? – секунду спустя уточнил Зейн.

– Я ничего не ви... – начала было Роуз.

– Там! – перебил Альбус, показывая через плечо Зейна.

Что-то двигалось в паутине дрожащих теней ближе к концу прохода.

– Похоже на ожившую тень, – проговорил Ральф.

– Последний борли! – воскликнул Альбус, проталкиваясь мимо брата. – И он мой!

– Никакой магии, – скомандовал Джеймс. – Забыл? Именно из-за нее он вырос в прошлый раз.

Борли прыгал в движущихся тенях, пока поезд мчался через лес. Он дразнил ребят и кувыркался, словно умоляя насрать на него заклятие.

Внезапно дверь в конце вагона открылась, впус­тив шум ветра и стук колес. Все пятеро школьников стали выкрикивать предостережения, толкая друг друга, но борли воспользовался моментом и успел проскочить в дверь, которая вновь закрылась.

– Весьма любопытно, – раздался низкий голос вошедшего человека. Джеймс поднял глаза и выпучил глаза. Это был Мерлин, одетый в дорожную мантию. посох был при нем.

– Мерли... э... Директор! – проталкиваясь вперед, воскликнула Роуз. – Он побежал в ту сторону!

– Борли! – торопливо пояснил Джеймс. – Последний! Должно быть, он все это время оставался в поезде!

Лицо Мерлина чуть потемнело.

– Мы не можем рисковать в этот раз. Я пойду за ним и поймаю. Мистер Поттер, вам ведь известно, как выглядит Темная Сумка, не так ли? Она в моем купе. Минуете два вагона, купе номер шесть. Оно вас пустит. Сундук под сиденьем откроете этим ключом. Поторопитесь.

Волшебник извлек золотой ключ на длинной цепочке и передал его Джеймсу. Мальчик взял его, чувствуя ответственность.

– Быстрее, мистер Поттер, – повторил Мерлин. – Нельзя терять ни минуты.

Джеймс развернулся и побежал туда, откуда они пришли, пытаясь удержать равновесие в движущемся, раскачивающемся поезде. Он пересек два вагона и нашел купе, отмеченное номером шесть. Дверь оказалась незапертой, окна внутри плотно зашторены. Джеймс спешно вошел; из-под левой скамейки виднелся сундук директора. Мальчик упал на колени и вытащил его на свет. Маленький золотой ключ плотно вошел в замок и повернулся с коротким щелчком. Когда Джеймс откинул крышку, то с удивлением обнаружил, что внутри кроме Темной Сумки ничего больше нет.

Естественно, он догадался, что перед ним волшебный сундук со множеством отделений. Какое от­кро­ешь – зависит от ключа. Осознавая величайшую важность и потенциальную опасность Сумки, в недрах которой были заключены проголодавшиеся борли, Джеймс был польщен, что именно ему доверили принести ее. Он дотронулся до нее с толикой опаски, припомнив предостережения Мерлина, но она казалась совершенно обычной. Просто большая, тяжелая, черная матерчатая

сумка; затянута золотой цепочкой, сверху – ляжка. Заверив себя, что нести Темную Сумку – занятие абсолютно безопасное, Джеймс перебросил ее через плечо и надел, как рюкзак. Он захлопнул сундук, повесил ключ на шею и побежал обратно в начало поезда.

Он порядком выдохся к тому моменту, как добрался до остальных. Они толпились в начале первого вагона и не сводили напряженных взглядов с двери. Мерлин обернулся. Он был мрачен, но Джеймсу показалось, что в лице старого волшебника он разглядел радостное предвкушение; директор обожал охоту.

– Мы загнали его сюда, – ухмыляясь, поведал Зейн. – Он нашел щель в двери и проскользнул туда, но впереди – вагон с углем. Тупик!

– Мисс Уизли, – произнес Мерлин, поворачиваясь к девочке, – откроете дверь по моему сигналу. Мистер Дидл, как вам известно, ваша палочка обладает уникальными способностями. Если борли удастся пробраться мимо меня, тогда вы, и только вы попытаете оглушить его. Ваше заклинание не остановит его, но отвлечет и привлечет, что даст мне необходимое время. Я погружу борли в транс. После чего, мистер Поттер, мне потребуется Темная Сумка.

Ральф громко сглотнул и достал палочку.

– Все ясно, – шепотом ответила Роуз. Джеймс понимающе кивнул.

Альбус стоял позади.

– В прошлый раз он облюбовал металлическую сцепку между вагонами, – напутствовал он. – Цельтесь ниже.

– Спасибо, – чуть улыбнувшись, кивнул Мерлин.

Роуз ухватила за ручку и все сделали глубокий вдох. Мерлин подал ей знак, и она дернула, открыв дверь нараспашку и впустив поток теплого, наполненного шумом воздуха. От ветра и дыма Джеймс прищурился и ахнул; его желудок сделал сальто. Директор медленно отступил на шаг назад и вытянул в стороны руки, призывая всех оставаться позади него.

– Может, я и сам не понимаю, что говорю, – слабым голосом произнес Зейн, округлив глаза, – но я абсолютно уверен, что это не борли.

На деле борли оказался именно там, где они ожидали его найти. Он отплясывал на огромной железной сцепке между составом и вагоном с углем, дразня преследователей. А над его головой словно сумерки

сгустились – там, подобно зловещему живому облаку, кишела дюжина – возможно, сотня – дементоров.

– Это же весь рой! – Джеймс пытался перекричать стук колес и шум ветра. – Те, что наделали шуму в Лондоне! Что они тут забыли?

Мерлин не сводил глаз с ужасающего зрелища.

– Полагаю, – медленно начал он, – ответ на ваш вопрос слишком очевиден.

Роуз перевела взгляд с Мерлина на открытый дверной проем, откуда раздавался грохот.

– Привратник там, – она кивнула в сторону локомотива, который виднелся за вагоном с углем и роящимися дементорами.

Внезапно раздался свисток поезда: долгий, оглушительный звук. Роуз зажала ладонями уши и вздрогнула. В тот же миг локомотив накренился вперед, набирая скорость. Джеймс едва устоял на ногах, когда поезд на опасной скорости вошел в поворот.

– Смотрите! – позвал Зейн. Вцепившись в дверь, он указывал куда-то. Джеймс искоса взгляделся в пространство между вагонами. Мимо мелькали казавшиеся размытыми деревья, а потом пронеслось кое-что еще: деревянный знак, груды гравия и железнодорожные шпалы.

– Новая ветка! – выкрикнул Зейн; в его лице не было ни кровинки.

– Новая что? – тряся головой, завопила Роуз.

– Ты что, не прочитала надпись на знаке? – раздраженно рявкнул он. – Это новая ветка над Ястребиным ущельем! Мы сошли с главного пути! Поезд пустили по новой ветке!

– Ты серьезно? – падая, заорал Ральф. – Новая ветка ведь еще не закончена, я прав?

– Нет! Мост через ущелье и наполовину не построен! Работы должны завершить только в следующем году!

Альбус с серьезным видом кивнул.

– Это плохо. Очень плохо.

Мерлин с напряженным лицом шагнул вперед, держа посох перед собой. Ветер взметнул полы его мантии, взъерошил волосы и бороду. Облако из дементоров тут же стало плотнее. Они ринулись к дверному проему, перекрывая его. Школьники в ужасе отступили назад, спотыкаясь и падая друг на друга. Дементоры шипели и ревели – звук, от которого у Джеймса кровь стыла в жилах. Он прежде и не знал, что

дементоры могут издавать звуки.

– *Ма-а-альчик*, – хором шипели они. Отвратительные голоса жужжали, как рой ос. – Джеймс Сириус Поттер... *Ма-а-альчик до-о-олжен войти-и-и...*

Мерлин не отступил под натиском разъяренных дементоров. Тем не менее, он чуть обернулся и посмотрел на Джеймса через плечо. Лицо холодное, глаза – как осколки алмазов.

– По всей видимости, тебя призывают, – его голос легко перекрыл шум и ветер.

– Нет! – выкрикнул Джеймс. – Я не желаю иметь никаких дел с ним!

– Привратник считает иначе, – ответил Мерлин. – И он намерен убить всех и каждого в этом поезде, если ты не ответишь на его призыв.

Джеймс решительно покачал головой.

– Я не пойду к нему один, – ужаснулся он.

– Ты не будешь один, – директор мрачно улыбнулся в ответ. – Я пойду с тобой.

Джеймс взгляделся в лицо волшебника. Он прочитал в нем уверенность и решимость. Дементоры могли предпринять попытку остановить Мерлина, но потерпели бы неудачу. Джеймс медленно кивнул и поднялся на ноги.

Он нерешительно шагнул к двери, дементоры отпрянули, пропуская его. Они лихорадочно загудели. От одного их вида Джеймса передернуло.

– Постой! – Роуз схватила его за рукав. – Должен быть иной путь! Ты не обязан это делать, Джеймс.

– Думаю, обязан, – покачал головой Джеймс. – Все будет в порядке.

– Нет! – крикнула она. – Это безрассудство! Тебе его не победить!

Джеймс вздрогнул:

– По крайней мере, я должен попробовать.

Зейн положил руку Роуз на плечо, Альбус коснулся ее локтя.

– Не надевай глупостей, старший братец! – напутствовал Альбус.

– Держи! – рявкнул Ральф, подаваясь вперед. Он достал палочку и подал ее Джеймсу рукоятью вперед.

Но тот лишь помотал головой.

– Нет, Ральф, она твоя! Я не могу!

– Заткнись, – осадил его друг, в глазах которого, к своему изумлению, Джеймс прочитал ярость. – Мерлин прав! Моя палочка обладает уникальной силой! Возможно, она тебе понадобится! Да и вообще: ты все равно ее себе не оставишь. Я одолжил ее тебе. Понял?

Джеймс мрачно кивнул и взял громадную палочку.

– Отдам, когда вернусь, – согласился он.

– *Тене-е-ерь...* – жуткими, монотонными голосами зашептали дементоры. – Джеймс Сириус Поттер...

– Только не снимайте капюшоны, – с нервной дрожью пробормотал Джеймс, шагая навстречу ветру и летящим углям. В стенку угольного вагона была вмонтирована железная лестница. Джеймс начал взбираться по ней, сражаясь с воющим ветром и струями пара, вырывающимися из двигателя. Под ним быстро мелькали пути; стук колес был настолько громким, что мальчик рисковал оглохнуть. Не успел Мерлин последовать за ним, как Джеймс решился на самый отважный поступок, какой смог придумать. Выхватив палочку Ральфа, он указал ею на сцепку между угольным вагоном и остальным составом.

– Конвульсис! – выкрикнул он, намереваясь испробовать уничтожающее заклятие, которое Кандида Когтевран на его глазах применила к портрету Салазара Слизерина. Луч заклятия ударил в сцепку и взорвался. Когда искры рассеялись, Джеймс обнаружил, что эффекта не последовало.

– Хорошая попытка, – отозвался Мерлин, взиравший на мальчика. – Но Привратник предвидел подобную возможность.

Раздосадованный Джеймс покорно кивнул и продолжил подниматься по лестнице. Дементоры клубились позади него, но держали дистанцию. Джеймс перебрался через край вагона и повалился на неустойчивую гору угля.

Позади него раздался твердый голос Мерлина:

– Креа патронум!

Серебристая вспышка – и рой дементоров разлетелся, разогнанный ярким светом. Джеймс обернулся и увидел, как Мерлин взошел на кучу угля позади него; посох директора излучал зеленоватое свечение. Перед Мерлином, между ним и Джеймсом, стоял огромный призрачный шакал. Волны серебристого света исходили от него, сверкающие зубы

были оскалены в беззвучном рыке, разгоняющем дементоров. Джеймс почувствовал себя чуть лучше в присутствии яростного патронаса Мерлина; его совсем не удивил облик защитника. Он отвернулся и стал медленно пробираться по вагону, с трудом преодолевая насыпи крупного черного угля. Мимо проносились деревья, и Джеймс пребывал в неведении, какова длина построенного пути. Он понятия не имел, сколько времени им осталось до того момента, как поезд окажется на незаконченном мосту. Накатила паника, но Джеймс подавил ее, сосредоточившись на прилагаемых усилиях.

В конце концов, он достиг противоположного конца вагона и вошел в открытую железную дверь. В тамбуре позади двигателя была только лопата, подпрыгивающая в такт движения поезда, но ни единой живой души. Мерлин тоже добрался до железной двери и теперь стоял у Джеймса за спиной, а его патронус, перепрыгнув через край угольного вагона, опустился в тамбур; шерсть у него стояла дыбом. Двигатель шумел так сильно, что разговаривать было невозможно. Мерлин кивком указал на запертую дверь в противоположном конце локомотива. Как и сам двигатель, она была окрашена в красный цвет. Посередине двери золотыми буквами было выведено: «Вход только для машиниста «Хогвартс-экспресса».

Джеймс взялся за ручку и распахнул дверь. Внутри моторного отсека стояла крошечная тьма. Он набрал полную грудь воздуха, подбодрил себя, стоя в раскачивающемся тамбуре и ступил в поджидающий мрак.

Стук и шум ветра тут же затихли. Ощущения скорости и движения пропали. Вопреки ожиданиям Джеймса в помещении не было ни жарко, ни тесно. Напротив – оно оказалось огромным, безмолвным и пугающе холодным.

– Джеймс, – раздался спокойный голос, – ты пришел. Как мило с твоей стороны.

Джеймс огляделся, но никого не увидел. Ни единого признака присутствия Мерлина или кого бы то ни было еще. Совершенно темное и пустое пространство, только пятно тусклого света, в котором стоял Джеймс.

– Где я? – придя в себя, спросил он. – Где Мерлин?

– Рядом, – последовал загадочный ответ. – Необычный он человек,

этот Мерлин, не так ли? Знаешь, он – первый человек, которого я встретил. У его страха пикантный вкус, – послышался самодовольный вздох. – Где ты находишься? Дать ответ на этот вопрос сложнее. Я не желал, чтобы ты излишне беспокоился о своих друзьях, потому... перенес нас. За пределы времени. За пределы... в общем, всего.

– Где ты? – требовательно спросил Джеймс, оглядываясь вокруг.

– Ах, все время забываю, – с усмешкой ответил голос. – Вы, люди, не любите «божественные» голоса из ниоткуда. Я здесь!

На слове «здесь» голос перестал быть бесплотным. Джеймс обернулся к источнику звука и увидел перед собой чьи-то очертания. Те же самые, что он видел в волшебном зеркале Мерлина, вплоть до изорванной в клочья мантии, скрывающей ноги, и пустого капюшона, в котором виднелась лишь темнота. Джеймс ахнул и отшатнулся.

– Снова приношу свои извинения, – подступая, ответила фигура. – Возможно, так будет лучше.

Привратник взялся за край капюшона и откинул его. Джеймс боялся взглянуть, но любопытство пересилило. Он поднял взгляд на скинувшую маску фигуру и слегка нахмурился.

– Ты и есть Привратник? – делая шаг вперед, спросил он. – Ты выглядишь как... как *мой отец*. Но не совсем.

– Конечно, это не мой истинный облик, – небрежно ответила фигура. – Признаю, я все еще изучаю людей, но уже успел уяснить, какой облик приемлем для вас, – Привратник обезоруживающе улыбнулся. – Надо полагать, ты ожидал увидеть нечто ужасное. Тысячу глаз и длинный, разветвленный хвост? Что-то подобное?

Джеймс кивнул, но затем помотал головой.

– Я и сам не знаю, чего ожидал. Впрочем, не важно. Чего ты хочешь?

– Сразу к делу, – коротко кивнув, ответил Привратник, затем улыбнулся. – Вот за что я тебя уважаю, Джеймс Сириус Поттер. Никаких сантиментов. Я скажу тебе, чего хочу. Я хочу помочь тебе.

Джеймс затряс головой.

– Я на это не куплюсь. Ты лжешь. Ты хочешь вселиться в меня, чтобы остаться на Земле и все уничтожить. Я все о тебе знаю. Ты хочешь использовать меня.

– Увы, – Привратник слегка нахмурился, – если смотреть на дело

под таким углом, то оно кажется ужасным. По крайней мере, с виду.

– Да... – неуверенно кивнул Джеймс. – Именно так.

Привратник кивнул, сжав губы.

– Полагаю, все кончено. Ты отказал мне, я не получил хозяина. В скором времени падет последняя опора моего брэнного существования в вашем мире, и я буду вынужден вернуться в Пустоту. Ты победил, – фигура содрогнулась, словно от легкого разочарования.

– Да... – нерешительно согласился Джеймс. – Думаю, так и будет.

– В таком случае, не откажешься немного поболтать со мной, Джеймс? Вреда никакого, верно?

– Эм, наверное, нет.

– Тебе нравится мисс Моргенштерн, правильно? – Привратник приподнял брови и подмигнул Джеймсу. – Я не виню тебя. Правда. Прелестная девушка. Мы с ней должны были... сблизиться. Впрочем, признаюсь, у меня были сомнения на ее счет. У вашего покойного Волдеморта весьма преданные сторонники, они настаивали, что она подойдет мне, но я был иного мнения. И, конечно, оказался прав. Я всегда прав, Джеймс. Уверяю, это вовсе не тщеславие. Сомнения – удел людей, зажатый временными рамками. Для меня же мир – открытая книга, от начала и до конца. Я знаю, как все должно быть, потому что – образно выражаясь – перевернул последнюю страницу, – Привратник снисходительно вздохнул. – Позволь поинтересоваться у тебя, Джеймс: ты знаешь, кто я на самом деле? – он склонил голову.

– Ты Привратник, – осторожно ответил Джеймс. – Ты – зло.

– Да, да, – фигура нетерпеливо махнула рукой. – Но помимо этого. Знаешь ли, у меня много других имен. Есть среди них одно, которое мне особенно нравится. Думаю, оно произведет на тебя впечатление.

– Не понимаю, о чем ты, – помотал головой Джеймс; его беспокойство нарастало.

– Тогда позволь просветить тебя, – ответил Привратник, внезапно подступая к Джеймсу и опускаясь на одно колено. Он пристально посмотрел на мальчика, глаза его загадочно блестели. – Джеймс, мой мальчик, помнишь ли ты историю? Ту самую, которую твой приятель Ральф поведал тебе на занятии по Магической литературе? Ты ведь помнишь ее, я прав?

Джеймс в замешательстве кивнул.

– Конечно, но я не вижу...

– Не видишь, потому что не смотришь! – перебил Привратник. Понизив голос, он заговорщицки прошептал: – Я, Джеймс, Король кошек!

Джеймс отшатнулся, его охватил страх.

– Поразмысли над этим, – настаивал Привратник, поднимаясь и подходя к мальчику. – Я стерегу подножие лестницы, Страж-Повелитель на границе мира живых и мертвых! Я решаю, кто пересечет Пустоту, кто попадет в Вечность! И, должен добавить, я также властен над теми... кто может вернуться!

Привратник ловко щелкнул пальцами. Возникло новое пятно света, и Джеймс, не удержавшись, посмотрел на него. Появившийся там человек поднимался на ноги, оглядываясь по сторонам с удивлением и интересом. Джеймс ахнул, сердце его учащенно забилося.

– Дедушка... – только и сказал он, делая шаг вперед.

– Джеймс! – улыбнувшись, ответил Артур Уизли. – Что ты делаешь в Министерстве? И что я делал на полу? Должно быть, споткнулся. Вот растяпа.

– Дедушка! – воскликнул Джеймс и уже готов был кинуться к нему, но Привратник положил руку мальчику на плечо и остановил его.

– Ты не можешь дотронуться до него, Джеймс, – печально сказал Привратник. – Не сейчас. Не исключено, что со временем.

– Но как... – не унимался Джеймс.

Артур Уизли склонил голову на бок и криво улыбнулся внуку.

– Это часть таинственного плана твоей бабушки? – поинтересовался он. – Ведь так? Знаю, она готовила какую-то вечеринку-сюрприз. Ей никогда не удавалось одурачить меня, впрочем, я всегда делал вид, что ей удалось. Моя дорогая. Где остальные?

– Он не видит меня, – сказал Привратник, оглядываясь на Артура. – Те, кто ушли, никогда не видят.

– Ты... ты настоящий? – запинаясь, спросил Джеймс; от радости у него закружилась голова. – Это правда ты, дедушка?

– Что за вопрос, Джеймс? – оглядываясь по сторонам, удивился Артур. – Где мы? Это не Министерство. Должен признаться, я сбит с толку. Я воспользовался Летучим порохом, но перепутал каминь?

– Нет, дедушка! – закричал Джеймс. – Ты... У тебя...

– Тсс, – предостерег Привратник. – Не говори ему.

– Зачем ты это делаешь? – выпалил Джеймс, глядя снизу вверх на закутанное в мантию существо. – Он не мой дедушка! Мой дедушка умер!

– Смерть – своего рода дверь, – отмахнулся Привратник. – Ты прежде не знал, что она двусторонняя. Ты ведь любил дедушку?

– Что ты знаешь о любви? – накинулся на него Джеймс, борясь с желанием разрыдаться от отчаяния и гнева.

– Признаю, само это явление чуждо мне, – ответило существо, – но я достаточно изучил людей и понял, какую власть оно имеет над вами. Ты бы вернул дедушку, если бы мог. Разве я не прав?

Джеймс кусал губы, внутри него все кипело. Стоявший в другом круге света Артур рассеянно ощупывал карманы, словно искал что-то.

– Неверный адрес, – бормотал он, нервно посмеиваясь. – Куда я положил пакетик с запасным Летучим порохом? Молли без конца настаивает, чтобы я носил его с собой. Она мне все уши прожужжит, когда узнает, что он мне-таки понадобился.

– Да, – не выдержал Джеймс; слезы текли из его глаз. – Я люблю дедушку. Но его больше нет! Ты не обманешь меня! Я не сделаю то, о чем ты просишь, даже если это поможет вернуть его!

– Самоотверженность, – серьезно проговорил Привратник. – Качество, достойное уважения. Я искренне восхищен, – он поднял руку и снова щелкнул пальцами.

Возник третий круг света. Джеймс посмотрел туда сквозь слезы. Похоже, мужчина ввалился в круг света спиной вперед. Высокий, худой, в темной мантии; длинные черные волосы спутаны, намокли от пота. Он обрел равновесие и круто развернулся; палочка наготове. Обезумевший взгляд остановился на Джеймсе, человек замер. Он тяжело дышал и явно был сбит с толку.

– Гарри? – позвал мужчина. – Ты не Гарри. Так?

Джеймс глазам своим не верил.

– Сириус? – ахнул он. – Сириус Блэк!

– Десять очков тебе! – откликнулся Сириус. – Где я? Где Римус, Гарри и остальные? И где чертова Беллатриса? Я еще не закончил с этой ведьмой.

– Сириус! – Джеймс вконец запутался. Подавляя рыдания, он

продолжил: – Все... все кончено! Вас у...

– Мертвые не желают знать о подобных вещах, – перебил Привратник. – Но, уверен, ты и сам это понял. Сириус Блэк. Что немаловажно: давно потерянный крестный твоего отца.

Едва слушая, что ему говорят, Джеймс кивнул.

Привратник продолжал:

– Можешь отказаться от своих желаний, Джеймс. Можешь не возвращать дедушку из мира мертвых. Но как ты будешь жить дальше, зная, что мог оживить человека, чьей любви твоей отец жаждал всю жизнь, но ты отверг этот шанс? Сможешь ли ты смотреть в глаза отцу, зная, что отказался исполнить его самое заветное желание: вернуть ему крестного?

Джеймс окончательно запутался.

– Но они не настоящие!

– Какая, в конце концов, *разница*? – настаивал Привратник. – Взгляни на них! Они не знают, какая участь их постигла! Для них время замерло. Они верят, что настоящие! Да кто ты такой, чтобы разубеждать их?

– Я не знаю! – рыдал Джеймс, сжимая руками голову.

– Все очень просто, Джеймс, – увещевал Привратник, приближаясь к мальчику. – Я – Король кошек. Ты можешь присоединиться ко мне и наблюдать, как все, кого ты потерял, возвращаются. Твой дедушка, Сириус Блэк, даже давно почившие родители твоего отца. Никакого обмана, только небольшая цена. Цена, о которой ты никогда не пожалеешь. Цена, которую ты будешь рад заплатить!

– Какая? – беспомощно спросил Джеймс, переводя взгляд с Сириуса Блэка на Артура Уизли.

– Небольшое дельце, суций пустяк, – Привратник подошел к мальчику вплотную и положил руки ему на плечи. – Я бы сказал, услуга миру.

– Я не буду никого убивать, – затряс головой Джеймс; слезы лились по его лицу.

– Взгляни, – вкрадчиво шепнул Привратник, поворачивая Джеймса. – Взгляни, прежде чем ответить.

Перед Джеймсом возник еще один круг света. Появилась третья фигура; мужчина явно не ожидал оказаться здесь. Длинные светлые

волосы свисают по обе стороны изможденного лица, глаза наполнены ненавистью. Джеймс незамедлительно отметил семейное сходство. Перед ним стоял Люциус Малфой.

– Что все это значит... – выдохнул Люциус. Он потянулся за палочкой, но не обнаружил ее в кармане мантии. – Где моя палочка? – глядя мимо Джеймса, обратился он к Привратнику. – Я требую объяснений. Куда ты притащило меня, мерзкое создание?!

– Посмотри на этого человека, – шепнул Привратник поверх плеча Джеймса. – На его руках кровь десятков человек. Смерть твоя и твоей сестры в Тайной комнате – его план. Ответственность за гибель родителей Петры Моргенштерн лежит на нем, по его вине она была околдована искалеченным осколком души лорда Волдеморта. Даже сейчас безжалостный негодяй замышляет убийство и смерть. Его сердце – черная шкатулка, полная ненависти. Убей его, Джеймс. Избавь мир от этого безумца. Сомнений нет – он заслужил такую участь. Убей его. Сейчас, – продолжая говорить, Привратник отступал, словно давая Джеймсу простор для действий.

Джеймс уже намеревался отказать. Слово «нет» вертелось на языке, как внезапно он осознал, что не сможет его произнести. Привратник прав. Люциус Малфой заслужил смерть. Такие, как он, не меняются. Джеймс не успел осознать, что потянулся за палочкой, как уже держал ее в руке. Палочку Ральфа. Он кожей чувствовал, какая она горячая и тяжелая. И смертоносная.

– Что такое? – фыркнул Люциус, прищурившись. – Послал мальчишку прикончить меня? Я знаю его. Он малодушен. Это также верно как то, что его отец глуп. Он этого не сделает. Духу не хватит.

– Он насмехается над тобой, – вкрадчиво, нетерпеливо шепнул Привратник, его голос снова звучал отовсюду. – Покажи, как сильно он ошибается. Убей его.

Джеймс поднял палочку Ральфа, рука сильно дрожала. Она гудела в его руке. Она хотела убить Люциуса, так же сильно, как и он сам. Когда с Люциусом будет покончено, когда он замертво свалится к ногам Джеймса, дедушка вернется. А Сириус Блэк снова станет крестным его отцу, как и положено. Джеймс оглянулся на Сириуса и Артура, которые неотрывно следили за ним. Они оба хмурились, словно плохо понимали, что происходит.

– Джеймс, – в голосе Артура звучало беспокойство. – Будь осторожен, сынок.

– Джеймс? – удивился Сириус, оборачиваясь к Артуру. Потом перевел взгляд обратно на мальчика, догадка озарила его лицо. – Мы мертвы, – спокойно сказал он. – А ты, получается, сын Гарри, я прав? А там, позади тебя... Люциус Малфой. Берегись, Джеймс Поттер!

Джеймс отвернулся и снова посмотрел в самодовольное лицо злейшего врага.

– Давай же, – зашипел Привратник. – Убей его!

– Ты не сможешь, – прорычал Люциус. – Ты слабый!

– Я не слабый! – всхлипнул Джеймс. Он крепче сжал палочку и направил ее прямо в сердце мужчины. И вдруг – блаженная уверенность захлестнула его. Он не слабый. Он сделает именно то, что должен. В его голове зазвучали голоса Пенелопы Пуффендуй и Мерлина: поступать правильно почти всегда просто, но не всегда легко.

– Я воин, – сжав зубы, сам себе шепнул Джеймс. – А истинного воина отличает умение... распознать ситуацию, в которой не стоит начинать сражение.

И Джеймс опустил палочку, затем бросил ее, повернулся спиной к Люциусу Малфойю и медленно стал удаляться.

– Джеймс Сириус Поттер! – закричал Привратник. – Ты не можешь вот так уйти! Убей его! Это твой долг перед миром! Это твой долг перед отцом и самим собой! Ты не можешь отказаться от силы, которую я тебе предлагаю!

С болью в сердце Джеймс посмотрел на дедушку. Артур гордо улыбнулся и кивнул внуку.

– Он сильный мальчик, – черные глаза Сириуса сияли. – Как и его отец.

Круги света медленно погасли. Артур и Сириус исчезли в темноте.

Джеймс продолжал идти. Он почти достиг края светового круга, в котором находился сам, как за его спиной раздался голос Люциуса Малфоя.

– Если ты не совершишь убийство, чтобы стать сосудом для Привратника, – с ненавистью сказал он, – это сделаю я.

Джеймс знал, что Люциус поднял палочку Ральфа. Он чувствовал, как ее направили на него. Он резко остановился, но не стал

оборачиваться.

– *Авада Кедавра!* – выкрикнул Люциус, брызгая слюной от ярости. Зеленый луч света озарил воздух и ударил Джеймса в спину. Джеймс почувствовал силу заклятия, от которой его бросило чуть вперед. Но по-прежнему не оборачивался, стоя на краю света и тени.

Люциус уставился на мальчика, гримаса ненависти исказила его лицо. Сейчас мальчишка упадет, он мертв. Люциус ждал, не сводя грубо отесанную, с зеленым кончиком палочку со спины Джеймса.

Раздался слабый звук. Внезапно на Темной Сумке, висевшей на плече у Джеймса, в том месте, куда ударило Убивающее заклятие, образовалась длинная прореха. Она все увеличивалась. Джеймс чувствовал движение в Сумке. Нечто проснулось внутри нее. Десятки нечто, и они были голодны.

– Что за фокусы? – растягивая слова, нервно спросил Люциус и отступил на шаг. Он сверлил глазами дыру на Сумке, из которой исходили странные звуки. Джеймс, собираясь с духом, сжал кулаки. Шум нарастал, превратился в громкий, оживленный галдеж. А затем Сумка не выдержала. Борли потоком хлынули через дыру, проделанную Убивающим заклятием. Они вкусили необузданную силу волшебства и жаждали еще. Они устремились по воздуху к Люциусу, как стая летучих мышей.

При виде приближающихся борли Люциус вытаращил глаза от ужаса. Он по наитию размахивал палочкой, как попало посылая заклятия. Вспышки света вырывались из палочки, борли с жадностью впитывали магию и набирались сил. Они окружили Люциуса.

Джеймс наконец повернулся, изорванная Темная Сумка соскользнула с его плеча. К тому времени борли практически справились с Люциусом. Они роились над ним, поглощая заживо. Он неистово кричал, пока они лакомились им, как вампиры, высасывая магию. Казалось, он уменьшается. Старик упал на колени, едва различимый сквозь бурлящее скопление теней. Зрелище было ужасным, но Джеймс не мог заставить себя отвернуться. Несколько мгновений спустя тело Люциуса было полностью уничтожено. Остатки праха осели на пол, и только последний вопль эхом раздавался повсюду. Насытившиеся борли с хриплыми криками бросились врассыпную, устремляясь во мрак. В считанные секунды они все исчезли,

затерявшись в Пустоте.

Джеймс шагнул вперед. С рукавов и воротника мантии посыпался пепел, оставшийся от Люциуса Малфоя. Джеймс опустился на колени и очень осторожно на ощупь отыскал две вещи в прахе от рук Люциуса. Поднявшись на ноги, Джеймс засунул одну из них в карман: палочку Ральфа. Вторую держал в руках, ощущая ее слабую, темную силу.

– Положи его, – потребовал Привратник; голос его изменился, стал менее человеческим. – Ты не понимаешь, что натворил.

Джеймс покачал головой.

– Прекрасно понимаю, – ответил он.

– Ты не смеешь бросить мне вызов! – закричал Привратник, снова появляясь в поле зрения. Он уже не был похож на человека, скорее на облако клубящегося дыма и пепла. Глаза, однако, были: яростные, красные. – Никто не смеет бросать вызов Привратнику! Брось Камень! Ты не сможешь удержать его силу!

– Ты прав, – Джеймс больше не боялся Привратника, – но я знаю, кто сможет.

И он обернулся, каким-то образом почувствовав, что позади него стоит Мерлин. Не исключено, что сам Джеймс призвал его. Мальчик подошел к волшебнику и протянул ладонь, на которой лежало кольцо. Всполохи света отражались на черных гранях Сигнального камня.

Мерлин медленно, невесело улыбнулся. Затем аккуратно взял кольцо и надел на палец так, что оно оказалось рядом со вторым, точно таким же.

– А теперь, – произнес Мерлин, поднимая руку, – как твой Посол и обладатель *целого* Сигнального камня, я приказываю тебе! Это не твой мир, и ты его не получишь! Прочь, исчадие бездны, Привратник Пустоты! Я изгоняю тебя в небытие навеки! Исчезни сей же миг и никогда не возвращайся!

Облако пепла и дыма взревело. Оно попыталось напасть на Мерлина, намереваясь уничтожить его, как вдруг в темноте возникла гигантских размеров трещина, из которой лился яркий свет. Рев Привратника перешел в вопль, когда его потянуло вверх, к разлому. Он сопротивлялся неведомой силе, барахтаясь и извиваясь, отчего стал похож на огромный циклон. Так, по крайней мере, казалось Джеймсу. А затем – ослепительная вспышка, раскат грома – и он исчез, сгинув в

Пустоте, из которой явился.

Джеймс удивленно моргнул, после чего глубоко вздохнул и устало посмотрел на Мерлина.

– Он исчез? – спросил он. – Навсегда?

Мерлин медленно кивнул.

– Дверь между мирами захлопнулась.

Все кончено. Джеймс обернулся: ему не терпелось увидеть, оставила ли след сверкающая трещина, в которой сгинул Привратник. Ничего, кроме черноты и тишины. И вдруг...

Сверкнула вспышка, и Джеймс вздрогнул; пространство вокруг вновь наполнилось светом и шумом. Мальчик огляделся, ловя ртом воздух; он снова стоял в моторном отсеке «Хогвартс-экспресса», словно и не покидал его. Мимо проносились деревья, но внимание Джеймса было приковано к вагону с углем: воздух там был прозрачен и чист.

– Дементоры исчезли! – сообщил он Мерлину.

– Отправились в Пустоту вслед за хозяином, – кивнув, подтвердил волшебник.

Джеймс облегченно выдохнул, но тут вспомнил, что поезд мчится в опасном направлении.

– Мы должны остановить состав! – округлив от ужаса глаза, крикнул он. – Иначе он сорвется с недостроенного моста! И все пассажиры погибнут!

Мерлин снова кивнул, лицо его помрачнело. Джеймс дернул дверь, ведущую в моторное отделение. Тьма пропала, вместо этого он оказался в тесном, удушающе жарком пространстве. В передней части располагалась панель с рычагами и шкалами неизвестного ему назначения. Над нею были два широких окна, через которые виднелись рельсы.

– Где тут тормоз? – беспомощно оглядывая панель, спросил Джеймс.

– Тот большой рычаг на полу, – закатывая рукава, ответил Мерлин. – Хватайся за него и тяни так сильно, как только сможешь. Что бы ни произошло, не отпускай его.

Джеймс обхватил руками огромный рычаг, длина которого почти достигала его роста. Он напрягся и дернул, но затем совершил ошибку – посмотрел в окно. Деревья расступились, впереди показалась гористая

местность. Рельсы тянулись дальше, пересекая невероятно глубокое скалистое ущелье. Но только частично. На середине расселины мост заканчивался. У Джеймса подогнулись колени.

– Тяни его! – скомандовал Мерлин. Он поднял руки, лицо его стало каменным. – Ни в коем случае не отпускай!

Джеймс набрал полные легкие воздуха и изо всех сил дернул рычаг обеими руками. Колеса под полом вагона заскрипели и залязгали, когда сработал тормоз. По обеим сторонам двигателя вырвались струи пара. Поезд накренился и стал замедлять ход, но Джеймс понимал, что он не успеет остановиться вовремя.

Рядом с ним с поднятыми руками стоял Мерлин. Он что-то быстро бормотал себе под нос с закрытыми глазами. Джеймс, продолжая тянуть рычаг, посмотрел на директора. Великий волшебник чуть дрожал, почти вибрировал. Окна локомотива залил солнечный свет, Джеймс осознал, что лучи пробиваются сквозь листья деревьев, растущих на утесе. Поезд достиг ущелья и быстро приближался к краю моста. Он вез практически всех школьников и учителей Хогвартса, которые сейчас, затаив дыхание, гадали, какая участь их ждет.

Скорость движения продолжала падать, колеса скрипели, скрежетали, высекали искры, но толку никакого. Джеймс вытянул шею, чтобы выглянуть в окно, и увидел, что конец путей приближается угрожающе быстро. Там выставили деревянное ограждение Х-образной формы, чтобы рабочие случайно не оступились. Жалкое и непрочное, оно не устояло бы под напором алого локомотива. А затем Джеймс заметил движение там, где заканчивались рельсы. Что-то зеленое промелькнуло так быстро, что он едва успел разглядеть его. Тем временем край моста исчез в ослепительном свете солнца, отразившимся в окнах поезда. Джеймс, сжав зубы, изо всех сил потянул рычаг тормоза и приготовился к длительному болезненному падению.

Локомотив накренился, словно миновал край обрыва, и Джеймс едва не выпустил из рук рычаг. Стоявший рядом Мерлин покачнулся, но устоял. Он не опустил рук, продолжая бормотать. Странно, но поезд не упал. Подталкиваемый остальными вагонами, он продолжал продвигаться вперед, едва заметно сбавляя ход. Двигатель неожиданно задрожал, как и Мерлин. По мере того, как состав мало-помалу останавливался, вибрация усиливалась, пока, наконец, не стала

настолько оглушительной и сильной, что болты на двигателе угрожающе заскрипели.

Одно из окон лопнуло, осыпав машинный отсек осколками. Джеймс вздрогнул, когда на него посыпалось стекло, и в лицо ударил поток теплого осеннего ветра. Секунду спустя он вытянул шею и выглянул в разбитое окно. Его глаза округлились от удивления: внизу, под мчащимся поездом, тянулось ущелье. Двигатель со стуком стал сбавлять обороты и через некоторое время, показавшееся вечностью, заглох. Из-за резкой остановки Джеймс потерял равновесие и упал на одно колено, продолжая сжимать рычаг.

Тишина воцарилась в моторном отделении, оглушающая после шума и неразберихи. Она звенела в ушах. Джеймс, дрожа всем телом, сделал глубокий вдох и с трудом поднялся на ноги, стряхивая с головы осколки стекла.

– Что это... – начал было он, но затем подскочил и перекинул руку Мерлина себе через плечо, когда волшебник начал падать. – Ух! Да вы... ой... тяжело! Что с вами?

Мерлину пришлось приложить усилие, чтобы выпрямиться. Он застонал и прижал руку к голове, словно хотел удержать ее на плечах. Чуть погодя он немного пришел в себя и прислонился к стене. Джеймс сперва с любопытством посмотрел на директора, но затем пригляделся повнимательнее.

– Что с вами произошло? – полусшепотом спросил он. – Вы выглядите... старым!

Надо сказать, Мерлин и раньше был не особенно молод, теперь же его лицо было изрезано морщинами. Под глазами залегли темные круги. Казалось, даже борода и волосы отросли и сделались стального цвета. Мерлин слабо поднял голову, встретил обеспокоенный взгляд Джеймса и печально улыбнулся.

– Двадцать лет за тридцать секунд, – ровным, надтреснутым голосом ответил он. – Потеря двух десятилетий в столь короткий срок всякого лишит сил.

Джеймс непонимающе уставился на него.

– Где вы их потеряли?

– Прямо под этим поездом, – ответил Мерлин, отрываясь от стены и поворачиваясь. – Пойдем. Я не могу сказать точно, сколько оно

выдержит. Необходимо всех высадить с поезда, как можно быстрее.

Джеймс последовал за великим волшебником, но едва он сделал шаг, испытал странное ощущение; локомотив едва заметно раскачивался, словно дерево на сильном ветру. Они миновали угольный отсек и оказались в первом пассажирском вагоне, где на них накинута с поздравлениями Роуз, Ральф, Зейн и Альбус. Джеймс не удержался и посмотрел вниз. Колеса поезда утопали в свежей зеленой листве, среди которой проглядывали мелкие веточки. Вокруг них порхали бабочки, их крылья блестели в лучах полуденного солнца.

Полчаса спустя Джеймс вместе с остальными пассажирами прошел четверть километра и теперь стоял на краю ущелья. Они ожидали другой поезд, который должен был отвезти их домой.

Зейн пнул в пропасть камень и наблюдал, как тот летит вниз и исчезает среди деревьев.

– Каково было там, в моторном отделении? – спросил он у Джеймса.

– Страшно, – с чувством ответил Джеймс. – Я думал, мы все погибнем.

– Ты видел, как он это сделал? – спросила Роуз.

– Я видел, как он что-то делает. Но я не знал, что именно он затеял.

– Двадцать лет за тридцать секунд, – изумленно произнес Альбус. – Ни за что бы не поверил, если бы сам своими глазами не увидел.

– Меня же удивляет больше всего то, – подал голос Ральф, пристально вглядываясь вдаль, – что он вырастил дерево в форме рельсов!

Джеймс еще раз посмотрел на заросшее ущелье между гор. С этого ракурса он отчетливо его видел. Недостроенный мост заканчивался меньше, чем на половине пути. Из его края выростала гигантская секвойя. Она тянулась по бокам еще на треть пути. Освежающий ветерок чуть колебал пышную крону. На дереве стоял «Хогвартс-экспресс»; по его бокам белыми лентами продолжал струиться пар.

– Он потратил двадцать лет собственной жизни на выращивание дерева, – недоверчиво покачав головой, проговорила Роуз. – Вот как надо общаться с природой.

– Ага, – кивнул Зейн. – Он до сих пор сидит внизу и «общается» с духом той секвойи. Я рад, что именно Мерлину пришлось объяснять

дереву, как оно так быстро выросло, – ухмыляясь добавил он. – И почему на его стволе стоит паровоз.

В лучах утреннего солнца Джеймс, Роуз и Альбус сидели в высокой траве во дворе и обменивались печальными взглядами. Где-то поблизости негромко беседовали Гарри, Джинни, Рон и Гермиона. Джеймс поднял глаза и снова взгляделся в грязную подъездную аллею.

– Видишь кого-нибудь? – спросил Альбус, ковыряя ботинком землю.

Джеймс покачал головой.

– Опаздывают.

– А чего им торопиться? – отрезал Альбус. – Они уже заплатили. Им осталось только подписать бумаги и забрать ключи. Которые им не нужны.

– Скорее бы все закончилось, – грустно вздохнув, сказала Роуз. – Знаю, я сама предложила прийти сюда и попрощаться с «Норой», но теперь, когда мы здесь, я едва могу смотреть на нее, зная, что новые хозяева ее снесут.

– Бабушка и Лили присматривают квартиру в городе, – сообщил Джеймс. – Наверно, это к лучшему. Ей будет легче наводить порядок, да и мы сможем навещать ее, когда захотим.

– Как раньше уже не будет. Без «Норы»-то, – пробурчал Альбус.

Джеймс вздохнул. Джордж и Анджелина поженились накануне, церемония – что неудивительно – вышла весьма шумной. Пришли все, в том числе Хагрид, Невилл, даже профессор МакГонагалл. Бывшая Директриса согласилась немного потанцевать – зрелище, при виде которого дети разинули от удивления рты. Нынешний день казался полной противоположностью: сидеть во дворе «Норы» в последний раз, ждать, когда новые хозяева явятся сюда и отнимут ее навсегда – все это приводило в уныние. «Начало почти всегда подразумевает конец», – сказал утром Джеймсу отец, что не сильно успокоило мальчика.

Не в первый раз Джеймс поймал себя на том, что вновь прокручивает в памяти последний сон, увиденный им в те времена, когда у него был фантомный шрам. Сон, в котором повзрослевший Альбус передает свою палочку молодой женщине – Петре? – на кладбище, женщина вызывает Черную Метку и возвращает палочку. Естественно, ничего из этого еще не случилось, но Джеймс не мог отделаться от мысли, что это своего рода предсказание или пророчество. Табита говорила ему, что Альбус обладает большим потенциалом, и это – Джеймс чувствовал – не было пустой болтовней. Табита была уверена в своих словах. Но что все это значит? Джеймс посмотрел на брата, окутанного солнечным светом, на брата, названного в честь великого гриффиндорца и великого слизеринца и так похожего на их отца, Мальчика–Который–Выжил.

– А вот и они, – мрачно оповестила Роуз.

Джеймс проследил за направлением ее взгляда и увидел облако пыли, взметнувшееся в дальнем конце подъездной аллеи.

Все трое поднялись на ноги и отступили, глядя на приближающуюся машину. Они медленно двинулись к родителям. Гарри прищурился и поправил очки.

– В банк они приезжали на другой машине, – отметил он.

– Кому, как не вам, это подметить, господин мракоборец, – ответила Джинни.

– Наверное, здорово, – пробормотал Рон, – купить дом и новую машину за одну неделю.

– Тсс, – осадила его Гермиона, но без особого чувства.

Гарри слегка нахмурился:

– Это не совсем новая машина. Вообще-то.., – и тут его лицо озарила широкая улыбка. – Фонарик меня побери...

– Что? – Альбус встал на цыпочки и, ладонью защищая глаза от солнца, взгляделся вдаль.

Джеймс смотрел туда же. Едва машина подъехала ближе, он убедился, что она точно не новая. Правильнее сказать, очень старая, но заботливо отремонтированная. Она подпрыгивала и тряслась, двигаясь по ухабистой дороге; солнечные лучи блестели на ее хромированном капоте и в широком лобовом стекле.

– Это же «Англия»! – вскрикнула Роуз; она подпрыгивала на месте

и хлопала в ладоши. – Дедушкина «Англия»! Но как?

Гарри качал головой и улыбался. Рон, озадаченный, нахмурился, когда машина резко затормозила прямо перед ними. Дверь со стороны водителя распахнулась, и из машины выбрался человек внушительных размеров. Джеймс не сразу узнал вновь прибывшего, поскольку не успел привыкнуть к резко постаревшему лицу.

– Мерлин! – Гермиона шагнула вперед, чтобы поприветствовать гостя. – Что вы тут делаете? Где вы раздобыли автомобиль Артура?

– Рад сообщить, – ответил Мерлин, – что она продавалась вместе с домом. Адрес правильный, верно? Полагаю, я бы не столкнулся с вами на пороге какого-то другого почти проданного дома.

Рон рассмеялся.

– Думаю, адрес верный, но о чем вы говорите? Где Темплтоны?

– Радостно обсуждают покупку кондоминиума на Кенсигтон-Ноб, – ответил Мерлин, аккуратно закрывая дверцу «Англии». – После неприлично большой суммы, которую я заплатил им за этот очаровательный домишко, смею полагать, их бюджет на покупку недвижимости заметно вырос.

– «Нору» купили вы? – ахнул Джеймс; его лицо расплылось в улыбке.

– Но зачем, Мерлин? – спросил Гарри, в изумлении качая головой.

Казалось, вопрос удивил Мерлина.

– Я думал, ответ очевиден. Я еще не освоился в новом веке, и мне нужно собственное жилье. Школьные кабинеты удобны, но волшебнику с моим характером нужно место, где можно развернуться. И я пришел к выводу, что этот дом превосходно отвечает всем моим требованиям, разве что он несколько великоват. Поэтому, как я надеюсь, мне удастся убедить предыдущую владелицу остаться. Она бы могла составить мне компанию и присматривать тут за всем во время школьного года.

– Вы хотите, чтобы бабушка Уизли снова тут жила? – радостно закричала Роуз. – Ура! Как здорово!

– Вы не шутите? – спросил Рон. – Вы, правда, хотите, чтобы мама осталась тут?

Мерлин нетерпеливо мотнул головой.

– Возможно, она не откажется приготовить мне чашку чая время от времени. Я же, в свою очередь, помогу ей поддерживать это место при

помощи магии. По-моему, это взаимовыгодная сделка, как считаете?

Гермиона улыбнулась.

– Вам придется запирать Молли на чердаке, чтобы удержать ее от приготовления чая. Seriously, Мерлин, ваше предложение – лучшее, на что мы могли надеяться. Но где вы раздобыли деньги?

Мерлин заговорщически прищурился.

– Вы знали, что банк «Гринготтс» был основан более двенадцати веков назад? Удивительно, во что может превратиться скромное капиталовложение за тысячу лет. Скажем так: в ближайшее время у меня не будет недостатка в наличности.

– Вы открыли счет перед тем, как перенеслись во времени? – глаза Роуз округлились от удивления. – Гениально!

– Я волшебник, но какой от этого прок, если я не могу управлять дырами во времени ради собственной выгоды? – согласился Мерлин, отвечая на улыбку Рона.

– Тогда скорее искать бабушку и Лили! – восторженно заявил Альбус. – Пока они не совершили какую-нибудь глупость. Например, не сняли квартиру в городе! Мы сможем перевезти ее вещи сюда сегодня же, верно? Верно?

– Не вижу препятствий, – засмеялся Гарри. – Если, конечно, Мерлин согласен.

– По-другому и быть не может, – ответил тот. – Кстати, мы можем воспользоваться прелестной машиной вашего дедушки. Уверен, мы все в нее поместимся, если вы не прочь потесниться.

– В «Англии»? – запротестовал Джеймс, пока все по очереди забирались в машину. – Да мы в ней целую вечность будем добираться до города.

– Думаю, вы будете сильно удивлены, – ответил Мерлин, усаживаясь на место водителя и загадочно улыбаясь. – Все возьмитесь за что-нибудь. Будет немного трясти.

Мерлин аккуратно нажал большую кнопку на приборной доске. Толчок, треск – и по бокам от машины появились огромные, обтянутые брезентом крылья. Они раскрылись на уровне глаз Джеймса, усевшегося на заднее сиденье. Производя немало шума, крылья начали ритмично хлопать вверх-вниз.

– Они работают! – Альбус засмеялся. – Вы сделали так, что крылья

заработали! Отлично!

Медленно, в клубах поднявшейся пыли машина оторвалась от подъездной дорожки. Рон, свесившись в боковое окно, издал радостный возглас, когда Мерлин поднял фордик в воздух и направил на запад. Раздался одобрителный смех, Гермиона вскрикнула от радостного ужаса, и Мерлин вжал педаль газа в пол. Крылья загудели, машина спланировала вниз, пронеслась, подобно шмелю, через двор «Норы» и отбросила тень на гараж, растворяясь в воздухе.

На многие мили вокруг дети маглов задирали головы, пытаясь отыскать загадочный источник смеха, который, раздавшись откуда-то сверху, быстро стихал.

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

Forge (англ.) – ковать. (Здесь и далее примеч. редактора или переводчика).

2

Захвост (всеми игроками) – захват хвоста метлы соперника с целью замедления его полета или создания помехи для одного.

Выбивание (загонщиком) – удар по бладжеру в направлении публики, чтобы вызвать прекращение игры — распорядители будут вынуждены защищать зрителей. Иногда используется беспринципными игроками, дабы помешать охотнику команды-соперницы.

4

Забалт (всеми игроками) – захват метлы с целью сбить противника с курса.

Перевод – Alex_ander

Во веки веков (др. валл.).

(лат.) «Школа чародейства и волшебства Хогвартс».

Ротонда (от лат. rotundus – круглый) – большое круглое строение, напоминающее беседку, но только из камня, обычно с колоннами.

Попурри (фр. pot-pourri, мешанина) – музыкальная инструментальная пьеса, составленная из популярных мотивов других сочинений.

Myrddred – скорее всего, образовано от валлийских слов Myrdd –
тьма и Rhed – править.

Низл (в друг. переводе – жмыр) – небольшой зверек, похожий на кошку с пестрым, крапчатым или пятнистым мехом, несоразмерно крупными ушами и львиным хвостом. Низзлы довольно разумны, отличаются независимым характером, часто бывают агрессивными, но, привязавшись к волшебнику или волшебнице, становятся прекрасными домашними любимцами.

Образовано от исп. *guano* (разложившиеся естественным образом остатки помета морских птиц и летучих мышей) и аст. *mōlli* (сальса или соус).

от лат. *Artemisia* – полынь.